

Николай ПРОКУДИН

Прощай, Германия!

Николай Прокудин

**ПРОЩАЙ,
ГЕРМАНИЯ**

роман-диалогия

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2014

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

П 808

*Издание осуществлено при поддержке
Комитета по печати и взаимодействию со СМИ
Правительства Санкт-Петербурга*

Прокудин Н. Н.

П808 Прощай, Германия: роман-диалогия. – СПб.: Алетейя, 2014. – 504 с.

ISBN 978-5-91419-877-7

В романе описываются бурные события периода конца 80-х годов, начала 90-х: окончание войны в Афганистане, «демократизация», «гласность», первые выборы в парламент, трудная экономическая ситуация, череда межнациональных конфликтов, трудный армейский быт Советской армии, сложные взаимоотношения в армейской среде. Вторая часть описывает драматические события, происходившие во время вывода Советских войск из Германии, путч ГКЧП. Несмотря на описываемую сложную общественно-политическую и экономическую ситуацию в стране, книга полна оптимизма и юмора.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-91419-877-7

9 785914 198777

© Н.Н. Прокудин, 2014

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2014

Книга первая

**МЯТЕЖНЫЙ
КАПИТАН**

Пролог

*Он решил пойти на войну – и пошёл!
Он захотел узнать, что это такое – смерть – и узнал!
Он пожелал вернуться домой живым
и невредимым – и вернулся!
И никто и ничто не смогли помешать возвращению!
Это судьба или providение?
Да не возомни себя Богом!
А то окружающие подумают, что сумасшедший...*

* * *

Сколько бы ни шла война – с любой войны солдаты всегда рано или поздно возвращаются домой, по крайней мере, те, кто остался в живых. Войну нельзя полюбить, это неправильно и аморально, но к ней можно привыкнуть.

Адаптация ветеранов – сложный процесс, и всякий его переживает по-разному. Каждый солдат – жертва войны, потому как она изменяет его сознание, характер и поведение. Происходит неминуемый надлом психики, ведь рядом с тобой ежедневно чья-то смерть и чья-то кровь, а возможность безнаказанно убивать, калечить, взрывать, крушить, ломать, жечь – разрушает и извращает личность. Впоследствии кто-то легко себя находит в мирной жизни, кто-то реабилитируется тяжело и мучительно, а кто-то так и остаётся в мыслях на войне до конца своих дней, переживая вновь и вновь минувшие мгновения былых боёв, и гибель друзей ...

* * *

Эта история началась давным-давно...

...Ну, надо же, с первых слов прозы понесло в эпос! Конечно же, вру, и это обычное дело для беллетриста, ведь когда хочется написать что-то глобальное, эпохальное, для потомков, желательно на века, яркое и запоминающееся, то невольно тянет на былинный стиль! Не подумайте чего, я не такой уж и старый, считаю, что в полном

расцвете лет, а в рассказах чистая правда, ну, может, лишь чуток привираю...

Ладно, уточняя: описываемые события происходили не так чтобы очень давно, всего-то в прошлом веке. И пусть прошлый век завершился чуть больше десяти лет назад, но до чего же чертовски красиво звучит – события происходили в прошлом веке!!! И каюсь, порою хочется показаться моим читателям таким долго прожившим и многое повидавшим седым ветераном, ну а раз пишешь, что в прошлом веке, то и повествование принимает вид некоторого историзма. Я ведь действительно, не отказался бы (а какой автор об этом не мечтает?), чтобы роман вошёл в историю литературы.

Так вот, повторяюсь, рассказываю вам, чистейшую правду, хотя события могут показаться неправдоподобными и невероятными. Читатель со скептическим складом ума скажет – сплошные выдумки, мол, враки, так не бывает, не может один человек везде побывать, многое повидать и во все неприятности вляпаться! Эх, бывает, да ещё как бывает! Знал я парочку таких индивидуумов, которые способны были на такие проделки, ведь и сам невольно попадаю в «истории», причём частенько, словно меня магнитом тянет на «подвиги». Большинство людей, сидят себе тихо и мирно по квартиркам, живут-поживают и добра наживают, и их жизнь умещается в три строчки биографии: родился, учился, работал, умер, и не отыщешь о нём упоминания в архивных справках: ни с фонарем, ни с лупой, ни с микроскопом. А бывают неугомонные: и во всё-то и им нужно влезть, до всего-то им есть дело, этикие вечные правдолюбы и правдоискатели. И чего им не сидится на месте? Станный вопрос – таков характер! По-иному они не могут, иначе им жизнь скучна! Именно эти экземпляры постоянно вляпываются во всевозможные истории. Ведь знает, чертяка, что лучше смолчать в тряпочку и не перечить начальству, но нет же, обязательно вставит своё словечко – как же – не обойдутся без его мудрого совета! И если где-то происходит «заварушка», то вместо того, чтобы сидеть дома с женой у телевизора или у радиоприемника, получать информацию от диктора, этому деятелю надо непременно воочию убедиться, а еще лучше непосредственно поучаствовать, чтобы потом спустя годы нравоучительно друзьям и домочадцам говорить: «И я там был! Всё верно! Происходило именно так, а не по-другому, или наоборот заявить – лукавят политики и врут журналисты. Ведь я участвовал – знаю! Я – очевидец!»

Эх, вы, равнодушные, неугомонные, неуёмные...

Глава 1. Прощание с войной

В этой главе читатель знакомится с героем книги и переживает последние дни его пребывания на войне.

С чего бы начать? Пора нам как-то идентифицировать главного героя книги дать ему имя и фамилию, а то как-то обезличенно: герой, да герой, ведь, по бумагам он никакой не Герой Советского Союза. Он обычный ветеран странной и бессмысленной войны, с переломанной судьбой, каких было десятки тысяч, но он мне симпатичен. А раз он герой моего нового романа, то я как автор дам ему красивое имя. Например, пусть он будет Эдуардом или для друзей – Эдиком.

А какую прописать ему в документах фамилию? Обычную? Типа Смирнов? Можно, ведь эта фамилия самая распространённая в смиренной России. Ой, нет, стоп, что я делаю?! (Смирновы – без обид!) Нет, не может главный, да к тому же ещё и героический персонаж, носить такую тихую и скромную фамилию, нелепо храбрцу зваться Смирнов или Сюськин, Тютькин, Путькин... Настоящая героическая фамилия должна звучать гордо и громко: Колоколов! Рокотов! Громов! Или Громобоев! Звучит? Конечно, звучит! Значит, быть ему Громобоевым! Прочие персонажи книги – это его сослуживцы, друзья, недруги, родственники и просто встречные или прохожие, случайные люди.

Итак, краткая биографическая справка главного героя. Родился наш Эдуард Громобоев в шестидесятые годы прошлого века, учился в одной школе, потом в другой, затем вновь учился в военном училище и стал офицером. Тогда наша большая держава вела малую войну в небольшой горно-пустынной стране под названием Афганистан. Огромная стотысячная Советская армия, совместно с афганской армией, уже несколько лет безуспешно сражалась с многочисленным повстанческим войском (в официальных документах и в прессе называемыми душманами – врагами, а во всем мире их называли повстанцами-«моджахедами»). Ввязались в чужую гражданскую войну. Сражения были тяжелыми, кровопролитными и без особой надежды на окончательный успех. Тысячи и тысячи солдат и офицеров погибли, и десятки тысяч были ранены и искалечены в ходе боёв, много горя жителям обеих стран, принесла эта война...

Если кратко описать его – то выглядел он примерно так: вполне обычный и ничем не примечательный молодой человек, не красавчик, и тем более никакой не супермен. Чуть выше среднего роста, примерно около метр восьмидесяти, спортивного телосложения, тёмно-русый, сероглазый, типичный русак. Офицер. Романтик и непоседа, искатель приключений, часто на собственную задницу, естественно, не мог не отправиться в Афганистан повоевать. Сам напросился. Служил в горных стрелках: сначала командиром взвода, затем секретарём комитета ВЛКСМ полка.

Кто не застал те времена и родился позже – поясню, была такая общественно-политическая организация, которая называлась комсомол. Вот нашего Эдика и «избрали», вернее сказать – назначили возглавлять комсомольцев в мотострелковом (а по-простонародному – в мотострелецком) полку. Должность эту ему предложили после того, как он получил ранение и контузию и заслужил свой первый орден, а затем представили к медали.

Однако ковыряться в бумажках Эдуард ужас как не любил, и постоянно выходил (сбегал) на боевые задания, то с разведывательной ротой, то с саперами. Поэтому вскоре, на одной из операций вновь получил контузию и тепловой удар, и начальство, хочешь – не хочешь, а вынуждено было направить представление ко второму ордену. Но так как рутинная должностная, бумажная работа была безнадежно запущена, да и поставку начальству девочек, работниц-комсомолок с торгово-закупочной базы капитан Громобоев не обеспечивал, то терпение полкового партийно-политического руководства скоро лопнуло, то вскоре Эдика отправили на повышение замполитом горно-стрелкового батальона.

Поясню для молодёжи, была давно и такая должность в войсках, заместитель командира батальона по политической части, а сокращенно – замполит. Упрощенное наименование своей должности, Эдику не нравилось – было в ней что-то сродни клички или прозвища. Чем именно он должен был заниматься в батальоне, бывший строевой офицер Громобоев толком не знал, поэтому просто слонялся из роты в роту, болтал в курилке с солдатами, травил анекдоты в канцелярии с офицерами, пил чай в каптерках со старшинами.

Ну, и конечно, повоевать Эдуард никогда не отказывался, от выходов на боевые действия не отлынивал, и сам лез в каждую заварушку. В общем – «сорвиголова»! Только за это комбат его и терпел. Так и говорил: из всех четверых моих замполитов, хоть один попался

боевой, пусть и не настоящий, а свежее выращенный из командиров, ну да ладно... Вскоре за боевые заслуги и храбрость его решили даже сделать Героем Советского Союза, причём дважды пытались, да не вышло, тогда комдив лично послал наградной на третий орден.

Тут подоспела замена домой – отмеренные сроком службы два года завершились.

Казалось бы, карьера складывалась удачно (пять лет службы – и уже почти майор!) на зависть многим, но с ним приключилась романтическая история, как раз под замену, наш капитан возьми, да и подженись... Поздней осенью во время рейда по Баграмской зеленке Эдика контузило, а заодно и нашпиговало осколками. Вначале он попал в медсанбат, а затем был отправлен в госпиталь в Кабул. Хирург вынул десяток мелких осколков, которые впились в мягкие ткани от кисти до предплечья, да десяток ещё более мелких так и остались не извлечёнными (да простят меня дамы за это уточнение), из ягодич. Ранение было результатом подрыва на противопехотной мине, но капитану повезло, основные осколки приняли на себя два бойца сапёра, вот их-то нашпиговало крепко, усеяло ранами с ног до головы, ни один, ни другой в полк уже не вернулся. Чудо, что Громобоев в момент подрыва стоял к ним спиной, а повернись он на секунду раньше к ним передом? И куда бы все это железо влетело? Вот именно – туда! Эдик так радовался сохранившемуся хозяйству, что отлюбил почти всех медсестёр, которые были хороши собой и не противились возможности развлечься.

Ближе к выписке он и познакомился с очередной пассией, с новенькой медсестрой на отделении – с зеленоглазой блондинкой Ириной. Легкая ночная интрижка вскоре переросла в бурный роман. Эдик выздоровел, но умудрился проваляться в госпитале ещё пару недель. Как говорится, завёл себе ППЖ (походно-полевую жену).

После выздоровления Громобоев ещё не раз посещал свою пассию в госпитале: то проездом в колонне, то специально делая крюк, возвращаясь из рейда, а то и самовольно пересекал ночной Кабул, заскакивал на ночь. Время шло, и перед самой заменой его контузило, да так основательно, что неделю заикался и в глазах двоилось. Капитан опять попал в знакомый госпиталь, но, увы, Ирину накануне по замене перевели в Ташкент.

Тогда Эдик уговорил начмеда отправить долечивать неудачливую голову в глубокий тыл, в окружной госпиталь, всё равно до окончания

срока службы в Афганистане оставался как раз последний месяц. В Ташкенте роман возобновился с новой силой, и любовная страсть поглотила Громобоева целиком. И хотя пассия была старше на пять лет, имела ребёнка, а самого Эдуарда дома ждала жена Ольга, и миленькая только родившаяся дочь, Ксения, эти обстоятельства развитию отношений не помешали, и от совершения необдуманных поступков не остановили. Ага, остановишь его, ведь эта чертовка в постели была страстной и изобретательной, как говорится: на всё руки мастерица. Вернее сказать, как раз совсем и не на руки. Видимо, Ирка провела бурную молодость, чем и нажила богатый жизненный опыт. Период восстановления после контузии пролетел как один день и в основном – в постели, можно отпраиваться в отпуск по болезни домой, но наш Ромео, увы, так и остался в Ташкенте.

А потом настал июль месяц – месяц замены. После госпиталя пришлось на некоторое время вернуться в часть для сдачи дел и финансового расчёта. За полгода до срока кадровик предложил выбрать два округа для предстоящей замены и Эдик себе выбрал неплохое место. Заменщик уже ждал его в полку, и оставалось только побыстрее сдать дела.

* * *

Провожали домой Эдика пристойно и даже торжественно: вначале официальная часть в клубе, после совещания у командира полка, где ему наговорили много теплых слов (ведь награды он заслужил в боях, а не на «паркетe»). Так как воевал Громобоев честно, местное население не грабил, не мародёрничал, и у своих подчинённых тоже не воровал, но и кутнуть любил, потому добра не нажил и возвращался на Родину почти с пустыми руками.

...Ночь накануне отъезда домой была беспокойной, «духи» активно и не прицельно стреляли по Кабулу и выпустили примерно сотню «ЭРэСов», которые в беспорядке падали с завыванием на затаившийся во мраке большой средневековый город, раскинувшийся в котловине между горных хребтов. Взрывы в ночи раздавались то тут, то там, но Громобоев продолжал спокойно выпивать с друзьями в каптерке, ни он, ни собутыльники даже не подумали бежать прятаться в щель, вырытую между казармами-модулями, как это сделали штабные и молодые сменщики, только прибывшие из Союза. Мальчишество, конечно, ведь несколько реактивных снарядов рухнули в районе полковых складов, парочка упала на позициях зенитчиков, а один

и вовсе неподалёку, в районе полкового плаца. Особенно глупо погибнуть в ночь перед заменой домой, но капитан упал бы в своих собственных глазах, ведь два года, когда в перерывах между операциями батальон возвращался на базу, он никогда не прятался от обстрелов в окопчике, а продолжал спокойно спать в комнате на своей койке. Да и каску с бронником ни в горы, ни в зелёнку Эдик никогда не брал, и на марше, сидя на БМП не надевал, а слепо верил в счастливую судьбу и удачу. Гусарская бравада? Ну да, конечно, но что поделать, такой характер!

Короче говоря, улизнуть в укрытие не подумал никто из ветеранов, да и разве можно оставить хорошее застолье? Прощальный банкет готовился тщательно: незадолго перед ужином прапорщик Гонза метнулся на склад и затарился дефицитной закуской, да и сам виновник торжества кое-что прикупил в полковом «дुकане». Закадычный друг Афоня накануне заказал патрулю купить четыре литровых бутылки водки и две бутылки коньяка, их доставили прямо к столу – провожать уважаемого человека надо было соответственно, чтоб не бегать среди ночи по комнатам в поисках добавки.

После отбоя в каптёрке первой роты собрались приглашённые, из ещё оставшихся в строю друзей. Это были офицеры и прапорщики: Хмурый, Марабу, Афоня, Шерстюченко, Бершатский, Буланых, Тарбеев, Халипов, Гонза, да вернувшийся из госпиталя по пути домой батальонный разведчик Монастырский, и захавший в полк на пару дней. Пустой рукав гимнастёрки лейтенанта напоминал каждому о том, что смерть ходит где-то рядом. До чего же не повезло парню – первый рейд в зелёнку (он сменил погибшего предшественника) и крупный осколок разорвавшегося выстрела безоткатного орудия оторвал правую руку почти по самое плечо. Сейчас разведчик время от времени морщился (свежая рана побаливала) и через силу шутил: стакан, пистолет и ручку держать могу, поэтому обещали оставить в армии...

Свободного места на сдвинутых вплотную двух столах не было ни сантиметра: откупоренные банки шпрот, кильки, бычки в томате, лосось, маринованные огурчики и перец, помидоры в собственном соку, тушёнка, компот из персиков, баночки голландского шипучего лимонада “Si-Si”. Открытые бутылки маскировались под столом, закрытые в сейфе – антиалкогольная компания в разгаре! Бершатский приготовил фирменное блюдо: голубцы в виноградных листьях.

Баб звать не стали, не тот день. И нового комбата к столу тоже не пригласили – недостойн. Моложавый майор был глуповат и ужасно не фартовый, при нём за три месяца батальон потерял уже шестнадцать человек убитыми и более пятидесяти ранеными! А при его предшественнике таких потерь и за целый год не понесли...

Тесно было не только на столах, но и вокруг – табуретки и стулья стояли впритык. Дежурному по роте сержанту-таджику велели попусту командиров не беспокоить, все вопросы решать с молодым лейтенантом-взводным, только прибывшим из Союза, накрепко закрылись – мало ли, вдруг парторг и пропагандист пойдут в антиалкогольный обход!

Поначалу проводы как всегда шли организованно – распорядителем выступал Шерстюченко, и Эдик внезапно взревновал его к своему батальону, хотя сам его рекомендовал командованию на своё место.

– Предлагаю тост за Эдурда Громобоева – будущего начальника Главного политического управления Советской Армии! – провозгласил тост Марабу.

– Спасибо, Санёк! Красиво, заманчиво, но не реализуемо, – улыбнулся Эдик. – Моё место здесь в окопах, а там я скорее всего буду лишним. Таких оболтусов и разгильдяев как я так высоко не пропустят...

Первые полчаса произносили красивые и складные тосты по очереди, по старшинству, потом закурили, зашумели, начался бардак. Старшина врубил магнитофон "Sharp" из которого полились отечественные хиты: «Лаванда», «Две звезды», «Есаул», «Казацкая»...

Хозяин каптерки прапорщик-азербайджанец, выпив несколько рюмок коньяка, расчувствовался, разговорился и напомнил Эдику, как он спас ему жизнь прошлой осенью. Этому говорливому и хвастливому Халипову, капитан Громобоев действительно был обязан жизнью. В октябре Рамзан единственный раз за год пошёл на боевую операцию. Напросился. Сумел уговорить молодого на тот момент (прежний погиб) командира роты Александра, по кличке Марабу, взять с собой в рейд. Халилов покинул каптёрку и, по его словам, оправился в поход за медалью. Опасаясь за свою драгоценную жизнь, нацепил на себя тяжёлый бронезилет и обшитую камуфляжем каску, чем вызвал многочисленные насмешки офицеров. Однако же старшина не оплошал и действительно пригодился: оказался в нужном месте и в нужное время...

...Дивизия проводила массированную зачистку местности в районе Мирбачакота: минировали местность, взрывали развалины, ломали дувалы, давили виноградники, задымляли колодцы-кяризы. Внезапно взвод саперов попал в засаду и был расстрелян мятежниками почти в упор из укрытий. Первая рота находилась рядом на отдыхе, и бросилась их спасать, а Эдик как старший от батальона побежал в «зелёнку» вместе с ними.

Почти сразу завязался жёстокий скоротечный бой. Громобоев укрывшись за большим деревом, пытался подавить огневую точку за арыком, как вдруг, позади, раздалась короткая очередь, и две пули впились в ствол ореха в считанных сантиметрах над головой. Эдуард обернулся и в груди похолодело. В двадцати шагах позади, раскинувшись в пыли, валялся мёртвый афганец. К убитому душману (выглядело это забавно, если бы не обстоятельства), то ползком, то вприсядку, то на четвереньках, подбирался старшина и что-то громко завывая, кричал на родном языке. Капитан выпустил ещё несколько очередей в сторону мятежников, опустошил весь магазин, и лишь потом подбежал к поверженному противнику. Он склонился над трупом, внимательно посмотрел на поверженного врага. Убитый лежал в луже крови, три пули в груди и в животе навывлет, и был совсем мальчишка, лет тринадцати-четырнадцати, не больше, ему бы в школу ходить, да в футбол играть, а не воевать. Одной рукой безбородый «моджахед» всё ещё крепко сжимал автомат за цевьё, вторая рука была неестественно заломлена за спину.

Старшина стоял рядом, трясся всем телом, цокал языком и бормотал что-то невнятное. Затем чуть успокоившись, снял каску с головы и вытер пот со лба.

– Я не знал! – воскликнул Рамзан громко. – Стрельнул – он упал!

– Что ты не знал? – спросил командир роты.

– Не видел, что это малчик!

– Рамзан, все правильно! Ты спас замкомбата! Благодаря твоим метким попаданиям он стрелял в капитана уже убитым!

В груди Эдика похолодело: он понял и отчётливо представил – а ведь верно, ещё доля секунды и было бы поздно, душман расстрелял бы его в упор! Гибель была неминуема!

– Малчик! Сапсэм малчик! – охал, не переставая переживать старшина.

– Не убей ты его, тогда бы он убил Эдуарда! Виноват, товарища капитана Громобоева! – выкрикнул ротный. – А потом и тебя тоже грохнул бы, ни на секунду не задумываясь!

Командир роты разжал пальцы подростка, забрал китайский АК-47, срезал нагрудник с магазинами и гранатами, протянул Громобоеву. Эдик отрицательно покачал головой.

– Нет, пусть старшина себе забирает, это его трофей. Спасибо, Халилыч!

В тот день рота с большим трудом выбралась из огневого мешка – спас положение комбат танкового батальона, лично пробившись к ним на танке. Потеряв ранеными несколько человек (один солдат позже в госпитале умер от ран), прорвались к своим позициям.

По возвращению в полк, старшина повесил трофейный окровавленный «лифчик» в каптерке над столом и при случае хвастался перед друзьями прапорщиками, как он спас заместителя командира батальона. Через полгода Рамзан получил свою заслуженную медаль «За отвагу», а в рейды предпочитал больше не ходить и заниматься имущественными проблемами роты...

Громобоев довольно быстро захмелел, потерял нить разговора, хоть и пытался думать, но получалось плохо, поэтому он, то глуповато улыбался, то внезапно грустил и вытирал ладонью набегавшую слезу.

– Да, повезло тебе Эдик! Столько боёв и передраг, но выжил, – хлопнул по плечу ветерана начальник штаба батальона Тарбеев. – Поделись удачей!

– А ты в момент опасности плюй три раза по три раза через левое плечо, соблюдай нехитрые правила: не ходить в рейд перед отпуском и перед заменой, перед выходом на боевые не пей, и не ставь прививки в санчасти – тогда точно не заболеешь. И ещё у меня всегда был со мной амулет – на шее на цепочке личный номер. (Эдуард вынул номерок из-за пазухи и продемонстрировал друзьям.) Один раз его забыл и чуть не погиб!

– Чуть – не считается! – хмыкнул Афоня. – Но как можно забыть свой талисман?

– Да так вот! Накануне выхода на боевые в Баграмскую зелёнку драл я одну симпатичную «козу» – кладовщицу с торговой базы, а ей мой амулет всё время по носу стучал. Попросила убрать, мол, отвлекает и мешает получать удовольствие – я и снял. А потом, когда на следующий день в кишлаке по нам минами долбанули, и осколки вокруг кучно засвистели, я рукой хвать грудь – а там под тельняшкой пустота – нет номерка! Ну, думаю, Эдик, тут твоя смерть и пришла... Один осколок размером с половину ладони возле головы в дувал

врезался, чуть башку мне не разможил, я его потом еле-еле финкой из глины выковырял. Так вот едва-едва от меня удача не отвернулась. Чудеса, но опять повезло...

Приглашённые на проводы командиры чуть притихли, но выслушав рассказ, вновь загомонили, сдвинули стаканы, разлили спиртное и выпили за удачу. Несколько секунд помолчали, размышляя, но вскоре вновь вразнобой зашумели, заговорили. Вспоминали бои, забавные истории, хвалились подвигами. Как смогли, нестройно спели пару песен. Дойдя до нужной кондиции, друзья-приятели расползлись по комнатам примерно часа в три ночи. Проводы удались...

* * *

Раскалённое солнце, стоявшее в зените, прожаривало сухой кабульский воздух и свирепо обжигало лучами людей, не сумевших найти себе укрытие. Время от времени порывы ветра швыряли пыль, и даже мелкие камешки, словно шрапнель в лицо, и всюду проникающий мелкий песок хрустел на зубах.

Кабульский аэродром вблизи «Теплого стана» жил своей бурной и шумной боевой жизнью. Ежеминутно взлетали на бомбежку парами штурмовики «Грачи», через некоторое время, опустошив боезапас, уцелевшие возвращались на базу, вереницы вертушек уносили взвода и роты на очередную операцию в горы, в сторону Пагмана, а четверки «крокодилов» с километровой высоты, поливая «нурсами» горные хребты, как могли, прикрывали группы десантирующихся.

Горнострелковый полк рано утром ушёл на выполнение задачи, в батальоне остались лишь больные и выздоравливающие. Всё шло обыденно, и как говорится во французской поговорке: на войне как на войне! Одним предписано идти в рейд, других везут в госпиталь, а третьих уже упаковывают в «цинки». А самые счастливики едут домой: в отпуск или по замене.

Эдуард прищурившись, неприязненно посмотрел на высокогорные ледники – сколько сил и здоровья оставил там! Величавые заснеженные горные вершины застывшие вокруг древнего города, были равнодушны к суетящимся у подножья людям. Да и стены древнего Кабула видели очень многое и если бы могли говорить, то поведали бы о набегах кочевников, о нашествии войска Александра Македонского, вторжения английских экспедиционных корпусов...

Капитан Громобоев с грустью на сердце прощался с друзьями на краю «взлётки», нынче он возвращался домой – два года непрерывной

войны успешно завершились. И хотя слегка был ранен, немного контужен, чуть подморожен зимой на высокогорном леднике и хорошенько прогрет на солнцепёке, но без увечий для здоровья и главное дело – живой. А могло быть гораздо хуже, за время боев он потерял несколько друзей: двух командиров рот, начальника штаба, взводного-сапёра, батальонного разведчика, замполита роты...

Провожающие то хмурились, то улыбались, и расставались с другом явно с неохотой. Старший лейтенант Сашка Афанасьев и прапорщик Вадик Гонза с нескрываемой завистью смотрели на уезжающего, им тоже хотелось домой, однако бодрились, громко болтали, смеялись и много пили. Дружная компания, покачиваясь на нетвердых ногах (ведь после вчерашнего возлияния, они добавили добрую новую порцию напитков), стояла полукругом возле капога запыленного «Уазика», превращенного в стол.

Импровизированный «достархан» был застелен основательно заляпанной жиром газетой «Правда», уставлен стаканами, открытыми банками рыбных консервов и тушёнки, а в алюминиевой солдатской тарелке лежали недоеденные вчерашние голубцы в виноградных листьях.

Вылет «борта» откладывался уже несколько раз и задерживался дольше четырёх часов. Пузатую громадину «Ил-76» неспешно грузили чьим-то добром, поэтому пассажиров не подпускали и держали на удалении. Приятели допивали бутылку «Аралата» и сожалели об отсутствии второй.

– Я же говорил, что будет маловато – этим не опохмелимся! – возмутился красавчик Вадик. Этот кудрявый и голубоглазый прапорщик был грозой женского модуля, обитательницы которого сдавались ему почти без боя и чаще всего «за так». И на халяву выпить он был тоже не дурак. – Надо было купить ещё одну...

– Так и купил бы! В чём проблема? Болтался целый час неизвестно где!

– Я бойцу помогал! – парировал упрёк Гонза. – Смотрю, стоит неприкаянный солдат на обочине, грустит. Жалко стало, спросил в чём дело. Оказалось наш, однополчанин, с заставы из третьего батальона. Вылечился после желтухи, за ним не приехали, а из госпиталя выписали, ему тыловые крысы сказали: иди и жди старшего. А этот старший где-то загулял. Может запил? Боец с утра стоял и не знал, куда ему приткнуться. Я его на полутку до Суруби посадил, а то не ровен час ещё пропадёт.

– Молодец! Хвалю за гуманизм. Но для нас почему всего бутылку одну взял? – недоумевал и одновременно возмущался Афанасьев, широко улыбаясь и демонстрируя два ряда ровных и красивых зубов. – Пошлешь дурака за бутылкой – он одну и возьмёт...

Улыбчивый русоволосый старший лейтенант был почти двухметровым крепышом. Широкоплечий, длиннорукий, неуклюжий, похожий на медведя, однако добряк, просто так мухи не обидит. Со стороны Афоня казался богатырём, сошедшим с картины о русских былинах. Обычный гранёный стакан в его ладони размером с лопату был едва виден, и больше походил на рюмку. Сейчас Сашка с сожалением смотрел на быстро пустеющую ёмкость и тяжело вздыхал.

– Сам дурак! Проблема в деньгах! – огрызнулся прапорщик после короткой паузы вызванной пережёвыванием большого куска мяса. – Дали мне двадцать чеков, на бутылку, я и взял одну, а не поспешили бы, не пожадничали – купил бы две или три.

– А свои добавить – слабо?

– Я же говорил, я – пуст! Ей-ей, не вру! – Гонза продемонстрировал отсутствие финансов, вывернув наружу карманы. – Чеки с полочки в медсанбате спустил с командиром артдивизиона, славно покутили с медсестричками за неделю лечения. Не попади я тогда на выходе с задачи в засаду – мы сейчас были бы в шоколаде! Который день клянусь последними словами – это надо же такая удача привалила – взял кассу банды! И всё бездарно прошляпил! И нет бы, сразу дать ходу из кишлака – решил ещё и боевые трофеи взять – погнался за орденом! И на хрен мне был тот сраный ДШК? Он нам не мешал, «духи» нас не видели, но, я же, як дурко, велел бойцам меня прикрыть, и полез забрасывать расчет пулемёта гранатами. Представляете, пополз с полным мешком пайсы!

– Эдик, он решил вместо тебя, героем стать! Хотел получить «Звезду Героя» посмертно?

– Ага, захотел второй орденом...

– Конечно, получишь. Теперь дадут за ранение, в жопу – улыбнулся Афоня. – Полный мешок, говоришь... наверняка, врешь... Поди, нашел лишь горсть мятых «афошек», а трёпа на миллион!

– Первое, что я хочу сказать – ранение не в жопу, а в бедро! Второе. Миллион там был и не меньше! Ей-ей не вру! Подполз поближе, две гранаты швырнул, и вроде двоих из расчета пулемёта завалил, а охранение с двух стволов как по мне долбанёт! Я распластался как медуза, в землю вжимаюсь, пыль глотаю, молюсь Богу, прощаюсь

с жизнью. Духам меня не видно, но вещмешок над землей торчит, словно мишень. По нему они и жажнули, очередь прошла рюкзак и порвала в клочья, смотрю – вокруг бумага летает, меня демаскирует. Я про ту «пайсу» и думать забыл, жизнь дороже, стянул с себя, отшвырнул его подальше...

– Ай, молодец! Дал ему на один рейд поносить счастливый лифчик-разгрузку на удачу, новый мешок, новый горник, новый маскхалат и что в итоге? Где всё вещи? Пошло прахом, ни одной военной штотки у меня не осталось на память о войне...

Симпатыга Гонза насупился и покраснел.

– Хватит уже укорять, и так стыдно. Только и думать мне было про горный костюм в мешке. Но если б даже и вспомнил, то честное слово, деньги кинул бы, пропади они пропадом, а горник твой даже под пулями забрал бы...

– Да ладно, я не со зла... Ладно горный костюм и мешок, а где мой лифчик?

– В госпитале спёрли вместе с маскировочным халатом. Кстати, твой маскхалат мне жизнь спас, я слился с травой, пуля лишь чиркнула, а в хэбэшке меня б точно доби́ли...

– Я ж говорю, ловлю на слове! Ты мой должник! – Громобоев хлопнул Вадима по плечу. – С тебя магарыч, готовь цистерну самогона!

– Приедешь в Жмеринку, налью! Короче говоря, отполз я в сторону, а духи по-прежнему лупят в тот мешок из всех стволов. Наверняка потом когда нашли денежные клочки – переживали! И вот, когда я почти отполз к разведчикам, духи долбанули из гранатомета по дувалу, стена рухнула – меня и присыпало. Хорошо бойцы сразу откопали! Легко отделался, бедро зажило быстро, голова пару дней поболела, лишь немного поблевал. Тебе-то в прошлый раз Эдик, досталось тяжелее, но теперь мы на равных, оба с контуженой башкой, я гол как сокол, и ты не богаче. Так что зря вы насмехаетесь – я не жадничаю. Пайсы – нет...

– Да ладно, уймись, замаяли..., – Афона прервал загоревавшего о пропажах прапорщика, резко сменил ход разговора, и перешёл на любимую тему: – Кстати, Эдик, ты ведь одним бортом с Викой летишь?

– И что?

– Согрей её в воздухе, там ведь холодно, а она девушка хрупкая, южная...

– Что же сам не обогрел?

– Я пытался, да обломился. Эх, таких как я невезучих дураков – поискать надо...

– В смысле? – заинтересовался Эдик. Хмель ударил в голову, а после выпитой бутылки разговоры о бабах – любимая тема компании мужчин, особенно если женщины – в дефиците.

Афоня быстро разлил по стаканам остатки содержимого бутылки и похвалил сам себя.

– Смотрите-ка, глаз – алмаз! – офицер поднял стаканы на уровень глаз и удовлетворённо цокнул языком. – Так вот, год назад, когда она только приехала в наш славный боевой полчок, я к ней приценился, примерился, решил объездить. Обожаю воронежских девчат, красавицы как на подбор, не зря в народе говорят, что Екатерина Вторая туда всех проституток ссылала, а шлюхи как известно, в основном красотки.

– Да не тяни ты kota за хвост, ближе к делу, – оборвал Вадик долгие разглагольствования друга.

– Я и так иду к телу! Заманил её как-то музыку послушать, коньячку пригубить, соседа специально выгнал на ночь в казарму спать, думал напою быстренько девицу и овладею. Оказалось – она пьёт не хуже меня. Весь запас мой выдула, потом давай на столе танцевать, еле-еле в койку завалил и раздел! Лапаю её везде, целую. Она целуется, но трусы никак не стянуть – не дается и всё тут! Хотел уже порвать и силу применить, и тут звук сирены. Тревога! Я этой заразе говорю: лежи смирно, жди меня и я вернусь...

– Только очень жди... – хохотнул Эдик.

– Дождалась? – подмигнул прапорщик, прищурив хитрый и бесстыжий глаз небесно-голубого цвета.

– Дверь запер на ключ, помчался на плац, затем в штаб, а это ложная тревога: дежурный нечаянно нажал на кнопку. Прибегаю назад – в комнате уже никого нет!

– Дверь высадила? – улыбнулся Эдик.

– Окно открыла, нашла снятую оконную ручку под столом! Оделась, чмокнула напомаженными губами зеркало на прощанье и сбежала.

– И каково было самочувствие? Кончил во сне?

– Циники!

– Мы лирики!

– Смейся Громобоев! Я посмотрю на твои успехи, теперь твоя очередь пытаться...

Друзья чокнулись стаканами, пригубили крепкого напитка.

– А я и не буду пытаться, меня в Ташкенте ждут...

– Наслышан... – буркнул Вадик. – Но одно другому не мешает. Оторвись за нас двоих на полную катушку! Всех красоток подряд отлюби! Слышь, Афоня! А ведь он и взаправду не станет драть Вику, даже если ему даст! Зажравшаяся ты скотина, Эдуард! Мы тут на голодном пайке, а он харчи перебирает...

– Вадик, не нервничай и не дёргайся! – одёрнул друга капитан. – Врачи верно поставили диагноз, хорошо тебя контузило, явно не симулировал. Ишь, как тебя сразу затрясло от злости. Эх, хорошо сидим, жалко только то, что коньяк заканчивается...

– Ну, да не беда, ничего страшного, если что – сгоняет ещё раз в дуكان, не развалится, отсыплю ему мелочи, – пьяно ухмыльнулся Сашка. – Чует моё сердце – сегодня Громобоев никуда не улетит. Рановато ты решил нас покинуть, брат.

– Да пошёл ты! Чтоб тебе в своё время рейс отменили! Не каркай – один хрен улечу! Барахлишко начальства погрузят, потом и мы грешные пойдём на посадку. А если честно – не хочу улетать! Что я там буду делать? Отвык я от России. Как там жить? Не представляю...

– Не дури! Живи как все: ходи в кино, в кабаки, баб трахай... – Афанасьев не рассчитывая силы, от души хлопнул Эдика по плечу и Громобоев со стоном потер место ушиба.

– Но, ты, полегче! Громила безмозглый!

– Завидую я тебе, Эдик! Мочи нет – домой хочу! Как приеду – сразу женюсь! Такая восхитительная девица у меня на примете в Одессе. До чего же я её здорово отлюбил на ступенях подвала ресторана! Девчонка – супер! Представьте портрет: блондинка, зеленые глаза, осиная талия, стройные ножки от ушей, словно Дюймовочка из сказки! Двадцать восемь лет, но тело девочки! Двое детей, но это пустяки. Громобоев, ты будешь моим свидетелем?

– Если перестанешь колотить меня по плечу и бокам, попытаюсь от восторга сломать мне кости. Как же... женится он... Да ведь ты после каждой командировки объявляешь, что женишься и всякая шалава у тебя – классная девка! Уймись!

– Нет, в этот раз «железобетонно» женюсь, пора остепениться. Поверь мне, ох, какая она сладкая и хорошенькая! Зовут её Оксана. Ждёт меня к осени – приеду и женюсь! Ах, моя Оксаночка! Родителям я уже сказал...

– Обязательно засвидетельствую твой брак! – пообещал капитан. – Да хоть с ведьмой, мне то что! Только свою непутёвую башку под пули больше не подставляй!

Афоня обнял друга, чмокнул пьяно в ухо и вытряс в раскрытый рот последние капли из стакана.

– И меня тоже в гости жди, через полгода приеду! Примешь? Хочу Питер посмотреть, ни разу в нём не был, – прапорщик Гонза затащился сигареткой и закашлялся.

– Сколько раз говорить – не кури! – Эдик выхватил окурочек у приятеля и отбросил в сторону. – Твоя простреленная грудь с прошлого года ещё не зажила толком. В лёгких дырка – хрипишь – опять сляжешь...

– Ты что творишь! Целую сигарету выкинул... – обиделся прапорщик. – Кто тебя просил?

– Тебе доктор запретил смолить!

– Жить вообще вредно, особенно здесь в Афгане, – отмахнулся Вадим. – Скоро следующий рейд и мы с Афоней уже будем считаться выздоровевшими. Говорят, пойдем, чесать «зелёнку» возле Джабаль-Усараджа, заставы разблокировать..., а ты говоришь курить вредно... Эдуард, ты как тот палач, что приговорённому отказывает на эшафоте в последней затяжке, мол, бросай курить – вредно для здоровья...

Друзья рассмеялись. Сашка тем временем зацепил ложкой половину содержимого банки тушёнки и забросил в пасть.

– Ну, чисто крокодил! – покачал головой Вадик. – Настоящая яма желудка! На тебя ни выпивки, ни закуски не напасёшься.

– Не жадничай, ты не на складе! Под твоим взглядом кусок в горле застрянет! Эх, ещё бы по стакану опрокинуть! За классного парня Эдика, которого не испортила звездная карьера! Надеюсь, Громобоев, у тебя всё будет хорошо, и даже замечательно!

– Спасибо братцы! Я без вас буду скучать! Честное слово! Надоест – вернусь!

– Офигел? Не навоевался? Вернётся он, герой хренов! – разозлился прапорщик Гонза. – Куда? Зачем? Два раза в одну воду не войдёшь! Лучше уж мы к тебе поскорее в гости приедем!

– Куда это ко мне? Мне и жить-то негде... К жене не вернусь, уже решено...

– На, держи. Пользуйся! – Афанасьев вложил в ладонь Громобоева три ключа на брелоке. – Это от квартиры моего дядьки, он на север завербовался примерно года на три. Поживёшь до зимы, а там будет видно.

Эдик благодарно обнял друг и крепко стиснул ему плечи.

– Да будет тебе! А то тоже расчувствуюсь... Один ключ от квартиры, второй от «предбанника», третий от гаража. Разберешься что к чему, а как приеду – вернёшь.

- Спасибо, брат, выручил, а то в гостиницах жить дорого, да и уютно.
- Ерунда, сочтемся, ведь за тобой участие в моей свадьбе!
- Замётано!
- Живи, но не свинячь, дядька у меня строгий. Веди себя прилично: мусор выноси регулярно, презервативы не разбрасывай, пустые бутылки не складируй, посуду мыть не забывай – не плоди тараканов. Главное мимо унитаза не блюй!
- Когда это было? Кто сказал? Ты видел? Я никогда не блевал мимо!
- Мимо окна не мажешь – это я подтверждаю, – ухмыльнулся Вадим.
- Короче говоря, живи не тужи, и жди нас в гости, – Сашка крепко хлопнул по плечу молодого бравого капитана. – О, поглядите! Вроде народ зашевелился, за баулы схватились. Давайте, по последней, на дорожку!
- По крайней! – поправил его Вадик. – Но откуда взять горячее?
- Виноват, по крайней, – поправился Афанасьев и вынул из кармана фляжку. – У меня есть НЗ!
- Сволочь! Утаить пытался! – возмутился Гонза, замахнулся на верзилу, однако другой рукой пододвинул поближе стакан.
- Старлей разлил коньяк, чокнулись стаканами, быстро выпили, наскоро закусили голубцами и засуетились, убирая грязную посуду с капота. Эдик схватился было за ручку своего огромного светлокоричневого чемодана, но Сашка решительно отстранил его и подхватил объёмистую поклажу как пушинку.
- Оставь, ещё успеешь потягать эту неподъёмную «мечту оккупанта» по Ташкенту...

Глава 2. Возвращение

Глава, в которой наш герой ступает на родную землю и эти шаги даются ему ох как нелегко.

Самолет громко ревел прогреваемыми двигателями, а позади аппарели шла бестолковая суета: пилоты торопили пассажиров, пассажиры ругали коменданта, создавшего толпу, майор-комендант хрипло орал на отпускников и заменщиков.

– Становись в очередь! Чего столпились! Пить надо было вчера меньше! – активно жестикулируя, комендант размахивал руками и вместе с лейтенантом из службы ВОСО пытался регулировать людской поток.

– На борт возьму не больше ста пятидесяти пассажиров! Перегруз! – спорил с тыловым майором командир транспортника одетый в форменную кожаную лётную тужурку. – У всех куча барахла, да ещё попутный груз всучили большой.

– Сбрендили? Я уже неделю «борт» жду, чтоб уехать домой, а они генеральское шмотки вывозят! – громко заорал какой-то крупный прапорщик в годах, опухший от сна и обильно выпитого спиртного, услышав решение лётчика. – Сажай нас быстрее!

Лейтенант невозмутимо сверял списки, забирал талоны на перелёт и проверял паспорта. Народ у рампы бушевал, но каждый, едва попав на борт, мирно усаживался на лавку и сразу успокаивался. Особенно шумели и напирали задние ряды, резонно опасаясь, что всем мест не хватит.

– Сто сорок восемь, сто сорок девять, сто пятьдесят! – отсчитывал пилот, подталкивая пассажиров к трапу. Доведя счет до намеченного числа, он решительно встал поперёк движения и растопырил руки. – Стоп! Всё, посадка окончена. Остальные улетят завтра!

Народ, не попавший на борт, загомонил, засуетился, начал возмущаться. Эдик оказался сто сорок восьмым с двумя чемоданами в руках, один свой, второй был той самой официантки Вики, которая отправлялась домой в отпуск и чуть приотстала от однополчанина. Комендант грубо оттёр стройную девушку от трапа самолёта mogućим животом.

– Мне надо на борт! – взвизгнула девица, – там мой чемодан!

– Где? – невозмутимо спросил комендант.

– Вон он, у капитана Громобоева, – Вика привстала на цыпочки и указала пальчиком во чрево воздушного лайнера.

– Капитан, верни её чемодан, – велел седовласый комендант.

– Не нужен мне чемодан, я хочу в самолёт! – продолжала визжать девица.

– В самолёт сядешь завтра, а пока отдыхай... – ухмыльнулся пилот. – Или пошали, развлекись напоследок...

Внезапно в дело вмешался озорник Афанасьев, он каменной глыбой вырос позади Виктории, хитро и весело подмигнул Эдику, подхватил однополчанку под локотки, приподнял над собой.

– Эдуард, принимай ценный груз!

Громобоев схватил официантку за красивые, изящные загорелые руки, Вика мгновенно высоко задрала стройные ноги и, пронзительно взвизгнув, вскочила на край аппарели.

– Стоять! Вы что делаете! – взвизгнул пилот. – А ну верни бабу назад! Сейчас высажу всех на хрен.

Юбка красотки-официантки во время прыжка задралась до ажурных трусов и сидящие на борту мужики громко заржали и отпустили в её адрес сальные шуточки, обрадовавшись неожиданному стриптизу.

– Вернуть на хрен или вертать взад? – хохотнул Афоня и уперся мощным торсом в худосочную грудь лейтенанта ВОСО.

Виктория шустро пробежала мимо хохочущих пассажиров в самую глубь самолета, и забилась в угол среди сумок и чемоданов. Там она крепко вцепилась во что-то металлическое, торчащее из корпуса, и тяжело дыша и испуганно, смотрела на аэродромное начальство. ВОСОшник кинулся было к ней, заругался матом, но получив от кого-то тычок в бок, запнулся о подставленную ногу, рухнул на прохладный металл, охнул и прикусил язык.

– Сопляк, выбирай выражения при дамах, – строго и нравоучительно произнёс склонившийся над ним седой десантник-подполковник, – шёл бы ты мальчик отсюда, по-хорошему, пока цел.

– Я вас всех высажу, – взвизгнул фальцетом лейтенант. – Никто не полетит!

– Скорее я тебе зубы высажу или челюсть сверну, – пообещал суровый десантник.

Командант посоветовался с суровым лётчиком, потом махнул рукой и отозвал подчинённого обратно.

– Отдай талон! – потребовал лейтенант.

– Повежливее, – решительно напомнил об угрозе подполковник и демонстративно помассировал костяшки увесистых кулаков.

– Девушка, сдайте посадочный талон! Пожалуйста!

Тяжело дышащая Вика, демонстративно чуть приподняла ладонями, красивую, крупную грудь, поправила короткую причёску с завитушками и стрельнула по сторонам глазками, дескать: ну как я вам?.. Раскрасневшаяся и возбуждённая от пережитого, она стала ещё привлекательнее. Чуть отдышавшись, девушка пальчиками утёрла набежавшие на глазки слезки, вновь провела пальчиками по каштановым кудрям, порылась в набитой женским барахлишком сумочке, нашла

и протянула испрашиваемую бумажку. Незадачливый лейтенант-тыловик под улюлюканье ветеранов покинул «грузовик».

Вскоре «борт» взревел всеми четырьмя мощными двигателями, погазовал, разогнался по бетонке и резко взмыл ввысь. Пилот круто заложил штурвал, «Ил-76» лёг на крыло под углом сорок пять градусов и пошёл на крутой вираж, сделал два восходящих круга над городом, быстро набрал высоту и взял курс на север. Сердце капитана учащенно билось в груди.

«Только бы не было пуска ПЗРК на прощание! Только бы не сбили!» – лезли в голову тревожные мысли.

Минута за минутой шло время полёта, и ничего страшного не происходило: натужно, но равномерно гудели двигатели, во все стороны летели противоракетные отстрелы сигнальных ракет, самолёт поднимался под облака.

«Уф! Ну, наконец-то лечу домой!» – подумал Громобоев и поплевал через плечо. – «Прощай забытый богом Афганистан! Прощай несчастная, нищая, разоренная бесконечной войной средневековая страна. Только «прощай» – и никакого «до свидания»! Домой без возврата. Повоевал – хватит!»

Эдик напряжённо смотрел через иллюминатор на проплывающие горные хребты и мысленно просил неизвестно кого, чтоб на пути самолета у притаившихся внизу душманов не было «Блоупайпов» или «Стингеров». Работяга «Ил» полз всё выше и выше в небо, далеко внизу под крылом самолета оставалась неприветливая горная страна. Эдик иногда вытягивал шею и смотрел через плечо соседа в иллюминатор. Картина почти не менялась: тёмно-серая возвышенность, с отдельными заснеженными шпилями вершин и разбросанные во все стороны бесконечные однообразные горные хребты. Через некоторое время командир вышел в грузовой отсек и громко объявил:

– Товарищи, поздравляю, мы пересекли Государственную границу!

– Ура!!! – взревели хором полторы сотни глоток и те, у кого ещё было, что выпить – отхлебнули за успешное возвращение.

– Осталось ещё приземлиться, – прошептала Вика и тесно прижалась упругой грудью к спине Громобоева. Твёрдые соски уперлись пониже лопаток капитана, словно два взрывателя авиабомб, и горячая волна нестерпимого желания нахлынула, захлестнула, накрыла с головой.

– Да не каркай ты, – резко оборвал девушку капитан и чуть отстранился. Сил терпеть это дьявольское искушение более не было, поэтому фраза была произнесена излишне резко и грубо. – Куда мы денемся, сядем! Чай не на метле летим...

Грузовой военный авиалайнер приземлился в Ташкенте ближе к вечеру. Армейский аэропорт Тузель располагался на окраине города, и пока пассажиры прошли таможеню, пока их досмотрели пограничники и миновали паспортный контроль, уже стемнело.

– Ты меня не бросишь? – с мольбой в голосе пробормотала Вика. – Я совсем не знаю этого города, боюсь, местные ограбят, изнасилуют, убьют. Сам знаешь, тут такое часто происходит не то, что с девушками, даже здоровенные мужики порой пропадают бесследно.

– А вдруг я сам изнасилую? – пошутил Эдик.

– Зачем? Я тебе и так дам... – многообещающе стрельнула тёмно-карими глазками бывшая однополчанка. – Жалко, что ли для хорошего человека. С меня не убудет...

Капитан оценивающе оглядел стройную фигурку и смазливую мордашку. В полку эта официантка жила с заместителем командира полка, ходила гордо, почти никого не замечала, а тут и в нём достойного мужчину увидала. За эту красивую попку в полку многие готовы были подраться.

– Если только в кусты и по-быстрому, – ухмыльнулся Громобоев. – С удовольствием за твои сиськи подержусь...

Вика кинула взгляд на заросли шиповника и кивнула в знак согласия.

– Эх, ты, заветная мечта Афони! Конечно, заманчиво, но... я лишь пошутил. Спасибо за предложение, однако, меня ждут. Да ты не бойся, не брошу, доставлю в аэропорт Ташкента в целости и сохранности, – заверил капитан девушку.

Эдик предложил замедлившему возле них шаг подполковнику-десантнику ехать втроём, вместе дешевле.

– Я сейчас в военную гостиницу, – ответил суровый десантник, – мой рейс завтра днём. А вы куда? Сразу в аэропорт за билетами?

Громобоев пояснил, что у него в планах тоже вначале разместиться, и лишь потом искать варианты убытия на Родину подальше от этих жарких мест. И без разницы поездом или самолётом, лишь бы домой. Он ухмыльнулся и умолчал, о предполагаемой встрече со своей госпитальной зазнобою. Там на свидании предстояло решить, как быть дальше. По обстоятельствам...

Через час такси приехало к знакомой гостинице, ведь именно тут Эдик проживал два года тому назад почти неделю перед отправкой на войну в Афганистан. Капитан огляделся. От центрального входа во все стороны разбегались всё те же тенистые аллеи, непривычная глазу после сухого афганского пекла аккуратно подстриженная зелёная травка на газонах. Над массивной скамьёй, где по вечерам и ночам сидят припозднившиеся парочки, всё так же покачивает густой листвой раскидистая плакучая ива, а в воздухе витает непередаваемое словами благоухание разнообразных ароматов исходящее от многочисленных цветов, растущих на овальной клумбе.

В холле гостиницы проказница Вика вновь пронзительно и нахально посмотрела Эдуарду в глаза и ещё раз уточнила:

– Точно не хочешь? А то заходи через полчаса в номер, да не бойся меня, не съем. Я пока душ приму. Обещаю, дам – за просто так...

– А я и не боюсь, я бы и сам тебя съел, раз шесть или семь полгода назад... но, увы, говорю же – сердце уже занято...

Девушка благодарно чмокнула Громобоева в щеку, на том и растались без упрёков и обид. Попутчик-подполковник сразу сообразил, почему бы самому не попытаться счастья, вынырнул из-за спины Эдика и шаркнул ногой.

– Тогда позвольте представиться! Владимир!

Десантник решительно взял Вику под руку и помог внести тяжелый чемодан в комнату, а альтруист Громобоев побрел в свой номер.

«Похоже, пропал герой-десантник», – промелькнула мысль в голове Эдика и он ухмыльнулся. – «Эта шаболда мигом окрутит мужика!»

Капитан поковырял ключом в замке, дверь номера скрипнула и открылась. В стандартном одноместной комнате была скромная обстановка: застеленная железная кровать с деревянными спинками, расшатанный стул, полированный стол, окно и крохотный балкончик, раковина для умывания. Душ и туалет были общими на этаже. Эконом-класс, и даже слишком эконом. Жаль, но другие номера более уютные в этот день были заняты.

Громобоев быстро помылся, переоделся, нашёл за углом телефон-автомат и дозвонился до Ирины. Подруга только вернулась с работы, и хотя была усталой, уговорились тотчас пересечься в центре. Эдик купил на местном рынке сладости, дыню, арбуз, цветы, вино, хоть и спешил – прибыл в услвленное место чуть-чуть опоздав.

Капитан увидел свою любимую издалека. Девушка сидела освещаемая фонарём на лавочке под чинарой, скромно поджав ноги и теребя в руке платочек вся белоснежная как невеста, в белом платье, в белых туфельках, с белой сумочкой.

Сердце Эдика затрепетало. В эту же минуту и Ирина заметила вернувшегося с войны любимого мужчину. Она подбежала, бросилась на шею, полились слёзы радости от встречи (наслаждаются девичьими ласками и обещают приехать обратно многие – возвращаются единицы), поцелуи, томные нежные взгляды.

Громобоев твёрдо решил отложить приобретение билетов до завтра, увлёл подругу в свой номер и там они наслаждались друг другом до утра. Энергия, скопившаяся за месяц, переполняла молодое тело и требовала выхода вновь и вновь. Пора скорее в номер! Эх, жаль в военных гостиницах постоянно ведётся борьба за порядок и нравственность. Но не беда, если дежурная не пропустит – для этого есть балкон...

Проснулись ближе к обеду. Ирина ещё сладко спала, прижавшись к груди Эдуарда, а пшеничные волосы пахнущие французскими духами закрывали её лицо. Капитан собрался с силами, потормошил соню и смог ещё разок, а кончив, зычно прорычал, сладко улыбнулся и, блаженствуя, расслабился.

Он чмокнул в щёчку подругу и, глядя в её большие зелёные глаза, подтвердил данное весной своё обещанье жениться.

Ирка в ответ крепко обняла, сладко поцеловала кавалера и нежно повороковала на ухо, что не верит своему нежданному счастью. Под это воркование вновь вспыхнуло желание. Быстро повторили, а после короткой паузы вновь побаловались «сладким».

Потом Громобоев отправился в душ в конце коридора, и, плескаясь под струями прохладной воды, долго размышлял, как разрешить созданную череду проблем, да какое там череду – он сам себе создал проблем полный воз! Оформление развода, женитьба, алименты на дочь, усыновление пасынка, переезд в Ленинград, жилищный вопрос. Хорошо хоть Афанасьев предоставил квартиру дяди на первое время (может быть даже на два-три месяца) и поиски жилья пока не актуальны. А что делать потом?

«Ладно, как-нибудь само собой всё утрясётся. Чего сейчас голову ломать? Будем решать проблемы по мере их поступления!» – подумал Эдик, шумно вдохнул и, зажмурившись, словно нырнул в пучину надвигающихся неурядиц.

Ирина, несмотря на свой молодой возраст, оказалась женщиной довольно опытной и практичной в житейских делах, она имела обширные связи в городе, за небольшую сумму и «колониальные» сувениры в один день их расписали. (Эдик о своём не расторгнутом браке в загсе дипломатично промолчал).

Процедура совершилась быстро и буднично: молодой согласен, молодая тем более, скрепили согласие подписями и крепким поцелуем, получили свидетельство о браке, штампы в паспорта. Ирке в общегражданский, а Эдуарду – в служебный заграничный. Много повидавшая сотрудница недоумения не выказала и глупых вопросов не задавала, спрятала конвертик и пакет с подарком, затем с легкой ироничной улыбкой пожелала молодожёнам счастья.

Так Громобоев стал двоеженцем, что в стране было уголовно наказуемым, и грозило вроде бы от года, до трёх.

«Надо бы заглянуть в Уголовный кодекс», – подумал капитан и сразу же отмахнулся от неприятной мысли.

После бракосочетания молодая поехала к сыну и маме поделиться радостью, а Громобоев поспешил на почту. В журнальном киоске Эдуард купил конверты, ручку и бумагу, устроился в углу почтамта на стульчике: размышлял, калякал, перечёркивал, рвал, переписывал. Пока сочинял – взмок от напряжения. С превеликим трудом, но сумел составить текст заявления на расторжение предыдущего брака, ведь в полагавшемся отпуске с женой Ольгой, развестись так и не решился. На войне капитан не думал о таких формальностях, и если убили бы в бою, то она получила бы всё, что положено вдове. Затем в ещё больших муках Громобоев написал покаянное письмо первой супруге, запечатал конверты, бросил их в почтовый ящик и поскорее выбежал на свежий воздух.

Конечно, капитана мучили угрызения совести: ему было стыдно перед женой и крохотной дочуркой, которой он из-за двух лет войны практически не знал, но ничего с собой поделывать не мог. Как любил говорить циничный прапорщик Гонза: сладкая манда – сильнее паровоза! Что-то, а любовный инструмент у Ирки между стройных ножек был прекрасно отлажен и она умело им пользовалась!

Громобоев никогда не курил, но ему вдруг захотелось дернуть пару затяжек. (Обычно в книгах и кинофильмах в такие минуты герои затягиваются крепкой папироской). Однако стресс надо было как-то снять, поэтому ближайшем магазинчике он купил бутылку

коньяка и шоколадку, вышел в парк, и сидя на скамеечке, в одиночестве крепко напился.

* * *

На следующий день после свадьбы молодожёны купили два билета на ближайший рейс самолёта. Своего ребенка Ирина на первое время (на период обустройства) оставила на попечение своей матушки. Отпуск предстоял долгим, целых два месяца, этого должно было хватить на отдых и решение большей части назревших бытовых и не только бытовых проблем...

Глава 3. Тяжело в деревне без нагана

Глава, в которой наш герой осознает, что началась забытая за два года мирная жизнь, к которой предстоит привыкнуть.

Рейс из Ташкента прибыл в аэропорт Пулково после полудня. Почти пять часов перелёта супруги вместе с соседом, инженером-конструктором, глушили красное сухое вино и разговаривали о военных делах на востоке. Инженер не верил, что там ещё продолжаются бои, ведь по телевизору болтают, что война почти завершилась.

Ленинград встретил гостей своим обычным северным равнодушием: город, выстроенный на болотах, был хмур и неприветлив, и первые шаги молодожёнами в нём были сделаны под морозящим прохладным дождём. Зонтиков не взяли, поэтому даже несколько десятков торопливых шагов от трапа до здания аэровокзала не уберегли одежды — промокли до нитки. Что поделаешь, ведь это визитная карточка Питера...

После сухого и жаркого климата попасть в промозглую сырость — испытание на прочность организма. Поэтому сразу после приземления, едва получив багаж, Громобоев купил в ресторане аэропорта водки для согрева и две бутылки шампанского на опохмел. А к напиткам добавил в пакет шоколад и фрукты — гулять, так гулять!

Потом молодые поймали такси (Эдик назвал адрес, прочитав по бумажке), и не протрезвевшая после выпивки в воздухе, влюблённая парочка ринулась обживать пустующую холостяцкую квартиру Афонинного родственника.

Громобоев плохо знал город, только центр, хотя когда-то в нём учился, женился и даже до убийства на войну год служил в этом округе, но в отдалённом гарнизоне.

Грязно-розовый девятиэтажный дом-корабль, постройки начала семидесятых годов, находился на окраине города, в спальном районе, хитрюга-таксист с большим трудом разыскал его в этих каменных джунглях (или сделал вид, что полчаса плутал, для выполнения плана по счетчику), театрально возмущался запутанностью нумерации. Мрачноватый и плохо освещённый подъезд резко пах мочой, дребезжащий лифт грозил в любой момент сорваться и рухнуть, но не беда, могло быть и хуже.

Небольшая двухкомнатная квартирка – на первое время хоромы! Ведь всё самое необходимое для нормального быта было в наличии: туалет, ванная, газовая плита, стол, холодильник, стиральная машинка, телевизор, диван, два кресла. Отсутствовал лишь музыкальный центр, но зачем он, ведь хороший японский магнитофон за двести чеков Громобоев и сам привез из Кабула в качестве военного «трофея».

Адаптация к мирной жизни с первых шагов далась нелегко. Вечером, утомившись от любви, Ирка попросила иного сладкого – мороженого. Желание любимой – закон! Эдик впервые вышел на люди один и как назло попал именно в час пик. Даже простейшее занятие – поход в магазин, оказалось делом сродни подвигу. Их квартира располагалась в спальном Невском районе, толпы народа ежеминутно выплёскивались из автобусов и троллейбусов и мчались по своим квартирам или торопились занять очередь в продуктовом магазине. Город пульсировал незнакомым, вернее сказать подзабытым ритмом жизни.

Эдик вышел из лифта, сделал пару шагов из подъезда, ступил на пешеходную дорожку – как вдруг его охватила необъяснимая паника: всюду сновали незнакомые люди, а он стоит как дурак, совсем один (рядом нет ни одного бойца) и без автомата. Нет даже гранаты в кармане! Рука Громобоева непроизвольно и инстинктивно потянулась к правому плечу. Потрогал – пусто – родимый «Калаш» отсутствовал! Ну как так можно дальше жить? А тут ещё проезжающий автомобиль стрельнул выхлопной трубой...

Капитан сгруппировался, и дикой кошкой отпрыгнул в ближайший куст сирени и там присел. Хорошо хоть в последний момент удержался и не плюхнулся, не распластался на грязной земле, чтобы

попытаться укрыться от пуль и осколков. Потом он присел на ближайшую лавочку, отдышался, осмотрелся. Никто на Эдуарда даже и не взглянул, вроде бы никому нет дела до его странного поведения, и пешеходы не обратили внимания на прыгающего в кусты молодого человека. Если надо – пусть себе скачет козлом...

Ну и что с того, что все прохожие идут без оружия, и не смотрят в твою сторону, это их личное дело, путь как хотят, так и живут беззащитными. Но, все таки кто бы подсказал – как же можно жить-то безоружному?

После этого случая в одиночку Эдик в город почти целый месяц не выходил, только вместе с любимой, и то, в крайнем случае, в основном в магазин за продуктами, крепко держа её под руку. Но и по магазинам слоняться было неприятно, всюду толчея у полупустых прилавков. Главная цель населения – урвать хоть что-нибудь!

Действительно, одним из самых больших потрясений после возвращения с войны стали очереди. Они были везде и всюду. За два года Эдуард совсем отвык от стояния в очередях и забыл, что это такое. Надо купить продукты – идешь в военторговский магазин или в афганский дуكان, захотелось выпить – опять же топай в дуكان, или на «черный» рынок, или в комнату к гражданским вольнягам. Везде тебе рады, быстро обслуживают, только давай деньги. Первые дни службы в отсталом Афганистане Громобоев недоумевал: откуда всё это есть в этой убогой стране? В дуканах можно было найти любой товар, какой только пожелаешь! А если его сегодня нет – закажи и вскоре его привезут. Но почему нет ничего в родном Отечестве? Отчего эта богатая, великая и могучая держава столь равнодушна к чаяниям и нуждам своих граждан?

А вот долгожданная Родина вновь встретила возвращенца повальным дефицитом всего и очередями, даже большими и протяжёнными чем до отъезда на войну. Самые многолюдные толпы были за спиртным, порой у входа в магазин толкались несколько сотен жаждающих и страждущих мужчин и женщин. Народ ругался, проклинал правительство, коммунистов и торгашей. Больше всего доставалось новому вождю нации. И как только не называли зачинщика перестройки: Горбач, Горбатый, меченый, пятнистый, болтун, ботало, трепач, ученик комбайнёра. Милиция пыталась управлять процессом, но от этого регулирования, наоборот создавалась только ещё более бестолковая толчея и давка. Особо обидно было тем, кто, отстояв несколько часов,

купив товар и выбираясь наружу, сквозь строй жаждущих, в этой толкучке, ронял в толпе бутылку и разбивал её вдребезги. Да, это было настоящее горе! Ведь продавали лишь одну или две бутылки в руки, чтобы на выходе не спекулировали...

Эдик не мог себя пересилить и стоять в винных очередях, предпочитая переплатить спекулянтам, стоявшим за углом магазина или ночным таксистам. Порою хотелось посетить с супругой хороший ресторан и оторваться по-купечески, с размахом, однако было уже не до кутежей, средства слишком быстро таяли...

От навалившегося отчаяния спас друг Афоня, внезапно прилетевший в сырой сентябрьский Питер. Старшему лейтенанту редкостно повезло, замену прислали на месяц раньше срока, и он сразу помчался на малую родину кутить. Да в гости явился не один, а с другим приятелем-заменщиком, старлеем Игорьком Керимгаджиевым. Напарник Афанасьева был гремучей смесью казаха и представительницы народов крайнего Севера: кряжистый, кривоногий, смуглолицый и скуластый, с темно-коричневыми глазами узкими как щелочки. Громобоев в полку видел его лишь пару раз на совещаниях, ведь этот Игорь служил на дальней заставе, где-то на джелалобадской дороге.

– Чего сидите дома, кисните? – накинулся на молодожёнов Сашка. – Скоро заплесневеете и мхом покроетесь. Я должен завтра к мамке в деревню заскочить, послезавтра улетаю в Одессу, а сегодня едем развлекаться в «Север»!

Почему бы и нет? Поехали! Ведь Громобоев последний раз в ресторане был больше года назад, в отпуске, а от слова ресторан сразу захотелось послушать цыган, потанцевать, и посидеть за столиком и хорошенько выпить в приятной компании. Сборы не затянулись, да и попробуй промедлить с этим Афоней!

Был вечер буднего дня, и заведение оказалось полупустым. Заказали столик в уголке перед эстрадой, приятели уткнулись в винную карту и меню. В зале стоял приятный полумрак, из магнитофонных колонок лилась тихая музыка. Сашка отнял у всех меню и взялся распорядиться, сделал заказ с шиком, с размахом. Побольше рыбки (осетрина, горбуша, селедочка под водочку), мясные ассорти, несколько салатов, шашлык...

– И ещё вот это и это, – Афоня ткнул пальцем в наименования блюд. – Да поживее, братец!

Едва официант подал первые салаты, графин водки и бутылку шампанского, замелькали бокалы и друзья принялись неумеренно поглощать спиртное. Как говорится: «понеслась душа в рай». Особенно старался Сашка, соскучившийся по свободе и большому городу. Афанасьев налил себе в большой бокал холодной водки до краев.

– Не слишком ли гонишь? Лихо стартуешь! – робко попытался предостеречь друга Громобоев.

– Не мешай, и сам не сачкуй! На меня посмотри! Моя рюмка – это стакан! – отшутился Сашка, поднял бокал, рывкнул: «за встречу», и влил содержимое в свою большущую глотку.

Эдик и Игорь ополовинили рюмки, а Ирка чуть пригубила из фужера шампанского.

– Э-э, так не пойдет! Не сачковать! А ну-ка, живо выпили за моё здоровье! – Афоня повторил дозу, заставив всех выпить до дна. Дальше дело пошло живее, особенно под горячее. И надо же такому случиться, что собирающегося вот-вот жениться Афанасьева после распития третьего графина, как обычно потянуло на баб!

Рядом, через столик, наискосок, сидела тихая компания: седой, коротко стриженный мужчина в годах, примерно лет за пятьдесят, в военной морской форме и совсем юная девчонка, лет девятнадцати. Спутница была явно не дочь. Афоня оценивающе посмотрел на соседей. Странная пара, вернее совсем не парой была она ему: девица в самом соку, а мужичок выглядел как плешивый пёс. Капитан первого ранга, то и дело шептал подруге мокрыми губами что-то на ушко, пожирал её похотливым взглядом, поглаживал руку, нежно приобнимал.

– Этот старый кобель явно какой-то начальник, – безапелляционно заявил Саня. – Наверняка захотел злоупотребить служебным положением...

Громобоев тоже скосил глаза на соседей, моряк действительно был в предвкушении неизбежного «сладкого».

Сашка влил в рот очередные полбокала водки, дошёл до необходимой кондиции, и на беду, он наконец-то заметил соседей.

– Ба! Вы посмотрите, экая краля сидит со старым пердуном!

Захмелевший Керимгаджиев окинул нахальным взглядом девицу и согласился с другом:

– Верно, хорошенькая сучка! Интересно сколько стоит ночь?

– А я вот пойду и спрошу!

Ирка была трезва, ей не хотелось скандала, и она запротестовала.

– Мальчики, на фиг вам это нужно? Потянуло на подвиги? Нарветесь на неприятности. Ведь и так хорошо сидим!

Эдик поддержал подругу и сердито зашипел на ухо Сашке:

– Вечно тебе неймётся! Каждый раз собираешь всякую шваль в кабаках! Ты ведь жениться собрался вскоре. Намотаешь на конец какой-нибудь заразы – будет тебе весёлая свадьба!

– Отстань, сейчас всё лечится! Тебе хорошо, месяц резвишься регулярно днями и ночами, а я, которую неделю уже воздерживаюсь. Сейчас сниму девочку, приглашу пару раз потанцевать и она моя!

Афоня резко отодвинулся, да так, что попадали рюмки на столе, встал на нетвердые ноги и направился к соседям. Незванный кавалер поклонился, пригласил на танец, девушка взглянула на своего спутника, он скривился, покосился на шумную компанию соседей и не сумел отказать. Богатырь Афанасьев аккуратно поддерживал партнёршу, стараясь в медленном танце не оттоптать ей ноги, что-то бойко вещал на ушко.

Эдик заметил, как тяжелые ладони Афони продвинулись от талии к бедрам, и далее ниже, пошарив по попке. Девушка раскраснелась, шаловливые руки вернула на место, но промолчала и бурно не протестовала. Коренастый моряк за столом напрягся, но тоже молчал, косясь на превосходящие силы противника, хотя честно говоря, в честной драке один на один громадному Афоне помощники были совсем не нужны. Саня вернул барышню на место, галантно раскланялся, вернулся к друзьям.

– Не проститутка! – громко поведал он приятелям, грузно рухнув в кресло. – Сказала, что денег не берет, и что я ошибся! Но и этот мореман – не папаша и даже не моряк! Коллега по работе! Он тыловик – заводская госприёмка.

Афанасьев плеснул для храбрости граммов пятьдесят, пригубил, закусил осетриной, и подмигнул Громобоеву.

– Повторим лобовую атаку!

Афоня решительно направился к соседям.

– Потанцуем? – громко настойчиво произнёс Саня, нарываясь на скандал.

– Разве не видите, что ваше общество неприятно девушке? – возмутился морячок. – Молодой человек, вы пьяны и навязчивы! Идите и проспитесь!

– Вот именно! Я – молодой человек! А ты – старый хрыч! Не стыдно клинья подбивать к невинной девушке!

– Это моя дочь! – покраснев, воскликнул каперанг.

– Оно и видно, ручки и ножки ей наглаживаешь. Ха-ха! Дочь! Верно, тебе она в дочки годится, а мне – в жёны! Пойдешь за меня, красавица? Я не шучу!

У раздолбая Сашки так было всегда: мимолетные знакомства переходили в пылкую влюблённость, затем следовали предложение руки и сердца, бурный секс и спустя месяц охлаждение и расставание.

Девушка покраснела, но промолчала, она явно не знала как ей поступить, пожилой поклонник был её хорошим знакомым, изредка дарил дорогие подарки, оказывал всяческие знаки внимания... Но уж больно хорош был этот молодой верзила!

– Не скандальте! Девушка больше не пойдет танцевать!

Афанасьев посмотрел на партнёршу моряка, та раскрасневшись, опустила глаза и продолжала молчать.

– Вот видите, вы смущаете девушку! Оставьте нас в покое!

– Виноват, сударыня, поручик Ржевский был слегка пьян! – с поклоном извинился Афоня и вернулся к приятелям. – Ещё раз покорнейше прошу простить!

Керимгаджиев ухмыльнулся, подмигнул Эдику и принялся подтрунивать.

– Ну, что серый волк, не удалось скушать «красную шапочку»?

– Ещё не вечер, – пообещал Саня и отхлебнул водки. – Она созревает.

Вот посмотришь, сегодня я уложу эту краля к себе в койку. Может, и ты её хочешь, Игорёк?

Эдик нахмурился, втроем, что ли надумали резвиться? Неприятная перспектива разгульной оргии в квартире ему несколько не улыбалась. Два мужика на одну девушку... Перебор!

– Прекрати хулиганить! Саня, давай допьем и поедем домой!

– Вот хитрец, ты будешь всю ночь миловаться, а нам-то что прикажешь делать? Скучать? Нет, уж, дудки! Хрена лысого – старому хрену!

Сашка говорил громко, стараясь чтобы его слова, как можно разборчивее долетали до ушей соседей, причём болтал Афанасьев, всё более распаяясь.

– Ты посмотри, пока мы с вами в Афганистане кровь проливали, по горам ползали, в «зелёнке» под пули подставлялись, такие как этот старый мерин красивых девочек, в постельку пачками укладывали!

Капитан первого ранга крепился минуты две, пытался делать вид, что эта оскорбительная речь его не касается. Получалось с трудом.

– А ведь толку от него, как от козла молока! Явный импотент! Гладиатор – может только гладить!

Моряк не выдержал и направился к буянящему столику.

– Немедленно прекратите!

– Что прекратить? – сделал глупое лицо Афоня.

– Прекратите молоть всякую чушь! Я вызову милицию!

– Вызывай! – ухмыльнулся Сашка, откровенно провоцируя мужчину, и одновременно кидая взгляд на девушку. – Посмотрим, как они нас смогут забрать. Мы им не подчинены! Мы на службе Родине!

– Папаша, а в чём проблема? – переспросил Керимгаджиев. – Могут ветераны войны чуток погулять?

– Ветераны войны давно на пенсии!

– А мы ветераны другой войны, необъявленной! – нахмурился Эдуард.

– Вот и не безобразничайте, ведите себя прилично!

– Оскорбляет? – окинул взглядом приятелей Афоня, обращаясь за поддержкой. – Ладно, одного меня, а вот моих друзей! Да ты знаешь, на кого бочку катишь? Эдик без пяти минут Герой Советского Союза! А у Игорька два ранения и контузия! Гуляй отсюда, крыса тыловая! Вошь морская!

Девушка чуть заметно улыбалась молодым людям. Мужчина в морской форме рассвирепел, сжал кулаки, заскрежетал зубами, но силы были явно неравны.

– Не скрипи! Зубы жмут? Могу помочь проредить, – продолжал провоцировать противника Афоня. – Пойдем, выйдем?

– Тогда я вынужден обратиться за помощью милиции, – выкрикнул капитан первого ранга, бросил на Сашку гневный взгляд, полный ненависти, и с угрозой пообещал. – Мальчишка! Я до тебя доберусь! Ты у меня в ногах будешь валяться в крови и дерьме, и прощения просить! Сопляк!

«Флотоводец» со злостью швырнул скомканную салфетку на свой столик, одернул китель и вышел из зала походкой, словно лом проглотил.

Афоня сразу переместился к девушке и принялся ей что-то активно предлагать. Девушка сначала отказывалась, качала головой, потом достала из сумочки ручку, и быстро написала на салфетке. Сашка с сияющим лицом вернулся на место. Покачнулся, нечаянно задел рукой посуду, пара бокалов жалобно звякнув, разбилась.

– Полный порядок! Элечка дала мне номер телефона! Сегодня ей никак, она занята, но завтра всё будет в ажуре!

Ирка пожелала сходить попудрить носик, Эдик сопроводил даму и сам заодно зашёл в мужской отсек заведения.

В этот момент к столику подбежал официант с жуликоватыми бегающими глазами и забормотал.

– Товарищи офицеры! Что же вы делаете? Зачем безобразничаете? Капитан первого ранга позвонил в комендатуру, а швейцар вызвал милицию! Скоро подъедут и вас оформят, не посмотрят на ваше героическое прошлое! Капитан их дожидается в холле. Давайте побыстрее рассчитаемся!

– Где у вас запасной выход? – деловито осведомился Афанасьев.

– Сначала рассчитаемся! – халдей положил на стол счёт.

– Держи, тут примерно три сотни, думаю, хватит? – Игорёк не глядя, швырнул скомканые деньги на стол.

– Вполне! – с поклоном ответил официант. – Честно говоря, такси я уже вызвал, прибудет со стороны кухни через пару минут. Думаю, милиция подкатит чуть позже. Но поторопитесь...

Официант собрал деньги со столика, быстро пересчитал.

Тем временем супруги вернулись на место, но теперь Афоня с Игорьком поспешили в туалет, облегчиться на дорожку. Ирина увидела лежащий на столе счёт и начала проверять. Разбитая по строчкам сумма выходила внушительной, примерно в двести пятьдесят рублей, но при внимательном изучении выяснилось, что им приписали лишнюю бутылку вина, шампанское, десерт, и пару рыбных блюд. Итого обсчитали рублей на сто.

– Милейший, это что? – спросила она у халдея.

– Ваш счёт. Будем платить?

– Тут приписана лишняя сотня! – возмутилась более-менее трезвая женщина. – Я сейчас позову метрдотеля.

– Где лишнее? Не может быть!

– Вот, вот и вот! Какая наглость обирать подвыпивших ветеранов войны!

– Мадам! Мадмуазель! Сударыня! Извините, простите! Не надо поднимать шум! Виноват, обсчитался. Но ведь я и для вас стараюсь, такси вызвал, от милиции спасаю, а вы...

Эдик принялся судорожно шарить по карманам, насчитал сотню. Ирка открыла кошелек, добавила ещё полсотни. Деньги они собирали довольно долго и за это время к столику успели вернуться пьяные приятели.

– Чем вы тут заняты? Чего вы мелочью трясете?

– Да вот, счёт проверяли, рассчитываемся, – ответила Ирина.

– Мы уже рассчитались! – тупо уставился на официанта Керим-гаджиив.

Эдик сообразил быстрее супруги, поэтому молча и без оскорблений, тотчас вмазал официанту по почке.

– Это тебе на чай! Сдачу оставь себе.

– Мало того что обсчитал, так ещё и второй раз решил обобрать! – возмутилась Ирка. – Да я тебе сейчас всю морду разобью! Мне за сто пятьдесят рублей два месяца в санчасти работать! Скотина!

– Ну, мужик, ты попал, сейчас мы тебя будем метелить! – произнёс сурово Афоня, и начал закатывать рукава, потирая пудовые кулачищи.

– Господа офицеры! Товарищи! А как же такси? Милиция вот-вот придет!!! Может лучше не надо?

– Ладно, живи, – смилостивился Афоня после секундной паузы. – Молись и считай, что второй раз родился.

Жуликоватый халдей, радуясь тому, что угроза быть жестоко избитым миновала, быстро увлек пьяную и буйную компанию за собой. Афанасьев по пути успел отскочить в сторону, чмокнуть девушку в ушко, в носик, в губы, поцеловать ручку, и даже лапнуть за грудь.

– Да хватит уже! Угомонись, Ромео! – рявкнул на приятеля Эдуард. – Мне скоро надо на службу, на днях в управление кадров округа следует явиться, а вместо этого из-за тебя буду на нарах пятнадцать суток лежать?

Афоня ещё раз помахал ручкой барышне, послал пылкий воздушный поцелуй и поспешил к выходу.

– Эх, жаль не удалось намять бока и набить рожу этому морскому козлу! Она его подчинённая по службе, утверждает, что морячок военпред на заводе. Старая сволочь, девок портит! Может, всё же вернуться и с ним разобраться? Думаю пару раз дать в морду успею!

– Прекрати дурить! – произнесла Ирина и решительно потащила к дверям театрально упирающегося Афанасьева. – Шагай ногами живее, вояка!

На улице лил проливной дождь, и пьяная компания моментально промокла пока пробежала несколько шагов от черного хода к ожидавшему такси.

Когда весёло гомонящие клиенты усаживались в такси, послышалась сирена «воронка» подкатившего к парадному подъезду. Эдик выглянул из-за угла и усмехнулся.

«А ведь официант оказался прав, что швейцар этот, отставная гэбэшная сволочь, точно милицию вызвал, и мы еле ноги успели унести».

– Шеф, гони, на Дыбенко! Да, поживее! – велел Афоня, вольготно развалившись на заднем сиденье и плотно прижав своей задницей Ирину к Эдику. – Люблю по Невскому промчаться с ветерком! Да с музыкой!

Таксист два раза не заставил повторять, резко рванул с места, и машина помчалась по вечернему городу. Быстро миновали сияющий огнями Невский, перескочили дугообразный мост Александра Невского и устремились в зияющие чернотой кварталы спального района. Всех пассажиров кроме Ирки вскоре укачало, офицеры быстро опустили окна и на полном ходу дружно блеванули.

– Ё-п-р-с-т! Ну, народ пошёл! – выругался таксист. – Вы мне все борта загадите.

– Тогда остановись! – чуть отдышавшись, едва вымолвил Афоня.

Они сошли в придорожные кусты и несколько минут пытались облегчить желудки.

– Теперь трогай! – выдавил из себя еле живой Афанасьев, занеся своё большое тело в салон. Таксист же никак не мог уgomониться, и без конца ругался.

– Нажрутса как свиньи, а мне потом машину чистить и мыть! Одни убытки от вас! Обратно из глухомани придётся пустопорожним возвращаться! Случаем, милиция не по вашу душу подъезжала к «Северу»?

– Дядя, всё компенсируем, не рычи, умолкни, – простонал Игорь. – Помягче на ямах и кочках, а то опять растрясешь мои израненные кишки! Тебе же хуже будет...

Вечерний поход в ресторан завершился двухдневной лёжкой и отпаванием морсом и молоком кутил. Славно погуляли...

Протрезвев, и слегка придя в себя, Керимгаджиев с всё ещё больной головой улетел домой на Камчатку в послевоенный отпуск. Афоня как всегда был крепким бойцом и человеком слова: успел сначала заглянуть на денёк к Элечке, а потом заехал в область, в родное село повидаться с роднёй. Ну а Эдику пришло время вновь сдаваться на службу в армию...

Так уж вышло, что офицерской формы по возвращении с войны у Громобоева не было: полевая форма, песочник, маскхалат и горный костюм были подарены сменщикам и друзьям, а повседневная и парадная

сгорели в прошлом году вместе с каптеркой после прямого попадания в неё шального реактивного снаряда.

Пришло время подводить некоторые неутешительные итоги: квартиры после быстрого развода с первой женой нет, вещей нет, деньги, заработанные на войне, за два месяца отпуска с молодой женой спустили на вино и шампанское, да ещё друзья, вернувшиеся с фронта, в этом деле хорошо помогли. Военной формы, в которой следовало явиться на беседу в кадры тоже нет. Что делать?!

Кутежи завершились как раз за неделю до срока, когда надлежало явиться с предписанием в штаб округа. Громобоев узнал адрес и помчался в военное ателье, заказывать срочный пошив кителя и брюк. Портной и закройщик вошли в положение бедняги, взялись сделать всё быстро, но запросили двойную цену. Или в порядке очереди, но тогда жди завершения пошива месяца три-четыре. В джинсах в штаб не явишься. Куда деваться – согласился, ведь опоздание на службу – серьёзный проступок! Эдик вздохнул и отсчитал сто рублей.

Портной, что-то весело насвистывая и напевая, быстро сделал примерку, через день вторую, и вот через пять дней заказ готов! Получите и носите на здоровье. В итоге успел вовремя, можно сказать, что погоны подшивались на плечах капитана, почти на ходу.

День, когда пришлось сдаваться в цепкие лапы высокого начальства, выдался пасмурным, словно небеса сочувствовали капитану и плакали вместе с его сердцем. Эдик неторопливо прошёлся по Дворцовой площади, с наслаждением впечатывая военные туфли в древние булыжники. Площадь была как всегда прекрасна, величественна и равнодушна к куда-то спешащим людям. Она лежала молчаливо, навечно пригвождённая к земле гранитным столпом. А этот круглый столп, в свою очередь, опершись о постамент, казалось как раз, и продырявил мокрое небо. Громобоев подмигнул памятникам архитектуры и пошёл к искомому подъезду в монументальном здании Главного штаба Российской империи.

Получив пропуск и поблуждав по бесконечным коридорам огромного здания, по хитроумным лабиринтам лестниц, переходя с этажа на этаж, капитан, наконец-то попал к кабинету начальника отдела кадров политуправления. Эдуард нервно и шумно выдохнул, словно готовясь отхлебнуть чистого спирта, и осторожно постучался в дверь.

– Да-да, смелее! Войдите! – раздался громкий, начальственный голос изнутри кабинета.

Эдик с силой надавил на дверную ручку и решительно вошел. За столом сидел добродушный полковник с приветливой улыбкой на упитанном лице.

– Товарищ полковник, капитан Громобоев! Прибыл для дальнейшего прохождения службы! – громко и четко доложил Эдуард.

– О-о-о! Наслышаны, наслышаны! Орёл! Судя по нашивкам, есть награды: орден и медали! За ранение?

– За боевые заслуги...

– Понимаю, понимаю. Итак, значит, прибыл к нам служить из Афганистана?

– Так точно! – гаркнул Громобоев.

– Тише, тише! – поморщился хозяин кабинета. – Не в горах же... Садись, капитан.

Хозяин кабинета вызвал по телефону делопроизводителя, а пока личное дело доставляли, полковник задал дежурный вопрос.

– Как там служба за речкой? Досталось? Наверное, было жарковато? Теперь непривычен наш сырой, дождливый климат?

– Ну, так, было дело... – уклончиво и неопределённо ответил Эдик. – А насчёт дождей... человек ко всему привыкает...

Разговор так и не завязался, да и особо говорить с холёным, кабинетным полковником было не о чем. Наконец вошла симпатичная девушка и внесла красную папку с личным делом капитана. Кадровик принялся листать страницы, задерживаясь на некоторых из них, в задумчивости пожевывая пухлые губы.

– Звание досрочно! Это хорошо! Награды – тоже неплохо.

– В деле должны быть ещё представления к двум орденам.

– Да, вижу-вижу, всё тут у вас есть. Вижу и к званию «героя», но без реализации... Меня больше волнуют характеристики... из личного дела, товарищ капитан.

Эта фраза насторожила Громобоева. Какая еще неувязка могла быть в деле? Что могло не понравиться? С его послужным списком и аттестациями – хоть сейчас в Академию! Начальник тем временем невольно морщился и теребил мочку уха.

– Да вот э-э... тут... такая... формулировочка... нехорошая в характеристике из военного училища: не пользуется авторитетом у командования и среди сослуживцев, замкнут, необщителен...

– Это я-то, необщителен? – усмехнулся Громобоев, широко улыбувшись и показав ровные белые зубы. – Вы этому верите? А как,

по-вашему, будучи необщительным, я стал помощником по комсомолу полка, а потом замполитом батальона?

– А насчет авторитета у командования училища? Это соответствует?

– Ну-у-у... – протянул Эдик.

– Вот вам и ну! И по уставам стоит отметка «З». Наверное, брюки расклевещенные носил? Сапоги гладил? Ноготь на мизинце отращивал?

Ничего подобного за собой Громобоев не припоминал, всё было гораздо проще: пререкания и шуточки, ирония по отношению к тупому командиру взвода и сильно пьющему командиру роты. И как результат, две тройки в аттестат по уставам и по строевой подготовке. Ротный всё, что мог гадостного – сделал. Диплом вместо «красного» стал «синим», хотя и это, как правило, не крах для карьеры. Карьеристом Громобоев был не важным, так уж вышло, нынешний бурный рост – это череда нелепых служебных случайностей, а также военная доблесть и ранения. Но иногда даже в выверенном механизме такое случается, проскакивает сорное семечко сквозь мелкое сито.

– И что нам прикажете с Вами делать?

– А в чём проблема, товарищ полковник? Я ведь прибыл по прямой замене, в танковый батальон в укрепрайоне...

Полковник с деловым видом водрузил роговые очки на массивный нос, надменно взглянул на Эдика поверх линз и пробурчал:

– Этот батальон тихая гавань для пенсионера! Ваш предшественник майор Мураковский на этой теплой должности до пенсии бы дотянул, да вот беда, понадобилась замена именно для Вас в Афганистан. Эх, несчастный Александр Михалыч! Так что Эдуард... м-м-м (полковник заглянул в дело)... Николаевич, эта пенсионная должность не про Вас. Есть мнение руководства отправить столь заслуженного и боевого офицера в отдельный батальон на север! Там есть перспектива для роста! Огромное поле для деятельности...

Эдик опешил. Он уже полгода как мыслил, что будет регулярно гулять в выходные по Невскому, по Фонтанке, по Петроградской, ходить по ресторанам, посещать в театры, а тут вдруг оказывается, на его счет имеются другие планы. Променять Северную столицу с развлечениями, на заснеженную тундру с полярными волками, оленями, комарами и москитами – такая перспектива не прельщала.

Обычная придурь тылового полковника? Или может, он денег хочет? Но как спросить? Задать вопрос напрямую, в лоб? Громобоев взятком никогда не давал, не предлагал, и не умел это делать...

«А хрен ему, перебьётся!» – решил рассерженный Эдуард. – «Никакой северной глуши! Хватит с меня гор и пустыни!»

Но надо было что-то срочно говорить и доказывать, иначе и верно, загремишь в тундру к хантам, мансям, нанайцам и этим самым северным оленям!

– Товарищ полковник! Мне необходимо лечение в Военно-Медицинской академии! – начал отнекиваться Громобоев. – Я записан в очередь. У меня последствия контузии и ранения, да ещё был тепловой удар... А в конце сентября у меня предварительный осмотр, на октябрь диспансеризация, в ноябре плановое лечение в стационаре.

– Удивляете Вы меня, товарищ капитан. Такой молодой и уже косите под инвалида, – фыркнул недовольно полковник и нахмурился.

Эдуард понял, что его должность кому-то уже пообещали, потому начальник отдела кадров и недоволен, он то, всё давно решил за него и распланировал.

– Справку медицинскую представите, любезнейший друг?

– Так точно! И могу приложить направление и выписной эпикриз из госпиталя. Всё будет в полном порядке!

Полковник продолжал морщиться, словно страдал от зубной боли.

– Эх, не с того приступаете к службе, товарищ капитан! Службу надо начинать с трудностей!

Кровь нахлынула в голову Громобоева, а сердце бешено заколотилось. Он даже шумно задыхался, завёлся как хорошо отлаженный двигатель, с пол оборота.

– Можно подумать я с курорта к вам прибыл! Да у меня за плечами сорок две боевые операции! И я два года вовсе не в Крыму прохлаждался!

Эдик готов был наговорить ещё кучу дерзостей, но полковник понял, что перегнул палку.

– Не шумите, товарищ капитан, спокойнее! Если Вам требуется лечение, мы, конечно же, войдем в положение, но командование полагало, Вам необходимо расти дальше. Поступить в академию, стать крупным начальником.... Негоже киснуть в укрепрайоне, – миролюбиво проворковал начальник.

Громобоев резко снизил тон и пробормотал:

– Я и не собираюсь киснуть, но здоровье тоже дорого. Здоровье даётся лишь раз, его не купишь...

Полковник, нехотя соглашаясь, закивал головой.

– Конечно, конечно! Обследуйтесь, лечитесь, обоснуйте на новом месте, а потом посмотрим, что нам с вами дальше делать...

Глава 4. Личный враг генерала

Глава, в которой наш герой осваивается на новом месте, заводит себе друзей и приобретает влиятельных врагов.

Получив в штабе округа предписание, Эдуард отправился к новому месту службы в пулеметный полк. Размещался этот полк недалеко от города, добираться до него оказалось недолго, и Громобоеву стало понятно, почему его так активно пытались спровадить на Север: ещё бы – эта должность была явно тёпленьким местечком. Часть расположенная рядом с Питером, в которой все подразделения неполного кадрового состава – это санаторий, а не служба! Конечно, есть и неудобства (как же без них), предстояло ежедневно добираться в часть с четырьмя-пятью пересадками на общественном транспорте по городу и пригороду: трамвай, метро, автобус, ещё автобус, опять автобус, но это мелочи жизни. Такая ситуация должна быть временной, ведь когда-нибудь да выделят в гарнизоне квартиру заслуженному ветерану...

Впоследствии наш капитан изредка шикавал, опаздывая утром после ночных кутежей, и зацепив «мотор» в городе, подкатывал на лихаче к КПП, на глазах изумлённых сослуживцев, но быстро понял, что так жить нельзя, на капитанскую получку в такси не наездишься (наши люди на такси... и так далее по цитате управдомши, героини любимой кинокомедии «Бриллиантовая рука»). Накладно! Ведь здесь в России офицеру не платили двойной оклад плюс чеки Внешпосылторга, поэтому следовало жить по средствам. Значит, автобус – лучший друг военного!

В первый день Эдик некоторое время метался в поисках полка – никто не знал, где именно находится этот военный посёлок. Спешащие на работу граждане отправляли совсем в другое место, чаще к одноимённой станции метро. Наконец Громобоев вспомнил, что сменщик майор Мураковский дал ему свой домашний адрес, и там были написаны номера автобусов. Отыскал записку в бумажнике,

но даже с ней проблема не решалась, саму остановку, откуда отправляются эти автобусы, ещё предстояло найти!

В итоге немного поплутав, капитан выбрался из города на пригородном «ЛАЗе», благо дорогу подсказал майор-пехотинец. Сначала Эдуард почти час трясся в рычащем автобусе, потом пересел в другой, такой же старый и не менее скрипучий и трясучий драндулет «ЛиАЗ». Примерно через два часа он очутился в глухом лесу (так ему на первый взгляд показалось), где в воздухе замечательно пахло молодой хвоей, а узкое шоссе терялось под зелеными лапами теснившихся к обочинам раскидистых елей.

Прибыл на место. Райское место для службы – настоящий санаторий для военных пенсионеров и почти пенсионеров. Поселок с одной стороны граничил с густым хвойным лесом, с другой – его теснила берёзовая роща. Деревья росли всюду и в самом поселке: между домов и вдоль дорожек росли ели, сосны, берёзки и осинки. Лес стоял кругом, и казалось, разбросанные среди могучих стволов несколько пятиэтажных панельных коробок, да с десятков одноэтажных барачков времен войны, словно грибы выросли из земли. Чуть поодаль виднелось лоскутное садоводство с «фанерными» домиками на клочках земли.

«Надо бы и себе участок попросить», – подумал Эдуард и улыбнулся. – «Заведу кусты смородины и малины, посажу огурчики и помидоры».

Капитан показал упитанному дежурному прапорщику предписание и прошёл через калитку КПП в часть. Огляделся: асфальтированные подметённые дорожки, покрашенные в красный и белый цвета бордюры, подстриженная трава – всё как обычно в Советской армии. Сразу за воротами на постаменте возвышалось свежевукрашенное зелёной краской 76-мм орудие времён Великой Отечественной войны. Отлично сохранившийся раритет, что говорит о славной боевой истории пулемётного полка.

Далее за огромной раскидистой черёмухой, накрывавшей своими ветвями пушку и стоящими ровным рядом несколькими роскошными елями, спряталось двухэтажное здание штаба, покрашенное в розоватый цвет, и по бокам плаца две трёхэтажных темно-жёлтых казармы. Завершал асфальтированный квадрат – желтоватый корпус столовой. Цветовая гамма как в дурдоме...

– Надеюсь, что я ошибаюсь, – подумал Эдуард.

Начальник политотдела отдельного полка губастый подполковник Орлович встретил Громобоева слащавой улыбкой на одутловатом лице, выразил восхищение подвигами, долго жал руку и с интересом расспрашивал о войне. На «огонёк» по зову шефа сбежались политотдельцы. Эдик рассказал пару страшных историй, пару веселых, пару грустных, потом перешли к делам. Орлович спрашивал капитана об элементарных вещах, которые наш капитан, увы, не знал или знал, но забыл. Подполковник начал хмуриться, кручиниться и под конец беседы не выказывал никакого оптимизма в отношении прибытия нового подчинённого.

– Я кое-что запамятовал, – оправдывался Эдик. – Контузия, ранения, госпитали, да и длительный отпуск подействовал расхолаживающим фактором, но я всё в памяти восстанавливаю и наверстаю.

– Ну-ну, надеюсь, пора вспомнить о службе, иначе мы не сработаемся, – проямлил еле внятно подполковник, то и дело, облизывая отвисшую нижнюю губу. – Завтра встречаемся в ленинской комнате батальона, начнем её ремонтировать. Плакатным пером писать умеете?

– Увы...

– Понятно. А рисовать?

– С таким же успехом. И почерк у меня ужасный.

– Ладно, дам вам клубного писаря и личного художника. Срок окончания работ – через две недели.

Подполковник сухо пожелал успехов в работе и отправил капитана в танковый батальон, принимать дела.

Едва Эдик вышел из штаба полка, как столкнулся нос к носу с рябоватым майором в годах. Громобоев попытался обогнуть его, но тот намеренно заслонил проход.

– Какие нахальные капитаны пошли! Не приветствует молодёжь старых майоров...

– Привет, – буркнул Эдик и посторонился. Но майор с колючими глазами и не попытался пройти, продолжая цепляться.

– А честь отдать? Забываем воинский этикет, ротный?

– Год как замкомбата, – буркнул Громобоев. – Поэтому даже перед старыми майорами не гнусь и не козыряю...

– О! Ба! Коллега! Наслышан-наслышан! – сменил тон и заворковал майор. Он даже радушно улыбнулся. – Ах, я обознался, лишь вчера вернулся после уборочной страды из Курской области, и мне

сказали, что прибыл новенький, вместо Сани Мураковского! Это я для порядка выступаю: всех старших лейтенантов и капитанов здороваться приучаю, чтоб не забывались. Тебе естественно можно мне честь не отдавать!

– Естественно, я и не думал...

– Ну, ты нахал. Мог бы из уважения к моим сединам и поприветствовать. Ах, какой ершистый. Ладно-ладно, шучу. А я майор Веселухин. Зовусь – Владимир Васильевич! Для тебя можно просто – Володя. Уверен, сработаемся, и позже познакомимся поближе...

– Полагаю, что так и будет, – ответил Громобоев и распрощавшись поспешил к себе в подразделение.

В батальоне его встретили довольно приветливо, как оказалось, предшественник в письме с фронта в красках обрисовал, кто к ним едет вместо него.

– К сожалению, я не танкист, а пехотинец, а в последние годы – горный стрелок, – попытался объяснить с комбатом Эдуард. – Виноват, но меня к вам распределили.

– Не журись! Сработаемся, – хлопнул капитана по плечу комбат подполковник Туманов. Комбату форма была к лицу, он был настоящим военным: молодцеватый, подтянутый, с решительным взглядом.

– Ерунда, мы из тебя сделаем настоящего танкиста, – заверил начальник штаба Шершавников. Этот майор с лицом, вырубленным словно из гранита, решительно достал из стола стаканы, дунул в них (едва не проткнув громадным носом-рубильником стеклянное дно), затем словно фокусник, буквально из ниоткуда материализовал бутылку водки. Быстро манипулируя всеми этими предметами, начштаба при этом продемонстрировал крепкие руки настоящего молотобойца.

– Верно, прямо сейчас и начнем знакомство-инструктаж, – ухмыльнулся зампотех Изуверов и тоже громко дунул в немый стакан. – Станешь у нас настоящим бронелобым!

Этот усатый зампотех пришёлся Эдику по душе больше всех: улыбчив, молчалив, обаятелен, воспитан. Жаль только он много курил гадостные дешёвые сигаретки. Комбат с начштаба постоянно спорили по пустякам, а Изуверов больше помалкивал и при этом лишь хитро шурил свои карие глаза.

Одной бутылкой ограничиться не удалось и ознакомление с жизнью танкистов для Эдика затянулось до полуночи...

Как-то так получилось, что с самого начала служба в Союзе не задалась и всё пошло кувырком. Одно дело – война, где могут за героизм, терпеть на майорской должности не специалиста, но зато бравого вояку, и совсем другое дело – мирный ратный труд в глубоком тылу. Тут нужны иные знания и умения, а их-то нашему капитану явно доставало.

Конечно, Эдуарда порадовали некоторые обстоятельства: батальон был неполного состава, офицеров полный комплект, солдат в пять раз меньше прежнего, наряд дежурным по полку раз в две недели. Служить можно...

Сначала Громобоев навалился на Ленинскую комнату. Комбат выделил солдата-недомерка, который умел сносно и почти без ошибок писать по-русски, потому что был действительно русским в основном нерусском по национальному составу батальоне.

Этот Кашкин был как говорится тормознутым: буквально засыпал на ходу, часто на полуслове задумывался и замирал, все у него валилось из рук и делалось сикось-накось. Непутёвый молодой боец только прибыл из учебного полка из соседнего гарнизона, и казалось, был словно заморожен. Однажды он возьми, да и выкинь такой фортель...

Дело было так. Батальон застуал в наряд, солдат не хватало, и как Громобоев не пытался отбить бойца, всё равно недотёпа Кашкин попал в состав караула. Как назло, по закону подлости, и Эдуард в последний момент был назначен дежурным по полку вместо прихворнувшего Изуверова. Внезапно среди ночи в дежурку ворвался взводный Раскельдиев. Узкие глаза лейтенанта – азиатка заметно расширились, и в них стоял ужас. С порога он завопил:

– Солдат пропал!

– Кто? Как пропал?

– Ваш Кашкин ушёл с поста! Разводящий со сменой прибыл, а его нет на месте!

Эдик бросил ключи от сейфов на стол помощнику и со всех ног помчался к охраняемым складам – солдата на посту действительно не было. Ни солдата, ни автомата. А с автоматом ещё и шестьдесят патронов. Забили тревогу, вызвали комбата, начальника штаба, подняли батальон по тревоге. Обыскали полк, обошли казармы, столовую, клуб – Кашкин словно провалился сквозь землю, нет нигде. Доложили командиру полка, в штаб округа. Пока докладывали, им позвонили от соседей – из учебного полка.

- Чей боец Кашкин? Ваш?
- Наш, – отвечает командир полка полковник Плотников.
- Ищете?
- Ищем!
- Можете не искать, он у нас, на губе сидит.
- Как он у вас оказался? – выдохнул с облегчением комполка.
- По старой памяти в гости наведалься. Он ведь у нас полгода учился.
- Оружие и патроны на месте? Всё при нём?
- Автомат на месте, но пять патронов он успел расстрелять.
- В кого...

Сердце командира полка неприятно сжалось и воздуха стало катастрофически не хватать.

- В свинаря пальнул.
- Убил наповал? – охнул Плотников. – Ранил?
- Не попал, – радостно сообщил командир соседнего полка. – Нам и вам обоим повезло!

Командиру сразу полегчало. Конечно же, замечательно, что солдатик нашёлся, а тем более здорово, что и автомат с патронами оказались при нём – не придётся выставлять кордоны и заслоны по дорогам и лесным просёлкам в поисках вооружённого дезертира.

- Сосед, не томи! Рассказывай по порядку, что произошло...

Из рассказа командира танковой учебки, а позднее в ходе проведения дознания, выяснился весь ход событий. Непутёвый Кашкин некоторое время мок под морозящим дождем на посту, передвигаясь по периметру, но вскоре это дело ему надоело. Замутнённую нездоровыми мыслями голову вдруг осенило: в руках автомат с патронами, и теперь можно сполна рассчитаться со своими старыми обидчиками. Что это были за обиды он и сам толком не мог припомнить, но какие-то обиды точно были. Солдат закинул автомат за спину и пошагал по ночному шоссе.

До танковой учебки было идти километра три, и через полчаса он достиг дыры в знакомом заборе. Кашкин пришёл к свинарнику, постучал в дверь, потом в окно, попросил отворить. Время было позднее, первый час ночи и его, вполне естественно, послали по-русски на три буквы, да ещё добавили несколько крылатых и обидных выражений сексуального характера. Свинарь натянул ватные штаны, накинул бушлат и направился к выходу, чтобы выйти и набить морду незваному и наглому визитёру, но на своё счастье не успел дойти. Кашкин на мат в свой адрес естественно рассердился, снял автомат с плеча,

дослал патрон в патронник и дал очередь в запёртую дверь. Замок разлетелся, но внутренний деревянный накладной засов уцелел. Солдатик толкнул её плечом, но массивная дверь, сбита из толстого бруса, не поддавалась. А свинарь мгновенно рухнул на пол и змеёй уполз в самый дальний угол помещения. Кашкин обошёл свинарник по кругу, понял, что спланированная месть не удалась, и отправился сдаваться. Пришёл к казармам, на удачу ткнулся в первую попавшуюся дверь. В том подъезде размещались трибунал, особый отдел и военная прокуратура. Капитан-особист дремал в дежурке, услышал шорох, скосил глаза и увидел перед собой вооружённого солдата.

– Тебе чего?

– Сдаюсь... – простодушно ответил солдат и громыхнул заряженным автоматом о письменный стол. Рядом положил ремень с подумком и запасным магазином. – Сыро на улице, я промок и замёрз...

Разбирательство этого неприятного инцидента было скорым, шумным, но не очень суровым. Ночного стрелка Кашкина поместили в психушку, освидетельствовали, обнаружили недостачу «масла» в мозгу, отсутствие нескольких «болтов» и «шурупов», подлечили и благополучно списали. Начальник караула вместе с начальником штаба батальона и командиром роты Меньшовым получили по строгому выговору. Эдику на сей раз повезло, даже замечания не заработал, как внонь прибывший в часть. Но своей боевой единицы он лишился и другого солдатика комбат ему уже не выделил.

– Хватит тебе прапора-комсомольца! Колотитесь сами, а то я вижу, что работа в Ленкомнате разлагающе на солдат действует!

Всё оставшееся время ведения ремонта Громобоев вместе с малорослым прапорщиком Юриком Онопкой, сами колотили щиты, грунтовали, размечали стены, вешали наглядную агитацию, вырезали картинки, клеили, а потом принялись писать тексты. И тут пришла на помощь и взялась за дело присланная на подмогу из клуба ефрейтор Любаша, внештатный полковой писарь. Примерно к началу зимы начальник политотдела принял работу. Подполковник Орлович хмыкал, качал головой, ворчал, но согласился, что при отсутствии средств, наверное, лучше не сделать.

Отремонтировав Ленкомнату, Эдик занялся личными делами. Но сначала из-за развода поспорил со всем политическим руководством. Первое время после возвращения с войны его вызывали

и приглашали выступать в школы, рассказывать о войне, но потом в управление кадров пришло письмо бывшей жены, с жалобой. Мол, подал на развод, скрывается от уплаты алиментов, ребёнка не воспитывает. Гнусная ложь! Явно тёща и гадюка-сестра подучили: деньги он переводил регулярно через финслужбу, подарки привозил, виделся с дочкой каждый месяц.

Штабные велели разобраться с морально-неустойчивым офицером. Первая реакция командования – вызов «на ковёр». Командир полка Плотников и начпо Орлович распекали более часа, грозились снять с должности и исключить из партии. Дали неделю подумать. Но тут как раз ко времени пришёл второй орден, бродивший где-то несколько месяцев в поисках хозяина, и меры дисциплинарного воздействия отменили. По партийной линии пожурили, ограничившись заслушиванием. Разговоры о моральном облике прекратились, обстановка понемногу успокоилась, политическое начальство вроде даже забыло о существовании проштрафившегося капитана.

Но остроуму на язык Эдику тихо не сиделось. Хотя по службе особых претензий к Громобоеву не было, но как говорится язык – мой враг. Раз отпустил шуточку по адресу замполита полка, в другой раз надерзил командиру части, даже с несколькими генералами умудрился поспориться...

* * *

Военная жизнь шла своим чередом. Обычная каждодневная армейская рутинка: наряды, дежурства, караулы, стрельбы, тактические занятия, вождение, обслуживание техники. После настоящей войны – скукота!

Как вдруг в высших партийных кругах страны активно заговорили о политических изменениях, о демократизации в армии, пошла череда всяких исторических пленумов, конференций, съездов. Войска лихо-радило, не успевали менять на стендах портреты высшего политического и военного руководства.

Целый месяц полк готовился к отчетно-выборной партийной конференции. Естественно коммунистической партии, кроме КПСС, легально, иных партий ещё не было, тем более в армии. Солдаты красили заборы и бордюры, белили и драили казармы. Командиры ожидали посещения высокого начальства и опасались-как бы чего не вышло...

И надо же было Громобоеву в этот «исторический» момент вляпаться с неудачным вложением средств. На последние «фронтовые»

деньги его угораздило по неопытности купить старенький, ржавый «Москвич-406», да ещё и с проблемными документами. Капитану однажды надоело прыгать с автобуса на автобус, решил перейти в класс автомобилистов. Теперь Эдику было не до службы. С этим раритетным авто он возился, боролся за его «живучесть» вместо того, чтобы заниматься подготовкой к проверке и оформлять отчетную документацию.

Громобоев зашкурил корпус, снял многолетнюю ржавчину, покрасил машину в несколько слоёв халявной танковой краской. На кой ляд Эдуарду сидеть в кабинете и бумагу марать писаниной, когда в личной машине карбюратор чихает, коробка скоростей барахлит, да ещё и резина лысая. Увы, но после разгульной жизни наступило затяжное безденежье, и этому довольно активно поспособствовала фронтальная жена, которая любила выпить марочного вина, покурить и снова выпить. Но о семейных проблемах чуть позже...

В ходе партийной конференции всем заместителям комбатов предстояло выступать в прениях по докладу важного генерала, а свой текст в духе руководящих документов о ходе перестройки, Громобоев даже и не продумал, не успел. Не до того! И вот теперь, уже сидя в зале полкового клуба, пока генерал монотонно бубнил, читая по бумажке, капитан с горем пополам набросал несколько фраз о повышении боевой готовности, о перестройке, расширении гласности, об ускорении, и демократизации. Конечно же, выходило, что батальон давно перестроился, и ускорился, а что касается гласности... Эх, какая может быть гласность в армии, а тем более демократизация? Вот именно, никакой!

Эдик мельком взглянул на докладчика – этот начальник Громобоеву категорически не понравился. Ну, прям какой-то очень типичный генерал. Фактурный! Большеголовый, крутолобый, с квадратной челюстью, крупным и мясистым носом, большими глазами навывкате, плечистый, животастый. А главное мордатый! Ох, какая у политического начальника была отвратительная рожа! И особенно Эдуарду не по сердцу была ахинея, которую нёс этот политический генерал.

– Товарищи офицеры! Как вы знаете, недавно прошла XIX Всесоюзная партийная конференция. Мы не знали, как провести демократично выборы делегатов на конференцию от нашего округа, ведь и мы в политуправлении ещё только учимся демократии, поэтому делегатов назначили, но из числа самых достойных коммунистов.

Сосед майор Холостяков хмыкнул:

– А мы, выходит менее достойные, второсортные...

Генерал естественно этой тихой реплики не услышал и продолжал читать текст.

– Всего было направлено десять человек. Могу перечислить по фамилиям, но я думаю, вы доверяете выбору Политического управления округа.

– Доверяем! – выкрикнул из президиума секретарь парткома.

– Конечно, не надо перечислять, – поддержал парторга помощник по комсомолу полка.

– А почему не надо? Можно и услышать, – возразил недовольный сосед, начальник штаба пулемётного батальона. Этому майору Холостякову бояться за свою смелость было нечего, весь его батальон помещался в чемоданчике, который хранился в секретной части.

Генерал слегка побагровел, строго посмотрел на выскочку-майора, порывлся в бумажках и, поморщившись, перечислил всю достойнейшую и проверенную бравую десятку: от командующего округом до секретаря партийной комиссии учебной дивизии. Кроме генералов этот список фамилий офицерам полка ничего не говорил. Знакомых не было.

– Удовлетворены? – поинтересовался генерал Никулин.

– Частично, – кивнул неугомонный майор.

– Он у нас правдоискатель, товарищ генерал, – буркнул командир полка. – Лучше бы секретную документацию привели в порядок, товарищ майор.

– А я сейчас ведь на партсобрании и спросил по-товарищески, как коммунист коммуниста, товарища генерала. Имею право?

Генерал пренебрежительно скривил губы, недовольно кивнул и пожал плечами, мол, понимаю, всё в духе демократизации.

– Верно, товарищ коммунист, мы на партийном собрании. Я вам по-товарищески и ответил. Не удовлетворены?

– Так точно! – согласился майор Холостяков. – Одни фамилии – это минимум информации. Биографии бы их почитать, с послужным списком ознакомиться: участие в боевых действиях, награды...

Офицеры зашушукались, довольные репликой товарища.

– Поверьте, мне майор Холостяков... – продолжил докладчик, нахмутив густые брови.

– Коммунист..., – напомнил майор, все больше нагляя.

– Хорошо, пусть будет коммунист Холостяков... – буркнул генерал Никулин.

– Причём, вопрос о вашем пребывании в рядах партии, товарищ майор, может быть рассмотрен на ближайшем собрании! – вякнул начальник политотдела.

– С чего это вдруг? – удивился Холостяков.

– Слишком часто по утрам бываете с похмельным синдромом! Я всё примечаю. А в свете борьбы с пьянством и алкоголизмом...

– Не будем сейчас уходить в сторону от повестки дня из-за одного говорливого индивидуума, – остановил генерал подполковника Орловича. – Позже разберётесь в персональном порядке. Мы не допустим никаких идеологических диверсий со стороны незрелых личностей, которые пытаются свернуть нас с пути намеченного руководством партии. Этим людям явно не нравится перестройка! Я вижу – не перестроились вы, товарищ майор!

– Приступим к прениям! – почувствовал ситуацию и оборвал возникший шумок в зале секретарь собрания, пропагандист полка. Он вскочил со стула и звонко постучал карандашом по графину. – Товарищи офицеры! Вернее, товарищи коммунисты! Внимание! Тихо! Прошу тишины в зале! Ведите себя прилично! Повторяю, переходим к прениям! Слово предоставляется...

И далее пошло тихо и мирно, по заранее спланированному сценарию.

Одним за другим выступили политотдельцы и замполиты батальонов, говорили правильно, толково, по бумажкам, наконец, дошла очередь и до Громобоева.

Капитан одернул китель с орденскими планками, встал и, не спеша вышел к трибуне. Эдуард немного поговорил о боевой готовности, о дисциплине и вдруг его как черт дёрнул за язык, он не смог удержаться от ехидного замечания и сделал небольшое лирическое отступление.

– Товарищ генерал! Вернее, товарищ коммунист Никулин! Вот вы в своем выступлении обронили...

– Я ничего не ронял! – сказал, как отрезал генерал.

– Э-э-э... Обмолвились, что аппарат политуправления не знал как провести демократическим путем выборы на партийную конференцию. Это удивительно и даже странно слышать, нам, рядовым коммунистам. Не знали... тогда, спросили бы у нас, у низов, мы бы может, подсказали как. Даже я мог бы предложить элементарное решение: не десятерых из десяти кандидатов выбирать, а каждая партийная организация выдвинула бы по одному делегату и в итоге провести конкурс, кто больше наберет голосов. Да и другие могли бы быть варианты. Стоит только немного подумать...

Произнося последнюю фразу, Громобоев скосил глаз на генерала и понял, что явно ляпнул лишнее. Генерал-майор Никулин напыжился, побагровел и стал похожим на огромную варёную свеклу. Эдуард испугался, что высокое начальство сейчас хватит апоплексический удар, и он окажется виноватым в смерти заместителя Члена Военного совета.

– Капитан! – рявкнул генерал.

– Коммунист Громобоев! – подсказал кто-то из задних рядов.

– Товарищ коммунист, мы примем к сведению Ваше замечание о развитии внутривластной демократии и подумаем над Вашим предложением. А после окончания партсобраний встречаемся в Ленинской комнате вашего батальона...

В принципе Громобоев гордился своей Ленинской комнатой, поэтому встречи с генералом в этом помещении не опасался, вот там – точно полный порядок в отличие от бумажек и документов. Эдик сел на своё место под одобрительные взгляды сослуживцев, а соседи даже пожалы ему в знак одобрения руки.

– Молодец! Так держать! Здорово ты уел этого красномордого барина, эк, подкузьмил! – прошептал ему зампотех Изуверов. – Но теперь прощайся с жизнью. Генерал тебя наверняка собственноручно убьёт. Ничего, не переживай, похороны и поминки за наш счет!

– Ерунда! Прорвемся! – отмахнулся легкомысленно Эдуард. – Не оскальпирует и кожу живьём не снимет. Не душман же он, в самом деле.

Конференция была на грани срыва, генерал был явно разъярен. Теперь выступление каждого коммуниста обозлённый Никулин прерывал сердитыми замечаниями, резкими нелицеприятными репликами. В тесном зале запахло грозой, и далекие раскаты грома слышны были каждому сидевшему. Атмосфера собрания наэлектризовалась и вокруг президиума, казалось, искрило.

В завершении собрания генерал Никулин произнес несколько реплик о нездоровой обстановке в полку, о зазнавшихся и зарвавшихся, о личной нескромности некоторых коммунистов, захлопнул папку, резкими порывистыми шагами направился к выходу. Позади высокого и породистого генерала семенил на коротких ножках пухлый начальник политотдела. Рядом они выглядели довольно комично. Следом за руководством потянулись все прочие бойцы идеологического фронта, тихо перешёптываясь в ожидании жестокой взбучки.

Громобоев никуда не спешил, поэтому успел перекинуться парой фраз с Холостяковым, посмеяться над недавним инцидентом, затем подошли несколько офицеров и пожали руку Эдику в знак восхищения его неслыханной дерзостью. Однако командир полка Плотников прервал восторги и громко рявкнул: «Громобоев! А ну, ко мне!»

Все одобрительные возгласы сразу же смолкли, и вокруг Эдуарда мгновенно образовалось пустое пространство.

– Я, товарищ полковник! – бодро ответил капитан. – Слушаю вас!

– Вы что себе позволяете на собрании? – грозно спросил Плотников. – Это что было такое?

– В смысле? А что было?

– Хамство и бестактность! Зачем весь этот балаган? Я вас спрашиваю!

– Так ведь мы не на служебном совещании сидели, а на партийном собрании. А он такой же коммунист, как и я.

– Кто он? – выпучил глаза раскрасневшийся командир полка. Полковник Плотников нервно закрутил вздувшейся шеей, широко разинул рот, словно рыба, выброшенная на берег, глубоко и прерывисто дыша. Казалось, что его душит форменный галстук и не хватает воздуха.

– Как кто? Генерал Никулин...

– Вот именно! Он – генерал! Первый заместитель Члена Военного Совета Округа! А Вы имеете наглость насмехаться! Да я тебя!..

– И ничуть я не насмехался, а по-товарищески высказал свое мнение!

– Как-как? По-товарищески? С генералом? Какой он тебе товарищ!

– Да? Разве? Не товарищ? Ведь мы даже обращаемся друг к другу по уставу: товарищ полковник, товарищ генерал, а вовсе не господин генерал.

– Демагог! Я имею в виду, что он в первую очередь начальник! Высокого ранга!

Командир полка затряс кулаками, топнул ногой и взвизгнул:

– Вот прислал Бог подарок из Афгана! Нахал! Осмелели там на войне! Обнаглели! Вот твой предшественник Саша Мураковский был настоящий замполит, не то, что ты! Марш с моих глаз долой!

– Меня прислал вовсе не Бог, а управление кадров....

В эту минуту вбежал пропагандист с воплем.

– Громобоев! Срочно в батальон! Ты почему до сих пор тут?

Эдуард развел руками и ухмыльнулся.

– А где мне быть? Не видишь разве – я с командиром полка разговариваю.

– Нашел с кем разговаривать, когда тебя там...

Полковник Плотников вскинул брови и накинулся на новую жертву:

– Это как понимать Ваши заявления? Что за разговорчики? Как это о чем говорить с командиром?!

– Виноват, товарищ полковник! Оговорился! Но там генерал-майор грохочет громом и метает молнии, а виновника грозы в казарме нет. Заместитель Члена Военного Совета генерал Никулин срочно требует подать ему Громобоева.

Из дальнего угла коридора послышалась фраза вполголоса произнесенная Холостяковым:

– Забавно звучит, первый заместитель... Члена! Военного Совета... Это, когда самому сил не хватает, то член приглашает первого заместителя или второго?

Молодые офицеры громко рассмеялись, но мгновенно притихли, опасаясь гнева руководства, только балагур Холостяков не унимался:

– Иди, Эдик, поговори по душам с Первым заместителем Члена, только будь аккуратнее, не нагибайся, не подставься... А то он там молнии членом грохочет...

Офицеры не удержались и громко заржали. Командир полка рывкнул на них:

– Марш в подразделения! Я вам покажу кузькину мать! Горлопаны! Демагоги! Будет вам всем от меня и член и хрен!

Плотников запрыгал на месте, топя короткими ножками, и Эдику сразу припомнилась злая байка о командире, передаваемая из уст в уста.

Коротышка комполка долгое время ходил в подполковниках и очень комплексовал по этому поводу – ему давно было положено очередное звание, но кто-то несколько лет тормозил это присвоение. И вдруг под новый год пришёл приказ – Плотников стал полковником. Он пошил себе новую папаху, и вместе с женой под ручку прошествовал по гарнизону. Все удивлены, но приветствуют, поздравляют. И тут ему навстречу с подсобного хозяйства телега запряженная полковой лошастью Машкой. Дорога скользкая, гололед, подковы на копытах старые, видимо она поскользнулась, споткнулась и упала на передние ноги прямо перед Плотниковым обряженным в новенькую высокую папаху. Народ это действие увидел, кто-то с развитым чувством юмора сочинил и добавил комизма ситуации, а по гарнизону поползла

шутка: даже лошадь удивилась, опешила, и упала на землю, увидев Плотникова в папахе!..

Пропагандист пулей метнулся вперёд, отбежал метров на десять, встал, снова побежал. Кругленький майор Авдеев нетерпеливо запрыгал на месте. Он глядел на капитана с нескрываемой злостью, его бесило, что Эдик демонстративно, не спеша вышагивает по плацу, а он просто наблюдает за ним, но бессилён что-либо сделать. Не тащить же за руку?

А Громобоев вовсе не наглед, он просто оттягивал неприятную минуту встречи с грозным генералом... Но так или иначе, а дорога от клуба до казармы не резиновая, её не растянешь, поэтому пришли быстро.

В батальонной Ленинской комнате стояла гнетущая тишина. У входной двери в одну шеренгу стояли начальник политотдела полка, его заместитель, партийный и комсомольский вожди, чуть поодаль топтался и крутил носом без вины виноватый комбат подполковник Туманов. Больше в казарме не было ни одной живой души, даже дневального убрали с тумбочки. Едва Громобоев вошел в Ленинскую комнату, комбат погрозил ему кулаком и на цыпочках выскользнул прочь, подалее от опасного места. На высокопоставленный политический аппарат у подполковника Туманова была давняя и стойкая аллергия.

Капитан нервно потоптался с минуту у входа, но сумел подавить невольную дрожь в коленках, сделал пару шагов вперёд и начал наблюдать за противником. Эдик ощущал себя тореадором на арене, а генерал Никулин виделся ему огромным разъяренным быком или даже скорее этаким Минотавром. Не помешало бы, заполучить красный плащ, как положено тореро для корриды, и главное дело остро заточенную шпагу, чтобы поединок был безопаснее. Но, увы, не было ни того ни другого, а голыми руками сражаться с огромным человекобыком смертельно опасно, ввиду неравенства весовых категорий.

Для рукопашной Никулин был крепким противником: статен, широкоплеч, грудь и шея борца, крупный череп, большие кулаки. Конечно, чуть полноват, для своих сорока пяти лет, но не хотел бы Эдуард вступить с генералом помимо словесного – в кулачный поединок. Хотя если бы провести дуэль на пистолетах или автоматах – это ещё, куда ни шло...

Генерал переходил от одного плаката к другому, от щита к щиту, молча читая лозунг за лозунгом. Пауза слишком затянулась и атмосфера в маленьком закрытом помещении всё более накалялась. Наконец, начальник не выдержал и обратился на Громобоева гневный взор. Капитан в ответ смело посмотрел на Никулина, выдержал взгляд, но во рту и даже в горле невольно пересохло. Генерал-майор ещё раз огляделся и вновь уставился, не мигая, глазами налитыми кровью, прямо как удав на кролика. Его лицо побагровело, и казалось, ещё чуть-чуть, и Никулина либо действительно хватит удар, либо генерал не выдержит и хищно бросится на капитана. Порвёт руками или загрызет!

— Что это? — с дрожью в голосе, еле сдерживая очередной нахлынувший приступ гнева, спросил Никулин. — Капитан, я Вас спрашиваю, что это такое?

— Ленинская комната, — обреченно ответил Эдуард. Минута бравады окончилась, наступил час расплаты.

Ноги вновь начали невольно подрагивать, по волосам к шее, и далее под рубашкой, медленно поползла мерзкая и липкая капелька пота, которая заскользила по позвонкам и устремилась вниз к копчику. Громобоев поёрзал, передернул плечами и решил, что пора отвлечься. Лучший способ — это шевелить пальцами ног. Этот приём отвлечения от неприятностей ему рассказал в училище замечательный преподаватель тактики и настоящий боевой полковник Богданов, который, будучи лейтенантом, в свою очередь позаимствовал этот способ у шутника-приятеля.

Эдик довольно быстро постиг тактику нервной нейтрализации и систематически её реализовывал: сначала надо пошевелить большими пальцами обеих ног, затем мизинцами, потом оставшимися тремя, снова мизинцами, а в завершение мизинцем и безымянным и так по кругу. Громобоев не успел дойти до третьего упражнения, как генерал не выдержал эффектного молчания и взорвался, словно термоядерная бомба.

— Это не Ленинская комната, это сарай! Это даже не сарай, а хлев! Кто замполит батальона? — задал генерал ехидный и одновременно глупый вопрос, ведь он и без того знал ответ. — Где он? Бездельник!

— Капитан Громобоев, замполит этого батальона, — вякнул фальцетом пропагандист полка.

— Молчать! — рявкнул генерал. — Я не Вас спрашиваю!

— Ну, я замполит батальона, — потерянно ответил Эдик.

— А без ну!

– Я! Заместитель командира танкового батальона по политической части капитан Громобоев.

– Ах, так это и есть тот самый демагог!!! Болтать все мастера, а вот дело делать, на это Вас нет! – и генерал ткнул указательным пальцем размером с хорошую сосиску в грудь Эдуарда, как раз в его орденские планки. Ноготь уперся в награды и генерал, поморщившись, посмотрел на колодку с двумя орденами и медалями. Медаль «За отвагу» видимо особенно бесила Никулина.

«Ишь, какой отважный нашелся! – мелькнула в голове у генерала мыслишка. – Да я тебя в порошок сотру! В бараний рог сверну!»

– Почему это хлев, товарищ генерал? У нас в Афгане всё было гораздо скромнее и хуже..., – начал оправдываться Эдик.

– Молчать! Хватит прикрываться своими боевыми заслугами! – яростно визжал Никулин, брызгая слюной. Ему было неприятно, что у него, такого видного, крупного мужчины, год уже как генерала, не было ни одной боевой медали, кроме нескольких юбилейных и за выслугу лет, не говоря уже об ордене. А у этого молодого худосочного выскочки – даже несколько боевых наград.

– Стены и столы покрашены, стулья отремонтированы, новые плакаты на прошлой неделе переписали.

Генерал уперся тяжелым взглядом в капитана, как на пустое место, и смотрел, словно, не понимал, что пытается объяснить ему этот ничтожный ничтожный человек.

– Эй, подполковник! – обратился Никулин к начальнику политотдела. – Даю две недели, нет – неделю, на полное переоформление наглядной агитации. Ясно?

– Так точно! – подобострастно ответил Орлович.

– Мне приказ не ясен, – буркнул Громобоев.

– А, Вас, капитан Громыхалов...

– Громобоев, – поправил генерала Эдик.

– Какая разница, да хоть Громодуев! А если приказ будет не выполнен, громыхнешь с должности. Я тебе так громовую!

– Не Вы назначали меня, – буркнул Эдик, – не Вам и...

– А я сниму! – заверил нахального капитана красномордый генерал. – Поверь! Каков наглец! Неделя срока и ни днём больше! Полетишь с должности под фанфары и с барабанным боем!

Генерал хотел было еще раз ткнуть Громобоева в грудь, но передумал упираться пальцем в боевые орденские колодки, и чуть сместив направление, ткнул в пуговицу кителя.

На Эдика внезапно нахлынуло, сердце бешено заколотилось и в висках запульсировала кровь, его переполнило желание дать в морду, с размаху, с оттягом, завалить на пол и запинать этого мордатого и холеного начальника, брызгающего слюной. В мозгу промелькнула шальная мысль:

«Эх, справиться с таким кабаном в честном поединке было бы нелегко, и если по-честному, то практически совсем не реально, но если неожиданно ударить хорошенько коленом по яйцам, и одновременно врезать справа с короткого замаха кулаком по носу, да подсечкой свалить с ног, то может быть, всё получится. Но, пожалуй, за мордобой, за драку с генералом, судом чести офицеров не отделаешься – наверняка посадят!»

Капитан подавил внезапно нахлынувшее желание и лишь крепче сжал кулаки.

«А если просто послать на....? Беззлобно, как само собой разумеющееся? Сказать небрежно: да пошёл ты... И всё. И самому почти сразу пойти тоже, или куда-нибудь подальше, например, обратно в Афган! Ах, досада, война для полка завершена, недавно вывели в Термез родной горнострелковый, возвращаться-то уже некуда... Но можно просто послать, хлопнуть дверью и уйти на гражданку, правда выслугу на пенсию жалко, ведь осталось всего несколько лет потерпеть этот дурдом...

Генерал не был ясновидящим, потому не мог прочитать мыслей и заметить нахлынувших чувств распекаемого им офицера и продолжал яростно бешевать.

– Исполнять! Немедленно! Подполковник Орлович, оставайтесь и работайте, можете меня не провожать! – рыкнул генерал в сторону начальника политотдела, хлопнул дверью, и громко топая каблуками сапог, покинул казарму.

В помещении повисла напряженная тишина, такая, что был слышен полёт последней мухи под потолком, слишком зажившейся почти до зимы. За окном продолжал гроыхать громогласный голос Никулина, который за что-то распекал поспешивших за ним подручных прибывших вместе с ним с Дворцовой площади.

Начальник политотдела и весь политический аппарат уставились на Эдика.

– Что скажешь? – спросил подполковник Орлович. – Наговорился? Довыступался? Теперь исполняй приказ! И какой чёрт дернул тебя

болтать о внутрипартийной демократии? Ведь я читал твои краткие наброски, в них не было ни слова...

– Экспромт! Не удержался... Так вышло...

Эдуард снял фуражку, почесал затылок и оглядел недавно приведенное в порядок помещение. Как раз именно то, что тут было раньше, могло называться сараем и бардаком, ведь предшественник, почти пенсионер ленился и ничего не делал. А теперь после ремонта тут вполне приличная обстановка! Кстати, эскиз Ленинской комнаты утверждал подполковник Орлович сам лично. И теперь этот начпо растерянно озирался и нервно теребил ухо.

– Ну, смотри говорун, думаю, теперь тебе войдет ниже спины! Ладно, будем пытаться спасти ситуацию. Так, так, так... Что делать, что делать! – подполковник схватился за голову. – Ну! Что молчишь? С чего начнешь-то?

– С денег, – ответил Громобоев. – Средства на ремонт есть?

– Нет!

– А на нет и суда нет. У меня тоже нет, – Эдик демонстративно вывернул карманы галифе. – Хрен с ним, пусть снимает...

Политотделыцы осуждающе покачали головами и засемили к выходу, начпо Орлович матюгнулся и тоже вышел из казармы. А Эдуард в сердцах пнул стул стоящий возле тумбочки дневального, и побрел ремонтировать недавно полученную служебную квартиру.

Неделя пролетела со скоростью экспресса. Громобоев велел солдатам покрасить с обеих сторон дверь, надраить мастикой полы, помыть столы и стулья, обновил подшивку газет, принёс из дома шахматы. На этом косметика завершилась.

Комбат всю неделю хмурился и нервно курил, ждал повторного приезда генерала, начальник штаба Шершавников теребил свой большой нос и успокаивал Эдика, мол, ничего страшного, ну сошлют тебя обратно в Афган, так ведь, это не страшно, не в первой, тебе ведь воевать привычно. Громобоев в ответ ухмылялся, часами размышлял, что можно предпринять, но умные мысли в голову не приходили. Делать было нечего, и ожидая разъяренную толпу проверяющих, капитан привел в порядок документацию, ведь они в первую очередь, сунут нос туда, полезут рыться в бумажках. На седьмой день его вызвал подполковник Орлович.

– Что будем докладывать? – спросил он Эдика.

– Доложите, что Ленкомната приведена в надлежащий порядок. Я сейчас велел подкрасить ножки стульев, вымыть пол, ну и вчера освежили побелку стен.

– А стенды?

– А что с ними? Наглядная агитация в соответствии с требованиями ЦК КПСС. Даже новое руководство повесил...

– Ого! – ухмыльнулся начпо. – Лихо ты, говори, да не заговаривайся!

– Портреты членов Политбюро вывесил, – поправился Громобоев.

– А я уже забеспокоился, было, кто тебя знает....

Начальник политотдела снял трубку с аппарата и доложил в Политуправление округа о выполнении поставленной задачи. Дежурный ответил, мол, понял, передам генералу Никулину и на этом разговор завершился.

Следующим утром в полк примчалась комиссия из округа и ретиво принялась «выкручивать» руки всем, но Эдику особо. Начпо собрал офицеров, положил фуражку на стол, выразительно повел глазами в её сторону и сам же первым положил в нее червонец. Политотдельцы поняли, не маленькие. Эдуард бросил двадцать рублей, но его заставили добавить еще пятерку.

Застолье, конечно, вряд ли бы спасло Громобоева от скорой расправы. Выручило эхо войны – догнал третий орден «Красной звезды», который свалился, как снег на голову. В канун празднования Дня Советской Армии и Военно-Морского Флота СССР из управления кадров сообщили о награде и велели вручить в торжественной обстановке, пригласить школьников и армейскую прессу. Опять повезло!

В клуб собрали весь полк, Громобоев пригласил бывшего подчиненного, Героя Советского Союза сержанта запаса из своего батальонного разведывательного взвода Юрку Жукова. Проверяющие политуправленцы были как раз на месте и старенький полковник, кривя губы, бормоча что-то дежурное, лично вручил Эдуарду орден и даже обнял.

– С тебя причитается, капитан, – пробормотал ненавязчиво проверяющий, пожал руку и похлопал по плечу.

– Служу Советскому Союзу! – ответил Громобоев, сказал несколько слов благодарности Правительству и сел на своё место. Героический сержант запаса Жуков тоже немного поведал о том, как воевал батальон, ему долго хлопали, особенно бурно старались солдаты, а потом полчаса фотографировались с Героем. Затем торжественная часть

плавно перешла в неофициальную: командование и заслуженные боевые офицеры полка отправились в полковую столовую на банкет. Эдуард решил проверяющих к застолью не звать, чтоб не давать повода наутро снять с должности за пьянство.

В офицерском кафе командир полка налил полную кружку водки, положил в неё новенький орден.

– Пей, капитан! До дна!

Громобоев вздохнул, выдохнул, хорошенько отхлебнул и отставил кружку.

– Я же сказал – до дна! – не согласился полковник Плотников и велел допить. Пришлось подчиниться. Затем пошли тосты сослуживцев, и далее было всё как в тумане. Завершилось мероприятие полным провалом памяти.

* * *

Таким образом, орден подоспел вовремя, снятие с должности начальники приостановили, вернее сказать, отложили до лучших времен...

Глава 5. Сумасшедший Новый Год

Глава, в которой Эдик в очередной раз убедился, что армия – это большой сумасшедший дом.

До чего же тяжёлый день второе января! Хуже любого понедельника! Да как же ему не быть тяжёлым, ведь двое суток подряд население страны беспробудно пьёт, тревоугодничает и безумно веселится: взрослые, словно дети малые, загадывают желания, совершают глупые поступки, шалят и чудят. Но затем бурное веселье сменяется унынием с подсчётом убытков и размышлениями, как дотянуть до январской получки. Каждая семья идёт на заметные траты: ведь накануне 31 декабря народ приобретает подарки родственникам и друзьям, сметает с прилавков магазинов всё съестное, а затем поглощает за праздничным столом годовую норму дефицита. Съедаются примерно полмиллиона тонн салата «оливье», миллион тонн колбасы и мяса, полмиллиона тонн мандаринов и столько же яблок, выпивается двести миллионов бутылок шампанского (сначала

одну бутылку под бой курантов, а вторую ближе к обеду первого января – ожить, опохмелиться), примерно столько же вина и коньяка, а водки употребляется – тройная норма. Если слить горячительные напитки, выпитые за сутки в один водоём – наверняка получится приличное озеро!

Эти нехитрые вычисления Эдик производил на листе бумаги, сидя за столом в батальонной канцелярии, подсчитывал на спор с начальником штаба, доказывая тому, почему весь остальной год – триста шестьдесят четыре дня в Советском Союзе (за исключением номенклатурных спец. распределителей), пустые прилавки и повальный дефицит. Громобоев умножал в столбик количество населения и примерный расход продуктов исходя из рациона своего новогоднего стола, принимая его за среднестатистический показатель. Эти бессмысленные вычисления, делались, чтобы отвлечь от похмельных страданий майора Шершавникова, а также для поддержания разговора и ради пустого время проведения. Какой дурак будет работать второго января? Просто убивали время, курили, болтали.

Начальник штаба был ещё тот выпивоха, меры в питье абсолютно не знал и мог самостоятельно, за один присест употребить пусть не ведро водки, но отхлебнуть как минимум примерно четверть. И теперь майор, у которого «горели трубы» и массивный нос распух, словно слоновий хобот, а опохмелиться, и сбить головную боль и повышенное давление было нельзя (служба!), стоял второй час подряд у приоткрытой форточки, и охлаждал ноющий лоб о наледь на стекле, мечтая о банке прохладного и пенного пива.

Ох, тяжело было Ваське, в принципе не ему одному, полстраны мучились общей болью. Ну, а если второе января выпало как в этом году ещё и на понедельник, и передышка будет не скоро, аж в субботу, то Шершавников пребывал в настроении вдвойне пакостном, и ощущение испытывал крайне тягостные.

– И почему второе января не выходной день! Кто удумал заставить огромную страну имитировать работу? – бубнил, держась двумя руками за виски, Василий. – За что нам такое наказание? Нет бы, опохмелить население, подойти к людям с душой и по-хорошему. Эх, сейчас бы два-три стакана водочки скушать, с селёдкой, да с солёным огурчиком, да под хрустящий груздочек! И запить рассолом!

– Не пробуждай желания! – нахмурился Громобоев.

– Какого хрена лысого, я должен сидеть в канцелярии и рассматривать ваши гнусные физиомордии..., – продолжил стонать Василий.

– Отвернись и не смотри, или закрой глаза и не гляди, – буркнул зампотех Изуверов. – Мне твоя рожа сегодня тоже не нравится, но я, же мирюсь с тем, что вынужден тебя опухшего и синюшного лицезреть.

– А не могу! Едва глаза закрываю – у меня всё в голове кружится и вертится, и я невольно начинаю терять равновесие. Это какая-то инквизиторская пытка. И какая же мерзкая сволочь и изуверская тварь придумала второго января выходить на службу.

– Не склоняй, пожалуйста, мою фамилию! – строго сказал зампотех и продолжил. – Это всё партия и правительство придумали, будь они не ладны, – пояснил Изуверов, встав рядом с приятелем-собутельником и тоже приложившись лбом к холодному оконному стеклу. Глаза у зампотеха заплыли, и для обзора остались лишь тонкие щелочки. – Во всём виноваты гадкие замполиты! – Ехидный зампотех скосил глаза на Громобоева, но Эдик не захотел лишний раз открывать рот и парировать выпад, поэтому решил промолчать, тем более, что сам пытался отвлечься от мигрени, занимаясь дурацкими подсчётами.

– Ты тоже в этой партии, – буркнул Эдик после долгой паузы и погрозил кулаком.

– Я не по велению души, а волею обстоятельств! Для должности...

– Тогда сиди в клетке и не чирикай!

Начальник штаба в очередной раз схватил графин с водой, жадно отхлебнул половину и громко заорал:

– Дневальный!

Солдат примчался на зов и заглянул в канцелярию.

– Принеси ещё живой водицы!

Боец метнулся в умывальник и принёс полный графин. Васька снова хорошенько отхлебнул и приложил графин ко лбу.

– О, горе мне, горе! Зачем же я пил вчера с Изуверовым?!

– Мне тоже тяжело, но я ведь не выступаю, – продолжил беззлобно переругиваться зампотех, поняв, что замполита раздражить не удастся. Изуверов обнял Шершавникова за плечи.

– Терпи! Я молчу как настоящий военный! Стойко переношу тяготы и лишения военной службы и тебе советую не бубнить. На мозги отрицательно действуешь. Сейчас посидим часик и рванём опохмеляться.

Громобоев слушал их речи, ехидно ухмыляясь и даже злорадствуя. Вчера он не усердствовал, ограничился, выпил в обед лишь

несколько бокалов шампанского, а вечером бутылку сухого вина, потому был более менее свеж. Конечно, чувствовал себя не как огурчик, но терпимо.

– Смотри, какая противная и самодовольная морда у замполита, – произнес сердитым голосом Шершавников.

– Злорадствует, сволочь! – согласился с приятелем зампотех. – Дать бы ему в харю!

– Купил машину и ведет трезвый образ жизни. Васёк, да ведь он издевается над нами!

Эдуард скорчил им в ответ мерзкую рожу и ушёл из канцелярии. Капитан прошёлся по спальным помещениям, по каптеркам, вышел на мороз, подышал и обратно. Так в трезвости офицеры и промучились до обеда, в обед остограммились, осталось протянуть до ужина и бежать по домам, доедать салаты.

Громобоев от нечего делать и чтобы как-то занять себя, перебирал в шкафу бумажки, избавляясь от ненужного бумажного мусора.

– Эдик! Сгоняй в посёлок за пивом, – умоляюще пробубнил зампотех. – Я тебе ключи от своей «Волги» дам! Конец рабочего дня, скоро все магазины закроются – опоздаем!

– Я выпив не вожу авто и тебе, Женя, не советую!

– Разве ж это пили? Понюхали! А до Песков сегодня свободно и пост ГАИ не выставлен. Поверь мне, не заметут! Тебе тоже кружка-другая пива не повредит.

– Неохота, на дороге гололёд!

– Да если что, моя «тачка» крепкая, как танк, любое дерево снесет.

Действительно, его «Волга» двадцать первой модели была уже легендой, и своим бампером снесла уже не одно дерево в округе, а Женя регулярно выпрямлял затем, то крыло, то капот, то паял пробитый радиатор. Но зарок – не пить за рулём и не садиться за баранку податым – есть зарок, и Эдик вновь отказался и не поддался на мольбы зампотеха.

– Сам езжай!

– Я б поехал, да руки-ноги дрожат, – тяжело вздохнул Изуверов. – Боязно...

В этот момент взревела громкая сирена, и офицеры бросились к окну, чтобы взглянуть, что случилось в полку. Тревожное гудение в районе штаба быстро прекратилось. Сквозь заиндевелое стекло был виден заснеженный плац, как в новогодней сказке: тишина, полное безветрие и медленно падали крупные снежинки.

– Это что за чертовщина? На пожар не похоже! – воскликнул зам-потех, взглядываясь в сумерки. – Не видно ни хрена! Не люблю зиму – больно короткое светлое время! Всего лишь шесть вечера, а за «бортом» тьма, хоть глаз выколи.

Внезапно на плац въехала машина с зажжёнными фарами и мигалкой.

– Ну вот, милиция за кем-то прибыла, – изумился Изуверов. – Надеюсь, не за нами. Мы вчера дома пили, а когда пускали ракеты, то вроде бы никто не засёк. Мы с Васей точно не могли за собой хвоста привести. Политрук, а ты вчера ничего не сотворил хулиганского?

Громобоев в ответ только усмехнулся.

Офицеры взглядывались в темноту, но ничего нового не увидели. Машина стояла и с места не двигалась, сигналила и ревели мотором, мигала как светофор, но из неё никто не выходил.

– Вот! Даже техника свихнулась! Этот «бобик» явно сбежал от хозяина, поэтому рычит и гудит! «Уазик» – призрак!

– А может быть, Тщедушкин опять кого-нибудь изнасиловал? – выдвинул версию начальник штаба. – И наряд милиции приехала за ним.

– Типун тебе на язык! – обругал его Громобоев. – Хватит нам с ним уже предыдущих ЧП.

Дело в том, что командир взвода старший лейтенант Тщедушкин недели за две до Нового года подцепил на танцах молоденькую девушку, привел её к себе в общагу и несколько раз подряд вступил с ней в половой акт разными способами. Девушка оказалась несовершеннолетней. И пусть до восемнадцати лет ей не хватало лишь двух месяцев, но эти два месяца грозили стать роковыми. Обвинение в изнасиловании не на шутку испугало Сергея Тщедушкина, ведь малолетка в околотке заявила, что пошла к офицеру послушать музыку после дискотеки, а вместо музицирования он овладел ею, причем один раз в крайне извращенной форме.

Девушка некоторое время пыталась изобразить невинность и целомудренность, скандалила вместе с мамой в штабе полка и в милиции, но версия похода в общагу в два часа ночи умиляла своей глупой наивностью даже самых яростных защитников и поборников девичьей чести.

Кроме того, в деле появились смягчающие обстоятельства – невинная девушка умудрилась заразить Тщедушкина нехорошей болезнью. Необъяснимый парадокс! Старший лейтенант предъявил командиру

части и следователю медицинскую справку, после чего забреть в арестанты взводного стало проблематично. А тем более офицера с боевыми заслугами и наградами. Встал вопрос: так девушкой она была или уже не девушкой? В общем, и она, и Тщедушкин друг друга стоили! Подхваченный триппер стал палочкой-выручалочкой, спасением взводного, невинность партнёрши удалось оспорить.

А для бравого вояки, всего лишь за год после возвращения с афганской войны этот случай приобретения триппера стал уже пятым или шестым, хотя по этому поводу он особо не переживал. Для улаживания проблемы Тщедушкину (после этого случая получившего прозвище Триппашкин) пришлось подарить «жертве» и импортный кассетный магнитофон, и расстаться с последними деньгами, заработанными в Афганистане.

– Ну, если этот ходячий триппер снова начудил, то я его урою! – пообещал обозлённый Громобоев. – Сколько можно выручать дурака из разных передрыг?

– Сгною в нарядах, – поддержал Эдика начальник штаба, ему захотелось на ком-то сорвать злость за похмельный синдром.

Зампотех улыбнулся, сделал глубокую затяжку и, выпустив три кольца табачного дыма, произнес безо всякого осуждения:

– Да ладно. Серёга отличный мужик! Вы к парню предвзято относитесь. Он делает лишь то, что умеет. Тщедушкин не виноват, что у него ничего другого не получается, кроме как молодых девок портить, да разбитным бабам в трусы залезать!

Шершавников снисходительно посмотрел на Жеку.

– А ты уж лучше бы помалкивал, защитник нашёлся! Старый лове-лас! По твоей вине едва международный конфликт не произошёл на сексуальной почве. Сам от Триппашкина недалеко ушел.

Женя на едкое замечание товарища совсем не обиделся, а лишь хитро улыбнулся, вспомнив былое.

– Вы о чём? – не понял Эдик.

Майор ухмыльнулся, выпустил ещё пару колечек табачного дыма и принялся рассказывать давнюю историю в цветах и красках...

* * *

...Несколько лет назад майор Изуверов, а тогда зелёный лейтенант, кутил с приятелями в дорогом ресторане и пристал в пьяном виде к ослепительно красивой брюнетке. Женщина словно сошла с обложки модного журнала: длинноногая, стройная, с острыми

торчащими грудками, копна её искрящихся волос была чернее смолы. Дьяволица в короткой юбочке! Эту короткую тряпочку и юбкой было назвать трудно. Она стояла возле стойки бара вместе с невзрачным мужичонкой лет пятидесяти, пила коктейль.

Жека принял брюнетку за девушку лёгкого поведения, которая не прочь провести время за чужой счёт. Как раз накануне была получка, Изуверов был при деньгах, почему бы не потратиться на прелестную незнакомку? Он подошел поближе и заказал рюмку коньяка. Лейтенант присмотрелся к незнакомке. Особенно его поразили чёрные, словно маслины глазищи, и шальные жгучие искорки в них. Женька засмотрелся на красивый ротик, представил, как же она должно быть хорошо работает эротичным язычком и губками...

Её лысоватый спутник постоянно что-то шептал красотке на ушко, при этом девушка громко и заразительно смеялась. Женька не спуская глаз с обворожительной брюнетки, выпил первую порцию коньяка, потом повторил для закрепления, и чтобы набраться храбрости жажнул ещё целый стакан бренди. Соседка изредка поглядывала на молодого лейтенанта, заманчиво улыбалась, и как показалось Жеке, даже слегка подмигнула.

О чём девушка говорила с мужчиной, лейтенант не слышал, они общались вполголоса, да и музыка в зале гремела на полную мощьность, но и так всё понятно, распутная девка – обрабатывает клиента! А чем Изуверов не такой же подходящий клиент? У него ведь полный карман денег! Вконец осмелев, он пригласил её на танец. Девушка что-то шепнула мужчине и согласилась.

Вначале танцевали молча: партнерша смотрела и улыбалась, а Женька тоже помалкивал, лишь напряженно стараясь попадать в ритм танца и не оттоптать красотке ножки. К стойке он её не возвратил, сразу начался второй танец, потом третий. Молодого лейтенанта, воздерживавшегося примерно месяца три, остро возбуждала близость гибкого женского тела, ароматный запах, взволнованное дыхание, обворожительная музыка, таинственный полумрак.

Изуверов стал действовать смелее, алкоголь подействовал, он что-то начал шептать партнёрше на ушко, что-то очень непристойное, затем погладил её талию, провел ладонью чуть вниз по бедру и сразу запустил сантиметра на три вверх под юбку, а другую ладонь положил на упругую задницу. Девушка слегка напряглась, но не сопротивлялась, и руки скользкие под юбкой по попке не отстранила.

Евгений прижался грудью крепче, притиснулся к сосочкам, партнёрша глубоко выдохнула, и тогда он провел пальцами между ягодиц..., почувствовал тонкие трусики. Правая ладонь сама собой оказалась ещё глубже под юбочкой (как было уже сказано, юбочкой это одеяние называлось с большой натяжкой), шашь – и шаловливые пальчики уже под трусиками, сначала побывали сзади, потом и спереди. Кровь и алкоголь ударили лейтенанту в голову, а когда ощутил на кончиках пальцев пушок и влагу, попёрла дурь – заработали инстинкты ниже пояса.

Словно племенной жеребец Изуверов был уже неудержим. Женщина что-то пробормотала непонятное, слегка картавя, и грассируя, но что именно он не разобрал. Захмелел! Тут рядом с ними очутился лысый злобный толстячок. Незнакомец попытался оттолкнуть лейтенанта, громко возмутился, пытался дать пощечину. Женька перехватил пухлую ручонку, потряс за грудки возмущившегося мужичка, и отпихнул в сторону. Вокруг наметившейся заварушки сгрудилась толпа зевак, кого-то они толкнули, кого-то слегка задели, шум, гам, вот-вот завяжется потасовка. Суетились и бармен, и официанты. Два приятеля лейтенанта вклинились в толпу, попытались помочь товарищу, распихивая народ.

Жека под шумок изловчился и умыкнул девицу в мужской туалет, где в тесной кабинке сладкий ротик красотки, показал ему высший пилотаж. Сделав свое дело, новая подружка вновь что-то непонятное пробормотала, попыталась вернуться в зал, но Изуверову показалось этого мало. Лейтенант хотел продолжения и, поломавшись чуток для вида, брюнетка согласилась.

Жека потащил её, вернее было бы сказать, это девица увлекла его на второй этаж, где они и укрылись с ней в её гостиничном номере. Партнёрша заперлась на ключ, в ураганном темпе они мгновенно разделлись, разбрасывая одежду по комнате, и завалились на кровать. Однако, толком не успели завершить и одного раза, как дверь номера вскрыли снаружи специальным ключом, и несколько добрых молодцев выдернули Женьку из постели. Неизвестные подхватили полуголого лейтенанта под руки и увели в неизвестном направлении.

Дамочка даже не пискнула, лишь прикрылась простынкой и послала на прощанье воздушный поцелуй. Возбуждённый и неудовлетворённый Евгений попытался сопротивляться и вырваться, получил по почкам, по печени, по затылку и отключился. В итоге окончательно опьяневший и одуревший Изуверов очутился в какой-то кутузке.

Когда рано утром офицер очнулся и с трудом сумел разомкнуть опухшие веки, то обнаружил себя лежащим в мрачной камере, на жестких нарах. Голова ужасно болела и ломило всё тело. От соседей по каземату он с ужасом узнал, что находится в тюремном изоляторе управления КГБ. Вот влип, так влип!

Первое время лейтенант не находил этому объяснения. А в чем дело? Потом память слегка вернулась, и он с трудом, из обрывков восстановил вчерашний вечер. Что? Из-за проститутки в каталажку? Тогда бы его должен был замести отдел милиции, занимающийся борьбой за нравственность, а не спецслужбы! Вскоре вывели на допрос, и ситуация прояснилась. Героиня ресторанного романа оказалась женой французского то ли консула, то ли советника по культуре, а может военного атташе (этого толком не протрезвевший Женька так и не понял), ведь в момент близости ему было всё равно, что болтала девица и на каком языке: что русская речь, что польская, что французская.

А как их нашли и замели в гостинице? Очень просто, наружное наблюдение просигнализировало о вероятности международного инцидента: мужик, которого Изуверов подержал за лацканы пиджака, помял рубашку и сорвал галстук, и был тем самым дипломатом. Иностраный господин даже пожаловаться не успел, а за Женькой уже приехали, выдернули из постели, намяли бока, повязали, и дамочку вернули лично в руки законному супругу.

– Понавезут в страну шлюх, а я теперь отвечай! – простонал Женька, выслушав суровое обвинение не то дознавателя, не то следователя. – Она же сама дала, никто её не заставлял, не насиловал! Шалава французская!

– А ты не кобелируй где не следует! Мало тебе наших баб? Этот ресторан предназначен в основном для отдыха иностранцев, в нём дипломаты тусуются, а мы их курируем. Там и наши девочки тоже работают на благо Родины. Каждый при деле, все на службе, а ты мешаешься! Какого чёрта тебя балбеса туда понесло!?

– Бес попутал! Шли с друзьями мимо, музыка приятная звучала, яркие огоньки...

– Мотылёк, блин...

– Вошёл рюмашку хряпнуть, а тут у стойки бара эта bestия стоит и глазками стреляет. Меня и сразила наповал...

– Завербовала?

– Че-е-го-о? – возмутился Изуверов.

- Завербовала для работы на иностранную разведку?
- Да вы что? Очумели? Какая разведка? Какая вербовка?! Да она почти не говорила, у неё рот был постоянно занят...
- Тебе повезло, не успел дать подписку о сотрудничестве...
- Как раз наоборот, это она и взять и дать успела, но вовсе не подписку... – пошутил Жека осмелев, и тут же получил звонкую затрепину от следователя.

Командованию полка удалось забрать Изуверова из кутузки лишь на третьи сутки, после того как принесли извинения французу, благо супруга дипломата претензий не предъявила, сказала что ничего особого не произошло, просто немного потанцевали и выпивший молодой пылкий офицер надумал себе немного лишнего и романтического. Эта бесстыжая нахалка, когда муж отвлекся ещё попросила передать привет бедному Ромео. Кстати, по наблюдению следователя, при дневном свете дамочка была уже не столь обворожительна и соблазнительна и на юную девушку никак не тянула. О чём чекист не удержался и с ехидцей сообщил Женьке.

Командир полка получил строгач от Командующего округом за низкую воспитательную работу с офицерами, а незадачливый похотливый лейтенант неполное служебное соответствие. Так Изуверов прославился на весь округ и старшим лейтенантом стал на девять месяцев позже срока, хорошо, что вообще им стал и в армии удержался...

* * *

Сумерки сгущались всё сильнее, по асфальту мела поземка.

– Да нет, похоже, что это не милиция, – возразил Эдик. – Это вроде бы ВАИ.

– За кем же это военная инспекция погналась? Поймали в автопарке нарушителя? – предположил Вася.

– Тогда какого черта ревёт сирена? – вновь сам у себя спросил Изуверов. – Нарушитель сбежал? Хотят собрать на плац и будут рассматривать наши физиономии?

В это время по селектору объявили общий сбор по тревоге. Делать нечего, пришлось надевать шинели и топтать на мороз. Надо сказать, что вечер второго дня Нового года, выдался довольно морозным, градусов под двадцать пять, а то и более. Батальон не успел построиться, как прибежавший на плац дежурный по полку заявил, что строиться следует не здесь, а в парке боевых машин. Пospешили в парк. У ворот

КТП тоже стоял «Уазик» с мигалкой, по парку разъезжал еще один, а следом за ним чёрная «Волга», явно большого начальника.

– Генеральская! Заместитель командующего генерал Кузьмичёв приехал, – авторитетно заявил зампотех, разглядев номер. – Принесла его нелёгкая на наши головы...

Волга затормозила, из салона вышел статный начальник и грозно рыкнул:

– Чего стоим истуканами? Вводная – боевая тревога!

Офицеры и солдаты помчались к боксам, принялись распахивать заваленные снегом ворота. Двери и ворота не поддавались, и началась суета. С горем пополам всё же открыли входные двери. Одни солдаты продолжали расчищать снег, другие заводили и прогревали двигатели танков, бронетранспортеров и автомобилей, третьи тащили боеприпасы и пулемёты. Подогреватель двигателя одного из танков полыхнул огнём, и языки пламени побежали под его днищем. В танке полный боекомплект, а рядом ещё десять танков! Рванёт – мало не покажется! Комбат не растерялся и вместе с ротным капитаном Меньшовым, схватив лопаты, закидали огонь песком и снегом. Бестолковщина, переходящая в панику царила кругом.

Тревожные ворота в сторону леса открыть никак не получалось, так как дежурный не смог найти ключи, тогда передний танк «ИС-3» их просто снёс и выехал за пределы парка.

– Стоп! Стоп! Я сказал прекратить учения!!! Отбой тревоге! – заорал в мегафон генерал и остановил «войну».

Напряжение разом схлынуло, но броуновское движение людей и техники продолжалось и далее минут пятнадцать, пока не удалось поймать и остановить последнего бегущего солдата.

Командир полка построил офицеров: запыхавшаяся и разгорячённая шеренга источала лёгкий перегар, а над головами клубился пар. Генерал прошел вдоль строя, недовольно покачал головой и велел собраться в клубе на «разбор полетов».

Тесный солдатский клуб размещался на первом этаже одной из казарм. Первый вопрос генерала Кузьмичёва удивил всех офицеров и был совсем не о результатах проверки боевой готовности. К удивлению Громобоева и этот генерал был не менее мордат, чем Никулин. Такая же большая арбузоподобная голова и широкая красная морда.

– Чей транспорт стоит на КПП? Это какой-то бардак!

Действительно, на площадке перед КПП полка, ютились пять стареньких машинёшек: тридцатилетняя «Волга», ржавый «Москвич», горбатый «Запорожец», подержанные «Жигули», потрёпанная «Нива» и лишь одна новая «Волга». Ах, да ещё там стоял чёрный мотоцикл «Урал» с коляской начхима.

— Это автомобили наших офицеров, — начал было докладывать командир полка, пытаясь пояснить, что это не какие-то посторонние машины гражданских лиц, а свои, полковые.

— Я и говорю, бардак! Развели тут, понимаешь, анархию! Чья «Волга»?

— Какая? — уточнил кэп.

— «Газ-24»! — вновь рявкнул генерал.

— Моя, товарищ генерал-лейтенант! — доложил заместитель командира полка по строю. Эту «Волгу» вечно улыбающийся и неунывающий подполковник Смехов привез из Африки, где служил главным советником бронетанковых войск в армии Уганды. Как выяснилось позже (в полку об этом узнали из прессы), президент этой далекой страны оказался канибалом, регулярно поедал своих противников и провинившихся чиновников. Смехову повезло, его в экзотической стране не съели. Он даже с гордостью рассказывал, как попал в историю национально-освободительного движения, борьбы с мировым империализмом и терроризмом.

Однажды арабские террористы захватили израильский самолет и посадили в аэропорту. Африканцы были далеки от арабо-израильского конфликта, поддерживали нейтралитет. Но следом за пассажирским авиалайнером приземлились два военно — транспортных самолета с израильскими коммандос. Спецназ израильтян в считанные минуты перестрелял охрану аэропорта и взял за террористов.

Президент-людоед не мог потерпеть такого бесцеремонного вмешательства во внутренние дела его маленького, но суверенного демократического государства. Он приказал срочно выдвинуться бронетанковым войскам к аэропорту и уничтожить израильских агрессоров. Пока велись переговоры с боевиками, Смехов был никому не нужен, он даже не знал о происходящих событиях. Советский советник в это время, как обычно, лежал в бассейне с прохладной водой, спасаясь от палящего зноя, стаканами пил ром с колой и джин со льдом и тоником (он считал эти напитки идеальным лекарством от малярии). Но как началась стрельба — понадобился и наш военный советник с его бесценным опытом.

Однако не тут-то было – история повторилась, словно в 41-м: танки стояли в одном гарнизоне, боеприпасы хранились в другом, а топливо было в третьем. Заправить танки с трудом, но всё же удалось, и без боеприпасов три «тридцать четверки», те которые сумели завести, выскочили на взлетно-посадочную полосу. Однако заблокировать бетонку не успели, и танкисты во главе со Смаховым смогли лишь наблюдать, как взлетал последний самолет противника.

Вспыльчивый президент-изувер велел наказать виновных. Оставшихся в живых охранников аэропорта выловили в джунглях, каждому залили в глотку раскаленный свинец и развесили на пальмах. Смахову повезло, он был иностранным специалистом, но даже над его судьбой диктатор размышлял. Президент долго и пристально рассматривал стоящего по стойке смирно главного советника бронетанковых войск, и временно посадил под домашний арест. Сановный каннибал размышлял: расстрелять, повесить или отведать мясо белого человека.

Выпивоха, весельчак и балагур Смахов запаниковал, ему стало уже не до шуточек и не до рома и джина, события приняли неприятный оборот. Советник проявил смекалку и, усыпив бдительность охраны, сбежал через окно туалета. Босиком и в одних трусах он примчался в посольство и не выходил за его ворота до самой замены...

– Так точно! Это моя «Волга», – повторил замкомандира полка. – Техосмотр пройден, машина исправна.

– Мне плевать, исправна она или нет, – сказал как отрезал генерал Кузьмичёв. – Офицер, у которого есть личный автомобиль – пропащий для службы. Он потерян для армии.

– Не понял, товарищ генерал-лейтенант, – всплеснул руками Смахов. – Для чего потерян? Для армии? Для какой?

– Повторяю. Офицер, у которого есть личный автомобиль, потерян для Советской Армии! Для какой же еще!

– А я читал, что в американской армии у каждого офицера есть личный автомобиль, – подал реплику с места острый на язык майор Холостяков, у которого тоже был личный «Москвич».

– Кто это сказал? – грозно спросил генерал.

– Я сказал, – ответил Холостяков и встал по стойке смирно.

– Объявляю Вам строгий выговор за пререкания! Командир, сейчас же запишите ему взыскание. Повторяю, офицер, у которого есть личный автомобиль – потерян для военной службы! Командир полка!

– Я! – вскочил на ноги командир части и вытянулся в струнку. –
Слушаю Вас!

– Товарищ полковник, Вы начальник гарнизона?

– Я! Так точно!

– Как начальнику гарнизона, я Вам приказываю: любая машина должна выезжать за пределы гарнизона только с Вашего личного разрешения! Ясно?

– Так точно! – вновь гаркнул полковник Плотников и вытянулся в струнку на все свои полтора метра роста.

– А разрешения на выезд выдавать – запрещаю!

– Слушаюсь, товарищ генерал-лейтенант. Так точно!

Офицеры в недоумении зашумели, и по рядам пошёл ропот недовольства. Примерно ещё десять-двенадцать человек имели автомобили, помимо тех, что стояли на площадке.

– В чем дело? – повысил голос генерал.

– А как прикажете выезжать в город? – задал вопрос неугомонный майор Холостяков.

– На автобусе! Получайте увольнительную записку и езжайте на общественном транспорте.

– Мы вроде бы вышли из возраста срочной службы, не солдаты, – возмутился Эдуард. Как всегда он не смог промолчать. – Даже в училище на последнем курсе был свободный выход в город.

– Ваша фамилия, товарищ капитан?

– Громобоев...

– Командир полка, запишите, что Громобоеву за нетактичное поведение выезд запрещён до февраля! И объявляю Вам замечание за разговоры и нетактичное поведение. У этого капитана машина есть?

– Так точно! – подтвердил Плотников.

– Значит, поставьте её на прикол и пусть проржавеет от крыши до днища. Займите его службой, нагрузите делами...

Эдуард в ярости заскрежетал зубами и сжал кулаки. Он сел на место и выругался.

– Нет, вы посмотрите на него! Представляешь, Вася, этот мудила из «нижнего тагила» прикатил на служебной «Волге» в окружении «УАЗиков», а нам велит ходить пешком? Приехал бы сам сюда в трескучий мороз на перекладных, на трёх автобусах, и потом я бы посмотрел на его пешеходный задор... – пробормотал Громобоев, обращаясь к Шершавникову.

Начальник штаба, живший в гарнизоне через дорогу, только ехидно ухмыльнулся, он был беспощаден к приятелю:

– Развивай ноги, тренируй мышцы. Купи велосипед вместо авто или бегай трусцой.

– Сам бегай, – огрызнулся Эдик и насупился.

Генерал потребовал показать мобилизационные документы и тревожные чемоданы. Громобоев только недавно начал оформлять документацию, карта была склеена, но на ней не было нанесено, ни одной надписи, ну, а полупустой тревожный чемодан содержал лишь котелок, ложку и полотенце.

– Капитан, как я посмотрю, Вы действительно заняты лишь своей машиной! Возможно, Вам пора отправиться послужить в Забайкалье или на Кавказ?

– Спасибо, я только прибыл из Афганистана.

Полковники из свиты генерала переглянулись и дружно принялись делать пометки в блокноты. Генерал продолжил публичную порку Громобоева.

– Ну и что? Уверен, кавказский горный воздух Вам будет полезнее наших сырых болот. Капитан, где Ваш сухой паек на трое суток и деньги на первые дни войны? Чем собираетесь питаться? Шпротами и сгущенкой? – вопрошал генерал, тыкая банками под нос Громобоеву.

Эдик не растерялся и ответил:

– Этих продуктов мне хватит на три дня. Китайский пехотинец довольствуется килограммом риса на неделю! А деньги положу с первой же полочки...

– Вы служили в Китайской Народной Армии? – усмехнулся генерал. – Откуда такая осведомленность? Надо его проверить, не завербован ли этот говорливый капитан... Болтун – находка для шпиона!

Эдуард покраснел, но на этот раз сдержался и промолчал. Спорить далее было бесполезно, тем более Громобоев увидел, что строевик принес служебную карточку и выразительно посмотрел на него. Генерал полистал страницы, почитал записи и добавил свою. Кадровик-майор вновь посмотрел на Громобоева и скорчил кислую рожу. Проходя мимо, он прошептал Эдику:

– Замолчи и не высовывайся капитан, прикуси язык! Теперь замучаешься удалять этот выговор...

Новый год был окончательно испорчен. Эх, а ведь сегодня не пятница тринадцатое! – подумал Громобоев, топая по тропинке между

сугробами к своей машине. На стоянке его ожидало еще одно разочарование. Переднее колесо спустило, а менять на морозе – дело не из приятных.

– Да пропади ты пропадом! – воскликнул капитан и побрёл пешком на автобусную остановку.

Глава 6. Острый национальный вопрос

Глава, в которой наш герой в очередной раз убедился, что чем больше в армии дубов, тем крепче оборона, и что чем многонациональнее дружный воинский коллектив, тем он крепче дружит. Однако, дружба эта идёт порой не на жизнь, а на смерть...

Постепенно Громобоев втянулся в рутинную учебно-боевую жизнь танкового батальона: ежедневно проводились либо занятия в классах, либо стрельбы, либо вождение, либо работа на технике. Каждую неделю раза по два, по три роты рано утром ещё в темноте выезжали на полигон и возвращались после полуночи. Эдуард обычно руководил учебным местом по гранатометанию, и хотя риск тоже есть, но это лучше чем торчать на вышке вместе руководства с комбатом. Несколько раз солдаты в темноте стреляли по ней по ошибке из пулемёта, и раз бабахнули выстрелом из вкладного ствола. Хорошо пули пролетели мимо, и к счастью обошлось без жертв...

* * *

На вооружении танковых рот стояли старенькие «Т-55» и «Т-62», которым было лет по двадцать, новее техники не было, но зато были и более древние мастодонты времен Великой Отечественной войны – «ИС-3». Эти тяжеленные махины многие годы без движения пылились в боксах, но числились боевыми единицами. В принципе, для укрепрайона вполне подходящая техника: танк как танк, поставить его в заранее отрытый капонир и будет долго и успешно сдерживать атаки противника.

Но в очередной раз началось сокращение армии, и руководством было принято решение о списании устаревшей техники, ведь в частях и на складах и скопилось более восьмидесяти тысяч танков всех

модификаций. Большую часть решили пустить на переплавку, некоторые экземпляры в музеи и на памятники. Технику Карельского укрепрайона тоже решили сократить: один танк заказали в Англию, один в Америку, один во Францию, подарки бывшим союзникам по войне.

Комбат Туманов получил задачу перегнать танки на станцию погрузки. Приказ есть приказ, а как его выполнить? Транспортёры-тягачи не дали, а по асфальту эти громадины не погонишь — проломит и свернёт всё дорожное покрытие! Решили гнать ночью в обход по просёлкам, по полям, через ручьи и болота, благо они скованы льдом. Мороз ночью ударил не шуточный, под тридцать, а в танке так же холодно, как и за бортом. Двенадцать офицеров и прапорщиков сели за рычаги и погнали технику. Чтобы не заблудиться и не сбиться с пути, вдоль намеченной трассы поставили солдат с фонарями и разожгли сигнальные костры.

Первый же танк едва вышел за ворота сразу провалился в болото, до утра его вытаскивали другим танком и тягачом, но остальные бронегиганты один за другим уходили в непроглядную тьму, чтобы стать историей. Только к следующему вечеру все танкисты вернулись с погрузки. Перепачканные офицеры бурно делились впечатлениями. На сухую дело не пошло, старшина метнулся за спиртом: усталым командирам после «ледяного» марша требовалось отогреться и расслабиться.

— До чего тяжёлая в управлении машина, — потирая натруженные руки, сетовал Шершавников. — Ладно, у меня лапы огромные и мой кулак величиной с голову ребенка, но как же обычные мальчишки водители в войну ими управляли?

— Неуклюжая, тяжёлая, но машина хорошая, — поддержал разговор ротный Демешек. — Кажется вот-вот в болоте застрянет, но рычит, ревёт, борется и выползает!

— Давайте выпьем за оружие Победы! — предложил Туманов. — Чтоб им хорошо стоялось обелисками в России и за рубежом!

* * *

Эх, как же тяжело служить в части, которую проверяют ежедневно многочисленные проверяющие. Ну, а кого ещё проверять, конечно же, тех, кто находится в непосредственной близости от высокого начальства! Пожелал генерал или полковник показать свою работу, сел в эту руководитель в служебную машину и отправлялся в войска. А какие войска рядом? Правильно, пулеметный полк, размещённый

в пригородном укрепрайоне. Час туда, час обратно, и несколько часов удовольствий и развлечений. Отлюбил офицеров полка, отодрал в хвост и в гриву, и уехал с чувством выполненного долга.

Страна постоянно бурлила и что ни день, то либо происшествие, либо катастрофа, либо межнациональный конфликт. Трясло Узбекистан, Киргизию, Грузию, Молдавию, Армению и Азербайджан, бунтовали республики Балтии. Солдаты получали письма из дома, обсуждали новости с земляками, косились на командиров. Батальон был сложным по национальному составу, как впрочем, и вся армия. Офицеры были, как правило, русские, украинцы и белорусы, а солдаты, наоборот, в основном азиаты, кавказцы, хотя было и немного славян.

В батальоне главными нарушителями воинской дисциплины были азербайджанцы. Один из них – Мамедов только вернулся из дисциплинарного батальона по амнистии, прослужив (просидев) лишний год. В дисбат он загремел за то, что втроем с земляками избили молодого русского сержанта, проломив ему голову. Двое угодили в тюрьму, а самый молодой по сроку службы Мамедов – попал на три года в дисциплинарный батальон. Уж чем он там так хорошо зарекомендовал себя, что попал под амнистию, трудно сказать. Теперь этот недомерок сам не служил, служить не хотел, и другим не давал, всех земляков к неповиновению подстрекал. Мамедов, Гасанов, Ниязов, ещё один Мамедов, каждый день одно и то же: работать не желают, прекаются. Из нарядов они не вылезали, и время от времени сажали этих Мамедовых, да Гасанова на гауптвахту.

Как-то раз слышит Громобоев, что в кубрике взвода обеспечения раздаются хрипы и визги, забежал и увидел такую картину: фуражка комбата валяется на полу. А сам Туманов держит Мамедова за горло, подняв над собой и прижав ко второму ярусу кровати. Солдатик пытается отбиваться, сучит в воздухе ножками, хрипит, брызгает слюной и вот-вот отключится. Что делать? Спасать или дать додуть? Решил спасти – зачем комбату из-за этого подонка в тюрьму садиться. Выхватил из рук Туманова мерзавца, разжал пальцы, а тот лежит на полу, хрипит и угрожает:

– Не прошу! Зарежу! Убью...

Еле – еле удержал Туманова, чтоб тот снова его не пришиб. Вызвали дознавателя, составили протокол, лист беседы, а Мамедов лишь посмеивается:

– Да не было ничего. Наговаривают. Ну, повздорили мы слегка, не поняли друг друга. Я всегда всё выполняю, придираются ко мне.

Сидит, улыбается, отвечает на все вопросы дисциплинированно: так точно, никак нет, есть, слушаюсь!

Дознаватель разводит руками:

– Греха с ним не оберемся, если дело в суд передадим – обоюдная драка.

– Но ведь мы обязаны по уставу добиваться выполнения приказа любым способом! – кипятился комбат.

– Понимаете, он, находясь в дисциплинарном батальоне, хорошо изучил Уголовный кодекс, да ещё и адвоката-земляка на судебный процесс пригласят. Ничего хорошего из этой затеи не выйдет. Работайте, воспитывайте! Собирайте материал: рапорты, заявления, объяснительные, показания пострадавших. Или дождитесь более крупного ЧП.

– Вот спасибо, успокоил, – разозлился комбат. – Ждать когда он кого-то убьёт?

– Ну, зачем же сразу убьёт! Побьёт солдата, в самоволку уйдёт, украдёт чего...

Надо было что-то делать, и Громобоев решил написать письма домой всем этим мерзавцам: родителям, в школу, в милицию, в военкомат. Ответов не получил, однако вскоре Мамедов подошёл и с обидой в голосе заявил:

– За что вы меня так опозорили? Мама ругается, папа ругается! Я этого не прощу.

После ругательных писем к Эмину Гасанову приехал отец, маленький, сухонький, с глубокими морщинами на лице, такой светливый старичок с палочкой. Оказалось, этот боец последний ребенок в семье, папе давно за шестьдесят, нормальный труженик, сорок лет за баранкой грузовика. Папаша прямо в канцелярии принялся дубасить тростью нерадивого сыночка.

После писем и посещения старика Гасанова азербайджанцы на время чуть притихли, но тут как назло у них дома начались погромы со стрельбой и резнёй. Получив вести с Родины, в полку пошли регулярные стычки между армянами и азербайджанцами. Тот год выдался конфликтным: то в Узбекистане между местными и турками-месхетинцами, то в Молдавии бузили гагаузы, то волнения в Грузии и попытки отделиться от неё Абхазии, потребовали независимость Прибалтийские республики. Малые конфликты постепенно перешли в крупные – вскоре на Кавказе началась настоящая война за Карабах.

В тот хмурый осенний день, Эдик сидел в канцелярии, и третий час гонял партию за партией в нарды с комбатом Тумановым. Офицеры неспешно рассуждали о предстоящих организационно-штатных мероприятиях и травили байки. Руки «бойцов» уже устали бросать камни, но они всё играли и играли, ни один не желал сдаваться. В канцелярии было основательно прокурено, ведь курили все кроме Громобоева, поэтому матерясь, Эдуард время от времени вскакивал от доски, распахивал обе форточки, но переживающий, о своём здоровье простудный Шершавников, через минуту их затворял опять на шеколду, ворчливо выговаривая замполиту о вреде сквозняков.

– Марс! – радостно воскликнул комбат, убирая кубики. – Слабак! Я тебя второй раз замарсил сегодня! Иди за пивом!

Сидевший у окна начальник штаба, криво ухмыльнулся, и выразительно глазами показал Громобоеву на выход, намекая на ускоренную пробежку в ларёк. Василий как всегда невозмутимо ковырялся в бумажках, не выпуская из зубов очередную папиросу. Канцелярия провоняла этим мерзким «Беломорканалом» наверное, навсегда, и проветривать её было бесполезно. Шершавников перебирал листочки и рассуждал вслух:

– Главное в развертывании, не потерять оружие и не допустить гибели людей. Не важно, как мы будем водить и стрелять, как проведем учения, всё пойдет насмарку, если кого-то танк задавит, или какая-нибудь сволочь стибрит пулемет!

– Да кто ж его сопрёт? Кому нужен ПКТ? – задумчиво проговорил комбат, переставляя шашки по доске. – Это не автомат и не пистолет, его на «чёрном рынке» не продать. Мы ведь не в Закарпатье, где каждый крестьянин поливает машинным маслом огород, чтобы пулемёты в земле не ржавели.

– Ну, всякое бывает, и даже уже бывало. Например, из вредности, или из подлости! – ухмыльнулся начштаба. – Вас обоих здесь ещё не было, когда несколько лет назад произошла одна неприятная история с хищением оружия. Мы с Жекой сами только в полк прибыли из училища и были очевидцами. Той зимой пропал пулемет из закрытого хранилища, кажется году примерно в восемьдесят втором. Вот это было ЧП! Очень громкая история, прогремели на весь округ.

Комбат нахмурил брови и кивнул головой в знак согласия.

– Помню, я только-только академию окончил, и в нашей дивизии тоже трепались об этой краже. Крупный был скандал, прогремели не только на округ – на все вооруженные силы!

Эдик отложил кубики и приготовился слушать очередную интересную байку Шершавникова.

– Натерпелись мы тогда! Моментально понаехали следователи, охотники, милиция, кэбэбэшники, шутка ли – украли пулемет! А вдруг кто-то решил обстрелять Смольный? А ну как оружие попадет в руки злоумышленника, который надумает расстрелять демонстрацию на Дворцовой площади? Дело ведь было в первых числах ноября. В ночь похищения снега навалило по пояс, и все следы были скрыты. Солдаты и офицеры лопатами перекидали сугробы, щупами проверяли каждый метр, перерыли парк боевых машин вдоль и поперек. Ничего не нашли! Вызвали саперов с миноискателями, и возле каждого сапера ходил товарищ в штатском. Привезли розыскных собак, но и они след не взяли. В полку никто не спит, солдаты с ног валяются: построения, беседы, допросы, поиски. Недельку искали-искали, а потом однажды утром нашли пулемет валяющимся на снегу прямо под окнами казармы, кто-то его подбросил, опасаясь разоблачения. Уж, не знаю всех тонкостей дела, может кто-то сдал злоумышленника, «контрики» ведь мастера своего сыскного дела, но похитителя нашли. Оказался этот «террорист» солдатом с танковой роты пулеметного батальона: плюгавый чмошник, обычный раздолбай. Конечно никакой не торговец оружием, не террорист и не бандит, захотел отомстить командиру роты за то, что тот побрил ему голову наголо и посадил на гауптвахту. Бойцу, вернее сержанту, оставалось служить всего ничего, полгода. Жека, ты не помнишь, как его вычислили?

– Нет, мне было не до того, я в те дни приходил в себя после романа с француженкой. Переживал и опасался, чтоб меня не приплели к этому делу.

– Ну, не суть, не важно, не сбивай меня с мысли своими романтическими похождениями. То ли сержант отпечатки пальцев оставил, то ли по клейму на х/б, в которое пулемет завернут. Но в итоге попался! И тут начинается самое занятное во всей этой истории. Суд присудил солдату пять лет колонии, но «диверсант» не согласился с решением и подал апелляцию, мол, я пулемёт украсть не хотел, а просто спрятав его, чтобы командира роты сняли с должности. Пересуд! Открылись новые обстоятельства – сержанту дали семь лет – ведь вскрылись отягчающие обстоятельства – теперь судья нашёл злой умысел в действиях бойца. Да ещё вдобавок упекли не в обычную колонию, а на строгий режим. Так что, мотай на ус, замполит, главное нам не потерять оружие! И ещё важнее людей сберечь! Призовут самых

горьких пьяниц, не нужных в автохозяйствах и на производстве, а нам с ними потом месяц мучиться. Того и гляди, сопрут чего из подлости или вредности!

Эдик хотел было сказать, мол, сами с усами и без тебя знаем, но в этот момент дневальный громко завопил «смирно!» и офицеров из канцелярии, как корова языком слизала. Если при живом комбате дневальный так истошно орет, это означает, в батальон явился начальник не ниже командира полка.

Громобоев прошмыгнул в Ленинскую комнату, зампотех помчался через «чёрный» ход в автопарк, а комбат надел китель и фуражку, сделал выражение лица суровым и пошел встречать командование. В рекреации прохаживался даже не комполка, а целый генерал (правда, на взгляд Эдика генерал был какой-то маленький, игрушечный, как ненастоящий), но всё равно любой генерал всегда генерал! Маленький полководец вместе со свитой из трех старших офицеров стоял у доски документации и читал расписания занятый рот. Комбат, чеканя шаг, подошел к проверяющим и доложил. Генерал выслушал, и вяло ответил:

– Подполковник, подайте команду «вольно». Я заместитель начальника штаба округа, генерал Ослонян.

Генерал протянул руку и поздоровался с комбатом.

– Вольно! – гаркнул Туманов во всю свою лужёную глотку (а голоса, что у него, что у Шершавникова действительно были громкие, настоящие командирские). – Здравия желаю, товарищ генерал!

Генерал привстал на цыпочки и попытался что-то разглядеть в плохо разборчивой писанине.

– Это чье расписание занятий? Кто его составлял?

– Расписание второй роты, товарищ генерал. Командир роты капитан Демешек.

– А почему так безобразно и коряво составлено? Кто эти каракули сумеет прочесть? Вот подойдет, к примеру, солдат, захочет посмотреть какие у него занятия, а тут сам чёрт ничего не разберёт.

– Товарищ генерал, кроме офицеров кто его будет читать? У нас в ротах сплошь узбеки, туркмены, армяне и азербайджанцы. Они толком и говорить-то не умеют по-русски, – брякнул вышедший из туалета молодой лейтенант командир взвода.

Генерал вытаращил глаза на комбата в изумлении, густо покраснел и с возмущением произнес:

– Но ведь я ваше расписание читаю. Что за пренебрежение к национальным кадрам?

Комбат сообразил, что взводный брякнул глупость, ведь генерал был не русским и обиделся на эту последнюю реплику лейтенанта.

– Виноват, товарищ генерал. Раскильдиев, а ну марш отсюда в парк на технику.

– Э-э, нет, постой, лейтенант. Ты кто?

– Киргиз...

– Да я не национальность твою спрашиваю, а должность..., – поморщился генерал. – Я вижу, что ты не русский...

– Я – командир взвода.

– Как фамилия?! – рассердился генерал.

– Лейтенант Раскильдиев. Временно исполняю обязанности командира второй роты. Ротный в отпуске...

– Разгильдяй! Ты не временно, а случайно исполняющий обязанности! Доложи мне лейтенант, кто писал это расписание?

– Писарь роты, – ответил, улыбаясь во все свои тридцать два зуба простодушный Раскильдиев.

– А почему писал писарь, а не ты? Посмотри, сколько тут ошибок допущено и наделано неточностей! – возмутился генерал. – Разве писарь командует ротой и занимается планированием боевой подготовки? Лейтенант Разгильдяев, ты в таком случае отдай солдату свою офицерскую зарплату!

– Раскильдиев, – поправил генерала лейтенант и принялся оправдываться. – Я плохо пишу по-русски.

– Ну и что?

– Я ведь говорю, что я киргиз.

– Ну и что? – повторил генерал. – При чем тут киргиз или не киргиз?

– А писарь русский, он язык знает лучше меня, я часто ошибки допускаю.

Генерал топнул яростно ногой и воскликнул:

– Когда я был лейтенантом, я тоже писал с ошибками. Бывало, что и многие слова неправильно писал, порой даже кто-то мог и посмеяться, но я лично делал свою работу! И всем начальникам говорил, что сам пишу. Я кто, по-твоему?

– Генерал! – буркнул Раскильдиев, оглядев с ног до головы начальника, от папахи до начищенных блестящих сапог.

– Я спрашиваю, дорогой мой, ты как думаешь, кто я по национальности?

Раскильдиев посмотрел внимательно в лицо генерала еще раз и сделал предположение:

– Нерусский?

Генерал даже подпрыгнул от возмущения.

– Нет такой национальности – нерусский! Я армянин! Разве по моей фамилии непонятно кто я?

– Аслонян или Ослонян? – вновь тихо произнес лейтенант, и решил видимо неудачно пошутить. – Э-э-э...Ваша фамилия от осла или слона происходит?

– У-у-у! – взвыл генерал и затопал ногами. – Конечно, от слона! Сам ты от осла! Обезьяна – сын осла! Ты издеваешься надо мной?

Сам того не желая, лейтенант нечаянно обидел генерала, затронул болезненную тему с фамилией. Но и Раскильдиев обиделся на обезьяну и густо покраснел. А генерал Ослонян тем временем подпрыгнул на месте, выхватил приклеенный к доске большущий лист расписания и яростно разорвал.

– Вот, тебе, расписание! Вот, тебе, нерусский! Вот тебе фамилия от осла...

Теперь уже лейтенант в свою очередь обиделся, ему тоже не понравился оскорбительный тон начальника.

– Вы за что меня сравнили с ослом, да ещё и назвали обезьяной? Вы что-то имеете против киргизов?

– Нет, против киргизов я ничего не имею! Но я не переносу тупых киргизов, особенно, если тупой киргиз ещё и офицер! Иди, думай и переписывай расписание.

Раскильдиев поднял два больших клочка расписания и заявил со злобой в голосе:

– Лучше сразу объявите выговор! Зачем обзывать тупым киргизом и сравнивать с животным! Над подчинённым издеваетесь? Это неуставные взаимоотношения...

Маленький генерал с неподдельным изумлением во взгляде уставился на Раскильдиева. Он пристально посмотрел снизу вверх, пытаясь пробуровать узкие глаза лейтенанта-азиата.

– За что тебе объявить выговор?

– За то, что не буду переписывать расписание. И я буду жаловаться – вы надо мной издеваетесь. Всегда расписание и документацию делают писаря, а я что крайний? Раз я киргиз, то надо мной можно смеяться? Это дискриминация!

Папаха на голове генерала самопроизвольно принялась ёрзать на макушке. Страсти явно накалились. Раскильдиев покраснел, вспотел, сжал кулаки и задрожал от ярости. Генерал тоже взмок и покраснел, сжал в ответ кулаки и затопал ногами. Казалось ещё секунда, и они как бойцовские петухи бросятся друг на друга.

– Ты что себе позволяешь, Разгильдяев?

– Раскильдиев!!! – вновь поправил генерала лейтенант. – Раскиль-ди-ев!

– Разкельдиев...

– Раскильдиев! – терпеливо повторил лейтенант.

– Рас-кель-дыев, – произнёс по слогам генерал и опять ошибся.

– Рас-киль-диев, – поправил лейтенант, и было заметно, что злость на генерала у него уже пропала.

– Хватит! Не сбивай меня! – взвизгнул генерал. – Значит, ты меня обвиняешь в расизме? Меня?! Армянина, обвиняешь в преследовании по национальному вопросу? Может и в геноциде? С чего бы мне тебя преследовать?

– Конечно, есть причина. Я киргиз, а вы армянин...

– Ну и что?

– Я мусульманин...

– Вера тут не причем, я не верующий, я вообще-то атеист.

Упрямец Раскильдиев продолжал гнуть свою линию:

– А может, Вы, мне за турецкий геноцид мстите, или за Карабах. Ведь азербайджанцы и турки мусульмане, и я тоже мусульманин.

– Прекрати! По-хорошему говорю! Насмехаешься? – генерал вконец рассвирепел, не знал что сделать со спорщиком, и тут в дело вмешался комбат Туманов.

Подполковник схватил за шиворот сопротивляющегося лейтенанта, оттащил от генерала в сторону и передал упирающегося взводного в руки Громобоеву.

– Уведи его от греха подальше, – зашипел комбат.

Теперь уже Эдик схватил здоровяка Раскильдиева за воротник шинели, обхватил за талию и увлек вглубь казармы.

– Раскильдиев, ты что, сбрендил! Зачем болтаешь всякую чушь генералу про национальности? Смотри, как генерал разволновался! Сейчас этого Ослоняна удар хватит. Теперь он на комбата орет и рвёт одно за другим расписания занятий рот и взводов на мелкие кусочки. Ох, берегись нынче гнева комбата, лучше помалкивай и рта не раскрывай, когда Туманов будет ругаться...

Малорослый генерал накричался, дал волю гневу, порвал расписания, а заодно и боевые листки, и вместе со свитой выскочил из казармы. Пока проверяющие один за другим, перемигиваясь и ухмыляясь, покидали расположение, Туманов стоял по стойке смирно, приложив руку к козырьку, но едва последний офицер вышел за дверь, подполковник резкими и энергичными шагами устремился к Раскильдиеву. Командир батальона подскочил к широкоплечему крепышу-лейтенанту, схватил руками его за плечи и так сжал, что лейтенантские погоны свернулись трубочками и нитки, которыми они были пришиты к шинели, затрещали.

– Не троньте погоны, товарищ подполковник! – попытался вырваться лейтенант из его медвежьих объятий и судорожно задергался. – Я плохой офицер! У меня ничего не получается, я лучше уволюсь из армии. Но не смейте трогать мои погоны!

Туманов опомнился и выпустил из своих цепких пальцев плечи Раскильдиева, отошел на шаг назад и громко произнес:

– Смирно, лейтенант!

Командир взвода замер и вытянулся в струнку.

– Объявляю тебе выговор!

– За что?

– За... за... за... Сам знаешь за что! За неопрятный внешний вид! Иди и почишь свои сапоги.

Раскильдиев растерянно опустил взгляд на обувь и увидел, что действительно, сапоги были грязноватыми, видимо по пути из автопарка он ступил в лужу и забрызгал их.

– Есть, выговор! – улыбнулся лейтенант. – Разрешите идти?

– Иди, пиши расписание. Лично проверю! Бери в руки наставления и переписывай слово в слово. Не торопись, до утра у тебя вагон времени.

Эдуард заулыбался. Напряжение спало, инцидент был исчерпан.

– Чему улыбаешься, Громобоев? – спросил сердито Туманов.

– А что прикажете мне, плакать? Два нерусских: один генерал, другой лейтенант выясняют, что хуже и обиднее: обезьяна или осёл. Забавная интермедия, в этом цирковом представлении только чукчи не хватает.

С тех пор Ослонян стал регулярно посещать полк, потому что командующий округом назначил его куратором части. В принципе, он был неплохой дядька, хотя звание генерала явно получил по разнарядке,

как национальный кадр. Не реже раза в неделю он навещался в гарнизон и обязательно посещал расположение танкового батальона: читал расписания занятий, проверял журналы боевой подготовки, боевые листки, стенгазеты. Раскильдиев старался больше не попадаться ему на глаза, но это почти не удавалось. Случайно или нет, но генерал всегда натыкался на лейтенанта – киргиза, находил повод к чему придрататься и по-отечески журил его. Такая вот у них была своеобразная «дружба»...

* * *

Тем временем в полк начали прибывать первые небольшие партии «партизан». Их быстро переодевали, кормили и вывозили работать на капонеры и доты, на технику, от греха подальше, пока мужики не успевали напиться, или что было точнее, не успели опохмелиться. С одним таким индивидуумом Эдик попытался провести воспитательную работу, мол, какого чёрта ты так напился?!

Помятая, опухшая, небритая «личность» отшутилась анекдотом. «Вчера пил, с утра было тяжело, и думал, что умру. Но сегодня опохмелялся – лучше бы я действительно вчера умер...»

Ну что с таким кадром сделаешь, сплошной кабацкий фольклор. Внезапно на пункте приёма появился генерал Ослоян.

– Строиться! – громко скомандовал полковник из его свиты! – Всем встать! Живее, живее! Смирно!

Партизаны, поругиваясь, с матерками, попытались построиться в одну шеренгу.

– Подравняться, что за строй, как бык поссал! – продолжал выражать недовольство полковник.

Ослоян вышел вперед и махнул рукой:

– Вольно, не шумите, полковник Яблоненко. Видите, перепугали людей, что они про нас потом расскажут дома? Скажут, мол, военные только орут, кричат и командуют? Я хочу просто поговорить с солдатами. Кто тут отвечает за воспитательную работу?

– Я! Капитан Громобоев.

– Вот и славно, заведи людей куда-нибудь и посади.

Эдуард выполнил распоряжение генерала и тот принялся беседовать с «партизанами».

– Товарищи солдаты! Все вы знаете, какая сложная обстановка в стране. Перестройка, гласность, демократизация, ускорение, понимаешь ли, реформы в экономике. Но есть силы, которым не нравятся

позитивные изменения, понимаете ли! Вот, например Карабах! Устроили там, понимаешь ли, барабах!

– Вот сказанул: Карабах – барабах! Какой забавный генерал, – хохотнул кто-то из последних рядов.

Генерал Ослонян невозмутимо продолжал.

– Я хочу довести да вас истинную обстановку, как всё на самом деле, понимаете ли! Азербайджанские экстремисты, понимаешь, затеяли резню в Сумгаите, в Баку, резали армян! Женщин, детей! Насиловали! Сердце разрывается от боли! Это надо было прекратить, и армянские мужчины освободили Карабах! От азербайджанских экстремистов!

Генерал говорил с болью и гневом, горячился, и из-за этого его речь сбивалась, и слова звучали с сильным и забавным акцентом для слуха русского человека.

– А не наоборот ли было дело? – спросил какой-то весельчак.

– Нет! Я получаю информацию из первых рук, прямо из Армении! – решительно воскликнул генерал.

– А если бы сейчас на вашем месте был генерал азербайджанец, он бы совсем другое говорил. Наверняка!

– Сынок, поверь мне, я правду говорю! Чистую правду!

Партизаны посмеивались, перемигивались, они были настроены развлечься, и подшучивать над генералом. Ослонян злился и от этого всё хуже говорил по-русски.

– Нельзя быть такими чёрствыми и бездушными когда кровь льётся рекой! Когда наши земляки страдают и гибнут...

– Не наши, а ваши, – поправил один из партизан генерала.

И снова прозвучала шутка о происхождении фамилии генерала, и явно с подачи мстительного и злопамятного Раскильдиева, сидевшего со своим взводом:

– Товарищ генерал, а вот у вас армянская фамилия, для русского уха забавная, она от слона происходит или от осла...

– У русских тоже много разных фамилий... – начал было генерал.

Тут вмешался комбат в разговор и резко оборвал партизана.

– Товарищ солдат, как ваша фамилия?

– Попов, а что?

На лице комбата нарисовалась восторженная улыбка.

– Надо же, как удачно... А фамилия корни ведет от попы или от попа?

– От попа...

– А я думаю именно от попы!

Генерал не стал больше продолжать разговор и решил завершить беседу.

– Гибнут советские люди! Мы же все советские люди!

Видя, что начальник сейчас может наговорить лишнего, полковник из его свиты подбежал и что-то прошептал на ухо генералу.

– Ладно! Продолжим в другой раз! Идите заниматься делами!

Солдаты нехотя расходились и искренне огорчились окончанию представления.

И тут Громобоев заметил, с какой нескрываемой лютой ненавистью на генерала смотрят Мамедов и Гасанов.

– Ну что волчата злобно так зыркаете? – накинулся на них Эдуард. – Этот генерал правду говорит ведь! Только и можете с безоружными женщинами и детьми расправляться. А в настоящем деле вы трусы и после первых выстрелов драпанёте. Вот вы мне всё о независимом Азербайджане говорите, о своей азербайджанской армии. Да вы ведь не солдаты и все вы не бойцы! Дисциплины в вашем войске не будет, долбанут вас хорошенько, и побежите без оглядки до самого Баку! Только и умеете, что урюк выращивать...

– Это мы ещё посмотрим, кто кого... – с угрозой в голосе пообещал Гасанов. – Всех порежу!

А хитрец и провокатор Мамедов шикнул на товарища и с ухмылкой ответил:

– Мы мирные люди и нам нечего делить. Это всё вы, русские нас провоцируете и стравливаете! Я не собираюсь воевать, я торговать буду, виноград буду вам русским возить. А вы его будете покупать, дорого покупать... Я буду хозяином тут у вас в России! Богатым хозяином! А дурачки пусть с автоматами по горам бегают...

О внеплановой политинформации генерала Ослоняна кто-то доложил руководству, и был скандал. Эдик случайно оказался свидетелем, как заместитель командующего генерал Кузьмичёв распекал того на самых повышенных тонах.

– Я вам запрещаю общаться с солдатами и разжигать национальную рознь! Слышите, товарищ генерал? Запрещаю, строго настрого!

– Да я просто хотел пояснить... – попытался возразить Ослонян.

– Объяснять будете в Ереване, или в Степанакерте, когда Вас туда переведут! А здесь – не надо!

Вскоре маленького генерала, командование действительно по-тихому перевело на Кавказ, служить на Родине. Офицеры полка искренне о нём сожалели, особенно Раскильдиев, очень уж забавное у них было с этим начальником общение...

Глава 7. Конференция ветеранов войны

Глава, в которой герой узнает, что и в мирное время, нервогрёпка может быть посильнее, чем на войне.

За полгода капитан Громобоев привык, что у них в казарме каждый день находятся проверяющие (один, два, а то три), и всё по той простой причине, что в их второразрядной части начиналась настоящая революция – через полгода предстояло развернуть полк в дивизию, и призвать из запаса десять тысяч приписного состава.

Эта нерадостная перспектива пугала и нервировала офицеров, привыкших служить в тишине и покое. Ведь самое ужасное, что может придумать начальство для офицеров части сокращённого состава (по-простонародному – кастрированной части) – это провести учение с отмотилизованием приписного состава до полного штата. Кошмар! Ещё вчера у тебя почти не было солдат и вдруг появляется целая армада! Да каких! Настоящих «партизан»! Неорганизованных, разболтанных, не желающих выполнять приказы, постоянно пытающихся сбежать в самоволку к семье, полупьяных, не обученных, либо когда-то имевших навыки военной службы, но утратившие их. Вот такое тяжелое испытание надвигалось на пулемётный полк, который должен был превратиться в полнокровную дивизию. Чтобы эту дикую орду разместить, требовалось построить в полевых условиях временные жилища, столовые, склады, бытовки и, конечно, ленинские комнаты (а как же без них, без агитации и пропаганды нельзя ни дня!).

Каждый батальон, каждая отдельная рота по весне выделили по несколько военнослужащих для начала строительства. Как строить, чем строить и кем строить лагеря – эти вопросы окружное командование не волновало. Командиры должны были сами выкручиваться, как могли и даже если не могли. Первая проблема – материалы. Необходимо было воздвигнуть каркасы казарм с крышами,

стенами, с нарами, с остроугольными крышами, так называемые «чумы», а поверх них, позже натянуть брезенты, которыми обычно укрывают технику.

Танковому батальону требовалось возвести двенадцать «чумов» для размещения и проживания целого полка. Где взять строительный лес? Бесполезно пытаться закупить брёвна, балки, доски, рейки в магазине или на промышленной базе в эпоху тотального дефицита. Нужных материалов там нет. Так ведь даже если и найдёшь строительный «Клондайк», на эти цели средств-то ни рубля не выделено! А помимо стройматериалов ещё необходимо заготовить несколько машин дров для печей, ведь учения планировались в октябре-ноябре, а это не самое теплое время года на северо-западе.

Откуда взять дровишки? Из леса вестимо... Вот только другая беда – вокруг полигона заповедные леса и рубить их легально никто не даст разрешения. Что делать? Выходило, что военные должны действовать самовольно, на свой страх и риск!

Первый рабочий десант танкового батальона: два лейтенанта и десять солдат, убыли в лес в конце апреля. Первопроходцы пробили колею, поставили в глубине леса две палатки, вывезли полевую кухню, столы, скамьи, и начался подпольный лесоповал и строительство.

Главная задача подпольным лесорубам: деревья не должны валяться на земле ни дня. Быстро срубили сосну, скоренько её ошкурили, вкопали столб (а загодя выкопали яму), и только тогда можно рубить следующую. И так без остановки: одни валили лес и носили бревна, другие рыли землю и сколачивали каркасы. Кору, ветки и щепки частично жгли на кострах, частично вывозили в дальний овраг. К началу лета остовы барачков выстроились в ряд: казармы, бытовки, ленинские комнаты. Дело шло медленно, а сроки поджимали, ведь помимо каркасов следовало сделать эти домики «чумы» пригодными для жилья.

Комбат прибыл с проверкой, чтобы на месте разобраться, как идут дела у строителей. Подполковник Туманов оценил обстановку и понял – к сроку не успеть, темпы далеко не рекордные, и следовало поднапрячься. Но каким образом? Самым простым – советским: следует усилить воспитательную работу, поднять морально-волевые качества, воодушевить бойцов живущих в лесу два месяца. Кто будет воодушевлять? Конечно же, ответственный за это дело – капитан Громобоев!

– Не обессудь, но тебе надо самому отправляться в полевой лагерь, тем более, что ленинские комнаты не имеют даже каркаса. И офицеров подгоняй, пить им не давай! – напутствовал Эдика комбат. – Сейчас у тебя там лишь столбы по углам стоят, а ты тут сидишь, газетки почитываешь, да бумажки пописываешь и усом не ведешь.

– У меня нет усом, – ухмыльнулся капитан.

– Так заведи их себе, чтоб мотать приказания на ус! Эх, распустились в батальоне офицеры! Накажу кого попало и разберусь как-нибудь! – выдал любимый свой перл Туманов и на этом окончил дискуссию.

Приказ комбата Эдуард воспринял без воодушевления, тем более, что другие заместители: ни начальник штаба, ни зампотех в лесу жить не собирались. Конечно, дома, в новой квартире под бочком у жены спать гораздо лучше, чем кормить в палатке комаров, но что делать, приказ есть приказ. Громобоев собрал необходимые вещи в походный чемодан и в путь...

Вновь началась походная жизнь и работа на природе, почти как в Афганистане, только вместо гор и пустыни леса и болота. Через месяц ленинские комнаты, бытовки и столовые (то, что поручил комбат сделать лично ему), стояли практически в полной готовности, не хватало лишь самой наглядной агитации, но эти щиты оформленные текстами и фотографиями, лежали на складе в полку и к осени их должны были подвезти. Работа шла спокойно, размеренно, без нервозности. И вдруг, как гром среди ясного неба – проверяющий.

Однажды утром, когда полусонные солдаты ещё едва успели помыться и позавтракать, к полевому лагерю будущего полка подкатил «УАЗик», из которого выбрался седовласый полковник. Пузатенький начальник огляделся, нашёл глазами Эдуарда и поманил его пальчиком.

– Я, полковник Алексаненко, представитель политуправления округа, – назвал себя полковник и брезгливо оглядел строительный беспорядок. – Кто такие? Что вы делаете? – грозно спросил толстяк у капитана.

Взводные, старшина и солдаты, словно призраки моментально исчезли, нырнули в кусты и разбежались по возводимым объектам.

– Танковый батальон пулеметного полка, – ответил Громобоев. – Ведутся плановые работы по обустройству лагеря.

– Почему не брит? – последовал следующий вопрос грозного начальника. Громобоев, действительно, брился по старой афганской привычке

(словно вновь был войне) через день, а то и через два на третий. — И сапоги не чищены. Что за вид у вас, капитан? Выглядите как колхозный бригадир. Позор! Ведите меня к Ленинским комнатам, показывайте свою работу!

Эдика обеспокоило, что этот сердитый полковник настроен был как-то уж слишком агрессивно.

— Где наглядная агитация лагеря? — брызгал слюной Алексаненко выговаривая капитану и окидывая взглядом полевой лагерь. — Почему нет свежего боевого листка? Где ваша стенгазета?

Громобоев не нашёлся, что сразу и ответить, вроде бы надо делом заниматься, некогда солдат отвлекать на разные глупости. Но полковник и не ждал оправдательного ответа, а наоборот, отодвинул капитана как ненужную преграду чуть в сторону и неспешно зашагал, важно заложив руки за спину, по протоптанной дорожке в густой траве. Миновав ряды казарм и бытовок, они с Эдуардом вышли к каркасам Ленинских комнат. Минуту назад ярко блестящие хромо́вые лакированные сапоги начальника заметно потускнели от пыли. Громобоев скосил на них глаза и улыбнулся. Алексаненко заметил улыбку, и тень неудовольствия вновь пробежала по лицу. Он отряхнул руками брюки, протер платочком носки сапог и вошёл внутрь первого остова. Начальственным взглядом полковник окинул сооружение и покачал головой. Проверяющий пробурчал что-то себе под нос, и они перешли во второй, а затем и в третий потенциальный центр идеологической и воспитательной работы, но чем дальше шла обзорная экскурсия, тем всё больше мрачнел полковник. Внешний вид «чумовых» Ленинских комнат его явно не удовлетворил.

Полковник напыжился и закричал о разгильдяйстве, мол, казармы почти готовы, а политическую работу проводить негде!

— Это как понимать? — обвел начальник рукой ряды ошкуренных от коры столбиков, торчащих на метр из земли и голые стены помещений из досок и дранки. — Зачем тут пеньки?

— Здесь будут столы и скамьи, — доложил Громобоев. — Сверху прибьем доски, и можно будет рассаживать переменный состав батальонов. А наглядная агитация заготовлена в полку и лежит в казарме, тут её дождем побьёт, влага подпортит, и всё быстро заплесневеет.

— Слышу сплошные слова: будут и будет! Будь моя воля, я бы тебя капитан, лично палкой побил, за халатное отношение к своим служебным обязанностям! У артиллеристов практически полная готовность, стены даже обиты материей и клеенкой, в помещениях люстры

всят! А что у тебя? Это убожество хуже сарая или конюшни! Бери пример с майора Веселухина!

– Откуда у них клеенка? Явно не из леса. Или моему соседу политуправление выделило на эти цели какие-то средства? Он получил материю по лимиту или как? – сделал глупый вид Эдик.

Громобоев прекрасно знал, откуда эти блага – солдаты дивизиона два месяца работали на заводах вместо боевой подготовки, в то время как танкисты ежедневно стреляли и водили. Веселухин от щедрот выделил Эдику рулон клеенки, и капитан обклеил ею туалет и ванную в своей служебной квартире. Но лучше притвориться дурачком, чем ждать, что тебя действительно настоящим дураком сделают.

– Нет, никаких лимитов, но надо крутиться! Думать, изыскивать, стараться...

– Вы мне официально предлагаете использовать личный состав в незаконной коммерческой деятельности и извлечь нетрудовые доходы? Отвлечь солдат от боевой подготовки? Или может быть я должен попытаться где-то украсть?

Полковник бросил на Громобоева острый оценивающий взгляд, покачал головой и недобро протянул.

– На-ха-а-л! Ну, да ничего, и не таких обламывали! – пообещал проверяющий. – Я немедленно доложу заместителю начальника Политуправления об упущениях в работе, низкой дисциплине, отсутствии порядка и подрыве готовности к организационно-штатным мероприятиям.

Эдик пожал плечами, ему давно было всё «фиолетово», ведь надоело заниматься ерундой, а что поделатъ, до выхода на пенсию ещё ох как далеко. Предстоит, как минимум, лет десять армейскую лямку тянуть!

– Воля Ваша, можете казнить! Только хотелось бы уточнить, чем именно я срываю подготовку? Тем, что городок готов наполовину, так ведь до осени впереди два месяца! Доведем до ума в срок, уверяю Вас, товарищ полковник. Но люстры в «чумах» у меня висеть точно не будут, если на их приобретение, либо не выделят финансы, либо не выдаст служба КЭС по описи как инвентарное имущество.

– Ну-ну, – буркнул полковник. – Капитан, не провожайте! Сделайте вид, что работаете, – остановил Эдика проверяющий и широкими шагами заспешил к «УАЗику».

Вот чудак-человек, да Громобоев вовсе и не порывался его провожать. Гуляй себе, раз дорогу знаешь, поди ж, не маленький...

Эдуард сел в машину, доехал до ближайшего гарнизона, доложил комбату о прошедшей проверке, позвонив с коммутатора сапёрного батальона. Туманов в ответ с досадой грязно выругался.

– Зае... ваши политрабочие. Как стервятники кружат, покоя от них нет. Вот же ты им полюбился и понравился! Слетаются к тебе регулярно как пчелы на мед! Эх, проблемный ты мой!

– Хорошо хоть не сказали как мухи на говно, – хохотнул капитан. – И на том спасибо.

Три дня прошли спокойно, а затем командир полка сделал офицерам танкистам крепкую выволочку за бардак и разгильдяйство, матерился, велел ускорить темпы работ, а для этого приказал комбату самому отправляться в полевой лагерь. Подполковник Туманов, вполне естественно, жить в лесу не пожелал, он набегом вновь посетил полевой лагерь, изругал офицеров, а заодно и Громобоева за длинный язык, оставил на усиление начальника штаба Шершавникова, и укатил в «Газике» в ближайший городок к своей старой зазнобе. Однако и Вася Шершавников не засиделся в лесном хозяйстве. Хитрый майор обматерил окружных начальников, помахал ручкой Эдуарду, и укатил на последней электричке в полк оформлять мобилизационную документацию.

Некоторое время никаких организационных выводов не последовало, с должности не сняли, и Эдик успокоился. Батальон продолжал работать над оборудованием лагеря. Сроки поджимали...

И всё же вскоре о Громобоеве вспомнили, сорвали с производства работ и срочно вызвали в полк. лейтенант Раскильдиев отправился в гарнизон за продуктами на тарахтящем «ГАЗ-66» и, возвратившись ближе к обеду, привёз записку от комбата. Эдик еле-еле разобрал несколько коряво написанных строк: «Тебя срочно вызывает начальник политотдела. Оставь ведение строительства на командира первой роты. Выезжай немедленно!»

Эдуард немедля доехал на грузовике до железнодорожной станции (машина была одна, и её следовало вернуть в лагерь), пересел в электричку и затем на перекладных, на двух автобусах ближе к вечеру добрался в гарнизон. Начальник политотдела корпел над бумагами и, оторвав на секунду взгляд от кипы изучаемых документов, буркнул:

– Живо в строевой отдел, там для тебя телефонограмма из штаба округа, прочти её и выполняй всё, что в ней написано.

Капитан недоумевая, вышел от Орловича и направился к стро-евику. Холеный майор порылся в папках и бросил на стойку лист с отпечатанным телеграфным текстом за подписью самого главного в округе политического начальника. Генерал-лейтенант приказывал командиру полка направить на окружное совещание ветеранов афганской войны, самого заслуженного офицера. Командир полка ниже текста приписал ручкой резолюцию: «Отправить капитана Громобоева. Исполнять!»

Эдуард читал текст директивы, и чем ниже глаза пробегали по строчкам, тем он больше удивлялся: делегату велели прибыть на день раньше и сфотографироваться на доску почета, для этого надеть парадную форму с орденами-медалями и быть готовым выступить с докладом о состоянии дел в подразделении.

Пришлось капитану наспех составить справку на двух листах, чтобы не ошибиться: дисциплина, боевая учеба, национальный состав и прочее, о чём могли спросить на совещании, и отправился домой спать. Как говорится, утро вечера мудренее. Но до чего же своевременно подоспело это совещание! Ведь он в лесу застоялся, словно молодой жеребчик, но теперь хоть этой ночью удастся задать жару молодой жене и порадовать её любовью...

По пути в гарнизонный Дом офицеров Громобоев зашёл в парикмахерскую, там его модельно подстригли, побрили, надушили одеколоном. В просторном фойе Дома офицеров (который в этих самых офицерских кругах был более известен как «Яма»), стояла вереница командиров с орденами и медалями на парадной форме, в ожидании фотографа.

– Везде у нас очереди: в туалет, в буфет, в кассу... – бурчал седой майор с орденом «За службу Родине» и грудой юбилейных медалей на широкой груди. – Не могут ничего организовать. Хлебом не корми – заставь народ ждать и толпиться. Даже к фотографу очередь создали!

Эдик одобрительно улыбнулся в ответ соседу, но промолчал, так как в помещении не было душно, и не возникало, ни малейшего желания болтать, и даже возмущаться.

Вскоре прибыл прапорщик, фотограф из окружной военной газеты. Он долго выставлял свет, затем промурлыжил каждого по полчаса, поправляя галстуки, рубашку, китель, подкручивая награды. Так и прошёл весь день.

Следующим утром, усталый после бурной ночи, капитан вновь побрился, почистил ботинки, погладил брюки, чмокнул жену в щеку и снова убыл в Ленинград. Теперь он ехал уже на само масштабное совещание.

Огромный зал Дома офицеров округа размещавшегося в красивом здании с башенками и шпилями дореволюционной постройки, был заполнен военными до отказа и гудел, словно развороченный пчелиный улей. Эдик принялся разглядывать празднующую в холле толпу офицеров и прапорщиков, надеясь встретить хоть одного знакомого по родному горнострелковому полку. И вот, улыбнулась удача! Навстречу ему, широко раскрыв объятия, хромал капитан Гордюхин и Вовкино рябое лицо выражало искреннюю радость при встрече со старым боевым товарищем.

– Здорово, Громобоев! Ты еще жив?

– Здоров, хромой! Вижу и ты не помер, храбрый Вовка-артиллерист. Как поживает твой простреленный зад? Всё ещё болит?

Гордюхин сердито фыркнул в ответ, вспыхнув, как порох. Нелепое ранение в задницу – было его большой темой.

– Сколько вам дуракам говорить, не зад, а бедро! Пошёл ты сам в жопу!

– В твою? – хохотнул Эдик и не смог удержаться, чтоб ещё раз не подначить. – В простреленную?

Владимир надулся, но Громобоев желая сгладить неловкость, создавшуюся от неудачной шутки и погасить вспышку гнева со стороны старого приятеля, тотчас обнял вырывающегося Гордюхина, троекратно поцеловал и звучно похлопал по крепкой спине.

– Хорош дуться, это же не я придумал! Скажи спасибо своему дружку и собутыльнику Куличкову, – продолжал балагурить Эдуард. – Это он в тебя нечаянно пулю всадил, и он же распространил слух о втором отверстии в твоей заднице, в результате неосторожного выстрела из АПС. Так и говорил всем подряд: «я засадил Гордюхину в жопу... пулю...»

– Мне уже надоела эта глупая шутка, – насупился Владимир. – Смени тему!

– Но ведь орден на грудь этот неудачный выстрел тебе принес?

– Не ври! Орден у меня за Панджшер! А за ранение в бедро у меня медаль.

Эдуарда переполняло чувство радости от встречи с однополчанином, и он вновь обнял Гордюхина.

– Хватит дуться! Мы с тобой больше года не виделись! Надо будет после завершения говорильни нашу встречу обмыть. Сходим вечерком в ресторан?

Вовка пожал плечами и хмыкнул:

– Только, если ты больше не будешь болтать ерунду! Можем сходить в местное кафе после утреннего заседания. В Доме офицеров довольно уютно: есть пиво, водка, коньяк и приличные закуски, ничего другого искать и не надо. Но учти, я не один, со мной три офицера из Мурманска, потому пойдем все вместе.

– Я не против, – согласился Громобоев. – Твои друзья – мои друзья. Но давай поспешим в зал, а не то, нам места не хватит.

– А может быть, лучше сразу свалим прямо сейчас? Народ весь в сборе, чего тянуть до вечера? – и Володя кивнул на стоящую чуть в стороне тройцу офицеров с характерными физиономиями, продубленными северными ледяными ветрами, а прежде эти лица прожарились палящими лучами жгучего афганского солнца. Да и следы частого употребления спиртного тоже были заметны. У самого Гордюхина рожа была аналогичного вида.

– Увы, Вова! Меня слишком хорошо знают в местных политических кругах и могут заметить отсутствие. Вдуют мне по первое число!

Гордюхин громко и заразительно рассмеялся:

– Ты меня удивляешь! Заметят отсутствие даже в переполненном зале? среди пятисот офицерских физиономий?

– Хоть это и невероятно, но поверь моему слову! Меня так любят и уважают начальники, что сразу «заметут». Думаю, ты сам скоро всё увидишь и услышишь...

Эдик вошёл в зал и начал искать местечко, куда можно было неприятно сесть впятером. Но позади все места были заняты, а в передние ряды садиться не хотелось, зачем мозолить глаза начальству и лишний раз давать повод для воспоминаний и размышлений. Несколько кресел, как раз в центре зала, были пустыми вот туда их дружная компания и уселась.

Совещание проводил старый знакомый Эдика – генерал Никулин. Ну, конечно же, как всегда, именно те, кто не воевал, любят много поговорить о чужих подвигах. Статный генерал встал из-за стола, но отчего-то к трибуне сразу не направился, а начал пристально всматриваться в зал, словно пытаясь кого найти в толпе одинаково одетых

военных. Он пробежал цепкими глазами ряд за рядом, выдерживая паузу и кого-то выискивая. Постепенно зал притих.

– Товарищи офицеры, фронтовики! Мы собрали вас в этом зале, чтобы поблагодарить ветеранов, воинов-интернационалистов за мужество и героизм, за ваш ратный труд и поздравить с окончательным выводом войск из Афганистана! Прошло уже полгода как мы завершили помощь братскому народу, ушли с гордо поднятой головой, выполнив свой интернациональный долг с достоинством и честью!

Раздались жиденькие аплодисменты, но сидевшие на первом ряду не нюхавшие пороху политуправленцы хлопали довольно громко и зал постепенно их поддержал, хлопки перешли в бурную овацию, словно офицеры приветствовали главного победителя. Генерал вновь заговорил читая по бумажке, он говорил громче и громче, постепенно всё более воодушевляясь, и даже распаяясь от своего красноречия.

– Здесь, в этом зале собран золотой фонд нашей армии, лучшие из лучших представителей Вооруженных сил! Орденосцы! Герои! Цвет армии! Я почел бы за честь быть вместе в Афганистане и командовать вами. Однако, среди вас есть такие офицеры, которые позорят честь воина-интернационалиста! Им плевать на достоинство и честь! Да, есть офицер, который позволяет себе являться на столь высокое собрание, в неопрятном виде, нестриженным, не побрившись! Этому офицеру начхать на опрятный внешний вид! – Никулин постепенно распаялся и повышал тембр и без того зычного голоса.

Эдуард уже догадался по чью душу это лирическое отступление от официальной речи и кому приготовлена публичная порка. Даже из центра зала были видны брызги слюны летящей изо рта начальника, а его крупная квадратная физиономия медленно краснела и распухла, и он стал походить на крупного индюка, и чем дольше длился этот крик души, тем сильнее пухлые щёки багровели.

«Индюк в генеральских погонах» – такая смешная ассоциация пришла в голову Громобоеву и он невольно улыбнулся.

Генерал Никулин не унимался, продолжал развивать тему неслыханного нравственного падения, и капитан почувствовал, что сейчас начнется самое интересное для него, ведь эта тирада не могла быть обезличенной, и виновный не мог не быть пригвожденным к позорному столбу. Пора было показать жертву!

И, действительно, Эдик не ошибся, выстрел был нацелен в его сердце. Никулин хотел опозорить перед боевыми товарищами именно

его. Причем, отравленная стрела полетела не одна, из генеральского «арбалета» выпустили целую серию.

– Хорош тянуть kota за хвост..., – не выдержал Эдуард и витиевато выматерился, так что услышали соседи. – Вот достал...

На него оглянулись, подполковник с соседнего ряда сделал гневное лицо и шикнул. Наконец громогласный генерал Никулин перешёл к персоналиям:

– Среди нас находится офицер, который позорит звание воина-интернационалиста, и мне стыдно об этом говорить, так как он мой коллега, политработник, замполит батальона, но я вынужден об этом сказать! Прибыл на совещание с вызывающим внешним видом, выглядит непотребно, разнузданно...

Эдик заметил, что генерал косил одним глазом сквозь стекла очков в большой лист бумаги-шпаргалки.

– Да! Так вот, этот капитан прибыл на совещание крайне неопрятным, просто каким-то зачуханым. Он позорит весь наш коллектив!

Генерал явно упивался своим красноречием, разоблачая нарушителя воинской дисциплины, оттягивая момент, когда его, наконец-то можно прилюдно извалить в грязи глазах лучших офицеров всего округа.

– Повторюсь, этот капитан явился на столь важное совещание не бритым и не подстриженным...

Эдик ещё раз утвердился в своих догадках, что разговор идет именно о нем: офицер, политработник, капитан. Понятное дело, кто же ещё мог быть другой. Только странное дело, ведь он-то подстрижен! Могли бы перепроверить!

– Конечно, можно было бы сделать скидку, согласиться, что офицер приехал из леса, с полигона, но ведь и остальные явились не с прогулки! Кто-то прибыл с крайнего севера, кто-то из бескрайней тундры, кто-то добирался с точки в тайге, кто-то с боевого дежурства. Не надо козырять своей занятостью и трудными условиями службы! Тем более, что служба ваша проходит под боком у областного центра!

Эдуард напрягся, и у него даже нервно задрожала щека.

– Встаньте, капитан Громобоев! Вот, полюбуйтесь на этого субъекта! Не брит, не стрижен и сапоги не начищены! – продолжал читать по бумажке генерал. – Вопиющая, возмутительная наглость! Разгильдяй!

Капитан выпрямился и полтысячи пар глаз смотрели на него со всех сторон. Кто-то обернулся вполоборота, кто-то развернулся чуть, не вывернув шею, кто-то даже привстал, чтобы лучше видеть

разгильдяя. Эдуард стоял в центре и на него, вроде бы даже направили луч прожектора.

Чем ближе находились к нему люди, тем сильнее было их удивление, но и сидевшим на дальних рядах было видно насколько коротко и аккуратно подстрижен капитан Громобоев, что он выбрит и опрятно одет. Сапог конечно за сиденьями не было видно, да их и не было, он дома переобулся в туфли. Зал пребывал в недоумении. Генерал же, завершив тираду, вытянул руку с указующим перстом, наконец, снизошёл и взглянул на свою жертву. И сразу понял, что попал впросак.

А Громобоев, словно киногерой самодовольно сиял в лучах славы, он был готов к этой схватке, и вышел из нее победителем. Отравленная стрела пролетела мимо цели, коварная домашняя заготовка генерала обернулась пшиком. Кто-то хохотнул. Никулин же надулся и покраснел ещё больше, казалось, он либо лопнет, либо его хватит удар. Генерал гневно и недоумённо взглянул на полковника Алексаненко. Шестёрка из Политуправления тоже покраснела и вжала голову в плечи. Начальству надо было как-то выходить из создавшейся нелепой ситуации. Но как?

Генерал Никулин слегка замешкался, в зале послышался шёпот, смешки, удивленный ропот.

– Я не в сапоги обут, а в новые чистые туфли, – подал Эдик реплику первым. – И причёска...

– Товарищ капитан, – нашёлся Никулин, – Да, я вижу, что вы подстрились, но для такого совещания стричься надо аккуратнее...

Большинство сидевших в зале начали понимать, что разнос был делом личным, офицеры рассмеялись. Вышло так, что с этой обличительной речью Никулин плюхнулся своим массивным генеральским задом в глубокую огромную лужу размером во всю сцену. Эдуард сел на место и расцвёл. Сосед майор покосился, не выдержал и спросил:

– Чего это он к тебе привязался?

– Да, так, это у нас личное...

Майор уважительно покачал головой.

– Ну, ты парень даёшь! Иметь личного врага в лице Никулина – это роскошь, которую мало кто себе может позволить. Поверь, вредно для здоровья...

Дальнейший ход совещания был скучен и генерал Никулин потерял к нему всяческий интерес. Доклад он прочел без задора и вдохновения, назначенные «дежурные» выступающие в прениях, мямлили

в основном ни о чём. Вскоре половина сидевших в зале военных, задремали или даже откровенно уснули. Эдик мужественно боролся со сном, зная коварный нрав своего недруга. И точно, так и случилось.

– Капитан Громобоев! Вам не интересно? – вдруг рявкнул Никулин на середине выступления какого-то майора из далекой Кандалакши.

Эдик резко вскочил на ноги, давно ожидая какой-нибудь подлянки со стороны начальства.

– Никак нет, товарищ генерал! Мне крайне любопытны достижения танкового батальона в работе по укреплению воинской дисциплины и войскового товарищества, радуюсь тому, что у них в Кандалакше все офицеры перестроились.

– Вы опять ёрничаете? Клоунаду разводите?

– Никак нет! Товарищ генерал, я хотел подчеркнуть, что я внимательно и с неподдельным интересом слушаю докладчика. Я не сплю, внимаю и впитываю передовой опыт коллег.

В наступившей тишине было слышно, как хрустнула шариковая ручка в огромной генеральской лапище. Наверное, он готов был в этот момент задушить дерзкого капитана. Эх, и ведь, действительно, генерал Никулин с радостью бы наказал Эдуарда! Но за что? Повода для взыскания вновь не удалось найти. Всем в зале было понятно, что Громобоев в курсе обсуждения, следит за выступлением, не зря же он назвал, и гарнизон, откуда был майор, стоявший за трибуной, и что у него в подчинении танковый батальон, и даже повторил последние фразы говорившего.

Живот Эдика предательски забурлил, возникли какие-то неприятные ощущения, да и нехорошо усилилось сердцебиение.

«Сейчас ей-ей влепит выговор или выгонит из зала», – подумал Громобоев. – «Наверняка генералу надоело попадать впросак. А как говорится: у сильного всегда бессильный виноват».

Но нет, Никулин не желал выглядеть самодуром, он решил не устраивать беспричинную расправу на глазах у боевых и заслуженных офицеров, тем более, что намеченная жертва тоже боевой офицер. Вот если бы перед другой аудиторией и в иной обстановке. Ну, да ничего, время терпит, можно отложить экзекуцию...

– Садитесь, товарищ капитан и будьте внимательнее! И хватит зевать!

У Громобоева рот действительно в этот момент открылся. Непроизвольно, от удивления, как говорится, отвалилась челюсть. Ведь он и не думал зевать, а совсем наоборот, бодрился и выслушивал всякую

чепуху произносимую ораторами. Больше не пререкаясь, Эдик опустился на место, и совещание плавно потекло к обеденному перерыву.

...Сидя за столиком в местном буфете, Громобоев в красках поведал новым приятелям о своей давней «дружбе» с генералом Никулиным.

– Далеко пойдешь, если не расстреляют! – засмеялся Вовка, хлопнув старого приятеля по спине. – Так держать, сукин ты сын! Ох, и каналья!

Развеселившийся Гордюхин сделал призывный жест и щелчком пальцев подозвал официантку:

– Девушка, пожалуйста, нам ещё по две порции пива! Хотим хорошенько отдохнуть! Славно вы живете в северной столице: пиво, коньяк!

– А у вас? Шаром покати? – спросил Эдуард отхлёбывая из кружки.

– У нас свои прелести: охота, рыбалка, грибы... спирт... – ответил Вовка, подмигнул приятелю и запил водку пивом.

В антракте большая часть офицеров из далеких гарнизонов переместились в кафе, рестораны, пивные и тем самым завершили своё участие в конференции. Громобоев тоже был не прочь свалить с новыми приятелями «налево», но не мог себе этого позволить, ведь Никулин был начеку и наверняка сразу заметил бы его отсутствие. Нет, нельзя давать противнику даже малейшего шанса для публичной расправы. Поэтому Эдик с сожалением выпил третью кружку бархатного пива и вернулся в зал, а северяне остались за столом догоняться водочкой.

Генерал действительно обшарил зал глазами, и к своему неудовольствию обнаружил ненавистного капитана сидящего на своем законном месте и в одиночестве. Весь его ряд был уже пуст, но ведь вины лично Громобоева в этом не было. И справа, и слева, и сзади, и впереди зияли пустоты. Примерно половина участников конференции предпочла употребление пива и водки под шашлыки в кругу боевых друзей, бесполезному славословию начальников. Кому оно нужно это заорганизованное мероприятие?

Никулин явно расстроился и, наверное, даже обиделся, обнаружив дерзкого капитана Громобоева сидящим в зале. Генерал даже крикнул с досады. Вероятно, он и задержался-то, чтоб проверить лично его: сбежал этот разгильдяй или не сбежал. Сразу потеряв интерес к мероприятию, руководитель что-то шепнул своим помощникам и покинул Дом офицеров. Лишь, когда бессмысленное совещание завершилось, Эдуард смог присоединиться к компании новых приятелей, третий час разминавшихся пивом и водкой. Офицеры сделали

ревизию финансам, вышло дороговато, и продолжили банкет в более дешевом месте – в ближайшей пельменной на улице Некрасова...

Второй день совещания генерал Никулин своим присутствием уже не почтил, оставив за себя двух полковников. Естественно, те, офицеры кому счастья выступать с трибуны не выпало, под всяческими предложениями, пригибаясь, замеченными или незамеченными покидали зал через боковые и задние двери. Северяне накануне явно перебрали, на совещание не явились, и Громобоев продолжал страдать на своем ряду в гордом одиночестве, стоически выслушивая одного за другим нудных докладчиков, вещающих наборы цитат переписанных из партийной и военной прессы. Когда полковник из Политуправления порадовал оставшихся в зале «интернационалистов» доброй вестью о завершении конференции, Эдуард моментально сорвался с места и устремился к выходу. Друзья давно расслабляются в пельменной, а он, как последний болван, сидит и выслушивает чепуху.

«Эх, тяжело быть правдолюбцем», – подумал Эдик, ускоряя шаг. В эту минуту кто-то крепко схватил капитана под локоть, да так неожиданно и резко, что Громобоев и сам едва не упал, и чуть не увлек за собой на пол незнакомого худощавого усатого майора.

– Товарищ капитан, не спешите, чикайтэ! – с усмешкой на хитрящей физиономии молвил майор с певучим украинским говорком. – Я, заместитель начальника Дома офицеров. Уделите хвылынку внимания, пройдите за мной, я отдам Ваш фотопортрет. Генерал Никулин забраковал фотографию, сказал, шо Вы нефотогеничны и не подходите висеть на доске почета. Хотя, на мой взгляд – гарное фото, классно получилось, да и на груди орденов – настоящий иконостас. Шо у Вас з ним таке по жизни було? Какая-то чёрная кошка пробежала мэж вами? Чи чернявая дивчина? Никулин на твою портрэту тарашился як бык на червону тряпку. Ну, ты блин, тореадор. Это ж надо так залупить генерала! Виткиля ты такой дэрзкий взялся. Витчипись и не строй прокуду ему, друже! Он такэ гнуснэ! Пряма падылюка! Пишлы за фотокарточкой. Нужна она тоби чи ни?

– Конечно, нужна, – обрадовался Эдик возможности забрать свое огромное фото.

Майор завел его в свой кабинет, где на стульях и креслах стояли готовые портреты в рамках, а его фото лежало отдельно на столе. Вдоль стены громоздилась вывеска с лозунгом: «Наши маяки».

«Эх, не вышло помаячить», – кольнула Эдика мысль.

– Бачишь, який ты гарный! Це я тобі проявлял, печатал и ретушировал! Ну, ты и в жизни хлопчик нэплохой. Держи фотопортрэту и владэй!

Майор вручил Эдуарду фото, сразу же потерял к нему всякий интерес, и занялся сортировкой портретов по алфавиту для доски почета.

Громобоев скрутил свой большущий фотопортрет в трубочку, завернул в лист ватмана, затем в газету и помчался искать друзей. Однако, увы, пельменная уже опустела: либо ребята уже выпили свою норму, либо у них закончились деньги.

Капитан в одиночестве проглотил пару кружек кислого пива и поехал в гарнизон. Дома он пришпандорил фото к двери в спальню и написал сверху надпись фломастером: «Перестроившиеся офицеры округа»...

Ирина взглянула на Эдика и покрутила указательным пальцем у виска...

...Ах, да, что-то мы о ней, о молодой жене, в нашем повествовании совсем забыли. А напрасно! Ну да об этом скажем в следующей главе...

Глава 8. Психушка

Глава, в которой наш герой познает неверность и предательство, дерется с соперником, попадает в дурдом, и убеждается, что верно гласит поговорка: от сумы и от тюрьмы не зарекайся.

После завершения совещания Эдик вернулся в «поля», а точнее сказать, в леса. Убыл в лагерь рано, ещё до рассвета, чтобы успеть на электричку. Нежно чмокнул дремлющую замученную супругу в щёку, пообещал ей привезти корзину грибов и бидон ягод, полевые цветы. Ирина сладко потянулась, буркнула типа, не мешай и отвернулась досыпать. Эдик не стал настаивать на проводах, ведь молодой жене нужно вставать лишь через час. Месяц назад она сумела удачно устроиться на работу в медпункт полка, на одну зарплату офицера жить трудно.

«Ладно, пусть милая ещё поспит», – с нежностью подумал Громобоев, и вышел из комнаты на цыпочках.

Добравшись до полевого лагеря, капитан развернул бурную деятельность, чтобы не быть обвиненным в бездействии и попытке срыва политической и воспитательной работы с «партизанами». Конечно, как же обойтись без политической работы с приписным составом? А ну, случится какая идеологическая диверсия? Вдруг все эти токари, слесари, водители автобусов и грузовиков, получив оружие и боевую технику, вздумают дружно дезертировать и сдать в плен войскам НАТО!

Громобоев теперь на утреннем построении бился за необходимое количество рабочих рук, за каждого солдата и ежедневно вырывал у ротного и зампотеха двух-трех бойцов, не слушая их протестующие вопли об устройстве парка боевой техники, складов и прочих задачах. Солдаты, выхваченные из цепких лап майора Изуверова, таскали ошкуренные стволы, распиливали их пополам на своеобразные доски-горбыли и оббивали каркасы, сколачивали столы и лавки.

Так в трудах праведных прошел месяц, основные дела в лагере были почти завершены, и пришла пора доставить из полка наглядную агитацию. Эдик запланировал машину, велел водителю загрузить в кузов пустые ящики под хлеб, термосы для каши, закинул личные вещи в кабину, в кузов сел ещё один боец и они отправились в гарнизон.

Машина примерно час петляла по узкой лесной дороге, то и дело залезая колесами в глубокую грязь, а затем три часа тряслась на ухабах по разбитому шоссе. Сосны и ели, стоящие вдоль дороги, приветливо махали раскидистыми лапами. Молдаванин-водитель беспрестанно что-то напевал на родном языке. Яркое августовское солнце припекало, стояли последние дни лета, настроение у капитана было великолепным.

Громобоев долго боролся с дремотой и всё же не удержался и ненадолго отключился. Почему-то ему приснились крысы: большие, жирные, грязные. Эти омерзительные твари настороженно обнюхивали друг друга, а затем терлись мордами друг о дружку.

Капитан резко встрепенулся, потряс головой, прогоняя оставшиеся видения, слегка нахмурился, вспомнив приснившуюся гнусность, через силу улыбнулся. И верно, что долго думать о каких-то мимолетных неприятных снах, ведь Эдуард возвращался домой с полигона в приподнятом настроении, а приподнятым у него было всё, что можно было приподнять – ещё бы, опять почти месяц безвылазно сидел в лесу и строил полевой лагерь! Так и одичать можно!

Молодой организм требовал разрядки и бунтовал последнюю неделю. И почти как в старом анекдоте: ноги мерзли по ночам, потому что одеяло постоянно было поднято неведомой силой... Душа и тело рвались к молодой жене, которая оставалась одна-одинёшенька в гарнизоне пока он жил в лесу.

Эдик всё реже вспоминал о прошлой жизни до службы в Афганистане. Бывшей жене Ольге наш капитан оставил без делажа и скандалов деньги скопившиеся на сберкнижке, гараж, мотоцикл, ну и совместного ребёнка. Угрызения совести почти не мучили. Ну, разве что иногда.

И пусть новая жена была с довеском в виде ребёнка без отца (от неизвестного отца), но Эдик очарованный прелестями Ирки и бурными постельными страстями, уже помышлял об усыновлении её пятилетнего сына. Мальца вскоре предстояло привезти из Ташкента, в новую благоустроенную квартиру. В настоящее время семейная жизнь протекала в быту без сцен и ссор, а ночи, как и прежде, были страстными, с выдумкой.

Командование герою войны, крепко пострадавшему на фронте, раненому и контуженному, выделило для начала служебную площадь, а во вновь построенном доме было обещано распределить двухкомнатную квартиру. Комполка вошёл в положение, надо ведь где-то жить молодой семье.

Душа пела, и сам он спешил побыстрее попасть в гарнизон, и накопленная сексуальная энергия словно подталкивала грузовик. Душа-то пела и порхала, но тело томилось в этой трясушей и скрипучей машине, словно птица в клетке, организм рвался быстрее достичь цели, подгонял и поторапливал хозяина, мол, давай, скорее вперёд. Кстати, от этой тряски стояк только крепчал. Капитан был в эйфории и в предчувствии «сладкого», ничто не предвещало беды. Наконец под вечер добрались до полка. Отдав распоряжения солдатам, которые должны были получить продукты для лагеря на складе, Громобоев покинул полк.

Насвистывая веселую мелодию, Эдик подошел к дому, поздоровался со странно ухмыляющейся соседкой, поднялся на второй этаж, тихо открыл ключом дверь и, таясь, вошел в квартиру. Сюрприз!!! Но едва переступив порог, почувствовал неладное, и напрягся: в прихожей стояли чужие начищенные армейские хромовые сапоги, на вешалке висела широкая офицерская фуражка, в коридоре валялись, словно

разбросанные впопыхах вещи, на кухне надрывался музыкальный центр, а из спальни раздавались Иркины громкие крики, страстные стоны и всхлипы.

– Глубже, ещё, ещё, да, да...

Громобоев словно в замедленной киносъёмке не глядя, повесил на крючок фуражку, медленно снял с себя бушлат (хотя лето, но по было довольно свежо, особенно в лесу), поставил на пол сумку и рюкзак с грибами. Сердце бешено заколотилось, желудок схватил спазм, к горлу подступил ком, и на глаза набежала пелена. Тем временем охи и вздохи в спальне участились. Хозяин квартиры, механически переставляя ноги, словно робот, пошёл на эти всхлипы. Увиденное в спальне, наверняка разъярило бы даже самого спокойного и равнодушного супруга. Поверх его пищащей молодой жены лежало обнажённое мужское тело, и чья-то волосатая задница, ритмично, то поднималась, то опускалась между задранных высоко вверх и дёргающихся Иркиных стройных ножек. Мужик сопел, рычал и кряхтел, а неверная жена вскрикивала, сладострастно стонала и что-то бормотала типа «глубже и резче». Глаза у нее были прикрыты, а руками она помогала партнеру, задавая ритм. Внезапно Ирка томно прищурилась и заметила стоящего в дверях Эдика. В её бесстыжих глазах промелькнул испуг, но азартное тело не прекратило шевелиться и получать удовольствие, как не прекратились сладострастные всхлипы и стоны.

Громобоев мгновенно очнулся от оцепенения, вспыхнул, словно пороховой заряд и больше уже не отдавал себе отчета. Дальнейшие действия происходили машинально, сплошные импульсы, в мозгу как в бомбе сработал детонатор. Первым делом капитан дал носком сапога крепкого пинка, по этим голым шевелящимся ягодицам, и даже не по самой заднице, а чуть ниже раздвоения, как раз в то место откуда ноги растут. Заметил, что достал хорошо и видимо поддел как раз под самый корень. Яйца почти зазвенели, и раздался дикий рёв раненого самца.

«Ага, больно!!! Это хорошо!» – обрадовался Эдик.

Завизжали оба любовника, видимо дополнительное ускорение придало более резкое поступательное движение, и любовник невольно глубоко засадил партнёрше.

«Хорошо пошло?! Будет ещё лучше!» – мелькнула «черная» мысль.

Жаль, не заклинило, ни одного, ни другого, или лучше бы их обоих склещило. Мужик скатился на пол, вскочил на ноги, держась

за травмированное хозяйство, громко завывая, закружился в бешеной пляске, высоко подпрыгивая как козёл. А он в принципе и был козёл! Иркин хахаль оказался ростом повыше, да и телосложением покрепче Эдика, но внезапный атакующий натиск, а тем более злость придала силы обманутому мужу, поэтому качественный перевес пока что был на его стороне.

Громобоев хотел было боднуть его головой в живот, но передумал. А было бы здорово пропороть брюхо этого мерзавца ветвистыми «рогами», тем более, если они уже реально выросли. Голый против человека в одежде всегда будет ощущать себя «не в своей тарелке», даже если идёт просто обычный и спокойный разговор, а уж тем более обнажённому полный дискомфорт, когда он дерётся с одетым противником. Соперник попытался оказать сопротивление, вскочил на ноги, и неуклюже принял боксёрскую стойку, но следующий сильный удар, теперь уже в челюсть потряс его и отправил в нокаут, а заключительный удар точно в солнечное сплетение – в нокаут. Громобоев подхватил большое обмякшее тело, потащил на балкон, да не просто поволок, а выбил его спиной и головой стекло балконной двери и вышвырнул мужика наружу, на бетонный пол. Противник сильно поранил спину и шею о стекла, выл от боли, молил о пощаде, но вид крови лишь ещё сильнее разъярил Эдуарда, и он без раздумий и жалости, перекинул любовника через перила, и столкнул подлца с балкона. Безвольное тело шмякнулось плашмя на кусты и траву. Финиш! Как говорят французы: финита ля комедия...

«Труп? Убился?» – запоздало испугался Громобоев, но сразу же успокоился, потому как тело в траве зашевелилось, и этот факт даже разочаровал. «Да нет, жив...собака...»

Голый мужчина корчился посреди зарослей колючек и полыни под балконом, громко стонал и подвывал. Эдик собрал чужие вещи: китель, брюки, рубаху (наступил, разорвал по шву и оторвал один из рукавов), фуражку (предварительно тщательно растоптав), швырнул их следом за выброшенным соперником в кусты. О сапогах в прихожей Громобоев впопыхах забыл, и они так и остались стоять сиротливо у порога. В результате завершившейся «корриды» повезло обоим: и мужу, и любовнику. Одному улыбнулась удача – падение всего лишь со второго этажа, не разбился насмерть, другой в результате этой экзекуции не сел в тюрьму на долгий срок.

За спиной верещала что-то несурзное перепуганная Ирка, но Эдуард не обращал никакого внимания на её вопли и в дальнейшем

действовал словно зомби. Теперь дошла очередь до неверной супруги. Она уже успела поспешно натянуть на себя трусы и халатик и даже застегнуться. Громобоев был всегда галантным мужчиной, рук никогда по отношению к женщинам не распускал, в принципе и сейчас драться не стал. Капитан дал лёгкую затрещину, толкнул её в грудь, и Ирина шмякнулась на койку, широко раскинув ляжки. Левый зеленый глаз изменщицы моментально припух. Эдуард дернул супругу поближе к себе за ноги, резким движением рук разорвал трусы и рванул пуговицы на халате. А ведь вещи дорогие, импортные, сам их дарил, но кто же об этом думает в минуту аффекта. Ещё минута ушла на освобождение от своих брюк.

Впервые в жизни Громобоев изнасиловал женщину, хотя жертва особо и не сопротивлялась. Оттрахал он её жестко, порывисто, неотмимо, страстно, терзая и мучая, стараясь причинить боль, вторгаясь в неё. В коротких промежутках на восстановление сил, Ирка под ним всхлипывала, размазывая по лицу косметику, сопли и слезы, пыталась объяснить, бормотала, выдуманную экспромтом отговорку: мол, она заболела, пришел врач из полка по вызову, осмотрел, а потом завалил на кровать и овладел ею! Она ведь его подчинённая, медсестра, а он подлец, подонок, скотина, воспользовался служебным положением...

Только тут Эдик сообразил, что мужик, которого он недавно мутузил – начальник медицинской службы полка. Вот же сволочь! Но и Ирка тоже хороша! Даже если не врет насчёт того, что овладел без согласия, то как она все-таки страстно с ним предавалась греху, ведь совсем не как подчиненная склонённая руководителем. Что-то никакого принуждения Громобоев не наблюдал...

Супруга пылко и послушно ублажала окровавленного Эдика (во время выброса с балкона начмеда, он сам хорошенько поцарапался и перепачкался кровью соперника), в перерывах умоляла простить, и понять. Обманутый муж несколько часов терзал утомлённое тело женщины.

В перерывах капитан горько плакал и легонько колотил её: слегка душил, слегка тузил, давал пощечины. Отомстил четыре раза подряд, пятый заход сделать не успел, хотя запал не угас. Помешали. Как раз в момент, когда Громобоев возбуждался и пристраивался в пятый раз, дверь в квартиру под мощным ударом хрустнула и замок сломался. В распахнувшуюся настежь дверь с криками ворвались неизвестные люди. Спустя считанные секунды на Эдуарда навалились трое

мужчин. Почему-то они были в белых одеждах. Кто такие? Херувимы или серафимы? Откуда эти призраки? С неба спустились? Если это врачи, то кто больной? Вроде бы бдительными гражданами должна быть вызвана милиция...

Белохалатники налетели профессионально, со знанием дела: умело опутали руки и ноги и понесли на выход. Таинственные налётчики в белых одеждах действительно выглядели нереально, словно ангелы. Архангелы, блин!

Эдик попытался хотя бы кусаться, поэтому под самый финал неравной схватки, получил крепкий удар кулаком по голове и вырубился...

Когда Громобоев очнулся и открыл глаза, то увидел над собой серозелёную крышу военной «таблетки». Попытался пошевелиться, но руки и ноги были крепко связаны. Скосил глаз – вдоль борта на лавке, помимо санитаров в машине сидит и побитый начмед капитан Лаптюк и начальник политодела полка Орлович.

«Вот сволочи!» – мысленно ругнулся Эдик. – «Они что сговорились? Интересно, какую пакость они задумали?» – мелькали мысли. – «Эх, освободить бы хоть одну руку от пут, я бы им зубы пересчитал...»

Это желание было последним, и сознание вновь затуманилось, потому что врач вколол ему в бедро какое-то сильнодействующее лекарство. Всё вокруг поллыло, стены и крыша машины закрутились, глаза закрылись, и сознание ушло в туманную пелену.

– Ну, погоди, я ещё доберусь до тебя, – пообещал Громобоев вслух, с трудом ворочая языком, обращаясь к доктору Лаптюку, отключился, но успел сквозь сон услышать и уловить истерический вопль.

– Видите, он мне опять угрожает! – визжал начмед, призывая в свидетели медработников. – Я же говорил, он – псих! Контуженый!

– Развяжусь – убью как собаку...

Погрозив противнику расправой, Эдик снова впал в забытьё.

Следующее пробуждение оказалось более болезненным – тело ломило, голова буквально раскалывалась. Эдуард скосил глаза, огляделся и понял, что находится в больничной палате, руки и ноги привязаны уже к широкой кровати, и сам он одет в серую казённую пижаму. Зажмурился и вновь открыл глаза: под потолком горела тусклая лампочка, освещавшая серо-белое госпитальное помещение. За дверью бубнили голоса начмеда и замполита полка, слышно было, как эти негодяи умоляли местного врача принять срочные меры к алкоголику,

шизофренику и психопату капитану Громобоеву, который ни за что, ни про что избил жестоко капитана Лаптюка, длительное время издевался над своей женой...

– Какова причина нервного срыва? – уточнял кто-то невидимый.

– Алкоголь и старая военная травма.

– И контузия, полученная в Афганистане...

Злоумышленники в два голоса настойчиво уверяли госпитального доктора в верно поставленном диагнозе, врач в ответ что-то невнятно бормотал.

Больше Эдик ничего не услышал. В палату вошёл хмурый здоровяк-санитар, вколочил ему в бедро какую-то гадость и пациент Громобоев опять провалился в глубокий сон.

Утром Эдуарда развязали под обещание не буяннить (а он и раньше не буянил), затем сводили на утренний моцион. Вначале была осуществлена экзекуция помывки под жёсткими холодными струями из большого шланга, почти брандспойта, потом запустили в обычный душ, и наконец проводили на завтрак.

«Я – в психушке», – осознал Громобоев и приуныл. – «Значит дело плохо!»

Еда в психиатрическом отделении была столь же скудной, убогой и невкусной, как и в любом другом военном лечебном учреждении, да впрочем, в невоенных больницах кормят не лучше, а скорее даже хуже.

Эдуард не стал объявлять голодовку, чего кочевряжиться-то, ведь чай не политический заключённый. Он мужественно съел жидкую не симпатичную на вид кашу-размазню, неприятную на запах, да и на вкус отвратительную. И если бы Громобоев предварительно тщательно не поперчил жижу, то в рот эта гадость не полезла бы ни за что. Соседи же по столу уплетали эту дрянь, с аппетитом, жадно чавкая и чмокая.

«Наверняка настоящие шизики, раз им нравится это есть», – смекнул Эдик.

Капитан мужественно запил кашу жиденьким сладковатым чаем цвета детской мочи, а кусочек белого хлеба с маслом на завтрак явно был деликатесом.

В палату он вернуться не успел, услышал, как медсестра назвала его фамилию, и санитар повел на пост.

– Громобоев! Пациент Громобоев!

– Я здесь!

– Ну, что, особое приглашение нужно? По сто раз вызывать?
– Я сразу ответил, – огрызнулся Эдик. – Да я и не один пришёл, а с ангелом под ручку.
– Пошути мне ещё, – грубо одернул его хмурый санитар.
– А, ну, не пререкаться! Не то таблеток дам и укол сделаю, – пригрозила «цербер в юбке». – Тебе повезло, шеф лично хочет пообщаться, а он у нас добрячок, душа-человек. Веди себя с ним прилично, вежливо...

Необъемная в талии, огненно-рыжая, конопатая, некрасивая лицом медсестра, злобно зыркнула заплывшими щелочками глаз на Эдуарда и строгим голосом пригласила пациента на аудиенцию к начальнику отделения.

Капитан понуро поплелся вслед за ней по длинному выкрашенному в зелёный цвет коридору. Ничего хорошего от встречи с этим полковником он не ожидал, мало ли чего болтает санитарка о доброте шефа! Может быть, это с ней он мил, добр и обходителен, а вот в общении с пациентами окажется тираном, злодеем, садистом, хозяином современной «палаты номер шесть»!

Книги о нравах старых и современных психбольниц Эдик читал, да и фильмы видел. Проходя медкомиссии, Громобоев несколько раз сталкивался в жизни с психиатрами, после чего стал сомневаться в их полной адекватности. Конечно же, общение со своеобразным контингентом не может не накладывать отпечаток на психику здоровых людей. Видимо поэтому доктора, ежедневно вынужденные по долгу службы работать с душевнобольными, становятся с ними почти родственными душами. Как говорится: «с кем поведёшься, от того и забеременеешь», а в случае с психиатрами – от того и наберёшься! А тут не просто психиатр – главный психиатр! Да ещё и полковник...

Медсестра тихо поскребла ногтями дверь, осторожно вошла в кабинет, доложила шефу. Капитан, чуть помедлив, без приглашения проскользнул следом. Кабинет «главного по психам» был довольно просторный, но с минимумом мебели: стол, стул, шкаф. За белым казенным столом восседал худенький седой врач в белом халате поверх форменной рубашки. Эдуард за годы службы выработал стойкую аллергию на генералов и полковников, тип взаимоотношений «я начальник – ты дурак», сидел уже в «печёнках»! Правда, до сей поры, эта неприязнь распространялась в основном на старших политработников, да на дубовоголовых и по пояс деревянных командиров, а медики в этот перечень пока что не входили.

Пациент внутренне, непроизвольно напрягся: ладони вспотели, под мышками стало сыро, ноги сделались ватными, в животе неприятно похолодело.

– Садитесь, пожалуйста! – произнёс тихим, доверительным голосом начальник и пробежал глазами по бумагам. – На что жалуемся, пациент? Что у вас болит?

– Жопа жутко болит от уколов! Руки ноют! – честно признался Эдик. – И ноги тоже. Уж очень крепко меня скрутили вчера и приковали к кровати. А зачем? И главное – за что?

– А, действительно, за что? – вкрадчиво переспросил его ласковый полковник. – Обрисуйте подробно ситуацию. Поделитесь своим видением всей этой странной истории. Скажу честно, вы крайне неприятно выглядите в рапорте вашего начальства и в эпикризе полкового врача. Итак, я вас слушаю...

Громобоев помолчал минуту, громко выдохнул воздух через нос, и начал, аккуратно подбирая слова, волнуясь, подробно расписывать вчерашний вечер. Эдик даже вспотел от волнения и напряжения, но затем осмелел и начал говорить быстрее. Рассказал без утайки: возвращение домой с полигона, постельную сцену, драку, секс, приезд медиков, увлёкся, даже руками размахивал при этом.

– Странно, у меня написано, что это у Вас посттравматический синдром, связанный с контузией и тепловым ударом. Да вдобавок на фоне систематического злоупотребления алкоголем. А последствия контузии могут выражаться по-разному. Контузия действительно была?

– Была. Больше года назад, но без последствий...

– Это Вам так кажется. Без последствий ничего не бывает. Я вот, вижу у Вас, лицевые мышцы чуть повело, глаза немного разные стали.

– Один правый, другой левый? – натужно улыбнулся капитан.

– Нет, разноколиберные: один больше, другой поменьше. Вчера много пили?

– Ну, хряпнул полстакана коньяка после третьего раза. Чтобы успокоиться...

Полковник в удивлении вскинул узкие седые бровки.

– Не понял...

– М-м-м...ну когда я Ирку в третий раз отоварил...

– Били?

– Да нет же, – Эдик поморщился на непонятливость психиатра. – После третьего э-э-э полового акта...

– Силен! Точно не врешь?

– А чего врать, если я могу! Потом ведь был и четвертый, а в пятый раз отодрать не успел, меня с неё эти серафимы-херувимы стянули и спеленали! Эта тварь и её хахаль меня бесстыдной демонстрацией порнухи так сильно разозлили и завели..., тем более я месяц выдерживал паузу...

– Батенька, да вы монстр! С таким здоровьем вас надо студенткам на курсе сексопатологии показывать! Да на расстоянии. Ай, силен! Н-да... даже жалко такого молодца на привязи держать. Вообще-то, при желании мы можем любого здорового человека сделать больным и наоборот, больного выдать здоровым... И на бумаге, и в жизни...

После этих слов психиатра у Громобоева внутри всё буквально оборвалось.

«Ну, вот, так и знал! Дёрнуло за язык похвалиться, позавидовал докторишка потенции. Теперь залечат, упрячут так, что белого света не увижу, и никакие ордена и медали не спасут, и не помогут боевые заслуги. Вон как оборачивается, даже контузию фронтową в вину ставят».

Пауза затянулась и оба замолчали. Доктор бегло писал бумажки латинскими каракулями, а Эдуард молчал и нервно размышлял.

«Может деньги предложить за свободу? Чеков триста? Отдам, что осталось от запасов после Афгана...»

– Как я понимаю, тот ваш шельмец остался жив и здоров? – оторвался от записей полковник.

– Конечно, я же говорю, капитан Лаптюк хоть и хромал, но своими ногами домой утопал. Правда, босиком. Я ему сапоги забыл вышвырнуть вслед с балкона. Он видно отмылся и вызвал скорую. Понимаю, это его грязные делишки, его происки! Кто же ещё! Он сюда вчера приезжал, диагноз диктовал.

– Погоди, дорогой! Так-так-так... Начмед полка это твой соперник? Фамилия Лаптюк, говоришь? Забавно... значит, сначала трахнул жену, а потом мужа в дурку? Вот твое медицинское заключение, читал, ну прям психологический триллер. И написал его, говоришь, твой «молочный брат» Лаптюк! Верно, подпись его стоит, документ датирован вчерашним числом.

– Ах, подонок! Выйду – грохну!

В глазах полковника промелькнуло что-то такое, что Эдик сразу прикусил язык.

– Это я к слову. Не собираюсь я больше с ним х..., пардон, членами меряться... Подлец Серега! А еще в друзья набивался... Да-да... Выпить

заходил несколько раз, тоже мне собутыльник. Друг семьи, скажем так, навязывался несколько раз в гости... Зараза! Моя жена, теперь уже думаю бывшая, в полковом медпункте у него в подчинении, медсестрой служит. Вот мы и начали общаться, вроде даже стали дружить. То сам с шампанским зайдет, то с вином, то с коньяком. Выпьем, поговорим, шашлычок сварганили раз на природе. Купаться на озеро ездили, в карты играли, в нарды.

– Он холостой?

– Ну, в гарнизоне – да, холостякует, тут он один живет, а семья его в Карелии пока что. Вот и приبلудился к нам, присосался. Блудун, проклятый!

– Весело, ничего не скажешь. А я-то думаю, в честь чего Вы вдруг буянить вздумали. Такая героическая личность и столь безобразное поведение! И выходит, по вашим словам неудавшийся Ромео жив и невредим?

Громобоев хотел было сказать: «к сожалению, жив», – но вовремя одумался и сказал более мягко и обтекаемо.

– Жив и явно здоров! Сумел же мерзавец написать на меня пасквиль, организовать доставку в ваше учреждение, создать мне невыносимые условия существования: уколы, таблетки, смирительную рубашку, пути! И есть такая вероятность, что он сейчас в моей койке барахтается. Хотя... очень на это надеюсь, на месяц-другой блуд я ему отбил!

Эдик криво усмехнулся, вспомнив удар сапогом сзади в промежность Лаптюку.

– По-вашему, я неправильно поступил, вышвырнув подлеца с балкона?

– А как же он выжил?

– Так всего и лететь-то было... три метра... второй этаж...

– А если бы десятый?

– Тогда я бы не у вас сидел, а в другом месте...

– Понятно. И не раскаиваетесь в содеянном?

Эдик отрицательно покачал головой.

– Даже если после разговора посчитаете меня буйным – ни капельки и ни чуточки! Если б раскаивался – тогда б я был точно ваш пациент!

– Ну, что же... – доктор встал со стула и обошел стол. Раздевайтесь! Давайте-ка, голубчик, я Вас осмотрю для порядка. Не повредит.

Полковник заставил Эдуарда присесть, пройти по комнате, встать на цыпочки, достать, зажмурив глаза, по очереди пальцами левой и правой руки кончика носа, поводит молоточком перед лицом,

велел следить за движением, постучал обратным концом молоточка по рукам, ногам, груди... Затем Громобоев снова приседал, вновь ходил по прямой, опять приседал попеременно на одной ноге. Капитан терпеливо выполнял требования врача: всё делал четко, без протестов, без насмешек и иронии. По завершении физкультуры врач включил лампу и заглянул в глазные яблоки, потрогал голову, помял затылок, основание черепа, осмотрел темечко... И ещё много чего... Эдику было забавно, но он сдерживался и помалкивал.

– Ну, ладно. А что бы ты сейчас с ним сделал, с этим Лаптюком, если всё вернуть обратно, во вчерашний день? – полюбопытствовал доктор, завершив колдовать над пациентом.

– Снова вышвырнул бы из квартиры, так же с балкона или лучше спустил бы с лестницы. Это было бы ещё больше... – тихо и обречённо ответил Эдик, понимая, что возможно тем самым подписывает себе психиатрическое заключение, своеобразный медицинский приговор.

– Всего-то? А я бы – убил! – сурово произнёс седой полковник, сверкнул глазами стального цвета и достал из ящика стола два гранёных стакана.

«Ну, вот, как я и думал! Психопат!» – подумал Эдик, не отводя взгляда от колючих глаз полковника.

Затем психиатр извлёк из тумбочки початую бутылку водки, шоколадку, нарезанный хлеб и банку огурчиков.

«Вот это другой разговор!» – Эдик даже повеселел, он никак не ожидал такого резкого разворота в своём деле.

– Давай хоть познакомимся! Всеволод Васильевич! – врач пожал руку пациенту. – Ща выпьем по первой и можно просто Сева!

– Эдуард!

– Я в курсе, – ухмыльнулся доктор, скосив глаз в медкарту, и подмигнул.

Выпили по полстакана, и полковник, занюхав корочкой, продолжил развивать тему.

– Знаешь, у меня молодая и красивая жена. Я её страстно люблю и сильно ревную. В последнее время нутром чую... Ну, да ладно... С любовником не ловил, но если негодяя поймаю..., то тоже выброшу с балкона! Причём не как ты, жалостливо поступил, а обоих. И у меня ситуация суровее, у меня восьмой этаж!

Офицеры, не чокаясь, молча, выпили по второму разу, в тишине пустые стаканы звякнули о столешницу. Эдик закусил шоколадкой, полковник огурцом. Повторили за здоровье, потом третий тост – молча.

– Сева, так ведь если что, тебя на долгий срок посадят!

– Не посадят, не забывай – я же профессионал! Высококласный специалист! Я такой шикарный диагноз себе организую, ни одна медэкспертиза не подкопается. У себя же в отделении оклемаюсь, а потом и выйду...

Эдик не удержался и улыбнулся.

– Ты чего? – набычился полковник.

– Прямо по Антон Палычу... Палата № 6... Санитары порадуются...

– Чудак, я ж отделение не сдам, так и буду командовать... Ладно, чуть выпили и несём всякий бред! Хватит болтать! Перейдём к нашему делу.

В голосе полковника послышался металл, а в глазах холодок. Эдик напрягся.

– Топай-ка ты, брат, домой, но только больше не хулигань! Выпущу под свою ответственность. Как я понимаю, начальство за тебя решило не заступаться и даже наоборот, топит подобными характеристиками...

Ничмед подтолкнул рукописный листок Эдику. Он пробежал глазами по тексту, взглянул на подпись. Понятно, начальник политотдела Орлович подстраховался. С такой характеристикой и в тюрьму не возьмут...

– Уроды! Крысы тыловые! – сжал кулаки Эдик. – Вернее – крыса политическая!

– Кстати, я тоже был в Афгане в восемьдесят первом, работал в Кабуле, в госпитале, а потом защитил диссертацию по патологиям. Я тебя выпускаю под честное слово не шалить, не буяннить и не бужить. Даёшь?

– Даю!

– Вещи заберёшь в приёмном отделении. Ступай. Удачи, капитан! Не подведи меня...

Полковник подписал справку, поставил штамп и протянул бумажку.

– Спасибо, Всеволод Васильевич! – Громобоев сглотнул слюну и крепко пожал руку психиатру.

Эдик вышел из кабинета и направился к выходу. У дверей сидела дородная злая санитарка.

– Ку-у-уда?! – рывкнула она.

– Я? В приёмное... На выход...

– А ну назад. Кто сказал? Отойди по-хорошему!

Громобоев растерялся. Неужели полковник подшутил?

Но нет, Всеволод Васильевич выглянул из кабинета, кивнул головой.

– Галина, этого пропусти...

Суровая бабища окинула худощавую фигуру Громобоева взглядом полным сожаления, тряхнула связкой ключей, отворила дверь.

– Ну что ж, гуляй пока что...

Свобода! Сердце капитана бешено колотилось от радости, он вихрем спустился с третьего этажа, прыгая через три-четыре ступеньки и буквально меньше чем через минуту, помчался прочь из отделения. Сырой прохладный октябрьский ветер ударил в грудь и лицо. Эдуард запахнул посылнее госпитальный халат и, помчался на выписку, перемахивая через лужи, рискуя потерять больничные тапочки на бегу.

Глава 9. Увлечение политикой

Глава, в которой наш герой начинает увлекаться политической деятельностью, решает послужить стране на новом поприще.

Ну и куда же умному и энергичному человеку после выхода из психушки и общения с сидельцами психиатрического отделения военного госпиталя податься? Да к тому же успев прежде начитать продвинутых текстов на ночных дежурствах по полку, типа: «В круге первом», «Один день Ивана Денисовича», «Доктор Живаго», «Чевенгур», «Колымские рассказы» и прочих откровений об истории правящей партии и жизни родного государства? Всё верно – прямой путь просвещенному в политику, к бунтарям!

С нелегальной и неформальной политической деятельностью страны Эдуард впервые пересёкся именно в тот день, когда железные двери мозгоправной лечебницы распахнули перед ним свои жадно-гостеприимные ворота и с сожалением выпустили наружу невинно пострадавшего сидельца. Настроение было паршивым, и Громобоев решил не спешить в родной гарнизон, а прогуляться по узким улочкам и переулкам исторического центра.

Капитан бесцельно и бездумно брёл по старым улочкам, вышагивая то по асфальту, то по брусчатке, и одновременно глазел по сторонам на старые дома, разглядывал пыльные, и давно не мытые окна, мансарды с ржавыми крышами, рассматривал лепнину, барельефы и прочие архитектурные излишества, смотрел на корявые водостоки, и обваливающиеся скульптуры, на висящие в воздухе, и удерживающиеся

на честном слове массивные балконы. Он неспешно шёл, наслаждаясь жизнью и свободой. Великолепный в прошлом город (это было заметно и невооружённым глазом), стремительно ветшал, причём рассыпалось всё: падали балконы, фронтоны, балюстрады, зимой с грохотом, вместе с намёрзшим льдом срывались водоотводные трубы, и круглый год ежедневно прорывало трубопроводы. Бывало обваливались даже стены домов и порой, словно от прямого попадания авиабомбы рушились сами здания. Историческая часть Северной столицы хирела и медленно умирала. Стены памятников архитектуры посерели из-за оседавшей на них слоями многолетней пыли, от копоти, осыпавшейся на город сажи из сотен заводских труб и многочисленных ТЭЦ и котельных, от выхлопных труб сотен тысяч чадающих автомобилей. Да, наверное, в Северной столице жителям гораздо легче дышалось, когда по мостовым передвигались лишь на каретах и печи топили дровами!

Впрочем, агонизировали и новостройки: во дворах скапливались горы мусора, регулярно отключалась электроэнергия, то тут, то там происходили разрывы на сетях горячего теплоснабжения, и в кипящих озерах тонули и варились заживо, случайные невезучие пешеходы, случалось даже, что в промоины проваливались целиком грузовые и легковые машины с пассажирами.

Но в тот момент, шагая, под накрапывающим дождиком Громобоев не слишком переживал о здоровье города, он радовался своему чудом сохранённому физическому и психическому здоровью, свободе, глубоко вдыхал воздух, радостно смотрел по сторонам, и жизнь виделась ему по-новому. Взгляд фиксировал разные мелочи: бесчисленные небрежные объявления на дверях, на стенах, на водосточных трубах. Над окнами и дверями магазинов висели грубо наклеенные вывески и плакаты. На водостоках было много наклеено всякой всячины: информация о продаже породистых собачек, и крик о помощи (у кого-то пропал и разыскивается котик), и нечто вульгарно амурное (кто-то искал себе мужа или любовника), а то предлагали запчасти для автомобиля (скорее всего украденные). Мелькали наклейки о снятии порчи, о ворожбе, приворотах и заговорах, об исцелениях от всех болезней (в последнее время такой бред часто стал встречаться в объявлениях).

Дождик лился по-летнему, тёплый, поэтому Громобоев не прятался от него, а наоборот, долго и неторопливо брёл вдоль старинной гранитной набережной. Капитан дошёл до моста, вдруг ему

по мальчишески захотелось порезвиться – он быстро перебежал через него на другую сторону Невы. Отдышался, двинулся дальше по Петроградской стороне.

Иногда капитан заходил в какие-то бесцельно совсем бесцельно, а в другие в поисках продуктов на ужин, снова замечал на стенах доски объявлений и его глаза от нечего делать, пробегали по рядам наклеек и листочков.

Именно тогда ему и попало самое первое воззвание демократов. Объявление болталось на ветру, на ржавом и кривом водостоке, и заинтересовало «психа-вольноотпущенника» своей необычной темой. Написано оно было ручкой, торопливым неровным почерком, писавший его человек явно спешил сделать много копий. Прокламация состояла в основном из лозунгов и призывов типа: необходима борьба с кровавым и реакционным, антинародным, человеконенавистническим коммунистическим режимом. Неизвестный оповещал о съезде Народного фронта и призывал всех равнодушных вливаться в его ряды. Вторая нижняя часть объявления была чьей-то рукой резко и небрежно оборвана. Не осталось ни адреса, ни телефона.

Эдик усмехнулся, вновь быстро пробежав глазами по тексту воззвания, и пошёл дальше, хлюпя ботинками по бесконечным лужам. Он уже основательно промочил ноги и решил завершить первую прогулку на свободе. Те два часа, которые Громобоев провёл, гуляя под дождём, он непрерывно размышлял, как ему жить дальше. Пока в голову ничего путного не приходило. На душе и сердце было мутно.

Возвращаться в квартиру к подлой изменнице Ирке не хотелось, уж слишком сильна была обида за то предательство, которое она совершила! И ладно бы только изменила, но ведь ещё и содействовала заточению в психбольницу (хотя бы тем, что не возражала и не выручала), а потом помалкивала и не раскрывала друзьям места его заточения! Хорошо, что у Эдика хватило ума и выдержки, чтоб не начать буйствовать в отделении, иначе не миновать многомесячного курса отупляющих уколов, сильнодействующих таблеток и смиренной рубашки.

«Но куда же податься теперь? Может в казарму? Там всегда найдётся свободная койка...» – подумал капитан.

Тут взгляд Эдика упал на очередную петицию, прилепленную к столбу и написанную всё тем же неровным почерком. Снова популярные лозунги, снова призывы, но вот на этом листочке помимо призывов сохранилась и содержательная часть:

«...мы, организационный комитет, оповещаем о проведении в ДК имени...учредительного съезда Народного фронта». В конце текста указывались и дата и время проведения.

А вот это уже важная и ценная информация! Который месяц Громобоев искал, с кем можно было пообщаться по душам, излить наболевшее, но как найти единомышленников с неприязнью относящихся к правящим кругам. И вот они сами нашлись! Призывают встретиться и сплотиться.

«Действительно, надо бы посетить сборище неформалов», – подумал Эдик.

Громобоев огляделся, а вдруг провокация КГБ: повесили прокламацию, а сами ищут диссидентов и ловят на живца! Нет, вроде бы никто не следил, ни один подозрительный субъект не косился на него тайком из засады. Капитан аккуратно отлепил бумажку от ржавого металла и сложил в карман. Надо поразмыслить и попробовать попасть на это мероприятие. Но в качестве кого на него попасть? Проходим, заглянувшем на огонёк? Не прогонят? Да и если в зале случайным гостем сидеть, то тогда выступить не дадут. А язык у Эдуарда в данный момент чесался, и очень хотелось поговорить о злоупотреблениях в отечественной психиатрии, о несправии военнослужащих. А если попытаться выбраться делегатом? Интересно, какова норма представительства и порядок выдвижения?

Громобоев нырнул в подземку, домчался до конечной станции метро, поднялся, сел в автобус, который довёз его до окраины города, пересел на другой, доставивший в пригород, а затем как обычно третий пересадочный автобус вывез в область.

В опостылевшую квартиру естественно не пошёл, а направился в казарму. Солдаты батальона ничего не подозревали о заточении своего замполита в лечебницу для военных душевнобольных, никто Эдуарда ни о чём не спросил, как будто капитан и не отсутствовал некоторое время, а так, словно вышел на минутку из части за спичками. Да и солдатам ведь всё равно где начальство – лишь бы скорее окончился срок службы, тем более лозунги у бойцов неизменны: чем меньше командиров – тем лучше, главное дело – подальше от начальства – поближе к кухне!

Батальон только-только вернулся из столовой после ужина, в казарме стоял шум и гам. Эдик заглянул в Ленинскую комнату, и лишний раз убедился – общий бардак, который творился вечером

в подразделении, присутствовал и тут: несколько солдат подшивали воротнички, один чистил сапоги, одного подстригали машинкой. Капитан выгнал полураздетых разгильдяев в бытовку, великодушно оставив тех, кто писал письма и читал подшивку газет. В бытовке всегда было тесно: бойцы брились, чистились, стриглись, гладили форму, поэтому отдельные хитрецы и находили себе места спокойнее – поближе к идейным и идеологическим ценностям. Впрочем, в казарме был вечер как вечер, ничего особенного – обычная казарменная суета.

Эдуард прошёлся по кубрикам, заглянул во все двери. В прокуренной каптёрке второй роты в ворохе портянок и кальсон рылся старшина прапорщик Еремеев: то ли сортировал, то ли считал. С этим прапорщиком у капитана Громобоева сложились хорошие, товарищеские отношения, а не просто взаимоотношения начальника с подчиненным.

– Фу! Ну, накурили, черти мазутные! Хоть топор в воздухе вешай! – возмутился капитан. – А ну-ка, живо проветривайте помещение!

Узбек-каптёр, знавший неприязнь замполита к курению, метнулся к окну и распахнул створки настежь.

– Молодец, военный! – одобрительно похлопал Эдуард солдата по плечу. – Иди пока погуляй, а мы со старшиной о делах поговорим...

Каптёр для подтверждения приказа скосил глаза на старшину, Еремеев сурово в ответ сдвинул брови, и солдат схватив пилотку, ремень и папиросы, метнулся на выход.

– Нарушаешь, старшина, не выполняешь приказ Министра обороны номер сто пятьдесят, запрещающий курение в помещениях.

– Ой, Эдуард Николаевич, да я весь в делах, не обратил внимания, что бойцы курили...

– А свой дымящий бычок тоже не заметил?

Еремеев хмыкнул в ответ, крепко воткнул окурок в пепельницу и с улыбкой спросил:

– Так хорошо?

– Гораздо лучше, чем его долгое тление и канцерогенный вонизм...

Старшина не стал ничего возражать, деловито открыл металлическую шкатулку, достал два граненых стакана, фляжку и спросил:

– Пить будете Эдуард Николаевич?

– Буду, – грустно вздохнул капитан и звучно дунул в пустой стакан. –

Чем нынче угощаешь?

– Спирт!

– Чистый?

– Вчера выменял у кума и развел пополам. За качество приготовления напитка отвечаю! Спирт хороший, вкусный, медицинский, а не какой-нибудь технический или питьевой!

Громобоев, услышав о медицине, вздрогнул и невольно оттолкнул стакан от себя пальцами.

– Извините, товарищ капитан, болтнул нечаянно не в тему, но это же, не из запасов начмеда, этот спирт мне выдал мой кум – начальник аптеки.

Старшина живо накрыл служебный стол газеткой, и на ней, словно по щучьему велению появились нарезанное сало, хлеб, лук, чеснок, солёные огурчики и банка кильки в томате. Валера, хитро прищунив глаз, налил себе и капитану ровно по полстакана.

– Ты меня поджидал что ли? – удивился Эдик.

– Чувствовал, что придёшь. Я всегда готов и рад встрече с хорошим человеком, – усмехнулся Валера. – С возвращением! Ну, что... чокнемся?

– Да уж, спасибо на добром слове, я за эти дни действительно едва-едва не чокнулся... Вернее было бы сказать, чокнутым чуть не сделали...

– Чуть не считается! Тогда – вздрогнули!

Сослуживцы стукнулись стаканами, выпили, хрустнули огурцами, пожевали сало. Эдик шумно вздохнул.

– Тяжко пришлось? – с сочувствием спросил старшина.

– Не сладко и не весело, – кивнул в ответ Эдуард и покосился на фляжку.

Старшина с готовностью и пониманием отвинтил крышку и налил вторую порцию напитка. Снова выпили и закусили.

– Поделитесь впечатлениями?

– Да о чём говорить? Ничего интересного: связанным спал, ел, пил, гадил, потом беседовал с врачами, смотрел телевизор и читал газеты! Курорт! Хочешь туда? Помочь с направлением?

– Нет, спасибо...

Еремеев внимательно посмотрел в усталые и грустные глаза замполита, и рука непроизвольно вновь потянулась к фляжке.

– Третий тост! – строго объявил Эдуард и встал.

Прапорщик поддержал капитана, поднялся со стула и тоже молча выпил. Громобоев окинул взглядом стол – вместе с быстрым уменьшением количества животворящего напитка катастрофически сокращалась и закусь. Покачал головой, после госпитальных харчей и прогулки

на воздухе у него проснулся волчий аппетит. Четвертую рюмку пили, заедая огурцами, луком и остатками роскоши.

– Ну, а теперь поговорим, – произнёс Громобоев, давая добро на задушевную беседу. – Что в полку говорят обо мне старшина?

Еремеев пожал плечами, тактично прокашлялся и ответил:

– Да ничего такого особенного, никто толком ничего не знает, в основном шушукуются, мол, рецидив контузии...

– Что ж, будем придерживаться этой версии. А где этот гондон Лаптюк? Надеюсь, морда у него ещё не зажила?

Еремеев громко рассмеялся и хлопнул ладонями по коленям.

– Вот уж не в бровь, а в глаз! Официально он находится в отпуске, но говорят, что в строевой части уже выписано предписание – после отпуска появится и сразу убывает служить на север. Командир полка за одни сутки добился перевода его к новому месту службы. Ходят слухи, Плотников обращался лично к Командующему! Требовал перевода, чтоб местных курочек не топтал и в чужие курятники не лез! Сам я его помятого лика медика не видел, но начальник аптеки мне по секрету описал: левый глаз заплыл в узкую щелочку, нос распух как картошка, рожа в порезах и царапинах, наложили на неё десятка два швов, да ещё нога вывихнута и рука ушиблена. Говорят – закрытый перелом!

– Жаль не открытый...

– А как там эта сучка Ирка?

– Никак! Взяла отпуск, и они уехали в Чуркистан знакомить Лаптюка со своей мамашей, а потом поедут на курорт, жопы греть. На Чёрное море там как раз начинается «бархатный сезон»...

– И шут с нею! Значит, и не женой была! Вычеркиваю из жизни и из памяти. Может, перегреются и в море утонут? – буркнул Эдик и настойчиво побарабанил ногтями по стакану. Последние капли «горючего» вытекли в гранёные ёмкости и, не успев нагреться даже на долю градуса, быстро очутились в желудках собутыльников. Надо было уйти от этой неприятной темы и о чём-то поговорить. Громобоев вспомнил про объявление.

– Валера! Помнишь наш с тобой недавний разговор о необходимости перемен в стране и приходе народовластия?

– Конечно! А что-то изменилось в понимании этой проблемы? После курса уколов согласился с необходимостью настоящих выборов?

– Старшина, ты не утрируй и не ёрничай! Нехорошо! Я и раньше был «за», но ты заявляешь, что надо выбирать Советы только из народа,

а твой критерий народа – беспартийность? Ты за Советы без коммунистов?

– Именно! – с жаром воскликнул прапорщик.

– Так ты же сам коммунист, – громко рассмеялся Эдик. – По-твоему выходит и тебя к власти допускать уже нельзя?

Прапорщик опешил и на секунду замешкался, хотел что-то возразить, но тут ему на помощь пришёл капитан Лукавенко, который шумно ввалился в каптёрку и выручил слегка растерявшегося прапорщика. Добродушный артиллерист, командир батареи сегодня был дежурным по полку, совершал обход казарм, и случайно узнав, что Громобоев уже на свободе, сразу решил засвидетельствовать ему своё почтение. Юрик пришёл в казарму танкистов, узнал, где находится репрессированный, и ворвался без приглашения.

– Здорово арестант!

– Я уже вышел по амнистии...

– Свобода – это же здорово! – вскричал Юра, крепко сжимая плечи приятеля и хлопая его по спине. – Что пьете, психи? Ваш трёп слышен даже на лестнице, а ну умерьте звук! Хотите в дурку загреметь, но уже вдвоем, чтоб не скучать? Харэ политику разводить! Упекут! Советы им без коммунистов подавай!

– Подслушивал?

– Случайно! Вы же орете на всю казарму – честных и законопослушных узбеков крамолою пугаете. Правильно говорит старшина, конечно же, надо Советы без коммунистов, точнее – без коммуняк: парторгов, политотдельцев, обкомовцев. А нас рядовых – можно избирать! Мы безвредные. Что пьете?

– Выпиваем, – уклончиво ответил Эдик, ставший в свете последних событий с подозрением относиться ко всем.

– Спирт?

– Разведённый... – виновато ответил старшина. – И уже нет ни капли.

– Да ладно, я и сам могу угостить, я не хвостарь.

С этими словами Лукавенко достал из-за пазухи бутылку водки и торжественно водрузил её на стол.

– А ты в кобуре вместо пистолета случайно не припрятал солёного огурца? – усмехнулся Громобоев.

Лукавенко снял и протёр запотевшие круглые очки, вновь водрузил их на свой курносый нос, и виновато хлопал ресницами, осознав промашку с закуской.

– Ладно, я сегодня нежадный, – примирительно заявил старшина и вынул из внутреннего кармана плаща, висевшего на стене, припрятанную банку тушенки. – НЗ! Домой детям нёс!

– Детей объедать не буду! – насупился Юра.

– А я буду, – решительно заявил Эдик. – Есть хочу, как волк!

– Про детей шучу, – улыбнулся старшина, – я знал, что на огонёк может заглянуть добрый человек – вот и припрятал.

Пиршество, не успев затихнуть, продолжилось.

– С возвращением в ряды умственно нормальных! – проникновенно произнес Лукавенко. – Мы скучали по тебе карбонарий...

– Ты ведь дежурный по полку! – с осуждением сказал Громобоев. – Смотри, потом не потеряй пистолет и ключи от сейфов!

– Ты погляди, он даже за рюмкой играет роль замполита! Не ссы, не потеряю. Рассказывайте, что нового, что вы задумали...

– Да вот хотим Советскую власть устанавливать! Вернее сказать – восстанавливать, возродить! – начал прапорщик.

– Валера явно посмотрелся кинофильмов или интуитивно поднял на щит лозунг анархистов: «За советы без коммунистов!» – возразил Эдуард. – И нас он не пустит к управлению страной.

– Не нас, а вас! Не утрируй и не извращай, – ухмыльнулся Лукавенко.

– Я имел в виду – власть без нынешнего начальства, без партийных боссов, – уточнил старшина.

– Вот они, боссы, как только прознают, так вас и отимеют! – пригрозил капитан-артиллерист. – То-то Орлович обрадуется!

– Партноменклатуру – вон! Долой! – горячился Валера.

– А кто против? – с жаром воскликнул Эдик. – Но ведь это как посмотреть, может и я в твоих глазах партноменклатура?

– Ты? Нет! Просто жертва режима, оболваненная пропагандой.

– Я не оболванен! Ты сам болван! Я-то как раз думающий и сомневающийся!

– Ша, стоп! Не подеритесь! – начал успокаивать спорщиков Лукавенко.

– Я никогда не был оболванен, я и раньше много читал, а в последнее время столько всего нового узнал..., – оправдывался Эдуард.

– В психушке? – подмигнул Юрик, закусывая нанизанным на вилку куском тушёнки.

– Не смешно! Столько новой информации за последний год хлынуло в прессу! От одного прочтения Солженицына теряешь остатки веры! Я самостоятельно пришёл к выводу о преступности самой природы

существования нашего режима! Скольких замечательных людей уничтожили просто так! Расстреливали тысячами по разнарядке...

– Да, уж...даже сотни тысяч... – кивнул Валера.

– А такую цифру узнать, что истребили миллионы людей – не хочешь? – воскликнул Эдуард запальчиво. – Рассказывали, раскулачивали! По разнарядке: священников, купцов, офицеров, ученых! От Соловков до Магадана – стояла сплошная сеть лагерей. И началось это ещё при добреньком «дедушке» Ленине! Партбилет карман жжёт и мне стыдно, что я в одной партии с бериями, ежовыми, кобуловыми, андроповыми и прочими заплечных дел мастерами...

– Ерунда! Во всем виноваты евреи! – отмахнулся Лукавенко.

– Опять бей жидов спасай Россию? – покачал головой Эдик.

– Их, пархатых! Всех надо под корень, – кипятился подвыпивший Юра. – От них всё зло...

– Всех расстрелять или лучше перевешать? – уточнил Громобоев. – Или топить баржами? Или применить старое опробованное радикальное средство: травить газами! Уточни! И последний вопрос: сам будешь участвовать в травле газами, или ты у печей поработаешь? Или для этих задач наёмников найдешь?

Лукавенко опешил и вытаращил глаза.

– В газовые камеры отправим только мужчин? Или и женщин и детей тоже? – напирал Громобоев. – Или еврейских чернявеньких красоток оставим для утех?

Юра, что-то хотел произнести, но так и застыл, раскрыв рот, настолько неожиданным и прямолинейным был вопрос.

– А причём тут я? – Капитан-артиллерист явно смутился и растерялся.

– Конечно, ты же чистюля, сам пачкать ручки не станешь! Пусть другие грязную работу другие делают за тебя? Верно? Ты же только мастер языком молоть. Много вас демагогов! Итак, отвечай – детей и баб тоже поголовно истреблять?

– Стоп! Не надо мне навешивать фашистские ярлыки! Я вообще не говорю, что кого-то надо убивать!

– Тогда поясни! Каким образом ты думаешь решать вопрос? Бить жидов – это шлёпать их по щекам? Или дубинкой по голове? Или ногами по яйцам?

– Можно, всех этих сионистов выслать, – выдавил из себя Юра. – В Израиль, на родину, чтоб им.

– Сионизм – это возвращение на землю обетованную. А если они не хотят уезжать, а ты их сам выталкиваешь туда, то ты потакатель и подстрекатель к сионизму.

– В Америку, в Израиль, в Германию, в Аргентину. Да мало ли куда – земля большая...

– А если их Родина тут? А если они не захотят? Или кто-то не захочет? Вязать и паковать в ящики? С прощальной оплеухой и с ласковым пинком под зад?

– Типа того...

– А почему ты считаешь, что они во всём виновны?

– Потому! Все комиссары были евреи! И сейчас они по-прежнему, с тех пор как захватили власть, так и сидят в Кремле!

– Ой-ли? Русских комиссаров было гораздо больше! И сейчас ни одного еврея в правительстве! Но в вину ты им вменяешь по-прежнему и отсутствие водки, и отсутствие мыла, и то, что в кране нет воды...

– Ерунда! Я точно знаю, как они были у власти, так и остались! Комиссары!

– Все?

– Все!

– Я вроде бы тоже почти комиссар!

– Ты неполноценный, ты замполит батальона. А я говорю о больших начальниках: Троцкий, Урицкий, Свердлов, Ленин, Каганович, Мехлис! Это они организовывали массовые расстрелы русского народа! А их сородичи пусть отвечают по счетам...

– Ну, хорошо, с евреями всё понятно, быстро разобрались. Думаю, решим вопрос за неделю! А что потом? Кто станет новым врагом, если сразу жизнь не улучшится? Что скажешь?

– Улучшится!

– А если нет? Я уверен, дорогой Юрик, герои борьбы с еврейством, твои единомышленники, сразу же возьмутся за тебя, Лукавенко! И за таких же, как ты...

Капитан вытаращил глаза и, посмотрел, не мигая на своего друга.

– Это за каких интересно – таких?

– За очкариков! Вспомни Кампучию, дорогой товарищ! После прихода к власти полпотовцы первым делом перебили тех, кто носил очки! В очках – значит умный! Всех очкариков побили лопатами и мотыгами, потом взялись за других, уж не знаю по каким признакам, но три миллиона искоренили за три года! У нас в России если начать

решать основной вопрос «коренным образом», то тремя миллионами не отделаемся. Никак не обойдёмся! Нам ведь размах нужен! Бери более – миллионов десять-двадцать! Обострим классовую и национальную борьбу в процессе углубления демократии! В том обществе, которое ты нам предлагаешь создать, умники ни к чему! Они просто не нужны! Но я думаю, ты до второй масштабной чистки не доживёшь, и даже до массового истребления очкариков не дотянешь! Ты попадешь в самую первую волну: поймают на улице, обзовут мордой жидовской – и на фонарь. Старшина, неси циркуль! Сейчас мы Луке будем череп измерять! Что-то он мне своими размерами и формой доверия не внушает...

– За что ты меня так? – обиделся Юра. – Чего я тебе плохого сделал?

– А что лично тебе семиты плохого сделали? А их дети, в чём виноваты? В карман твоего кителя кучу навалили?

Прапорщик слушал перепалку на расовые темы двух подвыпивших капитанов и заливался ехидным смехом в уголке.

Лукавенко густо покраснел, обильно вспотел, и выругался.

– С вами умниками свяжешься – обязательно себя круглым дураком почувствуешь!

– А ты почувствуй себя дураком квадратным или прямоугольным. Будем тебя не катать, а валять. Круглым быть легко...

– Я не говорил об уничтожении и репрессиях! Я за власть русских в стране!

– А-а-а! Россия для русских? – живо отреагировал Эдик на очередной ляп артиллериста. – Так нечто подобное уже было однажды провозглашено и претворялось в жизнь ефрейтором Адольфом Шикльгубером. Освежить память, чем завершилось?

– Опять ты передергиваешь! Я за строго-пропорциональное представительство во власти всех народов, особенно коренной, титульной нации.

– Нации или наци? Уточни...

– Да пошёл ты...

– А хохлов к власти допустим? – вновь усмехнулся Эдик и подмигнул. – Ровно одну пятую должностей хохлам, или чуть меньше? Кто будет вести подсчёт постов?

Капитан Лукавенко сопел и молчал.

– А я наоборот выступаю за демократию без ограничений по национальному признаку! – продолжал Громобоев. – Пусть народ сам

изберёт, кто должен быть в Советах. А вы всё время пытаетесь провести люстрацию: то без коммунистов, то без евреев, то без очкариков, то без хохлов.

– Не ври, об украинцах речи не велось, – буркнул Лукавенко.

– А мне, например, они не нравятся! У нас в Питере сало кончилось – это они пожрали! Поэтому я считаю с хохлами надо тоже решить коренным образом, – продолжал издеваться и ёрничать Эдик.

– Нет, хохол хохлу рознь! – авторитетно заявил Еремеев. – Бывают западные, бывают – восточные, есть бандеры, а еще есть одесситы. А ты, Юрик, какого замеса хохол?

– Я – русский! Решительно произнёс Лукавенко. – Я родом из Сибири и долго жил на Дальнем Востоке, у меня и в паспорте записано – русский.

– Повторяю: мы будем бить не в паспорт, а в морду. Подставляй! Вернее – будут бить наши, чистокровные русские арийцы, – рассмеялся Эдик и разлил остатки водки по стаканам. – Ладно, мир! Не сердись, Юрик, но не болтай лишнего, не подумавши хорошенько. А то много вас мастеров заявлять: всех убить, повесить, расстрелять, перебить... Ты сначала сам себя представь в роли вешателя, в расстрельной команде с автоматом, перед тобой толпа баб и детишек, и какая-то сволочь тебе командует – пли! И что сделаешь? Выполнишь преступный приказ? Если готов – тогда продолжай трепать языком, но эта болтовня не от большого ума. И учти, что в этом случае я тебе больше не друг! Сейчас провокаторов-говорунов развелось – сотни тысяч! Призывают массы: захватить, покорить, истребить, сослать. А начнёшь с таким демагогом беседовать, то у него самого на дело кишка тонка. Сам этот деятель в горы с автоматом кишлаки зачищать идти не готов, за его бредовые идеи должен биться дурной дядя. Дурным дядей, вернее мальчиком-солдатиком, больше быть не желаю. Да, ты раскинь мозгами, и так судя по нашей доктрине, мы со всем миром готовы враждовать! И на западе, и на востоке и на юге. А разве можно воевать с целой планетой, да ещё с нашей столь отсталой экономикой? Мы ведь технологически плетемся в хвосте цивилизованного мира, опаздываем лет на двадцать! С дубинкой на танки? Ура-ура? Средства связи – дрянь, радиоэлектроника – дерьмо, техника собирается при помощи кувалдометра и ... матери! Я не уверен, что в случае чего ракеты упадут в заданном районе на территории противника, думаю, половина рухнет у нас в тайге, в тундре, и на свои

города! А сидя в курилке, предлагать показать американцам кузькину мать – несусветная дурость!

* * *

...Вечер не то чтобы был испорчен, но перестал быть душевным. Спиртное закончилось и приятели, насупившись, разошлись недвольные друг другом.

Глава 10. Съезд народного фронта

Глава, в которой Громобоев знакомится с современными либералами и демократами, и находит в них своих единомышленников.

После бурной дискуссии в каптёрке капитан Громобоев ещё более утвердился в необходимости найти единомышленников и пообщаться с ними. Следующим вечером Эдик позвонил по телефону, указанному в листовке: узнал порядок регистрации и представительство на форум. Выяснилось: один делегат выдвигается на съезд от пяти человек из местных отделений оппозиционеров. До начала мероприятия оставалось две недели.

Через пару дней за игрой в нарды Громобоев рассказал комбату об увиденном воззвании, осторожно прозондировал почву, интересна ли эта новость Туманову.

– Конечно, после психушки, тебе Эдуард теперь прямая дорога на митинги и собрания. Чего не хватало медикам, чтоб закрыть тебя надолго? Диагноза! Сходи, поболтай, а как засветишься перед чекистами и необходимый диагноз тебе сразу обеспечен. Мой совет – не лезь в политику!

Эдуард выслушал совет старшего товарища, ухмыльнулся, промолчал, но с маниакальным упорством всё проделал с точностью до наоборот. Он предпринял новую попытку найти компаньона, поделился своим желанием попасть на мероприятие с недавним собутыльником, постоянно философствующими недовольным властями прапорщиком Еремеевым. Угадал! Валерка воспринял предложение с восторгом, и товарищи тут же в каптёрке составили протокол фиктивного собрания, включили в него для численности офицеров роты,

без указания воинских званий, подписались и выдвинули себя делегатами съезда. Дело было сделано!

В субботу Эдуард отвез протокол по указанному адресу в какой-то НИИ, получил из рук старушки бумажку с приглашением и адресом. Всё гениальное – просто. Выходит на съезд мог попасть любой! В принципе никакого преступления, они же не к государственной кормушке лезли, и не на съезд КПСС устремились, где раздают должности и тёпленькие местечки. Да за одно участие в подобном мероприятии легко могут дать и по шапке, и по голове, и из армии погнать с «волчьим билетом».

На съезд военные делегаты пробирались соблюдая все правила революционной конспирации: добрались на метро, огляделись, прогулялись пешком три автобусные остановки, затем чуть постояли, снова осмотрелись, прошли мимо «явки», вернулись назад, опять сделали круг. Местом для проведения сходки организаторы выбрали старый Дом культуры с обшарпанными серыми стенами. Примерно за сотню метров, ещё на дальних подступах к ДК наши военные конспираторы увидели группы людей интеллигентной внешности, которые что-то горячо обсуждали, и активно жестикулировали. К ступеням парадного входа было не подступиться.

Народ тусовался приметный и экстравагантный: практически каждый с косматой бородищей, с окладистой бородой, или хотя бы с аккуратной бородкой, с усами или усиками, многие были длинноволосыми словно хиппи семидесятых годов, хотя отдельным гражданам с растительностью не повезло, но те экземпляры были с обликом типичных мудрецов – с крутыми сократовскими лбами. Одеты делегаты по большей части тоже были занято: в мятые, засаленные свитера и пуловеры, кое-кто попадался в косоворотках, группа анархистов в кожанках, встречались мужчины и в кургузых пиджаках. Нигде не было видно чиновного люда при костюмах и галстуках, и застёгнутого на все пуговицы от пупа до подбородка.

Громобоев и Еремеев заняли очередь на регистрацию, встав в хвост толпы, и постоянно и тревожно озирались по сторонам, ожидая неминуемого милицейского налёта или чекистской облавы. Но демократы вокруг в отличие от них бродили с независимым видом, свободно спорили о вещах, за которые, не то что могли, а просто обязаны были расстрелять ещё пару лет назад. Дискутирующие непринуждённо обсуждали такие запретные темы как: за сколько миллионов

марок Ленин и большевики устроили переворот в России, сифилитик ли был Ильич, а Сталин параноик или просто патологический садист, как безболезненно и эффективно ввести частную собственность на средства производства и превратить землю в товар. Много чего криминального за полчаса топтания в очереди услышал Эдик. Военные заговорщики психовали, косились по сторонам, отворачивались от съемки видеокамерами, беспрестанно оглядывались. Видео и телевизионных камер было много, и явно половина из них вела оперативную съемку.

– Чую, что нас гэбэшная контора пишет! – пробормотал прапорщик. – Не успеем до полка доехать, наши снятые на камеру лица уже опознают, и турнут из рядов Вооруженных Сил СССР...

– Не дрейфь, кому ты нужен, с твоей деревенской мордой! – пробурчал в ответ Эдик. – Не узнают! Мы ведь в гражданке! Если опасешься, тогда прикрой фэйс газеткой или вон той большой прокламацией партии анархо-синдикалистов.

Еремеев так и сделал – развернул огромную прокламацию и уткнулся в неё носом. Наконец их очередь к столу подошла. Эдуард и Валера зарегистрировались делегатами и торопливо поднялись на второй этаж. Громобоеву не понравилась, что много курящих на лестнице и в коридорах – не продохнуть! Фойе было прокурено до такой степени, что казалось, подними топор, отпусти руку, и он повиснет в сине-серой дымке. Некурящего капитана поташнивало в этой губительной для организма атмосфере, а курили почти все делегаты мужчины, и даже большая часть женщин. Дымили молодые и старые, люди неопределённого возраста, а революционные дамочки, стоя в углах, в проходах, в закутках, ругались, спорили, и курили наравне с мужчинами. Дышать возле туалетов было абсолютно нечем.

Слышны были громкие возгласы переговаривающихся демократов:

– Марина Салье приехала и будет председательствовать!

– А я слышал, что Филиппов! Говорят, что он будет вести собрание...

– Вчера Саша Щелканов сказал, мол, приедет к нам выступить с приветственным словом!

– Ну и что? Приедет и ладно. Пусть приезжает. По твоему если Толя Собчак сюда не заглянет, то нам заплакать по этому поводу?

– Вы не понимаете! На этом историческом событии должны присутствовать все лидеры демократического движения!

– Уймитесь! У всех свои лидеры! Нестеров, Рыбаков, Амосов – вот наши лидеры!

– А как же «кадеты» и христианский народный союз? А социал-демократы? А Демократический союз?

– Бэлла Куркова обещала сделать большую передачу о съезде!

Эдик чуть затормозил, «погрел уши», уловил много полезной информации и пошёл дальше. Среди толпы свободомыслящих в гражданском, особо выделялись колоритные личности: один выряженный в казачью форму с Георгиевскими крестами на груди, другой в форме полковника белой гвардии периода гражданской войны. Прямо таки барон фон Унгерн.

– А вот и ряженые, – иронизировал Валера.

– Как же без них? – ухмыльнулся Громобоев. – Артисты погорелого театра...

Чуть в сторонке, кружком, стояли несколько мужчин и женщин в одеждах под старину, типа хора имени Пятницкого, современная речь этой этнографической группы постоянно перемежалась старославянскими словечками, они старательно окали и говорили нарочито тягуче, почти нараспев.

– Северные напевы... наши... поморы, – предположил прапорщик.

Громобоев и Валера набрали раздаваемых на всех углах газет, листовок и брошюр разных политических течений от анархистов до монархистов, затесались в людской поток, и их понёсло в зал. В зрительном зале сотоварищи выбрали место в центре помещения посредине ряда. Небольшая организационная суета еще некоторое время продолжалась, наконец, всё успокоилось, и форум понемногу начался. Однако и после открытия народ продолжал прибывать, и вскоре не только сидячие места, но и проходы были заполнены. Опоздавшие теснились в дверях, зал примерно на восемьсот человек был давно переполнен и те, кому не досталось стула, сидели на полу либо подоконниках.

Громобоев крутил головою, оглядывался, смотрел во все глаза. Попадались знакомые лица: народный артист, известный писатель, несколько тележурналистов, телеведущая. Ход мероприятия в зале тоже снимало более десятка камер, многие работали, словно прицеливаясь, рассматривая лица и медленно двигая объективами по рядам.

– И тут нас пишут, – прошипел Еремеев. – Вот гады! Зачем же их впустили ведь это явно наружка!

Эдику тоже показалось, что три или четыре оператора с камерами работали не на телевидение, а на различные правоохранительные

структуры и спецслужбы, готовя клиентов для посадки в камеры. Сосед, с седой окладистой бородой, услышав фразу прапорщика, усмехнулся, а в ответ на немой вопрос во взгляде Валеры заявил:

– Ага, конечно же гэбуха! Фиксируют, чтобы зарегистрировать для картотеки. Надеются, в случае чего на футбольном стадионе нас сумеют собрать как в Сантьяго. Хрен с ними, пусть пишут, недолго им осталось, скоро разгоним к чертовой матери всех чекистов! Дайте время, прикроем их контору...

Громобоев хмыкнул, сомневаясь в столь скорой победе демократии, поэтому каждый раз, когда на него наводили объектив или глазок фотоаппарата, либо отворачивался, либо прикрывал лицо листовой, либо наклонялся. Прапорщик Валера следовал примеру старшего товарища, лишние неприятности, даже ему простому старшине роты ни к чему, и он тоже старался не попадать в число фигурантов фото сессии «органов». Как говорится, береженого Бог бережёт.

Тем временем начало работы форума затягивалось. Один за другим к микрофонам в зале и на сцене прорывались ораторы обоих полов, решали процедурные вопросы, в основном по порядку ведения и по составу президиума, спорили, скандалили. Миновало два часа, но съезд не сдвинулся с мертвой точки. Что поделывать, вот она настоящая демократия!

Поначалу было интересно и забавно. Необычно! Но вскоре словоблудие, излишнее умничанье утомило. Эдик успел поговорить с соседом, полистать прессу, перебрать прокламации, даже вздремнуть.

Примерно к полудню повестка дня и рабочий президиум были сформированы, дело сдвинулось с мертвого якоря. Но едва начинали говорить по существу, как на сцену выбегал очередной умник и сбивал всех с толку, другой орал с места из зала, и перебивая ведущего, требовал слова, вновь добиваясь изменения регламента или для оглашения экстренного объявления.

Контуженная на войне голова Громобоева опухла и загудела от шума.

– Валера! Может, пойдем, пообедаем? Иначе я умру от голода! Я с шести утра на ногах, четыре часа сидим в зале, но пока, ни одного интересного доклада не услышал. Ни тебе призывов на баррикады, ни тебе спасительных для страны экономических программ. Ну, идем?

– Идем, – согласился старшина.

Соседи на них косо посмотрели, кто-то даже сердито шикнул. Оба военных делегата принялись выбираться из зала. Опять пришлось пройти мимо курилки, по-прежнему переполненной философами

и ораторами, тут продолжали спорить до хрипоты те, кому не досталось места в зале. Агитаторы от каких-то организаций на выходе всучили им пахнущие свежей типографской краской листовки. И вот, наконец, долгожданный свежий воздух.

Дворик у входа был заплёван, замусорен и забросан окурками, тут тоже махорили диссиденты, а из углов резко несло мочой. Громобоев брезгливо поморщился, но промолчал, не желая дискредитировать своими идейно незрелыми осуждающими репликами, ростки зарождающегося демократического движения.

– Эдуард, сколько же тут демагогии! Сплошь потоки пустых слов. Ох, достали эти записные краснобаи и говоруны. Пойдем лучше пока пивка глотнем, я по пути сюда приметил на углу забегаловку, – предложил прапорщик. – Хотел сегодня высказаться по проблемам военной реформы, но разве тут слова дождешься?

– Может завтра получится... – предположил Громобоев и военные демократы направились к замеченной пивнушке.

Войдя в заведение, они заказали по две кружки пива, по два беляша, тарелку сушек. Чокнулись кружками за успех, отхлебнули. Пиво оказалось кислым, как и вся нынешняя жизнь, беляши с обильным луком и едва присутствующим вкусом и запахом мяса, а сушки твердокаменными. Валера матом обругал жуликов-торгашей и обложил по батюшке и матушке всю вороватую систему советского общепита.

– Ну, ничего, даст Бог, скоро свернем шею бюрократам и партократам – тогда заживем как в Европе! Наступят светлые деньки – и мы хорошего пивка попьем, как в Чехии или Германии! Не все красным жировать...

– Слепой сказал, посмотрим..., – философски ответил Эдуард.

Наскоро перекусив, товарищи вернулись в ДК, показали на входе свои мандаты казакам из охраны, пробрались в слегка поредевший зал и нашли свободные места. Наконец-то начались дельные доклады и выступления. Многие ораторы были близки Эдику по духу и идеям, он тоже желал проведения свободных выборов, многопартийности, чтобы в политическом спектре страны присутствовали помимо коммунистов, и социал-демократы, и анархисты, и христианские партии, и либералы.

– Регистрация и разрешение на деятельность любым партиям кроме фашистов! – восклицал с трибуны какой-то делегат.

Свободомыслие выступающих ораторов, капитана пьянило, однако не со всеми он был согласен – некоторые пламенные трибуны были яростными антикоммунистами, а ведь сам Громобоев был пока ещё членом этой, как они выражались – «преступной организации». С этим сердце и душа Эдуарда не могли согласиться, иначе, следуя рассуждениям самых отчаянных демократов, выходило, что и они с Еремеевым тоже преступники! Лично себя Громобоев преступником не считал.

Соратник-прапорщик сидел в кресле как на иголках и торопливо писал в блокнот конспект своего выступления, как он выразился – речь человека из народа!

– Я сейчас им скажу! Я им такое скажу! Что они знают про народ и о жизни? Они в деревне жили в многодетной семье? Сплошные городские интеллигенты! Эдик, запиши меня в очередь к трибуне! Они хотят услышать народ – сейчас услышат!

– В чём проблема, хочешь сказать – говори!

Еремеев передал записку в президиум, и примерно час ожидал предоставления слова. Прапорщик ёрзал на стуле, бурно реагировал на понравившиеся высказывания делегатов, и ещё более бурно – на не понравившиеся. День прошёл в полемике, но Валеру к трибуне так и не пригласили. Он попытался пробиться к микрофону стоящему в проходе, продекларировал несколько сбивчивых фраз, дама из президиума велела ему говорить по существу, в ответ Еремеев потребовал не перебивать и не мешать представителю простого народа, раздались смешки и шиканье, кто-то крикнул, мол, тут все народ.

Валера стушевался, что-то опять выкрикнул и был отеснен от микрофона экзальтированной грудастой дамочкой. Старшина плюнул в сердцах и насмерть разобидевшись, выбежал из зала, громко хлопнув дверью.

* * *

Политика довольно авантюрное занятие, часто даже опасное, связанное с риском для свободы, а то и самой жизни. В неё идут либо наивные бессребреники и романтики, типа Дон Кихота и Че Гевары, либо глубоко порочные циничные людишки, желающие обогатиться и выстроить свою карьеру. Из-за подобных типов занятие политикой и называют грязным делом. Естественно так было всегда, недаром же говорится, что революцию делают романтики, завершают прагматики, а плодами пользуются закоренелые негодяи.

Эдуарду не были свойственны черты жулика, поэтому ввязавшись в политику, он интуитивно присоединился к самым слабым политикам, у кого не был ни малейшего шанса на успех. Что можно считать вершиной успеха в политике? Конечно, приход к власти! Вот именно к реальной власти либералы и демократы из Народного фронта, не смогли бы прийти ни при каких обстоятельствах в России, уж слишком глубоко было пропитано сознание населения коммунистическими идеями. Однако в те дни «НФ» пёр на власть как моська на слона. И хотя этот слон был туповат и староват, но его обслуживал многомиллионный чиновничий аппарат, он имел многочисленную свору сторожевых псов госбезопасности и милиции, подпольную армию провокаторов, стукачей, сексотов, и настоящую боевую армию.

«Всякая власть лишь тогда чего-то стоит, когда она умеет защищаться», – говорил картавый «вождь мирового пролетариата», а советская власть очень хорошо научилась защищаться от собственного народа. Пресса, телевидение, радио клеймили позором молодое демократическое движение, обзывали их платными агентами «запада», ЦРУ, «Моссада» и прочих спецслужб. Выдающихся общественных деятелей типа академика Сахарова публично поносили и освистывали, грязно ругали...

Хотя в эту компанию демократов Громобоев и затесался с небольшим обманом и с чёрного хода, но отсутствие корысти оправдывало его поступок. После фиаско у микрофона на съезде Народного фронта, сотоварищ по движению прапорщик Еремеев охладел к митингам и манифестациям, а вот Эдуард, наоборот, с каждым днем всё более креп в своих новых убеждениях.

Довольно часто ему приходилось нести службу в нарядах по полку, ночи были тихи и длинные, и в это тёмное время суток он регулярно читал, да и днем удавалось, хоть и урывками но читать. Капитан постепенно пристрастился к поглощению толстых литературных журналов, которые в тот год печатались многомиллионными тиражами. И если раньше он был, лишь убежденным антисталинистом, считавшим, что рябой тиран-диктатор извратил великие идеи мировой революции, присвоил себе плоды завоеванные романтиками, честных большевиков уничтожил, убил Льва Троцкого. Теперь же прочитав бессонными ночами многотомные творения Александра Солженицина «Архипелаг Гулаг» и «Красное колесо», Эдуард окончательно разочаровался в марксизме и понял: не было никаких честных коммунистов

и кристально чистых героев-чекистов. Оказалось, распропагандированные революционные идолы были с душком: жулики, проходимцы, а часто просто бандиты и убийцы.

Переосмысленный расстрел царской семьи теперь выглядел не актом возмездия самодержавию со стороны трудового народа, а элементарным и подлым убийством без суда и следствия, большой семьи, включая женщин и детей. Кровная месть за старшего брата вождя. А когда Громобоев прочитал о требованиях Лениным новых массовых репрессий, казней, о развёрнутом кровавом терроре, о рассекреченных декретах, подписанных «самым человечным человеком», то остатки иллюзий полностью рассеялись.

Эдуард, честно говоря, и ранее не был верным марксистом-ленинцем, он в юности себя числил троцкистом, восхищался Че Геварой, и считал идеи мировой революции преданными Сталиным и современными вождями. Но теперь оказалось, тот же Троцкий, не меньший негодяй, как и прочие вожди революции. В юности Громобоев любил смотреть фильмы о революции и гражданской войне, о честнейших людях – чекистах.

Фильм «Офицеры» буквально затянул в ряды Советской армии, а актеры Юматов и Лановой, словно вербовщики заманили его в казарму. А уже потом, он добровольно отправился нести пламя мировой революции в отсталый, но трудолюбивый Афганистан. Раздувать из искры пламя...

Если бы в госпитале в ходе душевной беседы на приеме у главного психиатра он поделился хоть десятой долей своих воззрений, то куковать бы и лечиться нашему капитану в тех стенах не один год...

Глава 11. Свадьба Афони

*Глава, в которой наш герой женит лучшего друга
и познает прелести холостяцкой жизни.*

В результате произошедших последних скандальных событий Громобоев на некоторое время вновь стал холостяком. Когда он вернулся в служебную квартиру Ирки и след простыл, на столе лежала записка из трех предложений и пара слов с просьбой о прощении. Эдуард собрал в мешок всё, что напоминало о ней, и выбросил на помойку.

Можно было бы уйти в запой, впасть в депрессию, надеть глупостей, но когда у тебя есть друзья – они придут на помощь и помогут. Именно в этот трудный момент в жизни Эдика, как раз удачно заехал в гости друг Афоня.

Сашка объявился внезапно, и был в своём репертуаре, свалился, словно первый снег на голову: подкатил к КПП полка на такси, большой, громогласный и слегка пьяный. Афанасьев заболтал наряд своими нескончаемыми байками. Эдуарда, прибежавшего на вызов по громкой связи, дежурный прапорщик слёзно умолял скорее увести неугомонного посетителя поскорее прочь, пока начальство не увидело, ведь скоро обед и все пойдут домой, а тут этот эксцентричный верзила в плаще и шляпе проход загораживает, болтает и руками размахивает. Громобоев не дал приятелю рассказать очередной сальный анекдот (хватит портить неокрепшие умы юных солдат) и, применив силу (хотя как можно применить силу по отношению к торнадо), увёл особо не сопротивлявшегося Сашку в казарму.

По дороге рассказал о своей семейной трагедии.

– Где твой соперник? – Афоня потёр огромные кулачищи с угрозой. – Пойдем и набьем ему морду!

– Уже бил.

– Это правильно. А где Ирка сейчас?

– Укатила с начмедом. Надеюсь, навсегда!

– Тоже правильно! Пошла она на ...

– Именно туда она и пошла! И как ты угадал! – Иронизировал Эдик. – Наверное размер нашла лучше...

– Да и хрен с ней! Забудь! Я тебя развлекать сегодня буду, больно у тебя кислый вид.

Под разговор дошли до казармы, там он представил его комбату.

– Старший лейтенант Афанасьев! Однополчанин по войне в Афганистане и мой большой друг. И не только габаритами. Герой войны, сорвиголова и шалопай.

– Капитан Афанасьев! – поправил он Громобоева строго. – Да, да не удивляйся...

– Ого! Вот так номер! Уже капитан? Любопытно, какому ослу взбрело в голову тебя повысить в звании? И давненько?

– Как только в Забайкалье в полк приехал, там меня новое звание и нагнало. А к званию представил командующий сороковой армией, досрочно! Кстати, теперь я тоже замкомбата! Как понимаешь, мы

с тобой на равных, смени свой покровительственный тон на более подходящий...

Эдуард похлопал Афоню по плечу:

– Не знаю, не знаю, я пока не в курсе, с тебя причитается... представляйся...

– А как же, всё с собой!

Довольный Афоня засиял, словно новый рубль, раскрыл свой дипломат, извлек из него две бутылки водки и закуски: сало, колбасу, консервы. Подполковник Туманов поморщился, за ним водился грешок, не мог он пить умеренно, стоило сорваться и считай – ушёл в загул на неделю или на две.

– Ребята, шли бы вы куда-нибудь, а то сегодня проверяющих ждём...

– Да мы их каждый день встречаем, – улыбнулся Громобоев, – эка невидаль...

– Кстати, у меня ещё один серьёзный повод выпить – свадьба! Я вашего подчинённого на пару дней хочу умыкнуть! А лучше на три! Он должен быть моим свидетелем, без него не женюсь! Эдик, не увиливай, помнишь, в Кабуле обещал...

На лице Громобоева читалась лёгкая растерянность, в его ближайшие планы не входило ехать в Сашкину деревню, думал в выходные сходить в «яму», порезвиться, снять кого-нибудь. Выходит, насчет свадебной процедуры Афанасьев сдержал слово (да он в принципе всегда отвечал за свои слова) и действительно назначил свидетелем на свадьбе старого боевого товарища.

– Ту одесситку всё же привёз в Питер? Одну или сразу с детьми?

– Да нет, с ней давно разбежались! Она оказалась настоящая шлюха! У-у шалава! Я едва в полк убыл, как она по рукам пошла, приезжаю через месяц регистрироваться, а у неё в койке кобель спит. Вот это сюрприз! Спустил мужика с лестницы, вышвырнул его шмотки за дверь, а потом эту сучку пару раз трахнул. А как только получил моральное и физическое удовлетворение, то сразу ноги в руки. Теперь женюсь и остепенюсь. Нашёл порядочную, классная девка! Рядом живёт, в соседнем посёлке, училка, из наших мест, сосновская...

– Надолго?

– Что надолго?

– Женишься и остепенишься...

– Навсегда!

«Ну что ты будешь делать с этим неугомонным и влюбчивым парнем – в пятый раз собирается жениться и никак не распишется», – мысленно

усмехнулся Эдик, но всё же спросил разрешения у комбата: – В пятницу отпустите? Прикроете от начальства? Буду в неоплатном долгу...

Афоня тоже напряжённо посмотрел на подполковника Туманова, скроил на огромном добродушном лице просительную мину.

– Да разве такому герою откажешь, – комбат улыбнулся и кивнул. – Ладно, в пятницу так в пятницу, поспрайдуйте орёлики, повеселитесь.

– Вообще-то надо отпустить сегодня, – поправил комбата Сашка.

– Стоп, но сегодня ещё среда! – возмутился Эдик. – И потом у меня планы на вечер...

– А водки купить? А закуски! А деликатесов всяких достать! Пиджак помочь мне подобрать... Скорректируешь свои планы...

– За три дня с тобой последнее здоровье угроблю, – поморщился Громобоев. – Чур, пить меня не заставлять!

Афоня радостно закивал головой. Туманов выслушал, сделал недовольное лицо, но подумав, махнул рукой.

– Ладно, ступайте. Но помни Эдуард, в воскресенье ты ответственный по батальону и чтоб был в казарме как штык в семь утра!

Сашка кивнул головой, давая понять, что оба приятеля согласны с поставленным условием, небрежным движением открыл шкаф, составил в него содержимое дипломата, помахал ручкой комбату и поволок желающего ещё немного поговорить и потому сопротивляющегося друга к выходу...

Такси дожидалось офицеров у КПП, счетчик продолжал отсчитывать, Эдик скосил глаза – набежал уже третий червонец. Громобоев теперь уже подробно рассказал о житье-бытье, о скандале и психушке. Афоня что-то проямлил в утешение, но Эдик велел не выражать сочувствия и заткнуться. Не хотелось мусолить неприятную тему при таксисте.

– Ладно, тогда приступим к моим делам, – смущенно пробормотал Сашка. – Командуй, начальник, распоряжайся автомобилем!

Приятели первым делом помчались по магазинам. Покупка водки было самым сложным мероприятием: в те годы в стране Советов купить и пару бутылок водки представлялось довольно сложной операцией, а достать несколько ящиков – равносильно настоящему подвигу!

Афанасьев через какого-то дальнего родственника нашёл выход на завмага винно-водочного магазина. Приехали на место, заплатили примерно двойную цену, а в ходе общения с работниками торговли Сашка увеличил объём испрашиваемого ассортимента почти

в два раза. Поторговались, попрепирались, потом быстро заполнили багажник такси спиртным: два ящика шампанского, четыре ящика водки, коробку коньяка...

– Этого должно хватить. Остальная доза – самогон! – подмигнул Эдику новобрачный.

– Много?

– Много нагнали самогона, но и народа будет целая толпа. Завтра жду тебя ровно в полдень! – приказным тоном, велел ему Сашка. – Только не сболтни языком чего лишнего, не ляпни невпопад! Запомни – мою будущую супругу зовут Татьяна, а не Оксана! Не перепутай, именно с Оксаной всё кончено. И последнее уточнение – полдень у нас в двенадцать ноль-ноль, не задерживайся, начальник. Да, и чуть не забыл, на свадьбе тебя ждет приятный сюрприз – о семейных невзгодах сразу забудешь! Свидетельница – конфетка! Так и просятся, чтоб насадили...

– А почему тогда ты женишься на другой?

– Пробовал подкатить, но я не в её вкусе, да она и не поедет в мою забайкальскую глушь. Слишком она городская характером, очень избалованная.

– Помчим по деревням на тройке с бубенцами с ветерком? – ухмыльнулся Эдик. – С песнями под гармошку? А спать с девками будем на сеновале?

– Юморист. Поедем расписываться, наверное, на белой «Волге», ещё точно не знаю. Этим вопросом занимается мой батя. Ты главное не опаздывай, будешь платить выкуп, набери побольше мелочи, чтоб легче отделаться. А насчет ночлега, ближе к вечеру определимся. На улице не останешься...

Афанасьев хлопнул дверцей, и такси с рёвом умчалось в деревню, оставив позади облачко выхлопных газов.

Чуть свет Громобоев сел в электричку на Финляндском вокзале. Теперь он был безлошадным, ведь почти сразу после разрыва с Ирой он продал старый «Москвич» и стал пешеходом. Машина требовала больших вложений в ремонт, а желание ею заниматься у Эдика давно пропало. И тут удачно подвернулся капитан Герман Матрёшкин, известный любитель покопаться в металлоломе. Сбагрил ему свой рыдван пусть и не наварившись, но и, не потеряв в деньгах. Теперь стал пешеходом, и слава богу, нет машины – нет проблем, а вдруг бывшая надумает делить имущество? Пожалуйста, дорогая Ирочка,

судись, а имущества уже и нет, да и деньги от продажи при хорошем подходе к организации отдыха быстро закончатся!

Теперь любимым видом транспорта стала электричка, ведь Громобоев не так много зарабатывал, чтоб шиковать как Афоня – разъезжать на «моторе», шальные фронтовые деньги давно были истрачены. Эдуард пару часов подремал, прислонившись к мутному окну, размышляя о пустяках и стараясь не думать о неурядицах последнего месяца.

«Привыкай трястись в общественном транспорте», – размышлял, подрёмывая Эдик. – «Вся страна так ездит, ничего страшного!»

Утро было туманным и пасмурным. Пригородный поезд прибыл на пустынную станцию, заброшенную окурками чуть свет. Пока Эдик уточнял, что к чему – рассвело. Оказалось, что до пункта назначения электричка не идёт, пришлось пересаживаться на автобус. Чудом успел сесть в старенький, гроыхающий «Пазик», буквально запрыгнул на подножку в последние секунды. В прохладном автобусе капитан окончательно проснулся и ещё полчаса любовался природой: вдоль пустынной дороги теснились живописные красавицы сосны и ели, словно просились на холст художнику. Повезло с расписанием, успевал, до выезда свадебного кортежа оставалось целых полчаса.

«Прибуду вовремя», – порадовался Громобоев. – «Иначе бы не миновать гнева селян и укрывать бока от тяжёлых кулаков Афанасьева...»

Выйдя из автобуса, Эдик осмотрел незнакомый симпатичный поселок, раскинувшийся на бугре за дорогой: примерно штук шесть пятиэтажек, с десяток двухэтажных домов и около сотни деревянных и кирпичных домишек частного сектора. Примерный адрес друга у него был записан, но где живёт Афоня, и так сразу стало понятно: по скоплению нарядных жителей и скученности разукрашенных лентами и цветами автомобилей.

– Наконец-то явился! Привёз ордена? Шляешься неизвестно где, – накинулся Сашка с порога. – Скорее дырявь мой пиджак, но аккуратнее, смотри, не прорви! Запасного у меня нет. А я сегодня должен быть неотразим!

Эдик привез две «Красных звезды», так как Афанасьев свои награды забыл дома в далёком Забайкальском гарнизоне, но на регистрации хотел быть при полном «героическом» параде. Желание друга пришлось удовлетворить и дать взаймы и даже бесплатно, поносить свои «звёзды», тем более что ордена у приятеля тоже реально имелись

и были честно заработаны в боях. Поверх «Красных звёзд» в лацкан пиджака мама жениха воткнула розочку белого цвета – теперь можно было отправляться в путь.

– А где обещанная сладкая конфетка? – принялся озираться Громобоев.

– Чудак-человек! Она же свидетельница, подружка невесты! Конечно рядом с молодой, где ей ещё быть! Ты что, ни разу на настоящих русских свадьбах не бывал?

Эдик отрицательно покачал головой.

– Блин, намайусь я с тобой! Мог бы предварительно расспросить знающих людей, книжки почитать для приличия... Ладно, мой родной дядька будет за рулём, подскажет, и если что не так – поможет. Тоже мне – свидетель... Да поехали же скорее. Опаздываем, я жениться хочу, в конце концов! И не только жениться...

Белая «Волга», несколько «Жигулей» и «Москвичей» украшенные шариками и лентами, беспрестанно сигналила, помчались по разбитой дороге в соседний посёлок. Односельчане приветливо махали руками вслед, что-то кричали ободряющее. Как оказалось, машины поехали обратно в тот посёлок, где час назад был Эдик.

– Могли бы подобрать меня прямо на станции и не гонять туда-сюда, – пробурчал Эдуард. – Я бы пива успел попить, дожидаясь вас.

– Ага, ищи тебя потом, свищи по пивнушкам! – беззлобно огрызнулся Сашка. – Знаем мы вас психов! Чего доброго опять подерёшься с кем, и в какое-нибудь окно вышвырнешь...

Без опоздания, строго в намеченное время кавалькада подкатила к бледно-голубой пятиэтажке, и водители принялись сигналить, призывая родственников невесты появиться во дворе. Не тут-то было, их самих стали из окон зазывать подняться на третий этаж. Ладно, надо так надо, третий – не десятый, на третий подняться недолго и не так тяжело невесту на руках нести.

– А мы Таню вам не отдадим, – крикнул кто-то сверху задорно. – Невеста дорогая! Выкуп платите!

В дверях парадной толпилась молодёжь и несколько женщин средних лет, все требовали денег. Попытались идти напролом, но легко прорваться не получилось, пришлось Громобоеву раздавать мелочь: гривенники, металлические и бумажные рубли, трёшки, в дверях квартиры в ход пошли пятёрки, десятки, четвертные...

Наконец-то Эдик увидел невесту друга. Ничего особенного, вполне средненькая девушка, хорошее личико и фигурка, не красавица,

но и не дурнушка, однако же, и не во вкусе Громобоева. Ну да не ему с ней жить и не ему с ней спать. А вот подружка действительно была хороша! Не обманул Афоня! Глазки зелёные, чистый изумруд, пышные волосы рыжевато-пшеничного цвета, правильные черты лица, губки пухлые, длинноногая, грудастая. Свидетельница с первого взгляда очень понравилась Эдику и сердце его тревожно и энергично застучало. Вообще-то довольно глупо брать в подружки девушку краше самой невесты, но свидетеля этот момент лишь порадовал.

«Надеюсь, попозже удастся проверить, крашенная она или натуральная. Не соврал Афоня, девица как раз в моем вкусе! Ей-ей сегодня я её хорошенько трахну!» – похотливо подумал Громобоев и ринулся знакомиться с объектом атаки.

– Эдик!

– Анжелика, – представилась девушка в ответ на приветствие. – Я ни разу не бывала на свадьбе свидетельницей. И что я должна делать?

– Что делать? Я подскажу... Многое чего разного и интересного, – шепнул ей в розовое ушко Эдуард, слегка коснувшись губами. – Например, не отказывать в ухаживании дружке! Говорят, свадьба окажется неудачной, если свидетель со свидетельницей не переспал...

– Ой, да вы что? Правда? – воскликнула девушка и многообещающе подмигнув, продолжила. – Честно говоря, я и не знала о такой интересной примете... Ну что же, постараемся не портить хорошую свадьбу...

Тем временем Афоня по-медвежьи сгрёб невесту, подхватил на руки и потащил на руках вниз, к машинам.

– Ой, не уроните, – причитала мать, – ах, аккуратнее! Саша, не помни ей платье и прическу!

Народ хлопал в ладоши, кричал, свистел. Дальше дело пошло быстрее. Поселковый загс в администрации, марш Мендельсона, подписи, поцелуи, шампанское, гонка на авто.

– Мы едем на озёра! – крикнул Сашка, высунувшись в окно «Волги». – Остальным – домой и ждать.

Вся кавалькада, сигналиа, помчалась в родной поселок, а две машины с молодыми и со свидетелями направились в объезд, по большому кругу.

– Под мостами принято целоваться, – усмехнулся сидящий за рулём один из дядёв Афанасьева. – И молодым и свидетелям!

Эдик с радостью обнял Анжелику, нежно и осторожно коснулся губами её пухлых губ, та в ответ послушно раскрыла ротик

и запустила язычок в рот свидетеля. И Громобоев в ответ на податливость не растерялся, провёл ладонью по бархатной коже бедра, не удержался и запустил руку под юбку. Пальцы быстро нашли шелковые трусики, указательным попробовал нащупать, что находится под ними. О, там были не дремучие заросли, а аккуратная стрижка, мягкий манящий пушок...

– Не в машине же, – прошептала Анжелика и пообещала: – Какой нетерпеливый кавалер! Скоро доедем до озера, потерпи чуток...

– Конечно, я никуда не спешу, – сказал Эдик, но продолжил двигать пальчиками и быстро нащупал искомую и уже чуть влажную бороздку.

– Ну, ты и нахал, – прошептала девушка и зарделась в улыбку.

Громобоеву всё больше и больше нравилась свадьба, он был благодарен Сашке за приглашение в дружки, а невесте за выбор красивой и смелой подружки.

– Кстати, я – совсем-совсем свободна, – вновь прошептала Анжела на ухо Эдику.

– Кстати, я тоже, – подмигнул ей Эдуард, слегка уже захмелевший от выпитого шампанского, а также от близости с разгоряченным красивым женским телом.

– Думаю молодым пора подышать свежим воздухом и выпить ещё по бокалу, – сказал дядька фотографу и подмигнул свидетелям, сидевшим на заднем сиденье.

Машины свернули с дороги на живописную поляну у самого берега озера с чистой водой, водители и пассажиры выбрались из них, поставили шампанское и стаканы на капоте машины, стрельнули пробками, а фотограф принялся за работу. Было тепло, бабье лето стояло в самом разгаре.

– Эх, искупаться бы сейчас! – воскликнул Громобоев. – Какая манящая вода.

– Она холодная, только кажется, что тепло. К тому же есть занятие поинтереснее бултыхания в озере! У нас ведь свадьба! – улыбнулась Анжелика. – Не забывай о приметах!

– Ах, да! – шлепнул себя ладонью по лбу Эдик и поставил фужер.

– Молодожёны, фотографируйтесь, а мы отойдем чуть в сторону, в кустики, выпитое шампанское даёт себя знать. Пусть Эдик меня покараулит, – громко проворковала свидетельница.

Они отбежали, к густым зарослям ивняка и молодых березок. Анжелка без малейшей тени стеснения быстро спустила трусики, но вовсе не для того дела, о котором только что говорила.

– Давай скорее, а то нас скоро начнут звать. В твоём распоряжении минут десять, – с этими словами девушка, расстегнула брюки партнёру, запустила руку ему в трусы и пискнула: – О-о-о!!! Какой хороший! Ну же, не тормози, у меня мужчины не было почти три месяца!

«Хм! Ну не валяться же на траве в новом и чистом костюме? – промелькнула в голове Эдика здравая мысль. – Костюм перепачкается, да и светло-голубое платье девушки сразу станет зелёно-серым. Ладно, есть ведь и другие способы, более подходящие в данный момент в отличие от классики».

Громобоев не заставил Анжелу долго ждать ответных мужских действий. Присмотрел березку покрепче, ещё раз поцеловал и развернул девушку тылом к себе. Она всё поняла правильно, крепко ухватилась за ствол руками, чуть прогнулась, расставила пошире длинные стройные ножки, партнёру оставалось лишь задрать юбку не помяв, не промахнуться мимо и не сделать больно. Одновременно он быстро освободился от своей лишней одежды, словно молодой солдат по тревоге. Брюки упали на траву, стреножив и мешая двигаться.

– Да не стони ты так громко, – увещевал Эдик разошедшуюся, страстную партнёршу, чуть закрывая ей рот кончиками пальцев. Девушка и не пыталась сдерживать нахлынувшие эмоции, наоборот, укусила пару раз кавалера за ладонь, и даже изогнув руку, попробовала цаарапнуть спину Эдика. От глубоких шрамов спасла рубашка. Пролетело несколько минут страсти, деревце уже едва стояло, ствол берёзки угрожающе трещал, а пожелтевшая листва, опадая от ритмичного сотрясения, густо усеяла траву вокруг них.

– Ой-ой-ой! Мамочка, – пискнула на финише Анжелика.

– Что такое? Больно?

– Дурачок! Не больно, мне хорошо! Ты что... в меня?..

– М-м-м... вроде... чуток... Не удержался, не успел...

– Подлец! Придется тебе на мне жениться... если что...

– Ну, разве если что... – ухмыльнулся Эдик и закрыл хлынувший поток беззлобных бранных слов очередным горячим поцелуем. – В следующий раз будем завершать по-другому...

С этими словами Эдуард просунул язык в жадный ротик свидетельнице, но она коварно усмехнулась и покачала головой.

– Я подумаю. Мы ведь почти не знакомы!

– Я тебя тоже мало знаю, – засмеялся Громобоев. – Но это не повод для отказа. Пойдем к машине, а то молодые лопнут от зависти...

Когда они вернулись к машине залитой шампанским, Сашка посмотрел на раскрасневшуюся свидетельницу, на взъерошенного Эдика и неодобрительно покачал головой.

– Громобоев, ты свинья! Сегодня чья свадьба? Моя или твоя? Прёшь поперёд батьки в пекло! До вечера никак не потерпеть?

– А зачем? Народная мудрость: дают – бери, бьют – беги! Вдруг к вечеру будут бить? Деревенская свадьба без драки, сам знаешь – редкость!

– Ладно, чёрт с тобой, тебе наглеть можно... И как она? Доволен? Хорошо дала? – ухмыльнулся Саня похотливо.

– Расскажу – обзавидуешься! Лучше я скромно промолчу...

– Может и мне попробовать!

– Иди-ка ты... к жене...

– И чёрт с тобой, жадина, ладно, пользуйся пока бесплатно! – Афона громко заржал, порадовавшись своей циничной шутке, и поспешил к покинутой супруге, успевшей надуть губки.

– Дорогая, я тут! Я не потерялся! Не сердись, мы уже едем домой. Гости нас наверняка заждались, пора к столу...

Свадьбу гуляли в поселковом кафе, вернее в столовой птицефабрики. Зал был переполнен гостями, на праздник собралось примерно сто человек. Сельское торжество протекало именно так, как и ожидал Громобоев: бесконечные поздравления, здравицы, вопли «Горько!», песни, пляски, игры и для остроты ощущений небольшая драка. Трое каких-то дальних родственников, которых никто не пожелал признавать своими (а может просто подвыпившие забулдыги-проходимцы), начали бузить, перевернули свой столик, кто-то ударил в лицо Сашкиного троюродного брата.

Афанасьев скинул пиджак и кинулся в гущу событий, размахивая пудовыми кулаками, а Эдик, как и положено свидетелю – следом. Давно Громобоев не работал с таким удовольствием руками и ногами. Дебоширов быстро, но усердно отмутузили и вышвырнули за двери.

А потом случилось похищение невесты. Само собой увлекшийся свидетельницей Эдик прошляпил этот ответственный момент, за эту провинность ему пришлось выкупать Татьяну за четвертной и выпить водку из её туфли по очереди с мужем. Выпивку подавала аппетитная кареглазая молодуха, которая шепнула свидетелю, что ей после такой веселой свадьбы, было бы скучно спать одной.

«Ого, вот это номер! Явно наклеивается неплохой второй вариант! – ухмыльнулся Громобоев. – Н-да! Не ожидал, что в деревне за него будет ещё и конкуренция. И эта тоже хороша! Аппетитные сиськи и попка! Так и до потасовки между девицами может дойти...

– Саня, где я буду спать? – спросил Эдик ближе к ночи у захмелевшего и разгорячённого приятеля. – Как я понимаю, гостей много, а кроватей у вас мало. Хорошо было бы найти уютное местечко заранее.

– Клавка сказала, что тебя приютит...

Эдик тряхнул опьяневшей головой пытаюсь собраться с мыслями, и удивленно поднял бровь.

– Кто такая Клавка? И в честь чего она собралась меня приютить?

– Ну, та, которая поила тебя из туфли. Хорошая бабёнка, боевая, весёлая, живет одна, муж по пьянке на машине разбился. Она больше года как вдова.

Громобоев непонимающе посмотрел на ухмыляющегося друга и произнёс недовольным тоном:

– Совсем сбрендил? А куда девать Анжелику? Она меня сразу кастрирует, у нас ещё с катания на машинах уговор – спать вместе...

– Спите втроем, кровать у Клавки широкая! Или боишься не справиться с двумя?

Афоня словно молодой жеребец радостно заржал во весь голос, половина гостей, те, кто был трезвее, повернулись к ним, пытаюсь понять причину бурной радости жениха.

– Что ты орёшь! – прошипел Эдик. – Не ссы, справлюсь, но как-то неловко...

– Не ловко – это когда на потолке! Как-нибудь устроитесь и договоритесь. Ну, да это уже не моя печаль. Бери с собой побольше водки и вина, постепенно всё устаканится.

Так и сделал. Понятное дело ситуация вначале, действительно, была крайне неловкой. В квартиру Клавы пришли глубоко за полночь, разговор поначалу не клеился, но выпили по сто граммов, и постепенно женщины свыклись с мыслью, что спать придется всем вместе. Пошептались, посмеялись, перемигнулись.

– Чур, я в центре, – попросил Эдик.

– Конечно! – одобрила его желание хозяйка. – Неужели приличные и нормальные девушки лягут рядом друг с другом...

– Раздеваемся? – вновь уточнил Эдик.

– Нет, одетыми завалимся, а ещё и в тулупы завернёмся... – хихикнула Анжелика.

Клава хлопнула очередную рюмку, на посошок, включила торшер в дальнем углу, погасила верхний свет и шустро скинула всю одежду.

– Ох, и соскучилась я по мужику!

И Анжела, в свою очередь, тоже не задерживаясь, разделась, а потом, весело хохоча и не сговариваясь, накинулись на чуть опешившего и растерявшегося Эдика, принялись стягивать с него брюки и рубашку, отдирая пуговицы «с мясом»...

Утреннее пробуждение было невероятно тяжелым, но не только от выпитого: ломило все кости, ныли мышцы, словно ночью не наслаждался, а разгружал вагоны с картошкой. Громобоев явно переоценил свои силы, вернее сказать – недооценил способности противника. Уснуть удалось на рассвете, а до первых лучей солнца эти чертовки не шли ни на какие сделки и призывы к совести, не поддавались на уговоры и увещевания даже о передышке. Им явно понравилось резвиться и экспериментировать, использовать молодого капитана в качестве подопытного кролика. Девицы, конечно, тоже немного умаялись, хотя виду и не подавали, лишь согласились прерваться на несколько часов и передохнуть до обеда...

Эдик воспользовался их оплошностью – позорно бежал с поля битвы полов. Пока одна ещё спала, а вторая принимала душ, Громобоев быстро оделся, написал записку Анжелике, с адресом как его найти, если вдруг понадобится (не давать же телефон военного коммутатора), заскочил к Сашке за своими орденами и, не прощаясь с разбитными подружками, отправился домой.

Это оказалось делом нелёгким, в субботу между деревнями транспорт почти не ходил: редкие попутки тормозить не желали. Эдик даже принялся махать червонцем – это действие тоже не произвело никакого эффекта.

– Чёртова глухомань! ... мать! – выругался Громобоев. – Ладно, пойду пешком, хоть и до самой станции, лишь бы остаться в живых! Второго такого сеанса кувыркания мне не выдержать!

Капитан не спеша потопал по обочине шоссе, насвистывая весёлые мотивы и прокручивая в голове самые интересные и увлекательные моменты прошедшей ночи. Пару километров Эдуард осилил пешком, а потом улыбнулась удача, его нагнал рейсовый автобус. Едва спина и зад коснулись жесткого дерматинового сиденья, силы окончательно покинули его и он провалился в сон. На станции водитель крепко потряхнул Эдика за плечо, пытаясь разбудить.

– Вот, блин, разморило... – потряс головой Громобоев. – Извини, друг, выхожу...

Возле перрона стоял ларёк, капитан купил две бутылки пива, чтобы чуть опохмелиться. Утолив жажду целительной влагой, он сел в подошедшую электричку и проспал ещё два часа кряду до самого вокзала.

В воскресенье он вовремя прибыл к подъёму, чем несказанно обрадовал Туманова, и тому не пришлось искать замену для дежурства по батальону. А в понедельник Эдик естественно не мог не похвастаться подвигами. Товарищи недоверчиво расспрашивали и требовали подробностей, их явно обуяла чёрная зависть. Шершавников некоторое время сомневался в правдоподобности рассказов о свадьбе и женщинах, требовал доказательства, или проставы за ложь и хвастовство.

Однако доказательства прибыли сами. Через неделю Анжелика не выдержала разлуки и приехала в гости навестить сбежавшего кавалера. Эдик извинялся, промямлил о необходимости прибыть вовремя на службу, но девушка не сердилась. Тут они удачно столкнулись с начштаба, неспешно прогуливаясь под окнами его дома, нежно держа друг друга под ручку. Василий вышел с мусорным ведром во двор и в первый момент остолбенел, затем невольно присвистнул, окинул оценивающим взглядом красавицу, цокнул языком, и одобрительно покачал головой.

– Расслабься, завистник! Не забудь, с тебя пиво, – подмигнул коллеге Эдик. – И не напрягайся, Вася, я же тебе говорил, что рожденный пить, сам понимаешь, баб ... не может...

Роман с Анжеликой протекал бурно, страстно, но был скоротечным. Девушка настойчиво стремилась выйти замуж и искала подходящего партнёра, о чём сразу рассказала Эдику во время очередной ночной передышки. Некоторое время Громобоев был без ума от этой красивой девушки, ему нравились бешеный темперамент Анжелы, неуёмная страсть, непосредственность и неприязнательность. У него даже мелькнула мысль попробовать жить вместе, однако стоило однажды на нетрезвую голову сболтнуть, мол, надо заскочить и проведать дочь, да потом поведать о своём сложном и запутанном семейном положении, как молодая подруга практически сразу испарилась. Анжелика не прощаясь, сбежала со скоростью последней электрички, пока он вышел в магазин за шампанским. Красотка даже не дала собою насладиться пылкому любовнику напоследок...

Громобоев недолго переживал этот быстрый разрыв с юной красоткой. В одиночку выпил шампанского, на следующий день догнался

коньяком, слегка погрузил и успокоился. Зато Шершавников зло-радствовал, мол, не по Сеньке шапка, уже староват стал в прошлом резвый конь, видимо теперь уже глубоко не пашет.

А через неделю, Эдуард поехал повидать дочь. Ксюшка играла с подаренной большой куклой, не сползая с колен, просила папу не уходить. И Громобоев не ушел. Блудный муж покосился на Ольгу и сказал:

– Я бы остался, да мама не разрешит...

– Почему же не разрешит? Разрешит... – возразила бывшая, но всё ещё по паспорту официальная супруга.

Выпили вина, поговорили несколько часов и в койку. На рассвете уехал на службу, и долго размышлял, как быть, даже советовался с комбатом. Туманов пожал плечами, предложил попробовать возобновить семейную жизнь. И Эдуард решил взяться за ум, понял, что хватит кобелировать, пора успокоиться. Утром он купил цветы, набрал подарков родственникам и окончательно вернулся к первой супруге.

* * *

После весёлой свадьбы Эдуард с Афанасьевым даже не переговори-ли. Афанасьев не простившись (Сашка был в своём репертуаре), уехал в свой далёкий полк и они не виделись почти три года. Следующая встреча с боевым другом была не столь весёлой и радостной. Афанасьев заскочил проездом в командировке, рассказал, что Татьяна успела родить сына, но они уже развелись, и что теперь он служит в другом далёком гарнизоне у ракетчиков. Друзья много пили, и гость болтал что-то несуразное о полях конопли и маковой сололке, которую можно привезти в Питер. Мол, в окрестностях гарнизона этим многие промышляют, но страшновато, вдруг посадят или убьют, хотя, с одной партии можно купить новую машину.

Эдик пытался пить с ним наравне, но попробуй быть на равных с таким громилой. Сашку мог перепить только верблюд! Потом Громобоев долго ругался и отговаривал приятеля от рискованной и криминальной затеи, а утром они с больными головами довольно прохладно расстались на автобусной остановке.

* * *

А последняя встреча закадычных друзей, спустя несколько лет, была забавной, скорее даже трагикомичной. Однажды вечером, пока Эдик был на службе, к нему в квартиру ворвался Афанасьев. Да явился не один, а с новой женой, правда, жили они пока без официальной регистрации брака. Афоня был полон страсти и энергии. Настоящий вулкан!

Растерянная Ольга приняла гостей и стала с нетерпением дожидаться супруга. Эдик с порога попал в медвежьи объятия приятеля. Сразу прошли на кухню, за столом, судя по лицу, сидела женщина с «биографией», и явно бурной молодостью за плечами. Выпитое, выкуренное и прочие-прочие излишества, отложилось неизгладимой печатью на красивой в прошлом мордашке, на которую в данный момент был наложен толстый слой грима. Полные крупные губы, наведенные ярко-красной помадой, почти не выпускали изо рта сигарету, и выпивала она наравне с мужчинами.

– Жанна, – устало произнесла новая Сашкина подруга, и больше за весь вечер почти ничего не сказала, а вместо неё без умолку трепался возлюбленный. Афанасьев под разговор выгрузил содержимое продуктового баула (порадовал друга, ведь в городе и гарнизоне – было ещё безденежно и оттого довольно голодно), завалил стол солёными и маринованными грибами, солёной и вяленой рыбой, икрой, салом, копчёным мясом и прочими дарами Сибири и Дальнего Востока.

– Ты такой водки не видел! – похвалился Сашка голландским напитком, и водрузил в центр стола литровую бутылку, названную в честь австрийского императора и с его портретом на этикетке. – Сейчас оценишь продукт...

– У нас с этим добром нынче проблем нет, не то, что раньше при Советах! Надо только добежать до ларька, – отмахнулся Эдик. – С тобой ведь литром не обойдёшься...

– Ну как тебе Жанна? – спросил Саня, когда друзья пошли в ларёк за водкой и сигаретами. – Скажи, что хороша!

– Ну, хороша...

– А без ну?

– Не мне с ней спать. Признайся честно, сколько ей лет?

– Тридцать шесть... тридцать семь или тридцать восемь... Её дочке исполнилось семнадцать, потом надо будет уточнить, да всё как-то неудобно...

– Потом будет поздно, – усмехнулся Громобоев. – А тебе сколько стукнуло?

– Двадцать девять... и что с того?

Эдик покрутил пальцем у виска и вздохнул.

– Мне ничего, а вот тебе... Тебе бы лучше её дочку посватать, чем саму Жанну! Мамазя знает о ней? В курсе?

– Приблизительно... Отвезешь нас утром в посёлок?

– У меня есть выбор? Конечно, отвезу, недавно купил «Жигулёнка». Если машинёшка заведётся. Аккумулятор – дрянь...

Вернулись, немного поговорили и спать. Голландский напиток в тот вечер не попробовали, обошлись ларёчным «Распутиным».

«Жигулёнок» не подвёл, завёлся, и они рванули с утра пораньше, чтобы Громобоев мог успеть вернуться в часть до построения. Жанна мирно посапывала, полулёжа на заднем сиденье, а Афоня вновь много болтал, с гордостью рассказывал, как побил предыдущего мужа-комбрига, как увёл пассию из дому, о новой дочке, с которой они уже подружились, о службе, об охоте и рыбалке. Эдуард торопился, и под болтовню проскочил знак с ограничением скорости, с поста им наперерез побежал, помахивая жезлом толстозадый милиционер. Громобоев начал притормаживать, но Афанасьев опустил стекло и громко заорал:

– Серёга, ослеп? Это я – Афоня! Уйди с дороги, не мешайся!

Милиционер растерялся, и замер на месте, но признал земляка и машину задерживать не стал. Вскоре они благополучно домчали до Сашкиного родного дома. На подъезде к посёлку молодые занервничали и в конце пути почти беспрестанно курили.

– Твоя маман меня прогонит и на порог не пустит, – переживала Жанна, – наверняка скажет – разлучница приехала.

– У меня замечательная мама, не бойся, – успокаивал её и себя Афоня.

Сашкина мама их не прогнала, обняла сына и его новую женщину, явно смирившись с выбором сына. Или сделала вид. Обрато Эдик уехал один. А как-то под вечер, примерно через десять дней счастливые Сашка и Жанна заскочили за оставленными вещами.

– Утром закинешь нас на вокзал? Отпуск уже кончился.

– О чём разговор... конечно...

– Пить будешь? – Афанасьев водрузил на стол свою обычную литровую дозу. – Сам я пас, если честно, нет сил...

Громобоев тоже отказался, ведь с утра предстояло сесть за руль. В семь утра он подогнал авто к подъезду, посигналил и с ветерком доставил приятеля и его сожительницу прямо к поезду.

– Жди через год! – пообещал Афоня. – Приедем, погостим пару дней, а то всё на бегу, да в суете и не поговорить по душам...

– Ловлю на слове, – усмехнулся Эдик, – только за это время опять жену не смени...

Когда вечером после окончания рабочего дня Эдик поставил машину в гараж и пришёл домой, то решил наконец-то попробовать разрекламированную голландскую водку. Но его ждал сюрприз.

– А пить нечего, – развела жена растерянно руками.

– Как это нечего! – рассердился Громобоев. – Когда я утром в гараж поехал – литр на столе стоял!

– Мало ли что в шесть утра у вас мужиков когда-то стояло... Гости с подъема едва глаза продрали, закурили по сигаретке, жажнули по стакану, и снова закурили. В общем, закусил всё той же курятиной! Потом допили оставшееся питьё, тут и ты подъехал... Я чуть дара речи не лишилась! Ладно, твой Афанасьев, он здоровый мужик, но она-то женщина. Уверена, бурная жизнь твоему приятелю обеспечена...

– Да-а-а... – только и нашелся, что сказать Эдик.

* * *

Больше Громобоев живым Афанасьева не видел, а только в гробу, на похоронах (новая жена высосала всё здоровье, сама пила и загубила парня алкоголем, и даже похороны прошли без неё). В последний путь Афоню провожали всей родной деревней, там, на похоронах Эдуард свиделся с его бывшей женой Татьяной и познакомился с подростком Сашкиным сыном. Всплакнули вместе, погоревали, повспоминали. А ведь Афанасьеву в тот год исполнилось всего лишь тридцать три, но у него уже болели желудок и печень, отказала поджелудочная (да и врачи в госпитале поставили неверный диагноз – воспаление лёгких). Сгубила проклятая водка! Эх, какой замечательный парень скончался в расцвете сил...

Глава 12. Талон на TV

Глава, в которой повествуется, что «блудный сын» вернувшись в старую семью, к прежней жене, погружается в быт, его с радостью прощают и принимают, и как он бьётся за приобретение дефицитных товаров.

Как уже было сказано ранее, некоторое время, покутив и покуролесив, Эдик вернулся к прежней жене и его простили и приняли.

Возвращение далось трудно морально и психологически. Первые недели прошли с упреками, слезами, рыданиями. Особенно в постели некоторое время было неуютно, успели отвыкнуть друг от друга. Эдуард в первый раз зажмурился, сжал зубы и заставил себя исполнить супружеский долг, но затем притёрлись и дело пошло полегче.

Итак, Громобоеву дали второй шанс из-за совместного ребёнка, дочь подрастала, и ей нужен был отец. В конце концов, решили всё прошлое перечеркнуть и забыть. Шаг за шагом, день за днём совместная жизнь налаживалась, и радостей было больше чем печали...

* * *

Дело было в середине осени, семья сидела на кухне в тесной квартирке родственников: старой-новой тещи и старого-нового тестя. Мужчины неспешно пили пиво, рассуждая на разные темы, в основном о политике, женщины слушали и ворчали, требуя внимания.

Громобоев не любил засиживаться у них в гостях. Он вовсе не был настроен против них, ничего такого, но сам прискорбный факт наличия живущих рядом нескольких родственников, и особенно родственниц (был ещё семейный довесок в виде злющей старой девы – старшей сестры Екатерины) отнюдь не радовал, а скорее удручал. Жили бы подальше, в глуши, в другом регионе, примерно за Уралом, глядишь, и свой домашний очаг был бы теплее и прочнее.

Кормить две семьи Эдику было тяжело, но невольно приходилось, так как жена тихонечко, но активно помогала своим, чем могла. У всех родственников персональные «тараканы» в голове: тёща как по расписанию посещающая по средам и пятницам театры и кинотеатры со старинными фильмами, злая свояченица с неустроенной личной жизнью, не просыхающий ни на день тесть. Вроде никто не в тягость, каждый сам по себе, и в квартире сидят по своим норам. Это только со стороны забавно наблюдать за ними, но не жить рядом.

Евгений Павлович молчун, самодостаточен как аутист, «человек в себе». Кроткая тёща Анна Филипповна, та вообще жила и передвигалась тихо, словно тень, будто блокада города ещё не завершилась. Только сестра жены, перезрелая девица вся в своих проблемах, ну так не замечай её, и не трогай. Не мешаются, но все равно...

Правда, в присутствии тёщи, капитан Громобоев частенько ощущал себя почти лимитчиком (хоть особо и не бубнила в быту, но жутко кичилась своим классово чуждым происхождением, её бабушка была незаконнорожденной, ребёнком, прижитым кухаркой от царского

генерала), поэтому и не желал Эдик долго находиться под одной с ней крышей. Приехали, отметились визитом вежливости, поговорили на общие темы и укатили восвояси.

Ни перед уходом на войну, ни сейчас после возвращения, Эдик так и не ужился с женской половиной семейства, не нашёл с ними точек соприкосновения, ему частенько казалось, что в глазах коренной петербурженки в четвертом поколении, словно бы стоял по отношению к нему немой укор – понаехали тут...

С толстяком-тестем общаться было проще – обычный работяга: токарь, слесарь, сварщик, жестянщик, в общем мужик на все руки мастер. Довольно крепко пьющий, но не скандальный и безвредный. Обычно Евгений Павлович пребывал в одном из трёх состояний: либо с похмелья, либо мучился в ожидании выпивки, либо уже сидел за рюмкой. Проблема одна – требовалось регулярно поддерживать компанию, но так как Палыч мелкую посуду не признавал – приходилось пить только из стаканов. Тесть и зять друг другу жить не мешали, а для родства душ совместно пили в основном только пиво, потому что употребляемые Палычем дозы водки, для Эдуарда были бы смертельными. Объемы горячительных напитков, поглощаемые пролетарским организмом, не поддавались никакому разумному объяснению, и по всем медицинским показателям, тесть давно должен был «сыграть в ящик».

Эдик поражался его феноменальной живучести. После распития двух бутылок водки или разведенного спирта, уже глубоко за полночь, Палыч обрушивался еле живой на топчан, потом до утра стонал, булькал горлом, храпел, синел лицом и почти умирал, хоть реанимацию вызывай и заказывай панихиду. Но нет, не брала его к себе костлявая! Встанет задолго до рассвета, шумно шаркая тапочками и держа за стену, доберётся до холодильника, хлопснёт до дна трехлитровую банку молока несколькими жадными глотками, и затем, тяжело и жалобно охая, дисциплинированно шагает на завод. Холодное молоко было любимым опохмелятором Палыча, даже рассол не признавал. Тесть напоминал Громобоеву паровоз: такой же большой, шумно пыхтящий и столь же малоэффективный.

Тёща в питье была полная противоположность мужу: от первой рюмки сразу косела, много смеялась, от второй валилась с тощих ног, так как её хрупкий организм чудом выжившего в блокаду ребёнка, почти не переносил спиртного. И сколько Эдуард ни пытался её откормить, хотя бы до пятидесяти килограммов, ничего из этого не выходило,

эта балерина на пенсии ни на грамм не поправлялась. Такая вот была парочка, словно из рассказа Чехова «Толстый и тонкий», лишь с одной поправкой – толстый и тонкая. Их семейная пара естественно была несчастна и теща этого не никогда скрывала.

Как Анна Филипповна умудрялась прокормить этого «бегемота» на свою убогую зарплату без халтур и постороннего навару, Эдик не мог ума приложить, свои-то кровные заработанные Палыч в основном пропивал. Громобоев помогал по мере возможности, но самим приходилось выкраивать и экономить. Двухлетняя военная командировка в Афган семье достатка не прибавила, потому как Эдуард все накопления спустил на стороне. Лишь когда был в отпуске, то привёз жене джинсовую юбку, кожаный плащ и косметику, а себе дубленку и японский двухкассетник. Но когда это было...

Итак, в семейную жизнь ближайшей родни Эдик не встревал, тестя воспитывать не пытался, гостить старался реже, чтоб не травить организм кислым пивом и плохой водкой, но иногда в городе бывать всё же приходилось, так как новая квартира была почти пустой, с минимумом мебели.

«Но ничего, куплю телевизор, холодильник, стиральную машинку, новую мебель и наши посещения столичной квартиры родственников сократим до минимума», – с надеждой размышлял Громобоев. А пока они были вынуждены каждую субботу и воскресенье наносить визиты вежливости к родне.

Последние иллюзии о жизнеспособности социалистической экономики, о верном курсе страны, которые насаждались Эдуарду в школе и в училище, уничтожал повальный дефицит. С каждым месяцем жить становилось хуже. Наступила эра дефицита всего! День за днем исчезали последние крупницы симпатии к покрытым плесенью и вбитым в башку марксистско-ленинским идеалам. Истерические протесты догматов-демагогов в ответ на разумные предложения молодёжи по реформированию экономики Громобоева возмущали. Марксисты-теоретики новые идеи сходу отменяли и лишь болтали: «За что же отцы и деды кровь проливали! Не отдадим завоевания!» Этот трёп Громобоева уже не вдохновляли, и он давно перестал их поддерживать.

Так вот, в тот затянувшийся вечер, вновь ставшие родственниками мужчины, сумели скушать полтора литра водки (огненную воду в основном употребил полторацентнеровый Палыч), и Эдуарду

пришлось поддержать эти ритуальные посиделки с риском для здоровья, хотя ему хотелось смотреть футбол. Когда пиво и водка закончились, тесть убежал в павильон за добавкой, а в это время назло семейству, Громобоев шумно болел за вражеский для Питера футбольный клуб: орал, переживая за пропущенные его любимой командой мячи, нервно вскакивал, матерился, и бурно радовался успехам своих. Но тесть не задержался, знакомые ханурики пропустили без очереди, поэтому вернулся довольно быстро и с полным бидоном разливухи. Пришлось прервать фанатские страсти и плестись на кухню, ведь следовало продолжать налаживать родство душ. Однако же если вернуться в примачи – терпи...

«Это не человек! Это какой-то верблюд! – порою в сердцах восклицал Громобоев, обращаясь к жене. – «Скажи, ну куда в твоего папашу столько помещается огненной жидкости?»

Купленная в «стекляшке» водка тоже закончилась, легально уже не приобрести, поздно (в магазинах продают до девятнадцати часов), и Палыч пару раз намекнул анне Филипповне, что неплохо бы добавить, достать поллитровку из заначки, но тёща делала вид, что не слышит.

Параллельно разговору мужчин, шумовым фоном работала радиоточка, стоящая на окне. Болтовня диктора совсем не мешала собутыльникам, наоборот, время от времени появлялись новые темы для разговора. Радиоприёмник они слушали в пол уха, но вдруг уловив что-то интересное, принимались обсуждать тему.

Новости были какие-то не радостные, не оптимистичные: про очередные вспышки национальной розни в удаленных районах огромной Советской империи, о ликвидации последствий землетрясения, о катастрофе на железной дороге... Оба сопереживали, сочувствовали, но события эти проходили стороной, и их особо не касались.

Как вдруг, словно невзначай, по радио объявили о начале записи на цветные телевизоры и прочие товары ветеранам. Эдик не успел уловить, где и когда будет распродажа дефицитов. Своего цветного телика у Громобоева на данный момент не было, после возвращения в бывшую семью вовремя приобрести не сумели, а теперь любые бытовые товары были по записи.

– Эй, а ну повтори, что ты сказал! – велел Эдуард радиоприёмнику, но диктор не послушался и монотонно бубнил о погоде и спорте.

– Надо прослушать через час, – посоветовал тесть.

– Нет, ну не сволочи ли? – вспылил капитан. – И где мне эту очередь искать? Как в нее попасть?

– Эй, ты, гнида говорящая, – поддержал тесть недовольного зятя, – повтори информацию!

Но приёмник уже изливал классическую музыку.

– Гнать надо этого диктора в шею с радио! Понабрали козлов, блеют враньё! – рывкнул Палыч. – Ты посмотри, деньги ему платят хорошие, а работать не хочет! И наверняка гомик!

Тесть залпом выпил стопку водки и продолжил.

– Нет, ты мне скажи, зять, куда товары в стране деваются? Где эти закрома Родины? Делаем, добываем, выращиваем, а всё исчезает в какой-то прорве!

– Сам удивляюсь, да и не по адресу вопрос, я ведь не по этой части, я танкист, сторожу безопасность границ!

– Но, ты ведь человек политический! При высокой военной должности!

– Евгений Палыч, я тебя умоляю, какая у меня высокая должность!

– По сравнению с моей рабочей – очень даже значимая! Хоть немного да ближе к партийному начальству!

– Знал бы, где в закромах лежит – давно бы взял и принёс! – отрезал Эдик и начал прислушиваться к новостям.

Итак, надо было срочно разузнать подробности о записи и самому заняться добычей дефицитов, ведь жена или старая-новая теща в таких делах не подмога, их либо в толпе затопчут, либо деньги из рук украдут, либо они талон потеряют, либо что-нибудь экстравагантное отчебучат.

* * *

Молодому читателю трудно понять (да и тем, кто тогда жил, сейчас уже сложно представить и вспомнить) как можно обходиться в здравом уме без мобильной связи, без компьютера и интернета? Как существовали люди? Ага, именно существовали. Нельзя сообщить вовремя важную информацию, трудно в городе без уговора встретиться. Люди разговаривали по обычному телефону и писали письма на обычной бумаге! Каменный век какой-то! Хотя в этом времени и было романтическое: забытый ныне любовный эпистолярный жанр, или томления влюблённого в неизвестности в назначенном для свидания месте (придёт – не придёт)...

* * *

На службе Громобоев поделился новостью о продаже дефицитов с другом капитаном Захаром Сергеевым. Оказалось, тот тоже слышал,

что ветеранов решили побаловать бытовой техникой, и даже разулал адрес.

– Записывай адрес: магазин на Средней Охте, на набережной. Будет работать один на весь город, говорят, завтра формируются списки на покупку телевизоров и прочей бытовой техники. Решили одарить нас благами цивилизации, надо только справки собрать.

– Какие справки? – удивился Эдик.

– Из части о прохождении службы в Афгане, потом из собеса подтверждение льгот, о прописке...

– Я не знал...

– Чудак, а я уже приготовил документы, с утра поеду. Жена хочет купить новый двухкамерный холодильник, – пояснил приятель. – За мои тяготы и лишения двух лет в Джелалабаде, хотят откупиться малой «кровью». Ну да ладно, с нашего любимого государства, как с паршивой овцы, хоть шерсти клок...

– Ну а моими родственниками уже целый список составлен! – ухмыльнулся Громобоев. – Мне на две семьи нужен целый набор! Возьму всё то, что дадут!

– Какой ты стал примерный семьянин, – ухмыльнулся Захар. – Видимо от пары уколов в жопу в психбольнице твоё сознание круто изменили! Так на посторонних баб ты и вовсе глядеть перестанешь!

Громобоев криво ухмыльнулся. После его кулачной любовно-романтической эпопеи с последующей доставкой в психушку военного госпиталя, полковые приятели нет-нет да подтрунивали над подвигами и приключениями Эдуарда.

– Это ты зря! Не до такой же степени! Если бы меня там продержали несколько месяцев и провели полный курс – то да! Пожалуй, даже ты тогда меня б уже не привлекал! – пошутил капитан.

– Но-но, полегче! Ты меня вообще не привлекаешь! Набрался, понимаешь ли, новых веяний массовой культуры...

– А ты не злорадствуй и не подначивай, не то я поспособствую твоему исправлению! Кое-какие связи у меня теперь в мозгоправных кругах имеются!

Захар громко заржал, и хлопнул Эдика по плечу.

– Буду иметь в виду! Ладно, до завтра. Место встречи изменить нельзя: утром у входа в «Невские берега»...

Сергеев направился к себе в казарму, а Громобоев поспешил собирать справки.

Эдик вновь заночевал у родственников, слишком долгой была дорога от гарнизона до Охты. А от тещи наоборот – рукой подать. В городе хорошо ночевать для свершения разных дел, и наоборот, если ночуешь у родственников, то чтоб не опоздать на службу, приходилось вставать чуть свет, в пять утра. Спешка и нервотрепка! Громобоев накануне предупредил комбата о своей задержке, но пообещал явиться к обеду, часов в двенадцать.

С трудом поднявшись с диванчика, примерно без десяти пять, чуть приоткрыв левый глаз, Эдик пошёл умываться. Затем влез в брюки, надел рубашку, китель, плащ-пальто, нахлобучил поглубже фуражку и, не позавтракав, растолкал жену. Та что-то пробурчала спросонья и отвернулась.

– Да просыпайся, соня! Ольга, ты так всю жизнь проспичишь!

– Что случилось? – пробурчала сонная и плохо соображающая супруга.

– Забыла? Телевизоры раздают ветеранам! Я помчался в магазин, дверь за мной закрой! – велел капитан и ринулся на трамвайную остановку.

Утро выдалось промозглым и сырым. Моросил мелкий дождик, пришлось поверх пальто надеть плащ-накидку. Думал оказаться в первых рядах в такую рань, поэтому помчался со всех ног, прыгая через лужи.

«Успеть бы, пока народ не набежал, когда позже соберётся толпа – не протолкнешься...» – размышлял Эдик.

Уже на остановке вблизи торгового центра сделалось тревожно – со всех сторон по направлению к заветному магазину спешили пожилые ветераны и ветераны помоложе. Это шли его побратимы, вояки последней малоизвестной войны. Громобоев прибавил шаг, приказав совести молчать, и обогнал нескольких старичков и инвалидов, не хотелось долго стоять в очереди.

Надежды оказаться в первых рядах были напрасны, едва выйдя на набережную, Эдуард обомлел: далеко на подходах к магазину растянулась толпа, стоящая в нестройной очереди в колонну по три-пять человек. Окинув народ взглядом, оценил количество желающих приобрести дефицит примерно в три-четыре тысячи.

«Интересно, когда же они успели? Ведь метро только открылось, а мосты ночью были разведены» – подумал капитан и спросил в хвосте очереди крайнего.

– Запись уже началась?

В ответ – тишина, никто не отозвался.

– Что молчим? Кто крайний?

– Да мы все тут крайние! – буркнул седовласый дедок. – Набежало вас сопляков видимо-невидимо. До чего бессовестный народ! Телевизоры продают ветеранам, а вы зачем припёрлись? Тоже наверно, заместо хитрожопого деда пришёл?

– Я сам за себя, – буркнул Эдик. – Я тоже ветеран.

Седой дед с сомнением покосился.

– Ветеран чего? Просмотра кинофильмов? Или вино-водочного фронта? Житья нет от вас прохиндеев! За водкой толпа, за сахаром – толпа, за мылом и стиральным порошком тоже давка! Дожили!

– А я зачем в танке горел? – пробубнил помятого вида пожилой мужик, – чтоб под дождем мокнуть в очередях?

– Не мокни, топай домой! – буркнул всё тот седой ветеран с офицерской выправкой.

– Я бы пошёл, коли телик мне на дом доставят.

– Ишь, барин... а говоришь бывший танкист...

– Я с сорок четвертого танкист, механик-водитель! А ты кто?

– А я летчик! Штурмовая авиация. С сорок третьего, Второй Украинский.

– Ну а я – Второй Белорусский. Почему сразу барин? Разве мы не заслужили уважение? Могли бы на дом талоны прислать. Неужели трудно составить списки в Совете ветеранов? Обзвонить по квартирам и пригласить за покупкой ко дню Победы.

– Может ещё и на такси к магазину подвезти? И чтобы подарки Председатель исполкома вместе с секретарем райкома лично вручали?

– А почему бы и нет? Ведь эти секретари и председатели работают благодаря тому, что мы с тобой кровь проливали... – продолжил бывший танкист. – Проныры, они вовремя в партию вступили, теперь речи льстивые толкают! Этим гнидам всё преподносят на тарелочке с голубой каемочкой, а нам встань в очередь!

– Партию не троньте, – встрял в разговор третий статный старик вооружённый массивной тростью. – Мы за партию на смерть шли! А молодёжь этого не ценит, теперь стоят и морду при слове партия воротят!

Этот ветеран так переживал что, пожалуй, мог вот-вот получить удар. Эдик даже испугался, как бы старика кондрашка нехватила.

– Дедуля, войны в нашей стране хватило на всех..., – сказал Эдик примирительно.

– Какой я тебе дедуля! Ты кто по званию?

– Капитан...

– А я полковник запаса... Разговорчивые все стали... Сталина на вас нет! – рявкнул холёный, статный ветеран.

– В ... вашего Сталина! – буркнул матом Эдик и тут же едва не схлопотал тростью по голове.

– Что ты сказал сморчок?! Да я, таких как ты вражин, в сорок втором, к стенке ставил партиями! – вскричал бывший полковник и задрожал всем телом. – Разговорились! Не тронь имя святого вождя! Я за него кровь мешками проливал...

Эдик слегка уклонился и примерился, как бы перехватить это орудие ближнего боя и утихомирить разбушевавшегося пенсионера, но дрожащую трость с набалдашником перехватил крепкой рукой другой дедок, с лицом, покореженным багровым шрамом от уха, через правую щеку и до подбородка.

– Не лезь к парнишке, гнида тыловая! К стенке он ставил! Наверное, в заградотряде геройствовал? Не свою ты, да и не вражескую кровь проливал! Простых мальчонков-несмышленишей гробил? Повтори, что ты сказал, на каком фронте ты мешками кровушку проливал? Может на Юго-Западном? Да, я тебя сейчас тут и кончу, за твоих Сталина и Берию...

– А ты кто такой? – чуть стушевался статный ветеран.

– Командир противотанковой батареи капитан Иволгин! Жаль, что вас прихлебателей вместе с Лаврентием не шлёпнули в пятьдесят третьем!

Дедуля со шрамом говорил не столько старому чекисту, сколько обращаясь к Эдику и другим очередникам.

– Выходит, пока я «Тигры» расстреливал прямой наводкой, ты из укрытия мне в спину целил из пулеметов?! Народ безвинный расстреливал! Кровопийца! Я сам раз чуть под расстрел не попал, снаряды кончились, танки прорвались, а я под трибунал! Хорошо немец тогда на нас так шибко попёр, не успели приговор привести в исполнение, а потом в меня и стрелять было уже некому, сам трибунал сбежал в тыл. В ночном бою чудом выжил – ранило меня в лицо, оклемался в госпитале и вновь продолжил немецкие танки уничтожать! Ещё два года воевал с неснятым приговором! Ну, что молчишь, старый хрен? Так где ты воевал?

Но оказалось, что танкист уже обращается к пустоте. Ветеран НКВД бочком-бочком двинул в сторону, и умело растворился в огромной

толпе ветеранов. Спустя несколько минут артиллерист, танкист и лётчик уже распивали из фляжки спирт.

– За знакомство! Петр! – сказал танкист.

– Федор! Будем здоровы! – провозгласил артиллерист отхлебнув.

– Василий! – ответил лётчик. – Эй, молодой, пить будешь? Слышишь капитан, тебе говорю...

Громобоев чуть поморщил нос, размышляя, но согласно кивнул, решил пригубить, чтобы успокоить нервы. Всё одно до возвращения на службу дух выветрится.

– Давайте!

Танкист пустил фляжку по кругу: авиатор хлебнул и передал Эдику, тот хорошенько приложился, протянул артиллеристу со шрамом, а Иволгин глотнул и вернул хозяину. Танкист себя не стал ограничивать и допил содержимое.

В очереди разрасталась дискуссия, но уже не о том, настоящие ли ветераны войны воины-интернационалисты или нет, дебаты пошли о Сталине, о коммунистах и Советах, о выборах и демократии, о Ельцине и Лигачеве, о Горбачеве, о талонах на водку, мыло, стиральный порошок... Говорили все, кто о чём, собеседников каждый находил себе среди соседей по интересам, и союзников, и противников. Политика в последнее время крепко захватила людей, которые долгие годы были инертными и ко всему равнодушными, мирно и покойно дремавшие в застойные годы массы вдруг пробудились, заволновались, начали размышлять, обсуждать, переживать.

То тут, то там возникали дискуссии, перерастающие в словесные перепалки, грозящие перейти в мордобой. Одни ветераны материли, на чём свет стоит нынешнюю власть, вспоминали счастливую молодость, другие костерили матом и прежних, и давних, и нынешних. Разгоряченные разговорами и спиртным, ведь многие предусмотрительно прихватили с собой фляжки и фуфырки, чтобы стоя в очереди не замерзнуть и не простыть, хватали друг друга за грудки.

Громобоев решил больше ни с кем из стариков не связываться, молча стоять в очереди. Потихоньку накатывала злость, потому что понял – выстоять предстояло до позднего вечера, хорошо ещё, если до закрытия в магазин успеешь зайти внутрь! Но успокаивало то, что и позади толпа напирала примерно таким же числом, как и впереди. Значит всем хватит, иначе народ разнесет витрины, ежели всех не обслужат.

Рядом пристроился молоденький парнишка с обожженным лицом.

– Слышь, командир, а по сколько теликов на руки будут давать? – спросил он у Эдуарда.

– Сколько унесёшь, – пошутил капитан.

– Такси может заранее заказать? – размышлял вслух парнишка.

– Зачем тебе столько?

– Маме, сестре, брату, свату. И себе конечно...

– Держи карман шире! Радуйся, если хоть один достанется, – фыркнул Эдик. – Ты в каком полку служил, такой шустрый?

– В шестьдесят шестой бригаде, в Джелалабаде. Сержант разведки.

– Знакомые места, я там тоже бывал...

Эдик хотел поделиться, как он бился в окружении в Черных горах, как на границе с Пакистаном свои сначала бомбили авиацией, а потом артиллерией накрыли его роту (было, что вспомнить общего), но в этот момент очередь заволновалась и пришла в движение, в голове колонны были слышны маты и крики, а к ним подбежал молодой крепыш в потёртой афганской дубленке, дёрнул Громобоева за рукав плаща и закричал:

– Братцы, там бандюки и деловые барыги лезут! Надо оцепление создать из своих, а то они без очереди хотят прорваться. Беспредел начинается, мафия и тут орудует! Айда, пошли, порядок наведем.

– Товарищ командир, пойдёмте, поможем, – предложил обожжённый парень.

Громобоев оценил ситуацию: впереди не менее пяти тысяч, и позади тысячи желающих, а народ всё прибывал. Жулики и барыги, действительно, могут нарушить работу магазина, поэтому согласился пойти вперёд. Парень с ожогом и еще человек пять помоложе вышли из очереди.

– Двери вот-вот откроют, сейчас начнем продвигаться, – оживился бывший танкист. – К обеду дойдем! Берлин взяли, и этот сраный магазин тоже возьмём!

– Иди, капитан, иди! Сынки, вы уж наведите порядок, не позволяйте беспредельничать, – выкрикнул противотанкист Иволгин.

– Не бойсь, папаша, – заверил парень с ожогом, – мы их мигом уделаем!

Эдик и его новые товарищи подошли вплотную к магазину, вокруг входа клокотало бурное людское море и бушевали не театральные страсти. Какой-то старичок колотил тростью молодых мордovorотов, они в ответ отмахивались, но достать ловкого деда не могли. Вокруг очереди стояла плотная цепь молодых ветеранов, человек тридцать,

которые держались за руки и не давали наседавшим проходимцам прорваться в магазин. На них напирало стадо «деловых», примерно полсотни бугаёв.

– Давай, мужики, вставай в оцепление, – обрадовались подмоге ребята-афганцы.

Громобоев и его новые дружинники, влились в строй: Эдик схватил соседей справа и слева крепко за предплечья и живая заградительная цепь укрепилась. До открытия магазина оставались считанные минуты. За стеклянными витринами уже всюю сновали продавцы и товароведы, включали освещение и кассы, затем одна из женщин отворила дверь и резко отскочила. Людской поток хлынул в магазин.

Эдик пытался упираться ногами и руками, обожжённый сосед как мог тоже сопротивлялся, но их прижали к дверям. Неугомонный дед с клюкой обругал Громобоева и даже попытался плюнуть, но промахнулся мимо капитана и попал в какого-то другого деда, за это получил в ответ по носу и затих. Дальнейшее сопротивление дружины было бессмысленным, в считанные минуты гомонящий народ впихнул эти два жидких ряда оцепления внутрь магазина, вместе с первыми очередниками. Всё смешалось, очередники, нарушители, дружинники.

Влетев в магазин спиной вперед, и чудом удержавшись на ногах (затоптали, если бы упал, но повезло!), Эдик дальше всё делал помимо воли и желания. Людская лавина донесла его до длинной стойки, и там образовалась новая очередь. Дед с клюкой и окровавленным носом, шмыгал и радостно ворковал:

– Эх, сейчас получу цветной телек, и мы с бабкой заживём новой жизнью! Будем вечерами «Рабыню Изауру» смотреть...

– Ошибаетесь, – поправил его Громобоев, словно какой-то чёрт его дернул за язык. – Даром не дадут.

– Не болтай, чего не знаешь! – вспылил инвалид. – Ща как дам костылём!

– Дедушка, не шумите и не сердитесь, – попытался урезонить и успокоить его Эдик. – Сегодня только запись. И аппаратуру не раздают, а продают.

– Это вам молодым лоботрясам за деньги, а мне инвалиду – бесплатно! Бабка моя по радио слышала! Советская власть ветеранов решила отблагодарить ко Дню Советской армии!

– Скорее ко Дню Победы, – буркнул Эдик.

– Замолчи окаянный! Язык без костей! Типун тебе...

– Моё дело сторона, не я решаю... – увильнул Эдуард.

– Ты вообще кто такой и по какому праву тут среди инвалидов! Проходимец! А ещё форму натянул на себя и военным прикидываешься. Разит от тебя как от винной бочки, алкаш!

Эдик уже пожалел, что ввязался в разговор с больным на голову стариком, и тем более что выпил со стариками. А ну как подойдёт милиционер, который слоняется по залу, да выведет под белы ручки наружу.

– Слышишь, ты, уймись, товарищ ветеран! – вновь сделал попытку урезонить инвалида Громобоев. – Вот мое удостоверение, я в Афгане два года воевал! Ранен и контужен.

– То-то и оно, что контужен, – буркнул дед, сбавив обороты. – Никакого уважения к пожилым. Только тыкни мне ещё раз, я тебе так тыкну!

Эдуард отвернулся и сделал вид, что больше не замечает деда.

– И чего морду воротим? Я к тебе обращаюсь! Не задирай нос, военный. Брезуем общением с рядовым фронтовиком? Я, между прочим, через всю Польшу прошагал и частично по ней на пузе прополз!

Их спор оборвала сурового вида продавец. Очередь подошла. Тётка сверкнула золотыми коронками и спросила:

– Будем лясы точить или записываться?

Оказалось, что шаг за шагом, гуськом, они дотопали до стойки, где с десяток женщин проверяли документы на льготы, вписывали очередников в реестр и спрашивали, что желает ветеран войны купить. Эдик себе выбрал из списка холодильник «Мир», маленький цветной телевизор «Юность», стиралку «Малютку» и швейную машинку для тётки.

– Держите талоны, – хмурый товаровед протянула ему три проштампованные бумажки. – Телевизор летом, швейная машинка через год, стиральная машина через два года, получение холодильника в течение десяти лет. Стоимость товара пока не известна, цены меняются. Следующий!

– А разве не бесплатно? – удивился неугомонный дедок. – Внучка и бабка сказали – так раздают! Я пришёл не записываться, а телевизор получить от Советской власти!

– Хрен тебе от Советской власти, старый хрен! – хохотнул кто-то из очереди.

– Цыц! Я и бабке обещал... Без него мне возвращаться не велела.

– Дедушка, сегодня только запись! А купите через пару месяцев.

– Что значит купить? Я инвалид! Мне его выдать должна Советская власть!

– Повторяю в последний раз – сегодня запись!

– Я этого так не оставлю! – закричал дед и принялся стучать клюкой об пол. – Я дойду до исполкома! Ведь есть ещё в стране Советская власть! В газете было прописано – выдают! Нечего нас обманывать – торгаши! Подавайте мне телевизор цветной! Где моя «Юность»?

Громобоев был рад, что старичок нашел новую жертву, которая в наглости ему не уступала. Эта дородная тётка чуть за пятьдесят и не таких видала за годы работы в советской торговле.

– А хрен тебе от Советской власти не нужен? Юность ему подавай! Кобелировать вздумал? Дуй к бабке и забудь про юность. Записывайся или уходи! Давай паспорт, удостоверение. Грамотный? Читай положение о праве на запись для получения дефицитных товаров.

– Раздают на том свете! – буркнула одна из торговых дамочек. – У нас магазин, а не рай земной!

Получив достойный отпор, старичок чуть сник, затем подскочил к другому продавцу и предпринял последнюю робкую попытку найти правду.

– По какому праву я должен платить?

– У нас не коммунизм!

– И что мне делать с этим талоном?

– Если нет денег, и не выкупите, поставьте его в рамочку или повесьте на стеночку.

К старику сбоку подобрался бугай и шумно прошептал:

– Дедуля, продай талон.

Старик отшатнулся, прижал талон к груди.

– Не отдам! Моё! – и заковылял в сторонку, чтобы присесть на скамью, скушать таблетку и передохнуть.

– А как выйти-то от вас? – спросил у товароведа ошачливленный талонами капитан Громобоев. – Там толпа, не выбраться.

– Выход после записи всех во двор, там вахтер выпустит, – буркнула товаровед.

– Слышишь, братан, продай талон, – всё тот же громила обратил теперь свой взор на Эдика. – По-хорошему! А я за ценой не постою...

Громобоев не любил откровенно хамских угроз, но и в магазине драться не хотелось, у этого фраера явно всё схвачено в милиции. Эдик просто отвернулся и отошёл, не желая связываться, наверняка этот неприятный тип тут не один, а с целой шайкой. Себе дороже будет...

Хорошо, что вход и выход были в разных концах зала, и не понадобилось продирааться сквозь толпу жаждущих приобретения дефицитных товаров. Эдуард прошёл по длинному коридору, заговорщицки подмигнул сторожу и выбрался на улицу.

Моросил мелкий холодный дождик, который, кажется, зарядил на неделю, а может быть и навсегда. Взглянул — на часах всего десять часов утра. Было немного стыдно перед теми пожилыми мужиками, которые остались стоять в многотысячной толпе. Но ведь он не схитрил, не сжульничал, не собирался обманывать, а наоборот, хотел поддержать справедливость, но напором сотен тел ему едва руки не выломали и чуть не затоптали...

Четыре талона в кармане радовали, и в то же время на душе был осадок. Разве этого достойны старички-победители в великой войне? Каких-то мелких подачек, подарков из-под полы. Например, Громобоев готов был купить вещи и без талонов, только поставьте товары на прилавки, не по спекулятивной цене, а по-честному!

Эдуард накинул на фуражку капюшон плащ-накидки и поспешил к остановке. Сегодня от магазина ему предстояло добираться на службу дольше — пятью транспортами...

* * *

С того дня Эдик полностью восстановил доверие и уважение со стороны тёщи. Получив талоны на дефицитную аппаратуру, она заметно подобрела к блудному зятю...

Глава 13. Ненужные учения

Глава, в которой наш герой участвует в масштабных учениях и удачно выпутывается из служебных передряг.

Старый укрепрайон ветшал, но генералы никак не могли решиться, что с ним делать: полностью восстановить нельзя, и поддерживать в боевом состоянии очень дорого, а выбросить (ликвидировать) — жалко! Тем более, что на складах полка за пятьдесят лет скопилось такое огромное количество старого и нового оружия (даже танки «ИС-3»), что можно было вооружить две дивизии в случае войны.

Тогда в округе и придумали спасительный вариант — развернуть полк (отмобилизовать) в дивизию, убедить Генеральный штаб

в жизнеспособности части и необходимости её существования, постараться выбить деньги на ремонт. А в случае сохранения УРа начались бы работы по реанимации полутора сотен фортификационных сооружений: дотов, артиллерийских капониров, полукапониров. Помимо этого требовалось спилить вокруг них тысячи гектаров леса, заменить электрические и телефонные кабели, трубопроводы и т. д.

Подсчитали московские военные чиновники – проследились, даже без хищений и воровства – нужен миллиард (на миллиард советских рублей можно было построить пару атомных ракетных подводных лодок)! Сухопутные генералы всё же пошли на доклад. В Совете Министров перед представителями военного ведомства, покрутили пальцем у виска, дали понять, что «динозавр» должен благополучно умереть от старости, и план восстановления укрепрайона отправили пылиться в архив. А вот менее расточительные, но всё же крайне затратные учения почему-то не отменили, и подготовкой к ним задрочили пулемётный полк.

Офицеры паниковали, ожидая прибытия комиссий из различных ведомств и управлений. Строительство лагерей близилось к завершению, полигоны обновили, имущество вывезли в лес, работа велась даже в последние часы. Наконец объявили о «начале войны», прозвучала условная тревога, и военные комиссариаты города приступили к своим обязанностям по формированию соединения.

Свою задачу военкоматы выполнили количеством успешно, но вот качеством... Военкоматчики нагнали десять тысяч гражданских мужиков в лесные пункты сбора, свезли в автобусах и на грузовиках отловленный полупьяный и ошалелый контингент, а командиры напомнили гражданским «шпакам» почём фунт лиха, и что они по-прежнему являются пушечным мясом на случай войны.

Офицеров-танкистов призываемых из запаса, комбат Туманов, начальник штаба Шершавников, Громобоев и командиры рот в течение года тщательно отбирали по документам, командиры рот фильтровали и зачищали списки сержантов и солдат, отбраковывали судимых, клиентов психоневрологических диспансеров и постояльцев ЛТП. Но, как ни старайся вчитываться в бумажки, пока живую не познакомишься и не поработаешь – пустое дело этот отбор по характеристикам. Хотя после формирования роты водителей на уборку урожая, Эдуард стал неплохим физиономистом, и если в личном деле было фото, то глядя на него, он почти безошибочно определял, стоит ли с этим типом работать на развертывании. Почти не промахивался

и не ошибался кто перед ним: пьянчуга, дебошир или добросовестный трудяга.

В первый день сумели набрать полный комплект офицеров, познакомиться, поставить задачи по сплачиванию воинских коллективов. С командирами было проще и менее хлопотно — всего-то сотня человек. В этот же день штатные механики-водители и офицеры под командованием Изуверова совершили марш от железнодорожной станции на танках в полевой лагерь, не загубили ни одну машину. Уже прогресс!

Во второй день мобилизованный транспорт доставил солдат и сержантов. «Партизан» строили, считали, затем они перекуривали, вновь строились, вновь считались, а под вечер разместили в полевые казармы-«чумы», организовали несение службы: караул, дежурство по парку боевых машин, наряды по батальонам и в столовую. К исходу дня комбат, точнее комполка Туманов и его заместители валились с ног.

Ночью в палатках началась масштабная пьянка, ведь «контингент» прибыл в лес не с пустыми руками. Конечно, офицеры военкоматов проводили предварительный досмотр перед погрузкой в транспорт, изымали найденное спиртное, потом по прибытию в лагерь «партизан» вновь проверяли строевые командиры, принимая бойцов по описи, поэтому к концу дня в штабе полка скопилось примерно полсотни конфискованных бутылок с горячительными напитками. Но, как говорится, голь на выдумки хитра (взрослые мужики, а вели себя как дети!) и самые находчивые замаскировали спиртное под компоты, лимонады и квасы.

Многим «пойла» не хватило, и сумерками из палаток в разные стороны устремились гонцы. Кто-то сделал закладки-схроны на стоянках транспорта во время перекуров, к кому-то должны были приехать гости, отдельные продвинутые знатоки местности помчались к торговым точкам в окрестностях. Часть гонцов удалось перехватить и вернуть в палатки, с матом и руганью, угрозами наказания, но изловленные, выждав некоторое время, с маниакальным упорством вновь бежали в посёлок.

Утреннее построение напоминало развод в вытрезвителе. Над вытоптанной поляной заменявшей плац стоял тяжелый винно-водочный дух. Туманов с досадой крикнул и объявил строевую подготовку, дабы народ продышался и начал соображать. Затем были проведены в ротах беседы, инструктажи по мерам безопасности, составлены списки,

собраны подписи, вновь инструктажи и вновь подписи. В первую очередь противопожарные меры, затем медико-санитарные, эпидемиологическая профилактика, при работе на технике, во время стрельб, всего более десятка списков со сбором автографов. Главное дело – обезопаситься (как говорится – прикрыть задницу) от преследований прокурора в случае чего...

Ближе к вечеру Туманов вновь назначил офицеров в патрули, чтобы отлавливать желающих продолжения банкета. Однако, как выяснилось, опоздал, гонцы были высланы много ранее, но и патрули не дремали и на тропинках сумели перехватить часть горячительных напитков.

С началом стрельб и вождения танков, занятий по тактике с пьянством бороться стало полегче, да и запас денег у «партизан» подошёл к концу. В выходные начали проситься на побывку, но отпуска и увольнения не предполагались. Появились первые самовольщики и беглецы. Туманов лично выловил с десяток нарушителей и выгнал из лагеря, с уведомлением на работу о пьянстве и прогулах. К следующим выходным решили этот процесс упорядочить и систематизировать и отпустить с каждого взвода по несколько человек.

Возвращающихся из увольнения бойцов, командиры встречали на дальних подходах к лагерю и изымали водку (никто благородное шампанское или вино не привозил). Один нахал начал сопротивляться, Шершавников схватил партизана своей мощной лапищей за шкуру, выхватил авоську с бутылками и саданул об деревянную стену казармы. Собутыльники из его роты, наблюдавшие эту трагическую сцену, взвыли от возмущения, но делать нечего, ушли, ропща восwoяси. Удивительное дело, но пара бутылок в авоське не разбилась и усталые офицеры после отбоя прикончили их, сбрасывая накопившееся напряжение.

Эдуард выслушивая по утрам доклады подчинённых, каждый раз с изумлением и недоумением откликался на новую должность – заместитель командира полка. Да, именно так! Ах, какой карьерный взлёт! Ещё шесть лет назад был курсантом и вот уже руководит полком... Было заметно, что и Туманову лестно слышать наименование новой должности, тем более, он уже давно мог реально командовать настоящим, а не потешным полком, если бы не зависимость от «зелёного змия». Три года назад, молодой и перспективный выпускник Академии, он был назначен заместителем командира танкового

полка, но получив власть и некоторую свободу действий, подполковник стал дурковать, частенько прикладываясь к стакану в служебное время. И вот однажды крепко набравшись на полигоне, он выпал из служебной машины прямо под ноги проверяющему руководству: начальнику политотдела и заместителю командующего армией. На этом карьера Туманова пошла под откос и возможно навсегда. В те тяжелые для него дни политрабочие с наслаждением поплясали на костях провинившегося офицера, поэтому он на дух не переносил любого носившего это звание, даже Эдика терпел с трудом. Практика в должности комполка давала Туманову возможно последний шанс реабилитироваться и вновь попасть в служебную струю, и он старался вернуть утраченное доверие.

Развёрнутые полки ежедневно и не по одному разу проверяли офицеры штаба округа и московские чины, сменяя друг друга. Постепенно к ним привыкли и уже не переживали, не суетились при виде генералов и полковников. Однажды утром в лагерь нагрянула толпа разъяренных руководителей во главе со старым знакомым – генералом Никулиным. Полк в тот день проводил боевое слаживание и намечались ротные тактические учения. Командир попытался доложить, но генерал с порога, не здороваясь, объявил об отстранении Туманова и Громобоева от исполняемых должностей и назначении служебного расследования.

– В чем наша вина, – не понял Туманов и нахмурился.

– Убийцы! – выкрикнул генерал и подбежал к подполковнику, брызгая слюной прямо в лицо. – Разгильдяи! Вы не способны управлять полком! Банда, а не танковый полк! То ли дело ваши соседи артиллеристы – молодцы!

– Не понял! – разозлился комбат. – Кого мы убили?

– Ваш солдат погиб на просеке! Он шёл на станцию, его убило током! Почему не доложили?

– У нас все на месте! – попытался было встрять Громобоев, но получил гневную отповедь.

– Молчать! С вами сейчас не разговаривают! Будем говорить в другом месте, в политотделе! – оборвал его генерал.

– Да как фамилия солдата? – вновь сделал попытку разобраться Туманов.

– Рядовой Антоновский Василий Иванович, – прочитал в блокноте один из полковников свиты. – Водитель.

Туманов скосил глаза на Шершавникова, тот пожал плечами и зашелестел списками. Пока генерал топал ногами и распекал офицеров, Василий несколько раз пролистал список полка и пришёл к выводу – начальство ошиблось.

– Разрешите доложить, товарищ генерал, – попытался сказать майор, но был резко оборван.

– Вы кто?

– Начальник штаба.

– Бывший! Вас я тоже отстраняю!

– Но мы не виноваты! У нас нет солдата по фамилии Антоновский! – воскликнул НШ.

– Как это нет? Он погиб рядом с вашим лагерем! Нам доложили из отделения милиции.

– Может быть и рядом! А может, он заблудился, заплутал по дороге, но этот солдат не наш!

– Вам не удастся скрыть преступление! – снова взвизгнул генерал.

– А чего нам скрывать? Проверьте! – майор выругался и швырнул на стол штатно-должностной список.

– Вон отсюда! – рявкнул генерал и выгнал Шершавникова, однако после того как майор ушёл, генерал всё же распорядился проверить бумаги. Через некоторое время выяснилось – начальник штаба был прав, солдат с такой фамилией в штатном списке полка не числился. Генерал велел объявить общее построение, свита пробежалась по батальонам и ротам, проверили – все солдаты были в строю.

– Так чей же Антоновский? – генерал сбавил тон, он был явно раздосадован, что танкисты не виновны, наказать их не за что и ненавистный ему Громобоев сумел выкрутиться. – Я вас спрашиваю! Подполковник Туманов, что вы молчите? Откуда взялся в вашем лесу чужой солдат?

– Не могу знать! Вы нас отстранили от должностей! – гаркнул Туманов.

– Хватит фиглярствовать и ёрничать! Я погорячился, пока отменяю своё распоряжение. Ну? Что молчите?

Что мог сказать комбат? Видимо кто-то из соседей недосчитался этого бойца и пока ещё находится в неведении о жертве. Полковники мигом запрыгнули в «УАЗики» и помчались по другим частям, а генерал произвёл для вида инспекцию. Раз уж приехал – надо поработать. Объявил устный выговор Громобоеву за не обновлённую наглядную агитацию, велел съездить к майору Веселовскому и поучиться работе.

Начальника штаба пожурил за неопрятный внешний вид караульных и дневальных. Тем временем нашли «хозяев» бойца, ими оказались расхваленные артиллеристы. Генерал даже крикнул от досады, ведь пять минут тому назад он ставил Эдуарду их в пример, и в особенности майора Веселовского. И надо же, такая незадача.

– Работайте... пока что..., – буркнул генерал и убыл разбираться к соседям.

Ротные тактические учения завершились, предстояло провести батальонные учения со стрельбой штатным снарядами и на этом планы занятий будут выполнены. Офицеры были на взводе и напряжены до предела, работали почти на грани нервного срыва. Внезапно вновь примчалась целая толпа штабных, которые выскочив из машин, зашумели, заверещали как стая ворон.

– В чём дело? – разозлился комбат. – Завтра у нас стрельбы, а вы нам мешаете работать.

Старый знакомый полковник Алексаненко пояснил:

– Мы прибыли со служебной проверкой и по результатам примем решение: кого снять с должности, кого лишить звания, а кого отдать под суд!

– Начинается, – простонал комбат. – Что опять стряслось?

– Убийцы! – только и успел сказать проверяющий, как Туманов схватил его за грудки и крепко потрянул.

– Думай, о чём говоришь, прежде чем ляпнуть глупость! Что за новая хренотень?

– На дороге за поворотом, грузовиком, насмерть задавлен солдат. Шёл пьяный к электричке, попал под колёса.

– Фамилия? – прорычал Туманов.

– Сергейчук.

– Начальник штаба, проверь списки, есть ли у нас такой боец! Если нет, я вышвырну этого хлыща в окно.

Полковник побледнел и стал озираться по сторонам, ему явно не хотелось быть выброшенным через окно штабного кунга на глазах у «партизан».

– Позвольте, но он погиб в вашем районе!

– А мне наплевать! Я уже готов сам сбить машиной кого-нибудь из штабных или переехать на танке! У меня завтра стрельбы, понимаете? Со слабо обученными гражданскими людьми! И гранатометание боевыми гранатами!

Начальник штаба вместе с помощниками быстро просматривал штат полка и не находил погибшего. Алексаненко начал бочком двигаться в сторону выхода.

– Вы куда, товарищ полковник, – с угрозой в голосе прорычал Туманов.

– Мне надо доложить..., мне надо уточнить...

– Так надо вначале уточнять, а потом нервировать! Вот привязались к нам – пытаетесь выдать желаемое за действительное?

Но полковник уже не слышал, а вприпрыжку бежал к служебной машине. Увы, начальство опять ошиблось – вновь не повезло любимчикам начальства – артиллеристам...

План проведения учений пулемётным полком, превращённым в полнокровную дивизию, был более-менее успешно выполнен, и до завершения мероприятий оставались всего день, ночь и ещё день, и тут войска подвела погода, которая долго благоприятствовала. Начало осени выдалось хорошим, более-менее сухим (мелкие морозящие дожди не в счет, к ним жители столицы болот и хлябей терпимы и привычны), на дворе был конец ноября, ночами были заморозки, но дни хоть и были хмурыми, на землю до этого не выпало ни одной снежинки. И вдруг небо моментально заволочло темными тучами, посыпало, закружило, замело, начался сильнейший снегопад, который не прекращался три дня. Тропинки замело, солдаты не могли выйти из палаток и дурели от безделья. С ними проводили беседы, читали лекции, но всем было понятно, что дело идёт к завершению.

День окончания учений был самым ужасным. Утром полевые кухни едва удалось разогреть, повара с трудом сумели приготовить чай. Хлеб с маслом и чай? А где каша? Назревал голодный бунт, началась анархия. После завтрака старшины попытались организовать сбор имущества, но насквозь промокшие и промёрзшие «партизаны», обремененные тяготами армейской жизни побросали вещи в снег и разбрелись кто куда: одни к электричке, другие на остановки автобуса, или к попуткам.

– Стоять! Всем назад! – кричал комбат, тщетно пытаясь остановить «анархистов». – Документы никому не выдам!

– Выдашь, куда денешься, в полку сами заберём, – ехидно ответил ему пробежавший мимо плюгавый солдатик.

– А то и бока намнём, – пообещал другой, фигурой покрепче, – кончилась ваша власть...

Вскоре поляна-плац напоминала картину разгрома и паники первых месяцев войны в сорок первом году: сапоги, шапки, котелки, скомканные шинели, всё валялось беспорядочно, кучками, словно под ними была тысяча трупов уничтоженной армии.

Миновал час, и лагерь полностью опустел. Призванные из запаса офицеры некоторое время попытались помогать, но потом один за другим тоже тихо слиняли (что нам больше всех надо?), остались только кадровые офицеры, прапорщики и срочники, которые пытались спасти дорогостоящее имущество. Осеннее развертывание полка, которое началось более-менее успешно, завершилось почти полной катастрофой, не в военном конечно плане, а для тылов.

Командир полка Плотников, словно император Наполеон, объезжал покинутые лагеря, хмуро окидывал заснеженные полигоны и его душила бессильная злоба, обстановка была гнетущей, напоминала катастрофу великой «двунадесятиязычной» армии. Конечно, поздние победные репортажи были составлены, направлены в верха, но финал был скорее переправой при Березине, чем победой при Аустерлице. Имущественные потери удалось частично скрыть, что-то спасли, что-то списали (прапорщики ковыряли сугробы до самой весны собирая вещи), а командование округа поставило пулеметному полку (уже не дивизии) за учения положительную оценку.

* * *

В любой даже самой неудачной войне, надо иметь особый полководческий талант, чтобы свое поражение суметь объявить победой, провозгласить торжества и затем долго всенародно праздновать. Природный талант полководца был у Александра Великого, Ганнибала, Цезаря, Суворова, Наполеона и у многих других, но гораздо большее число бесталанных генералов и маршалов достигали своих головокружительных карьерных успехов либо в штабных интригах, либо при помощи и содействии влиятельных родственников, жён и любовниц, и даже потерпев сокрушительные поражения, они часто ухитрялись выйти сухими из воды, да ещё с боевыми наградами и почестями.

В последние годы маршалам и генералам нечем было особенно похвастать, батальных сражений не случалось, а в мелких конфликтах они, даже не одерживая побед, коллекционировали ордена и юбилейные медали. Но Афганистан, Ангола, Эфиопия, стычки на границах – разве

их можно сравнить с Полтавой, Бородино, с битвой за Берлин? Масштаб не тот, нет желаемого размаха. Досадно...

Так что в наши дни и отчет об успешных учениях – победа! Потери людские и в технике минимальные, а это главное. И пусть победа эта липовая, и одержана генералами на бумаге, но все-таки...

* * *

После окончания никому не нужных учений возобновилась обычная тихая рутинная служба, утреннее построение, лёгкая перебранка начальников, постановка задач. Далее неторопливый перекур и по казармам. Пулеметный полк тем временем начали активно реорганизовывать: укрепрайон консервировать с последующей ликвидацией (этот процесс пошёл сам собой, особенно с началом массового выделения жителям города земельных участков, в том числе участков вместе с дотами и артиллерийскими капонирами), а офицеров разгонять кого куда. Одним нашли должности на создаваемой базе, причём с повышением в званиях, другие ушли на пенсию, третьи отправились в дальние гарнизоны и тоже с повышением по службе.

Инженеры и технари неторопливо передавали технику, тыловики списывали имущество, секретчики ликвидировали ставшие теперь ненужными документы. Громобоев выпал из «обоймы». Политическое начальство (очевидно благодаря стараниям генерала Никулина) на период реорганизации вывело его за штат, и капитану оставалось ждать решения своей судьбы (хотя после окончания учений его аттестовали на вышестоящую должность). Что дальше?

Этот гарнизон Эдуарду нравился, покидать его не хотелось: коллектив хороший, завёл много друзей, служба вполне нормальная, не утомительная. Но, увы, полк окончательно попал под сокращение, и из некогда боевой единицы делали тыловую базу хранения вооружения и техники. Наступило безвременье. На душе было тревожно, в какую-то Тмутаракань с маленьким ребёнком отправляться не хотелось, личная жизнь вроде бы только начала вновь налаживаться, и наконец окончил делать ремонт в новой квартире.

Обычно после построения части Громобоев от нечего делать садился за стол в канцелярии и гонял шеш-беш то с командирами рот Демешком или Меньшовым (этим капитанам предстояло убыть к новому месту службы), то с Тумановым. Так коротал время до обеда, протирая штаны, чтобы отметить на службе. А после обеда капитан исчезал по своим личным делам.

Громобоев продолжал тайно ходить на политические собрания, посещать закрытые диспуты подпольных экономистов-рыночников, участвовать в шумных митингах и манифестациях. От безделья он днями и вечерами шатался по конференциям, дискуссиям, лекциям...

Постепенно политика захватила, увлекла и затянула Эдика в свой водоворот нешуточных страстей. Ведь весь народ в те годы ни о чём другом помимо политических тем в кабинетах и курилках почти не говорил: судили, рядили, спорили до хрипоты, хватали друг друга за грудки, когда страсти накалялись, и не находили иных аргументов в дискуссии. Даже похабные разговоры о женщинах прекратились.

Теперь Громобоев ознакомился с программами большей части общественных движений. Никакого будущего у большинства этих карликовых партий не намечалось, и для реальной карьеры или политических дивидендов предпочтительнее было бы вступить в какое-то новое движение созданное спецслужбами и облюбованное властью.

Но общаться с декоративными, марионеточными политиками Эдуарду было мерзко и противно. Однажды на митинге он наблюдал и слышал одного такого крикуна: юриста и сына юриста. Не нашёл ничего привлекательного ни в нём ни в его программе: мордатый, холёный, наглый, хам, да при всем при том несёт несусветную чушь. Политическая антреприза одного актёра. Странное дело, но политическая тусовка этого юриста обеспечена на высоком уровне: охрана, транспорт, денежные средства, печатные органы. Будь Громобоев циником, карьеристом и негодяем, то он бы первым в эту либеральную партию записался. Но от неё за версту пахло охранкой.

Тогда Эдуард кинул взгляд, в противоположную, как ему показалось, сторону. Крайне правую нишу политического поля занимали «Памятники». Ещё одна мерзость. Сплошной безмозглый оголтелый национализм и антисемитизм, выплеснувшийся наверх из мутного застойного болота. Когда болото реагирует на что-то постороннее, то выделяет обильные газы. А ещё «Памятников» можно было ассоциировать с душком из выгребной ямы. Эти мордатые ребята явно подкармливались властями – видимость демократии и плюрализм мнений, и одновременно угроза приличному обществу и иностранцам: смотрите, кто может прийти вместо нас! Бойтесь!

Эдуард прошелся по кругу, по всем митингам, явкам, сходкам, маршам, демонстрациям и в результате не нашёл ничего более приличного чем посещаемый ранее «Народный фронт». Большая часть демократов – люди порядочные и интеллигентные, сплошь младшие

и старшие научные сотрудники, поэты, журналисты, инженеры, кочегары, истопники, ночные сторожа и экономисты.

Весьма увлек Эдуарда своими зажигательными речами один такой молодежавый огненно-рыжий, чубатый (капитан случайно попал на закрытый научный и почти подпольный диспут). Говорил этот экономист красиво, убедительно, обещал манну небесную, стоит только сменить правящий режим, отменить командно-административную систему, ввести рынок...

«Хм, рынок... – недоверчиво про себя ухмыльнулся Эдик, – видали мы этот рынок! Там армяне такие цены держат – не подступишься! Мясо с рынка – втридорога, фрукты – кусаются, о рыбе нечего и говорить...»

Громобоев мужественно высидел весь экономический диспут в небольшой аудитории Дома творчества, и под конец мероприятия уже уяснил, что рынок – это не «толкучка» и не «базар», а экономическая система. А он-то по наивности подумал, что этот рыжий решил ввергнуть страну в какие-то первобытнообщинные отношения, в натуральное хозяйство. Оказалось рынок – это путь в капитализм!

– Государство не в состоянии обеспечивать достойной зарплатой всю страну! – вещал рыжий, встряхивая густым чубчиком. – Оно может держать население только на пособиях. Плановая административно-командная экономика изжила себя ещё сорок лет назад, страну спасли нефть и газ Тюмени! Этот экономический труп регулярно подпитывается нефтедолларами. Но стоило нефти подешеветь и добыче упасть, как страну затрясло.

– Но ведь раньше всё было в магазинах! – задал вопрос кто-то из зала. – Куда товары исчезли?

– Нас надломил гонка вооружений, помощь братским народам Азии и Африки, странам социализма, финансирование и содержание коммунистических партий, и особенно война в Афганистане! Экономика Советского Союза составляет всего десятую часть объема американской экономики, но мы постоянно пытались достичь паритета в вооружении. Но если раньше оборонка занимала примерно треть объема экономики, то с приходом бывшего производственника Устинова в Министерство обороны военный заказ превысил все мыслимые пределы. Предположим, заводы произвели на миллиард продукции, рабочие получили зарплату, положили деньги на книжку или пошли в магазины, а товаров в магазинах всего на полмиллиарда, а то и того меньше. Танки, ракеты, подводные лодки кушать и носить не будешь! Построили десять тысяч ракет, создали десятки

тысяч ядерных боеголовок и больше трёхсот атомных подводных лодок, больше восьмидесяти тысяч танков, десятки тысяч самолетов. Уголь, руду, нефть добыли, выплавляли чугуны, сталь, произвели военную продукцию, но это ведь не товары! И вдобавок тьму оружия подарили «друзьям» в кредит, в основном безвозвратно. Необеспеченный товарами денежный навес у населения накопился в триллионы рублей. Продукция страны неконкурентоспособна на мировом рынке, технологически мы отстаём на десятки лет. Сельское хозяйство загублено, запущено, развалено – ежегодно закупаем пшеницы больше двадцати миллионов тонн! Либо пушки – либо масло! Демилитаризация экономики, рынок, приватизация!

– И что же надо сейчас делать? – спросил скромный худощавый парень в очках.

– Лишние и необеспеченные товарами деньги у населения необходимо срочно изъять, а экономику заставить работать. Ведь повсюду не товарно-денежные отношения, а бартер, между предприятиями, между отраслями, между областями и республиками. Бартер, бартер, всюду бартер! Запретительные барьеры, торговля с зарубежными государствами парализована, опущен «железный занавес». Нужно сократить армию, сократить чиновников, сократить государственные расходы, особенно военные, заморозить стройки века.

– И как же можно изъять деньги у населения? – опешил Эдик.

– По-разному: по-хорошему или по-плохому, но всё равно любое решение будет за счет народа. Можно провести деноминацию рубля, можно заморозить вклады, это конфискационный путь, а можно продать людям землю, магазины, заводы, излишки мобилизационных ресурсов. Провести приватизацию плохих предприятий...

Рыжий отхлебнул из стаканчика водички и ещё в течение часа отвечал на нескончаемые вопросы из зала. Эдуард покинул собрание в смятении.

«Как же так? За что деды воевали и кровь проливали?» – мучительно размышлял капитан. Ведь всю сознательную жизнь его учили и готовили к борьбе с загнивающим капитализмом и империализмом, и вот этот рыжий решил его втянуть в проклятый капиталистический образ жизни? Предлагает стать буржуином?

С рыжим экономистом на встрече дискутировало несколько молодых экономистов, лет под тридцать и чуть за тридцать, кто-то соглашался, кто-то не соглашался и гневно обличал, кто-то яростно защищал. Случись это мероприятие года три-четыре назад, Эдик без раздумий

швырнул бы в них гранату и добавил автоматную очередь, по этому рассаднику ревизионизма, мелкобуржуазному гнезду. Капиталистическое сборище!

Но за последние годы Громобоев успел вкусить, и был сыт по горло прелестями плановой социалистической экономики: очереди, талоны, купоны, повальный дефицит. Из командировки на уборку урожая он вынес главную мысль – сытой этой стране не бывать, потому что если и вырастят, то не могут убрать и сохранить. Сплошное «без» или «бес»: бесхозяйственность, бездорожье, безденежье, безмозглость, безумие, бесправие. И так далее.

«Ну ладно, рынок, так рынок, лишь бы лучше жилось, и магазины наполнились товарами», – бурчал себе под нос Эдуард, шагая с собрания по заваленной снегом дорожке. – И верно, что хорошего мне рядовому гражданину от этой системы, в которой ничего невозможно купить и следует все товары доставать? Понаделали талонов и купонов, а теперь мучайся с ними. Вчера ходил отоваривать тётчины талоны на мыло, стиральный порошок, сигареты, спички, мясо, колбасу, сыр... Целый список! Приволок целую сумку мыла и порошка, еле дотащил. Зачем? Набрал впрок. Но ведь прочих товаров из талонного списка не было. Рачительная тётка добытое добро засунула под ванну. Кладовка была переполнена закупленным разным нужным и ненужным товаром. Всё исчезло с прилавков, трудно что-либо достать законопослушным гражданам: нет ни колбасы, ни мяса, ни сыра, ни водки, ни сахара. Где же закрома Родины?»

Кстати, в этот список граждан, удостоенных талонов и купонов, Громобоев почти год не мог попасть, так как нигде не был прописан. Вернее он был зарегистрирован при части, потом в служебной квартире, а после развода жил у тётки, и в новую квартиру никак не хватало времени прописаться. Хорошо успел вовремя развестись и сдать служебную жилплощадь, а то ведь после драки и психушки, мог вообще оказаться на улице под забором. Или в каптёрке в казарме! Но позднее даже получив талоны, не было возможности их отоварить: талоны выдавали в части областные, а найти магазин областного подчинения в пригороде Питера было проблемой. Не жизнь – сплошные проблемы!

Придя в согласие с собственной совестью по поводу отмены социализма и ликвидации Советской власти, капитан ещё решительнее зашагал к станции метро.

Политуправленцы почти месяц мурыжили Громобоева. На должность подполковника сумасшедшего капитана (по общему мнению руководства), само собой разумеется, не утвердили, а чтобы куда-то пристроить заслуженного ветерана-орденоносца (жаль, но просто так ни за что из армии не уволить), в конце концов, велели оформлять документы и готовиться к поступлению в Академию.

Глава 14. Все на демократические выборы!

Глава, в которой повествуется о начале политического плюрализма в стране, и как капитан Громобоев на свою голову решил поучаствовать в выборах.

Был канун нового года. И вот в стране объявили очередную серию новых выборов, Громобоев решил попробовать свои силы и поучаствовать в них лично. В прежние дозастойные и застойные годы выборы в Советском Союзе были самым бессмысленным занятием. Эдуард это уяснил уже в восемнадцать лет с момента своего первого участия, в так называемом, общенародном и демократическом волеизъявлении.

Дело было в конце семидесятых на срочной службе, куда Эдик загремел после школы, не пройдя по конкурсу в высшее военное училище. Рано утром, примерно без пятнадцати шесть дежурный по роте развернул меха гармони, громко и фальшиво заиграл «На сопках Манчжурии», потом «Прощание славянки» и дурным голосом возвестил обитателей казармы о наступлении дня демократии.

– Рота подъём! А ну, бегом голосовать, салабоны! Если через минуту, хоть одна сука останется в казарме – в очке утоплю! Наша часть должна первой проголосовать среди частей и соединений Московского округа! А рота должна быть первой в части!

Истощный вопль дежурного «бегом-марш!» ударил в спину уже замыкающему бойцу. Солдаты без строя, обгоняя, и толкая друг друга, помчались по очищенной от снега дорожке, прыгали через сугробы, с воплями и гиканьем вломились в клуб, и уже через пять минут, дружно побросали бюллетени в урну. Естественно опускали бумажки в урну избирательную, а не мусорную, хотя один кадр из горного аула не понял разницы, и некоторое время искал необходимый

мусоросборник. Давка и толкотня сопровождали это действие от начала до конца мероприятия: вначале у столов со списками, где получали бумажки для голосования и расписывались, затем около урны. Тот, кто желал войти в кабинку для тайного голосования, вернее заглядывал, что там за шторкой, попадал под пристальные взгляды пропагандиста и особиста. Надзирающие представители с суровыми гримасами на лицах, сразу же останавливали эти буржуазно-демократические поползновения несознательных элементов, а для особо тупых, сбоку занавески стоял прапорщик инструктор по комсомолу, который разворачивал их кругом и, поддав легкого пинка в мягкое место, отправлял назад в толпу.

Эдик с разочарованием обнаружил, что никакого выбора нет, и ему предложен лишь один кандидат, хотя само голосование придавало видимость легитимности власти. Затем выполнив свой патриотический долг, бритоголовая орда помчалась обратно, уплетать праздничный завтрак, состоявший из дополнительного яблока и булочки.

Подобная демократическая процедура повторилась и во время учёбы в военной «бурсе», и во время войны в Афганистане, но в последних выборах Громобоев был уже не столько в послушном стаде, сколько пастухом — сам подгонял своих «овечек» и выполнял спущенный сверху план единодушного голосования. Командиры бились за результат, цифра должна быть, как и положено в общенародном государстве: девяносто девять и шесть десятых процента «за»!

Ни роль «барана», ни пастуха Эдику не понравились, ему не интересен был этот фарс и имитация, хотелось нормальных выборов. Ведь выборы — это же выбор из нескольких! И что значит нерушимый блок коммунистов и беспартийных? И почему отсутствует блок не коммунистов? В чем смысл мероприятия, если в бумажку вписана лишь одна фамилия? Пусть хотя бы из двух коммунистов выбирали одного, или же чтобы второй был беспартийным... Зачем нужны эти девяносто девять и шесть десятых процента «за»? А если девяносто девять и пять десятых? Это что уже поражение? Полный провал фарса? А если блок наберёт девяносто восемь процентов? Катастрофа и позор? Конечно, беспартийных в большом количестве на выборы допускать было нельзя. Однажды Эдику пришла шальная и забавная мысль, вдруг бы именно эти беспартийные взяли бы, да и победил! И что тогда делать дальше Генеральному Секретарю? В отставку?

* * *

...Но теперь на пороге девяностых годов в воздухе запахло реальными переменами, всюду повеяло свободой и демократией, а новый курс руководства высочайше позволял некоторый либерализм, поэтому можно было пойти кандидатом в депутаты независимо от членства в партии, помимо воли горкома и райкома, через трудовой коллектив, общественную организацию или даже самовыдвиженцем. В начале по всей стране прошли самые первые альтернативные выборы в Верховный Совет СССР. Эта кампания для Эдика совсем не удалась, потому, что к ней он был ни морально, ни психологически ещё не готов.

Громобоев наивно попробовал избираться от комсомола, так как с другими общественно-политическими организациями на тот момент он не был знаком, а вступить в ряды разрешённых обществ, типа каких-нибудь филателистов, нумизматов, пчеловодов, садоводов тоже бессмысленно – они не имели права выдвигать депутатов. Переполненный духом романтизма, почти к окончанию регистрации списков от общественных организаций, Эдуард решил попытаться счастья с комсомолом. Задумано – сделано. Громобоев приехал на районное совещание и попросил слова. Слово предоставили, правда, секретарь был недоволен: указания сверху не поступало, и с этим офицером он не знаком, мало ли что ляпнет...

Так и вышло. Капитан с трибуны яростно обличал бюрократию, критиковал экономическую политику, кинул десяток лозунгов и призывов. В результате сорвал бурные аплодисменты и похвалу простых молодых ребят с предприятий. Один дельный парнишка им так восхитился, что заявил:

– Я услышал интереснейшую программу, и ставлю её на второе место после речей академика Сахарова.

Видимо именно это восторженное замечание юноши окончательно погубило дружбу с молодыми номенклатурщиками, так как они были воспитаны совсем в ином духе. Аппаратных работников не проведёшь, комсомольские карьеристы смекнули: этот Громобоев – «не наш человек!» Комсомольская номенклатура района бубнила в основном что-то невнятное, из президиума пообещали поспособствовать, но любовный союз с этими молодыми наследниками идей Ленина не задался, и далее обещаний у комсомолят дело не пошло.

Первый секретарь в перерыве мероприятия посетовал, что хотя доклад в целом хороший, но по формальным причинам выдвинуть товарища военного кандидатом в депутаты не представляется возможным.

– Вы проживаете не в нашем районе! Поезжайте в свой райком, там Вас наверняка поддержат...

Несмотря на то, что Эдику было неудобно на перекладных тащиться через половину города, чтобы попасть в пригородный район, но что поделать – пришлось ехать. А районный секретарь тотчас снял телефонную трубку с аппарата, и по местной «вертушке» созвонился с коллегой. Обрисовал ситуацию, поздравил с очередным смутьяном, которые в последнее время полезли из всех щелей, едва лишь повеяло послаблениями. Пригородный секретарь заверил коллегу, «что идейный враг не пройдет!» Поэтому Эдуард зря потратил два дня: первый день он договаривался о записи на выступление, а второй ушел на посещение Пленума. Ничего не вышло – собрание не состоялось – не набрали кворума, вернее его не стали набирать, и перенесли сборище на неделю. А через неделю уже было поздно по срокам...

Миновал год, жизнь в стране кипела, словно в паровом котле, на телевидении шли неслыханные доселе политические дебаты, шла чередой разоблачений преступлений прошлого. Через пару месяцев полностью разуверившись в светлых идеалах, и связавшись с Народным фронтом, Громобоев и сам бы уже с комсомольцами не пошёл – им стало не по пути...

Эдуард слонялся без дела в части, на вновь созданную должность вот-вот должен был приехать блатной офицер, а самого капитана всё активнее выпихивали учиться в Академию. Но в неё ещё следовало поступить, пробиться по конкурсу, несмотря на заслуги и «иконостас» боевых наград. Начальник строевой части ознакомил Громобоева с приказом – «вывести за штат, в распоряжение Командующего округом». Под ложечкой неприятно засосало. Началось...

В те предновогодние дни Громобоев в очередной раз вдрызг разругался с начальником политотдела, уходящим в отпуск и пытающимся навязать Эдику свои проблемы. Утром следующего дня капитан в расстроенных чувствах прибыл в полк и на проходной столкнулся нос к носу со старшим товарищем и коллегой по несчастью. Майор Владимир Васильевич Веселухин годами был постарше примерно лет на пятнадцать, но в должностях они пребывали равных. Васильича в последнее время сильно прессовали за гибель на учениях двух подопечных «партизан» и его карьера висела на волоске. Нелепость конечно, одного «партизана» убило в лесу током, когда мужик

шёл к электричке под дождем, и наступил на оборванный провод (почему-то сеть не отключилась), второго сбила машина – хорошо хлебнувший солдатик торопился в лагерь с рюкзаком полным водки, вот и вылез в тумане на дорогу прямо под колёса грузовика.

Но за учения Веселухин получил два взыскания, артиллеристов теперь постоянно ругали и в верхах зрело решение о снятии его с должности. Теперь Васильича спасти могло только чудо.

Громобоев в сердцах чертыхнулся и поделился своими неудачами по службе, рассказал о гонениях со стороны высокого начальства, как бы, между прочим, поведал о провале в попытках прошедшей весной пробоваться в политике.

– Чудак ты, Эдик! Ну, разве может серьёзный человек связываться с комсомольцами? Они люди подневольные, да вдобавок ещё и трусливые!

– Это я уже понял, какой они «боевой» резерв партии...

– А давай тебя на новых выборах выдвинем от трудового коллектива? Хочешь в Верховный Совет России?!

– Хочу! Да где же его взять этот трудовой коллектив в гарнизоне? Разве что банно-прачечный комбинат или парикмахерская...

– Эдуард! Думать головой надо хоть иногда! Даже контуженной! А воинская часть, чем тебе не трудовой коллектив?

Громобоев сдвинул шапку набекрень, почесал за ухом:

– А ведь действительно, коллектив! Только как это сделать? Как осуществить? Сколько согласований придётся сделать с полковым руководством!

– Легко! – ухмыльнулся Володя. – Я остался за начальника политотдела на две недели, а обязанности командира полка, точнее сказать уже базы, исполняет Смехов. А ему всё равно, сделает то, что я его попрошу. Завтра на построении предложим, солдаты дружно проголосуют, и мы напишем протокол. Иди в свой батальон, агитируй бойцов, а я своих подготовлю, да ещё в отдельные роты позвоню командирам.

– Забавно! Вот так всё запросто?

– Ну, не совсем. Например, не побоишься ли ты стать соперником Командующего? Не испугаешься гнева военного руководства?

– Нет, это меня не волнует, я ведь пойду по другому избирательному округу...

Васильич похлопал младшего по возрасту товарища по плечу, офицеры заговорщицки перемигнулись, пожали руки и разошлись.

Декабрьское утро выдалось морозным. Полк выстроился в предрасветной мгле на плацу побатальонно и поротно, над головами замерзших солдат струился холодный пар от дыхания. Задуманное приятелями дело прошло, как и планировали, без сучка и без задоринки.

Веселухин обрисовал положение в стране, оповестил о старте избирательной компании, предложил предоставить слово капитану Громобоеву. Эдуард сделал пять шагов вперед и коротко выступил. Служивый люд притопывал сапогами на месте, с каждой минутой всё более замерзая.

– Кто «за»? – спросил майор Веселухин.

Солдаты с готовностью вскинули руки, всем хотелось поскорее покинуть промерзший плац. Вторым вопросом было выдвижение самого Веселухина в районные депутаты – майору позарез необходимо было получить депутатскую неприкосновенность, чтоб не сняли с должности.

– Надо подстраховаться, – пояснил он шепотом Эдику. – Кто знает, что на уме у политуправленцев округа! А народных депутатов, даже районных, не снимают!

Протоколы оформили за полчаса, Эдик тоже подстраховался и вдобавок сделал второй протокол от Отдельной роты почётного караула штаба округа.

– Держи бумажки! – сказал Веселухин, вручая Эдику отпечатанные документы. – Сходи к Смехову, поставь печати части.

То, что подполковник Смехов остался исполнять обязанности командира полка и начальника штаба полка вместо ушедшего на повышение Плотникова – это было крайне удачно. Этот Смехов был странноватым офицером, случайно оказавшимся на высокой должности.

Громобоев пришёл в штаб, поднялся на второй этаж и постучался в дверь.

– Да-да, войдите, – проворковал хозяин кабинета.

– Разрешите войти, товарищ подполковник?

– Эдик, ты уже вошёл. Что надо?

– Владислав Вениаминович, поставьте, пожалуйста, печать, – попросил Громобоев и протянул несколько листов бумаги.

– О-о-о! Как меня уже это достало! Надо бы отдать её дежурному по полку.

– Полковую гербовую печать? – искренне изумился Эдуард. Вот это чудак! Ведь печать берегли как зеницу ока, наравне со знаменем, под дверями начальника штаба можно было простоять часами, пока добьёшься нужного результата. А то и не добьёшься, если

у начальника штаба плохое настроение или он занят делами. – Отдать печать дежурному?

– Ну да! Ходят ко мне и ходят, целый день один за другим, из кабинета не выйти. Мне надо тормоза на «Волге» прокачать, сцепление барахлит, запаску поменять, машину помыть. А я сижу как привязанный к печати...

– Дежурному...это было бы здорово, – ухмыльнулся Эдик, представляя, как все кому не лень станут шлёпать печати на фиктивных справках и липовых документах.

– На, сам ставь, а я распишусь. Да побыстрее!

Смехов протянул Громобоеву коробочку с папье-маше, печать и пресс-папье. Эдуард проштамповал, Смехов не глядя, подмахнул широким росчерком пера.

– Разрешите идти?

– Да-да. Беги, занимайся делами.

Так Веселухин и Громобоев в течение часа оформили необходимые документы, подписанные и скрепленные гербовыми печатями.

Владимир Васильевич бегло просмотрел по списку пакет документов в избирательную комиссию, проверяя комплект и соответствие, и как бы между делом поинтересовался:

– Кстати, а ты точно не псих? У тебя справка есть, что не дурак? Ведь ты теперь начнёшь тягаться за получение депутатского мандата с людьми уровня члена правительства страны, а это очень опасные и высокопоставленные персоны! Поэтому я начинаю сомневаться в твоём здравомыслии! Ты ведь не самоубийца? Я, например, даже не уверен, смогу ли выбраться в нашем захолустном районе...

Эдик хотел было обидеться на Веселухина, но сообразил, глядя на ехидную физиономию майора, что приятель грубовато шутит.

– Что-что, а справка о здоровье и дееспособности из психушки у меня есть! – ответил Громобоев и заботливо отряхнул снег с погона шинели старшего возрастом сослуживца. – А вот тебе, товарищ майор, она точно потребуется. Ты ещё меня попросишь посодествовать в получении бумажки из психоневрологического диспансера для регистрации кандидатом...

Владимир Васильевич выпучил глаза от удивления и недоверчиво спросил:

– Не врёшь?

– Вроде не вру, кажется, такая справка нужна. Но все равно надо уточнить и посмотреть перечень документов... Кстати, твоих шести

классов образования, курсов прапорщика и заочного среднего училища вряд ли хватит для анкеты.

– Не болтай, я заочно окончил институт культуры! У меня есть диплом о высшем образовании.

– Образование на бумаге?

– Вот именно! Бумажка – самое главное!

После обеда Громобоев отвёз протоколы в Областную избирательную комиссию, сдал документы по описи, а по истечении трёх недель был успешно зарегистрирован как полноправный кандидат наряду с целой толпой из двадцати претендентов.

Избирательный округ оказался гигантским, наверное, крупнейшим в республике – вся обширная область, состоящая из семнадцати районов! Эдик посмотрел на карту и ужаснулся – в какую он вляпался авантюру! На какие шиши он сможет проводить избирательную кампанию? На зарплату капитана? Да и времени свободного мало – командование не ко времени всё ж таки заставило поступать в Академию.

Но с экзаменами Громобоев расправился лихо, за один день, так как экзаменаторы вошли в положение героя войны, пытающегося пробиться на Олимп власти. У Эдика на руках был мандат кандидата в депутаты, и этот документ розового цвета действовал на экзаменаторов завораживающе. Конечно, это был не мандат времён революции, но довольно внушительная бумажка с фотографией, с гербом сверху по центру. Преподаватели долго шушукались, пока Эдик готовился к ответу на вопросы, вежливо и внимательно выслушивали, ставили положительную отметку и капитан двигался в следующую аудиторию. Он даже успешно сдал зачёты по физической подготовке, услышал результат о зачислении и убыл продолжать свою бурную деятельность.

Вполне естественно, что сдавая экзамены, Громобоев помалкивал о своих симпатиях лагерю оппозиции, и не поделился тезисами своей программы со строгими экзаменаторами, прожжёнными политработниками (никто его о ней и не спрашивал). Да никому и в голову не могло прийти, что этот симпатичный, заслуженный офицер-коммунист, политработник, орденоседец, мог идти в первой шеренге с «платными агентами иностранных секретных служб», продавшимися «за тридцать сребреников», с перерожденцами.

Однако, враки! Ни золотых, ни бумажных, ни деревянных грошей присланных с вражеского империалистического Запада, Эдуард не то что в руках не держал, но и не видел, а тем более не получал зарплату, и не находился на содержании. И на митинги сквозь строй милицейских держиморд с дубинками в руках, он шёл совершенно безвозмездно, то есть даром. Но обратной дороги не было, раз ввязался в драку, то опускать руки и сдаваться боевому офицеру не пристало! Громобоев никогда не отступал.

И начались поездки и приключения! Гатчина, Сосновый бор, Приозерск, Сланцы, Кингисепп, Волхов, Кириши, Выборг и т. д... Три месяца без усталы Эдик мотался из посёлка в посёлок, выступал по местному телевидению и радио, писал статьи в газеты, встречался и консультировался с известным социологом Кессельманом, регулярно ругался с сановными соперниками, использующими служебное положение.

Своих соперников, партийно-хозяйственных руководителей, этот настырный капитан не переставал удивлять своим нахальством и напором, а руководителями они были действительно влиятельными и крупными (крупные не только фигурами, но и должностями). Самый неприятный в общении был прожженный партократ Ворфоломеев (его характеру очень соответствовал первый слог фамилии). Именно этот товарищ работал заместителем председателя областного исполнительного комитета. Но перед народом он любил называться профессиональным экологом, так как недавно возглавил вновь образованный комитет по экологии (или борьбы с экологией?).

Второй босс руководил птицеводческой отраслью сельского хозяйства и работал директором объединения «Птицепром» (хозяин «курятников», как в шутку говорил журналист, один из соперников-кандидатов). Эти «курятники» на самом деле были гигантскими птицефабриками, со многими тысячами работников и директор объединения в новых хозяйственных условиях являлся богатейшим человеком в регионе. Среди массовки был уже упомянутый ранее журналист, учительница, директор швейной фабрики, член-корреспондент ВАСХ-НИЛ, профессор педагог от ингерманландского культурного сообщества (как шутил Эдик, и финн-ученый всё ходит в области кругом).

Кампания стартовала ни шатко, ни валко: был выдан на руки план официальных, организованных встреч, список необходимых документов для регистрации доверенных лиц и Громобоев с искренним

любопытством отправился в далёкий путь на перекладных. Начальников, пожелавших стать народными депутатами, везде встречали и сопровождали районные руководители, им помогали команды клерков низового уровня, интервью с ними печатали на первых полосах местные многотиражные газеты, доверенные лица изготавливали и распространяли листовки, их платные агитаторы подкупали жителей подарками и подачками.

Эдуарду оставался только политический эпатаж и популизм. Однажды во время шумных дебатов в районном Доме культуры, он так завёл избирателей (умело возбудив неприязнь к «жирным котам», это меткое определение им дал один местный житель), что самые буйные представители возмущенных народных масс, по окончании мероприятия, прокололи все колёса у белой и у черной «Волг», побили стёкла. Боссы на некоторое время лишились своих «членовозов» и вынуждены были заночевать в райцентре.

* * *

К началу марта у Громобоева совсем отказали «тормоза», он даже на некоторое время забыл, что он по-прежнему военный и продолжает находиться на «государевой службе». За последние месяцы он появился в бывшем полку лишь дважды – и то за получкой. Быстренько расписывался в денежной ведомости, пересчитывал деньги и улёпётывал, скорее прочь за ворота КПП. Попытки поставить его в «строй» предпринимаемые новым руководителями БХВТ (базы хранения вооружения и техники), Эдик игнорировал, особенно после успешной сдачи экзаменов в Академию.

Отголоски шумной кампании всё чаще доходили до ушей командования, оно гневалось, и эхо гнева настигло Эдика в самый неподходящий момент. Конечно, эти отзвуки были по сути неприятными, но не смертельными: то коммунистическая областная газета раскритикует «так называемых демократов», играющих на популистских настроениях избирателей, то другая городская газета опубликует гневное письмо ветеранов, клеймящих позором «перевёртышей» и «перерожденцев», переметнувшихся в лагерь классовых противников. И всюду в списках «врагов родины» фигурировала фамилия Громобоева.

«Здорово я им досадил!» – ухмылялся капитан и даже радовался, что досадил и замечен коммуно-фашистами, а также и пишущими пасквили проплаченными прихвостнями. Правда, он одновременно

опасался этой преждевременной огласки взглядов и убеждений, как бы досрочно не сняли с гонки. — «Рано, ох рановато пока ещё полностью демаскироваться! Ну да, победителей не судят!»

А то, что ему предстояло победить на выборах, он ни на секунду не сомневался. Острые и язвительные антикоммунистические заявления дерзкого капитана против командно-бюрократической системы, против всеислия парткомов и горкомов, вызывали у избирательных штабов обоих чиновников ответную ярость. Несколько сталинистов-ветеранов накатали (по старой стукаческой привычке) письмо-кляузу, форменный донос в стиле тридцатых годов. Письмецо как назло попало в руки к старому знакомому — к заместителю начальника Политуправления генералу Никулину.

И видимо генерал обрадовался очередной возможности поквитаться с несколько подзабытым недругом, неприятным типом (ну да какой из Эдика враг — мелочь под ногами), велел вызвать смутьяна на беседу и устроить ему хороший разнос.

Первому заместителю Члена Военного Совета легко сказать и приказать, а как это распоряжение осуществить подчинённым? Ведь Громобоев находился в служебном предвыборном отпуске, катался, куда хотел на автобусах, можно сказать был в бегах! В виду участия в выборах, Закон позволял находиться в длительном каникулярном отпуске. Телефона в квартире капитана не было, посыльные дома застать его не могли, оставалось лишь оповещать записками, которые он тоже игнорировал.

Новый начальник политотдела полковник Василий Казачков не привык к тому, чтобы подчинённые на него чихали, и был взбешен. Полковник написал письменный приказ и послал посыльного — очень толкового сержанта-комсомольца. Эдика дома не было, сержант позвонил в квартиру, подождал, вновь позвонил, и в итоге служебная записка оказалась в почтовом ящике. Так или иначе, но через пару дней Громобоев узнал о розыске, что над головой сгущаются тучи, что его желают «отлюбить» и досрочно снять с дистанции.

Этого свинства Эдуард никак не мог допустить, уж очень он крепко втянулся в процесс: участие в создании народного фронта и социал-демократической партии, выступления на митингах, статьи в газетах. Впереди был ещё прямой эфир на телевидении и сам день выборов — оставалось продержаться всего неделю! Надо лишь немного побыть вне сферы влияния армии, вне досягаемости. Что-что, а уйти в «подполье» на пару недель он смог легко.

А посыльный сержант продолжал регулярно приносить депеши от руководства. Бывший комбат и начальник штаба порою просили заступить дежурным по полку, но выборы – есть выборы! Никаких поползновений и вмешательства в демократический процесс! Сказано в приказе Командующего, что капитан Громобоев за штатом – значит за штатом! Тем более Эдуард в тот момент находился в законном отпуске.

Начальство продолжало топтать ногами, пытаясь вызвать его на ковер, но мятежный капитан ушёл в глубокое подполье, законспирировался, ударился в длительные бега по избирательному маршруту...

Глава 15. Кооператоры

Глава, в которой Эдик заводит политических союзников, узнает много нового и забавного о формах и методах работы социалистической экономики.

Это были интереснейшие и самые увлекательные дни в жизни Громобоева, он узнал много занятного, и нашёл на свою задницу новые приключения. Вместе с ним в выборах принимали участие настолько разные люди, что Эдуард действительно поверил в то, что пришли перемены, начался разнузданный разгул неуправляемой демократии. Поначалу в этом избирательном округе было выдвинуто или попыталось зарегистрироваться пятьдесят человек, в том числе и главный вольнодумец страны Борис Николаевич, который в глазах партийных чинуш был во всем неправ. Ого! Один из соперников сам Ельцин! О, Боже, как с таким сильным конкурентом бороться?

Однако встретиться и пообщаться с глазу на глаз не довелось, будущий первый Президент России, поблагодарил за доверие жителей области, взял самоотвод и выдвинулся в родном регионе. Примерно тридцать желающих пойти во власть не сумели правильно и вовремя оформить документы, поэтому им не удалось пройти сито регистрации.

Поначалу на всех конкурентов Громобоев смотрел одинаково: как на потенциальных противников-соперников и даже почти врагов. Однако помимо неприятных индивидуумов, в списке соискателей депутатского мандата оказались вполне достойные люди, и после первой же коллективной встречи в ДК города Сланцы холодок неприязни растаял,

недружелюбие прошло, а после употребления коньяка в буфете отношения стали даже приятельскими.

Один новый знакомый был лидером кооперативного движения, членом партии Демократического Союза с редкой фамилией Дериг, второй давний диссидент, инженер Иванцов из «седого Волхова». Вся троица демократов быстро нашла общий язык. Новые товарищи оказались колоритными личностями, особенно Эдуарду понравился инженер. Этот Иванцов в прошлом был совсем не простым инженером, а главным энергетиком крупнейшего комбината, по едкому определению Громобоева он тоже был махровым, так сказать, прожжённым кооператором. Сам Олег Игоревич Иванцов этого термина – кооператор не любил: представлялся директором новейшего экологически чистого производства, по созданию гипсового строительного материала, бизнесменом новой формации.

В следующей поездке в Приозёрск, они согласно намеченного плана, участвовали в коллективных дебатах. Кандидаты поселились в одном двухместном номере гостиницы, и Иванцов с первых же минут общения очаровал Громобоева своим обаянием и эрудицией. Инженер был милейший дядечка, постарше Эдика лет на пятнадцать, но прекрасно сохранившийся благодаря правильному образу жизни. Роста чуть ниже среднего, немного близорукий, но живчик, гимнаст, лыжник, почти ни грамма лишнего веса, профессиональный турист, любитель бардовских песен и поэзии Высоцкого. Главный инженер держался с капитаном Громобоевым на равных, потребовал обращаться без выканий, просто по имени. Так сразу и повелось: Олег и Эдуард.

Судьба инженера Иванцова сложилась не просто, он всю свою жизнь пытался бороться за правду и справедливость, против жуликов и мздоимцев. Правдоискатель! Набил много шишек, а когда стал ведущим инженером на комбинате, то попал под жёсткий пресс спецслужб. У Олега Игоревича была неудержимая тяга к свободомыслию, поэтому он регулярно слушал «вражеские голоса» и читал «самиздат». На том, как говорится и погорел. Однажды к нему через друзей по институту из Ленинграда попала перепечатка запрещённой в то время книги «Архипелаг Гулаг». Он прочёл её запоем, и как водилось у либеральной интеллигенции, соблюдая принцип: прочитал – передай другому, предложил старому товарищу и коллеге.

Олег Игоревич думал, что это лучший и проверенный годами друг, который не предаст, а тот испугался. Товарищ посоветовался с женой

как поступить, она подсказала как, и он трусливо поспешил с доносом в районный отдел КГБ (Комитета государственной безопасности).

– Понимаешь, Эдуард, я за один тот день едва не потерял веру в человечество! – с горечью в голосе рассказывал инженер Иванцов, покачивая бокалом, и гоня на доньшке несколько десятков капель тёмно-янтарно напитка. Откровенно говоря, коньяк был говённый, как и жизнь в глубокой провинции, но что приличнее можно найти на окраине захолустного городишки? Поэтому приходилось радоваться, что хоть какой-то коньячишко имелся в продаже (пусть и купили его втридорога), и наслаждаться тем, что случайно добыли. Нахлынувшие воспоминания вызвали массу эмоций, Олег Игоревич снял очки, протёр стёкла, водрузил обратно и продолжил рассказ.

– Эх! Я ведь с ним был знаком с детских лет! Вместе учились в школе и в институте, вместе за девочками бегали! И тут он вдруг испугался и подло предал. Винился потом, жена, мол, велела, заставила, подлюка... Да, жена действительно у него была сука отменная, змеюка подколотная! Но это бывшего приятеля не оправдывает ни сколочко. В общем, позудила, мол: «загредишь на Колыму, а мне одной с детьми мыкаться, седьмой год квартиру не можем получить, так и вовсе в барак загнать хочешь? Сошлют всех на поселение! А ну иди и доложи на Иванцова!»

Он и пошёл как телок. Накатал заявление: хочу написать чисто-сердечное признание и готовность к сотрудничеству. Его стерва размечталась, что это добровольное стукачество продвинет очередь на жильё: компетентные и партийные органы примут во внимание сексотские заслуги перед Родиной, они таким путём выслужатся и квартирку получают поскорее. А вышло всё наоборот – их вычеркнули из списка на получение ордера в новом доме, как неблагонадёжных! «Нашим людям», недозволенное – читать не предлагают! Так они и остались прозябать в коммуналке. Я же наоборот, как не смешно это выглядит, в прошлом восемьдесят девятом, получил трёхкомнатную квартиру! Хоть и старенький проект, малометражка, но это хоромы в сравнении с тем как мы с семьёй двадцать лет жили! А ордер на эту квартиру мне дали именно как пострадавшему от политических репрессий! Я возглавляю в нашем городе Народный фронт, вот видно власти надумали этим меня умаслить, успокоить протестные настроения.

Так вот, вернусь к рассказу о той истории. Чекисты произвели обыски, и ничего нигде не нашли: рукописи не было ни в квартире,

ни на даче, ни в гараже, ни в домике у тёщи. Спасло то, что прочитав рукопись, я хранил её не дома, а все листики были на работе: в тайнике рабочего стола, под крышкой с двойным дном, никто из сыскарей не мог даже предположить о такой дерзкой выходке. В квартире кроме радиоприёмника никакого компромата, однако, отечественный транзистор к делу не пришьёшь. Так или иначе, но нервы мне попортили: домой регулярно провозжали «топтуны», у подъезда дежурил передвижной пост в «Москвиче», на заводе меня «пасли» парторг и комсорг. В итоге я в показаниях объяснил всё завистью, мол, приятель и его склочная жёнушка подло оклеветали.

Некоторое время меня ежедневно таскали на допросы, вызывали либо повестками, либо по пути домой подхватывали на служебной машине, пытались нервировать. И поначалу, заведя дело, следователь аж подпрыгивал в кресле от радости, сиял, словно новый отштампованный рубль на монетном дворе. Он ведь думал раскрутить масштабный антисоветский заговор в нашем городке, писал рапорта о происках западных спецслужб и проникновении вражеских сил в «Волховстрой», и месяц за месяцем этот майор с бесцветными холодными глазами, мучился со мной, и все впустую. Я же в полной отрицаловке: отвечал одно и то же, мол, это наветы недругов и завистников, шизофреников, патологических кляузников.

Майор каждый день бубнил вопросы, как заведённый, под магнитофонную запись: где прячу, откуда у меня рукопись, кто передал, сдай по-хорошему, добровольно, облегчи свою участь... Я улыбаюсь в ответ и вежливо отвечаю: не читал, не ведаю, не знаю, не видел... Дело вели культурно, без мордобоя, без пыток, без рукоприкладства – времена-то уже не те – на дворе не тридцатые или сороковые годы, а восемьдесят третий!

Но могло обернуться и хуже, как назло с началом следствия к власти в стране пришли товарищи из КГБ во главе с Андроповым, и их младшим коллегам на местах следовало показать работу. Наверное, понадобились показательные процессы. На счастье продержались они недолго, вождь умер, наступил период болотного затишья с престарелым Константином Черненко на верху, а затем пришли новые веяния.

Итак, через месяц после кончины Андропова всё само собой утихло, дело замялось, вернее сказать его отложили на время. В итоге мне повезло, Бог миловал. Майор-следователь понудил для профилактики, да и отстал. Так я ни в тюрьму не сел, ни сослан не был, даже

в психушку не попал как приличный диссидент. А с началом «Перестройки» многострадальный роман «Архипелаг» стало можно спокойно читать в журналах, издана книга. Вот такая занимательная история произошла со мной. Но нервы моему семейству, конечно, испортили, да и ущерб материальный нанесли: квартиру, гараж и дачу мне перевернули вверх дном. Хотя была и польза, огород добросовестно перекопали, после того как поступил второй сигнал от «доброжелателей» о тайнике на садовом участке!

* * *

Следующий групповой выезд кандидатов был в Кириши. Вволю пошумев в Доме культуры, «безлошадные» соискатели депутатского мандата возвращались дребезжащей «народной» электричкой. К Эдику и Иванцову присоединился кооператор Александр Дериг со своей миловидной помощницей Людмилой. Эдик хотел было положить на неё глаз, но быстро понял, что подмигивания делу не помогут, и «шеф» свою помощницу ласкает не только глазами. Поэтому Громобоев прекратил мысленно «грязно» приставать, достал из портфеля бутылку водки, закуски и начал угощать товарищей.

Дорога была долгой, спиртное и закуску припас не только капитан, но и Дериг, а времени на разговоры было достаточно, почти три часа. Выпили, повторили, завязалась интересная беседа. Каждый по очереди поделился своей забавной антисоветской историей из периода застоя. Эдику тоже было, что рассказать. Он поведал, как ещё учась в школе, в десятом классе, в Днепродзержинске, втроём с приятелями, замыслили прилепить на бюст Леонида Брежнева, на клей, портрет самого же генсека, а на обороте написали призыв к отставке.

– Нам явно повезло, родители накануне обнаружили нашу прокламацию, меня выпороли, друзей прогнали, а листовку сожгли. Нас бы наверняка поймали во время вылазки, ведь бюст стерегли несколько скрытых милицейских поста в соседних магазинах, и ночью вокруг площади курсировала патрульная машина. Спустя годы во время учёбы в училище я несколько раз отправлял по почте без обратного адреса письма (точнее три письма) из разных городов, с обращениями в Политбюро, продолжал сочинять разные протестные заявления от несуществующих, вымышленных политических организаций. Тщательно конспирировался, писал левой рукой, стирал отпечатки пальцев, одно письмо отправил из Москвы прямо со Старой площади, бросил в почтовый ящик у здания ЦК!

Дериг и помощница Людмила насмешливо переглянулись и перемигнулись. Эдик заметил иронию, но не обиделся, он и сам теперь понимал глупость и наивность юношеских поступков.

— И всё же очень интересно было узнать реакцию «компетентных органов» на мои письма! Доходили ли до адресата воззвания «Военно-гражданского революционного комитета»? Искали авторов?

— Наверняка искали, а поймай тебя, лечили бы... — заверил Иванов. — И раз не нашли, значит хорошо маскировался...

Подошла очередь рассказывать третьему кандидату. Александр Дериг был диссидентом со стажем, в прошлом ученый-биолог, а ныне вольный кооператор.

— Эх, вы, конспираторы. В чем-чём, а в антисоветской деятельности в отличие от вас, я участвовал открыто. Пока вы тщательно маскировались, мы с Людой особо не таились (с этими словами Дериг нежно обнял женщину за плечи): участвовали в тайных и открытых собраниях, подписывали письма протеста Хельсинской группы, на конспиративных квартирах дискутировали на закрытых экономических семинарах. В восьмидесятых я вступил в сразу же запрещённый Демократический Союз. Из НИИ за диссидентство меня попросили при Андропове, это было забавно и символично, ведь покойный академик Павлов слыл ярым антисоветчиком и антикоммунистом. Но несколько лет я умудрился продержаться в институте его имени, наверное, «павловский дух» ещё витал в стенах этого учреждения, а возможно потому, что наша «научная шарашка» находилась в лесу далеко от Смольного, за городом. Но вот однажды, после подписания очередного коллективного письма, меня всё же «вычистили» из института, как говорится, попал под раздачу.

С плохими записями в характеристиках: «морально неустойчив и политически неблагонадёжен», стоя на учёте в спецотделе, и с увольнением по плохой статье с соответствующей записью в трудовой книжке, мне никак не удавалось устроиться ни в науку, ни в школу, ни в вуз. Кем я только после этого не трудился: грузчиком в сельпо, сторожем районного кладбища. А в глубоко пропитанный марксистско-ленинскими идеями «романовский» город имени Ленина меня допустили поработать только кочегаром в ЖЭК. В тех свободолобивых котельных я перезнакомился с неунывающими романтиками и бунтарями: музыкантами, бардами, поэтами, художниками. Я утвердился в своих убеждениях, что хороших людей больше чем плохих! И вот пару лет назад, когда дела с экономикой

стали особо плохи, власть вдруг разрешила голодному народу поработать на самого себя.

Поначалу мы с двумя приятелями занялись варкой джинсы и для этого дела создали полулегальный цех. Эта тема была крайне популярной и очень прибыльной, но недолгой. Компетентные органы нас быстро обнаружили и закрыли. К счастью всё закончилось дачей крупной взятки, да не одной, но без арестов и посадок в «Кресты». Затем мы с другими друзьями перешли на скупку сельскохозяйственной продукции, которая пропадала на полях и в закромах Родины, не доходя до холодильников населения. Но и тут ничего прибыльного не вышло, слишком много посредников к этому делу прилипало, да и криминал вертится повсюду. А какая сильнейшая коррупция!

– Верно! Коррупция разрушает и подрывает всю экономику страны, – поддержал кооператора Иванцов.

– А коммунисты её не разрушают? – в сердцах воскликнул Дериг.

– Так партноменклатура и есть главные коррупционеры! – согласился инженер.

– Ну да Бог с ними, а то ушли от темы рассказа. С заготовками дело пошло плохо, последние накопления мы спустили «в трубу». Работы опять нет, что делать? И вот однажды я совершенно случайно наткнулся на новую тему! Помогал теще по огороду на даче, она жалуется: мол, натуральных удобрений нигде не достать. Что за натуральные? Оказывается, теща ведёт речь о навозе. Вот дожили – даже с дерьмом проблемы! Это в нашей-то говняной стране нет дерьма? И тут меня осенило: мы же по золоту ходим, не в буквальном смысле слова, конечно. Власти народу раздали приусадебные дачные участки, но земля на нашем северо-западе плохенькая и её надо удобрять. Вопрос: а где взять удобрения в нужном количестве? А места знать надо! Вблизи северной столицы птицефабрик тьма-тьмушая, и с их лидером Трусовцом, уважаемые господа, мы как раз сейчас соперничаем. Куриный помёт и есть то самое золотое дно, хоть и с душком. Говорят, деньги не пахнут! Порою ещё как пахнут! Вокруг каждой птицефабрики лунный ландшафт, всё заговнено, построены гигантские отстойники с этим добром, можно сказать плещутся озера и болота куриного помёта.

С руководителями хозяйств вопрос решился без проблем, ни один не заявил, хрен вам, а не народно-хозяйственное говно. Жлобский лозунг: «не дадим, сами съедим!» – не прозвучал ни разу. Проблема лишь в упаковке и транспортировке товара. «Душистые» ручейки

от гигантских клоак, не проведёшь к каждому садоводческому кооперативу или к отдельному огороду. Рационализаторская идея созрела тоже быстро — наполнять в двухсотлитровые бочки. Дачники рады вдвойне: и ценный продукт для огорода и бочка в подарок.

Взялись мы за дело энергично, с энтузиазмом. Купили лопаты, спецодежду, сапоги. Первые дни сырьё грузили в бочки лопатами, что крайне непроизводительно и слишком вонюче. Конечно, лопатой махать мне было не в первой, опыт работы в котельной большой, но, то был уголёк для топки, а тут...

Честно говоря, пахло от нас как от настоящих ассенизаторов, после смены не отмыться шампунями и не забить запах одеколонами. (При этих словах Дерига помощница Людмила густо покраснела и посмотрела на своего кумира с ещё большим обожанием.) Запахи запахами, зато у фирмы сразу появилась хорошая копейка. Мы вначале арендовали, а затем выкупили колхозный списанный «ЗИЛ-130». Быстро поняли, что надо усовершенствовать производственный процесс. Раскинули мозгами, напрягли инженерную мысль и придумали: подсоединили гофрированные шланги к стокам, по которым вытекает «продукт», чтоб с лопатами не возиться и свежую продукцию сразу направлять на конвейер — только успевай вывозить! Итак, работа наладилась, встала на поток («поток» был полноводным и густым), дело пошло гораздо быстрее, а условия работы стали чище. Наполни ёмкость, завинти крышку, закатай бочку в кузов по трапу и берись за следующую. Несколько часов работы и машина полная — успевай — развози по адресам. Я уже сам не грузил — занимался сбытом и поиском клиентов. Отбоя не было от желающих заполучить наш «товар», вернее куриный помёт. Спрос превышал предложение. Итак, почти всё для процветания кооперативного предприятия мы имели: товар, клиенты, наши рабочие руки, транспорт. Но нет одного компонента — тары! Бизнес едва не застопорился и почти зашёл в тупик. Дружно ломаем головы, где взять бочки? Ведь ёмкости безвозвратные — вместе с продукцией дарим их дачникам.

Постепенно я совсем перестал работать в бригаде, моей главной задачей теперь были поиски бочкотары, ведь мы оперировали заказами уже на тысячи наполненных ёмкостей! Каждый день вставал чуть свет и метался по свалкам, по базам, по складам: там ухватишь десяток, тут сотню, а надо гораздо больше! Наконец добрался до заводов, прошерстил все предприятия куда пускали. И тут привалила удача — на одном из многочисленных заводиков я обнаружил

настоящий клад, вернее сказать, один приятель случайно навел на него. Проник за проходную и вижу, действительно, заводская территория завалена пустыми бочками. Они либо громоздятся вповалку, как попало, либо упорядоченно стоят в штабелях в несколько рядов. Руководству девать их явно некуда. Вот он наш второй компонент капитала валяется никому не нужный!

Мчусь к директору, а тот в отпуске. Вот незадача! Тогда бегу к главному инженеру, так мол, и так, продай бочки, позарез нужно! Он от меня отмахивается как от назойливой мухи: «не до тебя, план горит, и зарплату платить рабочим нечем – замучили задержки с финансированием. Сколько надо штук? Одну? Две? Так бери, даром только вывози!»

«Поясняю, мне надо много бочек!»

«Много? Тогда выписывай через кассу, по три рубля, оплати и забирай, только учти – у нас самовывоз! Сколько увезёшь машиной?»

Я ему: «А вы сколько дадите?»

Главный инженер напрягся, подумал и снова: «Да не тяни ты резину! Пятьдесят? Сто штук?»

Снова уточняю: «А сколько всего их на заводе валяется?»

Он снова уставился на меня: «Да кто ж их считал? Бочек как видишь тьма, во дворе, на складах, на свалке, да ещё в цехах стоят. Может быть десять тысяч. Говори точнее, сколько тебе надо!»

Я тогда заявляю ему: «беру тысячу!»

Инженер оторопел, глаза на меня вытаращил, затылок озадаченно чешет и переспрашивает, не ослышался ли?

Говорю в ответ: «Нет, не ослышался, первую тысячу сразу заберу!»

Инженер радуется: «О! Да я и завод выручу, и территорию очищу, и деньги живые люди получат».

Спрашиваю тогда в надежде на снижение цены за оптовую поставку: «А если пять тысяч бочек или десять тысяч? Тогда почём?»

Кивает головой и говорит: «Столько бочек у нас есть, но тогда, отдам по пять рублей! Иди и плати в кассу...»

Ну и чёрт с ним, я был вне себя от счастья, и переплатить не жалко! Сразу внёс стоимость всех десяти тысяч бочек, раз привалила такая удача, то надо пользоваться и запастись. А ну как конкуренты появятся? Сколько можно по свалкам бегать в поисках тары...

Дело закипело, мы с друзьями перестали заниматься черновой работой: наняли несколько машин и несколько бригад, обслуживали все ближайшие птицефабрики, народ трудился в поте лица: каждый день по сотне бочек наполняли «продуктом» и далее доставляли на дачи.

Лето – полевой сезон в разгаре! Деньги, словно то дерьмо с птицефабрики стекались ручейками к нам в карманы. Чудеса, волшебство, мечта алхимика, несложная операция и дармовой помёт превращается в денежные знаки эквивалентом в сто рублей! А потом можешь идти скупать золото и бриллианты, если это мечта всей жизни. Вот она, настоящая алхимия: превращение говна в золото!

Однако недолго длилась наша буржуазная идиллия. Едва «фирма» успела реализовать треть закупленной тары, как на нашу беду из отпуска вернулся директор. И надо же такому случиться, прямо с порога на проходной он сталкивается с машиной гружёной бочками. Директор орёт на вахтёра, мол, почему позволяет разбазаривать народное добро? Хватает за грудки нашего водителя, но у него всё честь по чести: накладная, квитанция об оплате, путёвка, пропуск. Директор мчится к главному инженеру и принимается выяснять отношения, а тот поясняет, что продал бочки за «живые деньги» и на них выдал зарплату и премию рабочим. Директор визжит и брызгает слюной: мол, да как ты посмел!? народную собственность буржуйам!!! кому продался! вонючим кооператорам?

Инженер пытается пояснить:

– Бочки ушли кооперативу «Фиалка» по пять рублей штука! Выгодная сделка, и деньги получили и территорию очистили от хлама: освободил цеха и склады, товарищ директор!

– Ах, значит всё же кооператорам!? Я на сделки с совестью не пойду! Хрен им, а не наши народные, социалистические бочки! Новоявленным буржуйам объявляю войну! Сколько с них взял? По-настоящему сколько? Сознаться! Что ты мне кассой и ведомостью тыкаешь? Говори, пока для показаний к прокурору не вызвали! Сейчас же выговор влеплю! Из партии вылетит!

Короче говоря, начальники переругались. Главный инженер испугался не на шутку, хотя ещё пытался пояснить, как он замечательно организовал бизнес по-русски, что выторговал вместо трёх рублей – пять с каждой бочки. Но директору уже вожжа попала под хвост:

– Всю тару под пресс! Ни одной бочки за ворота проходной! Ничего не дам «мироедам»! Уничтожить!

Инженер, как ни пытался пояснить, мол, деньги уже вперёд получены и выданы. Что делать с деньгами? Как быть?

– Вернуть! Не нужны советским рабочим деньги эксплуататоров! – пуще прежнего кричит директор. – Обойдёмся без их подачек! Бочки смять – деньги вернуть!

Потом директор немного подумал и спрашивает:

– А договор составляли?

– Нет, всё на доверии...

– Прекрасно! Тогда всё под пресс и бочки выдать мятыми, пусть забирают металлолом!

Вот так они кинули нас! Нам к тому же ещё пришлось вывозить эти смятые бочки! Хорошо мы потеряли только пять тысяч рублей. Вот такая забавная история у меня приключилась с бизнесом по-советски...

Электричка приближалась к вокзалу, и компания вышла в тамбур чуть ранее, потому что Деригу приспичило перекурить. В полумраке стояла парочка гопников явно навеселе. Мерзавцам хотелось покуражиться, затеять драку с прилично одетыми людьми, поставить на место «гнилых» интеллигентов.

– Федь, ты поглянь, какая очкастая! Выпендрилась, расфуфырилась...

– Миха, а ты бы её стал?

– Ну, ништяк, если с пивом, то потянет...

Щёки Людмилы вспыхнули и стали пунцовыми. Женщина не знала, как правильно среагировать на пошлость и потупила глаза.

Громобоев, не вступая в ненужные разговоры, так как это занятие было бессмысленным, со всей силы наступил каблуком правого сапога на носок ботинка ближайшего негодяя (в этот день он невероятно удачно оказался обутом в подкованные хромовые сапоги), мгновенно перенёс вес корпуса на эту же правую ногу, а левой без замаха, с носка, врезал второму в пах.

Первый из подонков, по имени Федя, подпрыгивая на одной ноге и воя, выхватил из кармана нож и направил лезвие в бок Эдику. Наверняка зарезал бы, но спас Иванцов. Инженер подставил свой портфель под удар, лезвие проткнуло его до половины. Олег Игоревич выбил нож из руки распоясавшегося хулигана и ударом в челюсть свалил подвыпившего хама на пол. Второй гопник, согнувшись пополам, потирая ушибленное место и подвывая, тоже попытался что-то вынуть из-за пояса, но получил крепкий удар кулаком по голове от старого кочегара Дерига. Этот хорошо поставленный удар вырубил наглеца надолго. На пол упала заточка и Эдик с силой припечатал подошву сапога к лицу головореза. Что-то чвакнуло и вроде бы хрустнуло.

– Уходим! – решительно сказал Дериг. – Возможно это провокация КГБ! Кто знает, кто эти типы, валяющиеся на полу? Может вовсе

не пьяницы, а лейтенанты или капитаны! Как-никак это же выборы! Против нас они могут использовать любые средства...

Поезд остановился, двери открылись, начинающие политики вышли на перрон и поспешили в метро, а парочка подвыпивших дебоширов осталась корчиться и мёрзнуть на полу тамбура. Повезло, милиции поблизости не оказалось, а не то пришлось бы долго объясняться в участке...

Глава 16. Политическое фиаско

В которой Эдуард Громобоев, проиграв в политической борьбе, осознает, что очевидно наступил конец его военной карьеры...

Много чего случалось на встречах с избирателями: Громобоеву и его новым товарищам угрожали подкупленные «братки», хамили милиционеры, запугивали чиновники, но народ в основном одобрял и поддерживал. Шансы, как казалось Эдику, росли день ото дня. К концу второго месяца после старта компании от перенапряжения хлынула носом кровь, сказала моральная и физическая усталость. Капитан Громобоев понял, что моральный и психологический груз, взваленный на одни его плечи, оказался неподъёмным, и он дошёл «до ручки».

Кандидат решил сделать паузу и остановиться, всё равно одно-два выступления перед сотней жителей в последний день большой роли не сыграют. Итак, предстояла решающая битва – участие в теледебатах и на этом финиш. Далее слово за населением – люди проголосуют, а избирательные комиссии подсчитают. Эх, наивный, забыл он золотое изречение вождя всех народов Сталина – неважно, как голосуют, главное кто и как голоса считает.

На теледебаты Громобоев отправился с доверенными лицами – двумя приятелями по войне Захаром Сергеевым и Игорем Старухановым, а третий товарищ – Герой Советского Союза Юрка Жуков – не пришёл. Кто его знает почему: может, струсил, может опять запил...

Эдик думал говорить на одну тему, отработал доклад, но в день перед эфиром резко переделал программное выступление. Накануне

Генеральный секретарь правящей партии коммунистов объявил, что решил баллотироваться в Президенты, новые выборы назначили по иной процедуре: голосованием в Верховном Совете, а не всенародно — это важнейшее решение отдали на откуп сотне отобранных и прикормленных депутатов. Естественно депутаты-коммунисты выдвинули от партии лишь одну кандидатуру генерального секретаря М. С. Горбачева, а раз других зарегистрированных партий нет, то и иных кандидатов нет! Был, правда, один самовыдвиженец, но он не в счет, выступил с места, дружно осмеяли и фарс продолжился дальше. Этот наглый и бесцеремонный демарш красного «лже-демократа» разъярил обнаглевшего от свободы капитана и он все десять минут своего эфирного времени посвятил нападкам на Генсека: дал гневную отповедь ползучему захвату власти. Узурпатор! Бонапартизм!

Эдик был хорош, и лишь невпопад ляпнул, о коррумпированных руководителях среднеазиатских республик, назвав их вождей «раисами» (раис — по-восточному — начальник), но многие подумали, недопоняли, как выяснилось позже, и приняли как личный демарш против супруги будущего Президента — против Раисы Максимовны.

Ну да Бог с ними, хотя эта семейная тема была любимой у политиков с обоих политических флангов, супругу генсека критиковали отовсюду. Но конечно, даже дискредитация партийного вождя была не самой крамольной, ещё большая крамола из уст Громобоева прозвучала в виде набора нескольких лозунгов: деполитизация и департизация армии, отмена шестой статьи Конституции о руководящей роли КПСС, введение частной собственности на землю и узаконивание рыночных отношений. Если бы три месяца тому назад Эдуарду предложили бы подписаться под набором этих тезисов, то он наверняка бы отказался, слишком радикальными и антикоммунистическими были эти идеи. Но за короткий период дружбы с демократами и антисоветчиками Громобоев окончательно прозрел (с кем поведёшься, от того и наберёшься), самостоятельно составил либеральную программу.

Теледебаты транслировались не только на город и область, но и почти на всю европейскую часть страны. Эдуард говорил, говорил, говорил напористо, с воодушевлением, без остановки, а внутри у него потихоньку ёкало и холодело от осознания собственной дерзости, с которой он обрушился на правящую партию и её правительство. Но с другой стороны он чувствовал прилив гордости за себя — он выдавил из себя раба, он убил «дракона».

Итак, телеэфир завершился, и силы окончательно покинули кандидата в депутаты. В день выборов он весь день провалялся на диване, лишь под вечер собрался, заставил себя подняться и сходить проголосовать за себя любимого. Однако к финалу компании, согласно опубликованным социологическим опросам населения стало понятно, что шансов победить нет, ведь судя по мощной административной и финансовой поддержке из области, выиграть должен был либо чиновник Ворфоломеев, либо красный директор Трусовец.

Для того чтоб им противостоять – надо было хотя бы объединиться с друзьями-соперниками: кооператором, правозащитником, журналистом и двумя учеными. Если бы они снялись и поддержали кандидатуру реально сильнейшего – были бы шансы победить. Но, никто не захотел сделать шаг к переговорам, да Эдик и не настаивал, не предлагал. Один как бы, между прочим, сказал, что ему надо отчитаться перед спонсорами за вложения средств, двое не могли сойти с дистанции из-за научных коллективов, к тому же один профессор представлял национальное меньшинство, в прошлом гонимое и репрессированное, а самый близкий по духу соперник Олег Игоревич выразился примерно так: «Не прошу себе досрочного отказа от завершения участия в первых демократических выборах. Безмерно рад выпавшей возможности быть сопричастным к этому историческому событию, о котором мечтал всю жизнь!»

Эдик был бы последней сукой, предложи он Иванцову капитулировать. Капитан не имел морального права настаивать, и лишать человека мечты всей жизни! По раскладу выходило, что победа ускользает. А ведь Громобоев ясно представлял себя в Совете депутатов республики, законотворцем, вершителем судеб страны, поэтому отказываться в пользу других тоже не пожелал, тем более понимал, в случае провала, он, вероятно, обречен на изгнание из Академии, а то и из армии.

Поздним вечером Эдик купил у таксиста за двойную цену бутылку водки и до полуночи пил с Палычем под разговоры: тесть обожал обсуждение глобальных вопросов внутренней и внешней политики. Заснул с трудом и ночью снились попеременно: то эйфория победы и поздравления, то кошмары поражения и ругань начальников.

Утром Громобоев позвонил в избирательную комиссию и узнал предварительные итоги: убедился в своём ожидаемом поражении. Хотя впрочем, результат был неплохим: не вложив в выборы ни копейки из семейного бюджета, он умудрился занять третье место и набрать

более сотни тысяч голосов. Впереди ожидаемо и с заметным отрывом были оба партократа, которые и вышли во второй тур, но его исход мятежному капитану был уже не интересен.

Эдик почесал затылок и намекнул тестю на выпивку, тот с радостью метнулся в магазин, вернулся через два часа и они обмыли поражение. Эх, а ведь не хватило такой малости – десяти тысяч голосов! А если бы объединились..., и новые приятели уступили в его пользу? Но что говорить, история не терпит сослагательного наклонения и поэтому – «горе побеждённым»!

Громобоеву стало невероятно досадно. Ну что же такое происходит! Почему всегда чуть-чуть не везёт? Постоянно именно чуть не хватает! Чуть не стал Героем Советского Союза, но что-то не сложилось, чуть не стал досрочно майором, чуть не стал депутатом Верховного Совета! Вечное чуть-чуть! Какая-то систематическая невезуха!

Но с другой стороны были и другие примеры: было и положительное чуть-чуть. Например, на войне несколько раз чуть не погиб, но не убило же! чуть не замерз в снегу в горах, но не замерз! чуть не зарезали, но не зарезали! чуть не попал в психушку, но не попал же! Выходит не всё так плохо? Фифти-фифти, пятьдесят на пятьдесят?

* * *

За три суматошных месяца утекло много воды: полка уже не было – окончательно расформировали, быстрыми темпами создавалась база хранения, служить и командовать понаехали новые начальники, старожилы бились за своё существование, велась борьба за жизнь. На должностях многих знакомых и друзей-приятелей сидели совсем неизвестные личности.

В казарме он столкнулся с комбатом, который уже стал полковником и начальником танкового отдела.

– Ну, что Громобоев! Как же ты так... Проиграл? Но сам виноват! Э-э-эх! Гагарин долетался. А ты довыступался. Говорил тебе не лезь в политику – грязное дело!

– Политика не грязная – её такой делают люди! Нечистые на руку, подлые и нечестные, они сидят сверху донизу и рулят нами, и с самых первых ступеней государственной лестницы производят подбор себе подобных. Отбор жесточайший: негодяи отбирают себе в помощники и на смену таких же прожженных карьеристов и негодяев. Вот и выходит, что честные люди во власти не нужны, они там не приживаются. Белую ворону сразу же заклюют черные! Я попытался, у меня

не вышло, ну что поделывать... Однако я честно пытался, и совесть моя чиста.

– Совесть? Перед кем? Кому это надо?

– Перед самим собой! Я доказал, что я не тварь дрожащая...

– А я выходит тварь? – комбат насупился.

– Я этого не говорил! Возможно, вас всё устраивает в этой жизни, а меня – нет!

– Начитался журналов и книжек на дежурствах... Говорил мне полковой особист, что за тобой нужно приглядывать! И верно, плачет по тебе дурдом! Ступай к начпо, он тебя ищет, все телефоны оборвал с утра. Наверное, заждался. Берегись его – отменная сволочь и мерзавец! Настоящий сатрап.

Теперь после подведения итогов выборов военно-политическая контора взялась за Эдуарда всерьёз! Репрессивная машина заработала на полную мощь. Работу с Громобоевым первым начал начпо, ушастый полковник Казачков. Фамилия хорошая, красивая, но как говорится – действительно засланный казачок. Полковник появился в части внезапно, сменив губастого предшественника недалёкого умом и подловатого подполковника, но этот оказался ещё большим негодяем.

Эдик уныло поплёлся в штаб базы. На душе было погано, хотя для встречных он нарисовал на лице беззаботную улыбку и пытался светиться счастьем. Выходило плохо, ненатурально и неартистично. Каждый встречный знакомый офицер сообщал, что голосовал за него, восхищался смелым выступлением по телевизору, жал руку. Но что для руководства мнение капитанов и майоров?

Громобоев постучался в массивную дверь и вошёл в кабинет начальника политотдела. За всё тем же огромным столом сидел незнакомый офицер: забавного вида, с большущими оттопыренными ушами, бесцветными глубоко посаженными глазами, ярко-рыжими волосами.

Эдуард и рта не успел открыть, а его уже принялись ставить на место.

– Выйдите за дверь, товарищ капитан, и войдите, как положено.

А как положено? Капитан недоумённо пожал плечами, молча, развернулся, вышел, постучал, вошёл и снова доложил.

– Я же сказал войти, как положено по уставу! Выйдите и подумайте!

Громобоев вышел, встал перед дверью, но вновь стучаться не стал. Передумал. Вернее разозлился. Он принялся изучать новую наглядную агитацию, развешанную по стенам коридора. Так прошло минут десять за этим созерцательным занятием.

Казачков подождал некоторое время, не выдержал, сам распахнул дверь и выскочил, словно чёрт из табакерки.

– В чём дело? Почему не заходите? Чего ждёте?

– Соображаю, как вам надо, чтоб я вошёл? Стою и думаю, в чём я не прав!

– Вы не правы, начиная с того, что стали офицером и политработником!

Полковник сделал шаг назад, приглашая в кабинет.

– О чём вы думали, когда болтали чепуху по телевизору? Вы опозорили честь офицера, честь мундира! Вы посягнули на святое – на партию!

– Я?

– Да! Вы пытались опорочить партию в лице Генерального секретаря! Да как вы посмели, товарищ капитан! Доложите мне по уставу обязанности заместителя командира батальона по политической части!

– Это экзамен? Зачем?

– Я хочу знать, знаете ли вы свои должностные обязанности, а то мне не понятно, какой офицер мне достался в наследство!

– Насколько я знаю, я вовсе не ваш! Я состою не в штате базы хранения, а нахожусь в распоряжении командующего...

– Не пререкайтесь, докладывайте!

Эдик, не особо напрягая память, пересказал обязанности близко к тексту, это было не трудно, ведь он совсем недавно сдал зачёты и экзамены, как-никак освежил память на подготовке.

– Понятненько, не без ошибок, но в принципе верно. А теперь хотелось бы услышать обязанности члена КПСС.

«Час от часу не легче», – подумал Эдик. – «Зачем он устраивает этот цирк?»

Но и с этой задачей Громобоев справился вполне успешно.

В то время, пока Эдик докладывал, Казачков что-то быстро писал. Оказалось начальник конспектировал, составлял отчет о проведенной работе с разгильдяем капитаном.

– Хорошо! А теперь распишитесь в листе собеседования.

– Зачем?

– Затем, что я с вами провёл занятие и беседу!

Ах, вон как! – догадался Эдик. – Да он просто свою задницу прикрывает! Бумажка для отписки, мол, воспитательная работа проводилась, а подчинённый офицер всё равно сознательно нарушал! Осознанно...

Эдик ухмыльнулся и небрежно поставил автограф на испещренном каракулями листочке, подсунутом ушастым полковником.

– Можете идти! Явитесь завтра к девяти часам!

Капитан откозырял и покинул кабинет. После посещения начальства Громобоев отправился в кабинет к начальнику клуба Игорьку Харину играть с приятелями в карты. Игра шла в преферанс на деньги, вист по копейке, вчетвером с Демешком и Меньшовым до поздней ночи.

Один из партнёров – Володя Меньшов уезжал в Забайкалье начальником штаба батальона и хорохорился, что пока не станет генералом – не вернётся.

– Оставайтесь тут и продолжайте киснуть! А я еду делать карьеру.

– В жопу твоё ЗаБВО, – насмеялся друг и приятель Вовки, капитан Саня Демешек. Сам этот тихушник Демешек в генералы не рвался, и был согласен дослужить до пенсии в окрестностях Ленинграда на майорской должности. – Разве не знаешь, как расшифровывается ЗаБВО? Забудь вернуться обратно!

– В Забайкалье шикарная природа: ягоды, грибы! Охота, рыбалка!

– Жил я в этом Забайкалье, – усмеялся Громобоев. – Дыра дырой! Зацахнешь, пока выслужишься.

Но упрямого и настырного Меньшова было не переубедить...

Утром следующего дня Эдуард снова постучался в дверь знакомого кабинета.

– Разрешите?

– Вы опять вошли не как положено в кабинет! Марш отсюда и войдите согласно уставу!

Эдик пожал плечами, развернулся, чтобы повторить попытку. Но едва он сделал шаг за порог, как ушастый полковник подпрыгнул над креслом, заверещал, да так резко, что Громобоев невольно вздрогнул.

– Стой, назад!!! Опять будете за дверью стоять и комедию ломать!

«И чего он сразу взбеленился?» – мелькнула мысль в голове капитана.

– Я вам, во сколько велел явиться?

– К девяти часам...

– А вы, во сколько соизволили прийти?

– К девяти и прибыл...

– Нет! Сейчас девять ноль пять!

– Понятие девяти – относительное. Оно может быть плюс – минус в любую сторону. А вот ровно в девять – это конкретика! Пять минут – не опоздание.

– Молчать! – полковник ударил кулаком по столу и выпрыгнул из кресла, при этом его уши тоже забавно колыхнулись. Казалось еще немного, сам он выскочит из сапог, а большие уши оторвутся и взлетят. – Вы пришли в девять пятнадцать, а меня с утра пораньше за вас начальство вздрючивает!

– Никак нет, я прибыл вовремя, к девяти...

– Я сказал молчать!!! – вновь заорал полковник, да так громко, что, очевидно, его услышал весь штаб. На губах начальника даже выступила пена. А Громобоев уже не нервничал и не переживал, ведь он себя приготовил к худшему и мысленно распротился с военной службой (хотя худшее ли это?), поэтому был спокоен и не реагировал на вопли.

«Зачем психовать? Чего ради? Пусть начальники нервничают. Но просто так меня уволить им не удастся, и не за один день такое дело делается. Я кровушку сатрапам ещё долго поплюю, – думал Эдик с ехидцей. – Раз выбор сделан и мы оказались по разные стороны баррикад, то надо с честью выйти из создавшегося положения. Меньше обращать внимания на порицания, но и не допускать откровенного хамства по отношению к себе».

– Товарищ полковник! Я не виноват, что у вас бзик на правила вхождения в кабинет! А насчёт того, что меня вызывают в штаб округа и гnevаются на опоздание, так я доложу, что вы меня задержали...

– Да я тебя, капитан...

– Не тебя, а вас...

– Вас!

– А вас?

– Что вас?

– Не знаю, вы сами сказали – вас...

– Не сбивайте меня с толку! Клоунаду разводим?! Юмористом Карцевым-Ильченко себя возомнил? Я заставлю уважать погоны полковника!

Громобоеву уже порядком надоела истерика и крики. До чего же шумным оказался этот маленький ушастый полковник! Орет, орёт, а чего орать-то?

– А вас? – нехотя передразнил Эдик.

– Что вы мелете! Что вас да вас?

– А вас надо уважать? Или только погоны полковника?

– Молчать! – полковник схватился за галстук и ворот рубашки, пытаясь ослабить, ему явно стало трудно дышать. – Уничтожу!

Эдик даже забеспокоился о здоровье начальника – вдруг кондрашка хватит? Жалко, ведь говорят у него большая семья – пятеро детей!

– Я заметил, что вы полковник и на вас погоны полковника. И что дальше?

– Ах, заметил? Ну, сейчас я с вами разберусь! По полной программе!

Полковник не успел изложить и осуществить намеченный план наказаний, как зазвонил телефон. Казачков оборвал вопль на полукрике, схватился за трубку и заговорил уже другим тоном, явно с вышестоящим начальством.

– Здравия желаю, товарищ полковник! Так точно, товарищ полковник! Уже тут! Никак нет, товарищ полковник! Ведем работу. Будет сделано, товарищ полковник! Слушаюсь, товарищ полковник.

«Ух, ты! Да ты – «эй, полковник!» Как гласит военная мудрость: полковники делятся на три категории: первая – товарищ полковник, вторая – полковник, и третья – эй, полковник! Этот явно входит в разряд «эй, полковников...»

В трубке между ответными словами так точно и никак нет, явно слышалась долгая и гневная тирада собеседника, при этом большие уши Казачкова произвольно шевелились и меняли цветовую гамму. В начале разговора побелели, потом покраснели, затем побагровели. Хорошо что не посинели... Несколько раз полковник Казачков подобострастно проговорил «слушаюсь». Это слово военного лексикона всегда умиляло Эдика. У одних оно звучало по-детски, у других напоминало собачью преданность и готовность разбиться в лепёшку.

В данный момент диалог Казачкова с начальством напоминал разговор джина с Аладдином из старого фильма «Волшебная лампа Аладдина»: «слушаюсь!»», «слушаюсь и повинуюсь!»

«Любопытно, а ушастик только слушается, или готов и безотказно повиноваться?» – невольно подумал Эдик. – «А если повиноваться, то абсолютно во всём? Каковы пределы повиновения?»

Громобоев произвольно улыбнулся и тотчас увидел в глазах полковника промелькнувшую ядовитую злобу, целый заряд лютой и неприкрытой ненависти направленный в него! Эдик чуть отшатнулся, пытаясь увернуться от пущенного негативного энергетического залпа. Близкое соприкосновение с ушастиком было тяжёлым и неприятным.

Постепенно лоб полковника покрылся испариной, рука с телефоном подрагивала, касаясь мочки багрового уха, вторая рука, опирающаяся на стол, тоже дрожала и дергалась. Подбородок полковника медленно задирался вверх, Эдику показалось, он вот-вот рухнет в обморок. И с шумом грохнется на пол и ненароком зашибётся насмерть. Громобоев даже подумал:

«Надо бы успеть подхватить его – зачем вешать на свою совесть труп...»

Внезапно Казачков отдернул трубку от уха и протянул её, да так импульсивно, что едва не задел капитана по носу.

Эдик вздрогнул, невольно отпрянул, затем опасливо взял в руку трубку красного цвета, словно она была раскалена докрасна. Но нет, телефонная трубка была лишь слегка теплой и влажной от потной руки и уха Казачкова.

– Капитан Громобоев! – доложил Эдик. – Слушаю вас...

– Наглец!!! Умерьте свой апломб, это я тебя слушаю! С тобой говорит полковник Семенов! Заместитель начальника политуправления округа!

– А где генерал Никулин? – брякнул невпопад Эдуард, привыкший, что заместитель Члена Военного Совета красномордый крикливый генерал.

– Что?!

– Хотел уточнить, почему вы заместитель ЧВСа, куда делся генерал Никулин? Ну, заместитель вроде бы он...

– Это не ваше дело! Я второй заместитель!

– А-а-а, – неопределенно ответил Эдик. – Второй...

– Да как ты смеешь, нахал! Что себе позволяешь!

– Я? Да я вообще себе ни-че-го не позволяю.

Ответ прозвучал глупо, но верно. А что собственно такого себе лишнего позволял Эдуард в этой жизни? Героически повоевать в Афгане и вернуться оттуда живым? Выбросить любовника жены в окно и побить неверную супругу? Попасть в психушку? Но это всё в недалёком прошлом. Поучаствовать в выборах? Выступить по телевидению? Что именно не понравилось столичному полковнику?

– Уточните, что я себе позволил такого, – продолжал придуриваться капитан.

Конечно, Громобоев лукавил, он прекрасно представлял, что именно и так особенно возмущало собеседника.

– Да как ты посмел своими грязными руками касаться нашей партии.

– Я не касался руками партии. И руки я по утрам регулярно мою.

Эдик начал наглеть, а действительно, чего уже бояться...

– Вы... ты...вы..., – голос полковника срывался на истерику и он от бешенства не мог более произнести связных слов. – Вы позорите форму! Вы недостойны звания офицера-политработника! Я не желаю быть с тобой в одних партийных рядах. Сталина на тебя нет!

– Я тоже не хочу быть в одних таких рядах... – брякнул в ответ Громобоев.

«А кто заставляет, – мысленно ухмыльнулся Эдуард, но не добавил и сдержался, потому что в воздухе пахло грозой. Дело явно переводили в политическую плоскость и вели к исключению из партии. Один раз уже пытались, по семейным обстоятельствам, за аморалку, но тогда оказалась кишка тонка. Вторая попытка – не пытка? Естественно когда турнут из партии, то ни о какой дальнейшей службе в армии ни тем более об Академии речи быть не может. Громобоев сбавил обороты и уточнил.

– Товарищ полковник, а в чем вы меня обвиняете? Что случилось?

В трубке послышался сип – это начальник всасывал в себя воздух, наполняя лёгкие. Как только он сделал глубочайший вдох, так сразу и выдохнул воздух в трубку вместе с воплем.

– Ревизионист! Оппортунист! Даже хуже – антисоветчик и антикоммунист! Негодяй!

Эдик чертыхнулся в мыслях: а вот это уже приговор! Но вслух на негодяя ответил корректно, матов готовых сорваться с языка не произнёс.

– Причём тут ревизионист? У нас сейчас плюрализм мнений в партии. Я стою на демократической платформе партии.

– Я не желаю быть с вами в одних рядах и вместе со всей вашей платформой!

– Ну и пожалуйста, хозяин-барин, – всё же не удержался Эдуард. – Никто не держит...

– Нет, капитан, это тебя никто не держит! Скорее партия обойдется и очистится от таких как ты! Завтра в десять ноль-ноль прибыть в Политуправление округа, в кабинет начальника отдела кадров! Вот там мы и поговорим, кто без кого обойдется! Посмотрите на него, какой герой нашёлся! И не таких обламывали! Не прикроешься орденами и медалями! Не помогут!

Проорав последние слова, полковник бросил трубку, и в трубке которую держал в руке Громобоев, раздались короткие гудки.

Эдик аккуратно, почти нежно положил трубку на аппарат и посмотрел на Казачкова. Ушастый полковник с неподдельным интересом и любопытством разглядывал капитана, словно он был инопланетянин.

– А вы интересный экземпляр! И как вас занесло в политработники?

– Поверьте, товарищ полковник, совершенно случайно...

– Это я уже понял. Поверьте, милейший, много разных типов подалось на моём пути, но чтоб такой!!! Гм-гм... Любопытно...

Громобоев хмыкнул, пожал плечами, пошевелил головой, руками и шеей, которые затекли от напряжения и повторил:

– Всё вышло случайно, товарищ полковник.

– Не понял, что из вас вышло случайно?

Громобоев невольно хмыкнул.

– Случайно попал в замполиты... через комсомол. А дальше пошло само собой... говорить красиво и связно умею, пою хорошо, рисую, пишу, пью – вот и утвердился в комсомоле. Потом на войне продвинули. Как говорил мой комбат на войне: из четырех замполитов батальона – хоть один попался боевой и воюющий. Ну, я пойду?

– Что значит пойду? Вы в деревне на посиделках?

– Разрешите идти? Чего вам портить нервы – меня воспитывать? Полковник Семёнов велел завтра прибыть! Они в политуправе за вас всё решат...

Ушастик потербил мочку уха и, соглашаясь, кивнул.

– И верно, братец, зачем я буду окончательно портить свою нервную систему? Она мне для других дел сгодится. Детей на ноги надо поднимать... А то, неровен час ненароком инсульт заработаю... Ступай себе...

Эдик по пути домой заглянул в казарму бывшего батальона. Хотел поболтать с комбатом, но тому было некогда, или сделал вид, что занят. Побродил в опустевшей казарме, заглянул в каптёрку. Там сидели все свои: Вася Шершавников, Жека Изуверов и бывший ротный и будущий генерал Володя Меньшов.

«Всё ещё никак не уедет наш карьерист! Оттягивает момент прибытия в забайкальское захолустье, явно Вовка не торопится», – мелькнула мысль у Громобоева.

На столе теснились бутылки с водкой и коньяком, банки консервов, тушёнка, в пепельнице гора окурков. Дым – коромыслом!

– Привет бухарики! Всё пьянствуете?

– Привет лишенец! – ответил Изуверов.

– Почему это мы бухарики? – обиделся Меньшов.

– А кто вы? В зеркало взгляни, какие у вас красные хари! Вы уже харики! Вот-вот дойдёте до кондиции, начнете бляеть слово «бу». Значит, вы и есть – «бу-харики»!

– Да пошёл ты... На свои пьём! Хоть ты и герой войны, а морду можем начистить и не посмотрим, что никого и ничего не боишься, – пригрозил Шершавников. – Мне плевать, что ты умно по телику болтаешь и с высоких трибун выступаешь. По рожу точно получишь, если будешь задаваться и с нами не сядешь выпивать! Хватит болтать глупости, у нас повод, мы провожаем товарища!

Громобоев не стал более кочевряжиться, налил в стакан коньяку, примерно на два пальца, и, сказав «будем здравы, бояре» выпил в одиночку.

– Ну, ты нахал! Антиобщественный элемент! – воскликнул начальник штаба.

– Асоциальный, – поддержал его зампотех.

– Пьёт один! Алкаш? – ухмыльнулся Меньшов.

– Я просто решил уравняться и дойти до вашей кондиции... А-то трезвому грустно общаться с поддатыми...

– Наша кондиция для тебя неподъемна, – заверил Вася. – Какие проблемы мучают, Эдик? Жизнь не удалась?

– Завтра предстоит тяжёлый день, разговор о моем будущем в Политуправе. Надо нервишки успокоить, расслабиться и подготовиться. Наверное, из армии турнут.

– Не трусь! – хлопнул капитана по плечу бывший начальник штаба танкобата, а ныне начальник штаба танкового отдела. – Прорвешься!

– Выпьем за твою удачу и за мою тоже! – обнял Эдика будущий генерал, а пока простой перспективный офицер Меньшов.

– Обещаю, пока не стану генералом обратно не вернусь! А как вернусь – всех вас построю и выровню! Поставлю по стойке смирно! Эдик, а если тебе будет совсем хреново, пиши рапорт тоже в ЗабВО, приедешь – будем вместе защищать дальневосточные рубежи Родины! Мужики, да и вы тоже приезжайте...

– Спасибо, нас и здесь неплохо кормят! – ответил за всех Жека и наполнил стаканы.

– Вовка, ты один или с женой за Байкал уезжаешь? – спросил Шершавников.

Все знали и сочувствовали Владимиру, потому что семейная жизнь с юной москвичкой у Меньшова не задалась практически от дверей

загса. Капитан женился вынужденно на молодой глупой девчонки. По залёту. Сам виноват – предохраняйся! Жили они «весело», примерно раз в месяц Володя приходил то с поцарапанным лицом, то с синяком, а то и кровоподтёком.

– Ну не бить же её дуру в ответ! Я ж слегка стукну и зашибу! – Оправдывался капитан перед сослуживцами, маскируя синяки пудрой. – Так и норовит чуть что блюдцем или стаканом швырнуть или сковородкой. Чем под руку попадет.

– Руки ей обломай или перед сном связывай, – советовал ему жёсткий Шершавников.

– А может её трахнуть надо хорошенько? Чтоб сил не было буяннить? – пошутил однажды Эдуард. – Досмерти залюби за ночь и нет состава преступления...

– А сына ты будешь моего кормить и воспитывать? Советчики... – сердился Меньшов и прекращал разговор о личной жизни...

Сейчас подвыпивший Меньшов ухмыльнулся в ответ на вопрос Шершавникова, вынул из кармана гербовый бланк и показал товарищам.

– Вчера наконец-то развели нас! Так что один поеду...

Василий искренне обрадовался за товарища:

– Вот это хорошая новость! Появился новый повод. За это надо выпить! Обмыть твое освобождение!

И они продолжили с новыми силами. Громобоев посидел ещё часик с приятелями и поспешил домой, завтра надо было иметь свежий, бодрый вид, и работающие мозги...

Глава 17. Расправа в Политуправе

Глава, в которой на Громобоева наваливается весь репрессивный аппарат военных политорганов.

Каждый человек любит, чтобы его хвалили, и, конечно же, никто не радуется, когда его ругают. Естественно, Громобоев был до глупины души расстроен полученным нагоняем от начальника политотдела базы хранения, а тем более раздосадован телефонной взбучкой от злобного полковника из Политуправления. Завтра предстояло явиться в штаб округа и явно ничего хорошего капитана на этом рандеву не ожидало. Раз со всех сторон кричат и грозят, то явно снимут

с должности. Хотя с какой? Он ведь, давно за штатом и по бумагам практически слушатель Академии.

Сегодня в полку Эдуарду делать было абсолютно нечего, он решил побродить по городу, обдумать завтрашний разговор с начальством. Приехал на перекладных к метро, затем добрался в исторический центр, ноги сами собой понесли его на Петроградку. Вскоре Громобоев оказался перед ажурными коваными воротами старинного особняка, в далёком прошлом его хозяйкой была известная балерина, по слухам любовница последнего царя. После Октябрьского переворота, он был превращен в исторический музей. Именно в этом особнячке, в просторной аудитории рядом с кабинетом замдиректора по науке, обычно по средам заседал военный Партклуб...

* * *

Завсегдаем этого дворца-музея Эдуард оказался совершенно случайно. На одном из митингов, который затем перешёл в шествие по городу, собрав толпу примерно в пятьдесят тысяч, Громобоев шёл в первых рядах, в оцеплении. В числе руководителей колонны демонстрантов был статный моложавый моряк с мегафоном в руке. Поздоровались, познакомились. После мероприятия немного поспорили на разные темы. Мужчина представился, назвался руководителем военного партийного клуба капитаном второго ранга Андреем Гариным и, узнав, что активно митингующий молодой человек, одетый по гражданке тоже военный и имеет звание капитана, пригласил на «огонёк».

Эдуард не стал себя долго уговаривать, пришел на очередное заседание, посидел, послушал разговоры, вставил свои словечки по делу и не по делу. О чем только в клубе не спорили: об изменениях в Конституции (а ещё лучше принять новую Конституцию), обсуждали военную реформу и предлагали свои поправки, дискутировали о КПСС и политорганах в армии. Люди приходили разные: кто-то был случайным человеком с улицы и сидел в уголке от нечего делать, кто-то ошибся и пришел не по адресу, так как был ярым сталинистом или националистом, некоторые слушатели уже были давними активистами и подписались под списком участников «Демократической платформы в КПСС». Эдик тоже поставил автограф на листике регистрации.

Постепенно Громобоев втянулся в работу, в начале вечера часа два обычно вели дебаты, а потом переходили к неофициальной части,

и часик-другой пили пиво в соседней пивной. Общение было интересным! Наш капитан стал ещё больше читать и думать.

Однажды Эдик нашёл заметку в либеральной газете о намечавшемся учредительном (восстановительном) съезде партии социал-демократов (меньшевиков) в Москве. У капитана Громобоева возникла мысль – скатать в столицу, послушать умных людей, тем более приятели по Афгану пригласили на проводимую в эти же дни встречу ветеранов дивизии. Вроде бы прошло после войны всего-то ничего, пара лет, а товарищей-однополчан потянуло друг к другу. Вот оно – настоящее боевое братство, о котором столько говорят! Наверное, всех начала мучить ностальгия, нахлынули воспоминания о годах боевой и бурной молодости.

Задумано – сделано! Эдуард уехал в столицу на три дня, послушал дискуссии идеологов разных течений от анархистов до монархистов, набрал ворохи литературы, видел на форуме даже последнюю «меньшевичку», настоящий музейный экспонат. Бабуся, чудом выжившая в годы репрессий и террора, млела от удовольствия, находясь в центре внимания и, расчувствовалась до слёз. «Божьему одуванчику» было примерно девяносто лет, вернее даже далеко за девяносто, но ум трезв и ясен, даже с трибуны смогла выступить коротко, но вполне внятно!

После посещения московского мероприятия, капитан стал в клубе в авторитете, завсегдатаи стали к нему прислушиваться, некоторые даже советовались. Поначалу деятельность военных неформалов никому не мешала, но после публикаций в газетах и выступлений Андрея Гаранина по телевидению, последовала реакция со стороны руководства округа. Двух активистов отправили на пенсию, благо возраст этих полковников-преподавателей давно зашкалил за предельный, потом начали прессинговать председателя – моряка Гаранина, изгонять из военного НИИ. Ну, а теперь настал черед Эдика.

В армии за малейшие проступки и неповиновение надо расплачиваться, особенно, когда ты много говоришь, думаешь, высываешься и «не шагаешь в ногу в едином строю». Будь послушным винтиком, исполнительным болванчиком, карьера обеспечена, и никто тебя никогда не обидит и не тронет!

Сегодня в клубе было пусто, ни одного знакомого. В музее стояла лёгкая суета, готовили к показу новую экспозицию: «Новое

о революции». Громобоев позвонил Андрею Михайловичу домой, договорился о встрече, поведал о том, что теперь Политуправление решило отыграться на нём за активную политическую, антисоветскую деятельность.

Через час соратники встретились в ближайшей уютной «забегаловке».

– Не переживай! Все будет хорошо, – успокаивал Гаранин. – Тебе до пенсии сколько лет?

– Какая пенсия! Я в армии всего-то ничего, календарных двенадцать лет, со льготными – шестнадцать. Увы – ещё служить и служить!

– Жалко, придется тебе начинать жизнь с нуля! Мне гораздо легче – пенсия уже есть. Сейчас началась настоящая «охота на ведьм». Вымечтают из войск всех неблагонадёжных. Раз за тебя взяли, видимо, в покое не оставят. Значит, ты думаешь, у них поднимется рука уволить орденосца?

– Ещё как поднимется и не только рука...

– Ну, что тебе сказать и посоветовать...ведь, тебя никто не заставляет выступать против режима? Ты ведь знал, на что шёл? Верно? Так что готовься...

– Да я всё понимаю без лишних слов. Жалко, что проиграл выборы. Эх, стал бы я депутатом, тогда бы им меня не зацепить. Почему-то была уверенность в победе на выборах.

Андрей огляделся по сторонам и пробормотал заговорщицки:

– Всё верно Эдуард, увы, но я тоже проиграл выборы в городской совет, и теперь за меня начальство взялось – вцепились, нервы портят, житья нет никакого. Но ничего, еще посмотрим кто – кого, я с ними поборюсь и просто так не сдамся! Да и тебе попытаюсь помочь.

Моряк скривился в горькой усмешке, судорожно отхлебнул из кружки хмельного напитка, сжал кулак и рубанул им воздух словно шашкой:

– Ну, да ничего, мы ещё повоюем... Свои погоны я так легко не отдам! Сегодня меня пригласили на телевидение на ночной эфир к Бэлле. А мне многое чего есть поведать журналистам о порядках и нравах в «перестроившейся» армии. И о тебе тоже расскажу.

– Да, ладно, чего там, себя защити, – махнул рукой Громобоев.

Гаранин похлопал Эдуарда по плечу:

– Держи хвост пистолетом! Будет и на нашей улице праздник!

Моряк сдул пену, вновь хлебнул из кружки большой глоток и поморщился.

– Фу! Кислятина, постоянно пиво бодряжат. Интересно, чем таким мерзким его разбавляют? Гады! Надеюсь не стиральным порошком? Пошли из этой тошниловки!

Громобоев огляделся. Одновременно со сгущающимися сумерками на лице, постепенно насыщался и дух в пивной. Становилось влажно, тошнотворно-кисло, дымно, смрадно. Офицеры допили оставшееся пиво, вышли под морозящий дождь. По дороге к метро ещё немного поговорили о том, о сём, пожали друг другу руки, обнялись и расстались, как оказалось навсегда. Время близилось к полуночи и следовало спешить, успеть доехать на транспорте до квартиры тётчи. Эдик торопливо побежал на остановку трамвая, лихо перепрыгивая через грязные лужи, и придерживая на голове фуражку, ежеминутно срываемую порывами сильного ветра.

Утром Громобоев приехал на Невский проспект и потопал пешком по направлению к штабу. Обгоняя пешеходов и брызгая талой жижей, мчались легковые машины, неспешно шуршали колёсами троллейбусы, поток транспорта двигался в сторону гордо высившегося шпиля Адмиралтейства. Эдуард лениво и с тяжестью на сердце побрёл по красивойейшей улице страны, немного постоял на мостике через Мойку, опершись о чугунные перила, посмотрел в её темные воды. Чуть взгрустнулось, но на мосту задержался недолго, мерзкий мелкий дождь вперемешку с запоздалым снегом, погнал его прочь в тепло. Хмурое утро, свинцовые тучи, сырость, наводили унылость и нагоняли грусть на душу, сама природа словно оплакивала мятежного капитана.

Получив в бюро пропусков листок бумаги, разрешающий проход в «логово» противника, и как всегда поблуждав по лабиринтам коридоров военной власти, Громобоев прибыл на этаж идейно-политического центра округа. Проходя через курилку, Эдик краем уха услышал разговор полковника и подполковника.

– Мерзавцы! Сталина на них нет! Дерьмократы, проклятущие! Наймиты американские! Всех бы порешил, будь моя воля! – Бубнил седой полкан. – Куда катимся! Даже руководители партии предали идеалы Ленина, развели ларёчников и цеховиков, поощряют буржуазию! Ревизионисты!

– Всех на фонари! Да, нет, пожалуй, слишком легко отделаются. В лагеря закатать! – поддакнул подполковник старшему по званию. – На Колыму или в Воркуту! Пусть мучаются и работают на благо социалистического Отечества!

– Кормить их... вот еще... просто ставить к стенке...

– Зачем кормить? Сами себя прокормят. Зато польза – бесплатная рабочая сила. С их помощью мы снова сможем довести до завершения стройки социализма в непроходимой глуши: на Крайнем Севере, в Сибири!

– Возможно, ты и прав, но работу, как награду и милость, я бы отдал обычным людям, а всем этим интеллигентствующим умникам, писакам и говорунам – дыба, плаха и верёвка на шею!

Эдуард невольно замедлил шаг.

«Н-да... Вот так разговорчики у них в штабах...»

– Молодец был Петр Столыпин! У него со смутьянами и демагогами разговор был коротким: сразу ставил к стенке по решению военно-полевого суда. Я и сам бы таким судьей поработал пару месяцев...

– Да, что Столыпин! То дела давние. Решительные люди есть и наши современники, генерал Пиночет, например. Вот это молодчина! Собрал дерьмократов на стадионы, а уж там профильтровали и разобрались: кому прикладом по рукам, кому электрическую кровь, а кого и в океан с вертолета... И нам надо бы также...

Громобоева передернуло, а по спине пополз холодок и по коже пробежали мурашки. Нечего сказать, хороши идейные коммунисты – хвалят кровавого фашиста...

– Насколько мне не изменяет память, генерал Аугусто Пиночет перестрелял марксистов. Товарищи, что-то у вас в головах смешалось и сбилось в кучу, словно паранойя. Как же так, вы обожаете идейных антагонистов: Ленина, Сталина, Столыпина, Пиночета... Сборная солянка какая-то!

– Мы за порядок! – буркнул полковник, и неприязненно посмотрел на Эдика, словно «на врага народа» или даже своего личного врага. – Вот видишь, Викторыч, ходят тут всякие, подслушивают, вякают. Генерал Макашов не зря предупреждает нас о бдительности и об изменниках, а говорунов развелось: что ни капитан, так философ. Эх, просрут державу! Ладно, пойдем работать, дела ждут...

– Надеюсь, не к дыбе... – брякнул Эдуард вполголоса, но так, чтобы его услышали. – И пока вы курите в коридоре, плаха не простаивает...

– Мерзавец! Да я тебя..., – вспыхнул, было полковник, но сдержался, слишком уж много лишнего он и сам наговорил вслух.

Штабные политработники, ушли вглубь длинного коридора, продолжая поносить свободу слова и демагогов, а Громобоев наконец отыскал нужный кабинет.

Помешкал минуту и осторожно постучал в дверь с табличкой: «Полковник Самсонов. Начальник отдела кадров политуправления округа».

– Да-да! Войдите, – послышалось из кабинета, и Эдуард осторожно толкнул дверь.

В глубине просторной комнаты за огромным столом, заваленным бумагами, сидел всё тот же знакомый по первому прибытию вокруг маленький человечек – розовощекий, пухлый, лысый полковник.

– Капитан Громобоев! Прибыл по вашему приказанию, на беседу, – доложил Эдуард, приложив руку к козырьку и встав по стойке смирно.

– А-а-а, – протянул полковник неопределенно, и одновременно с интересом и неприязнью оглядел вошедшего офицера. – Проходи, садись. Дай-ка я на тебя повнимательнее погляжу. Очень интересно мне, откуда ты такой взялся на нашу голову! Кто тебя учил и воспитывал?

– Выпускник общевоинского училища, – ответил Эдик, едва заметно ухмыльнувшись, и добавил: – Вы меня, наверное, не помните, в наш округ я вернулся год назад после участия в боевых действиях в Афганистане. Два года от звонка до звонка...

– Да я всё знаю и помню, – махнул пухлой ладоншкой полковник и вальяжно развалился в кресле. – Я не о том...

Наступила пауза, которая несколько затянулась, полковник Самсонов явно не знал с чего начать неприятный разговор.

– Что мы с вами будем дальше делать, капитан?

– В смысле? А что со мной нужно делать?

– Как мыслите продолжать службу? Совесть позволит?

Громобоев опять незаметно хмыкнул, хотел ответить дерзостью, но сдержался.

– Я никакого преступления не совершал и вины за собой не чувствую. Совесть чиста!

Полковник слегка побагровел и по лицу пошли красные пятна. Он повысил голос:

– Значит, вины нет? И ничего предосудительного не говорил? Считаете нормальным высказываться в прессе против Политбюро, критиковать по телевидению на всю страну Генерального Секретаря ЦК КПСС? Сомневаться в правильности линии политики партии!

– У нас свобода слова...

– У вас?

– У всех нас! И у вас тоже, товарищ полковник.

– Мне она не нужна, моя свобода слова – это решения партии и правительства!

Полковник Самсонов разозлился, швырнул карандаш на документы. Он явно не испытывал желания далее общаться с нагловатым капитаном. Его рабочий стол был завален делами увольняемых офицеров, а также вновь прибывших в округ, либо убывающих из него, а тут вместо плановой работы сиди и занимайся этим бездельником.

– Ко мне тут любопытное письмо пришло, на Вас честные люди жалуются! Ветераны войны возмущаются тем, что вы вольно обращаетесь с историей, особенно с историей советского периода, предлагаете отменить статью номер шесть Конституции СССР о руководящей роли КПСС...

– Об этом сейчас многие говорят. И потом я могу принести десятки писем других ветеранов в мою поддержку.

– Стоп, хватит демагогии! Мне некогда слушать ваши бредни, товарищ капитан. Вам не место в наших рядах, пора распрощаться. Пройдите в семнадцатый кабинет, там мои подчиненные с Вами обстоятельно побеседуют...

Эдик козырнул, сказал: «слушаюсь» и вышел, тихо прикрыв тяжелую дверь, обитую дерматином тёмно-бордового цвета. Первый этап экзекуции был завершен, капитана передали с рук в руки, словно по этапу. В кабинете номер семнадцать находился незнакомый подполковник. Когда Громобоев вошёл и доложил, тот торопливо закрыл распахнутую форточку, возле которой курил и закашлялся. Экзекутор оказался очень высокого роста, примерно двух метров, сутулился и оттого был похож на виселицу, он был чрезвычайно худощав и бледен.

«Эк, вымахал, – подумал капитан, – в случае чего, если и захочешь – не достанешь до челюсти, хоть подпрыгивай!...»

– Входите, капитан, садитесь, я вас внимательно слушаю! – произнёс длинный.

Эдуард пожал плечами, о чем говорить-то?

– Да мне собственно нечего сказать...

– Ну, а раз нечего сказать, то пишите рапорт об увольнении по собственному желанию, сейчас есть такая возможность тем, кто не желает служить.

– Почему не желаю? Желая! Я и в Академию поступил...

– Гм-гм. В Академию... Тогда подайте рапорт с просьбой перевести Вас на Крайний Север, замполитом отдельного самоходно-артиллерийского дивизиона.

– Насколько я слышал, все отдельные танковые батальоны и дивизионы в Архангельской и Мурманской областях и в Карелии до конца года сокращаются?

– Извините, но другой должности у меня для Вас нет.

Громобоев удивленно вскинул брови.

– У Вас нет?

– У нас в Политуправлении округа! Для Вас в кадрах места нет, сами знаете – идет масштабное сокращение армии.

Эдик моментально взмок от напряжения, во рту пересохло.

– Можно водички?

– Пейте, – милостиво разрешил худой подполковник и принялся откровенно неприязненно рассматривать собеседника.

– Товарищ капитан, Родина наградила Вас орденами и медалями, а Вы посмели наплевать на неё, не оправдали нашего доверия.

Рука Громобоева дрогнула, вода из стакана чуть не расплескалась на пол.

– Между прочим, я их не в штабе заработал, не на паркете выслуживался, награждали за боевые заслуги. Да и вы – не Родина.

– Не знаю я Ваших заслуг, не в курсе, что Вы там делали, а бумага всё стерпит. Знаем случаи, как покупаются награды разными проходимцами...

– А вот это уже перебор, товарищ подполковник и свинство. Почему же тогда Родина Вас не наградила, раз Вы такой образцовый. Или тогда надо было поучаствовать в сорока боевых операциях: в горах, в кишлаках, на вертушке в Панджшер десантироваться, пулю схлопотать, осколок, контузии получить, тепловой удар...

– Вот только не надо спекулировать на военных заслугах и орденами прикрываться.

Эдуард резко вскочил на ноги, у него даже зашумело в голове, он сосчитал про себя до пяти, но не сумел сдержать ярость.

– Попрошу не передергивать! Я ничем не прикрывался! Но на Север в почти расформированную часть не поеду! Я и без того недавно прибыл из удалённого района с крайнего юга! Вы сами об этом только что сказали. Почему я должен уезжать к новому месту службы?

Подполковник недовольно поморщился.

– Как я понял, по-хорошему у нас ничего не получится? Значит, разговор будет долгим и примет иной оборот. Ну, ладно, приступим...

Подполковник подсунил Громобоеву пачку листов бумаги и предложил писать объяснительные по каждому кляузному письму и по каждой жалобе. Пришлось пояснять письменно, что именно говорил, когда, где, по какому поводу, в каком контексте. А также: зачем и что этими словами хотел сказать. Громобоев объяснялся примерно два часа, почиркал и порвал несколько листов, сломал от злости одну шариковую ручку.

Вскоре к этому худому и высокому присоединился второй подполковник, толстенький, с красным лицом гипертоника и с глубокими залысинами на голове. Войдя в кабинет, он сходу заинтересовался:

– Как дела, Александр Викторович?

– Работаем, Сергей Сергеевич, – ответил высокий.

– Хорошо, я у вас в кабинете посижу, почитаю объяснительные, помогу вам Александр Викторович. Может, подскажу что-то дельное, как нам удачно выйти из создавшейся ситуации.

Оба подполковника по очереди и с интересом читали пространный текст, написанный торопливыми каракулями Эдуарда.

– Ого! Вот это да! – обрадовался лысоватый Сергей Сергеевич. – Да вы ни от чего не отказываетесь? Искренне признался, как минимум на увольнение из армии. Ты посмотри, честен, совсем не пытается врать и юлить!

– За что увольнение? За мысли?

– За вольнодумство, ревизионизм и оппортунизм, – продолжал клеймить Сергей Сергеевич. – Да тут чистой воды антисоветчина: разрешить частную собственность, допустить к производству частный бизнес, раздать землю, многопартийность, свобода прессы, парламент, свободные выборы... Да вас бы за такие речи лет пять назад...

– К счастью сейчас уже не лет пять назад!

– Вот именно, приходится с вами цацкаться, – недовольно поморщился Александр Викторович. – В последний раз по-хорошему предлагаю убыть на Север.

Громобоев на минуту задумался и вновь отрицательно покачал головой. Ему стало даже интересно, по какой именно статье политработники управления кадров хотят его уволить, с какой формулировкой, и за что именно.

Длинный подполковник собрал все бумаги в стопочку, сложил в папочку, завязал тесёмочки и произнёс:

– Беседа наша затянулась, рабочее время окончено, приходите завтра. Вы подумаете, мы подумаем, и продолжим наш разговор. Утро вечера мудренее...

Вечером Громобоев сбрасывая напряжение, пил пиво с тестем на кухне. Воссоединившиеся родственники, отхлёбывая из бокалов, неторопливо вели разговоры на политические темы: снова ругали власть, жуликов, торгашей, ни о чём не спорили, у рабочего и офицера было единство во взглядах на жизнь и внутривластную обстановку. Внезапно из комнаты, где беспрестанно работал телевизор, завопила теща:

– Скорее сюда! Тут про нашего Эдика говорят! Зять, Женя! Да бегите же вы быстрее!

Эдуард и тесть поспешили на зов в дальнюю комнату. Там жена Ольга и теща Анна Филипповна внимательно слушали общественно-политическую передачу известной журналистки, посвященной перестройке в армии. Помимо этой дамы в очках в студии сидел молодецватый Андрей Гаранин и ещё один седой поджарый полковник, знакомый по партклубу и застольям в рюмочной.

– Так вы заявляете, что демократические перемены Советской армии совсем не коснулись? – спросила журналистка.

– Конечно, нет! Наоборот, стало только хуже. Проводится зачистка от недовольных режимом, либо имеющих иные взгляды, расходящиеся с линией КПСС, – ответил ей Андрей и кинул взгляд на пришедшего с ним товарища, уступая микрофон.

– Так точно! Например, меня уже уволили, отправили на пенсию, – подтвердил полковник.

– А ещё примеры можете привести? – допытывалась ведущая, поправляя огромные очки.

Гаранин передал какие-то списки и копии документов дотошной и принципиальной журналистке.

– Вот полюбуйте! Тут у меня Директива Главного Политического управления о чистке армии, а вот Приказ Министра обороны, это список уволенных офицеров по дискредитации, они все наши коллеги по демократическому движению. Меня исключили из партии и оформили документы к увольнению в запас. Повторюсь, как уже сказал ранее, увольняют даже заслуженных, боевых офицеров, орденосцев, таких как капитан Эдуард Громобоев!

Дальше передача пошла на другую тему, а зять и тесть поспешили на кухню допивать оставшуюся половину бидончика пива и с тайными планами перейти к бутылке водки.

В дверном проёме нарисовалась тёща.

– Что теперь будет? – спросила она с ужасом отчётливо читаемым в её глазах.

– А ничего, – отмахнулся захмелевший Эдик. – Хуже точно не будет! Ибо хреноее уже некуда. Завтра посмотрим, что опять предложат. На Крайний Север не хочу, лучше уволюсь и пойду в кооператоры. Пойду помогать Саше Деригу куриный помёт по бочкам грузить! Начнём богатеть на дерьме, это будет наш стартовый капитал. Тестя к делу пристрою, вместе создадим артель говномешателей!

Эдик громко и заразительно заржал, тесть тоже рассмеялся и под шумок разлил по первой стопке.

– Э! Куда? А ну прекрати спаивать зятя! – запоздало подала голос тёща. – Поставь бутылку на место, старый алкаш!

Но было уже поздно, собутыльники звонко сдвинули стаканчики, чокнулись и закусили селёдкой.

– Не мешайся, мать, – рявкнул тесть на жену. – Не до тебя! Тут судьбы страны решаются!

– Это ты-то решаешь? Забулдыга! Молодость мою загубил, жизнь мне испортил, теперь молодых с толку сбиваешь! Пропади ты пропадом, захлебнись ею проклятой!

Тёща ушла прочь, а мужчины быстро допили содержимое бутылки и разошлись по комнатам спать.

...Утро вечера мудренее...

Глава 18. Предложение, от которого невозможно отказаться...

*Глава, в которой Эдика посылают далеко
и надолго, прямо в самую ...*

Утром капитан Громобоев вновь прибыл в катакомбы штаба округа, и опять заблудился, ведь в этих бесконечных лабиринтах, так было легко заплутать, и с непривычки можно бродить не один час, если

тебя не встретят и не проводят к нужной двери. Эдуарду пару раз в тёмных переходах даже показалось, что впереди мелькнули силуэты царских офицеров, в далёком прошлом обитателей этих помещений, из углов повеяло холодком.

«Ой! Привидения! Не может быть!» – мелькнула в голове мысль. – «Мистика!!»

Капитан из любопытства даже ускорил шаг, пытаясь догнать тени, но скорее всего, действительно просто показалось. Наверное, пере-нервничал... Громобоев чувствовал себя не в своей тарелке, гораздо хуже, чем в предыдущий день. Вдобавок ещё и голова трещала после вчерашнего: сказывалось долгое общение с тестем под кислое пиво, а потом под водку. Сколько раз давал себе зарок не смешивать напитки, зачем было после полуночи догоняться?

Спал мало, тяжело и беспокойно, утром встал с превеликим трудом, еле-еле сумел привести себя в порядок. Хотя в принципе внешний вид был уже не важен: действительно, какая разница, за что тебя уволят – за пьянку, или за политику? Конечно же, быть изгнанным за политические убеждения звучало бы солиднее и приличнее, но увольнение «за пьянство» для слуха рядового обывателя или работника отдела кадров – привычнее и нейтральнее. Политический – это несмываемое клеймо на всю жизнь!

Итак, побродив минут пятнадцать по коридорам, лестницам и переходам, Эдуард упёрся в искомую и уже знакомую дверь кабинета кадровых экзекуторов. Прислушался – тишина. Постучался. Подали в ответ голос – пригласили. Вошёл, сел, осмотрелся. Жертву видимо ожидали. Напротив него восседали всё те же вчерашние подполковники, как будто и не расставались вчера, но к тем двум сатрапам, добивавшимся накануне чистосердечного покаяния, прибавился ещё один: третий начальник был статный холёный полковник.

– Ну, как? Что надумали, товарищ капитан? – ласково спросил полковник.

– Я и не думал, о чём мне думать? – простодушно ответил Громобоев и сделал глупое лицо, а с похмелья, придурковатым, оно получилось очень даже легко. – Вы сами сказали вчера – утро вечера мудренее. А тут целое управление кадров и явно мудрецов полным-полно. Наверное, уже намудрили...

– Итак, вернемся к нашим баранам... – вновь начал было нудить полковник.

– Это попытка оскорбления? – живо поинтересовался Громобоев.

– Просто поговорка, без намёка на личности, – заверил полковник.
– Тогда ладно, вернемся к баранам, – согласился вслух капитан, а мысленно продолжил: – «Я и без того к вам вернулся».

Начальники переглянулись, полковник пружинисто вскочил и начал нервно мерить шагами кабинет. Кабинет был длинный и узкий, примерно десять метров на четыре. Три шкафа, два стола, журнальный столик, на полу лежал вытершийся от времени ковер, который гасил звук шагов, два больших дворцовых окна хорошо наполняли помещение светом.

– Вернулись... И что теперь? – продолжил диалог Эдик.

– Вы готовы убыть на север в район Архангельска в артиллерийский дивизион?

– Никак нет!

– Почему?

– Я танкист, не мой профиль...

– Это же самоходки, практически, то же самое...

– То – да не то! Знаете, так можно и вертолет с самолетом объединить. Тем более я ведь уже слушатель Академии.

– Уже нет, – заверил его полковник. – Скажу по секрету, ваши документы отозваны обратно.

– Ух, ты, лихо! Как быстро проделано. И по какому же праву?

– По приказу Члена Военного Совета!

– Ну, если вам сам член приказал, тогда всё понятно... – почесал затылок Эдик и сделал глупое выражение лица.

Высокий подполковник едва сумел подавить распивший его смех, а Громобоев продолжил наглеть:

– Тогда на прежнюю должность меня верните.

– Вашей должности больше нет, вы же прекрасно знаете, часть реорганизована, должность подполковничья, и теперь вместо танкового батальона – танковый отдел, и на это место уже прибыл офицер – подполковник Зверев!

– Эх! Тогда вдвойне жалко, что член велел меня из Академии турнуть. И выходит мне теперь податься некуда...

Холёный полковник побагровел, одной рукой схватился за сердце и, потрясая кулаком, ринулся к двери:

– Викторovich, поговорите минут пять без меня, я сейчас вернусь...

Едва полковник выбежал за дверь, младшие по званию смогли расслабиться и даже чуть хохотнуть над недавней шуткой, попить водички и отдышаться.

– С «членом» ты перебрал, дорогой товарищ, аккуратнее на поворотах, не перегибай палку! – сказал Сергей Сергеевич.

– А я не имел в виду ничего такого, – ухмыльнулся Эдик, – Это же не я придумал так назвать должность... Надо же было обозвать уважаемого человека «членом»!

В этот момент с листками бумаги в руках в кабинет вернулся полковник. Он уселся напротив Громобоева и уставился, буравя колючим взглядом, глаза в глаза.

– А почему вы говорите неправду и жалуетесь, что мы вас увольняем? Зачем же так перевернуть?

– Я жалуюсь? – искренне удивился Эдик. – Когда? Кому?

– Ну да! Мол, выгоняют из армии. Вчера по телевидению за вас заступались!

– А разве нет?

– Нет! Мы просто проводили воспитательную беседу. И в мыслях не было вас увольнять со службы.

– Но лично я не жаловался! И по телевидению правду сказали, вы ведь хотите меня уволить! Пытаетесь! Вчера предлагали написать рапорт!

– Зачем вы так? Мы вам предлагали отдельный батальон?

Эдик опешил, такая ласка в голосе, такой мягкий тон.

– Нет, конкретно ничего не предлагали! Лишь говорили про самоходный дивизион в глуши Архангельской области.

Полковник, с протестующим жестом всплеснул руками, один подполковник отстранился и, замахав ладошками.

– Батальон, дивизион... какая разница? Ладно..., а давай поедешь в танковый батальон под Мурманск? – предложил полковник. – В Кандалакшу.

– Согласен? – спросил длинный подполковник, которого звали Александр Викторович.

Громобоев опешил – слишком гладко стелет, как бы потом чего не вышло!

Не пойму я вас что-то. Я поступил в Академию, а до этого у меня уже почти была должность подполковника...

– Вот именно, почти, – живо среагировал Александр Викторович.

– Вчера мне навязывали самоходки... – продолжал Эдуард перечислять варианты.

– Предлагали, потому что вы служить не желаете! – поморщился Сергей Сергеевич.

– Служить Родине желаю! Но либо в Академии, либо у себя в части!

– Эти варианты не обсуждаются! – рявкнул полковник. – Повторяю! Считаю, что тебя из Академии уже отчислили за вредные идеи. – Да пойми ты, чудак человек, тебя приказал уволить лично начальник Главного Политического Управления генерал-полковник Лизичев! Он твои теледебаты случайно посмотрел по ящику, и наш Член Военного Совета получил взыскание. Разве можно на всю страну такое вслух говорить? Демолитизация, департизация, отмена шестой статьи... Да как же так можно? Вы отдаёте себе отчёт? На чью воду мельницу льёте?

– Неправильная формулировка, товарищ полковник! Надо говорить: на чью мельницу воду...

– Ага! Значит, понимаешь и осознаёшь вину? – обрадовался полковник и вытер платочком пот со лба.

Громобоев заскучал, разговор становился нудным и неприятным, беседа пошла по второму кругу.

– Товарищ полковник! Может, опять вернёмся к разговорам о платформах и внутрипартийной дискуссии?

Полковник сердито швырнул на стол карандаш, который он крутил в руке. Карандаш упал и закатился далеко под шкаф.

– Каков негодяй! Издеваться над нами вздумал! Ты что не понял, что тебя сам Лизичев велел выгнать из кадров? Кто он и кто ты! Прикажут, и выгоним в шею! Да мы тебя, можно сказать, спасаем, ищем, куда бы спрятать от гнева начальства!

– Так спасаете или же можно сказать спасаете? Не верю! Хотите сослать куда подальше, где со мной легче будет разделаться втихаря? Не выйдет! Я только недавно прибыл из Афгана, кроме того успешно выполнил задание Правительства по уборке урожая, в прошлом году в батальоне прошло успешно развертывание в полк и я аттестован на вышестоящую должность... И вот она, благодарность Родины! Сослать туда, куда Макар телят не гонял?

– Начинается... – умерил тон полковник. – Он ещё и недоволен! Да мы лишь учитывая твои боевые заслуги, предлагаем такой устраивающий всех вариант. И всё-таки, скажи на милость, зачем жаловался журналистам и телевизионщикам? Мы ведь тебя не уволили!

– Но собираетесь! – повторил, усмехаясь, Эдик. – Не отпирайтесь. Сами вчера говорили...

Полковник и подполковники, протестуя, дружно замахали руками.

– Прекратите, товарищ капитан! Не было этого, а вы сразу нарасплину возводите, позорите Политуправление военного округа.

Громобоев опешил, растерялся и начал недоумённо переводить взгляд с одного начальника на другого. Как не угрожали? И тут его осенило: «Ах, вот почему они суетятся! За честь политуправы борются...»

– Стоп, перелистаем страницу назад, вы же вчера мне предлагали написать рапорт об увольнении!

Полковник и подполковники переглянулись, перемигнулись, подали друг другу знаки.

– Извините, капитан, но у нас были основания для жесткого разговора! Мы вам показывали документы, письма от ветеранов, возмущенных вашими выступлениями во время выборов. Вами в разговорах неслась такая околесица, сплошная антисоветчина! Мы вынуждены реагировать! А тем более, вы ещё на всю страну поносили Генерального секретаря и его жену...

– Пардон! Жену я не трогал! Раис – это начальник в Средней Азии. Если вы или ещё кто-то не понял, то я не виноват. Я-то, причём, что имя жены генсека тоже Раиса. Случайное совпадение, но как оно символично. И потом, повторяю, сразу после Афгана в тундру ехать я не настроен. Здоровье не позволяет, старые раны болят...

Полковник вновь побагровел, а подполковники наоборот, ехидно заулыбались. Холёный полковник вдруг вскочил из-за стола, уперся взглядом в Эдика и проскрежетал:

– Итак, в последний раз спрашиваю: на север поедешь?

– Нет, товарищ полковник, не поеду, у меня другой вариант наметен. Прошу восстановить меня в моей прежней должности, что поделать, раз она стала подполковничьей так тому и быть. Согласен вернуться! Посмотрите в личное дело – у меня аттестация есть...

Полковник разозлился, пнул стул, и снова побежал на выход из кабинета.

– Наглец! – рявкнул он в проеме и хлопнул дверью.

Провожая взглядом сердитого начальника, Эдик не удержался, улыбнулся и фыркнул, вспомнив слова о гневе начальника Главпура, представив, как самый большой член из Москвы нагнул и отлюбил члена размерами поменьше – местного!

– Чему глупо улыбаемся? – поинтересовался Сергей Сергеевич.

– Да так, это сквозь слёзы...

– Ну-ну, всё шутить изволим? Да знаешь ли ты, капитан, что генерал-полковник Лизичев с такими как ты не шутит? Думаешь, мы в бирюльки играем и от нечего делать с тобой цацкаемся! – рассердился Александр Викторович. – Просто не хотим тебя губить! Но и себя на посмешище прессе выставять не хочется. Нам надо доложить о принятых мерах, что с тобой разобрались, что тебя в округе больше нет!

Внезапно подполковник Сергей Сергеевич перешёл на шёпот, он перегнулся через стол поближе к уху Эдика и прошептал:

– В Германию поедешь?

У Громобоева от столь неожиданного предложения перехватило дыхание, ведь в принципе он уже смирился с увольнением, раз столь высокое начальство занялось его скромной личностью.

– А почему шёпотом? – спросил Эдик в ответ также свистящим шёпотом.

– Наглец! – взвизгнул Сергей Сергеевич. – Мы ему хотим помочь, а он издевается!

– Ну, вы меня просто ввели в пред инфарктное состояние от таких резких перемен: то увольняться, то служить на Севере, а то в Германию. Так и до инфаркта недолго...

Длинный подполковник вскочил, и вновь нервно забегал по кабинету, едва не задевая головой люстру, а второй ласковым голосом произнёс:

– Да ты пойми, чудак-человек! Нам надо срочно доложить в Москву, что в отношении тебя меры приняты. А насчёт Германии... сам знаешь, после объединения, туда сейчас каждый стремится попасть... Появилась вакансия, вот и предлагаем поехать...

– Мне надо посоветоваться с женой, – внезапно брякнул Эдуард первое, что взбрело в голову, желая сделать передышку.

– Нахал! – взвыл теперь уже Александр Викторович и швырнул на стол авторучку. – Теперь он советовать вздумал! О, боже, сколько же в армии идиотов!

– Конечно, это ведь не в соседний дом в гости сходить, а в другое государство съездить, тем более оно стало почти что капиталистическим.

– Тебе сутки на раздумье! Завтра прибыть к девяти утра и доложить!

– Есть – доложить в девять утра! – отрапортовал Громобоев.

– Свободен! – буркнул Сергей Сергеевич и от злости сломал пополам остро отточенный карандаш.

Дома Эдика встретили три пары вопросительных глаз. Семья с нетерпением ждала возвращения опального офицера после экзекуции.

– Ну, как? Тебя увольняют? – с тревогой в голосе спросила Ольга. – Что было в штабе округа?

– Было кое-шо, – ответил Громобоев словами бурсака Хомы Брута, незадачливого героя бессмертной повести Николая Васильевича Гоголя – «Вий».

– Издеваешься? Не томи! Выгоняют из армии или ссылают на север? – со слезами в глазах продолжала допытываться Ольга. Рядом с ней стояла теща, с трагическим выражением на лице, в глазах которой читалось: «эх, непутёвый, так я и знала, толку от этого мужа не будет».

Громобоев неопределённо хмыкнул и промолчал, делая театральную паузу для большего эффекта, пусть себе бубнят.

– Навыступался? Куда пойдешь теперь работать? На завод? В пожарники?

Эдуард вновь ехидно ухмыльнулся, а жена продолжила тираду:

– На что будешь семью содержать и ребенка кормить? Ты ведь кроме как стрелять и детей клепать – ничего больше не умеешь!

Тесть задумчиво почесал огромную лысину:

– Хорошо хоть это умеет...

Эдик дружески подмигнул Палычу за моральную поддержку:

– В доме выпить что-нибудь имеется?

Супруга перешла на визг:

– Вот-вот, быстро сопьёшься с работягами, станешь как мой папаша. Мало нам в семье одного пьяницы?

– А ну-ка, цыц, курицы! – воскликнул тесть. – Верно, зять, не пропадешь, устрою к себе напарником!

Евгений Павлович живо достал из холодильника охлаждённую поллитровку и закусь, свинтил крышку, разлил водку по стопкам:

– Садись, зятек! Эдик, не слушай этих баб – все дуры!

Театральная пауза была выдержана, эффект был достигнут и Громобоев решил, что хватит издеваться и ответил нехотя:

– Нас ссылают...

– Ишь, какой декабрист нашёлся, офицер-дворянин... – буркнула Анна Филипповна. – Мужик-лапотник...

– Не декабрист, но почти что..., – ухмыльнулся Эдик.

– Мама! Он ещё ухмыляется! А о ребенке ты подумал? Как мы будем жить на севере? Там и талоны не отоваривают! Нет ни молока, ни мяса, ни колбасы...

Громобоев снова усмехнулся и небрежно спросил:

– В Германию в ссылку поедем?

У жены и у тещи отпали челюсти от удивления.

– Шутишь? – сердито спросила супруга.

– Серьёзно...

Анна Филипповна вытаращила глаза на зятя, тихо сползла спиной по стене и села на табурет.

– Ну и как? Едем или отказаться?

– Ты опять насмехаешься? Издеваешься? Тебя же выгнать хотели с позором!

– Обстановка изменилась... И потом, разве можно выгнать столь заслуженного офицера? Мои ордена как поплавки, как спасательные круги, утонуть не дадут... Что молчишь? В Германию служить поедем?

В квартире настала мёртвая тишина. Ольга схватилась за сердце, выпустила из рук блюдо, которое разлетелось на мелкие кусочки. Супруга глубоко вздохнула и вдруг громко завопила, запрыгала на месте, хлопая от радости в ладоши.

– Конечно, едем! Милый, конечно же, поедем!

– Тогда я завтра даю согласие. Видали их, сразу стал милым...

– Точно не издеваешься? Или всё же опять смеёшься? – прекратив скакать, зашипела Ольга. – Признавайся – шуточки шутишь?

– Я серьёзно. Так едем или не едем?

Тесть с тещей недоуменно переглянулись, а супруга вновь потеряла дар речи. Наконец Ольга собралась с силами и тихо произнесла:

– От тебя не знаешь, что ожидать в следующую минуту. Насчёт Германии...нет, ты это серьёзно?

– Серьёзнее не бывает...

– Не может быть! С чего вдруг такая резкая перемена в настроении командования?

– Благодаря телевидению и вчерашней передаче! Обязательно надо позвонить и поблагодарить Андрея Гаранина. Итак...

– Что итак? Ты меня уже измучил... Скоро в гроб загонишь!

– В итоге: едем или нет?

– Конечно же, едем! Он ещё спрашивает! Если, конечно, не врешь...

– Не вру – не вру. Ладно, тогда завтра даю согласие, и дальше будь что будет...

* * *

Утром Эдик позвонил из бюро пропусков подполковнику Сергею Сергеевичу, доложил о согласии семьи ехать в «ссылку». Дежурный клерк по Политуправлению на том конце провода крикнул в ответ, и было слышно, как он даже заскрежетал зубами от злости. После короткой паузы Громобоев получил строгий приказ сделать фотографии для заграничного служебного паспорта, сдать их делопроизводителю и срочно уехать в очередной отпуск.

– Выезд к новому месту службы в конце мая! И прошу не опаздывать!

– Слушаюсь... – бравым голосом ответил Громобоев, понимая, что ещё на некоторое время остался винтиком военной машины. Капитан вышел из здания штаба ошалевшим от радости, все ещё до конца не веря, что неприятности завершились.

«Вот когда получу паспорт, пересеку границу, тогда и поверю в реальность произошедших удивительных армейских метаморфоз», – подумал Эдуард и зашагал в сторону освещенного весенним солнцем Невского, навстречу новым и пока неизвестным подвигам.

Бодрым шагом, почти пробежав за пятнадцать минут вдоль по Невскому от арки Главного штаба и до Казанского собора, Громобоев одновременно привёл мысли в порядок. Сегодня был погожий солнечный день и в жизни Эдика явно наметились проблески с надеждой на удачный исход. Капитан купил на углу Канала Грибоедова у толстой тётки продавщицы за двадцать восемь копеек шоколадный батончик, знаменитого на весь Советский Союз замечательного ленинградского мороженого и почти бегом припустил дальше по направлению к Гостиному двору.

Эдуард лакомился мороженым, размышлял и улыбался своим мыслям, от переполнявших его чувств готов был прыгать через широкие лужи, подпрыгивать высоко вверх, пытаясь достать вывески магазинов, петь, размахивать руками, громко орать.

«Забавно! Наверняка такого прецедента в истории Советской армии ещё не случилось! Вместо того чтобы разжаловать или навечно сослать ужасно проштрафившегося и провинившегося бойца в Сибирские снега, высылают из голодающей Родины на сытую чужбину! Ну и ну! Что это – промашка в работе отлаженной политической машины? Поизносился механизм и даёт сбой? Меня прячут в чулан до лучших времен? Вдруг пригложусь в случае чего? Ну ладно, согласен, я действительно хочу попасть в объединившуюся Германию, посмотреть, как живется тамошним людям! Каков этот мир капитализма? Уйти из армии и хлопнуть массивной дубовой дверью всегда успею. Как бы

эти действия кадровиков поточнее назвать?.. Почётная ссылка в Германию? Курьёзно! Спасибо, будь, по-вашему: в Германию, так Германию. Так и быть, сошлюсь...»

Семейство с тревогой и нетерпением ожидало возвращение Эдуарда из штаба.

– Они не передумали? Ты сам не отказался?

– Я подумал и...

– Вот мерзавец! Издевается! – буркнула злобная сестрица жены, зыркнула чёрными глазами и ушла в кухню.

– Согласился. Завтра сделаю фото и в отпуск! Сначала уеду я, обустроюсь на месте, а через месяц-другой вы с Ксюхой приедете...

* * *

...Вечером в квартире был праздник, домочадцы отмечали неожиданную радость. Армейская служба продолжалась и теперь Громобоева ожидала путь-дорога и неведомая жизнь в новой Германии.

Конец первой книги

Книга вторая

**ССЫЛКА
В ГЕРМАНИЮ**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

НА РОДИНЕ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ

Глава 1. Граница, как и прежде – на замке

Глава, в которой наш герой завершает последние дела на Родине, отправляется в Брест и натывается на незыблемый, как и прежде могучий «железный занавес».

Полтора месяца отпуска пролетели как один день. В этот длинный «день» уместились, и поездка к Черному морю с заездом в гости к фронтовому другу прапорщику Гонзе на Украину, и приезд самого Гонзы с многочисленным семейством в гости с ответным визитом, и тур в Москву к дальним родственникам. Выпито «на дорожку» было не мало. В гостях у отца на хлебосольной и гостеприимной Кубани Эдик употребил примерно литров пятьдесят домашнего вина из объёмистых бутылей, и пару ящиков знаменитого шампанского Абрау-Дюрсо, а на Украине с закадычным другом они оприходовали две трёхлитровые банки отборного самогона. Организм пытался робко протестовать, особенно печень, но Громобоев велел ей чуточку потерпеть.

«Молчи гадина, не возражай! Я ведь покидаю Родину, еду на чужбину! Дай погулять напоследок...»

Но все хорошее когда-нибудь, да заканчивается, пора было прибыть в штаб и уточнить, не передумало ли начальство с отправкой капитана-бунтаря в почётную ссылку. К счастью начальство не передумало. Служебный загранпаспорт был изготовлен в срок, предписание на руках, можно отправляться. Эдик зашёл к финансисту, получил окончательный расчёт, в продслужбе и вещевой службе продовольственный и вещевой аттестаты, в строевой части ему поставили записи и штампы в документы о переводе. В завершении всех прощальных военно-бюрократических процедур он снялся с партучета.

В гулком и пустом коридоре возле бронированной двери партийной комиссии, за которой хранился секретный партийный архив (в чём

его секретность понять было трудно), он столкнулся нос к носу с бывшим заместителем начальника политотдела. Заметно раздобревший за последний год вширь майор Авдеев с завистью выслушал рассказ Эдуарда о хлопотах по сбору документов и пред путевой суете, похлопал Громобоева по плечу и сказал:

– Ну да ничего, надеюсь, встретимся в Германии. Мне тоже пообещали в июне решить вопрос с отправкой на должность начальника политотдела артиллерийской бригады. А пока стою за штатом, жду вызова. Но всё на мази, я задействовал необходимые рычаги и друзья обещали помочь...

– Здорово! Значит, скоро увидимся! Хотя... Группа войск большая, и частей много. Ведь там одних только общевойсковых армий целых четыре штуки. И куда вы попадете ещё неизвестно. Я же в данный момент направляюсь в Магдебург, в штаб Третьей Ударной армии! Учтите, мало ли что, чем чёрт не шутит...

– Непременно разыщу! – пообещал Авдеев. – Будет что вспомнить...

Честно говоря огромного желания встречаться на новом месте службы с этим политотдельцем Громобоев не испытывал, ведь взаимной дружбы или какой-то обоюдной приязни у них не было. Да и верилось с трудом в его скорое назначение в Германию, ведь по слухам число желающих убыть в Западную группу войск превышало вакантные места в сто раз, тем более на высокие должности. И для попадания на тёпленькое местечко требовалось занести в нужные кабинеты немалую энную сумму денег. Поэтому шансов у Авдеева не было почти никаких, но... зачем расстраивать человека. Офицеры пожали руки и расстались навсегда.

А вот не проститься с бывшими сослуживцами танкового батальона Громобоев не мог. Капитан заглянул на часок в казарму, и они распили с бывшим комбатом и заместителями в каптёрке бутылку хорошего коньяка. Выяснилось, что полковник Туманов в далёкой молодости, будучи ещё лейтенантом, в Германии уже побывал, и напутствовал как вести себя в пивных гаштетах и как обращаться с молодыми немками. А Вася Шершавников понуро крутил носом-шнобелем и завистливо восклицал, мол, в армии тех, кто честно служит, почему-то не ценят, а разных демагогов, продвигают на тёплые места.

– Это ты про себя? – на пятом восклицании не выдержал Громобоев. – Ты что ли у нас бравый служака?

– Ага! А про кого же ещё?

– Не ты ли сам неоднократно говорил, что дальше пулемётного полка службы нет? Уже десять лет безвылазно тут штаны протираешь и морду отъедаешь.

– Так это же я имел в виду никакого движения на Восток! А на Запад – сколько угодно и чем дальше, тем лучше!

– Значит, тебя начальники слышали, да не поняли. Что ж теперь будь добр – служи и дальше в своём героическом укрепрайоне!

– Мы тебе это запомним, придет срок – попросишься к нам обратно, – пригрозил Шершавников с едкой ухмылкой.

Сослуживцы ещё недавно сочувствовавшие гонимому капитану, теперь откровенно завидовали и в их глазах не было прежнего дружеского тепла. Поэтому вытряхнув в рюмку последние коньячные капли, Эдик и не подумал бежать за добавкой. Обойдутся!

Выйдя за ворота полка и в ожидании рейсового автобуса, капитан зашёл в книжный магазин и там за пятьдесят рублей купил двухтомный «Справочник офицера». Один том с картами, второй справочные данные. Фолианты были довольно увесистые, вместе килограммов на шесть. Эдик был навеселе, поэтому легко отдал почти шестую часть своего офицерского оклада. Что поделаться, ну не смог он пройти мимо любопытнейшего издания с картами мира, схемами всех войн и многочисленными справочными данными. Тяжёлыми томами, наверняка можно было убить человека, если ударить по голове или уронить сверху.

А в результате едва не убил жену, явившись домой с книгами в руках, вместо авоськи с продуктами. Ольгу он просто таки шокировал и лишил дара речи.

– Эти книги были в единственном комплекте, больше в магазине не было! – горячился и доказывал свою правоту Эдик.

Супруга только и смогла что спросить: «а сколько стоят столь ценные фолианты». Узнав цену, сказала в ответ:

– Естественно они были в единственном экземпляре! Ведь только один единственный сумасшедший на весь гарнизон их и мог бы купить! И им был именно ты...

Эдик хоть и был обычно выпив добродушен, но тут разозлился.

– Попрошу без грязных намеков о психушке! Не надо мне напоминать о прошлом...

Хлопнул дверью спальни и завалился отдыхать.

* * *

Через пару дней скорый поезд привёз ссыльного капитана из Северной столицы в приграничный Брест и Громобоев прибыл из одного легендарного города-героя в другой, не менее легендарный. Белорусский провинциальный город-герой Брест по-прежнему ещё сохранял следы европейской архитектуры и быта, несмотря на долгие пятьдесят лет пребывания под властью Советов. Каменные не типовые дома, кривые улочки, многочисленные кафешки, магазинчики, всё было не по-нашему, не по-российски. Народ разнообразно и неплохо одет, чувствуется близкое дыхание и влияние заграницы.

Поезд прибыл на вокзал строго по расписанию рано утром, Громобоев сдал огромный чемодан в камеру хранения и отправился на экскурсию по городу. Капитан был одет в гражданку: джинсы, джинсовая рубашка-батник, французская ветровка, кроссовки – обычный турист. Он не торопливо прогулялся по старым улочкам, по зазеленевшим свежей, молодой листвой аллеям парка, заглянул в не похожую на обычные советские общепитовские тошнилочки уютную пивную. Заведение более напоминало бар или бистро, неоднократно виденные во французских кинофильмах. В помещении стояла тишина и приятный полумрак. Коричневатый каменный пол, низкий потолок, тихая музыка, в углах столики, никакой суеты и шума. Забавный мягкий польско-белорусский говорок бармена и официантки ласкал слух.

«Ну вот, наконец-то я приближаюсь к Европе...» – подумал и улыбнулся Эдик.

Капитан с наслаждением не спеша выпил кружку неплохого свежего пива, а затем примерно два часа побродил по мемориальным развалинам, которые как ему казалось, по-прежнему пахнут войной: порохом, гарью, кровью и смертью. Громобоев прошёлся вдоль монументов, памятников, стел, памятных знаков и надгробий. Эдик задумчиво изучал надписи, перечитывал списки погибших солдат и офицеров, долго размышлял. Выходило, что почти все они в момент гибели были гораздо моложе его, даже руководители обороны почти ровесники.

Громобоев припомнил накануне прочитанную трагическую повесть Бориса Васильева «В списках не значился», и перед глазами вдруг снова отчётливо встала своя недавно пережитая война: самый тяжёлый бой в окружении в кишлаке, упавший в ущелье горящий вертолёт, переползание под огнем противника к тлеющим трупам. Он проникся моментом встречи с давно минувшей войной, ведь в том же сорок первом году где-то под Москвой погиб дед по материнской линии. К горлу подступил ком и во рту запершило. Капитан смахнул с уголка

глаза набежавшую слезинку, хорошенько прокашлялся и направился к выходу из крепости.

На обратной дороге вновь заглянул в уже знакомую пивную-рюмочную, хлопнул стопку водки, закусил беляшом, потом неторопливо выцедил пару кружек понравившегося светлого пива. С трудом рассчитался, потому что никак не мог наскрести необходимую сумму, а ведь точно помнил, что был небольшой запас денег. И куда могли запропасться отложенные в дорогу рубли? Может карманники слоняющиеся среди туристов в крепости стянули?

«Сволочи! Ничего святого за душой!» – ругнулся Громобоев.

Эдуард кое-как насобирал мелочи, высыпал в блюдечко на стойку буфета, вышел на улицу и матерясь, двинул обратно на вокзал. Теперь-то обратной дороги точно нет – случись что-то не предвиденное, не на что вернуться в Ленинград! Благо проездной билет выписан до немецкого Франкфурта и с транспортом проблем не должно быть никаких.

Прошло всего-то ничего с момента прибытия его утреннего поезда в Брест, но как разительно изменилась обстановка на пограничной железнодорожной станции – никакой сонной тишины, вокзал бурлил и клокотал, словно пробудившийся вулкан, толпы народа с баулами и мешками сновали туда-сюда.

Присесть уставшему от трёхчасовой экскурсии офицеру оказалось некуда, все проходы лавки и скамьи занимал возбуждённый, шумный и пьяный торговый люд. Неорганизованная армада «мешочников» с баулами, коробками, чемоданами заполонила здание вокзала и подходы к нему. Громобоев сделал круг по залу ожидания, приткнуться не вышло – духота, теснота, толчея, запах потных тел. Джинсовая рубашка (один из последних сохранившихся трофеев, что привёз из Афганистана) сразу намокла и неприятно прилипла к телу, струйки пота потекли по спине и животу в джинсы. Пришлось выйти на свежий воздух, чтобы отдышаться и проветриться.

У входа стояла большая группа новоявленных дельцов – мужчины, и женщины разных возрастов – они громко разговаривали, обсуждая цены в Польше, подсчитывали вероятные барыши, рассказывали, кто из знакомых и на чём крупно прогорел, а кто наоборот, немало наварился. Толковали о мафии в Польше, рэкрете на родине в Белорусии, о свирепствующей милиции на многочисленных постах.

Эти современные спекулянты галдели, активно жестикулировали и нервно курили. Курили абсолютно все: и мужчины и женщины, причём особенно жадно жевали фильтры сигарет и глотали дым именно

дамы. Торговки были все как на подбор дородные, грудастые, жопастые и горластые. Эдик никогда не курил, и не любил запах табачного дыма, поэтому отошёл чуть в сторону, но продолжал невольно подслушивать не стихающую болтовню на смеси языков русского, украинского, белорусского и литовского.

Внезапно раздался какой-то известный каждому барыге сигнал, народец как по команде ломанулся, толкаясь, и наступая друг другу на ноги внутрь душного зала ожидания.

– Что уже посадка? – спросил Эдик у кареглазой плотной молодухи, которая нетерпеливо уперлась крупной грудью ему в спину и невольно подталкивала капитана вглубь вокзала. Это ощущение агрессивного натиска женской груди было столь неожиданным и в то же приятным и волнующим, что Громобоеву нестерпимо захотелось очутиться со знойной красоткой в одном купе тет-а-тет на всю ночь.

– Конечно, ковалер, нэ зевай, вже пора! Покуда границу пройдему поезд подадут... – ответила девушка певучим украинским голосом и при этом задорно, и многообещающе подмигнула.

Громобоев с трудом подавил внезапно возникшее острое желание резко отстраниться назад, и ещё плотнее прижаться к этим крупнокалиберным соскам, или же ущипнуть дивчину за бок или задницу. Сдержавшись, крикнул, и поторопился в камеру хранения, надеясь позже отыскать девушку в поезде, а там уж... как повезёт. Эдик рассчитался за хранение, подхватил свой красный кожаный чемоданище и вновь влился в суетливую толпу.

Нетерпеливые пассажиры болезненно толкались и яростно ругались с менее расторопными соседями (мол, вас здесь не стояло, нет, я ранее занимал), и все вместе потихонечку продвигались к заветной стойке.

Эдуард тоже медленно перемещался по тесному обшарпанному помещению, мелким гусиным шагом следом за плотной тёткой обладательницей необъёмного зада одетого в джинсы, и попутно читал развешенные на стенах объявления о правилах прохода границы и строгих карах за нарушения. Перечень наказаний за контрабанду золота, валюты, оружия и наркотиков был устрашающим. Сроки заключения – многолетними. Ушлые и бывалые барыги, внешне были спокойны, а нервничали только новички, которые готовили взятки, зажав полтинники и десятки в потные кулаки и кулачки.

Громобоев был спокоен как удав, никакого мандража, ведь у него ничего незаконного не было. Что с него взять, да и за что? Кошелёк пуст и мутный похмельный взгляд абсолютно честен: из драгоценностей

лишь на безымянном пальце обручальное кольцо, а из денежных средств в кармане звенело несколько последних медяков, ну и в чемодане разрешённая к провозу поллитровка водки.

– Документы! – буркнул недовольно таможенник, и ожёг капитана недобрым неприязненным взглядом. – Мужчина! Чего ждём и стоим столбом? Нужно особое приглашение?

Даже кристально честному советскому офицеру от этого пронзительного взгляда стало не по себе.

– Пожалуйста...

Эдик торопливо выложил из бокового кармана новенький служебный загранпаспорт обернутый в коричневую кожаменительную корочку на стойку и улыбнулся в ответ.

– Что везем? – хмуро спросил служака.

– Кроме водки ничего! Свой! Проверенный товарищ... – ответил капитан, повторив и слегка перефразировав строчки из песни Высоцкого.

– Так уж и ничего? Почему не указали в декларации валюту?

– У меня её нет, – чистосердечно ответил Эдуард и мысленно продолжил фразу, дескать, никогда и не было.

– А ЭТО ЧТО ТАКОЕ? – воскликнул чиновник, брезгливо, двумя пальчиками взявшись за обложку паспорта, словно за важный вещдок, и потряс им перед носом капитана.

– Что? – искренне не понимая и не ожидая подвоха, переспросил Эдик. – Я вас не понимаю.

– Вот это!!! Что такое, я вас спрашиваю?

Таможенник дрожащим пальцем указал на червонец, который лежал засунутым под отворот обложки, снова посмотрел на Эдика и даже засиял от восторга. Ещё бы, поймал нарушителя границы!

«Вот ты чёрт!» – искренне изумился и даже матюгнулся вслух Эдик. «А мне в рюмочной пива не на что было попить и посидеть по-человечески, карманников поминал злым словом!»

– Ну, подумаешь, десятка. И что из того? – вновь не понял Эдик. – Совсем забыл о ней...

– Это не десятка! Это контрабанда валюты! – взвизгнул инспектор.

– Какой ещё валюты!!!? Ты мне статью не шей! Зачем горбатого лепишь? – возмутился Громобоев.

– Советской валюты! – ехидно пояснил таможенник, слегка багровея своим крупным рябым лицом. – Контрабанда валюты в крупных размерах. И попрошу не оскорблять Президента страны!

Глаза сотрудника государственной организации торжествовали. Белорусский «Верещагин» невольно сиял от счастья – им пойман опасный преступник! План задержаний на сегодняшний день выполнен и с минимальными затратами сил! Громобоеву не понравилась эта его радость. Дело явно принимало нехороший оборот.

– Я ни кого не оскорблял, это присказка. А насчёт валюты... Сейчас мы мигом исправим оплошность, – заверил Эдик сотрудника таможни, ловко выхватил из отворота паспорта злополучную десятку и мгновенно разорвал на кусочки. Вначале рванул купюру пополам через портрет вождя пролетариата, прямо по известной на весь мир монументальной лысине, а затем от уха до уха. Капитан кромсал красную бумажку, отпечатанную на фабрике Гознака согласно напечатанной на ней даты в одна тысяча девятьсот шестьдесят первом году (как раз в год рождения Эдуарда), рвал всё мельче в клочки. Кромсал ещё и ещё, по отдельным цифрам и по буквам, чтобы нельзя было собрать и склеить. Ничего не значащие теперь обрывки Громобоев сжал в кулаке и оглянулся в поисках – куда бы выбросить мусор. Ну почему у нас никогда и нигде нет урн?..

Инспектор-белорус на минуту потерял дар речи, выпучил свои белёные рыбки, слегка на выкате глаза, и даже выронил паспорт на стойку. Капитан Громобоев мгновенно подхватил его и крепко сжал в другой руке. А таможенник, обретя голос, сипло прошипел:

– Вы шо таке зробыли?!

– В смысле?

– Шо вытворяете!

– Что я сделал? Порвал случайно забытый чирик...

– Вы уничтожили валюту!

– Какую валюту? – уточнил Эдик.

– Это же советские деньги... – прохрипел служака.

– Ах, эти... – Громобоев поискал глазами куда бы бросить клочки (на пол нельзя – сразу оштрафуют или как раз за это и дадут пятнадцать суток), поэтому ссыпал обрывки в карман.

– Преступник! – взвизгнул рыбоглазый.

Таможенник был буквально в ауте. Но вскоре шок прошёл, и он окончательно осознал, что легко добытый нарушитель наглым образом ускользнул из крепких мозолистых лап советского закона. «Нагло выкрутился гад!»

Увы, но вещдок был безвозвратно уничтожен, а преступник стоит себе, притопывая ножкой, да ещё и ухмылялся.

– Да я тебя... Я тебя зараз арестую! – обретя голос, завопил сотрудник.

– За что? – искренне недоумевал Эдик.

– За порчу государственных денежных знаков! – ответил инспектор, уставившись взглядом удава на Эдика, словно на свою жертву. – Товарищ милиционер, подойдите, пожалуйста, ко мне.

Громобоев с огорчением понял, что этот упырь не уймется, покуда не упрячет его за решётку хотя бы на пятнадцать суток. Заслышав зычный призыв, от стены отделился плотный и потный круглолицый старшина милиции. Он эту стену подпирал в полудрёме, но раз его побеспокоили, придётся разбираться, в чём тут дело. Милиционер начал протискиваться сквозь строй барыг к стойке и торговцы, сообразив, что дело неладное, брызнули прочь во все стороны. Вокруг Эдика внезапно создалась пустота, почти космическое безвоздушное пространство. Суетливые пассажиры с сумками, мешками и баулами кося глазами кто по сторонам, кто в пол, кто в потолок, мгновенно переместились к длинным вереницам соседних очередей, предоставив возможность государственным органам разбираться с этим недотёпой, попавшим на таможенный крючок по собственной глупости. Минута и перед широкой стойкой остались лишь Эдуард и его большой чемодан. Громобоев заметил на себе жалостливый взгляд той самой знойной молодухи. Эх, видимо несколько минут назад их желание было взаимным. Но видно не судьба...

– Я тебя в порошок сотру, контрабандист проклятый! Шутковать он со мной вздумал. Да ты у меня больше никогда в Польшу не попадешь! Ах, ты барыга, я тебе сейчас устрою веселую жизнь! – вулканировал неиссякаемой злобою инспектор. – Товарищ милиционер, задержите этого субъекта и изымите у него паспорт!

– А ты мне не тычь и не груби! Не ты паспорт выдавал, не тебе и изымать! – огрызнулся слегка опешивший Громобоев. – И мне твоя сраная Польша и даром не нужна, сам в неё катись. Барыгу он нашёл! Попался бы ты мне на службу в танковый батальон, из нарядов бы не вылезал! На чистке сортира бы умер! Мне в Германию надо, а не в Польшу!

– Ах, в Германию ему захотелось... – елеинным голосом протянул на распев чиновник.

– Ты погляди, они вже и туда протягивают щупальца мафиозной спекуляции... – строгим голосом произнёс милиционер и потребовал предъявить паспорт. – Виткиля воны тильки берутся!

Эдик со старшиной спорить не стал, бесполезное это и не безопасное занятие, и молча отдал свой документ. Однако вместо ожидаемого паспорта толстяк-милиционер получил из рук Громобоева удостоверение личности офицера. Страж социалистической законности в недоумении повертел служебной корочкой и уставился на Эдуарда.

– Вы шо, охвицер?

– Так точно! Капитан Советской Армии!

– И нарушаете закон? Тоже спекулируете?

– Ничего я не нарушаю и ничем не спекулирую, – разозлился Эдик. – Вся моя провинность – червонец забыл пропить в кабаке, оставил её случайно, ну, а потом в спешке, машинально, сунул в... не туда. Давеча в пивной этот чирик искал, и ведь все карманы вывернул, а он оказалось в паспорте лежит. Мелочью полчаса тряс, наскребал, думал, куда деньги на дорогу запропалились. На карманников грешил...

– Не туда он засунул... – со злостью пробурчал таможенник и пригрозил. – Сейчас тебе засунем куда надо!

– Так вы на службу? – продолжал опрос старшина, больше не обращая внимания на инспектора.

– Конечно! В Германию, к месту службы в Магдебург!

– А почему следуете одетым по гражданке?

– А потому! Я не на срочной службе, имею полное право!

– Право-то вы имеете, но и грубить таможене не стоило...

– Он сам ко мне прицепился и хамил, а я даже голос не повысил.

– Грубил! Конфискованную валюту порвал! – взвизгнул инспектор.

– Если её конфисковали – как бы я порвал? И не валюту, а мятый червонец, уже в десятый раз повторяю! У меня никакого опыта пересечения границы нет, только один раз возили самолётом на войну в Афган.

– Где воевали? – с живостью поинтересовался милиционер.

– Пехота, мотострелковый батальон. Два года от звонка до звонка.

– Понятно... Можете быть свободны! Удачи. Будьте аккуратнее и больше не забывайте в документах деньги!

Милиционер козырнул, возвращая удостоверение, и направился обратно подпирать спиной и задом свою любимую стену.

– Да что же это, Михалыч! И вы его не задержите? – изумился инспектор.

– За что? Улик нет... – отмахнулся старшина. – А значит, нет и состава преступления. Тем более он ветеран войны и в его действиях я не вижу никакого злого умысла.

– Всё равно ты у меня границу теперь по-хорошему не пройдешь, – брызгая слюной, проверещал разозленный таможенник. – Я весь твой багаж наизнанку выверну, каждую вещичку перетрясу...

Громобоев обрадовался свободе, не стал больше препираться с гнусным инспектором, лишь уточнил у милиционера время отправления своего поезда и начала досмотра. Оказалось, что ждать его предстояло дольше трех часов. Эдуард с досады за свою промашку тихо ругнулся, почесал затолок и вернулся на освободившуюся от торговцев лавочку в зал ожидания. Вот что значит поддаться массовому движению, это ведь было словно наваждение, какой-то массовый психоз: все побежали и тоже в толпе побежал непонятно куда и зачем.

Капитан пристроился на лавочке, развернул оставленную кем-то местную газету, прочитал заголовки – ничего интересного, одна совдеповская пропаганда в стиле семидесятых годов. Не пресса, а какой-то суловский заповедник. Что с них взять – провинция! Эдуард заскучал, зевнул, закрыл глаза и задремал...

Проснулся он от того, что кто-то аккуратно теревит за плечо. Громобоев приоткрыл левый глаз – на него участливо смотрел знакомый старшина милиции.

– Товарищ капитан, подъём! Ваш поезд скоро подадут на посадку, начался досмотр, а Савенок ушёл в столовую. Советую поторопиться...

– Какой ещё савёнок? – не сообразил спросонья Эдик.

– Ну, этот самый гнусный инспектор, что придрался к вам с червонцем. Василь! Мерзавец, карьерист и крохобор. Савенок его фамилия. Отъявленная сволочь и шкура! Пока его нет, можете спокойно пройти контроль.

Громобоев искренне поблагодарил милиционера, пожал его крепкую руку, подхватил свой многострадальный (с ним он ещё в Афган уезжал служить) тяжелый чемодан, наполненный военной формой и обувью, и поспешил на таможенную и паспортный контроль.

В зале досмотра Эдик раскрыл замки, с готовностью откинул крышку чемодана, но молоденький таможенник даже не взглянул внутрь чемодана, не захотел бессмысленно ковыряться в форменных рубашках, кителях и брюках. Пограничник повертел в руках служебный паспорт, взглянул на фотографию, сверил её с обликом хозяина документа, присмотрелся, прищурился, задал глупейший вопрос – спросил о цели поездки.

– Деловая! – ответил, ухмыльнувшись в ответ Громобоев.

– В смысле? – не понял юмора пограниц.

– Естественно на службу! Для дальнейшего прохождения воинской службы на территории, не знаю даже какой страны. Подскажи, как её сейчас точнее и правильнее назвать: ГДР уже нет, но и вроде пока не ФРГ. В объединённую Германию? Короче говоря, в ЗГВ – Западную группу войск!

– Пограничник с нескрываемой завистью на лице окинул ещё раз взглядом лицо молодого офицера, яростно шлепнул колотушкой штамп в паспорт и протянул документ.

– Проходите! Не задерживайте очередь...

Итак, государственная граница хоть и с приключениями, но была успешно пересечена и «железный занавес» остался позади! Хотя, нет, не совсем позади, ведь предстояло проехать через всё ещё советскую и вроде бы пока социалистическую Польшу прежде чем попасть в эту объединяющуюся Германию. Громобоева так и распирало любопытство, как оно там, жить на свободе?..

Глава 2. В Европе

Глава, в которой наш герой впервые в жизни пересекает границу Германии и попадает в настоящую европейскую Европу.

Наконец пройдя паспортный контроль, Громобоев выскочил из душного зала ожидания на перрон, швырнул на бетонный пол тяжёлый чемоданище, огляделся и заметил указатели номеров платформ и номеров поездов. Ага! Поезд прибывает на платформу номер два, а значит это следующая платформа. Хорошо хоть состав подадут рядом, и не придётся долго топтать с вещами по подземному переходу.

Капитан быстро переместился ближе к цели, отдышался. Вскоре показался локомотив с прицепленной вереницей вагонов. Удивительное дело, но и этот поезд тоже подали вовремя! Эдик в числе первых разместился: обычное типовое купе, пыльное, душное, с заблокированными и не открывающимися окнами. Капитан ожидал, что вагоны

будут более шикарными, и необычными, всё-таки этот поезд советских пассажиров за рубеж возит! Ну да ладно...

Эдуард поднапрягся и забросил чемодан сначала на верхнюю полку, потом засунул в багажный отсек, предварительно вынув из него продукты и необходимые в дорогу вещи. Вскоре появились попутчики: семейная пара, следующая из отпуска обратно в Дрезден. Муж был майор-лётчик, а жена учительница.

Дамочка едва они познакомились, принялась щебетать, как ей не хочется возвращаться обратно, как тоскует постоянно в неметчине по Родине, но вскоре сбилась с этого мотива и принялась рассказывать о страстях с ценами в родной Пензе. Причитала о пустых прилавках магазинов, о преступности и хулиганах, о плохих дорогах, и прочих тяготах в пребывания в отпуске. А потом принялась хвастаться.

– Ах, какой Дрезден красивый старинный город! Ах, до чего же нам повезло с местом службы! – стрекотала манерная офицерша. – Гарнизон замечательный! Недавно удачно купили подержанную «Волгу», надо будет по замене перегнуть домой. Служить осталось год, но если повезёт, то ещё немного задержимся в Германии...

– А как же тоска по Родине? – ухмыльнулся Эдик.

Дамочка покраснела, но сделала вид, что не заметила колкости и продолжила треск. Под эту неумолкаемую болтовню соседки, мужчины-попутчики не заметили, что состав тихо без рывков поехал. Но вскоре встали и довольно на долго, как пояснил Эдику лётчик, специальные деповские бригады меняли колесные пары с широких советских, на узкие европейские.

Громобоева болтовня попутчицы быстро утомила, как впрочем, она утомила и супруга-лётчика. Мужчины вышли «покурить», а некурящий Эдик просто постоять с майором за компанию. Поезд вновь тронулся, за грязноватым окном замелькали аккуратные европейские пейзажи: подстриженные газоны, поля и лужайки, сменяли аккуратные перелески и рощицы. Вдоль железнодорожного полотна почему-то не валялось никакой битой посуды, консервных банок и обрывков бумаги. Громобоев выразил вслух своё удивление.

– Чисто, потому что убирают! – подтвердил сосед. – Да впрочем, и они и не особо сорят. Но Польша – это что, ерунда! Вот в Германии настоящий порядок! Но что рассказывать, сам скоро всё увидишь!

И тут Эдик увидел на полянке несколько зайцев, он испытал настоящий детский восторг, не смог удержаться, дёрнул майора за рукав и воскликнул:

– Зайцы! Погляди-ка! Это же настоящие дикие зайцы бегают вдоль дороги! Да, посмотри же ты!

– Ну и что? Эка невидаль зайцы, кролики, суслики! Присмотрись, ты и оленей увидишь, и лис, только не зевай.

Вблизи железнодорожного полотна, огороженного аккуратной изгородью, сновали, скакали, прыгали и тут и там десятки зайцев. Заворожённый обилием дикой и непуганой фауны, Громобоев тарашился на мелькающие красивейшие пейзажи, и вскоре, действительно, он заметил юркнувшую в кустарник лисицу, и пасущихся на полянке грациозных рогатых зверей, не то оленей, не то козульт.

– ...!!! – только и смог вымолвить Эдуард. – Откуда их тут столько?

– От верблюда! – буркнул лётчик. – Поля опрыскивать дустом и дефолиантами не надо, тогда зверьё будет жить и плодиться. Да чтобы браконьеров было поменьше, и не давить зайцев машинами, и не палить во всё живое почём зря!

Пока за окном не стемнело, Громобоев всё стоял в коридоре у окна и любовался природой, во все глаза смотрел на прыгающую живность, и пенял отечественным лесхозам за отсутствие в русских лесах и полях диких животных.

Следующей ночью прибыли в мирно спящий Франкфурт. Не в тот, настоящий большущий город Франкфурт, что на раскинулся по берегам реки Майн, а в наш, в «советский», бывший гэдээровский, что на Одере. Поезд шёл дальше на Берлин, но туда Эдуарду сейчас было не нужно, а требовалось сойти на станции и далее каким-то образом попасть в город Магдебург.

Он потащил за собой в здание вокзала ненавистный чемоданище, никак не желающий стать хоть чуточку легче. Было темно, но даже в темноте он невольно полюбовался нетипичным для Советского Союза вокзалом в готическом стиле. В фойе капитан нашёл патруль, и начальник подробно рассказал, как найти комендатуру.

– Не торопитесь, там до утра никого нет! Ночь, люди отдыхают, утром приходи, после шести часов!

– А что мне делать до утра?

– Спать. Садись на лавочку и дремли как все.

– Могли бы и работать! Ведь знают же что поезда ночные! Никого порядка! – бурчал Эдик.

Патрульный офицер рассмеялся.

– Где же это видано и слыхано, чтоб совмещались такие понятия как Россия и порядок?

Делать нечего, пришлось прикемарить у окошка на лавочке. В полупустом и гулком здании с вещами ютились несколько таких же, как он бедолаг. Разместился он вполне терпимо, ведь зал был довольно чистым. Оставив вещи на соседа капитан вышел на привокзальную площадь. Прохладный ночной воздух незнакомой страны слегка пьянил. Уснуть так и не удалось. Едва забрезжил рассвет, Эдуард сразу подхватил злополучный чемоданище и побрёл в указанном патрулём направлении. По пути с интересом разглядывал здания старинной готической постройки: с мозаикой, с ажурными витражами, с разнообразными остроконечными башенками, с просторными балконами. Ну вот она та самая Европа!

Пришел рано. До открытия чуть постоял у входа, дождался появления первого офицера, помощника коменданта по ВОСО (военным сообщениям), получил проездные билеты на немецкие поезда до Магдебурга. Билеты были выданы с пересадкой и почему-то через всё тот же Берлин, до которого он мог добраться ушедшим поездом. Ну, да властям лучше знать, почему так заведено.

– А как мне найти дорогу? Я же в немецком ни в зуб ногой? – спросил Эдик.

– Спрашивай на английском, – ухмыльнулся помощник коменданта.

– Да и с английским у меня такие же успехи... – пробормотал Эдик.

– Язык до Киева доведёт, а тебя до Магдебурга, – ухмыльнулся старлей. – Ты ведь офицер! Не переживай, все как-то добираются, и не теряются. К тому же многие немцы знают русский, да и нашего брата тут как собак нерезаных. Не пропадёшь...

Эдику выдали двадцать восточногерманских марок командировочных денег, два билета на разные поезда и отправили в иной мир, с иным бытом и укладом жизни, в мир ему прежде абсолютно незнакомый. Разве что по кинофильмам...

Пока капитан Громобоев находился в комендатуре на дворе полностью расцвело, солнце высоко поднялось и стало не по весеннему жарко.

«Эх, сейчас бы раздеться и поплавать в этом Оudere, как говорится, форсировать реку... – подумал с тоской Эдуард, – но кто знает, где этот пляж и можно ли купаться...»

Капитан шел по перрону вокзала, ориентируясь по указателям с трудночитаемым готическим шрифтом, подолгу разбирал

информацию на многочисленных информационных табло, переспрашивал у «аборигенов», но так и не нашёл необходимый поезд на Берлин. Сел вовремя, даже успел по пути прикупить в магазинчике пару банок пива. О как!!! Настоящее баночное пиво! В последний раз (вернее сказать это был единственный раз в жизни), Эдуард пил баночное пиво вместе с офицерами из разведцентра и военными советниками по дороге из штаба армии в советское посольство в Кабуле.

Громобоева жутко мучила жажда, поэтому едва он устроился в сидячем купе без указания места и лишь с одним попутчиком, тотчас дрожащими пальцами оторвал с крышки за язычок заглушку, и влил без остановки содержимое в пересохшую глотку. Вспомнил былой вкус. Триста тридцать граммов «желтой воды» значительно облегчили существование, но ненадолго. Пиво моментально вышло обильным потом, вытерся носовым платком, который моментально насквозь промок.

– Товарищ, а вы заполнили билет? – спросил сосед по купе. Попутчик был тоже по гражданке, но, не смотря на то, что Эдик не произнес ни слова по-русски, и при входе учтиво поздоровался «гутен таг», мгновенно вычислил земляка.

– Ой! Забыл!

– Сейчас будет контроль, поставьте дату в билете, – попутчик ткнул пальцем в бумажку, – вот так и вот тут, а иначе оштрафуют!

Он показал свой заполненный проездной билет и приветливо и одобряюще улыбнулся. Эдик спохватился, занервничал (вот шляпа!) его ведь предупреждали в комендатуре о правилах перевозок по этим талонам. Капитан, торопливо выхватил ручку из кармана, дрожащими пальцами поставил дату, и чтобы успокоиться выпил вторую банку пива.

– Куда едем? В первый раз в Германии?

– В Магдебург. Надо будет сделать пересадку в Берлине. Не подскажите, как попасть на нужную станцию для пересадки?

Сосед оказался тоже военным, из штаба группы войск в Вюндсдорфе, человек бывалый и знающий, он подробно рассказал, как перебраться с вокзала на вокзал в метро, каким трамваем, где купить и как пользоваться билетами. Эдик слушал, кивал, запоминал, благодарил.

– Главное нечаянно не уйти в Западный Берлин, или на трамвае не уехать. Это сейчас запросто, стену ведь сломали. Формально немцы уже почти объединились, осталось дело за малым, объединить валюту. А если вдруг заблудишься, и на старой границе заметут особысты, тогда сразу говори – прощай Германия!

В этот момент вошёл кондуктор, вежливо поздоровался, отметил билеты. Эдуард ещё чуток поболтал с соседом, но пиво взяло своё, он успокоился и заснул крепким сном до самого Берлина.

Центр Берлина ошеломил Громобоева своей красотой. Никаких следов послевоенных разрушений, никакой обветшалости, всюду чистота и порядок, отсутствие мусора. И хотя попутчик подробно минут десять подробно пояснял, как действовать, Эдик с непривычки все-таки сбился с намеченного попутчиком маршрут движения по городу. Громобоев чувствовал себя инопланетянином, исследующим незнакомую цивилизацию. В результате ненадолго запутал, но услужливые и доброжелательные немцы подсказали жестами, ломаными русскими фразами, были и знакомые немецкие типа: хальт, цурюк и тому подобными словами, почерпнутыми из фильмов о войне.

К тому же в транспорте было много указателей и объявлений, а заслышав русскую или украинскую речь Эдик сразу спешил к говорившим и уточнял верно ли он едет. Все обошлось – не потерялся, нашёл необходимый вокзал и поезд.

Там капитан вновь приобрел в дорогу баночного пива, сосиску, пирожок.

– И ведь, действительно, не пропал! – радовался и восклицал Эдик вслух, разглядывая во все глаза, мелькающие за окном аккуратные, словно игрушечные, немецкие города и деревни. – Как-нибудь доберусь до полка, осталось чуть-чуть...

И в Магдебург поезд прибыл тоже засветло, в шестом часу утра. Громобоев перед самым прибытием в купе быстро переоделся в парадную форму: рубашка, китель с орденами, брюки, фуражка. Высокому начальству следовало представиться как положено, при полном параде: порядок есть порядок.

Магдебург был большим восточногерманским городом, центром земли Анхальт? или если говорить по-нашему – областным центром. Эдик никак не мог привыкнуть к новому временному поясу, поэтому путался в часах и постоянно сверял свои часы с вокзальными. Уже расцветало, на площади вовсю трудились дворники, прибирая брошенный кем-то мусор, а всходящее солнце своими лучами начинало освещать шпили и крыши домов. Город изумил его пьяным шумом и гамом. Едва он сошёл с платформы и вышел из мрачного и величественного кубического здания вокзала, как к нему подвалили три

«в сиську» пьяных немца и протянули ополовиненную бутылку местной водки и заготовали:

– Рус! Комрад!

– Дринк!

– Шнапс!

Немцы выглядели так, словно они сбежали из бродячего цирка. У каждого на голове чёрный цилиндр, на теле верх от фрака, низ без брюк – лишь длинные трусы. В руках мужики держали какие-то венки, тросточки со звоночками или колокольчиками.

– Найн! – только и сумел сказать растерявшийся Эдик, иных слов он не вспомнил.

– Найн рус камарад! Дринк, дринк! – настаивали пьяные немецкие товарищи. – Водка! Дойч водка! Карашо!

Из цепких лап доброжелателей Громобоева выручил советский военный патруль и подоспевший немецкий полицейский. Вояки потащили Эдика в сторону комендатуры, а полицейский энергично помахал дубинкой перед сизыми носами земляков. Подвыпившие доказывали, что всё в порядке, они лишь миролюбиво предлагали выпить. Полицейский через начальника патруля спросил, нет ли у офицера претензий к шаромыгам, капитан ответил, конечно, нет, не отнимали ведь, а наоборот, дружески угощали...

В это время мимо них проехала черная карета с открытым верхом плотно набитая подобными же празднующими и веселящимися пьяницами, и все как один были в чёрных цилиндрах и во фраках, но без брюк. Вместо брюк – шорты или просто цветастые трусы. Карета была запряжена парой лошадей, украшенная венками из цветов и листьев, и длинными разноцветными лентами. Немцы дико вопили, горланили задорные песни, пили из горла пиво и водку, провозглашали какие-то тосты и громко смеялись. Веселое трио неудачливых искусителей раскланялось перед суровым полицейским, они приветливо помахали Эдику и дружно устремились к карете.

– А что это за балаган? – Громобоев проводил пьяниц долгим удивлённым взглядом. – Клоуны в цирке шапито перепилось?

– Да, нет, это молодые ребята со вчерашнего дня гуляют. Сегодня у них весёлый праздник – День пьяного мужика! Или если точнее сказать – день холостяка.

– Хороший праздник, – одобрил Эдик.

– Он уже завершается, основное гуляние было ночью. Все неженатые мужчины пьют и радуются жизни. Хорошо мы подоспели, а то бы

ты и глазом не успел моргнуть, как они тебя в хлам бы напоили. Это у них отработано...

– Спасибо, конечно, но я думаю, что не дался бы! – усмехнулся Громобоев. – Ведь все-таки, кто кого победил? Мы их или они нас?

– Да кто его знает, судя по уровню жизни, – ухмыльнулся старший лейтенант. – Тебе куда? В штаб армии?

Эдик кивнул и уточнил:

– Мне надо попасть в политуправу.

– Все едино, они находятся в одном месте. Мы немного проводим, нам не трудно, это частично наш маршрут. А то вдруг опять другие холостяки пристанут с выпивкой. А потом, чтоб ты не заблудился в переулках, укажем направление движения. Дальше будут заселённые нашими виллы и дома, и уже не потеряешься...

Глава 3. На родине императрицы Екатерины

*Глава, в которой наш герой сталкивается
с очередным сумасбродным генералом и несмотря
на то добирается до места службы.*

Штаб Третьей Ударной армии размещался в симпатичном комплексе состоящем из особняков и вилл, огороженных забором, с несколькими проходными и контрольно-пропускными пунктами. Видимо эти строения достались нам по наследству от частей разгромленного «Вермахта». Громобоев миновал одно КПП, второе, третье и лишь после этого оказался в политуправлении. Дежурный майор сказал, что начальник политуправления генерал Нехайло пожелал побеседовать с новичком лично.

Эдик посидел час в приёмной и наконец-то был вызван на аудиенцию. В огромном кабинете за столом покрытым зелёным сукном восседал дородный генерал-майор со злобными глазами. Сердитый начальник был без кителя, лишь в рубашке с погонами, он сидел под вентилятором, смотрел начавшуюся прямую трансляцию заседания Верховного Совета СССР, внимательно вслушивался в слова речи премьер-министра перед депутатами, обливался потом и вытирал лицо и лысину большим носовым платком. При словах о поэтапном и постепенном

переходе экономики на рыночные отношения генерал Нехайло буквально изрыгнул ругань.

– Ревизионисты! Соглашатели! Предатели! О чём они говорят! Товарищ Сталин бы этого премьера давно бы уже расстрелял...

В мозгу капитана моментально родился афоризм: какой же этот генерал Нехайло? Наоборот, самое настоящее хайло!

Свирепый генерал выключил звук, и забросал вопросами капитана.

– Как поживает мой друг генерал Никулин? Говорят, его в Глазпур переводят? Что нового в округе?

Эдик неопределённо пожал плечами. Откуда он, простой капитан, мог знать планы руководства по продвижению по карьерной лестнице своего злейшего врага. А про себя даже ругнулся: вот ведь каналья этот Никулин, на глазах растёт, шагает вверх по должностям! Ах, он сволочь!

– Не могу знать, товарищ генерал, я был два месяца в отпуске, потом в дороге...

– Не генерал, а товарищ Член военного Совета армии, – поправил его генерал. – Генералов у нас много...

– Виноват, товарищ ЧЛЕН военного совет, – поправился Эдик, слегка выделив и сделав упор на слове член. – Меня отправлял в Германию, проводил собеседование и инструктировал полковник Семёнов.

– Не знаю такого, – чуть подумав, ответил Член. – А как вообще жизнь в Ленинграде?

Эдик внутренне ухмыльнулся и сдуру ляпнул, не смог удержаться:

– Демократы победили на выборах...

– Ах, дерьмократы победили! И чему ты радуешься, капитан? А? Отвечай! Хочешь, чтобы я тебя отправил обратно? – вновь разявил своё хайло Нехайло. – Так это мне легко сделать! Разболтались! Порядка никакого! Встать! Смирно!

Эдик вскочил и вытянулся во фрунт. Он никак не ожидал такой реакции. Вот же чёрт, попал так попал, да этот член Нехайло, прямо двойник, точная копия «члена» по фамилии Никулин! Их что где-то под один член затачивают, и мозги одинаковой начинкой наполняют? Хотя какие могут быть мозги у членов? Мозгам ведь положено находиться в совсем другой части тела...

– Вы спросили и я ответил! Просто констатировал факт...

– Так я тебя могу сегодня же развернуть обратно домой! И констатируй дальше свои факты. Присылают, черт знает кого! Хотят разложить последний оплот Советской армии! Откуда вас таких только берут!

Эдик загрустил. Дело пахло керосином. Он явно попал из огня да в полымя. Тут по всему видно заповедник развитого социализма в худших его идеологических проявлениях. Разозлённый Член Нехало водрузил тонкие очки в металлической оправе на хищный нос и уставился сквозь них, не мигая, на опростоволосившегося капитана.

– Так что с тобой делаем? Может тебя, капитан, действительно сразу отправить обратно? Чтобы не заносил в армию заразу... Что скажешь?

– Предлагаю отправить согласно выданному мне предписанию к месту службы... – уныло ответил Громобоев, чувствуя, что его служба в Германии оказалась как ни у кого другого короткой.

– Ладно, посмотрим на твоё дальнейшее поведение. Я вижу, что наград у тебя много, думаю, дали их не зря. А лишнюю дурь мы из тебя быстро выьем! Ступай в кадры! И лучше мне на глаза впредь не попадайся...

Генерал Нехайло вновь включил звук телевизора погромче, от души выругался на реплику какого-то депутата о частной собственности на землю, и предался видимо своему излюбленному занятию: слушать трансляцию, быть недовольным, беседовать с телевизором и материться.

Уф! Пронесло! Могло быть и хуже. Итак, пора вновь отправляться в путь. Однако теперь ехать предстояло совсем недалеко и недолго. Кадровик-майор выдал предписание и билет в какой-то соседний город Цербст, где базировался мотострелковый полк. Громобоев напряг извилины, пошевелил мозгом, что-то знакомое слышалось в названии этого населённого пункта, но, никак не смог припомнить.

«Ладно, на месте разберусь», – решил Эдуард и поспешил прочь из этого рассадника сталинизма, размышляя: – «Когда же здесь окончательно демонтируют «железный занавес»? Наверное, пройдет не один год. Надо скорее из штаба «делать» ноги!»

Капитану невольно почудился в воздухе посторонний неприятный запах. Словно какой-то тлен.

«Как же тут мерзко пахнет! – размышлял Громобоев торопливо шагая. – Видимо в этой марксистской „оранжерее“ полно разнообразных загнивающих самодуров. А тепличные хозяйства, как известно, должны хорошенько удобряться навозом!»

Обильно потев в тяжелом, плотном парадном кителе, Эдуард наконец доплёлся до знакомой железнодорожной станции. Чемодан

успел оттянуть хозяину обе руки, хотелось зашвырнуть его куда подальше. Посетовал на несообразительность, надо было сдать его в камеру хранения, а не таскать за собой.

За время, проведенное в штабе, вокзал и окрестности опустели, видимо все пьянчуги выбрали свою предельную норму алкоголя и разбрелись по домам. Эдик быстро нашёл в расписании нужный номер пригородного поезда и платформу отправления (он уже научился разбираться с вывесками и информационными объявлениями), сел в него и перевёл дух. Этот состав состоял всего из шести вагонов, что-то типа нашей электрички.

Через час движения с остановками на всех полустанках капитан очутился в этом самом городе Цербсте, именно там, куда ему и следовало прибыть. Громобоев вышел из вагона – и огляделся. А куда двигать дальше? Он заметил в конце платформы низкорослого худощавого майора.

– Товарищ, майор! Дружище! Не подскажешь, как пройти в полк?

Майор оглянулся, посмотрел на Эдика и уточнил:

– Надеюсь, тебе надо в пехотный полк, а не в авиационный? Ибо летуны находятся далеко за городом.

– В пехоту! – обрадовано закивал Эдуард. – Я прибыл в танковый батальон по замене.

– А-а-а, так ты коллега, – усмехнулся майор, приглядевшись. – Говоришь, что прибыл по замене? Это здорово!

Новый знакомый протянул руку и назвался:

– Владимир Странко! А я зампотех этого танкового батальона. Мы тебя уже заждались!

– Эдуард Громобоев! – ответил Эдик и пожал протянутую руку невысокого майора. – Это точно Цербст? Городок какой-то очень маленький. Видимо глубокое захолустье? Самая дальняя и тихая окраина Восточной Германии?

– Захолустный? Ну, ты, брат даёшь! Или не знаешь истории своей родины? Это ведь знаковый город для России! Здесь родилась и выросла самая великая русская императрица! Катя номер два!

– Эва как!

– Вот тебе и эва...Цербст – родина Екатерины Великой!

– А ты чего топчешься один на вокзале? Неужели меня поджидал? – Громобоев схитрил и скрыл за вопросами смущение от своего дремучего невежества.

– Конечно, нет. Скажешь тоже, делать мне нечего кроме как замполитов разных встречать! Я жену жду из Мариуполя, она должна на днях приехать, сообщила, о выезде, вот и хожу регулярно к поездам. Почему-то и сегодня не прибыла.

– Может, поймаем такси? – спросил Эдик, которому уже надоело тягать свой огромный, тяжелый чемодан. – Руки от него устали...

– Да, ладно, не сори деньгами, пригодятся ещё для гаштетов, лучше прогуляемся пешочком в часть, тут совсем не далеко. Я тебе помогу.

– И ведь точно Цербст! – внезапно воскликнул Эдуард припоминая, и шлепнул себя по лбу ладшкой. – Ах, твою, медь! А я-то ещё в Магдебурге подумал, что мне это название неуловимо знакомо! Верно, программа истории восьмого класса! Эх, куда меня занесло! Транзитом из города, где Екатерина Великая правила, в город, где она родилась!

Тощий майор усмехнулся, похлопал Эдика по плечу и предложил по очереди, по сто метров, тащить поклажу. Они не спеша прошли через исторический центр, и по пути Громобоев тарашил глаза на разнообразные и почти не повторяющиеся старинные здания, на замок в готическом стиле, в котором родилась дама перевернувшая Россию вверх дном, на вывески магазинов, на витрины. Под ногами лежала мостовая, выложенная камнем, и подошвы сапог иногда даже проskalзывали на гладких булыжниках брусчатки стертых миллионами подошв за многие века.

– Непривычно всё? Европа! Ничего, скоро освоишься. День-другой, пока я холостякую и мне делать нечего, то могу побыть твоим гидом по городу. Завтра можем продолжить обзорную экскурсию, если конечно ты этого хочешь.

Взмокший Громобоев пыхтел, борясь с тяжелым чемоданом, и поэтому лишь энергично закивал головой в знак согласия. Тут взгляд Эдика упал на старые истёртые трамвайные рельсы, словно замурованные в мостовую, которые почему то резко обрывались на середине площади, словно их вырвали, украли и продали.

Он поставил поклажу на брусчатку и, указав пальцем на транспортный дефект, спросил попутчика:

– У немцев рельсы закончились? Или наши пионеры постарались и стащили на металлолом?

Странко усмехнулся и ответил:

– Да нет, согласно местной легенде, в доме возле ратуши жила бабушка, не то Гимлера, не то Геринга. Трамваи бегали, громко трезвонили, дребезжали, и когда бабуся стала совсем старенькой,

весь этот шум ей постоянно мешал спать. Она попросила дорогого внука прекратить безобразие и дать ей покой. Высокопоставленный фашистский внучок свою бабушку очень любил, поэтому выполнил её пожелание и движение остановил простым решением – ликвидировал трамвайное движение в центре. Для старушки наступил покой, а рабочим стало неудобно добираться на заводы. Может быть поэтому в Цербсте зачахла промышленность и в войну его практически не бомбили. Говорят, на него упала всего одна американская авиабомба. Город американцы брали, обошлось без штурма, поэтому все здания целёхонькие. Ну и наши почему-то его тоже не обстреливали, возможно кто-то знал чья родина, в память о Екатерине. Потом когда янки вывели войска, сюда вошли наши части, ведь эта территория в соответствии с Ялтинскими договорённостями о разделе Германии должна была входить в советскую зону оккупации. Время шло, сменились власти, но трамваи с тех пор так больше не ходили через центр. Так одна зловредная старушка, нарушила единую систему транспортного сообщения целого города...

По прибытию в часть Громобоев представился командованию, и первым делом прибыл на беседу к замполиту полка. Подполковник Патрушенко с виду был достаточно милым дядечкой, широкоплечим, крупноголовым, добродушным. Он сразу побеспокоился о жилье для семьи вновь прибывшего офицера и пригласил к себе в кабинет заместителя командира полка по тылу.

– Иван Федорович! Что у нас есть свободного в жилом фонде для заслуженного офицера? Только называй квартиры самые приличные...

– Надо подумать, – сурово сдвинул брови зампотыл, закатил глаза и смешно зашевелил губами. – В четырёх комнатную квартиру предшественника майора Иванова мы его поселить, конечно же, не можем.

– Верно, не можем. Эдуард Николаевич, поясню, майор Иванов у нас был отец-герой, у него четверо детишек, самая многодетная семья гарнизона. Вернее отцом-героем он так и останется, но уже в России. А у вас, как я понимаю после ознакомления с личным делом, лишь жена и одна дочь.

Эдик кивнул, а зампотылу продолжил размышления вслух.

– В новом ДОСе квартиры заняты, поэтому если селиться в двухэтажные коттеджи... Но даже не знаю... там любая квартира нуждается в хорошем ремонте...

– А эсэсовская башня? – спросил Патрушенко.

– Это можно! И точно! На первом этаже освободилась двухкомнатная, можно хоть сейчас вещи заносить, – обрадовался этой идее зампотылу. – Если нет возражений, тогда я сейчас же распоряжусь!

– Вот видите, Эдуард Николаевич, как всё удачно складывается, квартиру мы вам подыскали прямо рядом со службой, можно будет больше времени уделять личному составу. Сейчас начальник службы КЭС выдаст ключи, быстро размещайтесь и потом знакомьтесь с батальоном.

– А почему эта башня эсэсовская? – уточнил Громобоев.

Замполит хитро усмехнулся в пышные чёрные усы и пояснил.

– Вы же рассмотрели архитектуру наших казарм? Они построены во времена кайзера Вильгельма II. О-о! эти стены многое могли бы рассказать – безмолвная история немецкого милитаризма! Тут стоял полк эсэс. Выгляньте в окно, и увидите возле плаца, перед штабом, домик в готическом стиле? Заметили?

Эдик кивнул, он действительно даже залюбовался проходя мимо, этим строением из старого красного кирпича, покрытым коричневой черепицей, с высокой, но словно бы слегка обрубленной высокой башенкой по центру, и с двумя остроконечными башенками пониже по бокам, с флюгерами на шпилях.

– Ваша квартира будет в боковом флигеле, – уточнил начальник службы КЭС полка и выдал ключи. – Это бывшая военная кирха и квартира капеллана. После победы, расквартированные здесь наши части, её немного переоборудовали: снесли крест, убрали культовые излишества за ненадобностью, разделили зал на квартиры. Так что теперь это ваше жильё.

Капитан поднялся по трём массивным каменным ступеням под небольшой навес, отпёр ржавым ключом замок и вошёл на лестничную площадку. В этом своеобразном подъезде на первом этаже был длинный Г-образный коридор, сразу у входа дверь первой квартиры, а в глубине в дальнем углу виднелась вторая квартира. Помещение с высоким сводчатым потолком пахло сверху и снизу на Громобоева запахами вековой истории, а может быть и полутора вековой.

Затем Эдуард другим большим ключом открыл внутренний замок и вошёл в квартиру. Ого! Да тут настоящий музей! Длинный разветвлённый коридор, большая кухня, две комнаты, совмещённый санузел: раковина, потускневшее от времени старинное зеркало, массивный унитаз

и рядом с ним огромная проржавевшая ванная. Высоко над головой нависали серые потолки на уровне примерно пяти метров, однако оттуда вместо большой люстры, на длинном шнуре свешивалась одинокая лампочка, в стенах были прорублены (правильнее все же сказать созданные планами архитектора) высоченные и одновременно узкие четырёх метровые окна. Ни дать ни взять настоящая келья! Полы в квартире местами были паркетные, местами деревянные, а в кухне и коридоре бетонные. В углу большой комнаты выпирал встроенный в стену камин с изразцами. И комнаты и кухня чистые, но абсолютно пустые, даже без казённой мебели, одни лишь голые стены.

«Обстановка похожая на могильный склеп!» – усмехнулся про себя Громобоев и ещё раз огляделся и произнёс вслух: – А судя по всему, тут действительно в прошлом была полковая кирха или часовня!

Капитан внёс чемодан в комнату, в ту, что поменьше и снова для себя и привидений изрек вслух:

– Товарищ капитан, добро пожаловать в логово эСэС! Приветствую вас духи!

Громко произнесенные слова отразились от стен, окон и потолков гулким эхом, эти звуки повторились пару раз, постепенно затихнув.

– Ау! Эй! Эхо! – вновь воскликнул он шутливо. Эхо отозвалось рычанием и гулом.

«Да уж, и в правду не слишком уютно, склеп не склеп, но настоящая келья! В такой квартире одному спать жутковато», – подумал Громобоев, толкнул чемодан в дальний угол и поспешил в казарму, знакомиться с батальоном.

Эдик быстро освоился и в полку, и в батальоне, ведь ему не привыкать менять место службы и вливаться в коллектив. Командиром танкового батальона оказался типичный хохол: круглолицый, усатый, крупный, пузатый – подполковник по фамилии Перепутенко. Комбат был горласт, криклив и шумен, но на самом деле, оказалось добрейшей души человек. И замкомбата Михаил Толстобрюхов – копия комбата и внешне и по характеру. Начальник штаба отсутствовал – он поступал в академию, поэтому за него работал новичок, который тоже прибыл лишь накануне. Стройный, рослый, со щёгольскими усиками помощник начштаба капитан Семён Чернов, можно сказать, был земляком Громобоева, и приехал сюда из дыры под названием Каменка. Эдик хорошо знал эту Каменку, бывал в ней много раз. Этот соседний с его бывшим полком гарнизон, находился между

Выборгом и Ленинградом, но добираться до города было неудобно, да и начальство той дивизии не поощряло и даже препятствовало посещениям культурных центров, дабы эти походы в музеи, не заканчивались посиделками в разнообразных зланных местах.

Громобоев, заикнулся было комбату о приёме должности у предшественника, на что Перепутенко, разгладив усы, с ухмылкой ответил:

– Было бы забавно на этот приём должности посмотреть! Наш Алексей Петрович в полку месяца четыре носа не показывает, всё в полях с женой и тремя детьми трудятся...

– Как это в полях? С семьёй живёт на полигоне? – не понял Эдуард, ведь обычно нахождение офицера в полях – подразумевалась служба на стрельбище или на танкодроме.

– Ну что ты! Наш замполит отродясь на полигонах не бывал, говорит – ему они противопоказаны, – усмехнулся замкомбата Толстобрюхов. – На плантации он – у немцев полевой сезон начался! Они всей семьёй клубничку сейчас собирают, денежки зарабатывают.

Громобоев хотел сам отправиться на поиски квартиры Ивановых, но майор Толстобрюхов вызвался проводить.

– Петрович мне денег изрядно задолжал, третий месяц никак выцарапать не могу, увиливает гад, а с тобой, наконец-то, будет повод зайти и вытрясти из него должок. Иванов вроде бы по виду и по фамилии русский – но такой жлоб и скупердяй – настоящий куркуль! У меня большие сомнения в истинности, прописанной в личном деле национальности и фамилии Иванова. Подозреваю – псевдоним взял себе или записался на фамилию жены. Ну да что об этом говорить, сам сейчас всё увидишь и поймёшь. Они с комбатом различные темные делишки регулярно проворачивали, потому Перепутенко его всегда покрывал. Офицеры пересекли плац, вышли через парадное КПП (через другое, а не через то, которое вело к замку и в город) и очутились в компактном и уютном военном городке. По обе стороны дороги стояли ряды аккуратных одинаковых трёхэтажных двух подъездных серого цвета домиков, покрытых тёмно-коричневой черепицей.

– Дома у нас стандартные, по восемнадцать квартир, – пояснит Толстобрюхов. – Перестроены и уплотнены после создания гарнизона сразу после войны, говорят, из одной немецкой квартирki уплотнили и сделали по две наших. С другой стороны полкового забора стоят ещё две новых современных пятиэтажки. Их заселили два года назад. Там более комфортно, и живут в основном начальники и «блатные». А здесь проживают прочие семьи из нашего полка и полка летунов.

Лётчиков по утрам увозит автобус за двадцать километров от города на аэродром, и возвращаются они после ужина. Бедняги!

– Почему бедняги? – поинтересовался Эдие.

– Потому что там у них одни самолёты и ни одного гаштета!

Под разговор сослуживцы узкой улочкой миновали военный городок и почему-то завернули за угол. От перекрёстка тянулся ещё один ряд таких же, как и их гарнизонные, одинаковых домов, но покрашенных в более светлые тона.

– А тут проживают под нашей заботой и защитой немецкие товарищи: полиция, пожарные, мелкие партийные клерки. И здесь же семья нашего замполита. Как Ивановы тут очутились – никто не ведает. Этот хитрован Лёха вообще-то умудрился прослужить в полку семь с половиной лет, вместо положенных пяти...

– Значит он настоящий пройдоха? Шмекер! – коротко охарактеризовал его Эдуард.

– Угадал, – усмехнулся Толстобрюхов. – В самую точку!

Перед подъездом на каменном бордюре, вплотную к аккуратной цветочной клумбе и травяному газону стояла подержанная «Волга» чёрного цвета, салон которой был доверху набит вещами.

– Никак уже собрались! Смотри, как плотно упаковал барахлишко, прямо под завязку – констатировал Толстобрюхов. – Видимо завтра-послезавтра Петрович двинет в путь, или переберётся на какой-нибудь фольварк, поближе к земле, поближе к новой работе.

Михаил уверенно постучал в дверь на первом этаже, затем посильнее толкнул её. Оказалось не заперто.

– Они никогда не закрываются. От кого? Ведь тут воров нет... – пояснил он капитану. – Да и что у нас немцам воровать? Сапоги и портянки? Или страшную военную тайну?

В захламлённую барахлом прихожую навстречу офицерам вышел высокий, худощавый, на вид почти измождённый тяжким трудом и жизнью мужчина в чёрных трениках с отвисшими в коленках штанинами и в засаленной футболке непонятного цвета. Бритва лица майора Иванова явно не касалась примерно неделю, а последняя расческа, в его космах и лохмах, по-видимому, сломалась и того раньше.

– Миша! Ну, что такое! Я же сто раз говорил, что завтра верну тебе твою тысячу! Отчего такое недоверие?

Эдик с любопытством быстро огляделся. Всюду царил бардак и беспорядок, казалось, что обитатели этой квартиры бережно сохраняли следы давнего погрома евреев фашистами. На полу под ногами

скрипело битое стекло, всюду пыль, из обстановки лишь старая покосившаяся и дышащая на ладан мебелишка: обшарпанный платяной шкаф без дверей, сервант с треснувшими стеклами, облупленные стены со следами ковров, диван без ножек (ножки заменяли стопки из томов сочинений Ленина). В центре большой комнаты лежали сваленные в кучу тюки с вещами. Хозяйка и дети сидели на кухне пили чай и дружно с подозрением посмотрели на незнакомца.

– Да не шуми ты, Петрович! Я к тебе по делу. Вот это твой сменишник, капитан Громбоев! – пояснил Толстобрюхов. – Желает принять у тебя дела и должность, привёл познакомиться. Поэтому я заодно, дай думаю, зайду и заберу денежку, чтоб ты не бегал по полку как гончий пёс, высунув язык, меня, разыскивая...

Предшественник с унылым видом пожал руку Эдуарду, почесал заскорузлым пальцем сельского труженика переносицу и жалобно посмотрел на замкомбата.

– Мишаня! Вечером деньги отдавать плохая примета...

– Ничего страшного, я не суеверен. Давай-давай, смелее Алексей Петрович...

Иванов тяжело вздохнул, бочком протиснулся мимо тюков в другую комнату, долго шебуршал, и было слышно, как он там напряжённо пыхтел и сопел. Наконец коллега и предшественник, вернулся.

– Тебе старыми или новыми?

– Смеёшься, прохиндей? Откуда у тебя новые? Или полиция уже помогла обменять народные бумажки на буржуазные бундесы? – с недоверием переспросил Мишка.

– Шучу я, – ответил предшественник и осклабился в улыбке. – Думаю, вдруг клюнешь и попросишь...

Михаил неспешно пересчитал свою возвращенную с великим трудом тысячу восточногерманских марок в мелких купюрах. Заметил оставшуюся пачку денег в руке Иванова и переспросил:

– Петрович, а зачем тебе марки ГДР? Их ведь скоро не станет? В России не обменяешь!

– А кто сказал, что я завтра сразу домой уеду? Мы ещё месяц поработаем в госхозе, поживём своим табором за городом. Первого июля через знакомых обменяю марки на бундесы и тогда уеду. Две машины загрузил, два прицепа, но кое-что надо ещё прикупить домой впрок. Поставим палатку, потрудимся, чуток подкопим на дорожку...

Майор Иванов с тоской посмотрел на Громбоева и с нескрываемой болью и тоской в голосе произнёс:

– Эх, как я тебе завидую, Эдуард! Сколько можно дел было бы вернуть в новых экономических условиях...

– Тебе мало семи лет? – ухмыльнулся Толстобрюхов.

– Да я за полгода бы повторил бездарно прошедшую семилетку! – ответил Иванову и, подхватив под локотки офицеров, и не предложив сесть за стол, настойчиво вывел их на улицу. Тут его словно осенило, Алексей Петрович хлопнул себя по лбу и затараторил:

– Слушай, Эдуард, ты ведь безлошадный! Может быть мой «Трабант» купишь? Давай покажу, и даже прокачу. Он за углом стоит. Машина в очень хорошем состоянии, за тысячу марок куплена в том году, но тебе уступлю за восемьсот...

Михаил не выдержал и даже прыснул.

– Побойся Бога, Петрович! Кому сейчас нужен твой «Траби», да ещё за восемьсот марок! Тем более, у сменщика получка будет аж в июле. Он сейчас точно не покупатель.

– Не вмешивайся не в своё дело! – Иванов сердито одёрнул замкомбата. – А ты не слушай его, Эдуард, всё равно посмотри на аппарат.

Алексей Петрович живо увлёл офицеров за собой, они подошли к забавной, горбатой, маленькой машинке, размером примерно со старый глазастый «Запорожец».

– Эх, было время, когда она считалась неплохим транспортом. Давайте, садитесь, довезу до полка. Сразу оцените качество! Петрович распахнул дверцу для пассажиров, сам сел за руль. Толстобрюхов уселся на заднем сиденье, заполнив его целиком своим телом, а Громобоев примостился, скрючившись возле водителя, и почти упёрся коленями в подбородок.

– Машина неказистая, но хорошая, – не унимался Петрович и с надеждой предложил. – Подумай, капитан, я ещё уступлю, скину цену...

– Успокойся Алексей, не наглей! Да ведь он через пару месяцев себе десятилетнего «Форда» купит!

– Десятилетнего! А этому «Траби» всего три года...

– Не слушай его Эдуард. Это пару лет назад по ГДР рассекали сплошь «Варбурги», «Трабанты», а «Волги» и «Жигули» считались роскошью. Теперь немцы от них как можно скорее избавляются, а наши простаки скупают.

– Ну, раз так, тогда прощайте, – обиделся Иванов и резко затормозил возле КПП.

– А как же сдать дела? Документацию? – опешил Громобоев.

– Эдуард, какие вам нужны документы, и какая передача дел? В столе у Васьки писаря всё возьмишь и просмотришь, он этим занимался последние полтора года! – майор смахнул внезапно набежавшую слезу рукавом и вымолвил, – Ну, что же, прощайте, не поминайте лихом!

– А как же проставиться за отъезд? – вновь не выдержал Толстобрюхов. – Не хорошо, не по-офицерски это!

– Откуда деньги взять? На какие шиши кутить, Миша! – Иванов умоляюще скрестил сжатые кулачки на груди. – Ты же у меня последние средства забрал! Можно сказать, оставил детей без хлеба...

– Деток... – хмыкнул замкомбата. – Такие лбы вымахали, ростом выше тебя и пашут в поле наравне с мамой и папой. Да, ну тебя! Сквалыгой ты был, Петрович, таким и остался!

Толстобрюхов сердито махнул рукой на Иванова и увлёк за собой Эдика.

Очень удачно совпало, что Громобоев и Семен Чернов приехали в полк практически одновременно, с разницей в два дня, поэтому они проставились сослуживцам в складчину на пару, денег ведь было совсем мало. Капитаны наскребли по двадцать марок, набрали вина, водки и пива, а закуску добыл из полковой столовой знающий «все ходы и выходы» Толстобрюхов. Много ли служивому народу надо, поди не жрать ведь пришли: бочковые солёные огурцы и помидоры, жареная картошечка с тушёнкой, да рыбные консервы.

После первых трёх тостов Эдик и Семен рассказывали о себе, старожилы в ответ делились информацией о полку. Гульнули на славу, почти до утра. Сёма похвалялся, что ему посчастливилось, во второй раз попасть служить в Германию с небольшим перерывом на посещение Родины.

– Обожаю эту страну! Я здесь лейтенантом начинал, в мотострелковом полку под Дрезденом. Ох и покуролесили мы в своё время на славу... Хотите расскажу вам одну занятную байку?

– Конечно, хотим! – за всех ответил сильно подвыпивший Толстобрюхов.

– Давай Семён, не томи, рассказывай, – поторопил нового приятеля Громобоев.

– Тогда слушайте, а ты Эдик, и мотай на ус, да сам впросак не попадай. Жили мы в общежитии, в каждой комнате по три человека, в тесноте, да как говорится, не в обиде. Провожали как-то в отпуск одного

лейтенанта, не помню уже не имя, ни фамилии, пусть будет Петя. Жадный был до жути, но выпить на дармовщинку не дурак! Набилась полная комната народу, пьём своё пиво, а он, герой дня, представляться не желает. Мы за столом сидим, смотрим на него, а Петя неторопливо ходит по комнате от кровати к шкафу, вещи в чемодан пакует и бутылки со шнапсом, и ликёрами разными для подарков многочисленной родне укладывает. Скучно нам стало, решили сами ему отвальную устроить, заодно и пошутить. От угощения Петя не отказывается, на ходу выпивает, почти не закусывает, и всё складывает, складывает свои нескончаемые шмотки. Ну а мы Пете всё подливаем и подливаем водки, да пивом запить предлагаем. Вскоре уезжающий окончательно окосел и пораньше рухнул спать, ведь рано утром поезд. Отпускник наш быстро уснул и захрапел как паровозная труба. Тогда мы открыли его чемодан, вынули все вещи и бутылки, а вместо них наложили полный чемодан брикета. Поясняя тому, кто не в курсе – у немцев это что-то типа прессованной угольной пыли.

Эдик кивнул головой, мол, понял.

– Утром дружно идём его провожать на вокзал, по дороге снова поим пивом, вроде как опохмеляем, и в результате опять накачиваем его хорошенько, а сами по очереди чемодан за него несём, якобы товарищу помогаем по-дружески. Шутим, подбадриваем, желаем Пете скорейшего возвращения, заносим поклажу в купе, загружаем, поднатужившись вдвоем чемодан на верхнюю багажную полку (одному не поднять), прощаемся, обнимаемся, уходим.

Поезд тронулся, захмелевший Петя завалился сразу спать и прордых до нашей границы, полякам ведь досмотр наших поездов пофиг. В Бресте нашему лейтенанту надо делать пересадку, он с трудом вытаскивает на вокзал чемодан (как только ручка не оторвалась?!) и начинает проходить таможенный контроль.

Инспектора спрашивают, что везёте в чемодане? Отвечает – вещи и подарки. Ему говорят – откройте. Открывает и впадает в ступор: вместо импортных вещей и бутылок – его чемодан наполнен доверху брикетом! Таможня тоже в недоумении, интересуется, что это за груз, мол, какие-то странные у вас товарищ офицер подарки. Лейтенант трясётся с похмелья, да и не на шутку перепуган, пытается оправдываться. (А вдруг в вагоне подкинули наркотики?) Пытается оправдаться, что возможно он в купе попутал чемодан? Потом присматривается, пожимает плечами, хотя нет, но вроде бы свой.

Собралась вся таможня, пытаются понять, что это за провокация? Возможно, таким образом производится проверка бдительного несения ими службы? Уточняют: что спрятано в брикете? Наконец Петя догадывается и отпирается – объясняет, что был нетрезв, провожали друзья, наверняка глупо пошутили. Сперли ликёры и подсунули для веса уголь.

Таможенники естественно сначала не верят, приносят молоток и заставляют лейтенанта разбить первый брикет. Всем любопытно, какая же в брикетах спрятана контрабанда. Петя колотит, и от усердия первый кусок разбивает едва не в пыль. Проверяют на вкус и запах – никаких наркотиков, золота, самиздата, либо чего другого запрещённого. Ладно, говорят: дрови следующий брикет. Дробит – и в этом тоже лишь угольная пыль. Следующий, но снова всё тот же результат. Поглазеть на этот цирк собралась не только таможня, но и пограничники, и милиция, и даже местное железнодорожное начальство. Толпятся вокруг, смотрят, хихикают, дают ценные советы. А перепачканный в угольной пыли Петя, сидит на табурете, потеет, и обречённо продолжает колотить кусок за куском. Говорят, что служивый народ долго со смеху покатывался и несколько месяцев пересказывал всем знакомым эту забавную историю. Конечно, все быстро поняли, что это действительно дружеский недобрый розыгрыш, но порядок есть порядок: заставили разбить каждый брикет.

Воротился из отпуска наш Петя злобный как чёрт, хотел даже податься или отомстить. А с кем именно драться? Со всеми? Кому отомстить? Можно нарваться на новые неприятности. Так ему и сказали – не будь жадным. А водку и ликёры, пока он был в отпуске, мы естественно оприходовали. Не пропадать же добру!

– И к чему ты мне эту байку рассказал? – с недоумением поинтересовался Эдик. – Я вроде бы ничего не зажал для сослуживцев ни чего как майор Иванов. Сейчас как раз представляюсь...

– На будущее, чтобы не был скопидоном, не жлобился, – пояснил нравоучительно рассказчик.

– Сёма, не умничай! Ты же знаешь, я в отличие от тебя, даже урезанную получку не получал! Жду первого июля и сижу на бобах...

– Знаю, знаю..., но на будущее эту притчу все-таки запомни... – снова ухмыльнулся Чернов. – А вот твоего предшественника хорошенько проучить не помешало бы...

– Не обижайтесь на сирого и убого, – усмехнулся Толстобрюхов. – Нашего куркуля-масона Иванова не исправить и не переделать.

Наутро голова у Громобоева трещала и раскалывалась, ему казалось, что ночью её подменили раскалённым чугуном. И ведь сколько раз давал себе зарок – не смешивать напитки! Но нет, не удержался! Захотелось дегустировать невиданные и не питые прежде «Мозельские» и «Рейнские» вина (испытал восторг!), отведать противную немецкую водку «Корн» (бр-р-р), и запить этот мерзкий шнапс прекрасным баварским пивом.

Нашёл в себе силы: побрился, умылся, чертыхаясь побрел в батальон. В дверях казармы столкнулся нос к носу с Толстобрюховым. Михаил на службу тоже чуть припозднился, и вид у него был тоже не важный, даже хуже чем у Эдика, потому что майор накануне не пропустил ни одной рюмки и каждую «шлифовал» банкой пива.

– Замполит! Ты жив? – прохрипел Михаил. – А я, кажется, скоро умру... Наверное, прямо сейчас...

– С трудом, но пока жив, однако состояние примерзкое. И кто только придумал эту водку? Убил бы гада! – тихо пролепетал Эдик, но и без ответа было ясно каково его самочувствие. Офицеры тихо переругиваясь, медленно поднялись по лестнице, зашли в канцелярию.

– Эх, Эдик! Не водку надо ругать, а коктейли! – пробурчал Толстобрюхов. – А ещё лучше пить домашний самогон. Натур-продукт!

– А почему моим состоянием ни кто не интересуется? – обиделся Чернов, низко склонившийся над столом заваленным бумажками, и крепко прижимающий холодный гранёный стакан ко лбу.

– Сёма, по твоему лицу и так всё ясно, – ответил замкомбата, скрипя зубами. – Ладно, молодёжь, буду вас лечить! Пойдем-ка заниматься спортом!

– Какой нахрен спорт, – простонал Чернов. – Голову бы поправить... Еле-еле на стуле сижу...

– Ах, да, вы же не в курсе! Поясняя, позаниматься спортом в лексиконе нашего полка означает сходить в пивной кабачок, который находится на территории немецкого спортивного клуба, а клуб этот вплотную примыкает к нашему стадиону. Там есть узкий проход – прямо в немецкий кабак. Наш полк в этом отношении уникален! Я думаю, другого такого не найти во всей Западной группе войск. Мало того, что стоим практически в самом центре города, так его ещё и окружили питейными заведениями. Сволочи и мерзавцы эти фрицы! Мы их покорили, а они нас споили! И продолжают спаивать, гады!

Старожилы говорят, что казармы нашего полка – это бывшие казармы немецкого учебного полка из состава дивизии СС «Мертвая

голова». И нам все эти зланные места от них по наследству достались. Запоминайте: поработать на технике – в лексиконе технарей – означает посидеть в гаштете немецкого садоводства напротив парка боевых машин. Сходить в санчасть – вовсе не обязательно идти за таблетками, скорее всего офицер хочет заглянуть в бар, который примостился снаружи, с улицы, как раз напротив медпункта. Помимо немецких питейных заведений у нас есть ещё и своё офицерское кафе, оно расположено в помещении вместе с магазином, возле главного КПП, только вход с другой стороны и открыта кафешка после двадцати часов, но этот вариант на крайний случай. Выбор там не велик, да и пиво дороже, чем у немцев. Ну, что, хлопцы, идём, займемся спортом?..

Под разговор о «культурных достопримечательностях», мучающийся Толстобрюхов повёл таких же, как и сам несчастных страдальцев, в спортивную пивную. Денег у капитанов после «проставы» уже не было ни пфеннига, но майор щедро угощал, тем более, что цены почти даровые, да и восточные марки, в настоящее время никто из офицеров не жалел. Через месяц обе Германии объединяли валюты, о количестве обмениваемых денег и о курсе обмена для советских военнослужащих никто пока не объявлял, а немецкие власти затянули эти переговоры. Явно вели политический торг.

Офицеры прошли через вытопанное солдатскими сапогами футбольное поле, прошмыгнули в узкий проход между заборами, чуть спустились по лесенке из серого камня, вытертого многими тысячами офицерских пар сапог, и оказались перед одноэтажным приземистым строением лимонного цвета.

Бар был светлым, чистым и красивым, отделан в современном стиле. Вдоль стен клубного гаштета были развешены десятки спортивных грамот, на полках стояли кубки, а под стеклом – многочисленные медали. Пиво лилось рекой не по-спортивному, здоровый образ жизни у этих спортсменов явно был не в почёте. Зал был примерно на десяток столиков, Толстобрюхов выбрал тот, что поближе к массивной дубовой стойке.

– Курт! Гутен морген! Неси по две кружки пива и по два дупелёчка корна. Шнеллер!

– Карашо, мой друг! – ответил мордатый кельнер, кивнул своей седой взъерошенной головой своей помощнице, и та быстро принесла на подносе заказ. Несмотря на утро посетителей было довольно

много, но в основном за столиками сидели пенсионеры, эти красноносые завсегдатаи не спеша выпивали своё пиво, задорно гоготали и довольно шумно что-то обсуждали. Из игрального автомата стоящего в дальнем углу гремела музыка.

– Интересно, о чём фрицы горланят? – поинтересовался Эдик. – О политике, о курсе марки – о чём же ещё! – усмехнулся Толстобрюхов. – Сейчас все об этом только и говорят. С первого июля, ровно через месяц объединяются денежные системы, вот они и переживают – удастся ли в капиталистической стране легализовать накопленные при социализме денежные средства. Тем более что, наверняка надо будет заполнять какие-то декларации, общаться с налоговыми службами. Впрочем, и наши вояки тоже эти темы обсуждают. Даже в политотделе и в партучёте лишь об этом судачат. Информация точная из первых уст – моя жена у них трудится машинисткой, никакой идеологии в умах, одни марки!

– Ну и пусть, ты разве не болтаешь о деньгах?

– А что мне болтать о них? У меня никаких накоплений, всё спрячено в мешках... под глазами, – хохотнул Мишка. – Будет у нас бундесмарка – хорошо, не будет – жалко, но что поделать...

Офицеры залпом проглотили шнапс, запили пивом и Толстобрюхов велел кельнеру повторить по две порции пива и добавить закуски.

– Эдик, сейчас я вас угощу замечательным местным угощением – айсбаном!

– Что это такое? – живо поинтересовался Эдуард. Название закуски прозвучало не слишком аппетитно.

– Ножки молочного поросенка с тушёной капустой. Уверяю, пальчики оближешь и язык от восхищения проглотитишь!

Закуска действительно была превосходной: сочное мясо таяло во рту, и душистая капуста умялась как настоящий деликатес. Айсбан очень понравился капитанам, как впрочем, и пиво. Эдуард прежде никогда в жизни не пил столь вкусного и душистого пива, а баночное оказалось гораздо хуже разливного! Громобоеву теперь было с чем сравнивать и «Хейнекен» нельзя было даже близко сравнивать с российскими напитками. Дома в пивных чаше продавалось кислятина под общим названием «Жигулёвское», а в среднеазиатских республиках и пиво подавно можно было употреблять только с большим риском для здоровья, там буфетчики в бочковое пиво частенько для поднятия пены добавляли стиральный порошок «Айна».

Эдуард с интересом изучал пивную карту бара, чтение было занятным – потрясающее изобилие: более трёх десятков наименований хмельного напитка! Попробовал освежить в памяти названия отечественного продукта – за всю свою сознательную жизнь помимо уже упомянутого «Жигулёвского», он пивал лишь «Мартовское», «Адмиралтейское», «Ячменный колос», «Рижское», пробовал пару раз «Невское» и «Московское» и... И конечно же капитан знал о существовании знаменитого чешского пива (видел как-то раз у приятеля в баре пустые бутылки с заманчивыми экзотическими этикетками), но прежде отведать не доводилось.

– Живут же люди! – крикнул Эдик вышеживая содержимое третьей кружки и продолжил с завистью. – Когда же мы по-человечески заживём?

К сожалению для собутыльников, бокалы быстро опустели, но раскрасневшийся Толстобрюхов не зевал, и велел Курту повторить, а кроме того принести сочные жаренные колбаски и солёные орешки.

– Сколько я тебе должен? – спросил Эдуард, внезапно погрузнев и пытаюсь подсчитать расходы. – Мы, наверное, получку пропили!

– С ума сошел? Успокойся, какие счета! Тем более весь заказ стоит не более двадцати марок.

Громобоев даже опешил, он никак не ожидал, что роскошная закуска и выпивка могут быть столь дешёвы. А с другой стороны, если это перевести на советские деньги...

– Да, брат, жить тут можно питьё не дорогое. Но есть и минусы в дешевизне. Растолстеешь и от обильного возлияния, потеряешь потенцию. Фрицы тут через одного импотенты! Хорошо бы тебе изучить обычаи, старайся особо не кутить. Запомни одно важное правило поведения в питейных заведениях – никогда не стучи молоточком по тарелочке! – и Толстобрюхов многозначительно показал пальцем в сторону странного прибора на столе: металлический бубен и молоточек, прикреплённые тонкими цепочками к Г-образной подставке.

– Что это? Орудие шамана? А зачем они тут находятся? – с живостью переспросил Эдик и интересом потрогал блестящий хромированный диск. – Прогонять камланием злых винных духов?

– Слушайте! Расскажу вам, друзья, одну забавную и поучительную историю. Три офицера нашего полка поехали провожать в отпуск своих жён и детей на лето на Родину. Приехали в Берлин, посадили семьи в поезд, пустили скупую мужскую слезу, в знак

грусти от разлуки с суженными, помахали платочками и тотчас же рванули на радостях в гаштет, «спрыснуть» разлуку с любимыми на целое лето. Вошли, сделали классический заказ по дупелю шнапса и по кружке пива, хлопнули мгновенно всё это залпом, и захотелось повторить. Мы же не умеем пить размеренно и спокойно – это немец может целый вечер уныло сосать по глотку из кружки пиво, цедить граммами рюмку и задумчиво курить. Нашему брату нужна скорость, темп и количество!

– Это правильно! Что за глупость обнюхивать одну рюмку весь вечер... – согласился Громобоев.

– Верно! И в том ресторане кельнер метался по залу и никак не желал обращать внимания на слегка подвыпивших шумных русских, размахивающих руками. Наши глядят, а на столе висит тарелочка, такая же, типа бубна, под ней молоточек. «Стукнем в неё, может быстрее прибежит» – предложил один приятель. Сказано – сделано – стукнули. Официант, действительно сразу подошёл к столу. Ребята повторили заказ, а соседи немцы стали им одобрительно подмигивать, улыбаться. «Видишь, оценили нас, нравится, как мы умело пьём», – сказал один офицер. – «А давайте покажем немчуре, как могут гулять русские офицеры. Пусть учатся!» Парни хлопнули залпом, ударили вновь в бубен. Немец-официант сразу же тут как тут. «Ещё повторить» – говорят хлопцы. Немцы-соседи улыбаются, показывают в знак одобрения большие пальцы. Гвардейцам неймётся, снова бьют в бубен. Официант говорит, мол, может быть, хватит товарищам офицерам?

«Что ты понимаешь, Ганс», – заявляют они, – «ты не знаешь крепости русского человека! Наливай ещё!»

А весь зал встал и одобрительно зааплодировал.

«Смотрите, оценили, фрицы!» – обрадовались приятели и снова колотят в бубен. Но наглый и бесцеремонный немец вместо водки и пива принёс счёт. Смотрят – батюшки! Твою-то мать! Полторы тысячи марок! Откуда? За что? Оказывается – каждый удар молоточком – угощение всего заведения! А ресторан большущий, примерно на триста человек. Поэтому немец и переживал, хватит ли у господ-офицеров наличности. Командиры схватилась за головы, полезли по карманам, наскребли требуемую сумму, выгребли скопленные и припрятанные от жён заначки, но рассчитались. А потом всё лето перебивались с хлеба на воду. Ни тебе пива, ни тебе развлечений.

– Ты, наверное, был одним из них? – ухмыльнулся Эдик. – Очень живописно и достоверно рассказываешь...

– Да, нет, одним из них был наш комбат Паша Перепутенко, – подмигнул Эдику раскрасневшийся Толстобрюхов. – Только не спрашивайте его об этом, он сердится, не любит вспоминать эту историю. Учитесь на чужих ошибках!

Глава 4. Знакомство с городом

Глава, в которой, наш герой гуляет по историческим местам, знакомится с жизнью восточных немцев и ждет появления капитализма.

Громобоеву было скучно и довольно неуютно обитать одному в этом готическом замке, в прошлом культовом сооружении, поэтому он пригласил для проживания составить компанию капитана Чернова. Можно ведь пожить коммуной, пока жёны не приехали. А чтоб приятелям уж совсем было не скучно, к ним подселился Андрюха Кожемяка – помощник начальника штаба полка по строевой, как и они вновь прибывший, и тоже из Ленинградского округа. Капитаны Чернов и Кожемяка были прежде шапочно знакомы ещё по прежнему месту службы, и вместе прибыли в часть. В итоге получилась не квартира, а мини общага.

К ним на огонёк каждый вечер заглядывали то Толстобрюхов, то Странко, порой забежал мимоходом комбат, а то собиралась и вся весёлая гопкомпания. Временные холостяки закупили объёмную хозяйственную сумку немецких вин на пробу и пару ящиков разнообразного пива. Комбат Перепутенко не одобрил выбора. Он внимательно изучил бутылочные этикетки десертных и сухих вин, крякнул и с презрением покачал головой.

– Вы сдурели чи шо? Кто ж пье эту сладкую и кислую бурду? Так дело не пойдет!

Подполковник достал вместительный лопатник и протянул Эдику деньги:

– Вот тебе марки – купи нормального питья! Потом сочтёмся...

Пришлось Громобоеву докупать коньяк и водку, пополнить бар-холодильник.

– Вот це другое дело! – обрадовался комбат, заглянувший следующим вечером к ним в «коммуну». – А то не знаешь заходить к вам чини. Чисто як дамочки форсите.

– Павел Степанович, нам хотелось попробовать настоящих вин, провести, так сказать, дегустацию, – оправдывался Эдуард.

– Та шо тут дэгустироваты? Обыкновенное кислое пойло, а коли питы так, питы! – внушительно изрёк комбат и одним глотком залудил стопку водки.

– Вино по пять марок – пойло? – возмутился Кожемяка. – Ну, знаете ли...

– И знать не хочу! – отрезал комбат. – Наливай горилки, а то уйду!

Соседями Громобоева в этой старой соборной башне были три семьи, две жили этажом выше, и вход к ним был с другой стороны, а рядом на площадке обитала довольно своеобразная и странная семейка. Глава этого семейства артиллерийский капитан Вася Черкасов, был сильно контужен в Афгане, любил выпить и жене своей уделял внимания постольку поскольку. Зато эта Элеонора, а попросту Эллочка, наоборот усердно интересовалась мужчинами, и даже попыталась навязать свои услуги трём холостякующим капитанам.

Однажды поздно вечером уже хорошо подвыпив, она пришла попросить сигаретку и огоньку. Одета Эллочка была в почти прозрачный и невесомый халатик, уставилась на початую бутылку вина, и замялась у порога. Пришлось предложить присоединиться к компании, неудобно обижать даму. Одним стаканом капитаны отделаться не смогли и достали вторую бутылку «Рейнского». Дамочка бесцеремонно уселась на табурет, забросила бесстыже ногу на ногу, халатик естественно распахнулся и обнажился животик и заманчивая промежность пониже него. Эллочка притворно ойкнула, но вместо того чтоб прикрыться, наоборот раздвинула пошире ножки, показав коротко подстриженный подшёрсток пониже пупка. Понятное дело, глупо отправляясь к холостякующим мужикам натягивать на тело трусики, зачем в случае чего терять драгоценное время...

– Парни, хотите? Будете? Ну же...смелее! – проявила настойчивость Эллочка, покачиваясь на табурете и нахально поглядывая на соседей, сквозь стекла очков. – Хоть по одному, хоть все сразу. Почти даром, всего двадцатка и можно драть меня до самого утра и во все пихательные отверстия...

– Гм-гм... Денег нет, – за всех ответил прокашлявшись Чернов.

– Как хотите. Но я в кредит не даю, – пробурчала недовольная Эллочка.

Капитаны нервно хохотнули, но, не смотря на соблазн, всё же отказались от её навязчивых услуг – и денег нет, да и мало ли чем соседка может их наградить...

Эллочка залпом допила вино и, сильно пошатываясь, ушла к себе в квартиру, бурча на ходу что-то про засилье гомиков и импотентов.

Так что соседи у Громобоева были своеобразные и шумные, частенько слышны были вопли и визги даже сквозь толстую кирпичную стенку. Регулярные потасовки порой переходили из квартиры на площадку или даже во дворик, и завершались руганью под большущим старым клёном. Обычно на шум прибежал дежурный по полку и патруль, чету Черкасовых ругали, страшали, ссорившиеся слегка утихомиривались, возвращались в квартиру к застолью и продолжали распивать шнапс и пиво.

Васю Черкасова интересовали лишь маленький сынишка, да длинная, тощая, тёмно-коричневая собака-такса. Сын достаивался внимания по трезвости, а таксу Марту сосед-артиллерист обожал, кормил вкусностями, играл с ней и регулярно выгуливал. Вася купил её за большие деньги у знакомых немцев и регулярно дрессировал. Из-за Черкасова и его таксы на территории полка почти не было кошек. Он натравливал и науськивал собаку на каждого забежавшего на территорию части кошака, а Марта умело выполняла команды и душила их. Поначалу Василий сам ловил котов, притаскивал для таксы, тыкал дико орущего мурлыку ей в морду, жертва рычала, царапалась, и собака загрызала дико орущего противника. Как пояснял Черкасов своим изумлённым соседям, шокированным этим варварским живодёрством, он при помощи таксы собирался выживать в голодающей России: охотиться на лис, зайцев и прочих зверей. А пока дичью были немецкие и полковые кошачьи. И верно говорят офицеры в полку, что Вася был сильно контужен на войне, что с него убогого взять...

А страшенькая, очкастая, тощая Эллочка, вместе более молодой и гораздо более симпатичной подружкой блондиночкой Маринкой, женой лейтенанта медика, тем временем освоили новый бизнес. С утра пораньше отправлялись на подработку на вокзал. Как говорится, пока мужья пили и пропадали на службе, ветреные полковые дамочки подрабатывали, чем могли и как могли...

Характер заработка был прост и одновременно тяжёл. Эта парочка садилась в пригородные и дальние поезда, и катались туда-сюда.

Бизнес продвигался успешно: минет по быстрому пьяненьким работягам и прыщавым юнцам, секс с остро нуждающимися в нём похотливым пассажирам в степенном возрасте. Тело ежедневно неоднократно шло в дело: стоя в тамбуре, сидя на лавке, лёжа на лавке. Девушки несли и убытки, потому что давали мзду полицейским, кондукторам и делились с мужьями, чтобы те особо не выступали. Но большую часть марок они оставляли себе на тряпки и косметику.

Вечером, возвращались усталые и довольные, прикупив спиртного и закуски, и громко похвалялись трудовыми подвигами, ничуть не стесняясь ни мужей, ни соседей. А затем Вася, обычно хорошо подвыпив, за счёт заработка своей Элочки, и дойдя до нужной кондиции, принимался учить её уму-разуму, бить руками и ногами, а также колотил чем попадало под руку: от шланга до скалки. Близорукая подслеповатая супруга обычно теряла в потасовке очки, пыталась убежать от еле стоящего на ногах супруга, с трудом уклоняясь от побоев, и лишь умоляла не портить «вывеску»:

– Не тронь лицо, скотина, мне завтра на работу ехать!

На эти просьбы, пьяный капитан в ответ громко крыл матом, обыывая её последними словами, и заявлял:

– Ах, ты проститутка! Шалава! Ну, да ничего страшного! Ты работаешь не лицом, а дырками, паскуда!

Но всё же соображал и старался лицо слишком не портить, бить кулаками по менее заметным частям тела: по рёбрам, по плечам, по заднице. А в особые дни, когда на него вдруг снисходило вдохновение, прививал супружнице принципы морального кодекса строителя коммунизма поркой: валил Элочку в траву и стегал портупеей.

– Скотина, – визжала соседка в истерике, – я же теперь ни прилечь, ни присесть не смогу!!!

– А ты не присаживайся и не подкладывайся, стоя работай! – ухмылялся Вася и продолжал методично воспитывать распутную жену...

Майор Стронко каждый день как автомат, по часам отправлялся на вокзал встречать супругу. На третий день пребывания в полку Эдик увязался за ним, хотелось оглядеться, посмотреть поближе, как живут немцы.

– Пошли, конечно, вдвоём веселее гулять, – не возражал Владимир. – И расскажу о городе, и достопримечательности покажу.

Они вышли через второе тыловое КПП, завернули за угол и сразу очутились перед старинным замком. Перешли через мост над ручьем,

который в своё время был рвом с водой, прошли через каменную арку в распахнутые крепостные ворота и оказались во дворе хорошо сохранившегося замка. Капитан с волнением в сердце ступал по мощеным булыжником кривым дорожкам.

– Наверное, по ним ходила в детстве юная, целомудренная и пока ещё не распутная принцесса Катька? Думаю, это именно эти камни с тех пор уцелели и сохранились, и они должны помнить отпечатки её ног, – восторженно восклицал то и дело романтичный Громобоев. – Володя, как думаешь, ведь наверняка с той поры брусчатку не перекладывали?

– Вполне возможно, я как-то об этом не задумывался, – ответил товарищ. – Пошли скорее, к поезду, а не то опоздаем! Не последний день в городе, и ты успеешь обнюхать все эти мхом покрытые камни, исходишь и облазишь все закоулки!

Они вышли из замка через вторые ворота расположенные возле казармы артиллерийского дивизиона, и подошли к перекрёстку. Дорога была пуста, но на светофоре горел красный.

– Стой, не позорь меня, и так немцы говорят, что мы нарушаем порядок. Сейчас загорится зелёный, тогда и пойдём. Видишь, дряхлая старушка стоит рядом и косится на тебя резвого и нетерпеливого.

Эдик скосил глаз вправо, действительно, тарашится на него сухощавая старая карга. Громобоеву заставил себя стоять столбом рядом со Стронко, и топтаться на месте в с трудом сдерживая нетерпение. Капитан озирался по сторонам, видел отсутствие машин во все стороны более чем на километр и почувствовал себя круглым идиотом... А старая немка, наоборот, одобрительно улыбалась двум дисциплинированным русским офицерам.

– Ну, вот! Можешь ведь! – похвалил его зампотех. – Экзамен на цивилизованного человека ты практически сдал! Обычно, если кто-то бежит через дорогу на красный свет – русский! Немцы этого не одобряют...

Сослуживцы прошлись вдоль вереницы магазинчиков, изредка останавливаясь и разглядывая ценники. Стоял субботний вечер, улицы после восемнадцати часов в провинции пустовали, но витрины закрытых магазинов сияли иллюминацией, приманивая впрок случайных прохожих. За стеклами виднелись полки и стеллажи, которые ломились от обилия одежды, обуви, вещей и аппаратуры. Бакалейные лавки соблазняли разнообразием ассортимента, мясные и рыбные консервы, консервированные овощи и фрукты, кондитерские

изделия и сладости, молочные продукты, сыры. Никаких признаков дефицита и кризиса. Лишь колбасные отделы пустовали.

– А почему нет колбас? – поинтересовался Эдик. – Я вчера видел, что в витрине-холодильнике лежало десятка два сортов. Закончилась?

– Да нет. Немцы её на переработку отправляют. Никто не станет покупать в понедельник лежалый товар с прошлой недели.

Громобоев был в шоке. Мало того что колбасы много и нет очередей, так они её недельную перерабатывают! Залежалая! Наглецы! Появись у нас в любом городе или посёлке в открытой продаже этот лежалый сервелат или салями, это явление стало бы настоящим стихийным бедствием, ибо вызвало бы остановку ближайшего от магазина производства и парализовало бы всю жизнь, ведь всё окрестное население ринулось бы скупать продукты...

– Скоро всего этого товара в магазинах не будет, – иронично ухмыльнулся Странко.

– Как это не будет?

– Первого июля произойдёт объединение валют и единого торгового пространства. И прощай продукция ГДР!

Эдик недоверчиво покосился на товарища.

– И ничего в лавки не завезут? Не может быть!

– Завезут, но уже капиталистическую продукцию...

– Откуда ты знаешь? Хочешь сказать, немцы настолько глупы и ломаются на запад, чтобы ухудшить свою жизнь?

– Я этого не говорил. Я сказал – товаров ГДР не будет! Появится и будет продаваться только то, что изготовлено в ФРГ! Все будет с новыми лейблами и сделано по иным технологиям. Мне знакомый немец вчера об этом говорил. Смотри на цены, запоминай, через пару недель их сравним...

Действительно, примерно через неделю все торговцы закрыли магазины на ремонт. Государственную торговлю приватизировали, меняли витрины, многие сменили персонал, да и частники старались не отставать. Эдуарду повезло, зарплату за июнь и июль ему не выдали, финансист заявил, что получка будет новыми деньгами – бундесами, западными бундесмарками. Громобоев особо и не возражал, он был готов потерпеть, ведь особых расходов у холостяка не было: питался в столовой по продовольственному аттестату, а пивом угощали приятели.

Советская армия пребывала в нервном напряжении, ни кто не знал, что делать с накопившимися марками. У всех только и было

разговоров – что предпринять? Тратить? Держать? Немцам уже пообещали поменять по десять тысяч, по номиналу один к одному, остальное с дисконтом в сторону уменьшения, а что будет с «оккупационными войсками»?

Громобоев как раз в эти дни отправился становиться на партучет в штаб дивизии в соседний симпатичный городишко под названием Рослау. Пока он сидел и ждал приёма и оформления документов, машинистки из политотдела так шумно трещали (громче и быстрее пишущих машинок) о скупленных по стоимости в одну марку кофточках и рубашечках. В свою очередь инструктор по партучёту, громко похвалялся купленным, по дешевке, у приятеля немца подержанным «Москвичом»: задаром, всего-то за пять тысяч марок!

Наверняка радость дивизионного партийного чиновника была не долгой, потому что на следующий день пришло сообщение: руководители стран подписали соглашение об обмене денег и граждане, находящиеся в составе советских войск, были приравнены к немецкому населению. Для многих это известие стало тяжелейшим ударом, потому что последние два месяца они безудержно скупали за бесценок товары народной промышленности и тратили восточные марки. И нафига, спрашивается покупали? Ведь всё это добро местные власти в итоге свезли к нашим частям в качестве гуманитарной помощи! А на десять-двенадцать тысяч марок стало возможным купить новый «Опель» или «Форд», за полторы-две тысячи – подержанный! Пусть и двадцатилетний – но в состоянии гораздо лучше, чем новая «Волга»! Многие в расстройстве заболели или крепко запили...

И вот наступило первое июля. Как и ожидалось, жизненный уклад маленького городка, да и всей Германии резко поменялась. Народ словно сходил с ума, хватали всё подряд: японские и корейские телевизоры, видео и стерео системы, кипы вещей. Началась эра потребления, вернее сказать республика влилась в это давно устоявшееся общество, в иную цивилизацию. Жизнь изменилась и у немцев и у русских.

Первая получка была двойной, и Громобоев сразу набрал дефицитной аппаратуры: видео двойку, стереосистему, кассет с порнухой, которые завезли появившиеся откуда-то прохиндеи иммигранты. Этот ушлый народ, бежавший из Советского Союза в прошлом и позапрошлом десятилетиях, представляющий разные национальные меньшинства СССР, организовал стихийные рынки вокруг частей. Командиры велели их гнать, приходил патруль, начальники шумели, пытались

употреблять власть, но что можно сделать на территории чужого государства с гражданами этой страны или с беженцами? Торговцы отойдут чуть в сторону, вновь развернут лотки и все дела. Впрочем, командиры и сами регулярно покупали у них «колониальные» товары, ведь у еврейских, армянских и грузинских иммигрантов вещи были пусть и без гарантии, явная контрабанда, но зато много дешевле, чем в официальных немецких магазинах.

Глава 5. Старинное кладбище

Глава, в этой главе наш герой вновь размышляет над превратностями истории, вновь сталкивается с равнодушием.

Пока Громобоев холостяковал, у него была масса свободного времени, поэтому он обошёл компактный Цербст вдоль и поперёк, за исключением промышленных окраин: сфотографировал памятники, старинные здания, полюболюбившиеся пейзажи. Однажды он спросил у зампотеха, что это такое виднеется вдаль, позади парка боевых машин, огороженное полуразрушенной старой стеной. Странко пояснил, мол, там кладбище военнопленных, зверски замученных фашистами в концентрационных лагерях.

Эдик был любопытен и решил проверить, так ли это, ведь фашисты вроде бы в лагерях трупы сжигали, а тут настоящее огороженное кладбище. Не может такого быть, чтобы кладбище военнопленных сохраняли фашисты! Громобоев для начала заглянул в автопарк, отметил, что побеседовал с механиками, и быстро зашагал по проселочной дороге. Если кто-то думает, что раз просёлочек, значит у тебя под ногами обязательно гравий, пыль и грязь, то он ошибается. Просёлки наши и немецкие имеют коренное отличие: в Германии просёлочек не грунтовка, а асфальтированная дорога, с осевой разметкой, да еще и разметка обочин, и деревья, стоящие вдоль дороги тоже выкрашены на уровне человеческого роста белой люминесцентной краской, и если ночью едешь по ней, то мчишься, словно в хорошо освещенном коридоре.

Эдуард дошёл за пять минут до заброшенного уединенного кладбища, отворил покосившуюся решетчатую калитку на ржавых воротах

и проник внутрь. За стеной во все стороны тянулись ровными рядами могильные холмики, поросшие густой травой. Вдоль стен высились раскидистые многолетние липы, ясени, клёны, дубы. Под сенью могучих деревьев действительно покоились русские воины-мученики. Громобоев окинул взглядом захоронения — не меньше тысячи! Как много умерших, но ни одной братской могилы, у всех персональные. Странно! Слишком уж гуманное отношение для фашистов к военнопленным! Капитан взгляделся в потемневшие и покрытые плесенью надгробия, многие из которых заросли мхами. Прочитал и поразился: лейб-гвардии штабс-капитан, ротмистр, урядник, есаул, унтер-офицер, нижние чины в звании рядового!..

Затем он приметил на большущем могильном камне хорошо сохранившуюся надпись: «Их благородию господину полковнику, от офицеров и нижних чинов». Фамилии на могильных камнях чаще были чисто русские как: Филатов, Пименов, Лебедев, Алексеев, Попов, но попадались и надгробия люда явно не из простых: Шром, барон Ридигер, Каралис, Зверлин, Венгловский, Измайлов...

Покоились военнопленные все рядом, вперемешку, не по статусу, не по рангу и не по чину, и не по алфавиту. Смерть уравнила всех воинов, и хоронили, очевидно, по годам. Вот небольшой ряд четырнадцатого года, следом ряды пятнадцатого, больше всего было могил шестнадцатого года. Крайняя дата захоронений была датирована апрелем восемнадцатого. Громобоев брёл между холмиков не торопясь, читал надписи, размышлял и вдруг наткнулся на однофамильца, а может и дальнего родственника, кто его знает? На потускневшей табличке было выбито: «Георгиевский кавалер, унтер-офицер гродненского пехотного полка Трофим Громобоев». Ниже даты: родился в одна тысяча восемьсот девяностом, принял мученическую смерть от ран и болезней в январе восемнадцатого года. Вот так встреча! Капитан сорвал росшие рядом с десятком полевых цветов и положил на могилу героического предка-однофамильца. Затем на тропке он нашел старинную солдатскую медную пуговицу с двуглавым орлом и положил в карман, словно вещественное доказательство.

«Унтер умер уже после революций и немного не дожил до перемирия и освобождения. Эх, не повезло бедняге», — подумал капитан, молча стоя у забытой могилы. — «Чудно! А ведь даже фашисты не сломали это кладбище, не сровняли с землёй! А есть ли у нас в России подобные кладбища павших в Первой мировой войне? Ведь наша история начисто переписана и словно бы началась с белого листа,

с Октябрьской революции семнадцатого года. И где же покоятся все те два миллиона погибших солдат царской армии? Вычеркнуты целиком из памяти последующих поколений?»

Эдуард с тяжелым сердцем вернулся в автопарк и рассказал о своём любопытном открытии.

– Странно, – хмыкнул Странко. – Почему-то в полку все уверены, что это кладбище иной войны, последней.

– И неужели никто не удосужился дойти до него и положить цветочки? Хотя бы в День Победы? Привыкли таскать венки к величественным монументам и обелискам...

– Не бубни. Поглядите-ка на него, какой выискался красный следопыт-тимуровец. Чего это ты на меня волну гонишь? Больше всех надо? Люди служат, работают, возможно, теучка их заела.

– А замполит, парторг, комсорг? Им ведь за это деньги платят! Эти только и горазды, что с трибун болтать об угрозах империалистов. Я там однофамильца нашёл унтера Громобоева. А может быть даже дальнего родственника или прапрадеда? Мы ведь живших прежде наших дедушек никого из предков обычно не знаем. Вот ты, например, помнишь имя хоть одного своего прадеда?

– Прадеда, говоришь? А как это хоть одного? Прадед он и есть прадед...

– Их, как минимум должно быть четверо, по папиной линии и по маминой!

– А-а..., ну, да, ну да, оно конечно верно, – заметно было, что зампотех явно тужился, и напрягал мозг, соображая и пытаясь вытянуть из глубин памяти хоть какие-то имена. – Честно – не знаю! Были у меня два дедушки: Миша и Саша. А по отчеству я их не называл, поэтому... не знаю... И чего ты пристал ко мне как банный лист к голой жопе! Можно подумать, ты знаешь прадедов имена!

– Знаю! Василий и Мартемьян! И прапрадедов знаю! Терентий! А до него был Сафон! А дед Сафон был почти ровесником Пушкина, даже старше поэта на четыре года! Вот! Но это по одной родовой ветви, а их ведь должно быть четыре...

– Врешь поди, на ходу выдумал! Или ты из недобитых дворян? – не поверил и с подозрением покосился Странко. – Это только графы, да бароны племенную родословную ведут на двести-триста лет назад.

– Увы! Я из самых что ни наесть обычных крестьян! Только свой род не забыл и помню, мне бабка рассказывала! Родня была ссыльная,

каторжная, беглые, ни царя не любили, ни большевиков. Сибиряки, свободолюбивые, вольные землепашцы! Крепостного рабства не знали, в холопах не ходили, в отличие от вас! Лишь при Сталине сумели их скочынуть с земли и пустить по ветру, растоптать в лагерную пыль. И этот здешний Громобоев с именем Трофим вполне мог быть нашим родичем. А я не в курсе кто он и это меня злит. А ты никого не помнишь и тебе пофиг...

– Отстань! Я живу нынешним, а не прошлым! Мне вот, например, сегодня надо жену встречать, а не по старым кладбищам шастать, да болтать попусту. Бывай!

Странко отодвинул разгорячившегося Эдика в сторону и зашагал прочь из автопарка, в сторону города.

Глава 6. Экономическое объединение

Глава, в которой наш герой наблюдает, как Германия воссоединяется экономически и в свою очередь воссоединяет свою семью.

Служба в полку шла не шатко не валко, потому что ни какой боевой работы не было вообще. В первых числах июля, как гром среди ясного неба вдруг прошла информация, что их Ударная армия выводится из Германии самой первой в группе войск. Предписано убыть домой до конца года! И ни самой гвардейской дивизии, ни её полков уже к ноябрю не будет существовать. Танки – в Сибирь, боеприпасы – передать в другие части, имущество – в Белоруссию. Военный народец впал в прострацию, все ведь надеялись немного послужить, наслаждаясь свалившимся на них изобилием. Но как говорится: человек предполагает, а судьба располагает...

Главы стран подписали Договор о сроках вывода, о порядке сдачи гарнизонов и ещё ворохи разных документов. Советский Союз получил кредит на шестнадцать миллиардов марок: теперь появились деньги и на вывод войск, на содержание армии за границей, и на строительство жилья. Первые эшелоны с вывозимым военным имуществом потянулись домой уже в конце июля. Генералы пообещали не оставить выводимых офицеров без квартир. Поступил приказ: офицеров и прапорщиков по выводу и расформированию частей в обязательном

порядке отправлять служить туда, где у них есть жильё. Выходило так, что Эдику через несколько месяцев предстояло вернуться к старым недругам в свой округ, где его совсем не ждали. Нелепая случайность или это была заранее заготовленная кадровиками подлянка? Гнусный изуверский план дать подышать мятежнику свободой, взглянуть на Европу, отправив в Германию в первый выводимый полк? Словно в рассказе Антона Чехова: дали проглотить голодной собачонке кусок мяса на нитке, и силой на веревочке вынули обратно из желудка. Политуправцы из меня буквально какую-то «Каштанку» сделали. Понюхал, подышал и назад в будку! Силком затягивают обратно на аркане, возвращают в застойное болото! Садизм какой-то!

Месяц назад Эдуард выслал официальный вызов своей семье на жительство за границей по месту службы, и вот, наконец, жена и дочь должны были приехать. Накануне в квартире прошла прощальная пьянка, их весёлому офицерскому обществу пришёл конец. Временные соседи Кожемяка и Чернов с видимым неудовольствием собрали барахлишко, и пообещали после обеда, до приезда семейства Громобоевых выселиться и прибраться в покидаемых апартаментах.

А Эдуард после утреннего полкового построения и батальонного развода отправился на вокзал в Магдебург. Взводный Щеглов вызвался помочь встретить семью, а заодно обкатать, опробовать старенький пятнадцатилетний «Форд», да и у самого были в большом городе дела: надо заскочить на автомобильный рынок, прикупить запчасти. Машина была не новая, но в отличном состоянии, скоростная и Эдик наслаждался комфортной поездкой, он впервые ехал в просторном салоне иномарки. Лейтенант легко и без усилий выжимал из «Форда» сто двадцать километров в час. Час езды и уже на месте.

Прибыли как раз вовремя, встретились с Ольгой и Ксюхой на платформе и поспешили скорее к авто. Жена и дочь выглядели ошалевшими: чужая страна, незнакомая речь, иная жизнь. Маленькая дочка с любопытством крутила головой, и никак не могла понять, почему все люди вокруг каркают и чирикают.

– Папа, почему они говорят как птицы? Не могут по человечески?

– Это у них язык такой, немецкий, – пояснил ей Эдуард, весело улыбаясь. Он подхватил объёмистые чемоданы и потащил к машине. Сразу домой не поехали, а немного покатались по городу, лейтенант организовал своеобразную бесплатную экскурсию, потом погуляли по торговым улицам, пока он приценился на разбракровке к запчастям.

Эх, когда ещё в другой раз удастся оказаться в Магдебурге? Да и выпадет ли такой случай повторно вообще? До ноября осталось меньше трёх месяцев...

Ольга была в шоке от чистоты, порядка и красоты. Да и известие о скором возвращении выбило из равновесия – ехала надолго, планировала, что на несколько лет, а что вышло? Можно чемоданы и вовсе не распаковывать!

Хотя, в принципе и три месяца – тоже срок и немалый! Успеешь и приборахлиться, и отведать деликатесов, и продегустировать напитки, купить машину и аппаратуру. Как говорится, выполнить план и приобрести полный джентльменский набор советского «окупанта».

По прибытию в часть Эдуард в первую очередь познакомил Ольгу с офицерскими дамами танкового батальона: с комбатшей и заместительшами. Офицерши каждое утро уходили на заработки, на промысел, и сразу привлекли к труду Громобоеву. Женщины до обеда собирали на полях в немецких кооперативах огурцы и получали зарплату в двадцать марок в день, плюс приносили бесплатные огурчики для дома.

Семья Громобоевых остро нуждалась в валюте, поэтому рано утром дочку оставляли в квартире одну досматривать сны, а потом велели смотреть мультики по заранее включенному видеомagnифону. Конечно, не совсем одну, а на попечение солдата-писаря Васьки. Под работающий телевизор Ксюха просыпалась, играла в куклы, рисовала, потом солдат-нянь приходил, напоминал о завтраке, скармливал ей йогурт. Если девчушка капризничала и отказывалась – съедал сам. Чтобы добро не пропадало...

А капитан Громобоев ежедневно на рассвете уезжал вместе со всем батальоном на ликвидацию запасного района сосредоточения. Солдаты вручную лопатами, закапывали и сравнивали открытые посреди соснового бора и протянувшиеся на сотни метров окопы, десятки блиндажей и капониров, а офицеры собирали в посадках грибы.

Маслят в этот год уродилось видимо – не видимо. Рядом с укрепрайоном на многие километры раскинулись поля, засаженные хмелем, ходи между рядов и не ленись нагибаться. Да и в молодом ельнике, тут и там встречались и колонии маслят, и волнушки, и опята, и сыроежки. Немцы грибы, почему-то не собирали, наверное, не понимали в них толк, не видели в них закуску...

Эдик вместе с сержантом-помощником набирал каждый день полную плащ-накидку грибов, а Ольга приносила корзину огурцов. Картошкой

разживались в солдатской столовой, а водка и пиво из магазина. Каждый день по окончании работ, управление батальона накрывало по очереди стол: то у Странко, то у Толстобрюхова, то у Перепутенко, то у Эдика и отмечали любой повод. Почему-то чаще собирались в квартире Громобоевых, наверное, потому что она была рядом с казармой и штабом, к тому же самая неухоженная и необжитая, и по-прежнему напоминала общагу. Мебель в квартире стояла убогая. За неделю до приезда семьи капитан притащил из казармы две железных панцирных кровати, да подаренный диван с немецкой «помойки». Полы так и остались без дорожек и без ковров, а огромные окна в готическом стиле без штор, завесили солдатскими простынями. Действительно, настоящая спартанская общажная обстановка.

В эти дни семьи цербстского гарнизона экономили на всём, на чём могли (в основном на питании и квартплате), за исключением выпивки. На пиве ни кто не сэкономил. Как можно? Пиво – это святое! Когда ещё удастся попить столь качественный и вкусный напиток? Свято-татство, да и только!

В тот августовский день майор Странко ворвался в штаб батальона, словно бежал от урагана. Зампотех был ужасно злым, выглядел каким-то помятым, на лице были отчётливо видны пара ссадин и синяк. Он схватил Толстобрюхова за руку и потянул в каптёрку. Там майоры некоторое время о чём-то громко говорили, а затем быстро направились к выходу.

– Эдик, мы в городок, а потом на спортивную площадку, если о нас будет спрашивать комбат, – крикнул зампотех скороговоркой на бегу, обращаясь к недоумевающему капитану.

– Помощь нужна? Вы до спортивного гаштета? – подмигнул им Громобоев.

– Отстань! Сейчас не до шуток, – буркнул Странко и с силой хлопнул дверь.

Оба заместителя, словно в воду канули и не показывались в казарме до самого вечера. Впрочем, комбату было не до них, он занимался купленным накануне грузовичком. Майоры появились лишь после ужина, ближе к отбою, и пригласил Громобоева на выпивку.

Эдуард отложил документы, живенько собрался и они поспешили на выход. Вскоре офицеры сидели в уютной беседке за столиком летнего гаштета, того что возле автопарка и Странко поведал о случившемся. Оказалось, супругу зампотеха попытался изнасиловать

начальник физподготовки полка. Эта сволочь жила этажом выше и офицеры пока не было жён почти год приятельствовали. Начфиз Фёдор регулярно заходил обменяться видеокассетами, послушать музыку, попить пива, поболтать. Но с приездом жены Странко – Валентины, он особенно зачастил. Так как зампотех часто отсутствовал ночами, приходы соседа по вечерам не нравились, Володя сказал об этом спортсмену, но тот лишь ухмыльнулся и выразил обиду и недоумение. Красавчик Фёдор был закоренелым холостяком. Хорошо сложенный атлет, циничен, нагл, самоуверен, пользовался популярностью у многих полковых женщин.

– Сам виноват, прикормил змея! Пока Вальки не было, мы сдружились, а как она приехала, то этот кобель на неё стойку сделал, слюнки пустил! А Валюха и сама хороша, любит хвостом покрутить, дома сучка без трусов в одном халатике шлэндрует, но это ведь не повод ломать руки, и совать свои причиндалы в чужие дырки!

Эдик опешил. Все знали об их дружбе со спортсменом и считали приятелями, не разлей вода и вот на тебе – фортель! Майор Советской Армии – насильник!

– Да что случилось? Что стряслось-то? Говори толком!

– Вчера я уехал ночью горючку воровать и продавать, а эта гнида, заявила ко мне домой. Жена говорит, что Фёдор был хорошо подшофе, видимо для храбрости. Короче говоря, упуская подробности, спортсмен начал домогаться Валентины. Она хвостом любит повертеть, есть у неё такая черта, но не всерьёз, а лишь глазами пострелять, для вида. Моя Валька, хоть и вертихвостка, но баба честная и порядочная. В итоге у спортсмена вышел полный облом: получил коленом между ног, кулаком в нос, да ногтями по всей морде. Этот подонок ей лишь халатик порвал, свалил на пол, но заломать так и не сумел. Моя шаболда ударила его по башке, удачно попавшей под руку пустой бутылкой, потом добавила настольной лампой и убежала из квартиры в штаб полка. Патруль прибыл – дверь нараспашку – всюду следы борьбы, разгром, но никого нет. В своей квартире спортсмена тоже не было, видимо куда-то сбежал. Командир полка велел разыскать, посадить под арест и срочно отправить в Союз. Снарядили на поиск патрули, те долго искали, но не нашли.

– А ты нашёл? – только и нашёл, что спросить опешивший от таких известий Громобоев.

– Конечно! Я же знаю все его явки, повадки и привычки. Мы с Толстоуховым нашли пьяного Фёдку на немецком стадионе, он

под зрительской трибуной сидел, и из горла бутылку корна глушил. Отмузузили его хорошенько и теперь эта сволота долго не сможет ни по легкому ссать, ни с удобством сидеть. Вот же гадёнышь! Завтра или послезавтра его с позором вышлют, и домой не на машине своей поедет, а поездом, потому что его машину я сжѐг. Нашѐл с кем шуточки шутить! Теперь знает почѐм фунт лиха!

Странко погрозил кулаком в пустоту и выпил подряд одну за другой три рюмки шнапса.

– А про какую горючку ты давеча обмолвился? – поинтересовался Эдик, отхлебнув пива. В нём всё же сохранялись некоторые молекулы замполита. – Повтори-ка, что ты воруюешь? Где и как?

– Дизтопливо! Соляру...

– Как это? Да как ты можешь... – опешил Громобоев никогда в жизни не покушавшийся на государственное добро.

– А так! Могу и всё! Этой ночью полный топливозаправщик немцам слил – десять тонн.

У капитана даже перехватило дыхание, ведь этим откровением зампотех делал его вроде бы своим невольным соучастником. Как быть? Не сообщать руководству – вроде покрываешь, доложить – значило предать приятеля, заложить!

– Да не трусь ты! Подумаешь десять тонн... В полку сейчас такое твориться, рассказать тебе всё в подробностях, так у тебя волосы дыбом встанут.

– А ты расскажи...

– Много будешь знать, мало будешь жить. Я и так зря, в состоянии аффекта проболтался. Расскажу, честное слово, но позже, через пару месяцев, в конце октября...

– И ты мне о хищениях так спокойно говоришь?

– Ага! И ты главное не рыпайся, не пытайся что-то изменить, командование полка в курсе. А не то не сносить тебе буйной головы...

Тем временем вывод близился и становился всё реальнее, за август и сентябрь полк сровнял с землёй все свои полевые укрепления в запасном районе, машинами вывезли в другие части содержимое складов, дембелей уволили, а молодых солдат отправили в соседние части. Младшим офицерам стало нечего делать и от безделья они резались в карты и нарды, носились по авторынкам в поисках дешёвых машин. Для офицерш работы тоже стало гораздо меньше, овощи на полях и фрукты в садах госхозов закончились, поэтому

самые крепкие и сильные из них переключились на тяжёлый труд – на уборку хмеля.

Солдаты, чувствуя безнаказанность и попустительство командования (не до них!), понемногу нагтели, особенно армяне. Так уж исторически сложилось, что с годами в этом городе благодаря их гвардейскому полку выросла мощная армянская община. Ежегодно несколько армян из числа солдат и сержантов умудрялись жениться на молодых и не очень молодых немках. Земляки подыскивали неходовую и несимпатичную «кобылку», не пользующуюся спросом у коренного населения, подводили на случку к бойцу, который был не прочь остаться жить в Германии, вместо возвращения в глухое горное селение, а дальше дело техники...

Молодой и темпераментный закавказский жеребчик, проявляя недюжинные таланты на половом фронте, очаровывал мужеподобную дамочку с лицом, словно вырубленным из гранита и затем после любовной прелюдии, молодые подавали кучу заявлений, справок, но всё равно солдата чаще всего сразу же отсылали дослуживать в Советский Союз. Однако вскоре подруга вызывала любимого и неутомимого, обратно по приглашению в фатерлянд, и в итоге происходило воссоединение сердец и начиналось производство нового потомства: с большими горбатыми носами, нордическими лицами и южным горским темпераментом. В годы перестройки этот процесс в Цербсте принял черты заводского конвейера. Примерно двадцать или тридцать армян, стали армяно-немцами, приобрели гражданство ГДР, а теперь уже и Объединённой Германии.

Каждый вечер к воротам обоих КПП съезжались на автомобилях и мотоциклах представители «коренного» немецко-армянского населения, привозили очередных похотливых потенциальных невест на случку, и знакомили их со своими земляками. Как говорится, готовили почву для увеличения этноса. Бороться с этим национально-освободительным движением брачно-сексуального характера было трудно, а главное бесполезно, ведь Армения уже почти не подчинялась указаниям центральных московских властей, вела свою независимую политику, да еще и готовилась к войне с Азербайджаном в Карабахе, с другим представителем нерушимого союза республик свободных, которых вроде как сплотила на веки великая Русь. Да и ввязываться в эту половую селекцию офицерам было довольно опасно, ведь немецкие армяне в открытую угрожали всяческими репрессиями и расправой даже командиру полка...

Глава 7. Украденный орден

В этой главе рассказывается о чрезвычайном происшествии в их гвардейском, за которое в былые времена часть могли бы расформировать, да только она и так расформировывалась...

Лето как-то очень быстро пролетело, и наступил сентябрь. Время неумолимо отсчитывало дни приближающие полк к полной ликвидации, а военных к возвращению в родную бытовую неустроенность, в голод и холод. Военный народец был близок к панике, особенно нагнетали истерию их жёны.

В тот тёплый осенний вечер Эдик заступал дежурным по полку. Наряд – самое бестолковое времяпровождение: ни выпить, ни личные дела сделать, типа поисков машины или добычи какой-нибудь гуманитарной халявы-помощи от братского немецкого народа.

Громобоев ужасно не любил ходить в наряд дежурным по полку. Ночью не спишь, бродишь по части, следишь за порядком в казармах, гоняешь с прилегающей территории вечно гомонящую шайку деклассированных местных и своих полковых армян, проверяешь караул, шатаешься по постам, где какой-нибудь придурок часовой спросонья может в тебя нечаянно пальнуть. Гораздо интереснее быть начальником патруля, можно хотя бы по городу пошататься, в очередной раз осмотреть замок герцога, заглянуть на железнодорожный вокзал и посмотреть на проносящиеся мимо поезда, пройтись с солдатами по магазинам.

А дежурный по полку ограничен территорией за четырьмя стенами, да ещё должен три раза за сутки проконтролировать приём пищи. Кстати, эта обязанность была самой нервной и тяжёлой, вход в солдатскую столовую был обустроен крайне неудачно, маленький пятачок для построения перед ней был зажат клумбами и решетчатым ограждением. Чтобы не создавать столпотворения требовалось филигранное умение – каждую роту и батальон запускать внутрь за считанные минуты и строго по распорядку. Но так как все подразделения приходили не по графику, а почти одновременно, да ещё у дембелей была забава просочиться без строя, приходилось брать хорошую дубину и регулировать ею порядок.

Исходя из всего выше сказанного, настроение у Эдуарда было паршивым, а погода наоборот шикарная: осеннее солнышко светило по-летнему, птички пели, хорошо было бы сейчас рвануть на речку, на пляж, а ты вместо того чтоб отдохнуть и развлечься должен сидеть в дежурке, считать пистолеты, патроны, проверять документацию. Тоска зелёная!

Внезапно в помещении бочком протиснулся взволнованный взводный Щеглов, заступивший начальником караула. Вид у него был какой-то взъерошенный, глаза навывкате, волосы дыбом, лицо серое. Громобоев нахмурил брови: ну прям не старший лейтенант Советской армии, а какой-то заплутавший в городе тролль или леший.

Взводный нервно мигнул пару раз глазом и поманил начальника за дверь.

– Ну, чего тебе, – недовольным голосом спросил Громобоев, оторвавшись от проверки документации.

– Тс-ш-ш! Товарищ капитан! У нас ЧП! Орден пропал!!!

– Какой орден? Чей орден? – не понял Эдуард. – Что ты несёшь?

– Орден, товарищ капитан пропал! С Боевого знамени части!

– ЧТО??? Орден пропал? Как пропал? Куда пропал? Когда пропал?

– А я знаю? Одного ордена из трёх полагающихся нет на месте и все дела...

– Ты караул уже принял?

– Принял, но не совсем, я пока ещё не расписался. Надо что-то делать. Я осматривал полотнище знамени через пластиковое ограждение и вижу вроде как дырочка и пустое место, там, где орден должен висеть. Хотя, может быть мне только кажется...

– Крестись если кажется! – погрозил кулаком Щеглову капитан и поспешил на пост.

Посмотрели через закрытую пластиковую пирамиду так, и сяк, вроде бы одного ордена на знамени, действительно не доставало.

– Надо бы вскрыть пирамиду, – продолжал тараторить Щеглов. – Предшественник просит молчать, но я не хочу на себя вешать это дело. А вдруг завтра всё вскрыется и меня потом не сменят?

Громобоев в задумчивости поскрёб затылок, ошалело посмотрел на старого дежурного по полку, замученного бессонной ночью замполита-артиллериста и принял решение докладывать. Ведь если что, завтра самому будет не смениться! Эдик подошёл к майору Симоненко и прошептал на ухо ужасную новость. Майор чуть отстранился и спросил:

– Это такие дурацкие шутки теперь в ходу у танкистов?

– Да нет! Я серьёзно...

Майор с проскальзыванием сапог о начищенный до блеска паркетный пол рванулся к Боевому знамени, возле которого уныло топтались старый начальник караула, два разводящих и задержанный на посту часовой со сменным караульным.

– Где? Показывай! – набросился он на артиллериста-лейтенанта.

Лейтенант прилип щекой к прозрачному пластику и показал пальцем на красную шелковую материю.

– Вроде бы тут должен был быть...

– И какого ордена вроде бы не достаёт?

– А я их знаю? Раньше было три – вижу два...

– Как это случилось? – взвыл майор.

– Да его давно нет, – ответил молодой лейтенантик. – Все друг другу говорили, что орден в ремонт сдали...

– В какой нахрен ремонт? Запись в постовой ведомости есть?

– Нету... – шумно выдохнул воздух лейтенант, понимая, что попал в историю, вернее в настоящую переделку.

Майор-артиллерист с досады швырнул фуражку на пол.

– Придурок! Как с такими деятелями можно дальше жить и служить? Вокруг сплошные идиоты! Скажи на милость, ну какой может быть ремонт?

– А я знаю? Может застежка отвалилась? Мне про ремонт на той неделе взводный сапёр сказал. Мол, один орден кажись, в ремонт забрали и скоро вернут. Все друг другу говорили по смене...

– Кажись! Расстрелять бы тебя показательно перед строем!

Эдик осмотрел остроконечную стелу из плексигласа, в которой гордо стояло Боевое знамя части, и заметил, что задняя стенка деформирована и слегка отгибалась, и если её чуть отжать штыком, то туда могла пролезть ладонь.

«Вот прохиндей! Ах, жульё! Точно, спёрли! Конечно, какой ещё ремонт ордена? Явно украли немцам на продажу! А крайнего, того кого командиры назначат главным виноватым, наверняка снимут с должности и досрочно отправят в Союз», – мелькали мысли в голове Громобоева.

Крайним быть не хотелось. Наоборот, хотелось ещё немного пожить за рубежом, продолжить чуток поразлагаться в сытой и размеренной жизни. Если пропажа замечена и о ней знают несколько человек, то нужно, конечно же, срочно докладывать.

С тяжелым сердцем Эдик снял трубку и набрал номер квартиры начальника штаба. Подполковник Фетисов вначале тоже не понял о чём речь.

– Какой такой орден?

– Или «Кутузова» или «Богдана Хмельницкого»! Точно не понятно, плохо видно.

– Капитан, ты не пьян? Не шутишь?

– Никак нет, трезв! Какие могут быть шутки в отношении боевых орденов, товарищ подполковник?

– Голову с тебя сниму, капитан! Приду и оторву собственными руками! Ах, вы мерзавцы!

Громобоев обиделся и громко возразил в ответ:

– А я причём? Я только заступаю на дежурство...

Подполковник грязно выругался, бросил трубку. В ухо мерзко пиликнули прерывистые гудки зуммера. Эдуард аккуратно положил трубку на рычаг и посмотрел на предшественника: тот продолжал молча нервно курить у открытого настежь окна, усевшись на вытертом сотнями офицерских задниц, дубовом деревянном подоконнике. Время от времени из его глотки вырывалась серия витиеватых ругательств. Спустя пару минут, в штаб ворвался запыхавшийся Фетисов, одетый в спортивный костюм и в домашних тапочках.

– Показывайте, негодяи! Живо ведите к знамени!

Возле поста номер один продолжали уныло топтаться два солдата и два сержанта. Пост этот был теперь – не поймёшь ещё под охраной или уже нет, одни не хотели принимать, вторые не желали более стоять, ведь пора сменяться и на ужин. Начальник штаба сломал большую сургучовую печать, вскрыл пирамиду, вынул кумачовое гвардейское знамя, с силой взмахнул им, во всю ширь разворачивая полотнище. На плотной бархатной материи действительно тускло поблёскивало лишь два ордена.

– ...!!! – ругнулся Фетисов. – И верно, нет ордена «Кутузова» второй степени...

– Что нам делать? Принимать пост? – спросил Щеглов с надеждой на то, что в караул нынче заступать не придётся.

– Чёрт поberi! Конечно, принимать, но указав в ведомости недостатки. А с этими охламонами сейчас будем разбираться...

– Как написать в постовой ведомости? Утрата ордена со знамени?

– Придурок! Не вздумай ничего такого идиотского наказывать! Ты с ума сошёл?

– А как тогда? Какой текст написать? Уточните...

Начальник штаба замялся, напрягся, зажмурился и проямлил:

– Ну, как-нибудь иначе, нейтральнее: типа нарушен пластиковый корпус и отсутствуют детали на знамени. Ступайте в караулку и ждите, мы сейчас с командиром полка что-нибудь придумаем...

Подполковник Фетисов снял телефонную трубку, набрал номер командира и, вытирая обильный пот со лба носовым платочком, дрожащим голосом доложил. В трубке некоторое время была тишина, потом раздалась длительная тирада матов, которую слышно было даже на расстоянии.

Полковник Бунчук мигом примчался в штаб и тоже не по форме: в трико и в шлёпанцах, и от него слегка пахло спиртным, видимо оторвали от вкусного ужина с горячительными напитками. Командир замер возле Боевого знамени в задумчивом напряжении. Помимо примчавшегося командира штаб постепенно стал наполняться старшими офицерами: поспешили прибыть зам. командира, замполит, майор-особист, секретарь парткома, комбат Перепутенко, начальник артиллерии и командир дивизиона... Все топтались в холле в сторонке, нервно курили и помалкивали. Растерянные офицеры даже не перешёптывались.

– Дежурный! Почему курят в штабе? Чего столпились и галдите как вороны? А ну марш все на улицу! – заорал командир. Офицеры, испуганно вжав головы в плечи, торопливо потянулись к выходу. – Когда этот орден видели в последний раз? – строго спросил Бунчук начальника штаба полка.

– Надо посмотреть по записям, по постовым ведомостям, – ответил Фетисов. – Думаю, он пропал не раньше девятого мая. Точно! На девятое мая знамя выносили на торжественное построение...

Командир полка и заместители закрылись в кабинете и продолжили громко обсуждать создавшуюся щекотливую ситуацию. Действительно, как быть? Что будет за утрату? Какое наказание и кому? Понятно, что ничего хорошего за это не будет, но что именно будет плохого? Известно, что при утрате знамени – часть расформируется! А если утрачен лишь орден? Не лишат ведь почётных наименований: «Гвардейский! Черниговский, Краснознамённый, орденов «Кутузова» и «Богдана Хмельницкого». Ведь ордена «Богдана Хмельницкого» и «Боевого Красного знамени» по-прежнему в наличии и пока ещё не похищены... И хотя жить гвардейскому в прошлом боевому и заслуженному полку оставалось меньше трёх месяцев, но знамя-то придётся скоро передавать: дела в архив, знамя в музей или тоже в архив на вечное хранение. Как можно сдать Боевое знамя полка без одного ордена? Никак!

– Чёрт! И ведь орден довольно таки редкий! Ладно бы «Красного знамени», этих орденов много... а где найти «Кутузова»? – стонал Фетисов. – Награда полководческая, давали крупным военачальникам от комполка и выше...

Замполит полка метался из угла в угол и истерично бормотал:

– За что! Ну, за что? Почему это произошло именно со мной? Ведь я только получил назначение в политотдел дивизии... Почему это случилось именно со мной!..

– Не хнычь как баба, утри сопли, – оборвал его командир. – Времени у нас мало, но надо что-то предпринять. Кто крайний – тот пусть и выкручивается! Майор Симоненко! А ну, подь сюда!

Замполит артиллерийского дивизиона затушил примерно десятую выкуренную сигарету о подошву сапога и понуро поплёлся на зов.

– Прошляпили боевую святыню! Мерзавцы! – сердито бросил ему обвинение в лицо командир. – Хорошо хоть само знамя не просрали!

– Вы же знаете, это не мы. Танкисты просто первыми забили тревогу...

Полковник хмуро сопел, потел, лицо его побагровело, и он поморщился как от зубной боли.

– Знать бы кто этот негодяй, удушил бы собственными руками выродка! Ну, да что теперь болтать! Стонами и причитаниями горю не поможешь. Значит так, если не хочешь досрочно отправиться домой, должен добыть орден! Не знаю где и не знаю как... Достань: купи, укради... Езжай в Союз, шустри, но чтоб через десять дней орден был! Начальник штаба выпишет тебе из реестра номер этого ордена, надо будет, перебить номер найденного на номер нашего.

Майор Симоненко стоял с окаменевшим лицом, затем он медленно, словно робот, приложил руку к козырьку фуражки и вышел прочь.

Вскоре артиллеристы командировали в Одессу самого ушлого взводного-одессита, который взялся выполнить задачу. Этот старший лейтенант обошёл скупки, в комиссионки, сборища коллекционеров – орден стоил дорого. Тогда он заказал знакомому гравёру-еврею копию ордена «Кутузова». Несколько дней работы подпольных мастеров и заказ был выполнен, изделие было почти как настоящий орден, сделанный фабрикой Гознака. Вскоре знамя полка было успешно сдано в архив Министерства обороны вместе с боевыми тремя орденами. Никто не заметил подмены настоящего фабричного ордена «Кутузова» кустарным муляжом. Эх, умеют ещё в Одессе работать старые мастера!..

Глава 8. Единая и неделимая Германия

Глава, в которой семья Громобоевых испытывает такой нервный стресс, который любого может свести в могилу.

В начале октября наступило долгожданное для большинства немцев событие – день объединения Германий. И хотя это было не то равноценное объединение на паритетной основе, которое задумывали под давлением народа власти ГДР, а как раз наоборот, полное поглощение одного государства другим.

Командованием была объявлена повышенная боевая готовность. Начальство как обычно перестраховывалось, советские военачальники опасались провокаций. Полковник Бунчук велел усилить наряды и ужесточить пропускной режим, через КПП никого не выпускать. А толку? Ведь половина семей офицеров проживали в домах за пределами забора огораживающего часть.

В обед Эдик с Ольгой решили пройтись по городу, поболтать по магазинам. Ксюха увязалась за ними, пришлось тащить её на шею по жаре. Который день стояла не по-осеннему тёплая погода, солнце ярко светило, и было ощущение, что всё ещё продолжается август. Настоящее бабье лето!

Они не спеша прогулялись мимо древнего замка, завернули к ратуше, миновали торговые ряды лоточников, перешли через дорогу и притормозили у автомобильного салона под открытым небом. На небольшой площадке теснилось два десятка новых и подержанных автомобилей: «Ауди», «Форд», «Опель», «Фольксваген», «Сааб». Хочешь – бери любую машину сразу, без всяких талонов и купонов, без согласования с парткомом и профсоюзом, без разрешения командования, только плати деньги. Эдик морально уже приготовился к возвращению, оставалось прикупить транспортное средство – шмотки и аппаратуру надо как-то вывозить, не на руках же тащить. Он надеялся на последнюю получку, что удастся найти нечто ездящее и подешевле. Главное дело, чтобы машина дотянула до Питера.

В этом салоне дешёвого транспорта не было, самая бросовая цена пятилетнего «Опеля» почти шесть тысяч. Машины блестели на солнце тщательно отполированными боками.

– Этот магазин не про нас, – пробурчал Громобоев. – Надо будет на разбраковку ехать, и там выбирать хлам попрличнее.

Ольга грустно вздохнула в ответ, погладив ладонью по капоту серебристого «Опеля». Пока супруги рассматривали надраенные до блеска машины, неугомонная Ксюха вскарабкалась на яркие качели. Через дорожку от салона стояли пять разнообразных детских качелей-каруселей на пружинах в виде зайца, муравья, медведя. Атракционы были рассчитаны на одного ребёнка или на двоих, рядом крутилась и низкая круглая карусель с сиденьями. Дочка за пять минут перепробовала все эти блестящие игрушки и, в конце концов, уселась на серого зайца, крепко схватившись за его длинные уши. Громобоев постоял пять минут, но обеденное время подходило к концу.

– Всё, хватит, пошли домой, – распорядился Эдик, – нам пора возвращаться.

– Ещё хочу! – захныкала Ксюха.

– Я сказал – хватит! В другой раз!

– Пока, зайчик, я к тебе позже приду, – пообещала девочка и нехотя отпустила пластиковые серые уши любимшейся игрушки.

Громобоевы быстро добрались домой, переоделись, Эдик взял за руку Ксюху и поспешил в штаб, а Ольга на работу к немцам, перебирать гуманитарную помощь. Капитан велел писарю Ваське присматривать за дочкой, а сам повёл бойцов заступающих в наряд на инструктаж. Через час, когда он вернулся, то почему-то не обнаружил Ксюхи в кабинете.

– Васька! А где моя дочь? – спросил он у писаря, который тщательно заполнял вместо отсутствующего начальника штаба журнал боевой подготовки.

– Не знаю, может быть, она пошла домой?

– Я же велел смотреть за ней! – разозлился капитан и поспешил домой. Дверь была на замке, а во дворике ни души: ни на лавочке, ни на клумбе, ни под раскидистым клёном. Громобоев прошёлся по плацу, обогнул пьедестал монументального танка «Т-34», который гордо направивший ствол своей 76-мм пушки в мирное немецкое небо. Но и за танком Ксюхи тоже не оказалось.

«Куда же она могла запропасться?» – запаниковал капитан, вспомнив многочисленные сплетни о маньяках.

Громобоев быстрым шагом пересёк плац и вошёл в солдатскую чайную – возможно эта нахалка пришла выпрашивать мороженое у буфетчицы? Но и там тоже не было никого. Эдик быстро прибежал обратно в казарму, велел писарю и дневальным обойти все казармы

и столовую, сам сбегал на стадион. Тщетно! Шкодная дочурка словно сквозь землю провалилась!

– Ох, я тебе задам трёпки, когда разыщу! – пообещал вслух капитан. – Выпорю как сидорову козу!

Поиски силами трёх солдат не увенчались успехом. Тогда он доложил комбату, и Перепутенко велел построить батальон, и потом разослал бойцов во все концы городка. Солдаты обшарили каждый угол – впустую. Прошёл ещё час бесплодных поисков.

– Надо докладывать Бунчуку, – принял решение Перепутенко. – Пусть командир строит весь полк, и будем продолжать поиски за пределами гарнизона. Мало ли что может случиться, ведь она девочка... – буркнул подполковник. – Везде встречаются всякие моральные уроды...

Эдик при этих словах комбата взвыл, вновь выматерился и побежал к дежурному по полку. Там он встретил Ольгу, которая уже была в курсе пропажи дочери.

– Как ты мог! Не уследил за ребёнком! Безответственный! Её, наверное, украли! – громко рыдала она, размазывая слёзы по щекам. – Сегодня ведь наверняка должны устраивать какие-то провокации немецкие фашисты! Не найдем – тебя убью и на себя руки наложу!

– Ты сама Ксюху так воспитала, делает, что ей вздумается, – нервно огрызнулся Эдуард.

Встревоженный командир полка велел офицерам по тревоге поставить в строй до последнего солдата, затем проверить чердаки, подвалы, каптёрки, бытовки, складские помещения. Вскоре полк выстроились на плацу. Уже стемнело, подходило время ужина, над ротами стоял гул, словно гудел растревоженный пчелиный улей. Проказницу Ксюху знали почти все бойцы, ведь она жила в самом центре полка, ежедневно гуляла по плацу, везде и всюду болталась, со многими солдатами разговаривала. Слишком была энергичная и общительная девочка...

Эдик снова побежал на второе КПП. Как назло в наряде стояли разгильдяи – представители пресловутой армянской диаспоры из зенитного дивизиона. Солдаты о чём-то беспечно перешучивались с группой немецких армян и страшненькой молодой немочкой. В помещении было накурено, гремела музыка, стоял гогот.

– Эй, вы маленькую девочку не видели? – громко спросил у дневальных Громобоев.

Не по форме одетые и расхристанные бойцы заявили, что никто через КПП не выходил. На душе у него стало совсем не хорошо.

– А ну живо привести себя в порядок! Застегнуться, заправиться! Посторонние – марш отсюда! – раскричался капитан на эмигрантов.

В глазах наглых кавказских немцев застыло немое удивление. Они не привыкли к такому обращению по отношению к себе. Присутствие наглых местных армян у ворот полка внушало законное опасение. Да, именно они и могли организовать похищение дочери. Эх, автомат бы сейчас в руки, да полный магазин патронов!

– Что вы тут делаете? А ну марш за территорию части! У нас ребенок пропал! Моя дочка! Видели её? Выходила? Что молчите? Сейчас полиция приедет разбираться с вами!

Солдаты дружно забормотали, что не надо орать, мол, они ничего не видели, а их немецкие земляки поспешно ретировались к машине.

– Начальник, не шуми, мы уже уезжаем, – примирительно заявил мускулистый предводитель диаспоры, типичного бандитского обличия. – Мы тут не причём, у нас свои дела...

Эдик на всякий случай записал номер отъезжающего автомобиля. Он уже не ожидал от поисков ничего хорошего и начал отчаиваться, ведь прошло три часа, куда можно такой крохе запропасться? Куда уйти?

«Точно – выкрали! Предупреждали же о провокациях, а я не верил и только посмеивался», – укорял себя Эдуард, он уже был на грани нервного срыва.

Громобоев поспешил на главное КПП, чтобы сбегать в автопарк и на старое русское военное кладбище. Навстречу ему торопливой походкой шёл Странко.

– Как ты потерял дочь, болван? – набросился на него майор. У них с Валентиной детей не было и за два месяца зампотех довольно крепко привязался к Ксюхе, постоянно баловал её мороженым, шоколадом, конфетами и игрушками.

– Я наряд инструктировал, – взвизгнул фальцетом Эдик.

– Осёл! Тебе больше всех надо? Службист хренов! Для этого есть ротные и начальник штаба! Где она может быть? Соображай!

Громобоев в сердцах швырнул фуражку о землю.

– Ума не приложу! Всё обыскали! Высеку, на жопу месяц не сядет!

Зампотех отвесил Эдуарду лёгкий подзатыльник:

– Моли бога, чтоб жива была, а то болтаешь – высеку, выпорю!

В это момент ворота КПП распахнулись, и на территорию части въехал, гудя пронзительной сиреной зелёно-белый полицейский «Опель».

– Ну, на конец-то додумались наши командиры полицию вызвать! – обрадовался Странко. – Надо будет им фотографию Ксении дать для розыска! Её фото у тебя с собой есть?

– Нет, но я сбегая домой если что.

Друзья поспешили наперерез автомобилю и едва не попали под колёса. Машина резко затормозила, и из неё вышло два сурового вида офицера полиции.

– Гутен таг! – поприветствовал немцев Странко. – Кляйне киндер! Чилдрен! Гёрл! Девочка пропала! Шоб вы вмэрли со своим объединением, – затараторил майор на нескольких языках.

В этот момент один полицейский распахнул заднюю дверцу машины и из неё выпорхнула Ксюха, довольная собой и поездкой на красивом автомобиле с сиреной, весёлая как ни в чём ни бывало. Громобоев мгновенно подскочил к ней, подхватил на руки, вначале поцеловал в нос, а потом перегнул через колено и от души врезал по щеке ладонью.

Полицейские от неожиданности замерли, широко разинув рты.

– Ты что делаешь, – возмутился Странко. – Не бей ребёнка! Хочешь, чтобы тебя привлекли к суду за рукоприкладство и грубое обращение? У немцев это запросто!

Странко на ломаном немецком языке через пень-колоду принялся пояснять, что это перепуганный отец, который уже несколько часов разыскивает своего ребёнка, у него шок и тому подобное. Полицейские покачали головами, погрозили пальцами обоим – папе и дочери.

– Некарашо бить киндер! – громко по-русски произнес старший. – Ваш девочк оччшен смелый и смышлённый ребёнок!

– Где вы её нашли? – спросил, переходя уже на русский язык, майор Странко.

– Её нашла семья пенсионеров, – пояснил немец. – Они увидели на качелях безнадзорного ребенка, спросили, чья она, а та лопочет по-русски. Старики привели девочку в полицейский участок, ну а мы поспешили к вам. Знали бы, что будете лупить малышку – не отдали бы!

– Это он от радости, и от счастья, – заверил полицейских замполтех. – Русский офицер почти обезумел от переживаний!

Офицеры крепко пожали немцам руки и ещё раз горячо поблагодарили за спасение ребёнка. Полицейские продолжали недовольным тоном что-то бормотать о безответственности русских родителей, затем сели в авто и уехали.

Как раз в этот момент в городе начался праздничный салют, в небо взметнулись огни сотен фейерверков и стало светло как днем. В Цербсте слышались возбуждённые крики радостных немцев. Затем патриотически-настроенные граждане затеяли стрельбу петардами и хлопушками, которая продолжалась не один час, а празднования бургеров в гаштетах затянулись до утра.

Как только Ксюху нашли, комбат Перепутенко сразу доложил об этом командиру полка, и полковник Бунчук велел расследовать обстоятельства дела. Эдик допросил, вернее вполне по-доброму, без ремня расспросил дочку, как она попала в город.

– Я прошла через калитку, – пояснила она. – Потом по улице до красивых качелек. Вы ведь мне днём не дали покататься на зайчике!

– А как же ты переходила дорогу?

– Как учили, на зелёный свет!

Понятное дело, солдаты-разгильдяя прошляпили Ксюху, она ведь ростом ниже подоконника, а сидевшие в будке дневальные её и не заметили. Наверняка пока армяне слушали музыку, болтали с земляками и немкой, ребёнок спокойно вышел через открытую калитку. Командир полка объявил по три наряда каждому дневальному, обругал Громобоева матом, чтоб тот следил за слишком самостоятельной трёхлетней дочкой, и кроме этого велел всем офицерам строго настрою запретить своим детям любого возраста самостоятельно гулять по городу.

Глава 9. Встреча с циничным командующим

Глава, в которой Громобоев вновь сталкивается с циничными и наглыми генералами, дисциплина в полку окончательно разваливается, и появляются первые беглецы – эмигранты.

В последнее время в семейных отношениях четы Громобоевых всё пошло как-то наперекосяк. Видимо сказывалось предчувствие возвращения в голодный Ленинград и к тому же на это неприятное и тревожное ожидание возвращения домой, накладывалась слякотная осенняя погода. У Эдика совсем пропало настроение. Ах эти нервы, нервы...

Навалилось всё одно к одному: неприятности по службе, опустылевшая квартира, напоминающая общагу или проходной двор, куда регулярно вламывались приятели по пути между штабом полка и казармой, каждодневные семейные ссоры. Квартира требовала капитального ремонта, жить в этом перестроенном протестантском соборе было неудобно, да ещё и с дурными соседями (алкаш-живодёр и проститутка), да ещё сильно удручало систематическое безденежье. А ещё бы у Громобоевых не было проблем с деньгами! Муж честный офицер, не воруемый (негде, не у кого, да и не умеет), поэтому экономили на всяких мелочах, копили марки на машину. Правда, вместо автомобиля на первую совместную получку супруги сдуру (поддавшись телевизионной рекламе) купили микроволновку. И хорошо бы хорошую, так ведь нет – угораздило взять бракованную!

А как её было правильно выбрать и купить-то, если мало кто знает как она должна работать! Чета Громобоевых это новое чудо бытовой техники лишь в рекламе видеела ранее, да на витрине магазина. А крикливая и завлекательная реклама ежедневно и по нескольку раз призывала обывателей – купи, купи, купи! По немецким каналам постоянно рекламировали новую бытовую технику, и Эдуард действительно увлёкся идеей о покупке новой микровелле, как называли её немцы. Получил очередную предпоследнюю получку, отправился в магазин электротехники, не удержался – и приобрёл. А ведь действительно с ней должно быть комфортно: поставил тарелку супа из холодильника – минута и готово – кушай! И не надо разогревать всю кастрюлю на газовой плите. Эх, недаром говорят, реклама – двигатель торговли! К тому же жена уши прожужжала, о том какая это незаменимая и удобная вещь на кухне.

Громобоев поспешил в обеденный перерыв в магазин, почти не глядя на товар, выложил за неё триста марок и, принёс домой. Включил в сеть – молчит! Не гудит зараза и не светится. Жена в слёзы! Посыпались упрёки! Опять разругались вдрызг. Отнёс тут же обратно – продавцы брать не хотят, потому что сами немцы не знают, как она должна работать. Эдуард, битый час на пальцах и при помощи десятка немецких слов типа «Хальт» и «капут» доказывал непригодность приобретённого товара. Продавцы положили кусочек сахара внутрь печи – не греется. Поставили стакан на тарелку – не греется. Собрали настоящий консилиум – это была первая микровелле проданная в их магазине. Эдуард умолял, упрасивал, пояснял жестами, что жена кастрирует, если не сдаст бракованную вещь. Немки-продавщицы

хихикали, краснели, шушукались. Еле-еле, но уломал их, и товар все-таки обратно приняли.

Едва сумел сдать микроволновку, вернулся домой с деньгами, а тут новая напасть – вдруг откуда ни возьмись, завелась огромная крыса завелась в квартире. Да не просто в квартире – оказывается, эта мерзкая тварь в унитазе живет! Ах, она сволочь водяная и говняная. Вот же эсэсовский туалетный выкормышь!

Вечером Ольга поспешила в санузел по нужде, а мокрая серая тварь на краю унитаза сидит и своими глазенками-бусинками на неё пялится. Жена в крик, Ксюха визжит, крыса – бульк, нырнула и была такова. Ах, зараза! Ведь, специально в самом потаённом, интимном и необходимом месте поселилась, откуда никак её не выгонишь.

С этого момента Ольга стала бояться ходить одна в туалет, но и Эдик стоять у дверей ею караульным не нанимался. Честно говоря, ему самому после этого случая, стало жутковато садиться на «эсэсовский» унитаз. Теперь капитан старался лишний раз в казарме все дела сделать.

Из-за крысы переругались вдрызг. Ольга зудит, мол, иди и меняй квартиру, требуй у начальства нового жилья, ведь офицеры уезжают и квартиры освобождаются. Можем, хотя бы месяц, но пожить в хорошем современном доме. Действительно, новая пятиэтажка, в которой проживали «блатные» офицеры полка, постепенно начала пустеть.

Громобоев пошел к командиру – тот пообещал подумать. Вернулся домой с посулом, мол, Бунчук пообещал, через неделю переселимся – получил поток упрёков в мужской беспомощности. Тоже мне – нашла импотента! Стоит, да ещё как стоит! Вот только не на тебя! Обиделся и ушёл на службу до позднего вечера, пусть сидит в квартире одна и боится...

В конце октября в полк пришла телефонограмма из управления кадров – срочно отправить в штаб список офицеров, которые недовольны карьерным ростом. Зачем? Для беседы. Командующий армией сам лично будет с ними общаться в Магдебурге! Забавно. А почему бы не съездить и не побеседовать, тем более домой лишний раз идти не охота.

Помимо себя Громобоев включил в список взводного – Щеглова, парень шесть лет на взводе, давно пора роту принимать, и ротного Хакимова – этот роту давным-давно перерос, лет пять уже как готовый начальник штаба. Комбат посмотрел список и удивился.

– А ты то, с какого боку среди недовольных? Молодой, перспективный! Всего три года замкомбата!

– А меня Академии лишили и два ордена зажали. Со службой в Германии обманули – прислали вместо пяти лет лишь на пять месяцев. Издевательство какое-то, я же не мячик от пинг-понга: бам-бам, туда-сюда. Свинство! Я тоже недоволен и мне есть, что высказать генерал-лейтенанту Чечематову.

Собралась внушительная полковая делегация из тридцати человек. Сели с комфортом в поезд, купили пива, сосисок и поехали. В штаб армии прибыла огромная толпа офицеров со всех частей, человек примерно двести. Командарма воочию Эдик увидел впервые. Чечематов оказался высокий холёный дядька, примерно лет пятидесяти, большоголовый, и как настоящий генерал пузатый. Морда широкая, мясистый нос крючком, глаза наглые и злобные.

Какой-то полковник крикнул – смирно! Генерал сердито оглядел собравшихся, дал команду вольно и велел садиться. Вместе с командармом за столом президиума уселся Член Военного Совета генерал Нехайло, тот самый, который отодрал Громобоева в первый день службы. Хмурый командарм прошелся по сцене актового зала, важно заложив руки за спину и презрительно оглядел собравшихся сверху вниз. Немного многозначительно помолчав, генерал начал разговор.

– Как я понимаю, тут собрались недовольные службой? Хотя чему же вам быть довольными? Скоро на Родину едите...

В зале пронёсся шумок недовольного ропота.

– Или вы домой не хотите? Есть такие, кто не хочет? Родину не любите мерзавцы?

Офицеры принялись ещё громче перешептываться.

– А вот я, например, с удовольствием уезжаю, надоела чужбина, неметчина эта проклятая...

Эдик был в курсе, что генерал отправлялся к новому месту службы – командовать военным округом на Украине. Конечно, еще бы он был не доволен назначением! Вышестоящая должность, хорошая квартира, служебная машина, генеральская дача, сытный паёк...

– Вот многие из вас жалуются, что роста служебного у них нет. Засиделись старшими лейтенантами, капитанами, майорами – хотите званий, должностей. Похвально, правильное желание! А что вы сделали в жизни для того, чтобы стать генералами? А? Ничего! Вот ты седой капитан! Встань, артиллерист!

Командующий ткнул большим толстым пальцем в офицера-артиллера сидевшего в первом ряду. Капитан встал, одернул китель.

– Капитан Карцев. Командир противотанковой батареи.

– Ну, хорошо, противотанкист. Сколько лет комбатом?

– Семь...

– Семь лет! Кошмар! А жена есть?

– Так точно, женат! Живём пятнадцать лет.

– Кем жена работает, что окончила?

– Медучилище, медсестра.

Генерал прямо таки засиял, глаза у него заблестели, и он одобрительно кивнул.

– Так и знал! Молодец, садись. А у тебя, старший лейтенант? Кто ты такой, кто твоя жена?

– Командир мотострелкового взвода старший лейтенант Патраков, – доложил офицер. Жена – швея.

Генерал аж прихлопнул в ладоши от счастья.

– Ну вот, все верно! Смолоду делаете ошибки, женитесь бестолково, а потом пеняете на судьбу, обвиняете начальство. К примеру, взяты меня! Я кто? Командующий армией и без пяти минут командующий округом!!! Мне лишь сорок пять лет! А почему я так быстро вырос?

– Почему, – не выдержал и спросил майор из того же первого ряда примерно ровесник Чечематова. Да потому, что правильно женился! На дочери кандидата в члены Политбюро Кузнецова! А кто женится на доярках и поварихах, тот так и останется в капитанах и майорах!

Зал зашумел, офицеры громко зароптали.

– Разговор окончен, все свободны! –скомандовал командующий. – Идите и думайте! Хотя о чём вам уже думать, поздно...

Генералы ушли со сцены, следом за ними из зала гомонящей толпой вышли негодующие офицеры. Мужчины собрались в курилке, задымили. Некоторое время стояла гнетущая тишина, военный люд размышлял, потом кто-то прерывал молчание отборным матом в адрес командарма.

«Вот так побеседовал командующий с народом!» – подумал Эдик. – «Нечего сказать – успокоил и ободрил!»

Офицеры по дороге домой судачили, и обсуждали наглого и бесцеремонного генерала. То, что он хам, самодур и наглец было известно всем и ранее, но что до такой степени не умён... Да он просто ушлый проныра и ловкий карьерист! И такие полководцы случись война, поведут войска в бой?

Толстобрюхов с ухмылкой выслушал пересказ встречи и похлопал Эдика по плечу:

– А чему удивляться? Такие бесценные кадры в верхах повсеместно! Именно подобные карьеристы и прохиндеи сплошь и рядом руководят Советской армией! Да и Красной армией руководили такие же полководцы, вспомни хотя бы 41-й год...

Мишка достал из тумбы стола бутылку «Наполеона», предложил выпить и забыть о «паркетных» генералах. Хороший бренди заметно улучшило настроение Громобоеву, но неприятный осадок от общения с руководством все равно остался.

Каждый день немцы и иммигранты пригоняли к военному городку подержанные машины. И чего только не привозили! Советские «Волги» и «Жигули» были самым ходовым товаром из-за низкой цены. Но все же среди массы разнообразных предложений преобладала подержанная автотехника разных стран мира: немецкие добротные и престижные «Мерседесы», «БМВ», «Ауди», более дешевые «Фольксвагены» и «Опели», раздолбанные и поэтому уже не дорогие «Форды». Много было шведских «Вольво», «Сааб», японские «Тойоты», «Мазды», «Ниссаны», корейские «Хундаи» и прочие чудеса автомобилестроения всего мира семидесятых и восьмидесятых годов. На новые машины у офицеров и прапорщиков денег не было, поэтому пяти-шестилетняя машина – были особым шиком, признаком богатства. В основном пользовалась спросом техника с пробегом десяти-пятнадцати лет, но брали и двадцатилетние «телеги».

Каждой подогнанной машине устраивался коллективный просмотр. Особенно всех удивил секретарь парткома майор Третьяков. Полковой партийный лидер приобрел на какой-то автомобильной свалке древний «Ситроен» – на подобном тарантасе гонял гангстер Фантомас из одноимённого французского гангстерского фильма. Забавная машина: едва у ней заводился мотор, сразу на рессорах поднимался кузов над колёсами, сначала спереди, потом сзади. Едва мотор глушится, кузов сразу опускается вниз. Наверное так придумали, чтобы амортизаторы не натружались? Кто его знает, зачем французам была нужна эта хохма. Но было довольно забавно, все обступившие «Ситроен» зеваки – зрители от души посмеялись. Народ следил за манипуляциями партийного «босса» со своей машиной и давал подсказки:

– Коля, подпорку подставь, домкрат не забудь, а то мало ли, не поднимется.

– А вдруг она как лягушка прыгать начнёт?

– Поддай ей кнута, Николай!

Стоило офицеру купить машину, он сразу становился в понятии командования – социально опасным, так как мог быть потенциальным беглецом на Запад. Перед расформированием в полк пришла директива: как можно быстрее отправлять семьи и офицеров на Родину и следить за их перемещениями по Германии, не давать болтаться вне пределов гарнизонов, не допускать пересечения старой границы двух Германий.

Первыми «сделали ноги» две подружки поездные проститутки. Они тихонько собрали шмотки, взяли детей, сели в поезд, проходящий через Магдебург на Мюнхен, и были таковы. Соседка Эллочка накануне бегства громко скандалила с мужем, потом был очередной мордобой. Так с подбитым глазом и она и бежала вместе с подружкой Маринкой, пока их подвыпившие мужья спали.

Живодёр капитан Черкасов не сразу заметил пропажи супруги, только примерно на третий день, когда окончательно протрезвел и понял что дома давно нет ни жены, ни ребёнка. Командование провело расследование, провинившихся и не уследивших за жёнами мужей артиллериста и медика, экстренно выслали, но не следом за ними, а в противоположном направлении – на Украину. С отъездом кошкодавов Черкасова и его таксы Марты, уцелевшие окрестные коты заметно осмелели и стали появляться в полку.

А в политотделе забили тревогу: этак всем понравится бежать, границы ведь больше нет! После падения Берлинской стены любой мог переодеться в гражданскую одежду, купить билет и сесть в поезд, следующий на запад. Катись себе на все четыре стороны, и ни кто ведь у тебя не спросит документы!

Замполиты в частях составили списки неблагонадёжных, и морально неустойчивых, и патрули были отправлены проверять (не сбежали ещё?) по квартирам. Эдику досталась семья старшего лейтенанта Ванюгина, взводного из мотострелкового батальона. Этот давно переслуживший свою должность офицер был первым в списке перспективных. Тридцати трёх лет от роду, а всё «Ванька-взводный». Хоть и не выпивоха, но откровенный лентяй и бездельник.

Парторг Николай Третьяков, капитан Громобоев и три солдата разведывательного взвода были направлены к его домику замполитом полка. По плану убийства семейство Ванюгиных должно было покинуть

гарнизон две недели назад, но почему-то они не всё ещё уезжали. Требовалось выяснить, зачем и почему тянут время и сидят дома, если надо оказать помощь в отъезде.

Квартира взводного-«карьериста» располагалась на втором этаже. Свет в окнах не горел, окна были плотно зашторены, и за ними внутри помещения не наблюдалось никаких признаков жизни. Патрульные перекрыли подъезд и чёрный ход, а офицеры поднялись на площадку.

Секретарь парткома громко постучался – в ответ тишина. Третьяков занервничал, стукнул ещё раз и приложил ухо к двери – за ней кто-то тихо ходил. Ага! Значит, есть живые, но затаились! Парторг полка принялся колотить в дверь руками и ногами. Наконец дверь отворилась, и на пороге появился заспанный, небритый и взлохмаченный Ванюгин. Взводный стоял босой, в трусах и выцветшей майке. Старший лейтенант был хмур и трезв, но лучше бы был пьяным. Раз Ванюгин трезвый, значит может свободно передвигаться и, причём куда угодно, например, в любую сторону Германии и даже дальше на Запад.

– Вы, почему до сих пор не уехали домой? – сразу вместо «здравствуй» накинулся на него Третьяков.

Взводный почесал косматую, давно немытую, неухоженную шевелюру, зевнул и равнодушно ответил:

– Денег нет...

– Как это нет денег? Вы же расчёт получили?

– Ну, получил... Но всё марки давно потратил. Теперь зарабатываю, чтобы уехать отсюда домой в родной Брянск.

– Какие заработки? Какие деньги? У вас бесплатный проезд на поезде!

– Поездом поедет жена и дети, а я отправлюсь на машине. Сейчас на бензин зарабатываю, хмель у немцев в госхозе собираю.

Секретарь парткома велел быстрее Ванюгину одеться и явиться в штаб. Через полчаса старшего лейтенанта под конвоем разведчиков привели на беседу к командирам.

– Мы ведь на той неделе, как многодетной семье, собрали вам сто марок! – разозлился замполит полка. – Как не стыдно, товарищ старший лейтенант заявлять, что нет денег?

– Я не вру! Денег действительно нет, мы потратили и ваши сто марок! Разве мои дети кушать бананы не имеют право? Они тоже хотят фрукты!

– Нахал! Немедленно отправляй семью домой в свой Брянск! – раскричался комполка. – И сам убирайся туда же!

– Увы, товарищ полковник, но деньги мы проели. Дайте мне ещё три дня подзаработать.

Намаялось командование с ними. В конце концов, под конвоем разведчиков и особиста жену и трёх детей старшего лейтенанта все же доставили к поезду и сопроводили до Франкфурта-на-Одере, а с самим Ванюгиным на стареньких «Жигулях» до Польской границы доехал пропагандист...

Глава 10. Танки едут домой

Глава в которой рассказывается с какой нервогрёпкой осуществлялась погрузка и отправка техники на родину, а зампотех раскрывает Громобоеву все тайные мафиозные воровские схемы.

Вскоре после празднования объединения страны полк приступил к погрузке танков и прочей техники на платформы. Впервые после сорок пятого года эшелоны массово двинулись на восток: через всю Восточную Германию, потом Польшу, далее по Белоруссии и Украине куда-то в район города Кривой Рог. Выводимой техникой пополняли местную дивизию, а кто желал в ней служить тоже мог туда убыть.

Первыми погрузились артиллеристы. Ста двадцати миллиметровые самоходные гаубицы, чадя дымом и копотью, устремились по лесным просёлкам на грузовую станцию, за ними потянулись колёсные машины подвоза боекомплекта. На второй день эвакуации зенитно-ракетный дивизион перегнал «Шилки» и БТРы, затем несколько суток колонны БМП мотострелков запрудили подступы к товарным площадкам, и наконец, наступила очередь танкистов.

Офицеров и прапорщиков батальона, каждого с двумя-тремя солдатами и с флажками в руках расставили на перекрестках и поворотах, чтобы не дай бог, тяжелые танки не раздавили какого-то зазевавшегося немца пешехода или легковую машину.

Командир полка на совещании как обычно ругался, громко кричал, требовал то одно, то другое, а комбат Перепутенко с ним долго препирался. Весь спор заключался в том, сколько литров солянки должно быть в топливных баках.

– Обеспечить безостановочное движение! Чтоб ни в одном танке топливо не зависло! – шумел полковник Бунчук. – Наша задача загрузить технику быстро и в срок. Танки на платформы загоняют командиры лично рот, а то не приведи господи, механики свалят машину. Тепловоз подадут в шестнадцать, начало движения эшелона в двадцать. Караул сопровождения должен быть готов в пятнадцать часов: вещи, продукты, оружие, документы. Комбат, вы лично отвечаете за успешную погрузку!

Перепутенко определил Эдуарду особо опасный участок перегонного пути: руководство перекрёстком асфальтированной дороги с просёлочной, ведущей в какую-то деревню. На асфальт накинули настил из досок, чтобы нечаянно траками не повредилось шоссе и чтобы немцы, потом не начали судебную тяжбу за порчу покрытия. По обе стороны дороги стояли солдаты с флажками, прямо по центру, на осевой разметке, а на обочине сам Громобоев. Капитану велено было следить за бойцами, чтобы они бдили, а не улеглись в траву дрыхнуть. Регулировщиков обрядили в белые каски с красными звездами, в светлые комбинезоны с белыми светоотражательными рукавами, и каждому вдобавок к флажку по белому жезлу с полосками. Ну, прямо как настоящая военная автоинспекция!

Чуть в стороне в тенике под соснами стоял топливозаправщик и в нём дремал Странко, зампотех должен был заправлять заглохшие танки, или ремонтировать, если кто-то вдруг остановится и не дотянет до платформ.

Все группы регулировщиков выставили заранее, примерно за час до начала марша. Командир полка проехал на «Уазике», проверил готовность на маршруте, что-то прокричал из кабины, не останавливаясь, и скрылся в клубах пыли. Убедившись, что всё готово, полковник Бунчук дал по радиостанции команду на начало движения. Вдалеке за лесом послышался громкий рёв моторов, и вскоре на дороге показалась первая грохочущая машина. На вооружении батальона было сорок два танка «Т-64». Пусть не самая новая техника, но и не старая.

Один за другим мимо Эдуарда со страшным грохотом и скрежетом проползали эти броне гиганты. Командир полка безостановочно носился на своем «Уазике» взад вперёд от полка до станции, что-то громко орал, грозил всем кулаком. Вдруг один из танков не доползя пяти метров до шоссе, выплюнул выхлопной трубой чёрное облако копоти, движок судорожно затарахтел, захлебнулся и бронемонстр замер. Наступила напряжённая тишина.

Как назло рядом постом регулировщиков во главе с Громобоевым оказался командир полка. Полковник Бунчук выпрыгнул из «Уазика» и громко заверещал.

– Замполит! Что за муйня! Почему танк заглох? Почему не заправили как следует технику?

– А я знаю? Я что начальник ГСМ? – отругнулся капитан. – Моё дело регулировать.

– Вот и регулируй! Но ты должен вникать во все вопросы! В том числе и боевой подготовки и вопросами подготовки техники на марше!

– Я вникаю, и знаю, что все машины готовы и исправны. Может быть топливо не кондиционное, или его не долили, или украли...

Заслышав последние фразы, командир буквально взбеленил. Он затопал ногами, весь затрясся, и даже фуражка упала с его большой головы в придорожную пыль.

– Да как ты смеешь! Молчать! Я разберусь с вашим батальоном и накажу всех подряд! Сплошные болтуны и демагоги!

В этот момент бензовоз дал задний ход, и зампотех чертыхаясь вместе с солдатами, принялся доливать в баки солярку.

– Майор Странко! Живее! Погрузка идёт, а вы тормозите движение! Я же велел проследить за заправкой топлива. Накажу!!!

Володя небрежно, через плечо, не глядя в сторону Бунчука, матюгнулся и громко и внятно произнёс:

– Да пошёл ты на.....

Командир снова затопал ногами, смачно ругнулся в ответ, вскочил в машину и куда-то уехал, словно бы по точно указанному зампотехом адресу.

– Вовка, ты очумел? Кэпа послал. Он точно тебя сегодня грохнет.

– Не грохнет, ты не знаешь наших отношений.

– Каких ещё отношений?

– Не мешай заправлять танк, иди, и регулируй движение. Видишь, немцы стоят и сигналият, мне нужно всего пять минут, можешь им пока открыть проезд.

Эдуард дал команду солдатам пропустить машины, и несколько стареньких «Трабантов» и «Варбургов» переехали по дощатому настилу и поспешили по своим делам.

Странко быстро дозавправил танк, бронемашинка чихнула, завелась и, лягая траками и катками, медленно уползла за поворот. Майор сел в бензовоз, и проезжая через шоссе задорно подмигнул Эдику, приветливо помахав рукой. Зампотех уехал следом за глохнущим

танком, а Громобоев остался стоять на обочине. Ещё целый час он глотал пыль и считал танки: тридцать шесть, тридцать семь...сорок... наконец, прополз последний. Но нет, вдали показался тягач БТС с монументальной «тридцатьчетверкой» на сцепке. Теперь можно было сниматься с поста. Подъехала «техничка», загрузились и все направились на погрузку. К тому времени, когда Эдуард добрался на станцию, на хвостовую платформу эшелона по эстакаде вползал последний танк батальона.

Хорошо поддавший спирта комбат Перепутенко обнимался с командиром полка и оживленно жестикулируя, болтал всякую служебную неслужебную чепуху. Разбирали нюансы погрузки танков, обсуждали сиськи стоявшей в сторонке немки-железнодорожницы. Рядом покачивались на нетвердых ногах такие же подвыпившие зампотех полка и Мишка Толстоухов. Громобоев вылез из «Урала» и увидел сюрреалистическую картину: тягач втягивал на платформу следом за собой стянутый с полкового постамент «Т-34». У «памятника» были заварены сваркой катки и траки, поэтому он не двигался, а полз и бороздил гравий и бетон, словно цеплялся за последний плацдарм и не желал покидать Германию, завоёванную им в далёком прошлом.

– Хоть и не числится он за полком, а не оставим супостатам нашу славную и героическую и прославленную «тридцатьчетверку!» – рявкнул Бунчук. – Верно я гутарю, Павло?

– Конечно, правильно! Хрен фашистам, а не памятник! – поддержал командира полка, Перепутенко, пьяненько хихикая. – Давайте, товарищ полковник, на посошок! Чтоб техника хорошо дошла на Родину!

Комбат заметил подъехавшего Эдуарда и замахал руками: – Эй, замполит, всё в порядке? Иди к нам...

– Да ну вас всех..., – ответил капитан, хмурясь и не приветствуя начальственных собутыльников. Громобоев отошел в сторону и присел на засохшую траву. Он был недоволен и раздражен дневным хамским поведением командира полка и не хотел с ним пить. Странко тем временем проследил за работой солдат: как они закрепляли технику на платформах, проверяли закрытие люков танков, кабины автомобилей. Караул сопровождения в составе капитана Зайнуллина и трёх сержантов, уже грузился в теплушку.

Громобоев тепло попрощался с начальником караула, командиром второй роты и с сержантами. Ротный накануне вернулся из дому, успел в срок перегнать машину с добром, и уже отправил семью поездом.

Сейчас Зайнуллин убывал из Германии безвозвратно, и после передачи эшелона с техникой, он должен был принять должность замкомбата в новой дивизии, а сержанты после разгрузки сразу по домам – на дембель. Вот кто был настоящими счастливицами!

Следующим вечером Громобоев по каким-то делам забрёл в штаб и стал нечаянным свидетелем искреннего горя Бунчука. Полковник в комнате дежурного по полку разговаривал по телефону, и в этот момент от приятеля узнал страшную весть – немцы хотят купить «тридцатьчетверку»!

Оказывается, командир танкового полка в Дессау не утонул на буксире в уходящий последний эшелон памятник времен войны, а продал за хорошую цену коммерсантам. А этому ушедшему немцу требовался ещё один танк времен войны в хорошем состоянии. Давал сто тысяч бундесмарок.

Полковник Бунчук позеленел лицом, громко взвыл и швырнул форменную фуражку о пол. Потом чуть помолчал и громко простонал, обращаясь к замполиту:

– Нет, ну ты представляешь, какие наши соседи суки! Проклятая немчура купила у них танк! Фрол Иванович мне сейчас позвонил и сказал, что они сейчас к нам вот-вот должны уже подъехать, посмотреть нашу «тридцатьчетвёрку» и прицениться. Что мы им покажем? Пустой постамент? Какой же я идиот! Это же надо так лопухнуться! О, а как я старый дурень радовался вчера, что удалось утянуть и погрузить этого железного мастодонта! Кому он нахрен нужен в Кривом Рогу? Ведь его просто так переплавят на металл! А здесь бы танк ещё постоял в частном музее, туристов радовал...

– Не отчаивайся, Сеня..., – попытался утешить его замполит.

– А я отчаиваюсь! И я буду отчаиваться! Это же надо – сто тысяч! Мы могли бы себе ещё по одному новому «Мерседесу» купить!

Начальники понуро побрели на КПП встречать впустую приехавших немецких гостей, а Эдик поспешил к Странко поделиться услышанным разговором.

Громобоев нашел майора сидящим в канцелярии батальона, перед ним лежала кипа путёвок, промасленных грязных бумажек и разных формуляров. Володя проводил какие-то вычисления на калькуляторе, записывал цифры в столбик, сверял с журналом и тетрадь. Он явно подбивал какой-то баланс.

– Какие успехи, счетовод? – весело спросил Громобоев. Его прямо-таки распирало желание рассказать и поделиться услышанным разговором в штабе.

– Отчёт по ГСМ делаю, не мешай. Помолчи пять минут.

– Ага, махинации никак не удаётся скрыть!

– Заткнись, а то дам в ухо! Я же говорю – пять минут тишины!

Странко стучал пальцем по калькулятору, складывал цифры, суммы сверял с блокнотиком, и перепроверял, а его не типичные для технаря тонкие длинные пальцы, словно у пианиста, быстро бегали по кнопочкам.

– У-ф-ф! – наконец-то звучно выдохнул майор, захлопнул журнал, сложил тетради и формуляры в стопку. – Ну, наконец-то всё готово!

– Неужели сошлось? – усмехнулся Эдик. – Не усохло, не утряслось, не пролилось?

– Тютелька вютельку! Точно, как в аптеке! Комар носа не подточит...

– Раз так, значит, что-то точно украли, скажет вам любой прокурор!

Странко усмехнулся и покачал головой.

– Не скажет! Дивизионный прокурор толковый мужик, он свою долю уже давно получил. Ладно, пошли ударим по пиву, а по дороге расскажешь, а не то боюсь ты лопнешь, эк тебя разбирает.

Эдик хотел было обидеться, но передумал, очень хотелось поделиться и начал излагать суть разговора начальников, а Володя, не прерывая, молча слушал капитана, и на глазах мрачнел и суровел. Едва Громобоев умолк, как он зло и коротко произнёс, словно выплюнул:

– Вот ведь козлы! Крохоборы! Когда же им станет достаточно? Всё им мало, мало, мало!

И зампотех действительно плюнул на плац.

– Ага! А ведь каких накануне из себя таких патриотов изображали! – обретя поддержку радостно затараторил капитан. – Напились вчера на погрузке и без умолку друг перед другом бравировали показным патриотизмом. Павлиньи хвосты распушили!

– Это они умеют. Кругом одна ложь и очковтирательство, и вокруг нас, мой друг, одни жулики и воры. Вот ты ведь наверняка всё последние недели меня осуждаешь, и думаешь, ах, какой Странко нечестный и неприличный! Жулик! Да без ведома и без разрешения командования, я и шагу бы не ступил в сторону! Думаешь, ночами не сплю, и на свой страх и риск вывожу немцам то пять, то десять тонн соляры и так каждую ночь? К твоему сведению, нужного немца мне указал зампотех полка. Моя доля – лишь одна шестая часть, а весь риск

в деле мой. Если полиция заметёт, все начальники откажутся, заявят, мол, не в курсе. Никаких накладных и товарно-транспортных, никаких пропусков и путёвок на выезд машины. Хотя зампотех полка ежедневно даёт команду дежурным по КТП, чтобы они меня выпускали, а я им потом за это презент привожу. Знаешь, сколько стоит литр дизтоплива у немцев?

– Вроде бы марка...

– Верно, примерно так, а вот я продаю скупщикам на заправку по пятьдесят фенешек. Зарабатываю на этом тысячу марок за ночь – больше месячной майорской получки. Думаешь, почему топливо зависало и танки глохли? Да потому что баки-то в них были пустые!

А по документам в каждом залито по горловины, почти по две тонны! Вот и считай! Должно было быть семьдесят тонн в танках, плюс домой уехали пустые заправщики. А сто тонн мы успешно продали. Ну-ка умножай мафиозные барыши!

– Не нукай, не запряг! Иди-ка ты знаешь куда!

– Да не сердись...

– Украли пятьдесят тысяч марок?

– И это только с нашего батальона! А ещё ведь было топливо других мотострелковых батальонов и дивизионов: бензин для машин и БТРов, соляра для самоходок, «Шилок», БМП. В общем, я готов к досрочному убытию домой, и чем быстрее, тем лучше. А вот ты если даже тут останешься послужить, то и за три года столько не заработаешь...

Громобоев вытаращил глаза и слушал товарища разинув рот. Он просто опешил от того, что творится в полку. Царит повальное воровство!

– А если узнает об этом комдив? Не сносить тебе головы!

– Чудак-человек, шестая доля комдива и ещё одна доля прочим штабным: начальнику ГСМ и зампотеху дивизии. Я же говорю – создана целая мафиозная сеть и хорошо продуманная схема. Учти, все это придумано не мной! Я лишь мелкий исполнитель, меня взяли в долю.

– И комбат в курсе? И Мишка Толстоухов?

– Конечно. Им тоже упало в карман чуток, «детिशкам на молочишко».

Громобоев не знал, что сказать и как дальше себя вести. Он не мог и не хотел больше ни говорить с товарищем, ни пить.

– Ну, ты сволочь, Вовка.

– Я? Ничуть. А выпроваживать меня в Союз под сокращение армии это порядочно со стороны государства? На эти деньги я себе квартиру должен купить. У тебя вот есть жильё, а у меня нет. И дадут ли его неизвестно. И потом, попробуй я отказаться, нашли бы другого

исполнителя, а меня в двадцать четыре часа бы выперли домой, чтобы не сболтнул лишнего. Ну, что, правдоискатель, пойдем в гаштет? Ударим по пиву? Угощаю. Пропьем чуток ворованных денег? Давай нанесем мне финансовый ущерб!

– Надеюсь, пиво будет не отравленное, не уберёшь свидетеля? Точно не встанет баварское поперек горла?

– Да какой ты свидетель? Так... болтун. По бумагам отчетность ведь совпадает. И руководство эти отчеты подпишет, а я ещё и копии сниму для себя, на всякий случай...

Сидя в спортивном гаштете Эдик успокоился. Сначала Громобоев сделал небольшой глубокий глоток, подержал, смакуя, пиво во рту и наконец проглотил. Помолчал, отхлебнул ещё немного, потом быстро допил и выразительно посмотрел на дно пустой кружки. Странко правильно оценил желание друга и велел кельнеру повторить ещё по две по кружке и добавить каждому по порции жареных колбасок.

– И все равно, ты Вова жулик! – произнёс Громобоев, осушив, залпом второй бокал. – Воруга!

– Я знаю. А пиво на жульнические деньги в горле не застрекает?

– Ничуть! Решил наносить посильный материальный урон вашему воровскому клану. – Твоё здоровье, мерзавец!

Эдик поднял бокал, и приятели звонко чокнулись. Странко хитро усмехнулся и отпил пива из своего бокала.

– Но даже после этого угощения, передачи носить тебе в тюрьму я не буду...

– Типун тебе на язык, – чертыхнулся Странко и хорошенько поплевал через левое плечо. – Болтун! Каркаешь, как ворона! Кстати, через неделю я уже уеду домой. Ни одна собака меня не найдет! Рапорт об увольнении из армии уже написан, заявление о выходе из партии я подал. Не хочу взносы платить в твёрдой валюте!

– Жалко?

– Конечно, жалко, – искренне признался Владимир. – Зачем мне ваша партия на гражданке? Партия бизнесу не помощник!..

Надо сказать, что в полку, в дивизии, да и по всей выводимой Ударной армии после съезда КПСС и выхода из партии Бориса Ельцина пошло поветрие: не платить взносы, сдавать партбилет и выходить из партии. За то, что несколько десятков офицеров полка бросили партийные документы и вышли из КПСС, Николая Третьякова, полкового

партийного секретаря хорошенько взгрели. А как же его не наказать, он ведь не свой, не номенклатурный назначенец, не из запланированных. Пусть он хоть и лояльный, но оппозиционер, потому что записался в «марксистское» крыло партии и пропагандировал идеи своей платформы в КПСС. В полку так шутили и говорили: вон пошёл Коля-большевик!

Партийным секретарём Николай стал совершенно случайно. Он служил замполитом зенитного дивизиона, по новым веяниям в партийной жизни страны, выборы секретаря парткома объявили на альтернативной основе. Прежний парткомовец, зануда, стукач и льстец, майору Третьякову выборы проиграл с треском, и злой как чёрт уехал по замене в Казань. А Коля начал бороться за правду-матку, восстанавливать ленинские принципы внутрипартийной жизни, чем сильно досаждал командиру и замполиту. Этот марксист ратовал за справедливость, не угрожал руководству, взял на контроль распределение дефицитов, регулярно проверял склады. В ходе своей нелегкой войне «с ветряными мельницами», этот Дон Кихот получил несколько служебных взысканий за мелкие упущения, вдобавок его карьере навредила и пачка сданных партийных билетов, да большая задолженность по взносам. Всем заменщикам стало жалко попусту валюту отдавать. Майору Третьякову в политотделе объявили выговор, и записали на выезд в Союз в числе первых. Как говорится, попал Коля под раздачу...

Глава 11. Приятная неожиданность, похожая на чудо

*Глава, в которой нежданно-негаданно приходит
весть, о том, что служба Эдика в Германии
продлевается ещё на некоторое время.*

С выездом домой живодёра капитана Черкасова и бегством на запад соседки-проститутки Элочки, ээсовский дом опустел, и помимо Громобоевых в нём остались жить лишь привидения. По ночам раздавались скрипы и вздохи, ветер завывал в мансардных окнах шпилевидных башенок, черепица на крыше ходила ходуном. Эдуард

несколько раз подал рапорта с просьбой о предоставлении другого жилья, без крыс и теней убиенных фашистов. Командир полка отмахивался, мол, месяц можно потерпеть, но наконец, смилостивился и дал ключи от трёх комнатной квартиры в новой пятиэтажке. А чего жалеть-то, новый дом уже наполовину опустел, ведь офицеры каждый день уезжали к новому месту службы.

Эдик взял десяток солдат, и они за один заход перетащили аппаратуру, койки, диван, два стола, две тумбочки и вешалку из прихожей. Ценного имущества было не много, в основном всё временное, ведь Громобоев так и не стал заказывать контейнер с вещами и мебелью из дому – зачем? Пару месяцев можно перекантоваться и на ветхой мебели.

Едва он перетащил свой нехитрый скарб, как его срочно вызвали в штаб. Запыхавшийся посыльный ворвался в незапертую квартиру и громко выкрикнул:

– Товарищ капитан! Я вас полчаса разыскиваю, а вы оказывается в новой квартире! Замполит полка рвёт и мечет, требует к себе!

Эдик натянул сапоги и поспешил на зов начальства. В кабинете Патрушенко сидели два знакомых капитана, оба тоже были ветеранами войны в Афганистане. Офицеры что-то быстро писали.

– Громобоев! Где вас черти носят! Мне нужно срочно о вас докладывать и документы сегодня же нарочным отправить. По гаштетам что ли шатаешься? Днем с огнём не найти!

– А что случилось?

– Первый и главный вопрос: вы в Германии служить хотите?

Что за глупый вопрос? Кто же не хочет, особенно в свете новых экономических обстоятельствах. Зачем спрашивать, когда ответ и дураку ясен. Эдик надеялся дотянуть до конца ноября и получить ещё одну получку, чтобы купить «Жигули» и увести на машине аппаратуру и вещи. На другую, более дорогую скопить никак не получалось.

– Конечно, хочу! Надеюсь уехать в декабре! – ответил Громобоев. – Хотя по плану наш батальон ликвидируют двадцатого ноября, а то и раньше.

– Ха! Двадцатого! Это твой комбат губу раскатил! Первого ноября тут не будет уже ни одного солдата, а до седьмого ноября и офицеров в батальонах не останется! Мечтатели!

Эдика словно окатили холодной водой и он мгновенно погрузился. Значит, выходило так, что времени до вывода в Союз оставалось всего пара недель и максимум, на что можно рассчитывать – ржавый

с трудом передвигающийся на колёсах ни кому не нужный металлолом. Скорее всего – старенький «Москвич».

«Вот черт!» – чертыхнулся про себя капитан.

– Но вам дается шанс, – произнёс подполковник Патрушенко с выражением на лице, на котором была видна откровенная неприязнь и зависть. – Вы можете ещё послужить некоторое время...

– Что я должен сделать? Продать душу? – ухмыльнулся Громобоев. – Записаться на сдачу органов?

– Ну, такие жертвы не нужны. Если желаете, надо просто написать рапорт о согласии на перевод в другую часть на равнозначную должность. Пришла разрядка на пять офицеров прибывших в полк в этом году по замене. Заменяют воинов-интернационалистов и «чернобыльцев». Три замкомбата и два ротных. Вы счастливички! Ну, так как? Желаем остаться? Или надо посоветоваться с женой?

В голосе замполита полка слышалась явная неприязнь и обида.

– Конечно! А чего её спрашивать! Согласен!

– Ну мало ли... Вдруг вас домой тянет... Тогда пишите рапорт, заполняйте анкету, и вперед: бегом по службам. Берите полный расчет, получайте предписание и в новый полк. Ваша новая часть стоит... – Замполит полка порывлся в бумажках и продолжил. – В городе или деревеньке под названием Цайц. Хрен знает, где это место находится. Вроде бы там стоит танковый полк, должность – замполит танкового батальона.

Другие офицеры уже закончили возню с рапортами и анкетами и устали на начальника.

– Ну, все, что тарашимся? Живее берите обходные листы, на оформление дел сегодня и завтра.

Придя домой Громобоев огорошил супругу, она впала в транс, не веря в своё счастье.

– Не врешь? Ты часом не пьян? Опять вместо службы сидел в гаштете со Странко и Толстобрюховым?

Эдуард отрицательно покачал головой, и на лице его засветилась лучезарная улыбка.

– Точно это не слухи?

– Нет! Я уже рапорт написал, тебя не спросив. Хотя если ты против...

– Громобоев, ты псих? Конечно, хочу остаться!

– Тогда собираем манатки. Завтра я уезжаю на новое место, а через несколько дней вернусь за вами на машине.

Ольга заглянула в календарь. Принялась что-то подсчитывать.

– Сегодня двадцать восьмое октября. Я видела на подъезде объявление – десятого ноября отключат воду и электричество в квартирах. Успеем уехать?

– Думаю, успеем, – заверил жену Эдик и помчался оформлять документы.

В штабе его ждал Кожемяка с пачкой бумажек. В глазах приятеля читалась зависть. Андрей пояснил ситуацию и ввёл Эдика в курс дела, почему ему и другим товарищам выпало счастье.

– Этой зимой, как обычно бывает в ноябре-декабре, офицеры подали рапорта на поступления в Академии, и тут вдруг на тебе – объединение Германии. Летом они уехали сдавать экзамены, в июле-августе успешно поступили, а в это время вместо марок ГДР получка пошла в бундасах, на которые можно купить и машины, и аппаратуру и шмотки. А в Москве что делается? Талоны, купоны, дефицит? В магазинах длинные очереди и пустые прилавки, того и гляди голод начнётся! Жёны быстро смекнули, да и мужи тоже сообразили, дружно отказались учиться, написали рапорта и поехали обратно в Германию. Об этих любопытных фактах написали в газетах, и поднялась шумиха. Мол, как же так, офицеры, особенно политработники, предпочли карьеру и учёбу на жизнь в капиталистической стране! Променяли идеи на валюту! Какой скандал! Об этой шумихе узнал Начальник Главного Политического управления и велел всех хапуг и рвачей вернуть обратно! (Хорошо ему генерал-полковнику сытому и всем обеспеченному так заявлять!) Генерал Лизичев так и распорядился: не хотят учиться – ладно, но хрен им, а не Германия! И действительно, приказал всех срочно откомандировать во внутренние округа. Пока они поездом ехали в свои части, их обогнал приказ о замене. А на кого заменить? Чтобы не заморачиваться, решено набрать из нашей выводимой армии группу вновь прибывших и прослуживших менее полугода ветеранов войны и ликвидаторов аварии на Чернобыльской АЭС. Ты, Громобоев попал в число этих двадцати счастливицков! Радуйся!

Эдик пожал руку приятелю.

– Не журишь, Андрей! Думаю, в Ленинграде ещё встретимся...

– Может быть... – ответил с завистью Кожемяка. – Эх, а мы через десять дней с Черновым погрузимся в свои старенькие машинёшки и поедем домой. Я за свой десятилетний «Форд» спокоен, надёжный

аппарат, а вот как Сёмка на убитых «Жигулях» доедет до границы – даже не знаю... Придётся брать на буксир, если что...

На следующее утро, в шестом часу Эдуард в приподнятом настроении уже ехал в неизвестный ему Цайц, который опять следовало найти самому. Но сначала предстояло попасть в Намбург, где размещался штаб дивизии.

Громобоев подхватил чемодан, прыгнул в пригородный поезд идущий до узловой станции. В Рослау он посмотрел масштабный план железных дорог и нашёл этот самый городок Намбург. От Цербста это место находилось довольно далековато, гораздо южнее, что тоже хорошо, значит и климат теплее.

Капитан предусмотрительно купил в привокзальном кафе сардельку с булочкой, густо намазал её горчицей и кетчупом. Запил завтрак пивом, не смог себе отказать в удовольствии – купил пару банок. Как говорится: заморил червячка. До штаба добираться предстояло несколько часов, с двумя пересадками, запах наверняка за дорогу выветрится, а раз так, то можно было слегка расслабиться, тем более что режим жёсткой экономии марок окончился!

В вагоне скорого поезда было жарко, и Громобоев расстегнул плащ-пальто, сверкнув на солнце орденами, ему опять предстояло ходить представляться командованию, а этот ритуал предусматривал парадную форму. Вначале скорый поезд домчал его до Лейпцига, а потом другой, медлительный и скрипучий четырех вагонный состав, напоминающий пригородный трамвай довёз в Намбург, далее по приметам характерным для советских гарнизонов, добрался до штаба дивизии.

Войдя в старинное серого цвета здание штаба, Эдуард отметил в кадрах, оставил там свой багаж, узнал у дежурного, где находится начальник политотдела, встал у дверей с табличкой «полковник Косьяненко» и стал ждать начальство. Прошло полчаса, и от нечего делать Громобоев принялся изучать стенд лучших офицеров дивизии, в надежде узнать знакомое лицо. Эдик просмотрел два десятка фотографий в парадной форме, половина с боевыми орденами – однополчане по необъявленной войне. Не обнаружил ни одной знакомой физиономии, а жаль, ведь где-то в этих местах служит Лука, Степанцов и бывший комбат Пустырник. Эх, отыскать бы боевых друзей, чем чёрт не шутит!

«Найду – славно покутим!» – размечтался Громобоев, но внезапно его размышления прервал неприятный скрипучий голос и вернул к реальности.

– Капитан! Почему не приветствуешь старшего по званию! Громобоев минуту назад видел краем глаза какого-то солидного офицера в конце коридора, но не придал значения, мало ли начальников может шарахаться по штабу дивизии.

Эдуард резко развернулся на каблуках – перед ним стоял маленький усатый полковник с колючими, злыми глазами, который свирепо играл желваками и тарачился на него. Казалось он пытается испепелить взглядом провинившегося, или насквозь пробуравить чёрными зрачками. Громобоев узнал начальника политотдела, его фото висело на другом стенде – среди фотографий командного состава армии и дивизии в фойе первого этажа. Капитан резко приложил руку к фуражке и отдал молодцевато честь.

– Кто таков? – вновь рявкнул полковник. Повторяю вопрос, почему не приветствуешь старшего по званию?

– Я читал информацию на стенде, смотрел фотографии, – начал оправдываться капитан.

– Не заметил он! Начальство надо замечать даже спиной! Интуитивно чувствовать его приближение! Ты откуда взялся, нахал?

«Неужели нужно обязательно орать?» – мелькнула мысль. – «По-человечески говорить совсем разучились? Он видимо и на жену орёт, или наоборот, дома его самого имеют в хвост и в гриву, а тут он отыгрывается на подчинённых?»

– Капитан Громобоев, замполит танкового батальона. Прибыл из Третьей Ударной армии для дальнейшего прохождения службы.

– Нет такой должности – замполит! – вновь зарычал полковник.

– Виноват, заместитель командира батальона по политической части.

– То-то же! Ладно, зайдешь через полчаса! Я пока занят, – буркнул полковник и скрылся за дверью.

Обескураженный таким грубым обращением и негостеприимным приёмом Эдуард простоял не полчаса, а все сорок минут, и лишь потом постучался и вошёл. Полковник сидел, вальяжно откинувшись в кожаном кресле, и читал свежий номер «Правды». Рядом на большом письменном столе, лежала ещё целая стопка газет и журналов.

– Сказано же было через полчаса! Прошло сорок минут! Почему опаздываем? Где болтаемся?

– Я стоял за дверью, ждал приглашения.

– Ах, вам особое приглашение нужно! Может быть, ты нам одолжение делаешь, тем что прибыл служить?

«Ну, вот, пошло, поехал! И этот тоже как принято в среде высокопоставленных комиссаров – хам и мурло», – подумал с грустью Громобоев. – «Неужели нельзя разговаривать по-человечески?»

– И нечего передо мной рисоваться орденами! Мы тут тоже как на переднем крае, стоим на передовых рубежах холодной войны! Ордена орденами, а тут служба! Много понаехало вас с Афганской войны таких нахалов! Ладно, езжай в полк, там посмотрим, каков ты в деле, а то ведь живо отправлю домой в Союз!

Полковник снова раскрыл газету давая понять, что разговор на этом окончен. Эдик снова козырнул, вышел из кабинета и принялся размышлять:

«Почему столь странное и хамское поведение у начальников? И что за манера пугать Родиной. Чуть что сразу в крик – отправим домой! Хоть бы чуток подумали, чем именно страшат, прежде чем говорить такие речи»...

Новый город Эдуарду сразу понравился, да и как он мог не понравиться, чай служить предстояло не в Забайкалье! Военный городок размещался высоком холме, и пока Громобоев преодолел крутой подъём шагая по дорожке от расположенного в низине вокзала, то даже взмок. Гарнизон тем самым стратегически господствовал над остальным немецким городом. Помимо танкового полка в Цайце был расквартирован ещё и артиллерийский полк, друг от друга их разделяло шоссе, а между воинскими частями раскинулся жилой массив из десятка пятиэтажных типовых домов стандартной современной советской постройки. В центре городка стоял большой немецкий супермаркет под названием «Деликат».

Поначалу в батальоне Эдик чувствовал себя слегка «не в своей тарелке», прежний замполит майор Власов тянул время и ещё никак не хотел уезжать. С ним он в первый же день познакомился в кабинете комбата. Подполковник Дубас с искренним сочувствием смотрел на закадычного приятеля, нервно курившего в углу возле окна.

Эдик постучался, вошёл в кабинет, назвалса, комбат улыбнулся в ответ и тоже представился.

– Можешь ко мне обращаться по имени отчеству, Станислав Вальдасович! Уверен, что мы вполне сработаемся с таким боевым офицером и позже поближе познакомимся. А пока что политбойцы, идите,

сдавайте-принимайте свои бумажки, мне надо к занятиям конспект подготовить. Ты Серёга не принимай происшедшее близко к сердцу, береги нервы, так до инфаркта или инсульта недолго себя довести! Хватит переживать.

Комбат выбрался из-за стола, сочувственно, похлопал по плечу товарища и выпроводил их из кабинета. Как ни пытался майор Власов отвлечься от грустных мыслей, но ничего не помогало, с его лица не уходило выражение беспросветной тоски. Громобоев не стал тянуть кота за хвост и пудрить мозги и без того обиженному судьбой и убитому горем майору, переложил пачку тетрадей с документацией с одного конца стола на другой, мимоходом заглянул в Ленинскую комнату. Убедился – стоит ли, вернее сказать имеется ли в наличии. А чего ей будет, стоит. Да и куда она денется? Потом Громобоев принял по акту телевизор и радиоприёмник и на этом закончили.

Весь день Эдик продолжал знакомиться с сослуживцами. На должности начальника штаба батальона был майор Иванников, а замполитом – майор Бордадым. Так удачно совпало, и голову не надо ломать, запоминая по именам, кто есть кто, потому что оба были Иван Ивановичи. А Иванникова сослуживцы в шутку называли тройным Иваном. Заместителем начштаба служил капитан Хайям Гусейнов, кстати, тоже ветеран войны в Афгане, а замкомбата был молодой тридцатилетний новоиспечённый капитан Фёдор Ницевич. Как позже пошутил комбат Дубас, у нас в батальоне настоящий интернационал: литовец, азербайджанец, два кацапа, хохол и бульбаш.

Познакомились и сразу в бой: всем управлением пошли в ближайший гаштет обмыть приезд нового сослуживца и проводить старорого. За пивом Сергей пересказал свою грустную историю неудачной попытки пожить при капитализме уже слышанную ранее Эдиком в общих чертах. А Громобоев, наоборот, поведал о неожиданно-негаданно свалившемся на него счастье – остаться в Германии за неделю до планового убытия домой. Выпили по несколько кружек пива и все разбрелись по домам: Сергей собирать вещи и готовить машину на отъезд, а Эдик осматривать выделенную ему квартиру, куда предстояло перевезти семью. Больше они с несчастливым майором Власовым не встретились.

Прошла неделя после ознакомления с батальоном и полком, наконец Громобоев заикнулся о переезде семьи из Цербста. Нужна была грузовая машина.

– А из прежнего полка тебе разве транспорт не дадут? – удивился Дубас. В его планы никак не входило гонять единственный батальонный «Урал» через всю Германию. – Довольно странно тебя провожают...

– Какая машина! Там и полка-то уже нет! Не знаю, остался ли в гарнизоне ещё кто из наших офицеров, или всех уже выперли. Теперь там одни лётчики хозяйничают, но они машину наверняка не дадут, я из их командования никого не знаю. Да и летунов тоже выводят домой параллельно с нами, только на пару месяцев позже. Исправные истребители уже улетели, остались лишь разукomплектованные «гробы»...

Комбат тяжело и обречённо вздохнул и велел командиру взвода обеспечения прапорщику Зверлингу, оформить путёвку на выезд батальонного «Урала».

– И где находится твой Цербст? – буркнул Дубас.

– Далеко. Километров примерно двести...

Комбат даже присвистнул, расход топлива получался большим.

– Сам-то дорогу найдешь? – для приличия поинтересовался Дубас.

– Сюда ведь путь нашел. Всё как обычно: язык до Киева доведет, – отшутился Эдуард, – а если к языку приложить карту местности, то наверняка доедем...

Утром, чуть свет, не завтракая, ведь путь предстоял долгим, Громобоев и водитель рядовой Кольванов с редким именем Никанор, выехали из автопарка. Завтрак взяли сухим пайком. Паёк был немецким (каша, паштет, галеты) из гуманитарной помощи – бундесвер отдал новым союзникам за ненадобностью, проводя ликвидацию запасов ННА (немецкой народной армии). Рядовой Кольванов по местным дорогам в районе Цайца и Намбурга колесил не раз, а вот за пределы этой территории даже в сторону Лейпцига он ни разу не ездил.

Громобоев развернул карту, углубился в изучение маршрута и, поглядывая в окно на указатели, подсказывал солдату, чтобы не проскакивал нужные повороты и объезжал города. Пару раз они всё-таки свернули не туда, но к обеду добрались до Цербста.

Полк был гнетуще тих и пуст. На КПП ни души, ворота распахнуты настежь, заезжай и выезжай кто хочет! По плацу ветер гонял опавшую листву, обрывки бумаг и газет. Окна жилых домов выглядели как амбразуры дотов, без штор, а у многих и отсутствовали и стёкла.

Эдуард выбрался из кабины и прошёлся по безлюдной улочке. Навстречу капитану попались лишь пара брошенных собак, да голодная кошка мяукала на дереве. Людей не было никого, словно все вымерли.

Громобоев пересёк пустой плац, зашёл в свою казарму – ни души! Двери канцелярий, каптёрок и кабинетов распахнуты настежь, всюду валялся хлам и брошенные ненужные вещи. Тогда он пошёл в штаб полка, может хоть там помогут? Но и штаб его встретил мёртвой тишиной, стук шагов капитана отзывался гулким эхом в пустом коридоре.

«Похоже, солдат для переноски вещей уже не найти» – понял Эдик и двинулся по направлению к дому.

Жена и дочь сидели в кофтах и куртках в подготовленной к переезду квартире, и буквально тряслась от страха и холода. В дальнем углу спальни лежали узлы с вещами и коробки с аппаратурой.

– Папочка приехал, – обрадовалась Ксюха и бросилась на шею. – Он вернулся, не забыл о нас!

– Мы тут уже испереживались, а тебя всё нет и нет! – воскликнула Ольга с упрёком. – Вывод ускорили, городок пуст, осталось примерно пять задержавшихся семей, если не меньше. Лётчики уехали жить в казармы авиагородка, тут лишь эмигранты шарахаются, какие-то подозрительные бродяги, да пьяные немцы. Кто-то по ночам стучится в двери, если не отзовёшься, грабят пустые квартиры. Полиция иногда приезжает, забирает, тех, кто попадётся. Повесила на днях бельё сушиться на веревке во дворе – так спёрли полотенца и простыню. Как тут страшно! Поехали скорее отсюда!

Эдик вместе с солдатом погрузил в кузов два дивана, стол, аппаратуру, мелкое барахло, затем все вместе они забрались в кабину и тронулись в путь.

Машина быстро пересекла старинный уютный симпатичный городок, Эдик окинул прощальным взглядом малую родину Екатерины Великой, мысленно попрощался, и они выехали на шоссе. Через час свернули с дороги на просёлок, тормознули, перекусили, тронулись дальше. Небо было серым, пасмурным, иногда накрапывал мелкий дождик, дорога была ровной как зеркало, ни кочек, ни ямок. Громобоева время от времени клонило сон, но он мужественно боролся, а вот жена и Ксюха на её руках спали крепким сладким сном. Ещё бы, все волнения позади – дождались!

Ехали-ехали, и вдруг на повороте Никанор не стал сворачивать, а как ехал прямо, так и помчал дальше, ломая частокол и сминая проволочные ограждения. Благо обочина была не крутая и без дренажной канавы, поэтому «Урал» лишь чуть подпрыгнул на ухабах и не перевернулся. Водитель встrepенулcя, широко раскрыл глаза и принялся крутить рулём. Они снесли ещё одну какую-то низкую

изгородь, намотали на бампер колючую проволоку, влетели в глубокую лужу, но врубив пониженную передачу, машина сумела выползти из грязи на обочину и выбралась на дорогу.

– Никанор, сволочь, гони! – заорал Эдик. – А то сейчас появятся хозяева, вызовут полицию и арестуют!

Они промчались без остановки еще полчаса, потом капитан велел тормозить. Полиция не гналась за ними следом, а значит, повезло – проскочили.

– Уснул, мерзавец! – зарычал на водителя Громобоев.

– Глаза закрылись малёха, – виновато оправдывался боец размазывая по щекам сопли и слюни.

– Ты чуть нас всех не угробил! – продолжал ругаться Эдуард.

– Виноват, не выспался, машину к выезду готовил...

Капитан кинул взгляд на дочь и жену, те даже не заметили, продолжали крепко спать.

– Ладно, живи пока что..., – вздохнул Эдуард с облегчением, потому что всё обошлось и ни они, ни машина не разбились. – Только больше не спи негодник, уж постарайся – довези нас живыми!

* * *

Очередная страница жизни перевёрнута. Эх, прощай милый, гостеприимный Цербст...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПРОЩАЙ ГЕРМАНИЯ?..

Глава 1. Притча о неудавшейся немецко-украинской дружбе

*Глава, в которой новый приятель рассказывает
Эдику о коренных различиях в обычаях
и характерах двух наших народов.*

Первый месяц службы в новой части – это как обычно знакомство с людьми и гарнизоном. Как уже было сказано ранее, место расположения хорошее, и с дисциплиной в этом полку дела обстояли гораздо лучше. А вот замполит полка не понравился с первого взгляда, крайне неприятная и скользкая личность, чувствовалась в нем какая-то скрытая внутренняя подлость, хотя внешне попытался порядочным и своим парнем, ведь как-никак тоже боевой побратим, служил в агитотряде в районе Кундуза. Моложавый майор Статкевич немного комплексовал, мол, его незаслуженно обделили с наградами, вместо двух «Красных звезд», лишь орден «За службу Родине». Да и ладно, чёрт с ним, никогда за всю свою службу Громобоеву не везло с непосредственным политическим начальством.

Зато Эдик сразу подружился с пропагандистом полка, майором Ваней Червинским, выпускником артиллерийского училища. Этот офицер тоже случайно, как и Громобоев, через комсомол попал на политическую работу. Жгучий брюнет с роскошной шевелюрой, кареглазый, этот парень явно был сердцеед и любимец гарнизонных любвеобильных дамочек. И фигура у него была внушительная: почти двухметрового роста, сажень в плечах, кулаки пудовые – типичный украинский богатырь. Ему бы пушки катать, или молотом махать, а не в бумажки писать.

Иван не задавался, не выпендривался, не умничал, а хитро улыбаясь в усы, в день знакомства запросто пригласил в кабинет, затем

с шуточками и прибаутками достал из сейфа закуску и непочатую бутылку бренди. Майор рассказал несколько забавных баек о сослуживцах, советовал с шефом быть осторожнее, держать ухо востро и не вестись на откровенные задушевные разговоры. Червинский нахваливал город и гарнизон, сказал, что тут служить можно, климат хороший, почти на крайнем юге Германии, и главное преимущество – полк расквартирован в самом городе.

– Я в Германии второй раз служу, первая командировка была на севере, потом пару рокив на ридной Украине послужил и снова сюда вертанулся.

– Везет тебе, – ухмыльнулся Эдик. – Восточнее Днепра службы нет?

– А зачем? Я не намерен отсиживаться в глубоком тылу, например в каком-нибудь Забайкалье, мы ведь тут, как часто говаривает наш начпо Касьяненко, кстати, большой мерзавец, на передовых рубежах обороны социализма. Теперь и подавно, мы можно сказать в плотном кольце войск НАТО. А в первый раз со службой повезло меньше, я попал на север, под Росток. Полк был расквартирован в глухом лесу, до ближайшей деревеньки десять километров. Каждый день утренний развод с построением на плацу всей дивизии: офицеры с полевыми сумками и противогазами, солдаты с вещмешками и ОЗК. Первый час общей строевой подготовки, индивидуальная шагистика по квадратам и пожереножно, потом прохождение торжественным маршем, с песнями. Семьи еженедельно в обязательном порядке дружно топают на собрания женсовета, то обще гарнизонные субботники, то воскресники, то митинги и прочие для них увеселительно-трудоуственные мероприятия. Одно было настоящее развлечение – киношка в Доме офицеров. Поэтому и не поймёшь, где находишься: то ли на Урале, то ли в Сибири, ведь кругом густые леса и болота, а выезд, в ближайший город с разрешения начальника гарнизона, раз в полгода если повезет. Дурдом! Наш полк – санаторий по сравнению с тем.

И так вышло, что подолгу службы я сдружился с начальником районной полиции: то одно дело, то другое, всегда ведь что-то случается. Солдат на машине в аварию попадет, или местные жители на полигон забредут, или кто-то что-то по мелочи стащит. Мы наладили с этим Гансом контакт (полицейского именно так и звали), и помогали друг другу. Я немецкий знаю хорошо, да и жена у меня преподаватель иностранных языков, поэтому случись, что командир меня к немцам отряжал решать дела и улаживать проблемы. Эх, сколько было совместно пива и шнапса выпито, сколько сосисок съедено!

Охота, рыбалка, шашлыки – лучшего друга у меня даже среди своих не было. Это предыстория, я захожу к самой сути издали, и к чему всё это рассказываю, поймешь в конце.

Подходит срок мне меняться и возвращаться домой, а что моя семья в Германии видела? Ничего! Военный городок, полигон, соседний немецкий посёлок, даже скорее большая немецкая деревня и леса вокруг гарнизона, ах, да забыл, ещё вокзал во Франкфурте. Приедешь домой, а рассказать и нечего, только служба: учения, наряды, караулы, стрельбы и вождения. А ведь, сколько тут можно посетить и посмотреть интересного!

Пригласил я перед расставанием Ганса в гости, пиво пьем, обнимаемся, душевно прощаемся, чуть ли не целуемся. Под распитие горячительных напитков и пустые разговоры, предлагаю ему осуществить вояжи друг другу в гости: он к нам с семьёй под Ровно, (я ведь «западенец», с Западной Украины), а мы с ответным визитом к нему, заодно тогда сможем толком посмотреть всю Германию. А для претворения в жизнь этой затеи надо прислать друг другу официальные приглашения.

Пьяненький Ганс с живостью откликнулся и с пониманием отнёсся к моей идее. Одобрил! Вижу по глазам – загорелся желанием, ему самому интересно побывать в местах, где его дед воевал. Обнялись, пожали руки и к завершению вечеринки хорошенько надрались шнапсом.

Через год, как и договаривались, я пригласил семью Ганса в гости, долго обивал пороги разных учреждений, справки собирал, чтобы друзья-немцы смогли посетить СССР. А по иному ведь никак: либо приглашение, либо в составе делегации или туристической группы. Объяснял всюду, что этот товарищ настоящий немецкий коммунист, крупный полицейский чин – начальник полиции района. Раздаю презенты: коробки конфет, шампанское, коньяки. В результате получилось всё удачно. Дали разрешение!

Встречаю моих немцев на вокзале, а прибыло всё семейство: Ганс, фрау и киндеры, две дочки. Везем их за двести километров в моё родное село на такси. Немцы в восторге от природы и от воздуха: охают, ахают, весело щебечут. С дороги сразу в нашу домашнюю баньку, из баньки сразу в речку и снова в парилку. Квасок в предбанничке, потом первача по стаканчику для здоровья и в хату. Тату и матери уже стол накрыли, который ломится от яств. Родичи выставили всё, шо могли: пороса в жаровне целиковый, запечённые гуси и утки, копчёные куры,

кровяные колбаски, яйца домашние, свежие овощи с огорода, и огурчики малосольные, картопля печеная, жареная, варёная с укропчиком, сало трёх сортов, грибочки разные, карасики жареные и запеченные, щука фаршированная, дюжина разнообразных салатов...

Эдик непроизвольно сглотнул слюну и вздохнул. Он сделал выразительные глаза и умоляюще попросил:

– Ваня!!!

– О, то ж! А ты думал! Вкусно рассказываю? Смачно? Нравится? – обрадовался Иван и достал из тумбы бутылку шнапса, стаканчики, быстро нарезал кусок сала с чесночком. – Захотелось к тому столу?

– Ещё бы! Даже дух захватило!

– Сам не могу усидеть на месте, хочу обратно к тому столу. Это словами не передать, это надо есть!

Новые приятели живенько стукнулись стаканчиками, выпили, закусили. А Иван, переживая, продолжал свой аппетитный рассказ.

– Ах, какой у нас самогон! Да не один, поставили на стол самогон трёх сортов! Вино, водку и коньяк купили для немцев, на всякий случай, так фрау продегустировала все до единой домашние наливки. Ганс после баньки уже знает толк, пьёт первач. Никакую казённую дрянь они естественно пить не стали. Весь отпуск потребляли только натуральные сельские напитки. В общем, славно погуляли до утра. Накачали и Ганса, и его жинку, до полной невменяемости.

Утром я не успел опохмелиться, а к нам во двор шаст, стучится ближайший сосед. «Привет, говорит, Иван-красный командир. Как твоё життя?». «Добре, говорю, тильки башка трещит». «О то-ж! Слышал я у вас гости из заграницы». Киваю, да, немцы. «А можно ко мне их? Хочу угостить, пообщаться с культурными людьми». Почему нельзя? Можно... Вечером веду немцев к соседу. Тот тоже не ударил в грязь лицом, стол не хуже нашего оставил закусками и напитками. Хорошо посидели, с тем же результатом – Ганса на руках в хату принесли.

Утром сходили мы с немцем на речку, освежиться, полежали в прохладной воде, ожили. Возвращаемся, а у ворот другой сосед. «Привет, Иванэ! Как дела? Слышал у тебя гости из неметчины? И у Мыколы они гуляли тоже. А ко мне можно? Уважь!»

И так понеслось...

За отпуск мы с немецкими гостями мы смогли обойти лишь малую часть села, а кому не удалось заполучить семейства Ганса в свою хату, долго потом обижались на меня и на тату. Стали мы собирать их в обратную дорогу – загрузили дюжину сумок и торб. Сало такое,

сало смякое, мясо копчёное, грибочки, рыбку вяленую и, конечно же, в поезд бутылка самогона столь полюбившегося немецкому товарищу.

Уехали гости дорогие, теперь вроде как наша очередь с ответным визитом ехать. Напекаю поздравительной открыткой, немцы тоже отвечают открыткой, мол, помним, и присылают вызов. Подгадываем отпуск летом и приезжаем своей семьёй: я, жена и наша дочь.

Ганс добросовестно встречает, подкатывает к поезду на служебной полицейской машине, привозит домой, там нас ждут все знакомые немцы: бургомистр, партийный секретарь, полицейские. В гостиную лёгкий фуршет: шнапс, вино, пиво, прохладительные напитки, на закуску крохотные бутерброды – канапе, жареные тосты, орешки, сухарики. Я половину бутербродов одним махом между первыми приветственными тостами съел. Жрать с дороги охота, хоть и неудобно, но потихонечку один за другим под разговоры уплетаю. Жена в бок пихает, мол, имей совесть, не позорь меня, скоро сядем за стол – набьёшь брюхо, а пока разговаривай с людьми. А как разговаривать когда в брюхе урчит?! Бутерброды скоро кончились, быстро допили пиво и шнапс, ещё некоторое время весело пощebetали, и вскоре гости разошлись. А наш друг Ганс тем временем предлагает ложиться спать.

Лежу голодный, ворочаюсь, в желудке урчит: я ведь слегка пьян и очень голоден. Тихо ругаю жену, что помешала перекусить. Она сама бедняжка ни крошки не съела, все соблюдала политес и тактично болтала с немочками. Ладно, думаю, утром хорошо позавтракаем, полегчает. Потом по плану да надо будет мчаться осматривать достопримечательности Берлина, заскочить в Потсдам, полюбоваться на дворец Сан-Суси.

Но завтрак был снова лёгким. Гансова фрау опять нам пожарила по тосту, сделал кофе, мы с женой переглянулись, быстро перекусили и помчались на вокзал. Я еле-еле дотерпел! Заскочили в привокзальный гаштет, сходу набрали полную тарелку жареных колбасок, три порции айсбана, умяли всё, словно с голодного края сбегали! Наконец-то наелись, а то бы помер и не доехал до тех дворцов. Весь день провели в поездах, да на ногах, а я от этих прогулок чуть жив и ноги с трудом волочил к вечеру. Семья Ганса нас терпеливо ждёт к ужину: бутылка шнапса, пиво, сардельки и колбаски с капустой. Хозяйева натянуто улыбаются, выпили, поболтали чуток, и спать – сил нет, умаялись. Утром опять торопимся на экскурсию. Завтрак – снова тосты с кофе. Слегка перекусили, и бежать на вокзал. Вечером приезжаем – смотрю, фрау косится на нас и губёшки

свои узкие змеинные ещё тоньше поджимает. Морда у неё даже недовольная, будто животом мучается.

«В чём дело?» – спрашиваю друга. Ганс глаза виновато отводит и тоже мнетя, но выдавливая из себя, наконец-то сбивчиво.

«Понимаешь, комрад Иван, крайне накладно нам содержать тебя и твою семью. Мы вышли из бюджета. Фрау недовольна».

Достает какой-то листок бумаги с расчётами, вижу куча цифр ровными столбиками. Бубнит что-то, а я суть не улавливаю, кровь к голове прильнула, ни хрена не соображаю.

«Разумею, друг Ганс! – отвечаю я ему, – Нам и завтраки не нужны. А уехать не можем, что поделывать, мы ведь на месяц планировали, мы вас не стесним, главное ночлег, будем с утра до вечера по музеям мотаться».

Вижу, немец мгновенно просветлел лицом, радуется.

– Иван, ты не обижаешься?

Я не выдержал и отвечаю:

– Да нет, полный порядок. Однако же я не сэкономил на гостях, тебя и фрау месяц радушно и хлебосольно принимал.

Сказал я ему это весёлым, слегка язвительным тоном, а у самого на душе кошки скребут. Ну, думаю, скотина, жрал у меня в три горла кур, мясо, сало, самогон отборный пил, а тут поджаренного куска хлеба ему жалко.

Немец сделал морду официальной, мерзкой, настоящей протокольной и заявляет:

– Комарад Иван, это была твоя собственная инициатива, и я тебя так щедро угощать не принуждал.

А ведь верно сказал друг-немец, не принуждал, это мы сами такие хлебосольные дурни. Короче говоря, каждое утро на завтрак пьем быстро кофе, улыбаемся хозяевам натянуто, они тоже свои рожи в улыбках растягивают, затем говорим, данке шеен, и ноги-в-руки по музеям и магазинам. Некоторое время промучились, потом поменяли билеты числом пораньше, две недели. Еле-еле вытерпели мучения и столь напряженное и тягостное гостеприимство, да и деньги заканчиваются уже. Попрошались почти официально, собрали чемоданы и домой. Ганс довёз до вокзала на служебной машине, снова мнетя и с напряжением в голосе вопрошает: «мол, друг Иван, ты не в обиде?»

Я махнул рукой, на том и расстались. На душе от этой поездки было не радостно. Доехали до Бреста, забежали в привокзальный ресторан и скорее обедать! Часа два сидели, наслаждались Родиной.

Это я к чему рассказываю, не для того чтоб опорочить того немца, обычный фриц как фриц, вполне нормальный. Взять тысячу бюргеров, они его легко поймут и не осудят, скажут, всё верно сделал, бюджет семьи – святое дело! Они нормальные по своему, а мы по-своему. Очень разные мы. Европа – нам её не понять! Поэтому я в этот срок службы в Германии, на то чтоб завязать русско-немецкую дружбу лишнего пфеннига не потрачу. Друг мой Эдуард, не верь клятвам немцев в искренней дружбе. Они люди не плохие, но глубоко рациональные. Другие они... Ну, вздрогнули ещё по одной?..

Глава 2. Никто не хотел возвращаться домой

*Глава, в которой Громобоев осваивается
в полку и пытается встретиться с боевыми
друзьями и узнаёт о предательстве.*

Сытая жизнь в Германии на воинский контингент действовала разлагающе, все как с цепи сорвались: покупали, покупали, покупали. Легковые и грузовые машины, теле и радиоаппаратуру, бытовую технику, вещи. Наступила настоящая эра массового потребления. Реклама по немецкому телевидению (а телевизоры в гарнизоне свободно принимали примерно шесть местных телеканалов) действовала зомбирующее и, завидев какую-то новую вещицу, надо или не надо, но женщины бросались её покупать. Так Ольга купила мороженицу и йогуртницу, которые после пары раз использования по назначению, дальше стояли без дела. Конечно же, окунувшись в это изобилие, ни кто из воинского контингента Группы войск не хотел возвращаться домой. Кому в здравом уме придёт в голову вернуться в голодные края, к пустым прилавкам, в чисто поле без жилья? Да, все мы любим Родину, и ностальгия мучает, но всё же в разумных пределах. Особенно рационально было начальство, каждый руководитель высокого и малого ранга с трибуны хотя и вопил о патриотизме, а на деле первым набивал карманы деньгами, перегонял машину за машиной домой, создавая стартовый капитал, загодя готовясь к выходу на пенсию.

Командиром танкового полка был коренной москвич, выпускник московской «кузницы генеральских кадров» имени Верховного Совета

СССР полковник Кудасов. Этот военачальник был абсолютно бессердечен, бессовестный и прожженный циник, к тому же очень жёсткий в обращении с подчинёнными. Полковник ежемесячно откомандировывал одного, а то и двух прапорщиков в Россию, для перегона приобретенных им машин, и помимо самих автомобилей, набивал полные салоны вещами и продуктами. Подчинённые теряли в результате этих поездок в деньгах (с момента пересечения границы и до возвращения обратно немецкие марки в получку не начислялись), но выполняли распоряжения и безропотно гнали транспорт. А что делать, кому хочется досрочно уехать во внутренний округ? Честно говоря, об этом Кубасова в книге и писать не хочется, но слов из песни не выкинешь. Упоминаю о нём лишь, чтобы подчеркнуть, что отцы-командиры делали всё для личного обогащения, прикрываясь высокопарными и пламенными речами о патриотизме. Сами хапали без меры, но чуть что, за малейшую провинности или не подчинение, угрожали подчинённых выслать в Союз.

Когда Громобоев приехал в новый полк, радуясь возможности послужить ещё некоторое время за границей, то комбат Дубас сразу же в первый день рассеял все иллюзии:

– Эдуард, особо можешь не радоваться, месяца через четыре мы все за Серёгой Власовым последуем, наша дивизия стоит в плане первой на вывод в Гвардейской танковой армии...

«Ну, что же тут поделаешь, знать такова судьба, быть вечно невезучим, опять попал не в тот батальон», – взгрустнул на минуту Громобоев, но тотчас отогнал уподочническое настроение, ведь он мог в данный момент уже давно укатить в эшелоне в сторону Бреста, а вместо этого продолжает попивать немецкое пиво! А значит, это известие можно перефразировать иначе, оптимистичнее, не всего четыре месяца – наоборот, целых четыре месяца сытой и комфортной службы. Четыре месяца – это четыре оклада, на которые можно купить приличную машину и ещё немного прибарахлиться.

Эдик давно мечтал встретиться с афганскими друзьями-приятелями, которые служили неподалёку в пехотном полку в Галле. По достоверным сведениям в этом гарнизоне находился его бывший фронтовой комбат Владимир Пустырьник, ротный Игорёк Лукашенко и минометчиком Витька Степашкин. Рядом, то оно рядом, да ехать недосуг – служба! И вот однажды, буквально через месяц после переезда в Цайц, замполит полка направил Громобоева в штаб армии на сборы.

На обратном пути капитан сделал небольшой крюк и заскочил в этот самый образцово-показательный полк.

Громобоев заранее запасся у Ивана Червинского несколькими чистыми проездными билетами (зачем платить немцам в бюджет, если можно сэкономить!) соскочил на станции со своего поезда, сделал пересадку на другой, доехал до города Галле, и там нашёл нужную часть. Спросил на КПП как найти Пустырника, дежурный подсказал и велел быстрее проходить, в полку ждали комиссию из Ставки западного направления. Вокруг полка и на его территории действительно наблюдалась какая-то нервная суета. Эдик разыскал казарму первого батальона, но своих боевых товарищей не нашёл. На вопрос где сейчас комбат, злющий начальник штаба, взъерошенный и нервный майор пояснил, что и сам бы не прочь знать, где же он!

– Третий день на службе не появляется!

– Что, всё так плохо? – спросил Эдик.

– Хуже не бывает, я устал уже его покрывать. Который день куролесит. Перед бойцами неудобно, ведь боевой командир, орденоносец, совсем недавно вывел батальон в передовое подразделение, мы были лучшими в дивизии и даже в армии! А сейчас... он даже днём порою не по форме и в тапочках в казарму забредает...

– Всё понятно, узнаю стиль руководства, первый год всех отодрать, отлюбить, застроить, приручить, а второй год почивать на лаврах, пользоваться плодами былых трудов и держаться на плаву былой славой.

– Вот-вот, – буркнул майор. – Вся слава в прошлом...

– Как мне найти Петровича?

– Может быть, дома спит с бодуна, а возможно пьёт с афганскими дружками-собутыльниками.

– Лука тоже запил?

– Ага! И Степашкин тоже. Говорят, что этот бесценный кадр, жену на днях топором по подъезду гонял. А тебе капитан, что за дело до них? Кто таков?

– Скажем так – боевой друг. Я его бывший замполит батальона Эдуард Громобоев.

– А-а-а... Ну, всё ясно, наслышан, не раз рассказывал о тебе как чуток подопьёт. Нахваливал, расписывал какая ты героическая личность, выращенная им. Эх, знать ты выведешь их из строя окончательно и надолго.

– Что ты, честное слово, обещаю не пить. Может, и всю компанию вытяну из запоя.

– А вот это маловероятно, – усомнился майор.

Громобоеву с таким спитым не дееспособным коллективом пересякаться не хотелось, хрен вырвешься от них живым, а коль удастся ускользнуть, то не раньше чем через неделю. Но попытка не пытка, может быть, есть шанс, что Владимир Петрович отсыпается в своей квартире?

Эдуард пошёл по указанному майором адресу, однако боевого друга дома не было, а вместо него встретился с хмурой супругой. Жена комбата сразу вспомнила Эдика, он ведь заезжал к ним домой проездом через Ташкент. Не смотря на обстоятельства нынешней встречи, обрадовалась, передала привет от старушки мамы, которой Эдик в прошлый трехлетний давности приезд из Кабула очень понравился. Тогда Громобоев частенько бывал гостем у тещи, когда лечился в госпитале. Если удавалось вырваться, приходил чаёвничать, и нахвалявал её героического зятя.

Жена комбата пригласила разуться-раздеться, усадила капитана пить чай с вареньем и мёдом, разложила военные фотографии.

– И где эта шайка прячется? – спросил Эдик прихлёбывая из кружки кипяток. – Где их логово?

Лариса Васильевна даже всхлинула, но быстро взяла себя в руки и утёрла платочком слёзы.

– Кто их знает, думаю, пьют у какой-нибудь бабы. Таскаются, кобели, где не попадя, себя и нас, жён позорят. Ну да ничего, осталось недолго гулеванить, пара месяцев и домой.

– Бросьте, какие там пара месяцев? Это мы нямбургцы вскоре выведемся, а вам служить, да служить...

Лариса Васильевна с удивлением посмотрела на Громобоева и спросила:

– Ты разве не в курсе? И в полку начштаба не сказал ничего?

– Нет, а что стряслось? Народ бегаёт, суетится, комиссию какую-то ждут.

– Ох, допрыгается Вова! Высокие начальники приедут, а комбата на месте нет! Лишится своих любимых усищ! У нас ведь жуткое ЧП – сбежал командир Айзенахского полка.

– Куда бежал? Кто сбежал? – не понял Эдик.

– Ладно, расскажу по порядку, это ведь уже не военная тайна, – усмехнулась Лариса Васильевна. – Тем более завтра-после, это событие станет достоянием гласности и вам доведут приказ.

Полчаса она рассказывала о происшествии в армии, и с каждой минутой Эдик всё более шалел от услышанного.

Дело обстояло так. Командир соседнего полка, по фамилии он даже недостойн упоминания, сорокалетний офицер в звании полковника, нрава был крутого и служака отменный. Он был дюже принципиален, въедлив, суров, часто даже подл. Впрочем, не хуже и не лучше других: обогащался, как мог, покупал и продавал машины, вроде бы вместе с зампотылом, приторговывал топливом, стройматериалами, углем. Обо всём этом ходили, конечно, лишь сплетни и слухи, но как говорится, нет дыма без огня. Позавчера этот комполка объявил сбор по тревоге, выстроил всёх на плацу и велел начальнику штаба провести проверку, дескать, я чуть позже подойду. Проверились раз, другой, стоят, ждут. Прошло примерно полчаса, а полковник не идёт. Начштаба решил пойти и лично доложить о готовности, заходит в кабинет – комполка нет на месте. Спрашивает у дежурного – тот говорит, не знаю где командир, он взял пакеты, что вскрываются на случай войны, все шифры, кодировки, чемодан с секретными документами и ушёл.

«Как ушёл? Куда ушёл?» – недоумевает начштаба. Дежурный лишь пожимает плечами. Начштаба побежал на плац, думает, возможно, они как-то случайно разминулись? Но на плацу командира как не было, так и нет. Замполит тоже в растерянности, но все продолжают стоять и чего-то ждать, а вдруг командиру что-то в голову взбрело этакое самодурское? Потоптались немного, потом позвонили домой, но и дома его нет. Тут идёт дежурный по парку в столовую, спрашивает у своих сослуживцев, чего стоят? Ему объясняют, что ждут командира.

«А чего его ждать? Он на „Урале“ с командиром автороты и водителем уехал. Минут тридцать уже как убыл за ворота части».

Доложили начальнику штаба полка, тот стал в ещё большем недоумении – полная ерунда какая-то происходит. Куда командир поехал? Зачем? Если уехал, то где тогда секретные документы? Доложили полковому особисту. «Контрик» прибегает, руки и ноги трясутся – не понимает, что за бред несут офицеры! Вдруг появляется водитель-солдат, он пешком пришёл с окраины города, и поясняет, командир роты велел идти в полк, сказал, они с командиром решили проехать на полигон самостоятельно.

– Трезвые? – спрашивает контрразведчик.

– Трезвые и очень веселые. С ними были и бабы какие-то..., – добавляет боец.

Особист хватается за голову. Надо срочно докладывать командованию и в особый отдел дивизии о пропаже документов! И что тут началось! Боец продолжает рассказывать в подробностях, о том, что на городской улице их ждал «Мерседес», а в нём сидели две молодые женщины. Какие? Не ведает, но точно не жена ротного, потому что он её хорошо знает в лицо. Давай проверять, кого нет в гарнизоне из женщин. Собрали в клуб членов семей и выяснили – нет жены командира миномётной батареи и нет жены одного молодого взводного. Выходит, что и сами сбежали, и своих старых жён поменяли на новых.

Помимо пропажи секретных документов, беглецы-предатели загрузили в кузов «Урала» ПТУР, и новый переносной зенитный комплекс. Заехали в городок, прихватили любовниц – и были таковы. А до бывшей уже не охраняемой границы с ФРГ, всего-то двадцать километров и уже не прехватить. В общем, тщательно подготовили и заранее спланировали план бегства, хорошо продумали всё до мелочей. Даже семейные деньги каждый прихватил с собой. Крахоборы!

Командование армии по поводу беглецов даже запросы никуда делать не стало. Кого спрашивать, и о чём? Позвонить в «Бундесвер» или НАТО? Не смешно! Спросить в БНД (западногерманская разведка) или в ЦРУ?..

Эдик слушал неторопливый рассказ Ларисы Васильевны, широко раскрыв рот. Вот это да! Вот это номер! Дальше некуда, это называется – «приплыли»... Значит наступило полное разложение армии, если командиры полков бегут с документами, продают секреты Родины за бундесмарки...

– Сегодня уже объявили приказ Главкома: наказать всю дивизию – ускоренными темпами, в первую очередь, отправить наши полки домой, поменять местами с вашей дивизией. Так что мы уедем на Украину до конца февраля.

– Петрович ведь не по этой причине пьёт?

– Конечно же, нет, разве боевым орлам нужна причина? Хотя нет, по их словам причина в этот раз уважительная... Как же Володя её на этот раз сформулировал? Кажется так: очередная годовщина начала ввода войск в Афганистан. Вечно они то ввод обмывают, то вывод... А про скорое возвращение домой он может быть ещё и не знает...

Глава 3. Служба на передовых рубежах продолжается

Глава, в которой рассказывается, что справедливость с получением боевых наград, так и не восторжествовала, и Громобоев уезжает начальником караула по сопровождению грузов в Россию.

Итак, возвращение домой семьи Громобоевых в сырой, промозглый Ленинград вновь откладывалось в свете пикантных событий произошедших в Галльской дивизии. Командование части, чтобы хоть что-то предпринять и обезопасить себя, собрало семьи, замполит провёл беседу, полковой контрразведчик капитан Чабан пострашал, что всех предателей покарает суровая рука органов Государственной безопасности, мол, вероятно спецслужбы уже провели операцию и этих мерзавцев нет в живых!

Довели до сведения офицеров секретный приказ: руководство полка и дивизии уже снято с должностей, а начштаба и особист уволены из армии. После беседы велели каждому военнослужащему и члену семьи расписаться на листочках об ознакомлении с приказом, о недопустимости посещать Западную Германию (забавно, но ведь и так вся Германия уже стала Федеративной, объединённой), об ответственности мужей за поведение жён, а жён за поведение своих мужей. Много разных документов в тот день они подписали и, шушукаясь и посмеиваясь, разошлись по домам.

Раз полк не выводится – остановили ликвидацию полигонов и запасных районов, возобновили боевую подготовку. Первым делом провели командирские сборы с комбатами и заместителями: тактика, физподготовка, занятия по химзащите, стрельба, вождение. Начальник штаба вывез офицеров на полигон в грузовом «Урале», в нём все пропылились, перепачкались. Когда завершились занятия по плану первого дня, и машина вернулась, то у ворот КПП их ожидал сюрприз. В полк приехали для «налаживания дружбы» солдаты Бундесвера, в прочем, ещё вчера они были солдатами Немецкой народной армии. Делегация прибыла на новеньком, комфортабельном автобусе «Мерседес», с кондиционером, все чистенькие, опрятные, смотрят через

стекла во все глаза, и видят, как через борт грузовика выпрыгивают грязные, запыленные подполковники и майоры. Моложавый комбат второго батальона даже матюгнулся в сердцах.

– Твою же мать! Опять мы показываем себя второсортными людьми! Такой терпеть позор на глазах этих сопляков!

На следующий день решили в гарнизон не спешить возвращаться, чтобы не сталкиваться вновь с «туристами» из Бундесвера, и не позориться, и после занятий по пути с полигона завернули в деревенский кабак, чтобы выпить шнапса. Одноногий хозяин гаштета Курт был давним другом гарнизонных офицеров. Немец любил рассказывать, как чудом спасся, хотя и оставил в заснеженной России свою левую ногу. Выпили по первой и пригласили к столу бывшего фашиста.

– Курт! А ты помнишь Сталинград? – ехидничал майор Бордадым, хлопая по спине немца. – Не забыл русский мороз?

– Яволь! Помнишь! – посмеивался Курт. – Остаток моей нога хорошо помнит, а второй половина этой нога давно умер.

– Выпьем за мир? – предложил Ваня Червинский. – За дружбу простых людей: русских и немцев!

– Прозит! – поддержал тост Ивана старый немецкий солдат. – Только я не был в Сталинград. Я служил бундесмарин, матрос на катер, на Дунае. Если бы я была пехота, то и второй нога не унёс бы из ваш Сталинград. Не была я ни в этот страшный город, ни даже близко рядом. О, майн гот! Война это плохо! Мир карашо!

Участники сборов приехали в гарнизон за полночь, хорошо набравшись и оставив уйму денег в дружественном гаштете хитрого немца.

В начале января пришла директива – о поощрении ветеранов Афганской войны. Кто-то в Министерстве Обороны схватился за голову, что мало получено орденов и медалей за прошедшую войну. Пока воевали – жалели и лишали, рвали представления к наградам по поводу и без повода, войска вывели и вдруг спохватились. В документе было сказано, что представить повторно всех не получивших награды, если в личном деле имеется представление на орден или медаль, либо со свидетельских слов сослуживцев. Здорово-то как!

Эдик сразу в строевую службу – хочу!

– Что ты хочешь? – не понял кадровик.

– Восстановления справедливости! Мне звезда героя не пришла, обделили, а дубликат наградного листа в моем личном деле имеется.

Кадровик побледнел, вспотел и замахал руками.

– Ты хочешь, чтобы я тебя представил к званию Героя Советского Союза? Очумел? Разве я Председатель Президиума Верховного Совета? Или его заместитель? Иди, водички выпей, совсем ты сдурел капитан.

Громобоев пошёл к замполиту. Стройный, моложавый майор Статкевич, по идее должен был понять Эдуарда, сам ведь воевал. Но капитана ждало полное разочарование, замполит зачитал Эдику выписку из приказа командира части о ходатайстве к награждению лишь двух офицеров: самого Статкевича к «Красной звезде» и того кто помогал ремонтировать личные командирские машины перед отправкой домой – начальника автослужбы. Этого к ордену «За службу Родине».

– Извините, товарищ капитан, но вас мы в список включать не стали, мы вас ещё плохо знаем. Может быть как-нибудь потом... И вообще, надо себя зарекомендовать... Полк начинает вывозить боеприпасы в Союз, первый эшелон уходит через три дня, и вы назначаетесь начальником караула второго эшелона от вашего батальона. Комбат Дубас предложил вашу кандидатуру.

«Вот спасибо, комбат! Удружил!» – подумал Громобоев, откозырял и направился в батальон объясняться.

Дубас подтвердил своё решение.

– Все верно, я дал добро. У нас по плану скоро весенняя проверка, потом учения, Иванников, Бордадым и Ницевич должны к ним готовить документацию. А ты ведь фронтовик, настоящий боевой офицер, всегда готов к бою...

Станислав Вальдасович, говоря о ратной юности Эдуарда слегка ухмылялся, а остальные заместители зарылись в бумажки, ведь ни кто не хотел катить в голодающую России, тем более, что как только границу Германии пересечешь, так с того дня начальник финансовой службы марки сразу перестанет начислять и получка будет урезанной.

Делать нечего. Громобоев выбрал из седьмой роты толкового сержанта Лысака и трёх дисциплинированных молодых солдат, и занялся подготовкой к выезду. Предстояли большие хлопоты: собрать вещи, продукты, посуду, сделать ящики под оружие и боеприпасы.

Жена запрочитала: дескать, вот, опять бросаешь меня одну.

– Ольга, не дури! Не я добровольно уезжаю, меня насильно уезжают. Командование – чтобы я про липовые ордена начальства не бухтел, да и комбат с ними заодно, желает своих любимчиков при себе держать.

Мы ведь в гарнизоне без году неделя, случайные и временные, нам даже квартиру в коммуналке выделили. А за то, что без скандалов уеду, комбат обещал выбить отдельное жильё.

Жена поплакала, пострадала и успокоилась.

– Да деньги впустую не проматывай! Хватит транжирить! – наставлял её Эдуард. – Не успеваю получку получить, как уже заниматься надо! Так мы машину никогда не купим.

Действительно, стоило маркам попасть в руки Ольге, как она хватала на распродажах дешёвые кофточки, майки, рубашечки. Замучила скупкой тряпья и разнообразного барахла. Ох, уж эти женщины!

И тут дочь слёзно и на полном серьёзе попросила папу привезти зайчика.

– Какого ещё зайчика? – удивился Эдик.

– Обычного: русского, белого, дикого, а я его приручу. Сейчас ведь дома снег лежит, зайчики мёрзнут и по полям в белых шубках бегают...

Громобоев опешил. Как быть? Что ответить? Поцеловал в нос и пообещал:

– Ладно, если попадётся – привезу!

Рано утром капитан прибыл в штаб полка на инструктаж, расписался во множестве журналов, получил сопроводительные документы, проездные на обратный путь по России и по Германии.

Подполковник Касеев вышел на плац проверить готовность выездного караула, придиричиво осмотрел оружие, патроны, форму, тулуп, валенки.

– Вещей у вас много, тащить тяжело, но ничего, сейчас погрузите всё в «Урал», а потом по возвращению поможем. Как приедете, сразу звоните с вокзала и вас встретит дежурная машина, – пообещал начштаба. – А теперь живее, в машину, с места погрузки уже доложили: вагоны опечатаны и эшелон уже готов к отправке. Как говорится, с Богом!

На грузовой платформе Громобоева встретил с распростёртыми объятиями нервничающий Ницевич.

– Где пропадаешь, Эдуард? Я начал подумывать, что ты дезертировал! А мне совсем не хочется вместо тебя ехать, – пробурчал широкоплечий молодой капитан. – Десять вагонов загружены, опломбированы зампотехом, теплушка оборудована.

Эдик заметил, метавшегося далеко в голове состава и о чём-то горячо спорившего с немцами железнодорожниками Бордадыма.

– Принимай хозяйство, милости просим! – усмехнулся Ницевич.

– Федя, а может ты вместо меня? – пошутил Эдик. – Или же Иван Иваныч?

Ницевич даже невольно поёжился от мыслей о возможности покинуть тёплые немецкие края и уехать в холодную февральскую Россию, замкомбата крепко стиснул квадратные челюсти, проскрежетал зубами и поторопил товарища:

– Давай, загружайся поскорее, не задерживай отправку...

Просторная теплушка была перегорожена пополам: жилая и служебная. В жилой части – два ряда двух ярусных нар и под слуховым окошком койка для начкара, печка буржуйка с трубой, выведенной в крышу, во второй, большей вагона половине отодвигаемыми наружу дверями, находился продуктовый склад на долгую десятидневную дорогу, вещи, посуда, вторая печка. Ворота пересекала пополам прибитая широкая доска, чтоб караульным было, за что держаться во время движения.

Эдик послал разводящего проверить пломбы, а сам проследил за погрузкой оружия. Сержант быстро вернулся и доложил, мол, всё в полном порядке. В голове состава громко загудел тепловоз, сигнала о готовности к движению.

– По местам! – рявкнул Громобоев, поправляя перетягивающую бушлат портулею с висящим на ней пистолетом в кобуре. Затем обнялся на прощание с Ницевичем и запрыгнул на подножку, начавшего движение вагона.

Поезд быстро набрал ход, караульные встали в дверном проёме, глаза по сторонам и весело переговариваясь. Город промелькнул стороной в считанные минуты, пора было организовывать службу.

– Караул, строиться! – скомандовал Эдик. – Сержант Лысак! Приказываю: в двадцать два ноль-ноль ежевечерняя проверка и отбой. После каждой остановки вновь проверяешь солдат по списку.

– За каким лешим? Зачем? – удивился сержант. – Нас всего-то четверо, чего считаться-то?

– Отставит разговорчики! Проверять, чтоб не расслаблялись! Раз, другой не проверишь – и точно кого-то потеряем. Отстанете от эшелона – потом не найти! Мы ведь за границей. А потеряетесь в России – сочтут дезертиром! Приступай, поводи проверку.

Бурча себе под нос матерки, бубня что-то про самодурство и армейский тулизм, Лысак построил бойцов и начал читать список.

– Аленичев!
– Я...
– Гришин.
– Здесь...
– Отставить! – одернул нерадивого бойца капитан.
– Ну, я... – буркнул вечно всем недовольный солдат.
– Без ну! – строго произнёс Громобоев.
– Я! – поправился солдат.
– Пикоткин.
– Я!!! – рывкнул самый храбрый дисциплинированный караульный.
Сержант доложил капитану, что все на месте.
– Это хорошо, а то отставший от вагона, остался бы без ужина. Кто умеет хорошо готовить?
Руку поднял всё тот же добросовестный Пикоткин.
– Замечательно! Сегодня и на все дни поездки, дежурным по кухне назначается рядовой Пикоткин. Остальные несут дневальную службу по очереди у дверей. Пока можете ложиться отдыхать...

Колёсные пары весело застучали на стыках рельс, поезд мало-помалу набрал ход, проехал через Намбург, и вскоре вагоны с боеприпасами перецепили к другому составу, который направлялся в сторону Лейпцига. На стоянках Громобоев выставлял часовых нести службу путём патрулирования по обе стороны эшелона, а кашевара Пикоткина – у входа в караульный вагон. Главное дело было вовремя бойцов снимать с постов, чтоб успели вернуться до начала движения. Едва локомотив давал сигнал, как разводящий Лысак свистел в свисток и матом подгонял бойцов быстрее бежать к теплушке. Порою если зазевались, им приходилось заскакивать в вагон на ходу.

Вскоре позади эшелона остался древний и прекрасный Лейпциг, и эшелон направился на север, в сторону Берлина. Через распахнутые двери вагона солдаты вместе с Громобоевым озирали остающиеся позади аккуратные и ухоженные города и посёлки. Эдик с интересом разглядывал пересекаемую страну, когда ещё выпадет такой случай пересечь всю Германию.

Вечерело. С заходом солнца заметно похолодало, тем более, что юг Саксонии остался далеко позади и началась холодная Померания. Прошло примерно чуть больше суток пути, и вот уже показался берег балтийского моря – порт Мукран. Всю Германию они пересекли очень быстро, немцы явно давали «зелёную улицу» для эшелона

с боеприпасами, чтобы взрывчатые вещества поскорее покинули территорию их страны.

На припортовой железнодорожной станции Громобоев нашёл помощника военного коменданта, сделал отметку о прибытии, тем временем эшелон загнали на охраняемую территорию вблизи таможи. Караул сдал оружие в оружейку, солдат поместили на ночь в казарму, а Громобоева – в офицерское общежитие.

– Паром прибудет завтра, – пояснил ВОСОвец. – Разгрузится, и сразу начнем загонять вагоны. Пока отдыхайте, как понадобится – вызову.

Действительно, рано утром, едва солдаты успели помыться и позавтракать, как прибыл паром, и началась суета. Отправляемых эшелонов с грузом было несколько, в общей сложности в трюм загнали примерно сотню вагонов. Эдик заполнил за себя и за солдат декларации, ему поставили печать в паспорт, а солдатам в военные билеты и на командировочные предписания и толпа военных поспешила занять места в чреве парома. Офицерам предоставили пассажирские каюты на четверых, солдатам – общее большое помещение. Бойцы съели сухой паёк и завалились спать на расстеленные матрасы.

Громобоеву захотелось посмотреть на море. Один из начальников караула, оказалось, хорошо владел немецким, поэтому сумел договориться с мастером (капитаном). Немецкий капитан разрешил подняться на палубу, подышать и четыре офицера поспешили наверх. Паром уже отошёл далеко от берега и взору Эдуарда открылся бескрайний морской простор. Он в самом раннем детстве несколько раз отдыхал с матерью на Черном море, помнил, как учился плавать по-собачьи со спасательным кругом, как глотал солёную воду набегавших волн, как ловил скользких медуз. Но то было обычное плескание возле берега. Давно это было и в памяти почти ничего не сохранилось. Дожив до своих тридцати лет с гаком, Громобоев к своему глубокому сожалению так ни разу и не выходил в открытое море даже на катере. Теперь же он был в настоящем открытом море, и лишь вдали виднелась еле заметная береговая линия, а вокруг медленно покачивались холодные волны свинцового цвета.

«Почему оно такое серое?» – недоумевал Эдуард. – «А где же синее или изумрудное море, описанное в приключенческих книжках?»

Не успели офицеры насладиться морским пейзажем, как старший помощник капитана велел спускаться вниз, чиф (старпом) опасался,

что сухопутные вояки замёрзнут, простынут и заболели. Пришлось подчиниться судовому начальству.

– Как там сверху, товарищ капитан? – спросил Громобоева образцовый солдат Пикоткин. – Красиво?

– Море, как море, – напустил на себя этакую бывалость Эдик и усмехнулся. – Ничего особенного.

– А я ни разу не видел моря, – взгрустнул солдат.

– Какие твои годы, ещё увидишь, – заверил его офицер.

– Страшновато, я плавать не умею, – признался Пикоткин. – А вдруг мы тонуть начнем?

– Не бойся, это паром не потопляем, да и спасательные круги всюду висят. Лучше поспи, пока есть возможность.

Мощная судовая машина равномерно гудела, корпус парохода сотрясала лёгкая вибрация, транспорт неторопливо пересекал Балтику с запада на восток. Плыли примерно сутки или чуть больше. Капитан парома позволил ещё раз подняться на палубу офицерам и даже взять с собой солдат. Бойцы не галдели, как обычно бывает, когда собирается толпа, а смотрели зачарованно на волны и брызги, поднимаемые с водной поверхности ветром.

Но вот на горизонте показалась Клайпеда и плавание завершилось. Родина! Дома! Хотя, какая Литва теперь Родина, ведь прибалты спят и видят, как поскорее сбежать, выйти из состава Союза. В республиках было и так уже года три беспокойно, а тут ещё как назло месяц назад разогнали толпу демонстрантов возле республиканского телецентра, были раненные и один погибший.

«Лишь бы не было провокаций и попыток захвата вагонов!» – размышлял Эдик, спускаясь с парома.

Прошли пограничников, таможню, и караулы сразу попали в цепкие лапы комендант вокзала. Майор-комендант велел занять оборону возле вагонов и не подпускать к ним литовских буржуазных националистов.

– А не националистов можно подпускать? – пошутил один из начальников караула.

– Тут все националисты! – сказал, как отрезал майор. – Бдительно охраняйте и ждите каждый свой паровоз.

– Долго ждать? – полюбопытствовал все тот же начкар. – У нас каждый день простоя – неполученная валюта.

– Не знаю, – честно признался комендант. – Это ваши проблемы. Попробуйте сами договориться с железнодорожниками.

Майор-комендант закурил какую-то вонючую дрянь, ругнулся несколько раз матом по адресу литовцев и удалился.

Эдику совсем не улыбалось сидеть неделю на этой далёкой от конечной цели станции, он велел сержанту выставить караул, а сам пошёл искать, с кем можно пообщаться, поговорить по душам и ускорить решение проблемы. Возле здания железнодорожного вокзала стоял, ошестинившись пулеметом в сторону города старенький БТР-60. Громобоева обуяло любопытство (когда ещё снова удастся посетить этот город?) и он прошёлся по центру Клайпеды. Всюду ходили военные и милицейские патрули, обстановка была напряжённой.

Возле телецентра стоял другой БТР, на асфальте громоздились вповалку бетонные блоки, рядом с входной дверью дежурил милиционер с автоматом. Эдуард впервые увидел картину, чтобы милиция была вооружена автоматическим оружием. Хотелось подойти, расспросить, узнать об обстановке в городе, но злое, напряженное лицо служителя порядка не располагало к беседе и капитан удержался. Громобоев вернулся назад и зашёл в фойе вокзала – дежурная по вокзалу послала на сортировку, с сортировочной станции направили в депо – искать машиниста маневренного поезда. Ни кто не отказывал, но, ни кто и не горел желанием сотрудничать с военными.

Несколько раз он прошёл по замкнутому кругу, наконец, отыскал железнодорожников согласных помочь. Это была интернациональная бригада: русский, поляк, литовец, белорус. Пока маленький локомотив катался туда-сюда по рельсовым хитросплетениям, сцепщик и машинист весело переругивались в тесной кабине на темы национального вопроса.

– Ну, посуди сам, какие у нас могут быть проблемы, – теребил Эдика за рукав шинели молодой помощник машиниста. – У меня жена русская, у Яниса – хохлушка, в Стасис – наполовину татарин. Не прислала бы Москва тех провокаторов и чекистов, не было бы никаких столкновений и жертв. Возле телецентра в Вильнюсе погиб один человек и тот оказался почему-то лейтенантом КГБ переодетым в гражданку. Странно, не так ли? Вдруг неизвестно кто начал стрелять по демонстрациям, люди начали пропадать неизвестно куда. Непокойно как-то от присутствия военных и тайной полиции. Зачем устраивать эти провокации? Они лишь озлобляют людей и отталкивают республику от России.

– Мы простые трудящиеся, нам главное чтоб была работа, а нас буржуазными националистами обзывают, – поддержал товарища сцепщик с простой русской фамилией Смирнов и нерусским именем Янис.

Эдуард слушал, кивал, поддерживал разговор байками и политическими анекдотами, а пролетарии предложили глотнуть самогонки местного приготовления. Выпили по паре рюмочек для укрепления дружбы. Благодаря их суете и стараниям, вагоны капитана Громобоева были быстро прицеплены к составу, следующему на Белоруссию. Остальным начальникам караулов столь удачно и быстро решить проблему отправки не удалось.

Белоруссию промчались за сутки, почти без остановок и ранним утром прибыли в Смоленск. Эдуард отправился искать коменданта, оставив за старшего сержанта Лысака.

– Повнимательнее, а то мало ли жулья на товарной станции. Подумают, вдруг, из Германии гуманитарку вывозим. Да не спать, оружие не потеряйте!

Эдуард поправил на боку кобуру с пистолетом и зашагал в сторону зданий. Отлучился капитан лишь на пятнадцать минут, столько он затратил на то чтобы поставить отметку о прибытии и убытии, воротился обратно, а вагонов уже след простыл, и лишь вдали виднелся огонь хвостового вагона. Поезд неспешно катил на восток.

– Куда угнали вагоны, что тут стояли? – спросил он у стрелочницы.

– Да на следующий перегон отправили. Тебе куда надо ехать? Какая конечная станция? – спросила капитана дородная женщина в железнодорожной форменной рабочей куртке.

– На Ржев.

– Садись на автобус и кати на выезд из города.

Женщина назвала сортировочный полустанок, где формируются составы в том направлении.

– Я бы и на такси сел, были бы деньги, – махнул рукой с досадой Эдуард. – Да у меня нет ни рубля, ни копейки. Я из Германии еду.

– Была бы лошадь, одолжила бы. А так, ничем помочь не могу, – хохотнула женщина. – Топай по шпалам, никуда твои вагоны не денутся, догонишь. Тут километров семь-восемь.

И Громобоев пошёл в указанном направлении. Сначала быстро, почти бегом, взмок, запыхался, сбавил ход. Впереди время от времени маячили преследуемые вагоны, поезд часто останавливался на стрелках, сортировался, сцеплялся, расцеплялся, поэтому не пропадал

из поля зрения, а встречные сцепщики и стрелочники, подсказывали по какой из веток ему идти далее. Через три часа он нагнал свой эшелон. У караульной теплушки метался перепуганный сержант.

– Товарищ капитан, мы уж и не чаяли вас найти. Как быть дальше не знаем, то ли бечь на станцию, то ли отцепляться от состава. Мы же без накладных на груз, без денег, и вообще пропадём без вас. Дезертирами быть не хочется, как назад-то в полк без документов смогли бы вернуться?

Капитан хмуро нечто пробурчал одобрительное действиям состава караула, ругнул железнодорожников за суету, что быстро отправили вагоны, хотя сам был не прав, зачем попёрся ставить печать в комендатуру. Теперь ни шагу в сторону, надо сами найдут, придут и отметят.

Вскоре поезд дернул вагоны, караульные быстро забрались в вагон, а Эдик снял шинель, сапоги и растянулся в блаженстве на нарах. Ох, и устал же он за день скакать по путям...

Ночью эшелон прибыл в Ржев, тепловоз сразу отцепился и укатил прочь. Маневровым локомотивом вагоны загнали в тупик на каком-то полустанке и наступила тишина, только было слышно, как потрескивают и поскрипывают на морозе ветки и деревья. На рассвете вокруг теплушки началась суета. Эдик продрал глаза и шумнул на караульного.

– Пикоткин! В чём дело? Что за гам? Почему посторонние возле вагона?

– Это не посторонние, товарищ капитан! Это бабы пришли за продуктами.

– Мы разве международная гуманитарная организация? Самим жрать нечего, – буркнул Громобоев. – Гони всех прочь.

Какая-то бойкая женщина выругалась и громко крикнула.

– Больно грозный ты командир! Мы же не за даром, не собираемся, а за деньги покупаем!

Оказалось, предприимчивый солдат уже продал две металлических пятикилограммовых банки топлёного свиного жира.

– Я же говорил, что жир надо брать на складе, а вы сомневались, товарищ капитан. Мы на вырученные деньги сейчас хлеб купим в местном сельпо и продукты. Давайте я мигом сбегаю, пока нет паровоза, эти тётки сказывали, что магазин где-то рядом.

Действительно, жевать сухари давно опостылело, целую неделю о них зубы ломали, поэтому Эдик быстро накинул шинельку на плечи и с радостью поспешил вместе с бойцом затовариваться. За пределами

теплушки стоял крепкий морозец, снега вокруг рельсов было навалено почти в рост человека – настоящая зима! Пришлось скорее застегнуться на все пуговицы, это тебе не юг Германии с плюсовой температурой и дождями.

По тропке дошли до деревянного низенького одноэтажного здания, выкрашенного в зелёный цвет с облупившейся вывеской «Продмаг». Вошли, огляделись, витрины магазина были абсолютно пусты. Эдик испытал настоящий шок, после современного германского супермаркета попасть в нищую продуктовую лавку. Какой-то первобытнообщинный строй и натуральное хозяйство!

Молодёжи выросшей в современном изобилии в это трудно поверить, но в том магазинчике было не просто мало продуктов или плохой ассортимент бакалеи или сладостей – не было практически совсем НИ-ЧЕ-ГО! В стеклянных витринах всё пространство занимали глубокие металлические поддоны с морской капустой, а на полках стояли трехлитровые банки с маринованными перезрелыми огурцами-гигантами.

– Этиж твою ...!!! – только и смог вымолвить Эдик. – А где еда?

– Куммунисты сожрали, – усмехнулась разбитная грудастая продащица. – Что вы хотели купить, солдатики?

– Хлебца, – ответил Пикоткин.

– Хлеб у нас разбирают с утра!

– А сейчас что? Вечер? На часах десять... – произнёс капитан, мельком взглянув на свои «командирские» котлы.

– Утро – это значит в восемь утра. Хотите хлеба – приходите к открытию, баба Маня час назад последние две буханки купила.

Громобоев вновь повертел головой в поисках хоть чего-то съестного, но так и не нашёл.

– А сладости есть? – не унимался солдат. – Может конфетки в загашнике какие... завалищие...

– Конфеты, милок, никуда у нас не заваливаются, – строго ответила молодница и подмигнула. – Берите вот огурцы, говорят под водку вкусные!

Делать нечего. Водка бойцам не полагалась, но раз иного ничего не было, купили банку огурцов, все-таки добавка к жареной картошке на обед...

На станции Громобоеву сообщили, что эшелон оставлен в тупике до ночи, потому что на базе хранения сейчас разгружают вагоны предыдущего эшелона, и все подъездные пути заняты. Пришлось солдатам

продолжать мёрзнуть на постах, шагая туда-сюда вдоль путей по обе стороны эшелона.

Ответственный за кухню и освобождённый от несения службы рядовой Пикоткин, сидел у буржуйки, чистил слегка подмёрзшую картошку и рассказывал Эдуарду про свою жизнь до армии.

— Я, товарищ капитан, своё детство провёл в лесу. Отец работал лесничим, и дом наш стоял в глубине чащи, к нам шла узкая дорожка, по которой только телега могла проехать, и поэтому людей я почти не видел. Когда меня отвезли впервые в сельскую школу, то я из неё просто сбежал после второго урока, не привычно, что столько много людей. Особенно тяжело для меня было на переменах: шум, гам, носятся, орут. Первое время постоянно болела голова. Как только уроки заканчивались — я скорее спешу в лес. Упаду в траву на опушке раскинув руки, смотрю в небо и отдыхаю, прихожу в себя. С трудом отучился восемь классов и в село больше ни ногой. А тут новая напасть — армия эта ваша.

— Не моя, а наша, — поправил его Эдуард.

— Ладно, пусть будет наша. В армии оказалось ещё страшнее и тяжелее. Я ведь и паровоза никогда не видел живую, и на автобусах не ездил. А тут такая страсть — столько техники! Определили в танковую учебку — в казармы нагнали народа почти тысячу, танки на полигоне гусеницами грохочут, орудия стреляют. Жуть! Каждую свободную минуту я прятался в берёзник у забора, хотелось побыть одному и подумывать. Как только с ума не сошёл? Голова снова заболела! Это теперь я попривык, а первые месяцы так хотел драпануть обратно домой в лес! Хрен бы меня там нашли. Батя на присягу приехал, и велел терпеть! Вот я и маюсь уже почти год, эх, скорее бы в лесничество вернуться...

Солдат продолжал ещё что-то забавное рассказывать, из своей жизни бирюка и нелюдима, но Громобоева сморил сон.

Ночью подогнали маневровый тепловоз, и вагоны поползли по узкоколейки вглубь глухого заиндевелого, заснеженного леса. Через пару часов добрались до места назначения. Какой-то сержант по приказу офицера побежал принимать эшелон, и вскоре вернулся с дурной вестью. На одном вагоне, с верхнего люка на крыше сорвана пломба.

— Может быть, всё на месте, в сохранности, но кто знает...

Эдуард в сердцах, грязно и витиевато ругнулся.

— И что нам делать?

— Ждать пока разгрузим, пересчитаем. Дня два уйдет на это, — ответил местный офицер. — Ставь на довольствие бойцов в столовую,

сели их в казарму, а сам размещайся в общежитии. В солдатской столовой покормят, если денег нет. Обычно ваши из Германии все без денег приезжают. А ты как? Привез ли какие сувениры? Магнитофон, касеты, зажигалки, презервативы?

— Я пуст, собирался в спешке и как-то не подумал... — развел Громобоев руками.

— Жалко, — искренне расстроился старший лейтенант. — В следующий раз обязательно привези чего-нибудь. Мы же не за просто так возьмём, мы купим...

Пару дней из вагонов выгружали ящики в машины, потом пересчитывали снаряды, а Эдуард все эти дни нервничал и переживал, чтобы всё сошлось. Не должно быть недостачи, загружали под контролем Бордадыма и Ницевича, да и в движении охраняли бдительно. И все же тревожился, а вдруг?..

Сошлось! В штабе базы хранения какие-то начальники подписали накладные, отметили командировку, и караул поспешил обратно домой, точнее сказать к месту службы, в Германию.

Глава 4. Невольные безбилетники

Глава, в которой рассказывается, как караул возвращается в Германию, и попадает в передрагу, а в полку заводит себе первого друга.

Поезд из Советского Союза как обычно прибыл во Франкфурт среди ночи, поэтому караул переночевал на вокзале, дожидаясь поезда на Лейпциг. Солдаты дружно храпели лёжа на лавках, по очереди охраняя имущество, а Громобоеву не спалось, он даже тихонечко насвистывал весёлые мотивы. Капитан искренне радовался, что всё удачно завершилось, без происшествий: снаряды сдал, автоматы и патроны в целостности и сохранности, солдаты вели себя замечательно, без замечаний и нарушений воинской дисциплины.

Эдик невольно расслабился и слегка потерял концентрацию. Утром едва открылся привокзальный буфет, капитан купил на всех свежих сосисок в тесте, колы бойцам, и пару банок пива «Хольстен» для себя. А тут как раз и поезд подали. Отлично! Через три-четыре часа дома!

Загрузились с котомками и ящиками в вагон, Эдуард с характерным щелчком сорвал крышку с пивной банки, сделал пару глубоких глотков пенящегося напитка, с наслаждением вытянул ноги в сапогах и, блаженствуя, улыбнулся. Мурлыкая песенку он поглядывал в окно и любовался мелькающими пейзажами: ухоженными городками, «причесанными» перелесками, ровными хорошими дорогами.

Громобоев допил пиво, доел сосиску, и его потянуло в сон. В это время в вагон вошла бригада немецких железнодорожных контролёров. Вначале они подошли к солдатам, сидящим ближе к выходу, сержант кивнул на старшего. Дама с сумкой и компостером подошла, и поздоровавшись спросила:

– Гутен таг! Битте, билетен!

– Гутен так, – ответил ей Эдик вальяжно и протянул проездные на пятерых человек. – Битте, фрау.

– Найн билеттен! – вдруг заверещала кондукторша и к Громобоеву устремилась вся бригада из четырёх человек.

И только тут капитан осознал, что совершил непростительную промашку, рано расслабился! Он позабыл проставить дату, а проездной без даты – недействителен! Как Эдик не умолял – немцы были непреклонны – билетов нет, плати штраф. Громобоев пояснял, что и денег тоже нет. Контролеры пообещали вызвать на ближайшей станции полицию или русский офицер должен подобру-поздорову высадиться.

Делать нечего, пришлось на какой-то станции под кудахтанье контролёрши вытащить на перрон большую металлическую шкатулку-сейф с патронами и автоматами, ящик с посудой, караульные тулупы. Немцы составили протокол, но проездной так не отдали, конфисковали. Вот же проклятые педанты!

«Чёрт подери! И как я мог забыть про дату в билете!» – укорял себя Громобоев. – «Что делать? Как теперь добираться до гарнизона? Билеты на всех стоят примерно сто марок, а денег нет!»

Немцы-пассажиры стоявшие на перроне, посматривали на незадачливых военных с грудой барахла с усмешками. Капитан сообразил, спасение может быть только одно – найти воинскую часть, свои непременно помогут. Или хотя бы будет возможность позвонить в часть.

Эдик подошёл к дежурной по вокзалу, та неплохо понимала по-русски и даже немного говорила, и они успешно объяснились друг с другом на двух языках. Но женщина расстроила офицера, сказав, что русских воинских частей в городе нет.

– Блин горелый! – ругнулся капитан. – А где-то рядом есть наши вояки?

– Частей нет, но в нашем городе размещён госпиталь. Пройдете прямо по ...штрассе, свернете на лево, на ...штрассе, потом направо, и за перекрёстком увидите большой серый особняк.

Громобоев поблагодарил эту отзывчивую фрау и поспешил по указанному адресу. Действительно, через десять минут он оказался у серого высокого забора, окружающего трёх этажное здание, нашёл ворота с большими красными звездами. Спросил у бойца как пройти в штаб. Опять повезло! Майор, начальник строевой части был порядочным и отзывчивым человеком.

– Надо позвонить? Пожалуйста, звони! – он снял телефонную трубку с аппарата и распорядился: – Светочка! Соедини товарища с кем ему надо, пусть поговорит.

Эдуард через пять коммутаторов дозвонился в свой полк, благо знал все нужные позывные. И телефонистки в этот день на удивление были в хорошем настроении, не кобенились, и соединяли без лишних разговоров.

Начальник штаба полка обрадовался, что караул выполнил поставленную задачу, но Громобоев его радость тут же погасил, пояснив, что влип в историю с проездным и попросил прислать за ним машину.

– Куда? Ого! Далеко! – проворчал подполковник Касеев. – Лучше попроси у медиков проездной. А уж мы тебя на вокзале вечером к поезду обязательно встретим.

Майор-строевик выслушал просьбу незнакомого капитана и замаялся.

– Понимаешь, приятель, мне не жалко, я тебе выдам проездной, только как ты мне его вернёшь?

– Пришлю почтой...

– А не обманешь? Не забудешь? У меня ведь строгая отчётность, а я сдаю дела. Через месяц наш госпиталь расформируют – выводимся в Белоруссию.

– Честное слово завтра же вышлю на ваш адрес.

Майор открыл сейф, выдал Эдуарду под расписку талончик, написал на бумажке адрес госпиталя, пожал руку и попрощался.

– Извини, друг, но даже чая не предложу. Дел – море! Зашиваюсь!

Громобоев поспешил на вокзал, вдруг сейчас очередной поезд пройдёт на Лейпциг. Нашел информационное табло на вокзале, оказалось, что поезд по расписанию прибудет через два часа. Эх, значит, на дневной «подкидыш» из Лейпцига в сторону Цайца не успеть.

Минутная расслабуха и дальше пошла сплошная невезуха. После обеда прибыли в Лейпциг – но их поезд уже ушёл. Опять промаялись пару часов на вокзале. Как пошла полоса опозданий, так до самого конца и тепловоз с двумя вагонами из Намбурга на Цайц отправился только вечером. И на вокзале их караул ни кто не ждал: ни тебе дежурной полковой машины, ни батальонной. Естественно про них забыли. Вот досада! Таксист на шикарном «Ауди» предложил подвезти. Двадцать марок!

«Нет, спасибо, пешком дойдем», – отказался капитан. – «За двадцать марок мы до Берлина дотопаем!»

Пришлось караулу волочить ящики в гору на себе. Бойцы пыхтели, потели, матерились. Брели почти полтора часа, проголодались, выбились из сил, но дошли.

Эдуард чувствовал себя почти героем: ведь они не пропали ни в недружественной Литве, ни в снегах под голодающим Ржевом, ни в Германии. А начальник штаба, равнодушно выслушал доклад, уткнувшись в бумажки и не глядя на Громобоева, велел сдать документы и идти отдыхать.

Ну и ладно! Пусть приём был не особо тёплым, зато и без ругани и упрёков. Хорошо, когда всё хорошо кончается! Уф...

Эдик заскочил на часок домой и обратно в полк, сдать постовые ведомости и написать отчёт. Комбат обрадовался, что караул успешно выполнил задачу и вовремя без происшествий вернулся. Офицеры засели в канцелярии, и хорошенько обмыли это дело. Разошлись по домам поздно вечером, но Эдику и Хайяму показалось мало.

– Пошли ко мне! – хорохорился капитан-азербайджанец. – Познакомлю тебя с семьёй.

– Неудобно, ведь уже поздно, – попытался отказаться Громобоев. – Твоя жена будет ругаться. И мне бы надо дома сбросить десятидневный половой напряг...

– Успеешь ещё, сбросишь. И что ты такое сейчас сказал? Как может жена ругаться? Женщина! Она должна знать своё место! Сейчас ты увидишь, как меня дома встретят. Я мушцына! Хозяин в доме!

Увильнуть от продолжения выпивки не получалось, но можно было превратить это дело в семейное мероприятие. Эдик звякнул по телефону с КПП домой, и велел Ольге прийти к Гусейновым и не ломаться, ведь их квартира лишь двумя этажами ниже.

Офицеры шумно вошли в подъезд, громко делясь воспоминаниями о прошедшей войне, собеседников было хорошо слышно, поэтому

едва Хайям нажал на кнопку звонка, как дверь сразу распахнулась. Их явно давно поджидали.

– Женщинына, – громко и гортанно произнес кавказец, вваливаясь в квартиру. – Живо накрывай на стол, мы с другом будем кутить! Я всю семью Громобоевых пригласил в гости! Сейчас к нам придут его жена и дочь. Живее шевелись и не смотри на меня так, словно ты пантера!

Вначале глаза Гульнары сделались большими и злыми глаза, потом она прищурилась, что-то громко и резко сказала на родном языке, Хайям гуркнул в ответ ещё громче, и в квартире, действительно началась суета по хозяйству.

– Может быть, поможем? – попытался сгладить неловкость Эдуард.

– Сиди! Отдыхай! Мы мужчины..., – отмахнулся Хайям.

Пока бывалые фронтовики рассматривали фотоальбомы, стол накрывался по-восточному, быстро, словно скатерть самобранка, и в этом процессе Гуле помогали малыши – сын и дочь.

– Ох, будет завтра скандал, – прошептал Хайям на ухо Эдику. – Видал как она зыркает на меня, накрывая на стол. Готова растерзать! Наши женщины послушны при посторонних, а стоит тебе уйти, она мне такую задаст трёпку! Потом придётся умасливать её подарками.

– Так может быть, мне лучше пойти домой? Зачем тебе скандал?

– Ты что, сиди! Я ведь мушцына! Сказал – сделал! Пусть знает свое место... Если мушцына привёл гостя – значит так надо!

Вскоре пришла Ольга с Ксюхой. Женщины остались разговаривать на кухне, дети ушли играть в спальню, а Хайям разлил по рюмкам водку, открыл балкон и закурил в комнате. После третьего тоста офицеры принялись бороться на руках, в пылу борьбы слегка дали друг другу по носам, потом понесли в разговорах всякую несусветную чушь, а затем, уже сильно набравшись, принялись вспоминать войну. Кто больше воевал, как воевал, где воевал...

– Слушай, Хайям! А ты, правда, хочешь сбежать в Западную Германию? – вдруг ни с того, ни с сего брякнул Эдик. – Мне велели за тобой следить, а мне это надо? Делать мне больше нечего! Наши замполит и особист законченные идиоты! Нашли стукача, дебилы...

– Брат! Куда бежать? С чего они взяли?

– А я знаю? Видно есть информация...

Хайям резко схватил бутылку и налил по половине стакана. События сны снова выпили.

– Я бы, наверное, остался, ведь тут в Германии хорошо, сытно. Купил бы автобус и возил туристов в Турцию и на Кавказ. Да жаль

никак нельзя мне эмигрировать, мне отец письмо написал, что приходили люди из Народного фронта, спрашивали про меня. Они всех ветеранов Афганской войны по спискам из военкомата вычислили и отправили в Карабах воевать. Мол, опыт есть, давайте защищайте землю предков. Сказали отцу, что меня ждет должность командира пехотного батальона. Опять под пули?! Я ведь танкист, какая пехота? Наверное, танков пока что нет, не купили ещё у русских. А армяне, говорят, уже прикупили несколько штук. Так что не видать мне мирной жизни хозяина автобуса на международных рейсах...

Эдик посочувствовал нелегкой судьбе Хайяма и сквозь пьяный угар одновременно порадовался, что товарищ не подставит их с комбатом, не станет перебежчиком, как армянин-лейтенант из соседнего артиллерийского полка.

– Честное слово, я бы и сам утёк сюда в Германию, вернее сказать дальше на Запад, – спяну проболтался о своих мыслях Громобоев. – Ты бы видел, какая голодуха в России! Продуктов совсем нет, в магазинах шаром покати! Эх, скovyрнуть бы эту проклятую власть! Установить настоящее народовластие, тогда бы зажили по-человечески!

– Как её скovyрнёшь? – выпучил свои глаза-маслины Хайям. – Почти семьдесят пять лет стоит и ещё сто лет простоит!

– Но сила у неё уже не та, – продолжал пьяную болтовню Громобоев. – Я ведь почему в армию пошёл? Мы с тремя друзьями в юности начитались о декабристах, хотели в суворовское училище в Москву податься, потом в военное училище, поднять мятеж, вывести войска на Красную площадь, построить в каре, и на штурм! Уверены были – народ сразу поддержит. Дурни! Молодо зелено, ветер в башках...

– Какой народ? Ты где видел этот народ? Стадо трусливых баранов! И солдаты бы твои сразу разбежались. Вот если бы под рукой была «дикая дивизия»...

Громобоев с интересом посмотрел на Гусейнова, приятель не поднял на смех и не осудил его детско-юношеские прожекты. И про «дикую дивизию» хорошая мысль...

– Ну, это я уже потом осознал, а в училище мы продолжили заниматься этой маниловщиной, создали полуподпольный кружок по изучению марксизма. Смешно сказать, но в военных училищах преподаватели неодобрительно относились к чтению трудов классиков марксизма, вместо списывания с методичек или чужих конспектов. Меня в троцкизме чуть не обвинили! Любой думающий, размышляющий, особенно среди военных – подозрителен...

Гусейнов пьяно тарасился на Эдика, тщетно пытаюсь понять, что такое болтает замполит батальона.

– Не слушай меня, давай лучше выпьем, – одернул сам себя Громобоев. – И стены бывает, имеют уши. Как говорит народная мудрость: что знают двое – знает и свинья!

– Надеюсь, о свинье – это не в мой мусульманский адрес? – резко завёлся азербайджанец.

Эдик отрицательно покачал головой и поднял стакан:

– За дружбу!

Бутылка опустела. Из кухни высунулись две женские головы. Ольга пробурчала недовольно:

– Может быть хватит? Добавки не будет!

– Вот гадюки, – пробурчал Хайям. – Всё-то они отслеживают, ни минуты покоя.

Пришлось сворачивать застолье и прощаться. Хайям несколько раз пьяно облобызал Эдика, попытался галантно поцеловать ручку Ольге, погладил растопыренной пятерней Ксюху по голове. Потом он пригрозил своей жене кулаком, что-то громко прокричал на родном языке и мгновенно рухнул без чувств на диванчик в прихожей. Вечер удался на славу!

Спускаясь по лестнице к квартире, Ксения вдруг задала вопрос Эдику:

– Папа, а почему у этой нерусской девочки неприличное имя?

Капитан был крепко пьян, плохо соображал и переспросил:

– Какое еще неприличное?

– Все так говорят, и я даже не знаю, как к ней обращаться, называю просто девочкой. Ты сам папа знаешь, что имя её неприличное!

Только тут до Громобоева дошло, он замедлил шаг, смутился и густо покраснел. Из создавшегося положения надо было как-то выходить. Имя у младшей Гусейновой было действительно ещё то, для слуха русского человека – Пюста. Хайям ему как-то пояснил, что Пюста – это по-азербайджански цветок.

– Ксюша, а ты называй её цветочком, цветком. Пюста – цветок.

– А девочки и мальчики её по-другому называли, – не унималась Ксюха. – Они говорят что она...

– Дуры и дураки твои девочки и мальчики, – резко оборвал дочку Эдик, не давая вырваться нецензурному выражению из уст неразумного ребёнка. – Она не русская, потому и имя странное. Запомни – цветок!

И всем подругам передай, а не то её папа Хайям прознает об этом, и всем уши оборвет. Видела, какой он бывает сердитый?

Ксюня шмыгнула носом в знак согласия, а пьяный Эдуард покачал головой и подвинулся, насколько просвещены гарнизонные дети в том, что им ненужно или по возрасту рано знать.

Утром голова страшно трещала, и на службу хоть идти совсем не хотелось. А куда деваться – воинский долг! Еле дотянули с Гусейновым до обеда, сбежали на часок раньше, опохмелиться пивом. Пошли в дешёвый гаштет возле полиции, излюбленное советских военнослужащих – самое спокойное место в городе для русского офицера из злчных заведений.

Офицеры спустились с горки и увидели, что брусчатка снята, дорога разрыта, у обочины валяется ржавая труба.

– Ну, началось, – пробурчал Хайям. – Скоро западная немчура весь город перекопает. Мало им работы на дорогах, все и без того хорошие автобамы переделывают, теперь – за канализации взялись. Ох, и развезут тут грязь на неделю! Придётся обходить, кряк делать на полверсты. Не посидеть толком в кабаке, надо будет раньше уйти.

Прятели выпили по две кружки пива, Эдик светлого, а Гусейнов – тёмного и пошли вдоль главной улицы, разглядывая витрины магазинов, прицениваясь к вещам, продаваемым с лотков турками, китайцами и прочими иммигрантами. Увлёклись, забылись и обратно в полк они идут по ремонтируемой дороге. И... о, чудо! Дорога была идеальная, подъёмный кран загружал ржавый обрезок трубы в машину, а рабочий аккуратно вколачивал деревянным молоточком последние булыжники в брусчатый тротуар. Капитаны даже остановились, полюбовавшись на спорую работу каменщика.

– Проклятье! Ничего не понимаю! – воскликнул Хайям. – Как можно за два часа трубу уложить и дорогу сделать?!

– Выкаблучиваются! И всё-то они делают на совесть, – восхитился умелой организацией труда Громобоев.

– У нас бы дорогу раскопали на месяц, а уложив трубу, забросали б как попало яму и все дела, – продолжал бубнить Хайям. – И половину средств бы спёрли...

– Это потому что немцы живут по законам! – принялсЯ доказывать Эдик. – Я читал в газете, что у них так положено: ремонтная кантора берет подряд на работу, на определённый срок, например на три часа. Прежде чем начать работу, всё надо спланировать: экскаватор

и экскаваторщика, самосвал, сварщика, трубу купить, крановщика, и каменщика заказать. Вырыли, отрезали, вварили, засыпали, заделали. Видимо и тут, каждый рабочий прибыл к указанному в наряде времени, сделал свое дело и убыл на другой объект. Если что не так – штраф. Бургомистр оштрафует, а депутаты больше подряд на работу не дадут.

– И всё равно – так не бывает. Как в сказке: по щучьему велению...

– Но оно именно так! Или ты глазам своим не веришь?

– Верю, но продолжаю дивиться! Я ведь долгое время служил в разных русских городах. У вас как положено работать? Перекрыть воду, разрыть котлован и всё бросить на месяц. То труб нет, то сварщика, или экскаватора, а то и всех вместе. Потом спустя рукава возьмутся за дело, зароят к зиме или к весне, или вообще яму бросят не огороженной посреди дороги. Это так же, как проблема с канализационными люками: видимо для того люк посреди дороги на асфальте сделан, чтобы его время от времени забывали закрыть! Люк – ловушка для зевак...

Глава 5. Травма

Глава, в которой описывается насколько трудной и опасной бывает военная служба.

Жизнь каждого простого советского человека незаметно протекала своим чередом в ежедневной суете малых дел и событий, а тем временем в мире происходили глобальные перемены, потому что страна и весь лагерь социализма трещали по швам, укоренившаяся размеренная жизнь летела в тартарары и новости с Родины приходили всё более удручающими. Бывшие братские страны дружно сбежали из Варшавского договора и покинули СЭВ, а в Югославии запылала гражданская и межэтническая война. Прибалтийские республики демонстративно отозвали своих депутатов из Парламента и тихо игнорировали распоряжения центра, Средняя Азия и ранее не особо утруждавшая себя уплатой налогов, нынче и вовсе перестала платить в казну, наоборот требуя масштабных дотаций, а Кавказ бурлил шумно, с резнёй, с погромами, со стрельбой.

Президент и Верховный Совет, пытаясь спасти монополию на власть Коммунистической партии и мнимое единство народов – назначили референдум с вопросом о сохранении СССР. Командирам и политорганам были спущены указания, обеспечить поддержку линии партии. Какой партии? Да всё той же – КПСС!

Кудасов и Статкевич собрали комбатов и заместителей, поставили задачу – победа единства СССР должна быть подавляющей. Назначили честнейшую и независимую счётную комиссию во главе с секретарём парткома. Солдаты проголосовали как обычно строем, члены семей, те, кто до обеда поленился прибыть на участок – по вызову.

Поздно вечером Громобоев зашёл в кабинет замполита полка доложить о сто процентной явке семей батальона и стал нечаянным свидетелем явного мухлеза. Настоящего преступления! На просторном рабочем столе Статкевича лежали в стопках бюллетени для голосования, одна пачка побольше, вторая поменьше, третья ещё тоньше. Большая стопа была тех кто «за», поменьше – «против», немного «воздержавшихся» и испорченных голосов. Статкевич и парторг перечёркивали и портили листы, где голосовали против Союза, делая их недействительными, либо стирали резинкой карандашные галочки и ставили жирные отметки в нужном квадратике черной пастой. «Напёрсточники» шикнули на Громобоева и велели выйти прочь. Понятное дело, чёрные дела надо делать в тишине и наедине...

Ольга мыла на кухне посуду, а Эдик как было обычно заведено в свободный вечер, совместно с Ваней Червинским переписывал видеокассеты. Они задумали по возвращению домой открыть свои частные видеосалоны-кинотеатры. Хороший бизнес! Работа по снятию копий была не пыльная, нужно лишь сходить в город и взять видеокассету хорошего качества в немецком прокате, вставить в её видик, в другой видео плеер кассету плохого качества, но с русским озвучиванием, потом сиди и монтируй запись для себя. По комнате были раскинуты связки шнуров, параллельно работало четыре аппарата! Занятие довольно нудное и требующее внимания, звук не всегда совпадал с изображением, и требовалось то чуть нажать на паузу, то чуть ускорить. Домашнее видеопиратство.

Иван рассказывал Громобоеву, историю, как они с женой не пустили в лагерь дружбы с немцами свою двенадцатилетнюю дочь Олесю.
– Пропал залог, сто марок! – сетовал майор.

– А почему вы не отпустили дочку? Побоялись конфликтов? – недоумевал Эдик. – За немецкими детьми должны хорошо следить.

– Сейчас всё поймёшь. Мы с трудом пробили эту путёвку и даже заплатили половину стоимости. Полезный лагерь для улучшения языковых знаний, ведь вокруг одни немецкие дети и воспитатели, она бы за месяц практически освоила разговорный язык. Дочка принесла список вещей необходимых взять с собой, мы его прочитали и сразу отказались от этой затеи. Десятым номером в списке стояли презервативы. Представляешь? Олеське всего двенадцать, тринадцать только исполнится летом, а ей велят прихватить с собой пачку презервативов! Дочка в слёзы, но жена уперлась и не пустила...

Вдруг на кухне раздался громкий вскрик, Ольга вбежала в комнату побледневшая как смерть, уставившись на безымянный палец.

– Что случилось? Порезала руку?

– Камушек потерялся... – чуть слышно вымолвила она. – Бриллиант...

– Как потерялся? – не понял Эдик.

– Я мыла тарелки, смотрю, а на перстне нет камушка. Соскочил в раковину и улетел. Смылся вместе с мусором. Наверное, крепление ослабло...

Приятель посмотрел на Громобоева и удручённо покачал головой.

– Плохо дело! Говорят, пропажа бриллианта к несчастью.

– Ваня, не каркай, – отмахнулся Эдуард. – Не болтай и не отвлекайся, следи за звуком и изображением! Мне через час кассету надо идти сдавать. Ерунда это всё и глупые суеверия!..

На следующей неделе начиналась намеченная планами весенняя проверка. В чём она заключалась? Да как обычно в войсках: проверить навыки солдат и офицеров, заодно напоить, накормить проверяющих, задобрить подарками. Каждый день в полку суета: стрельбы, вождения, тактика и сдача зачётов по прочим дисциплинам. Стволы танковых пушек и артиллерийских орудий от непрерывной стрельбы раскалялись, на полигоны падали многочисленные авиационные бомбы – это старалась авиация, всё то, что не успевали вывезти эшелонами, расстреливалось и подрывалось.

Громобоев, честно говоря, недоумевал, в то время как в стране был жёсткий дефицит на бензин, солярку, керосин, страна почти голодала, а здесь родная армия делала всё, чтобы поскорее и как можно больше сжечь топлива в двигателях самолётов, танков, бронетранспортёров. Ладно, допустим, вывозить обратно накладно, вылить на землю

нельзя, но ведь можно реализовать на месте, за валюту, а на выручку закупить продовольствия, промтовары, ширпотреб. Советский Союз агонизировал под тяжестью экономических проблем, а в это время армия зачем-то всё больше растрачивала ценные ресурсы, бряцала оружием, стараясь запугать весь мир.

И опять-таки, на взгляд капитана, вывоз военного имущества домой был довольно странным – в вагоны грузился всякий ерунда: разобранные столы, стулья, скамьи, солдатские металлические койки, матрацы, подушки. Всему этому «добру» самое место было на свалке, но нет – хлам тщательно разбирали, укладывали в штабеля под самую крышу, а то наоборот, бросали в навал. Перевозка каждого вагона по дорогам Германии и Польши стоила тысячи марок – опять же даром потраченные деньги. Мебель в результате погрузки-разгрузки-транспортировки, превращалась в доски, постельные принадлежности в тряпки годные для старьевщика.

Эшелоны по прибытию часто разгружали под открытое небо, годное имущество либо растаскивалось, либо гноилось под дождем и снегом. Обычно это происходило так потому, что части в основном расформировывались, офицеры разъезжались по городам, где имели жильё, солдаты увольнялись в запас, а техника выводилась в чисто поле на бессрочное хранение. Бессмыслица какая-то! И зачем только осуществлялся такой странный вывод войск? Почему не реализовать ненужный хлам на месте, пусть и за гроши, зато сэкономить огромные средства на вагонах, вместо ста вагонов – один. Лучше было бы купить компьютеры для нужд армии и государства. Бесхозяйственность – это и есть отсутствие настоящего хозяина. А может быть делалось специально – для удобства скрыть настоящее масштабное воровство.

В тот тёплый погожий денёк батальон должен был сдать зачёт по вождению танков. Громобоев попросил комбата освободить его от экзамена, так как никогда прежде современный, скоростной танк «Т-80» не водил. Нельзя же сдавать экзамен, на незнакомой технике!

– Я же пехотинец. Случалось, на прежнем месте службы в Союзе водил медлительное старье типа «Т-55».

– Где же ты служил, в какой далёкой дыре? Ты бы ещё «тридцать-четверку» освоил... – усмехнулся Дубас.

– Служил под самым Питером, – ухмыльнулся Эдик. – «Тридцать четверок» не было, а вот за рычагами «ИС-3» доводилось посидеть.

Комбат был занят контролем очередных заездов и прохождением механиками-водителями препятствий, он отмахнулся от Эдуарда, и велел:

– Просто так прокатись, как сумеешь. Поставлю тебе троечку. Но будь аккуратнее.

Громобоев поспешил на исходную. Там с циферблатом в руках стоял проверяющий подполковник из штаба армии и экзаменуемые офицеры.

– Садись в этот крайний танк, – попросил его Ницевич. – Мне надо на «мастера» сдать, а в нём сиденье не фиксируется, а во время движения седушка может отстопориться и упасть. Ты ведь поедешь тихонько, тебе всё равно ведь.

Эдуард кивнул в знак согласия и уступил машину Фёдору: надо – так надо. По команде занял место в танке, завёл и поехал. Вначале на первой передаче, потом на второй, на третьей. Машина оказалась лёгкой в управлении, маневренной и скоростной.

«А чем я хуже Ницевича, попробую дать результат», – мелькнула шальная мысль, и капитан прибавил газу. Машина разогналась, впереди показалось препятствие – танковый ров. Эдик снял ногу с педали газа, но танк и не подумал сбавить скорость – как пёр, так и пёр. На старых модификациях, стоило сбросить газ, как бронемашина плавно и неспешно вползала в яму, а на этой вышло всё наоборот, недаром движок вертолётный – не танк, а гоночный болид! Много-тонная «восьмидесятка» на скорости всей своей мощью жестко влетела в ров, так же на скорости вылетела, подпрыгнула и снова плюхнулась. Вторичное приземление на гусеницы после прыжка оказалось жёстким, от удара сиденье, как и предупреждал Ницевич, действительно слетело с крепления, и Громобоев ошутимо ударился кобчиком о металл. В глазах потемнело, тело пронзила острая боль, ноги отнялись и потеряли чувствительность.

Эдик с трудом заглушил двигатель, танк потарахтел мотором несколько секунд и заглох. Наступила тишина, которая зазвенела в ушах. Капитан прижал ларингофоны к горлу, нажал на тангенту, запросил вышку танкодрома и простонал в эфир, о том, что сильно ударился и не может пошевелиться.

– Сам доехать сможешь? – нетерпеливо прокричал комбат. – Что у тебя там стряслось?

– Вряд ли. Ног совсем не чую.

– А чёрт тебя дери! – выругался Дубас. – Сейчас санитарку вышлю...

Эдик открыл люк, выполз наружу, лёг на броню, спину пронзали тысячи острых и раскалённых игл.

– О-о! – простонал Громобоев и сполз с танка на землю. Потёр рукой поясницу, подёргал ногами. Каждое движение вызывало острую, пронзительную боль. Он перекатился на живот – стало ещё хуже. Посучил ногами, перевернулся вновь на спину.

Вскоре к танку, подпрыгивая на ямах и кочках, подкатила «таблетка». Из санитарки шустро выскочил тощий капитан-военврач, следом через боковую дверцу выкатился упитанный боец-санитар, держа за металлические ручки выдавшие виды брезентовые носилки. На эти носилки пострадавшего аккуратно уложили, хоть травмированный капитан и попытался ковылять самостоятельно.

– Теперь лежи уже! Доездили... Спине сейчас покой нужен. Не дергайся! – велел медик. – Если хочешь после выписки бодро ходить и мужиком быть – не ерепенься, и поменьше шевелись! С позвоночником шутки плохи!

От этих слов спина заболела ещё сильнее, к боли физической добавилась боль душевная – кто же себе такое пожелает – стать обездвиженным инвалидом в тридцать лет?! В этот момент к месту происшествия примчался запыхлённый танк, из-за рычагов выскочил Фёдор и принялся оправдываться:

– Я же тебя предупреждал, что сиденье отлетает при толчках! Зачем разогнался? Ведь сам же говорил, что просто прокатишься, не на оценку! На кой тебе нужна классность? Зачем тебе второй класс? За него в Германии не платят!

– А тебе зачем? – простонал Громобоев, пытаясь хоть что-то цензурное сказать сквозь боль, хотя в мыслях были только маты по отношению к карьеристу Ницевичу.

– А мне для поступления в бронетанковую академию! У меня ведь нет иконостаса орденов на груди как у некоторых, и родственники мои все из крестьян.

Громобоев неудачно чуть-чуть пошевелился на носилках, и его поясницу мгновенно пронзила боль, да такая острая, что слёзы ручьями брызнули из глаз.

– Ох, мля! – простонал капитан. – Медик! Да сделай хоть что-нибудь! Поскорее...

Доктор переглянулся с Ницевичем, велел водителю аккуратно сдать назад, открыли заднюю дверь и с помощью Фёдора и санитаря загрузили пострадавшего в санитарку.

«Знакомый летательный аппарат», – мелькнула мысль в голове у пострадавшего. – «Точно такой меня принудительно в дурку вывозил!»

Боец захлопнул дверцу, дал газу и «таблетка» запрыгала на кочках. Каждый прыжок довольно болезненно отзывался в спине острой болью.

– Ноги чувствуешь? – прокричал сквозь грохот военврач.

Эдик пошевелил пальцами и чуть согнул ноги в коленях – снова пронзительная боль, в спину вогнали острые иглы, а возможно целый кинжал. Как в анекдоте о кавказцах: «кинжал в жопа хочишь? Нэт? А поздно!» Громобоев вновь взвыл и простонал.

– А то! Конечно, чувствую! Будто режут или сверлят.

– Значит не так плохо, как могло быть. Это очень хорошо, что ты боль чувствуешь. Мы еще попляшем на твоей свадьбе!

Громобоеву было нестерпимо жалко себя, и свою загубленную в армии молодость, слёзы текли из глаз ручьями, но понимая, что медик его ободряет шуточками, простонал:

– Да я уже женат, поэтому не сплясать.

– А кто сказал, что брак – это навсегда и нельзя сплясать на следующей твоей свадьбе? Только захоти...

– Ну, если так, тогда ладно. Ловлю на слове, потом припомню обещание о диких плясках...

В дивизионном медсанбате Громобоева быстро осмотрели, аккуратно перегрузили в другую машину и без промедления повезли в армейский госпиталь за сотню километров в город Веймар. Правда наши вояки его чаще называли Ваймаром, но в принципе им было без разницы, что Ваймар, что Веймар один хрен как называется то место, где приходится временно служить. Главное дело, чтобы позже не пришлось посидеть в хорошо сохранившемся по соседству немецком концентрационном лагере Бухенвальде...

Прежде Эдуард бывал несколько раз в Веймаре в штабе танковой армии, но добирался своим ходом, приходил ногами, а теперь его везли лёжа. Красивый и старинный город был этот Веймар, прекрасный и манящий своей готической позднесредневековой архитектурой. Именно в этом городе была учреждена республика после разгрома Германии в Первой мировой войне и отрешения от власти императора кайзера Вильгельма II. Так называемая Веймарская республика. Тут родились и творили несколько писателей и композиторов,

а ещё в окрестностях города размещался выше упомянутый, печально известный концентрационный лагерь смерти – Бухенвальд, с его газовыми камерами, печами крематория, и прогремевшим на весь мир печальным и ужасным набатом.

«Веймар, так в Веймар! Ведь не в Бухенвальдскую лечебницу к какому-нибудь доктору-экспериментатору Менгеле...», – попытался сквозь боль сам с собой пошутить Эдик.

Глава 6. Госпиталь

Глава, в которой наш герой, получив тяжелую травму, попадает в военный госпиталь, описываются его больничные мучения и мытарства.

Пока добрались до госпиталя, наступил вечер. За время всех этих переездов и перемещений в желудок капитана не попало ни крошки, но боль перебивала всякое чувство голода. В приёмном отделении покалеченного осмотрели, опросили, пощупали, потрогали, сделали рентген, вкололи обезболивающего, закатали на каталке в коридор, и оставили мучиться до утра. Врачи ушли по домам, на отделении на посту осталась лишь дежурная медицинская сестра, да мечущийся туда-сюда дежурный врач.

– Сестра... – жалобно позвал Громобоев. – Сестра! Подойди...

– Ну, чего тебе, боец? Что стонешь? – сердито бурча, накинулась пожилая женщина на неугомонного больного.

– А почему я лежу в коридоре, а не палате?

– Радуйся! В коридоре – не морге! – чёрно-юморнула медичка.

– Радуюсь... Но я не боец..., я капитан..., – обиделся Эдуард. – И все-таки, почему лежу в коридоре, а не в палате?

Медсестра порылась в бумагах, взяла историю болезни, удостоверилась в правдивости слов больного и на некоторое время задумалась. Женщина сказала «чичас», ушла куда-то, затем вернулась, ведя за собой хлипкого вида бойца в больничном одеянии. Вместе они вкатили каталку в какую-то переполненную палату и оставили в центре прохода.

– Полежи тут до утра! Может тебе утку принести?

Эдик отрицательно замотал головой.

– Есть не хочу, всё болит...

Медсестра невольно прыснула смешком.

– Эта утка не съедобная, а для сбора мочи.

– А-а... тогда неси... – жалобно произнес пострадавший, и из его глаз выкатились жалостливые к самому себе слёзы и он подумал: «Только бы не жить в обнимку с этой уткой! Только не это! Не хочу быть Николаем Островским! Лучше быстрая смерть, чем влачить такое жалкое существование!»

До утра капитан Громобоев пролежал в огромной солдатской палате на шестнадцать койко-мест в центре прохода семнадцатым пациентом. Время от времени о его лежбище спотыкались больные бойцы, крепко задевали, и эти толчки отдавались в спине и вызывали боль.

После завтрака объявилась необъятная в талии санитарка, со столь же необъятной злостью на окружающий мир и особенно на этих задохликов пролёживающих бока на казённых харчах, вместо того чтоб отдавать долг Родине доблестной и добросовестной службой. Швабра в её руках небрежно обмела пыль между койками, и всё было хорошо, до тех пор, пока она не упёрлась задом в дужку мешающей движению кровати.

– Ити ж твою душу! – выругалась тётка. – Чего разлётся тут? А ну подвинься!

– Не могу, спина болит, – простонал Громобоев.

– Спина у него болит! А у меня тоже хребет ломит, особенно на погоду, но я ведь работаю. Подвинь свою койку, кому сказала!

Санитарка явно не собиралась униматься в своем уборочном рвении, поэтому Эдик из последних сил прошипел что-то нецензурное и велел убираться вон.

– Тетя, он офицер, – подсказал санитарке какой-то боец-задохлик, и шумная баба, осознав свою промашку, бочком-бочком покинула палату. Добравшись до поста, она на всякий случай уточнила, кто это лежит не на месте, крепко прикусила длинный язык и, убедившись в правоте солдата, быстро переместилась наводить чистоту в другое помещение, а именно в кабинет начальника отделения.

Там она долго пыхтела, бурча о беспорядке, натирая выдавший виды линолеум, пока врач не попросил прекратить терзать пол.

– Прекратить? Да я одна на отделении за порядком слежу! Везде форменный бардак, – заявила санитарка. – Замкомбата в палате

с солдатами лежит, мыкается сердешный и ни кто к нему на помощь не идёт, не лечит.

Хитрая санитарка, таким простым способом, решила себя обезопасить от потенциальной жалобы на свою недавнюю грубость.

– Какой ещё замкомбата?

– А я почём знаю? Капитан, танкист. Валяется брошенный на проходе посреди солдатской платы, работать мешает.

Доктор потребовал принести медицинскую карту, а медсестра сразу вспомнила, что забыла сообщить начальству о новом пациенте. Доложила, получила нагоняй, а завотделением отправился на обход. Так или иначе, после осмотра Громобоев очутился в более комфортабельной палате для восьмерых.

Лечение протекало капитана медленно и болезненно. Медленно, потому что вставать пациенту строго настрого запрещалось, а лежать пришлось только на спине. И никаких движений, поворотов, подниманий, вставаний. Жить такой аморфной жизнью живчик Громобоев не привык. Полная беспомощность, особенно перед своими естественными надобностями.

– Если хочешь быть здоров – слушаться меня и выполнять! – велел подполковник-травматолог. – Примерно месяц придется полежать на спине, потом начнем осторожно поворачиваться на бок, а затем аккуратненько – на другой. А вставать разрешу месяца через полтора, не раньше. Все зависит от динамики, но будем надеяться на лучшее...

Диагноз капитана удручил. Травмированный капитан не выдержал и яростно застонал, а травматолог потрепал ласково и утешительно по руке больного и пошутил:

– Зато в бездвижности есть и плюсы – отоспишься за всю предыдущую бурную жизнь...

Эдуард получил дозу обезболивающего укола и впал в забытие, наконец-то он смог действительно заснуть, а то ночь накануне была ужасным кошмаром полным мучений. Спал травмированный капитан чутко и нервно, часто пробуждаясь, ощущая ноющую боль, и вновь отключался на некоторое время, словно впадал в беспамятство. Как в бреду. Так он подремал до позднего вечера, а окончательно проснувшись, вновь застонал от острой боли и давления в мочевом пузыре.

«Опять придётся просить проклятую утку!» – подумал Эдик с содроганием, и энергично начал на кнопку вызова сестры.

Следующим утром Громобоев чуть ожил, и хотя боль не отступала, осмотрелся по сторонам. Нового соседа сразу поприветствовали старожилы, начали с ним знакомиться. Слева у окна обитал старлей Олешка с переломом ног и тазовых костей после неудачного прыжка из окна квартиры чужой жены, обитатели палаты в шутку величали его «Суп-набор». Соседом справа у самой входной двери был прапорщик Вася, со сложными переломами рук и новым прозвищем «Бриллиантовая рука», а напротив, лежал лейтенант Дима, разбившийся на личном авто и с переломами ноги и руки («Гонщик»). Рядом с лихачом стояли койки капитана по имени Семён, сломавшего обе пятки («Беспятый») и майора Тараса Остаповича («Тарас Бульба»), со спицей в руке и загипсованной по самое плечо, а у второго окна грустил подполковник Михаил Михайлович («Михалыч»), со сломанными рёбрами, и закутанный в корсет, словно в кокон. Одна койка пустовала – утром выписали выздоровевшего.

И тут в палату с шумом и гамом ворвался какой-то рыжий и вихрастый, с до боли приметным обликом. Рыжий говорун кого-то знакомого Эдику напомнил, но кого?

– Громобоев! – громко и радостно заорал прямо с порога оглядевшийся новичок. Рыжий быстро похромал, опираясь на палочку от дверей и раскрыл объятия, чтобы заграбастать лежачего. – Жив курилка! А мне говорили, тебя в Афгане грохнули!

Эдик вновь всмотрелся в лицо вновь поступившего. О! И точно! Да ведь это бывший однокашник Юрка Ануфриенко! Землячок из одного выпуска военного училища, но из параллельной роты.

– Отец Онуфрий! Ты ли это! – проскрипел Эдик, морщась, и предостерегающе вытянул вперёд перед собой руки. – Аккуратнее! У меня спина сломана.

– А попроще ты болезнь или травму не смог придумать, для того чтобы задержаться в Германии? – хохотнул Юрка. – Ну, ты брат, постоянно даёшь жару! По-иному не можем? То грудь в крестах, то голова в кустах?

– На вождении танка повредился. Компрессионный перелом первого поясничного, – пожаловался Громобоев на свалившееся несчастье.

– Везёт тебе, боевая травма. А дома со стремянки упал месяц назад: ногу сломал, и плечо вывихнул. И никакой компенсации не получу, одни только вопли начальства. По второму разу ложусь, долечиваться. Значит, будем вместе болеть? Это хорошо! Будет теперь с кем и в карты поиграть и водочки выпить! Верно, я говорю, коллеги?

Пациенты палаты одобрительно закивали. Всем наскучило тихо лежать и тупо лупить в потолок, пересказывая друг другу старые, пошлые анекдоты.

– Юрка, дай только чуть оклематься, сейчас ни до карт, ни до шахмат, и к стакану не тянет.

– Скажи ещё и не стоит! – не поверил рыжий. – Видали фрукта? К стакану его не тянет!

– Увы! И не стоит, а только часто ссыт... – подтвердил Эдик с огорчением догадку приятеля и с грустной миной на лице пробормотал: – И хорошо, что не стоит! Чего без толка стоять-то, только одеяло впустую поднимать...

С этими словами Громобоев приподнял одеяло, заглянул, убедился в своей правоте и снова тяжело вздохнул...

На второй день приехала санитарная машина из полка, в которой прибыла целая делегация: жена, замполит полка, замкомбата и начмед. Майор Статкевич осведомился о состоянии, посочувствовал, а затем пробубнил о том, что из-за этого происшествия ухудшились показатели по травмам. Ну что взять с человека, когда он полный мудака?

Начмед полка капитан Гуйван деловито осмотрел больного, пощупал руки и ноги, спросил про чувствительность конечностей и ушёл пообщаться с врачами. Ницевича, как оказалось, назначили проводить расследование и они вместе с Громобоевым надиктовали удобные для всех показания. Фёдор тщательно записал слова пострадавшего на листочки, а Эдик под текстом расписался. Уходя, Ницевич оставил большой пакет с гостинцами от сослуживцев.

– Хорошо тебе тут! Лежишь в тишине и чистоте, а мы как проклятые мечемся на полигоне.

– Да пошёл ты в ... – беззлобно ругнулся Эдуард.

– Понял, уже именно туда и иду! Мы давно там, только ещё не все это осознали.

Наконец у постели больного осталась лишь заплаканная Ольга.

– Как ты? – жалобно спросила она. – Как самочувствие?

– Сама поди знаешь от врачей... – пробурчал Эдик. – Уже полегче, но сначала думал, что издохну или обезножу. Но вроде бы пронесло, повезло. Как говорится, пуля просвистела рядом...

– Я так перепугалась, плакала, ночь глаз не сомкнула...

– И я не спал, спину раскалёнными иглами кололо!

– Аккуратнее надо было ехать, это ведь военная техника, танки...

Эдик чуть пошевелился, спину пронзила боль и он застонал.

– Что такое, – переполошилась жена. – Болит?

– Конечно! А ты что думала – претворяюсь?!

Ольга вытерла платочком слёзы и спросила:

– Что теперь с нами дальше будет? Служить сможешь?

– Отстань, – разозлился Громобоев. – Дай хоть на ноги встать! Службу ей подавай...

– Не сердись, я ведь за нас всех переживаю.

– Вот и переживай молча! Сама виновата, зачем бриллиант обронила? Верно, сказал Червинский – та потеря была не к добру! Ты сюда на поездах часто не мотайся, а то никаких денег не хватит. Будет окаянщина с санитарной машиной раз в неделю и хорошо! Привези фруктов, колбасы и сыра, тут такой дрянью кормят – ноги очень даже легко можно протянуть!

В палату вновь заглянул Ницевич.

– Санитарка уже уезжает. Ольга, вы остаётесь?

– Оля, поезжай с ними, – велел Эдик хмурясь. – Только утку мне принеси, чтоб бойца лишний раз не беспокоить...

Прошло некоторое время и самые острые боли утихли. Под поясницей капитана теперь лежала брезентовая подушечка набитая песком, которая выправляла сдвинутый позвонок. Время от времени Эдуарда вывозили на рентген – проверяли динамику лечения.

Вскоре доктор разрешил аккуратно поворачиваться на бок, но без рывков и резких движений. Вот тут-то и пошли в ход карты. Преферанс, «Кинг» и дурак госпитальным режимом не воспрещался, главное чтоб не на деньги. Ну а какие карты без бутылки? Игроков было, как и положено четверо, и вся тусовка сплотилась вокруг лежачих: Громобоева и «Суп-набора». Недвижимые Михалыч и «Гонщик» участия в мероприятиях пока не принимали, но рюмку принимали если им подносили, не отказывались. Юрка, заводила и вдохновитель всей инвалидной компании в магазин сбегать не мог, по причине сильно болевшей ноги, прапорщик «Бриллиантовая рука» бежать мог, но не способен был ничего взять в руки, поэтому из ходячих, оставался только «Тарас Бульба».

– Хлопцы, вы вообще-то ловко устроились! – возмущался майор. – Я старший по званию вам молодым и зелёным должен за водкой бегать! Непорядок! Ось вам, дуля з маком! – майор сворачивал пальцы в фигу, и показывал лежачему коллективу.

– Тарас Остапыч, а ты не бегай – ходи степенно и солидно, как настоящий майор, – балагурил рыжий. – Кроме тебя – остальные совсем доходяги. Не пойдешь ты – играть будем на сухую. А какие карты без водки и пива?

И каждый день, обречённо ворча для порядка, майор брал пакет под закуску, собирал с товарищей мелочь и топал на выход. Вскоре он возвращался с бутылкой, аккуратно спрятанной под бинтовую перевязь, и с пакетом в руке, в котором на дне самом дне лежала лёгкая закуска. Снедь «Тарас Бульба» брал на свой вкус, а вкус у него был своеобразный, на сдачу, под выпивку он брал кусочек сыра, болгарский перец, сельдерей, укроп и петрушку. Выходило, что толком закусить можно было луковицей и хлебушком из столовой, да запить соком, потому что ни петрушку, ни перец Эдик никогда прежде не ел. Даже и не пробовал.

– Тю, скаженный! Це ж всё пользительно для организма и вкусно! – наставлял Тарас в первое застолье травмированного Громобоева. – Эх, жаль ещё чесночку в госпитальной столовке нема.

– Разве это закуска? Что тут есть? Перец и петрушка – это просто трава! – отнекивался Эдик. – Я их не понимаю.

– Трава – не отравла! А шо тут понимать? Ишьтэ и усэ тут дэла. И для потенции пользительно, уверяю тебя. Особенно в твоём лежачем положении. Жри шо дают, кому сказано! – и Тарас Остапович завершил диспут пододвигая к лежачему товарищу кусок болгарского перца и пучок зелени.

Эдик брезгливо поморщился и попробовал зелёный перец, опасаясь подвоха, что он жгуче горький. Оказалось наоборот, овощ вполне съедобный и даже приятный на вкус.

Затем «Тарас Бульба» поднял стакан и скомандовал:

– Ну, шо хлопцы, причимокнули!

Этот тост у него был неизменным и очень смешил компаньонов. Слово-то какое придумал забавное – причимокнули!

– А шо в нём смяшного? – недоумевал майор. – Когда горилку пьёшь – завсегда причимокиваешь! Вспомнили? Ото ж! Давайте по быстрому и ховаем посуду! Сегодня опять эта гадюка Варвара все свои гляделки проглядела куды я пийшов. Стерва! Хочет нас начальнику отделения заложить, шоб подполковник половину нашей палаты повыписывал. И шо за стервозная баба! Видно ейный прапор её зовсим не топчет!

– Наверняка, – усмехнулся Юрка. – Бабы всегда от этого злые и вредные. Надо ей тоже какую-то пакость устроить.

Юрка раздал карты и спрятал пустую бутылку в тумбочку, как раз вовремя. В этот момент в палату ворвалась не к месту упомянутая санитарка Варвара и закричала:

– Чем это вы занимаетесь? Больничный распорядок нарушаете? Наверняка водку пьёте!

– Сок! То, что доктор прописал! – парировал Олежка-«Суп-набор». – Соки говорят, очень полезные для здоровья...

К этому моменту на столике кроме пустых стаканов с запивкой уже не было ничего. Санитарка все равно хищно покрутила своим клювом, понюхала воздух и помчалась докладывать. Застигнутые игроки быстренько прибрались, выбросили пустую бутылку в мусор, ополоснули в раковине под краном стаканы и продолжили раздачу.

Подполковник-травматолог вошёл в палату, понял, что доказать факта употребления нельзя и принялся распекать лежачих.

– Видно вам так и хочется стать инвалидами? Чего вы крутитесь и вертитесь! А вы ходячие, зачем подбиваете лежачих товарищей на нарушения дисциплины! Признавайтесь – пили?

– Конечно, нет, – ответил за всех старший по палате, завернутый коконом Михалыч. – Напраслину наговаривают! А кто сказал? Варвара? Так это она в отместку, за наши шуточки. Пусть она качественнее наводит порядок, чем вынюхивать и стучать. Вон по центру палаты лежит убиенный нами неделю назад контрольный таракан. И это называется уборка? Только и делает, что ходит и жалуется на тяжкую судьбу жены прапорщика, да сплетни разносит по госпиталю.

На том конфликт и погасили, но в ближайшую выписку начальник отделения двух ходячих все же отправил домой, чтоб не было лишнего соблазна нарушать дисциплину. Именно Юрка и «Тарас Бульба» попали под эту метлу, и дружный картёжно-собутыльный коллектив распался. Жить и лечиться после репрессивных мер начальства стало гораздо скучнее. Но к этому времени Эдику уже велели разминать ноги, лёжа делать гимнастику, готовиться вставать.

Прошло сорок пять дней на больничной койке, и доктор разрешил тихонько вставать возле кровати. Боль была ужасной в спине, капитана поддерживали с двух сторон сестра и врач, потому что отвыкшие ноги не держали и подкашивались.

– Что это? Почему не могу стоять? – переполошился Эдуард. – Я не смогу ходить?

– Да, нет, вроде бы всё нормально, – успокоил его лечащий врач. – Мышцы ног просто атрофировались. Такое обычно бывает даже у космонавтов после длительного пребывания в состоянии невесомости.

В палате кто-то не удержался и хмыкнул на это сравнение с космонавтом. Эдик сразу понял, что рискует получить своё новое прозвище.

– Будем делать массаж, заниматься на тренажёрах, поделаем физиопроцедуры, и станешь как прежде ходоком и бегунком! – пообещал доктор.

Вечером капитан решил не звать дежурную медсестру, самостоятельно сходить в туалет. Он поставил уверенно ноги на пол и рухнул под койку, хорошо трусы не обмочил от неожиданности. В спину резко кольнуло – и Эдик даже испугался. Все-таки ещё рано быть самостоятельным, и надо воспользоваться услугами медсестры. Когда товарищи поняли, что с ним не случилось ничего страшного, под дружный смех товарищей Михалыч громко крикнул:

– Сестра! Вызывайте аварийно-спасательную команду! «Космонавт» неудачно приземлился!

И всё же двух недельный курс интенсивного лечения поставил Громобоева на ноги, постепенно он стал самостоятельно передвигаться, сначала с палочкой до спортзала, на массаж, потом без палочки. Подполковник Михалыч, вставший на ноги после долгих недель одновременного лежания, составил ему компанию на прогулках по госпитальному двору – так они и бродили в обнимку – два калечных.

Минуло два с лишним месяца, началось лето, самочувствие травмированного резко улучшалось, дело шло всё уверенней на поправку и к выписке. Наконец Эдика отпустили домой. Он переоделся в форму, получил документы на руки и не спеша вышел в Веймар. Громобоев был до того счастлив, возможности самостоятельно идти, что даже весело напевал. Вблизи вокзала к нему подскочили два то ли американца, не то англичанина, и бойко залепетали, с надеждой глядя в глаза капитану.

– Дую спик инглиш?

«Конечно, говорю! Что нас зря в военном училище и школе учили?» – усмехнулся мысленно Эдик.

– Йес, оф кос!

Англоязычные господа обрадовались, капитан издали видел, как туристы до него пытались приставать к нескольким немцам, но те, ни чем не смогли им помочь – прежде в ГДР чаще всего в качестве

иностранным языка учили русский. Англосаксы радостно и быстро затрещали скороговоркой, пытаясь что-то уточнить, и тыкая пальцем в карту города. Громобоев из их трескотни ни одного слова не понял, ему стало неудобно, он покраснел и извинился.

– Сорри! Ай доунт андестенд!

Лица англоязычных туристов вновь вернули жалкий вид, они натянуто улыбнулись и побежали дальше искать другого аборигена хоть чуть-чуть понимающего их не местную речь.

Глава 7. Отпуск при части

Глава, в которой рассказывается о том, как полковое начальство распорядилось гуманитарной помощью, и как командиры поступили с мужественным офицером, героем и смельчаком.

По прибытию в полк, Эдик сдал документы в строевую, медкнижку в санчасть, доложил командованию об окончании лечения. Все начальники улыбались при встрече, и по крайней мере, делали вид, что рады его выздоровлению. Сначала капитан доложил Статкевичу о выздоровлении, но тот был занят самим собой, замполит полка похвастался полученным за Афган новым орденом «Красной звезды», естественно ничуть не сомневаясь, что заслуженным. Громобоев ухмыльнулся про себя, зная какое активнейшее боевое участие в той войне принимали пропагандистские агитотряды.

Командир полка пообещал, что положенный по болезни отпуск, можно отгулять при части. А что такое отпуск при части? Это когда вроде бы в отдыхаешь, но в то же время рядом со службой и тебя могут вызвать в любой момент. Можно конечно уехать полечиться в санаторий, но тогда не получишь ни пфеннига, ни марки, а только обесценивающиеся на глазах рубли. Эдуард естественно выбрал отгулять отпуск в Цайтце.

На гарнизон в эти дни свалились гигантские объёмы гуманитарки. В первый же день возвращения к Громобоеву с загадочным выражения лица подошёл старший лейтенант Шум и поинтересовался здоровьем.

– Как видишь, Вася, жив! Хожу своими ногами, хотя месяц назад переживал о приобретении хорошей инвалидной коляски.

Шум радостно улыбнулся, и предложил подкрепить выздоравливающий организм батальонного политического начальства витаминами.

– Какими именно? Немецким ликёром «Кирш»?

– Фруктозой! – оценил шутку и хохотнул взводный. – В полк завезли фуру апельсинов. Расфасованы они в коробки по двенадцать килограмм. Занести вам домой? Запотыл часть выдал в солдатскую столовую, немного раздали офицерам, а половину команды придержали, злые языки говорят, Кудасов хочет домой вывезти на приобретенном по списанию «Камазе».

– Конечно, заноси! Я фрукты очень люблю! – обрадовался выздоравливающий. – Это как раз то, что нужно для восстановления моего позвоночника и укрепления потенции.

– Ящик?

– Ну что мы будем мелочиться ящиком? Давай два, если конечно можно...

– Для хорошего человека сделаем, – заверил Василий.

Вечером бойцы притащили заказ, и Эдик принялся укреплять организм, наполнять витаминами. Насчет потенции Громобоев естественно соврал, с этим делом был полный порядок, однако интенсивности, темпа пока не мог держать, в спину кололо и стреляло.

Семейство фруктам обрадовалось, и они дружно в три рта употребило за день первую коробку. Утром кожа у жены и дочери покрылись бордовой коркой. Аллергия. А самому Громобоеву хоть бы хны, вторую коробку употребил, как говорится, в одну харю. Попросил добавки, и старший лейтенант с лёгкостью исполнил новое пожелание начальника.

– Но это последняя коробка, больше нет! – посетовал взводный. – Командир и запотылу спрятали фрукты под замок, и никому не дают.

– И хрен с ними, – махнул рукой Эдик. – Жадность фраеров сгубит, не сегодня, так завтра.

– Точно, нехай подавятся. Апельсины же не бульба, – согласился белорус. – Не первой необходимости продукт...

Но сколько бы начальство ни прятало фрукты, под какой замок не запирай, всё равно возле этого ключа есть ключник и начальник ключника. Полковник Кудасов вскоре заметил, что его личный запас апельсинов тает, а урны в полку и мусорные контейнеры в городке полны апельсиновой кожурой. Да и территория полка тоже порядком загажена оранжевыми ошмётками.

Командир решил провести ревизию запаса, заглянул на продовольственный склад и пришёл в бешенство – половины коробок не доставало. Он решил угоститься апельсинчиками и захватить домой пару килограммов, велел вскрыть одну – однако его ждало разочарование – апельсины были покрыты толстым слоем плесени. Полковник выругался, а прапорщик суетливо раскрыл следующую коробку – результат тот же. Кладовщик шурудил по ящикам, но почти все фрукты уже пришли в негодность. Выходило, что отправляющаяся домой машина пойдёт пустой – гостинцы пропали! Гуманитарная помощь – она и есть гуманитарная, а весь гуманизм заключается в том, чтобы отдать немущим то, что обеспеченные люди есть уже не будут. Срок хранения фруктов подходил к концу – немцы и подарили их голодающим и экономящим на всём советским военным, ну а жадные командиры умудрились заграбастав большую часть себе, впустую сгноить. Заграбастанное общественное добро хапугам на пользу не пошло.

Не успели в гарнизоне переварить апельсины, как с этой же базы завезли шоколад. И снова каждый постарался себя снабдить впрок, пока начальство не заграбастало. Следом за шоколадной помощью пришла кондитерская – фура полная тортов! Тортами Громобоева угостил Червинский. Эдик быстренько освободил холодильник и заполнил его пятью коробками, вырванными с боем с продовольственного склада другом-Иваном. Дочка наслаждалась сладостями: торт шоколадный, ореховый, бисквит со сливками, фруктовый, ассорти...

Параллельно с продуктовой халявой – шла раздача имущества с гэдээровских промтоварных складов, новым бизнесменам требовалось освободить место, занимаемое залежалым товаром. Директор базы предложил забрать имущество бесплатно, но вывезти за сутки, потому что утром прибудет новый груз. Командование отнеслось к этому делу с пониманием, выделило пару грузовых машин и два взвода солдат.

Военные работали не покладая рук, до позднего вечера вынося снятые с продаж вещи, но успели освободить лишь половину помещения. Уезжая домой, заведующая сказала, что оставляет склад открытым, мол, забирайте всё.

– Только вот за этой чёрной железной дверью ничего не трогайте, – настойчиво попросила немка офицеров.

Дама помахала ручкой и уехала, но на прощанье словно скомандовала «фас»! А ведь не скажи она про дверь и ни кто бы не полез туда. А так... Едва её «Опель» скрылся за поворотом, как доблестные вояки

уже ломали чёрную дверь. За дверью хранились новенькие шикарные детские коляски, изготовленные в Тайване и газонокосилки.

Всю ночь грузовик метался между складом и полком, вывозя ценный товар. Одновременно с вывозом колясок в гарнизоне шёл торг, добро продавали «с колёс», и растаскивали по квартирам, ведь как только Кудасов прознает, сразу наложит на всё свою загребушую лапу.

Утром немцы прибыли на опустевший склад и своему ужасу увидели, что та запретная чёрная дверь взломана и помещение пусто. Кладовщики вызвали полицию и помчались в полк выяснять, кто украл, и где похищенное. Командир полка был в ярости, мало того что похитили товар, так он ещё и в полном неведении, и не в доле.

Полковник вызвал лейтенантов и велел показывать, где спрятано награбленное. Последнюю машину солдаты разгрузить не успели, она так и стояла нагруженная, но в основном в ней лежали лишь газонокосилки.

– Идиоты! Зачем вам машины для стрижки газонов? – взъярился Кудасов. – Разве у вас дома есть газоны?

– Сено косить... ответил один из них.

– У тебя есть поместье или усадьба? Лейтенант, да у тебя ведь даже квартиры нет! И не только нет квартиры, но и мозгов тоже! Сказано было немцами за той дверью ничего не трогать?

– Так точно, – потерянно ответил один из лейтенантов.

– Зачем взяли? Ведь это уголовное преступление! Лейтенант, у тебя есть дети?

Второй лейтенант, побледнев, ответил:

– Никак нет, я даже не женат...

– Тогда зачем тебе детская коляска?

– Впрок, на будущее...

– Нет у тебя никакого будущего, – ревел командир. – Вернуть! Немедленно вернуть украденное! Сволочи! В тюрьму захотели? Немка грозится заявление подать в полицию, но ей вас жалко. Мерзавцы! Завтра же откомандирую домой, чтоб вас не посадили!

Полковник вытер пот со лба прогнал лейтенантов и велел доверенному прапорщику перенести конфискованное из грузовика добро в собственный кунг.

– Возьми одну газонокосилку, а лучше две...или нет – бери три штуки. Одну комдиву подарю. Занеси их, сам знаешь куда, и десяток колясок в упаковке. Остальное вези на КПП, будем возвращать немцам награбленное.

Замполит и парторг полка побежали по квартирам отнимать и изымать коляски. Тот, кто купил за деньги (Эдик тоже приобрёл себе одну про запас за пятьдесят марок), тот спрятал вещи понадежнее, а кому досталось несколько штук даром – вернули. Общими усилиями комбатов и офицеров управления, большую часть удалось собрать и вернуть, но одновременно что-то прилипло к рукам начальников наводивших порядок. Уголовное дело по старой дружбе с пока ещё с гэдэровской полицией (западники должны были скоро появиться им на смену) удалось замять. Лейтенантов отправили домой, а солдат перевели в другой полк. Недостачу оплатили бартером – соляжкой и бензином для нужд базы, а так же недельным трудом солдатской бесплатной рабочей силы.

Едва командование разобралось с происшествием об ограблении склада и выпуталось из создавшегося щекотливого положения, как их шею свалилось новое дело. Однажды утром перед КПП полка остановилась кавалькада машин: два новеньких легковых «Мерседеса» и грузовая фура «Мерседес». К командиру полка на приём попросилась делегация из пяти немцев: седой старик, крепкий мужчина и красивая блондинистая женщина средних лет, молодой парень и девушка-переводчик.

Сухой и поджарый старик-немец с военной выправкой, явно ветеран вермахта, поприветствовал русских командиров, приложив пальцы правой руки к козырьку кепки, крепко пожал по очереди руки Кудасову, Статкевичу и парторму подполковнику Возняку, естественно не догадываясь, что этот хмурый седой подполковник секретарь парткома враждебной коммунистической партии.

Старик церемонно представился как барон фон Б...ч. Ныне пенсионер, но в прошлом депутат Бундестага, мужчина помоложе – сын, дама – его жена, а тот юнец – их зять.

– В чем дело, что привело вас к нам? – спросил, всё более нервничая Кудасов, не ожидая ничего хорошего от этого визита, в свете недавней неприятной истории с колясками и косилками. Полковник уже привык, что подобные визиты обычно сопровождаются жалобами. То напишут заявление о танке, подавившем забор, то жалоба на грузовую машину, раздавившую свинью, или немецкие ходоки просят оградить от ночных набегов солдат разоряющих сады или огороды.

Немцы сели рядком и мило и дружески улыбаясь, принялись разглядывать офицеров. Старик был в сильном волнении, говорил громко

и пространно, излагая суть дела, а девушка-переводчик старательно переводила, коряво, и с ужасным акцентом, близко к тексту, но в принципе доходчиво.

– Они хотели бы отыскать старшего лейтенанта... – старик вынул из кармана бумажку, тщательно разгладил её и прочитал по слогам фамилию: – Ко-бы-фа.

Командир полка посмотрел на Статкевича и тот кивнул, мол, есть у нас такой офицер.

– Что он натворил? – резко спросил Кудасов. – Советские офицеры не подлежат немецкой юрисдикции. Но мы накажем виновного со всей суровостью советских законов!

– Ничего он не натворил! – замахал руками немец, – наоборот, он героически спас жену моего сына (вот она здесь сидит – симпатичная дама при этом покраснела), их дочь и внуков. То есть моих правнуков! Примерно месяц назад на дороге произошла страшная авария: моя сноха (блондинка ещё пуше зардела) не справилась с управлением, и на большой скорости врезалась в дерево у обочины. От удара все пассажиры сильно ушиблись, потеряли сознание. Советский офицер проезжал мимо, остановился, и вместе с солдатом вытащил Стефанию, её беременную дочь Грету и правнучку Аннет. Едва военные оттащили пострадавших в сторону, как «Ауди» взорвалась. Минута промедления и все они сгорели бы! А на прошлой неделе у нас случилось радостное событие – Грета благополучно родила правнука. Грета и дети сейчас дома. Мы назвали ребенка в честь спасителя – Александром.

Напряжение спало, командир полка заулыбался, ну хоть в этот раз визит немцев не несет неприятности. Начальники заулыбались, предложили гостям курить, командир достал из сейфа бренди «Наполеон» и предложил выпить по рюмке. Вызвали этого Кобыфу срочно в кабинет. Взводный, не ожидая ничего для себя хорошего, примчался к командиру.

– Я думал, ты опять что-то натворил, разгильдяй! А ты, вон чего наделал, сукин сын! Ты оказывается – герой! Гражданское немецкое население спас и помалкиваешь!

Командир, замполит и парторг повеселели, расслабились, раз проблем и претензий к полку нет. Но не тут-то было, рано они обрадовались. Старик после дружеских объятий с Кобыфой продолжил излагать суть дела.

– В разбившейся машине была наша единственная внучка и правнуки, погибни они, на них оборвался бы весь древний род баронов

фон Б..ч! Поэтому мы хотели бы отблагодарить храброго офицера и солдата-водителя. Передайте солдату, пожалуйста, набор подарков (немец поставил на стол кожаный кейс и магнитофон в упаковке), а для вас обер-лейтенант, за воротами стоит новенький «Мерседес», и фургон наполненный мебелью, изготовленной на нашей семейной фабрики. Полный комплект для вашей квартиры.

– Спасибо большое, – засмутился офицер. – Но куда мне девать эту мебель? У меня и квартиры то нет...

Переводчица прошептала на ухо старику, тот улыбнулся ровными белыми зубами (явно хорошими протезами), и протянул конверт.

– Мы ожидали чего-то подобного и приготовили вам ещё один маленький презент, здесь должно хватить на хорошую квартиру в России.

Кудасов, Статкевич и Возняк дружно побледнели. Замполит пулей метнулся в свой кабинет догладывать по телефону начальнику политотдела о создавшейся щекотливой ситуации.

– Пусть откажется! Прикажите ему немедленно вернуть подарки, нечего брать подачки от всяких фон-баронов! – крикнул в трубку полковник Касьяненко. – Раструют в своей буржуазной реваншистской прессе об этом, а нам потом отдуваться перед начальством.

Командир полка извинился перед гостями, вывел Кобыфу в кабинет парторга и там они в три голоса велели взводному отказаться от подарков. Но Кобыфа упёрся и, ни в какую.

– Я ведь не украл! – вначале растерялся Александр. – Эти подарки от всего сердца за спасение и риск! Я ведь и сам мог взорваться...

– Сказано – откажись! – бубнил парторг Возняк. – Это идеологическая диверсия!

– Приказываю! – рычал Кудасов.

– Не бери ничего! Мы ведь коммунисты, а этот дед фашистский недобиток, оккупант! – снова прошипел парторг.

– А вы бы отказались? – в конец растерялся Сашка.

– Конечно! – дружно заявили начальники.

– А я возьму! – решительно заявил старший лейтенант.

Кудасов побагровел и рывкнул:

– Да я тебя в двадцать четыре часа домой отправлю!

– И из партии вылетешь в два счёта... – пригрозил Возняк.

Старший лейтенант с матом швырнул фуражку в угол кабинета, и с готовностью выложил на стол партбилет.

– И отправляй, хрен с тобой, полковник. Разбирайтесь со своим долбаным начальством, как хотите.

Офицер вышел, хлопнув дверью, и оставив начальников самих выпутываться из создавшейся щекотливой ситуации. В парткоме наступила гнетущая тишина, и было слышно, как Кобыфа весело разговаривает на в коридоре на ломанном немецком с гостями. Вскоре немцы и офицер покинули штаб и голоса стихли.

– Позор! Куда катится армия? – произнёс тихо парторг, потому что надо было что-то сказать.

– Мерзавец! Каков наглец! Он ещё и хамит! – с ненавистью воскликнул командир. – Сейчас же документы оформить и вон отсюда! Под конвоем! Немедленно!

Но, конечно же, никакого конвоя не было, сам старший лейтенант сел в грузовик, а жена за руль легкового «Мерседеса», они громко посигналили на прощание, и под завистливыми взглядами сослуживцев уехали, куда-то, то ли в Житомир, то ли в Артёмовск. Уезжающему домой Кобыфе, карман грел конверт с немецкими марками, их должно было хватить на строительство просторного дома...

Да, это был период шикарной и щедрой гуманитарной помощи капиталистов, которые радовались мирному объединению двух Германий, благодаря молчаливому согласию Советов, и ещё больше немцы радовались скорому выводу советских войск. Местные жители при встрече дружески улыбались, и желали вслух, скорейшего возвращения на Родину. Если кто-то из наших высказывал недовольство скорым выводом войск – деланно удивлялись: как же так, вы не хотите домой? В свой развитой социализм?

А вот так – не хотели! Домой никто не торопился, ни распоследний забулдыга прапорщик, ни самый главный в группе войск генерал. На родину желали поскорее уехать лишь бойцы – на дембель. Впрочем, домой рвались не все солдаты: участились случаи дезертирства и побегов в Западную Германию солдат с Кавказа и из Прибалтийских республик. Командованием Западной группы войск было принято решение сохранить защитников Отечества для собственных нужд, не дать им улизнуть за кордон (впрочем, так как кордона не было вовсе, поэтому и бежать было легко, достаточно сесть в поезд и проехать сотню километров или пройти пешком), и попытаться уклониться от завершения выполнения священного долга.

Вот об этом и пойдёт речь в следующей главе...

Глава 8. Эвакуация неблагонадёжных

Глава, в которой не выздоровевшего Эдуарда отправляют в командировку на дальнюю окраину России.

На полк спустили разнарядку: подготовить к отправке всех военнослужащих, призванных из республик Закавказья и Прибалтики, потенциальных беглецов в капиталистический рай. В первой отправке каждый батальон мог избавиться от двух-трёх солдата, отдельная рота – от одного. Итого подготовили к отъезду двадцать одного бойца.

Громобоев позавтракал, надел на пояс стабилизирующий корсет, который ему прописали носить год, а лучше два, чтобы укреплять спину и оберегать позвоночник, и отправился на службу, как обычно бить баклуши: играть в нарды, болтать с сослуживцами, заниматься бумажками, шугать бойцов. Что-либо тяжёлое и требующее физических затрат он делать не мог, за исключением секса. Но секс – другое дело, это гимнастика, которую наоборот, делать очень даже полезно.

Комбат Дубас вдруг срочно вызвал выздоравливающего капитана к себе в кабинет, вручил ему список отправляемых от батальона двух азербайджанцев, армянина и грузина, и велел избавиться от этих разгильдяев, и ни в коем случае не возвращаться обратно пока не передаст их на отправку. С каждой роты бойца сопровождал взводный, а солдата-армянина из взвода обеспечения – прапорщик Зверлинг. Каким-то образом комбату удалось превысить строгий лимит, ведь в других подразделениях отправляемых было двое или трое, оставалось тайной.

Моложавый и подтянутый замполту полка майор Зверев и строевик долго проверяли военное имущество, личные вещи и документы. Взводные сразу же слиняли по делам, а Эдик проявил мягкость, по доброте душевной отпустил лейтенантов и прапорщика, кого в наряд, а кого на технику и остался караулить убываемых. И тут выяснилось, что старший по званию и должности среди сопровождающих от подразделений остался именно капитан Громобоев.

Полковой строевик под шумок выписал Эдуарду командировочное предписание, сопроводительные документы на солдат, сунул ему в руки стопку документов и все начальники разом исчезли. Вскоре подъехал «Урал», бойцов погрузили в машину и вывезли в штаб дивизии. Там ему навязали ещё десяток солдат из отдельных батальонов и рот,

снабдили советскими дензнаками на пять дней, и сообщили, что командировка быстрая: самолётом до Уссурийска и обратно. Всего и дел-то на копейку, к чему эти ненужные пререкания?

Полковой строевик по звонку строевика из Намбурга привёз служебный загранпаспорт, отдал пачку исправленных и переделанных документов на отправляемых солдат. Никакие возражения о больной спине на начальство не подействовали – больные в Союзе! Приказ! Пришлось подчиниться волевому решению командира полка.

Громобоев позвонил из штаба дивизии домой, сообщил Ольге о вынужденной короткой отлучке, велел не волноваться. Колонна грузовых машин быстро доставила солдат и офицеров на ближайший военный аэродром, там солдаты получили сухой паёк на трое суток, офицерам продукты не полагались, но начальник продовольственной службы от щедрот выделил по банке тушёнки и пачке галет. Кто-то из сопровождающих офицеров успел метнуться в военторг, купил «Смирновки» и «Наполеон», маринованных огурчиков и колбасы – как же лететь на сухую?

На бетонке их ждали четыре военно-транспортных гиганта «Ил-76». Офицеры снова пересчитали бойцов, загнали по аппарели на борт, поругались для порядка с лётчиками и влезли следом за солдатами. Старших команд было пятнадцать, у каждого разное количество подопечных, но общее число эвакуируемых было двести двадцать. Именно столько и предстояло сдать в Уссурийске.

Пересекая в воздухе границу, командиры пустили три бутылки по своему кругу, выпили для поднятия духа за удачу. Что-что, а удача им была ой как необходима, ведь предстояло пересечь просторы всей необъятной страны и главное не потерять, не упустить ни одного бойца.

Примерно после обеда самолёты один за другим приземлились на военном аэродроме где-то под Ровно и рассредоточились на окраине, на запасной полосе. Лётчики заглушили моторы, выгнали всех пассажиров из грузового отсека, задраили люки и двери самолёта. Вскоре за экипажами приехал небольшой автобус, и они дружно убыли обедать.

Солдаты по землячествам и по призывам расположились табором вокруг бортов, пообедали выданным сухим пайком, а офицеры чем бог послал, точнее – начальник продовольственной службы. Пока летуны с чувством с толком и расстановкой сытно обедали, наземные службы закрыли коридор, полёты на этот день закончились.

Лётчики вернулись, осмотрели воздушные машины, снова всё закрыли на запоры, пожелали пассажирам спокойной ночи, и поехали ночевать в лётную гостиницу. Солдаты расстелили шинели на траве, легли попарно, укрывшись второй шинелью. Повезло, что у Эдика была с собой плащ-накидка, да сердобольный борттехник сжался, выбросил вниз с аппарели три матраца, чтоб было на чём командирам спать.

Громобоев снял с себя китель, сложил его себе под голову вместо подушки, накидки хватило, чтобы укрыться трои́м: ему самому, майору-артиллеристу и майору-связисту, новым товарищам по несчастью. Хотя на дворе было ещё лето, стояла вторая половина августа, но воздух был свеж и прохладен.

Эдик лежал на спине, смотрел в быстро почерневшее небо, искал знакомые созвездия, и вспоминал бурную боевую молодость. Вскоре ночное небо заволокли тучи, начал накрапывать мелкий дождик. Спящие вокруг самолёта сразу зашевелились, и все промокшие пассажиры устремились занимать уютные места под крыльями и фюзеляжем.

Следующим днём вылет откладывали несколько раз, но наконец, коридор открыли. Транспортные гиганты дружно с небольшим временным интервалом взмыли в воздух и направились дальше на восток. Следующая остановка была на Урале, на аэродроме возле Свердловска. Дозаправка, и подготовка к новому броску – в центр Сибири, в Новосибирск.

Пока наземные техники обслуживали машины, офицеры водили солдат по нужде, по очереди, малыми группами в туалет. Что-что, а туалеты мудрые конструкторы на грузовом транспорте не предусмотрели! Бойцы из четырёх транспортников надолго заполонили аэровокзальный туалет.

Вскоре эскадрилья на два часа приземлилась в Новосибирске, опять дозаправились, и снова началось туалетное брожение. На посещение туалетов ушел почти час. Руководитель полётов дал разрешение на продолжение движения эскадрильи, уже время всем взлетать, но тут случилась заминка: командир борта, который должен был взмыть в воздух первым, сообщил – пропал солдат-армянин – сбежал из туалета через окно. Сопровождающий вместе с его земляком помчались на поиски пропавшего, но и не успел офицер оглянуться, как этот второй боец тоже канул. Видимо земляк всё же

нашёл приятеля, и армяне рванули на свою историческую горную Родину. Этот невезучий потерявший людей «борт» оставили куковать до утра, вдруг милиция отыщет дезертиров, а остальные взмыли в воздух – путешествие далее на восток продолжилось.

Рано утром нагруженные «Илы» прибыли на военный аэродром под Уссурийском. Их уже поджидала целая колонна бортовых открытых автомобилей: «Камазы», «Зилы», «Уралы». Измученных долгим перелётом солдат построили в колонны, погрузили и вывезли на пересыльный пункт. Там уже толпилась группа местных офицеров, каждый стремился протиснуться вперёд, чтоб выбрать контингент получше. А что тут было выбирать, вернее сказать – из кого?

– Вы кого привезли?! – возмутился седой майор-строитель. – У нас и своего такого добра навалом! Я-то, грешным делом, думал из Германии славян пришлют...

– Держи карман шире, – усмехнулся сопровождающий солдат майор-связист. – Хороший боец нам и самим нужен.

– Я отказываюсь от этих абреков! – заявил один из принимающих.

Пришлось в дело вмешаться какому-то полковнику из штаба округа.

– Товарищи офицеры, хватит кочевряжиться! Границу они уже пересекли, возврату обратно этот контингент не подлежит, и самолёты завтра улетят в Германию пустыми. Берите по-хорошему, ведь план по строительству вам выполнять все равно придётся, а будет ли военкоматами осуществлен осенний призыв в полном объёме – кто знает! Какими силами будете возводить объекты? С грехом пополам Громобоеву в течение часа удалось избавиться от всей кавказской гоп-компании, получить расписки о передаче, и уйти отдыхать.

Сопровождающих офицеров поселили в гостинице вместе с лётчиками, и командиры после ужина принялись расслабляться – они честно заслужили отдых.

– Много не пейте, – велел им подполковник, командир воздушного корабля. – Завтра вылет, примерно часов в десять утра. Нажрётесь и чего доброго облюёте мне весь грузовой отсек! Учтите, высажу на лету и без парашютов!

– Шеф, не журись, всё будет тип-топ! – заверил командира воздушного корабля майор-артиллерист по фамилии Топрков, поднимая стакан разведённого спирта. – Присоединяйся!

Лётчики не стали кочевряжиться и сели за стол.

– Вздрогнули! – произнес один из пилотов. – За успешное окончание задания и скорейшее возвращение обратно!

– Эх, скорее бы! А то каждый день минус тридцать марок! Командировка эта, будь она не ладна, ведь не оплачивается, – согласился с ним майор-связист.

Выпили, повторили, потом третий тост, затем за содружество родов войск и... понеслась душа в рай...

Утро принесло головную боль похмелья после спирта и дрянной водки и ещё большую головную боль иного порядка. Лёжа включили ящик послушать новости, а оказалось, что каналы телевидения наполнены симфонической музыкой, оркестры сменяли один другого, помимо них о сцену бились в конвульсиях «маленькие лебеди», и более ничего путного и информационного. Такая телевизионная сетка бывала и прежде, во время череды кончин нескольких последних престарелых Генсеков.

«Неужто и этот Генсек дал дуба? Навряд ли, ведь этот Генсек-Президент ещё довольно молод!» – подумал Эдуард.

Но вскоре стала понятна причина музыкальной интервенции на телеканалы. Появилась заставка с дикторами, которые объявили о важном информационном сообщении, и уже следующая картинка показывала конференц-зал, длинный стол с нервными мужчинами. Узнаваемые все лица: министр обороны, МВД, председатель КГБ. Один из них с трясущимися и мокрыми губами и дёргающимися руками начал вещать бред по бумажке.

«Ага, да это же вице-президент Янаев, который недавно рекламировал себя настоящим мужиком, на способности которого жена совсем не жалуется» – опознал Громобоев в нервном говоруне и губошлепе, второго человека в стране.

Новый лидер страны дал название новому порядку: ГКЧП (Государственный комитет по чрезвычайному положению)! Вот теперь всё встало на свои места, и стала понятной причина оркестров и балетов. Выходит, что в Москве начался военный переворот!

– Ша, хлопцы! Я сломался, о чём уже доложил командованию, – заявил командир транспортного авиалайнера. – Бортач, разбирай любой движок! А не то нас наверняка заставят десантников в столицу возить для разгона демонстраций. А я не хочу в этом участвовать! Будем отдыхать, пока в стране обстановка не нормализуется и всё не успокоится.

– А как же мы? – опешил Эдик. – Нам надо обратно в Германию. И желательно поскорее...

– Ваши проблемы, теперь каждый за себя, – буркнул подполковник. – Можете с нами загорать, а можете лететь гражданским бортом до Москвы, ни кто вас не держит. Владивосток рядом, час езды...

Глава 9. ГКЧП

Глава, в которой капитан Громобоев добровольно попадает в очередную передрагу.

Как сухопутные офицеры ни попытались уговорить лётчика попытаться поскорее улететь в Германию – комэск был непреклонен. Никаких вылетов! И вообще, у меня праздник – день рождения тётки. Пилоты сели за стол и принялись за употребление «шила».

«Куда в них лезет столько спирта?» – удивлялся Эдик.

Кто-то из сопровождающих присоединился к ним и ударился во все тяжкие – запили горькую, кто-то, пользуясь временной свободой, рванул по бабам.

Громобоев и его новый приятель и собрат по приключениям и путешествию майор Топорков, решили попытаться счастья и добраться для начала на перекладных в Москву.

Перед тем как покинуть самую далёкую окраину Советского Союза офицеры решили прикупить рыбки. А как иначе – побывать на Дальнем Востоке и вернуться с пустыми руками? Они заскочили по пути в ближайший гастроном и уговорили продать им за двойную цену по паре «хвостов» красной рыбы. Продащица вынесла через чёрный ход пакет, пересчитала деньги и всучила товар, нахваливая горбушу.

– Вы ж, поди, в России такой рыбки отродясь не ели? Нежная, свежая, во рту тает! Мой муж сам и ловил и солил. Кушайте, товарищи офицеры на здоровье...

Громобоев действительно свежую солёную горбушу ел в последний раз по случаю, у друзей на Новый год, но то было лет десять тому назад.

Товарищи разделили поровну добычу, рассовали по портфелям и помчались в аэропорт. Пока тряслись в скрипучем и жарком «ЛАЗе» слушали во все уши разговоры пассажиров. В основном были слухи и никакой достоверной информации.

– Ельцина чекисты заарестовали и расстреляли! – уверяла одна старушка. – Пострадал горемышный за народ.

– Так ему и надо, нечего мутить воду, – буркнула в ответ толстуха.

– Дура, ты Марья! – огрызнулась бабка. – Дурой всю жизнь была, дурой и помрёшь!

– Да нет же! Ельцин жив и на свободе, он в Белом доме делами заправляет! – заверяла бабку молодая женщина, – Я по «вражескому» голосу слышала, он с заявлением выступал.

– А кого же тогда расстреляли? – не унималась бабка. – Я точно слышала, что кого-то утром расстреляли! Уверяю вас, в Расее неожиданная смена властей не может быть без расстрелов...

– Это Горбачёва грохнули на даче в Крыму, в Херосе! – авторитетно заявил со злостью в голосе, дышащий перегаром мужик, довольно помятого вида. – Нечего народ мутить, так ему и надо! Затеял свою дурацкую Перестройку, страну пытался Рейгану по дешевке продать.

– А вы бы продали её дороже? – усмехнулся молодой парень в очках. – Что тут продавать? Кому она нужна, корми потом вас дармоедов и пьяниц...

– Врёшь, мужик, не зная толком ничего! Такие пропитые демагоги балаболят на каждом шагу. Горбачёв жил не в Херосе, а в Форосе. И не расстреляли, а только арестовали, – не унималась молодуха. – Янаев сегодня заявил, что он просто временно отстранён от власти. До суда. Какой вы злой, всё бы вам расстреливать!

– Обязательно! По спискам! Уверен, списки органы госбезопасности уже составили. Тех кто воду мутит: журналистов, юристов, артистов, политиканов, демократов...

– О Сталине мечтаете? Не боитесь, что самого за пьянки и прогулы на десять лет без права переписки? – поддел мужика парень.

– Иосиф Виссарионович быстренько порядок бы навёл и разобрался с внутренними и внешними врагами. При нём бы я не пил! Я всегда за порядок в стране!

В автобусе началась общая перебранка, сторонников и противников нового порядка было примерно поровну, однако почти ни кто не хотел в руководство неизвестного Янаева, и лояльная путчу публика предпочла бы во главе страны Министра обороны Язова, или опального генерала Макашова.

– Нужна твердая рука, даёшь военных к власти! Верно, товарищи офицеры? – обратился к Громобоеву седой благообразный старичок.

– Верно, товарищ! – решил осадить дедка Эдуард. – Я – за! Сейчас бы взвод автоматчиков, остановить этот автобус, подвести к стенке, рассчитать через одного и расстрелять без разбора. Для острастки! Не возражаешь, папаша, для наведения порядка пострадать? За Родину!

– Почему сразу меня? Жидовские морды надо выловить и казнить! И заодно с ними черножопых! А я-то причём.

– А мне вот ваша морда лица, может быть, тоже не внушает доверия! Или другой какой начальник посчитает, что не так стоишь, не так на него глядишь... Как тогда быть? Ну, что скажешь, готов пострадать за новый порядок?

Дед выругался, отвернулся к окну и замолчал, обиделся, он ни как не ожидал получить отпор, вместо поддержки у молодых офицеров.

Автобус выплеснул десяток пассажиров на площади перед аэровокзалом и умчался прочь. В фойе аэропорта было тревожно, нескончаемое эхо под потолком глухо гудело тысячами встревоженных голосов. Все хотели поскорее добраться домой в это беспокойное время, а рейсы как назло задерживались. Несколько вылетов на Москву было отменено, а вот транзитом через Москву, до Питера – пожалуйста. Странная навязанная услуга, но что поделать, гримасы советского сервиса. И этот рейс вылетал буквально через два часа.

Громобоев и Топорков обрадовались возможности вырваться с этой далёкой окраины поближе к границе, поэтому без лишних слов купили два билета и поспешили на регистрацию и посадку.

– В Ленинграде куплю билет до Минска, за любые деньги! – задумчиво произнёс майор. – Надо бы завтра обязательно пересечь границу! Если эти победят, то лучше находиться в Германии, чем в Союзе, там у них будут руки коротки. К тому же если что, можно сразу свалить, куда подальше, и без особых усилий. Мой однокашник уже перебрался весной в Ганновер...

– Это как? – не понял Эдик. – Сбежал?

– Зачем сбежал? Сел не в тот поезд и уехал вместо восточного Франкфурта, в другой Франкфурт на Майне, в тот, что в западном направлении. Там попросил убежища, сейчас живёт и не тужит, на «социале»...

Поначалу единственной мыслью Громобоева было поскорее достичь границы, попасть в полк, а дальше будь что будет. В Шереметьево он

купил пачку газет, но в них были только официальные сообщения, декларации новой временной власти.

«Чума на всех вас», – подумал Эдуард, разглядывая портреты нового руководства. – «Неужели снова грядёт возврат в семидесятые, или и того хуже в тридцать седьмой год? Видимо надо действительно бежать как можно дальше, и как можно быстрее! Пока эти сатрапы границу не перекрыли. Хотя, я ведь военный мне выезд не должны запретить в свой гарнизон, я же следую к месту службы...»

Вечером Громобоев наконец добрался до Ленинграда, заехал к родственникам, выпил с тестем по рюмке, тот рассказал, что не ходил на работу, а был на митинге у Мариинского дворца.

– Народу тьма! Все хотят бороться до конца, готовы сражаться с оружием в руках! – с воодушевлением рассказывал Палыч. – И я бы встал под ружье, повоевал с путчистами. Да только где же его взять это оружие? Зять, у тебя автомат есть?

– Есть и танки, есть и пулемёты, но далеко и отсюда не видно.

– Эх, жаль, тебя с нами нет. Поднял бы хотя бы свой танковый батальон. Говорят в районе Колпино и под Гатчиной войска давно стоят, ждут приказа войти в город. А в Москве уже и стрелять начали, и народ толпами давят техникой...

– Да, я слышал, – вздохнул зять и со злостью до дна жажнул стопарик водки.

– Завтра снова пойду на митинг. А если будут разгонять и давить, что ж, так тому и быть! Возьму с собой ломик и монтировку, отдам свою непутёвую жизнь в борьбе, но дорого отдам!

Эдик посмотрел с удивлением на работягу-тестя, и впервые задумался – а надо ли бежать из страны? Может быть, стоит попытаться бороться за счастье и светлое будущее тут, у себя дома?

Рано утром тесть и зять пожали на прощание друг другу руки и крепко обнялись, мало ли что случится к исходу этого дня. Кто знает, чем он закончится этот длинный день...

Наскоро позавтракав, Громобоев помчался в аэропорт, но билет купил не в Минск, куда ещё вчера торопился, а в Москву. Надумал изменить маршрут, решил в последний момент, отбросив прочь страхи и сомнения. В самолёте он разговорился с соседом, инженером-конструктором, тот тоже летел специально в столицу в командировку, но решил вначале отправиться на баррикады, защищать демократию. Полтора часа полёта прошли в обсуждении сложившейся

ситуации в стране. Инженер всё время выспрашивал о настроениях в армии, а что знал об этой армии Эдуард? Он ведь служит далеко и сытно, а как себя поведут голодные и озлобленные войска? Кто знает...

Глава 10. Защитник Белого дома

*Глава, в которой рассказывается
о защите Белого дома от путчистов,
и личном участии в обороне нашего героя.*

Попутчики по прилёту, не ни на минуту не задерживаясь, сразу сели в автобус до Москвы, багажа у них ведь не было, затем на конечной остановке спустились в метро и поспешили к зданию Правительства России. Эдуарду повезло с этим Игорем, столица для Громобоева была сплошная «терра инкогнито», а инженер знал, куда надо идти, и вёл капитана короткой дорогой.

Уже на выходе из метро их встретили растерянные милиционеры, которые не знали, как им поступать с наплывом решительно настроенных граждан, поэтому не препятствующие проходу добровольным защитника Белого дома. Толпы людей потоками стекались со всех сторон к комплексу зданий. Кто-то шёл из любопытства, узнать последние новости и бежать дальше на работу, кто-то постоять в сторонке, понаблюдать, но большая часть была настроена твердо – стоять и сражаться за свободу до конца!

Первое что Эдуард увидел на подходе к зданию – танк «Т-64», увешанный разноцветными ленточками и цветами. Пушка бронемшины была повёрнута в сторону шоссе, станковый зенитный пулемёт расчехлён и заряжен, люки открыты, и прямо на башне лежал спящий боец, а другой солдат сидел, беззаботно свесив ноги в люк механикаводителя, и весело болтал с симпатичными девушками. Вокруг сновал народ, кто-то выкрикивал разные лозунги типа «народ и армия едины», «мы победим!», другие таскали всё, что попадало под руку, возводя баррикады. Укрепления были не прочными, спонтанно возведенными, скорее символическими. В разные стороны торчали куски арматуры, громоздились мусорные баки, горкой лежал битый кирпич, стояли выстроенные в цепь автобусы, троллейбусы, бортовые машины.

Всюду цветные гирлянды, букеты живых и искусственных цветов. Люди пели песни, шутили, смеялись, народ настроен был победить противника. Возле старенького «ЛАЗа» тянулись две длинные очереди в обе открытые двери.

– Что тут дают? – спросил Громобоев крайнего? – Оружие?

– Да нет, идёт запись в национальную гвардию. Может быть, потом нас вооружат, – ответил молодой паренек, на вид студент первокурсник.

Эдуард на всякий случай занял очередь, но впереди было человек сто и стоять ему быстро наскучило. Капитан протиснулся поближе к входу в здание. Ворота охраняла группа милиционеров-автоматчиков и никого из толпящегося народа внутрь не пропускали.

– Мужики, где бы оружие получить, – спросил он старшего группы лейтенанта милиции.

– Да хрен тут кто что знает! – буркнул милиционер. – Нас самих вчера из Брянска привезли в помощь Ельцину, сутки бессменно на ногах, голодные, усталые, но никуда не уходим. Будь добр, не мешай, отойди в сторону. Лучше поищи кого чином постарше...

Над входом нависал массивный длинный балкон, на котором был навешен длиннющий российский флаг-триколор, стояли микрофоны; Балкон руководители обороны превратили в импровизированную трибуну. Как раз в этот момент в один из микрофонов какой-то незнакомый мужчина громко выкрикивал лозунги.

– Кто это орёт? – спросил Громобоев у соседа.

– Депутат Верховного Совета России. Фамилию не знаю. Они тут с раннего утра призывы кричали, на защиту призывают. А чего призывать? Оружие раздайте вместо лозунгов. Что толку идти с голыми руками на танки? Только героически погибнуть!? Как всегда и во всём – бардак...

– Это точно, – согласился капитан. – Оборона ни к чёрту, ни окопов, ни капониров, ни ячеек для стрельбы. Пулемётов нет, гранатомётов тоже не вижу, танк торчит на виду, без укрытия, его одним выстрелом ПТУРа подобьют! Сожгут, как пить дать сожгут в первые минуты!

– Эх, танкист, что ты нам поясняешь, – пробурчал мужчина в спецовке. – Ты иди да подскажи начальству, эти деятели спрятались в здании за нашими спинами, действительно, хоть бы вооружили. Нас разгонят и их самих ведь тоже перебьют!

– Я уже пробовал, менты внутрь не пропускают, – с сожалением ответил Эдуард.

Внезапно Громобоева кто-то крепко дёрнул за рукав. Капитан обернулся, позади него стояла смуглая молодая женщина с микрофоном и взъерошенный черноволосый мужчина с переносной телекамерой.

– Товарищ военный, можно у вас взять интервью?

– Отчего же не дать? Бери, не жалко, дам с удовольствием, – усмехнулся Эдик, вспоминая пошлый анекдот.

Девушка что-то затараторила в микрофон, на испанском языке (в училище Громобоев примерно год, но без особых успехов, пытался изучать этот язык по самоучителю), при этом активно жестикулируя свободной рукой, потом перевела вопрос на русский:

– Что вас привело сюда, на баррикады? Вы ведь военный и должны быть с войсками, на стороне ГКЧП.

Девушка сунула чёрный мохнатый набалдажник прямо к губам капитана и кивнула, мол, начинай, говори. Эдуард поправил висящую на плече на тонком ремешке скатанную плащ-накидку, и смело глядя в глазок камеры начал говорить.

– С чего вы взяли, что все военные на стороне этих реакционеров? Здесь на площади присутствует много и военных, и милиционеров, но они не в форме, опасаются увольнения из армии. И лётчики не встали на сторону путчистов, отказались бомбить и обстреливать город. Да и вон те гвардейцы-танкисты пригнали сюда свои танки.

– Как вы считаете, кто победит?

– Победит народ! Должен победить!

– Ну а если все-таки десантники и войска КГБ пойдут на штурм, начнётся стрельба? Что тогда? – не унималась журналистка.

– Будем стоять насмерть! Всё равно победа будет за нами! – высокопарно, но уверенно заявил Эдуард.

– Спасибо! Можете назвать себя?

– Отчего же нет? Могу! Капитан Громобоев, замкомандира танкового батальона.

– О! Герой-танкист! – с восхищением произнесла журналистка, проведя по орденским колодкам изящными пальчиками, и когда оператор отвернул камеру, чмокнула капитана в щёку. Эдик в ответ галантно поцеловал ей руку.

– Муча грасиас, сеньор капитано, – сказала испанка и поспешила дальше работать.

– Победа или смерть! – Громобоев вскинул в ответ сжатый вверх кулак. – Виктория эн муэрто!

Едва испанцы ушли, к Эдику подскочила симпатичная девушка с двумя взлетающими на каждом шагу тонкими забавными косичками и затараторила.

– Товарищ военный, товарищ военный! Скорее идите за мной! Я вас провожу к начальнику штаба ополчения.

Громобоев обрадовался, наконец-то он найдёт штаб и поспешил за ней. Девушка подвела его всё к тому же автобусу, возле дверей которого продолжала тесниться очередь. Рядом с кабиной стоял высокий худощавый полковник в лётной форме и что-то громко пояснял круглолицему майору. Рядом с ними теснились четверо мужчин в гражданке, но судя по выправке – тоже офицеры.

– Товарищ, полковник, – заверещала девица, – я вам нашла ещё одного офицера.

Полковник взглянул сурово на Эдуарда.

– Кто таков?

– Капитан Громобоев, зам командира танкового батальона.

– Полковник Пшеницын, Олег Валентинович – отрекомендовался полковник, – начальник штаба ополчения. А это майор Федотов, мой заместитель. Командир самообороны полковник Юшенков убит в Белый дом на совещание. Мы представители движения «Офицеры за демократию».

– Чтобы не было недомолвок, я адъютант Военно-политической Академии, – строгим голосом назвался Федотов. – Я хоть и политработник, но я на этой стороне баррикад. Меня зовут Андрей.

– Прекрасно, я тоже замполит! – усмехнулся Громобоев, – и тоже, как и вы не с той стороны.

Федотов радостно улыбнулся коллеге и ободряюще потрепал по плечу. Снова взял слово полковник.

– Товарищи офицеры, нас тут всего несколько человек военных, остальная толпа сугубо гражданские, которые не смыслят ничего в военном деле. Поэтому я вам ставлю задачу, попытаться хоть немного оборудовать позиции по защите передовых рубежей. Капитан, слушай мою команду: бери отряд из пятидесяти человек, вот тебе список, – с этими словами полковник Пшеницын сунул Эдуарду бумажку с длинным перечнем фамилий. – Сейчас подъедут машины с завода «Серп и молот», привезут противотанковые ежи, надо установить их

на всех прилегающих дорогах. По выполнению доложить! Я буду находиться тут на связи в автобусе.

– Есть! – ответил капитан Громобоев и приложил руку к козырьку фуражки.

К нему сразу подступил молодой мужчина в лёгкой серой ветровке, в котором Эдуард узнал попутчика в самолете.

– Игорь!

– Ага! Я назначен командиром летучего отряда, присвоено звание сотника национальной гвардии. Я ведь сугубо гражданский, работаю в оборонном НИИ инженером, а вы будете наш военспец!

«Забавно», – подумал Эдик и улыбнулся. – «Всё как в гражданскую войну, опять военспецы, главное не расстреляли бы по окончании боевых действий!»

Капитан велел нестройной толпе строиться в колонну по четыре. Мужики дружно загалдели, засуетились.

– Равняйся! Смирно! Шагом, марш! – командовал Эдуард построившейся дружине, и отряд дружно зашагал следом за капитаном на выход с площади. Они выбрались через проход в баррикаде, и Громобоев объявил перекур. Мужики задумчиво закурили, тихонько переговариваясь, и делясь друг с другом тревожными новостями и своими размышлениями. Никакой паники и страха у этих людей Эдуард не заметил. Видимо отбоялись своё! Вскоре подъехали четыре бортовых «Зила» с противотанковыми ежами в кузовах, и подъемный кран. Капитан указывал куда сгружать, ополченцы растягивали металлические сооружения, в шахматном порядке перегораживая дальние подступы к баррикаде, на расстоянии примерно ста метров от неё.

Наспех сваренные из швеллера и рельс ежи, по полтора-два метра высотой и довольно тяжёлые на вес имели внушительный вид, казалось их сделали по старым военным чертежам обороны Москвы от фашистов. Громобоев не только командовал, но и сам брался за дело.

– Отлично поработали, – удовлетворённо сказал капитан Игорю-сотнику через час после начала работы. – Танкам тут не пройти, идем к следующему перекрёстку.

Отряд добровольцев вновь быстро построился и бодро зашагал в указанном направлении.

Выполнив первое задание, ополченцы ближе к вечеру вернулись на ужин в расположение. Возле автобуса какое-то частное кафе

развернуло импровизированную полевую кухню: раздавали чай, кофе, бутерброды, сосиски. Тут Громобоев вспомнил, что с раннего утра ничего не ел.

– Чай и бутерброды капитану, – закричал бойцам заботливый сотник Игорь.

Один из ополченцев, парень богатырского телосложения метнулся к раздаче, расталкивая руками недовольно ворчащий и толпившийся у столов народ.

– Как линию оборону создавать и налаживать, то вас нет, – ругался бравадный ополченец, – а как кухню подогнали, так не протиснуться! Уступите дорожку бойцу, я кому сказал!

Расторопный парень вскоре вернулся к командирам, получив фронтовой паёк, они сели втроем на поребрик, расстелив спортивную газету на поваленный столб и разложив на неё бутерброды. Едва Громобоев успел съесть хлеб с колбасой, как к нему примчался запыхавшийся адъютант Федотов.

– Приятного аппетита, господа-товарищи! Эдуард, хватит трескать колбасу! Бегом за мной!

– Андрей, не шуми! Я лишь успел первый бутерброд в рот засунуть, – начал оправдываться капитан. – Боевая задача выполнена, по распоряжку ужин.

– А я и одного не успел! Потом поедим, новое срочное задание! Жизнь или смерть! – зашептал на ухо Федотов. – Тут такое дело, не знаю с чего и начать...

– С начала, а можно и с конца... – пошутил капитан.

– На нас выдвинули бригаду ОМСДОн из Фрязино! Знаешь кто это такие?

– Примерно...

– Отдельная бригада милиции специального назначения для борьбы с беспорядками. Спецназ! Настоящие головорезы, мясники... Они уже на подходе к Белому дому! Перед ними стоит задача очистить площадь от мирного населения и подготовить территорию к штурму Дворца. Надо их остановить каким-то образом.

– Как мы безоружные их остановим, Андрей? – огорчился Громобоев, – у меня кроме плащ-накидки через плечо ничего! А лучше бы на нём висел автомат и на поясе подсумок.

– Оружием тут дело не решишь! Автомат или два – только спровоцирует погром и массовую бойню. Они нас в капусту покрошат! Будем пытаться убеждать. Надо командира бригады затащить

в Белый дом на переговоры, а там его обработают, уломают, будь уверен!

Федотов, Эдик и ещё один подполковник в гражданской одежде поспешили по дорожке между густого кустарника на возвышенность, откуда нарастал гулкий шум.

Едва они взошли на пригорок, и прошли мимо высоких кустов, перед ними открылась довольно угрожающая картина. Неорганизованная толпа гражданских стояла перед строем закованных в броню милиционеров и громко уговаривала их отступить, и не сражаться с народом. Первый ряд штурмового отряда в касках и бронежилетах, прикрывшись с большими щитами и с дубинками в руках, угрюмо и напряженно молчал. Достаточно было одного провокационного броска камня в их сторону и началось бы кровавое месиво.

Позади первых рядов отборных почти двухметровых милицеевских спецназовцев, стояли колонны бойцов вооруженных автоматами. Время от времени кто-то давал команду, и строй с грозным и громогласным рявканьем бил дубинками в щиты. Народ, толпившийся перед спецназом, в нерешительности отступил метров на пятьдесят. Трое военных парламентёров вышли вперед и направились искать старшего по званию.

– С кем могу говорить? – спросил майор Федотов. – Кто командует передовой линии?

– Капитан Гареев! Я командир роты! – ответил один из милиционеров. – Что вам нужно?

– Кто-то поглавнее, например комбриг!

– Тогда вам нужен полковник Табуев, – предположил милиционер. – Но захочет ли он с вами, мятежниками, общаться?

– Передайте ему, что я прислан Президентом России Ельциным и вице-президентом генералом Руцким.

Ротный скомандовал бойцам, воинственно настроенные милиционеры перестали стучать дубинками и умолкли.

Безоружные офицеры стояли лицом к лицу перед угрюмым мрачным строем, а спецназовцы сверлили глазами парламентёров, в готовности по первой команде растерзать смутьянов. Пока что такой команды не поступало, и они не рыпались, хотя у некоторых заметна была, несмотря на свирепость на лицах некоторая растерянность в глазах, ведь они ожидали встретить кучку бунтовщиков, а тут народу собралась примерно стотысячная толпа.

«Решительны они или растеряны, это дела не меняло, затопчут за считанные секунды», – размышлял Громобоев, под ложечкой неприятно посасывало, и в икрах была некоторая неприятная дрожь. Эдуард нашел в себе силы для самоиронии: – «Начался синдром Наполеона, поджилки уже затряслись».

Один из самых крупных и свирепых бойцов рассмотрел орденские планки на груди Громобоева и уважительно спросил:

– Товарищ капитан, случайно не в спецназе служил? Афган?

– Да нет, пехота. А что? Тоже бывал там?

– Так точно! Асадабадская бригада...

– Понятно, я был в сто восьмидесятом, рейдовый батальон.

– Иконостас хороший, видать довелось многое повидать?

– По всякому..., – ответил Громобоев и решил продолжить разговор, чтоб соседние бойцы слышали, ведь нужен было наладить контакт с этими карателями. – Давно в бригаде?

– Сразу после дембеля, с восемьдесят восьмого...

– Наверное, хорошо платят?

– Так себе, и получку как обычно на месяц задерживают...

В разговор вступил адъютант Федотов, он попытался провести первоначальную пропагандистскую работу.

– А что же вы против законной власти идете? И здесь в доме правительства первый избранный Президент России.

– Да мы не против, – ответил другой боец. – Сейчас не поймёшь кто законный, а кто нет. Нам велят, мы идём. Приказ...

– Ельцин вчера указ подписал разрешающий не выполнять преступные приказы, продолжал адъютант. – Подумайте, раскиньте мозгами, начальники подставят под статью, сами в сторону, а вас потом по судам затаскают.

– Да мы и так все время думаем, не дураки! – буркнул «афганец». – Кто ж хочет народ в кровавую кашу метить? Мы же не фашисты! Вы с комбригом поговорите, попробуйте. Он хоть и горячий осетин, но с пониманием.

В этот момент в сопровождении группы офицеров появился крупный и мордатый полковник в широченной форменной фуражке на голове «а-ля Пиночет». Большие воспалённые глаза комбрига были слегка на выкате, белки налиты кровью и своим видом он напоминал свирепого быка.

– Я полковник Табуев, командир бригады! Кто хотел меня видеть? – тяжёлым басом спросил начальник.

– Полномочные представители штаба обороны Белого дома, – представился Федотов. – Скажите, с какой целью бригада прибыла к Белому дому?

– Для поддержания порядка и недопущения анти Конституционных действий. Анархию мы пресечем и не допустим беззакония! – резко ответил пучеглазый полковник.

– А те, кто вас сюда послал, соблюдают Конституцию? – вступил в полемику с полковником Андрей Федотов. – Президента СССР они изолировали и силой удерживают.

– Я не уполномочен вступать в переговоры с первым встречным! – возразил полковник Табуев.

– Мы парламентёры! Товарищ полковник, с вами хотят встретиться Президент России, вице-президент и председатель Правительства России. Мы гарантируем вашу безопасность и готовы к ним проводить. Даю слово офицера!

Полковник переглянулся с двумя другими полковниками, они коротко посоветовались, Табуев что-то тихо приказал ротному, и капитан выкликнул двух бойцов-громил. Одним из охранников назначили ветерана-афганца из Асадабада.

– Что ж ведите, поверю вашему слову, – согласился полковник. – Со мной пойдет мой заместитель и два спецназовца.

– Не беспокойтесь, всё будет в порядке, – заверил комбрига Федотов и распорядился: – Эдуард, иди на два шага впереди нас, раздвигай народ, следи за разными сумасшедшими, не подпускай ни кого близко, чтоб обошлось без провокаций.

Эдик и подполковник в гражданке, словно ледоколы начали руками раздвигать нервничающий народ, освобождая проход.

– Товарищи, пропустите! Граждане, расступитесь! Делегация к Ельцину! Не мешайте движению, не толпитесь!

Зеваки нехотя расступились, но из гущи людской кричали разное, кто приветствие, кто брань, а кто даже выкрикивал угрозы. Девушки всё норовили всучить полковнику-спецназовцу цветы и одной это удалось. Комбриг принял букет гвоздик и крепко зажал в кулаке. Наконец делегация добралась до решетки перед входом во дворец.

Дежуривший там милиционер запросил по рации непосредственного начальника, на зов прибежал суетливый майор не по форме, без фуражки, и увёл спецназовцев во дворец. Парламентёры не пустили внутрь, и они остались ждать спецназовцев за воротами. Прошло

долгих два часа, наконец-то появились довольные и улыбающиеся начальники.

– Товарищ полковник! Что вы решили? Уводите бойцов от площади? – с тревогой и одновременно надеждой в голосе спросил Федотов.

– Генерал-майор, – поправил его Табурев. – Я назначен заместителем министра внутренних дел и отвечаю за порядок на внешнем периметре. Проведите меня, пожалуйста, назад к бригаде!

«До чего же всё удачно сложилось! Угроза кровопролития и многочисленных жертв миновала!» – обрадовался Громобоев известию, что угроза штурма миновала. – «Повезло этому полковнику! Да и он мужик не промах, оказался в нужное время и в нужном месте!»

Глава 11. Победа

Глава, в которой наш герой испытывает пылкую влюблённость, почти сразу же теряет эту новую любовь, и возвращается в часть триумфатором.

Солнце скрылось за крышами зданий, быстро стемнело, но народ продолжал бурлить и митинговые страсти не утихали и, ни кто не расходился по домам. Один за другим выходили на балкон ораторы, политиков сменяли артисты. Интереснее всех выступил известный юморист Хазанов.

«Вот здорово – заодно побывал на бесплатном концерте!» – мелькнула легкомысленная мыслишка, и Эдуард продвинулся поближе к балкону.

Однако после полуночи, защитники умаялись, разбрелись по углам, падали спать вповалку на клумбы и газоны, дремали сидя на парапетах, прислонясь, друг к другу. На дальних подступах вокруг площади стояли посты и дозоры, горели костры, а у костров пели песни. Всюду ходили патрули, следили за порядком.

Майор Федотов пригласил Громобоева в салон автобуса на постановку задач. Все тот же сухощавый полковник Пшеницын велел командирам убыть в свои районы обороны, проверить обстановку, выставить посты и распределить людей им на смену. Напомнил о бдительности и возможных провокациях.

Громобоев поспешно вернулся к противотанковым ежам. Там его встретил заместитель Игорь, он похвастался, что на костре уже приготовлен фронтовой ужин, и товарищи его заждались.

– Как обстановка, товарищ командир? Что нового слышно?

– Пока все напряженно, никаких новостей, но теперь с нами милицейский спецназ! Командиры бригады получили новые звания, и перешли на сторону народа!

Эдик вкратце рассказал о недавнем довольно опасном приключении, совсем не привирая и не приукрашивая миновавшую угрозу. Ополченцы обрадовались очередной победе, дружно закричали ура. Один предложил отметить это дело, «вспрыснуть»...

– Никакого спиртного! Чтоб ни грамма в рот не брали! А то вдруг коммуняки затеют какие-то провокации, и вы на них во хмелю поддадитесь. Лучше пейте чай! Выпьем хорошенько после победы!

Эдуард установил порядок смен на постах, оставил за себя заместителя и вернулся к автобусу, доложить руководству обстановку.

«Хоть бы рации выдали! Что за бардак! Никакой связи, бегай каждый раз туда-сюда», – возмущался Громобоев.

В автобусе он доложил Федотову и Пшеницыну о положении на периметре и посетовал на отсутствие связи.

– Да я уже Ющенко раза четыре говорил об этом, и он ходил и просил станции у милиционеров. Как об стенку горох! – возмущался полковник. – Заперлись за стенами дворца и никаких контактов. Чёрт бы их там всех побрал...

– А что там внутри происходит? Что слышно нового?

– Что происходит? Как всегда в таком скользком деле как дворцовый переворот – министерские должности раздают и высокие посты делят! Идет противостояние и перетягивание нужных людей, кто кому больше посулит, кто кого перекупит. Но вроде бы перевес сил плавно перевешивает нашу чашу весов!

Громобоев слушал, хмурился, размышлял. Майор Федотов на минуту умолк, а затем внезапно заговорщески подмигнул и предложил: – А давай Эдуард, дёрнем чуток, для согрева и за удачу!

Адъютант вынул из портфеля бутылку настоящего армянского коньяка и нарезанный кусочками сыр. Рядом с ними из темноты внезапно материализовалась знакомая по дневным ополченческим делам девчушка с косичками, и из глубины салона подтянулся офицер-связист, одетый по гражданке. Громобоев достал из дипломата «хвост» солёной горбуши.

– Вроде бы положено к водочке, но иной закуски нет...

У девушки нашлась шоколадка, а у старшего лейтенанта, как у настоящего связиста была припасена фляжка со спиртом. Разлили коньяк по пластиковым стаканчикам, сдвинули их тостуя.

– За победу! – коротко произнёс майор Федотов и опрокинул содержимое в себя.

– За новую счастливую жизнь! – пискнула девушка.

Эдик зажмурился, немного подержал ароматную жидкость во рту, оценив знакомый вкус, и цокнул языком.

«Эх, в своё время в Афгане я этого божественного напитка выпил немало! Да, было времечко...» – подумал Громобоев и протянул свой стакан Андрею за добавкой.

Связист предпочёл пить спирт, да и Федотов тоже оказался не гурманом, и не любителем роскошной жизни, перешёл на то, что покрепче, поэтому «Арат» достался Эдику и девушке с косичками.

Второй гост выпили за свободу, третий – за погибших, а четвёртый – девушка предложила за любовь. В небесно-голубых глазках этой миловидной девчонки разгорячённой коньяком плясали чёртики.

– Капитан! А давай на брудершафт? – предложила она Эдику.

«Почему бы и нет?» – подумал капитан, кровь в нём закипела, забурлила. – «Ох, и до чего же хороша эта юная чертовка!»

В Громобоеве проснулись мужские инстинкты, трудно сказать хорошие или нет, но в общем, пробудились желания. Скрестили руки, выпили и, не закусывая, сблизилась лицами. Девушка решительно обвила рукой Эдика за шею, притянула к себе поближе, крепко впиалась в его вмиг пересохшие от волнения губы своими сочными губами, и он упёрся своей грудью в её молодые, острые и упругие груди. До чего же это был сладкий поцелуй, коньячно-шоколадного вкуса, длившийся несколько минут.

– Хочу ещё! – выдохнул восторженно капитан, восстанавливая сбившееся дыхание, разливая последние капли коньяка в стаканчики. Он искал глазами собутыльников, но они за эти несколько поцелуйных минут куда-то исчезли, словно растворились. Молодцы! Мигом поняли создавшуюся ситуацию – настоящие офицеры.

Возбужденные сладким и нежным поцелуем они быстро допили оставшийся коньяк, и потом вновь поцеловались, не менее сладко, чем в первый раз, и тут Эдик не выдержал и зачем-то спросил:

– Тебе сколько лет?

– А какая разница? – усмехнулась девушка поправляя косички.

– Слишком молодо выглядишь. Восемнадцать-то есть? Не хотелось бы мне превратиться в гнусного растлителя несовершеннолетней...

– Не бойся, дяденька! Мне уже двадцать! Какой ты смешной, лучше бы имя спросил...

Капитан покраснел, чувствуя что ведёт себя довольно глупо. Зачем попусту болтать, когда надо действовать... И Эдик начал действовать. Конечно, его немного смущала обстановка, полный автобус со спящими на сиденьях усталыми людьми, правда их просторное заднее сиденье возле двигателя было пустое, и дверь закрыта, но всё же...

Чуть впереди громко сопела пышная молодуха, весь день составлявшая списки добровольцев, далее храпел водитель, чуть сбоку прикорнул старичок, далее в полумраке лежали на каждом сиденье другие, не видимые и невольные свидетели. Но страсть взяла верх, разум капитулировал и бравый капитан выбросил белый флаг.

В принципе девчонка сделала всё сама, почти без участия партнёра. Сама приподняла юбочку, сама стянула трусики, сама расстегнула Эдику брюки, пошебуршала там пальчиками и шустро оседлала. Громобоев самостоятельно лишь скинул китель и сорвал с себя галстук. Первый раз был бурным и яростным, довольно быстрым и тут же без перерыва Громобоев пошёл на второй заход.

– Ого! Да ты у нас долгоиграющий! Какой молодец, не то, что мой...

– Кто твой? – непонимающе, переспросил Эдик, но девушка жарким поцелуем заткнула ему рот и томно прошептала:

– Потом! Потом поговорим, не останавливайся...

Восторженные вскрики и стоны она гасила укусами губ, уха и воротника, да ещё острыми коготками царапала рубашку, хорошо хоть спину оставила без следов.

«Молодая, но до чего же горячая штучка!» – мелькнула мимолётная мысль в разгорячённом сознании.

Обоюдная страсть бушевала и кипела минут пятнадцать, пока не выплеснулась наружу без остатка совместным стоном. Громобоев немного выдохся и расслабленно привалился к окошку. Девушка тоже чуть отстранилась, часто и хрипло дыша. Эдик уже пришёл в себя, захотелось с ней поговорить.

– Ты обмолвилась о чём-то и сказала, мол, потом...

– О своём парне..., бывшем... Мы с ним вчера расстались, разошлись на идейной основе. Этот придурок мне заявил, что он за порядок! За ГКЧП! Да я скорее умру, чем ему снова дам! Козёл!

– Ну, ты даешь... – усмехнулся Громобоев.

– Наоборот, ему больше не даю! Даю только своим! – хохотнула голубоглазая и чмокнула капитана в нос. – Я пошла на баррикады, а он сидит как дебил у мамочки в квартире перед телевизором, пьёт пиво и надеется, что одумаюсь и вернусь. Подлый трус! Было бы к чему возвращаться... лентяй и скорострельщик... А вот ты мужчина хоть куда! Хоть и старичок, но вполне ещё молодец!

Эдик возмутился такой несправедливой оценкой своего возраста.

– Нахалка! Нашла старичка! Да какой я тебе старик? Мне всего-то скоро будет тридцать три! Чувствую, что я тебя уже люблю!

– Не бросайся словами! Но как забавно и символично, что у тебя возраст как у Иисуса Христа! О, ты моё неутомимое божество! – засмеялась девчушка.

– Соблазнительница! Наделали мы дел, – начал трезветь и пытаться оценить ситуацию Эдуард. – И ведь не предохранялись же...

– Ничего страшного! Рожу от героя нового героя! Я видела твои орденские планки – орёл!

– А как хоть тебя звать-то? Фамилию скажи...

Девчушка закрыла рот капитана тонкими пальчиками и шикнула.

– Какая разница? Можешь называть меня хоть Светочкой, хоть Ирочкой. Главное дело, я знаю твоё имя и фамилию, если что... то отчество у него будет...

– И все-таки? Назовись...

– Замуж взять собрался что ли? Не смейся мои тапки! Пусть я для тебя останусь таинственной незнакомкой. Лучше обними меня покрепче, да сделай мне приятно ещё разок, а потом укрой своим кителем...

Громобоев проснулся с первыми лучами солнца и прищурился. Начал с трудом вспоминать былую ночь – привиделось спьяну или произошло реально? Скорее всего, всё реально, потому как, скосив глаза, увидел, что на его животе покоилась пшеничная головка со смешными косичками.

У капитана вновь там, где надо, всё вновь ожило и зашевелилось. Однако было уже светло – неприлично затевать новое хулиганство, вот-вот проснутся соседи. Эдик аккуратно освободился из-под симпатичной головки спящей шалуньи, подложил ей под щечку свой портфель и пошёл умываться. Возле автобуса стоял термос с водой, и на ручке висела жестяная кружка. Он достал из несессера щетку,

почистил зубы, ополоснул лицо и в этот момент услышал восторженные вопли с балкона-трибуны.

– Друзья, победа! Руководители ГКЧП арестованы!

Громобоев подбежал поближе и стал жадно ловить свежие новости. Соседи сообщали ему о последних событиях прошедшей ночи.

– Крючков и Пуго застрелились! И Ахрамеев покончил жизнь самоубийством – повесился!

– Язов сдался, а остальные бежали кто куда.

– Да нет, и Янаев арестован, – возразил другой гражданин. – Блокада дворца в Форосе уже снята, за Горбачёвым послан правительственный самолёт, и он скоро прилетит в Москву.

Громобоев постоял под трибуной примерно час, а потом поспешил в автобус поделиться новостями со своей ночной подружкой. Однако сиденье было пустое, только в углу лежали аккуратно свёрнутый китель и плащ-накидка, портфель, сверху них фуражка, а рядом пара выпавших невидимок и забытая расчёска. Китель чуть слышно приятно пах запахом тела девушки и ароматом её духов. Увы, хрустальный башмачок под сиденьем не валялся. Но всё равно, минувшая ночь была фантастически бесподобной, жаль, что красавица исчезла из реальной жизни как сказочная принцесса, почти как золушка...

Эдик долго расспрашивал проснувшихся пассажиров революционной ночлежки и сновавших вокруг автобуса ликующих граждан, не видели ли симпатичную девчущку с косичками, ночные соседи многозначительно и загадочно улыбались, но ни кто не смог ему ничего толком сказать и подсказать. Капитан подождал её примерно час, потом потолкался среди ликующей и празднующей толпы ещё пару часов, то и дело, возвращаясь к автобусу, но ночная фея так и не появилась. Видимо умчалась праздновать с какой-нибудь компанией молодых «карбонариев» победу над путчем...

Победа над ГКЧПистами теперь была уже полной и окончательной, заговорщики сдались, войска уходили из города, народ ликовал и праздновал. Пришла пора возвращаться на службу в Германию. Громобоев отправился на Белорусский вокзал, купил билет на берлинский поезд, затем по тройной цене приобрёл у таксиста-спекулянта бутылку коньяка, и сидя в пустом купе, в одиночку, потихонечку праздновал победу, вспоминая и перебирая и прокручивая в памяти события прошедших нескольких сумасшедших дней, и прекрасную незабываемую ночь с таинственной незнакомкой...

Глава 12. Реванш проигравших

Глава, в которой наш герой наталкивается на неприязнь командиров, попадает вновь в госпиталь и лишается должности.

Громобоев прибыл в гарнизон в приподнятом настроении: задание командования он выполнил успешно, никого из бойцов не потерял в дороге, отметки в командировочном стояли, расписки о передаче солдат лежали в портфеле. Капитан продолжал мысленно переживать минувшие дни, и особенно ту страстную бурную ночь с юной голубоглазкой с косичками. Сердце радовалось победе демократии над путчистами, хотелось петь и танцевать, и не идти пешком, а бежать и скорее поделиться радостью с друзьями и сослуживцами, ведь тут в Германии все наверняка в неведении, так как отрезаны от жизни страны и ничего толком не знают.

Эдуард наскоро пообщался с женой и дочкой, и поспешил с докладом в полк. По пути ему попался помощник начальника штаба по кадрам. Майор-строевик уставился на невиданный до селе значок на лацкане кителя капитана – красно-сине-белый триколор, усмехнулся и негодобрительно покачал головой.

– Смело! Да это ведь белогвардейский флаг?

– Темнота! В стране победила демократия, коммунисты уже не при власти. Это флаг свободы. Вы что разве здесь ничего не знаете?

Майор замахал руками на Громобоева.

– Всё мы прекрасно знаем, да и про твои «подвиги» многое известно, видели, как ты вокруг Белого дома с автоматом бегал, баррикады строил.

Громобоев опешил, с чего они это выдумали про оружие? Откуда узнали, что он был на баррикадах?

– Кто выдумал такую чушь про автомат? Кто меня видел?

– Тебя по всем немецким телеканалам показали, нахальный такой стоишь перед Белым домом, и на плече висит автомат. Говорил, что будешь сражаться до последнего... Наш командир взбеленился, ведь накануне Кудасов и Статкевич телеграммой поддержали ГКЧП! И не только они одни, все части Западной группы войск подписали воззвание в поддержку путча. А потом, вчера ночью, задним числом телеграфировали о поддержке нового правительства и до утра все

компрометирующие секретные документы уничтожали, а Возняк в парткоме сжигал учётные карточки коммунистов, опасается начала репрессий. А чего ему суетиться, сегодня уже пришла директива нового Министра обороны о роспуске партийных и комсомольских организаций и реформировании политорганов в воспитательные структуры. Ну а ты как я вижу, первым прочувствовал момент и оказался в нужное время в нужном месте. Теперь твоя карьера явно пойдёт в гору.

– Значит, говоришь, начальники по телику меня видели? – опешил Эдуард. – А я-то думал, вы в полном информационном вакууме и не знаете о том, что творится в стране.

– Наши советские телеканалы действительно молчали, но ведь немцы подробно транслировали события в реальном времени и по всем программам. Так-то вот, революционер!

– Насчёт моего карьерного роста как знать, как знать..., – неуверенно хмыкнул Громобоев. – Посмотрим, как дела обернутся дальше...

Статкевич встретил Громобоева в служебном кабинете с плохо скрываемой прохладцей, и даже скорее с неприязнью.

– Ах, как всё неожиданно-негаданно случилось, что делается! Страна летит в пропасть, всё рушится! Говорят, что и с вами на родине за неделю много интересного приключилось! Да, как жизнь нас лихо закрутила. Многое и в армии переменялось, пока вы товарищ капитан были в командировке. Всех нас, политработников, сейчас вывели за штат, и будут переаттестовывать на новые должности.

Замполит полка внимательно смотрел в глаза Громобоева пытаясь уловить его реакцию. В этот момент в кабинет вошёл командир полка. Полковник Кудасов окинул хмурым взглядом капитана, и не здороваясь, велел Статкевичу заглянуть к нему через пять минут. Замполит кивнул и продолжил тянуть кота за хвост и нудить.

– Наслышаны и о ваших подвигах. Кстати, на завтра назначено совещание по поводу реорганизации и нас всех вызывают к начальнику политотдела. Вернее сказать к начальнику отдела воспитательной работы... Сегодня прилетает комиссия из Москвы в Вюнсдорф во главе с руководителем администрации Президента России. Случайно не знакомы с таким Сергеем Филатовым? Не встречались на баррикадах? – осторожно уточнил Статкевич.

– Нет, не знаком, – ответил капитан. – В сам дом правительства я не был не вхож, а вот противотанковые ежи устанавливал и со спецназом вёл переговоры.

– Понятно. Жаль, что не знакомы вы с новым главой администрации Президента России, этот новый комиссар будет решать судьбу командования округом и политорганов. Возможно, и к нам заедет с коллегами по комиссии, чтобы встретиться с соратником по борьбе, ведь вы у нас теперь звезда телеэкрана, герой дня!

– К чему ирония?

– Никакой иронии, – протестующее замахал руками замполит. – Главная задача не допустить «охоты на ведьм»! Мы ведь все рядовые политработники, офицеры, выполняющие приказы. Боюсь эти триумфаторы, опьяненные победой, могут дров наломать.

– А всё ведь могло повернуться иначе? Да? Тогда была бы развёрнута охота на других «ведьм»? – испытующе посмотрел в глаза замполиту Эдуард. – Зачистили бы недовольных?

– Ладно, идите, работайте..., – Статкевич уклончиво промолчал на вопрос, и вяло махнул рукой, – мне сейчас надо идти к командиру полка. Встретимся завтра в Намбурге на совещании...

По пути в батальон Громобоев зашёл в партком и сделал то, о чём думал и мечтал уже пару лет – выложил, молча партбилет на стол секретарю. Подполковник Возняк принял его, так же молча, но в глазах читалась неприязнь, почти ненависть. И всё же секретарь парткома не выдержал.

– Бежим? Предаём партию?

– Это она предала нас и всю страну. Разрушила семьдесят лет назад великую державу...

Возняк скрипнул зубами, поиграл желваками, но не стал вступать в дискуссию, промолчал.

В батальоне Эдика ждали с нетерпением, услышать рассказ из первых уст. Особенно ликовал при встрече Гусейнов.

– Вах, молодэц!!! Эдик, ты настоящий джигит! Как я хотел быть рядом с тобой на баррикадах! Я был в тебе уверен, герой!

Комбат Дубас был не столь восторжен и умерил пыл Хайяма.

– погоди ты кричать и визжать! Сейчас политотдельцы ходят как побитые собаки, вернее как нашкодившие коты, натканные мордой в дерьмо, но думаю, что Эдуарду ещё отольются эти кошкины слёзки...

Сослуживцы выставили на стол две бутылки «Наполеона», отметить благополучное возвращение блудного замполита, и заодно устроили поминки по коммунистической партии. Особенно горевали оба Иван Ивановича.

– Я столько лет взносы платил! Куда они подевались? – восклицал начальник штаба Иванников, – и как дальше страна сможет жить без коммунистического стержня?

А Бордадым деланно страдал и ехидно сочувствовал своему соседу по лестничной площадке – секретарю парткома Возняку.

– Значит ты ему партбилет на стол? Ой-ой! И он смолчал? А кабинет ещё не отняли? Как же бедняга парторг теперь будет жить? Он мне каждый день говорил, что с именем Ленина на устах ложится и с этим же именем встает. Говорил, что сросся с партией пуповиной! А ты её взял, вжик, словно ножиком и обрезал...

Утром политработники на грузовом «Урале» крытом тентом прибыли в штаб дивизии. Злющий полковник Касьяненко без предисловий начал визг о наступивших гонениях.

– Мерзавцы! Всего три дня как в стране новая власть, а уже поднята антикоммунистическая истерия, политработников пытаются ущемить в любых мелочах. Вчера у меня персональную машину отобрали! Начальник автослужбы заявил, что «УАЗик» мне больше не положен по штату. Но ничего, будет ещё на нашей улице праздник. Коллеги, единомышленники! Я уверен, мы переживём этот сложный период, надо только набраться терпения! Хотя... Хотя и среди нас есть отдельные экземпляры...

Громобоев понял, что речь пошла именно о нём.

– Встаньте капитан Громобоев, покажитесь всем!

Эдуард гордо и без тени смущения встал в центре зала, он и не думал бояться или стесняться.

– Полюбуйтесь на него! Это же надо умудриться и отчебучить такое: служить в Западной Группе войск и суметь оказаться на баррикадах в Москве! Расскажите, капитан, поделитесь с нами опытом, а то мы отстали от жизни, не в ногу шагаем...

– Ну, это вы сами сейчас сказали, что отстали и не в ногу шагаете, не я придумал, – ухмыльнулся Громобоев.

– Наглец! Молчать, мерзавец! Я пока ещё полковник и смогу тебя поставить на место и призвать к порядку!

– Я не мерзавец, сам мерзавец, – невольно вырвалось у Эдика. – Я тоже не позволю себя оскорблять – кончилась ваша власть! Да был я на баррикадах, находясь проездом в Москве из командировки на Дальний Восток. И познакомился со многими руководителями новой России!

Эдуард тут чуток соврал, чтобы припугнуть и без того перепуганного злобного полковника, пусть напоследок не кусается...

– Выйди вон из зала, капитан! Пугать он меня будет! Да ты хоть с Ельциным вместе пей, а мне насрать! Уволю! Вышлю в Россию!

– И вы не пугайте меня Родиной, – огрызнулся Громобоев, покидая зал совещаний. – Себя пугай ею...

Выходя из помещения, он побродил по штабу, встретил знакомых штабных и от них услышал удручающие вести, оказывается прибывшая делегация из Москвы не нашла никакого криминала в деятельности руководства Группы войск, полностью одобрила действия и оставила на посту Главкома Матвея Бурлакова и его заместителей. Вот так фрукт оказался этот Сергей Филатов! Демократы боятся связываться и раздражать военных? Или их уже купили на корню? Неужели новый «мерс» подарили?..

По дороге в гарнизон в машине стояла гнетущая тишина, политребята сидя на лавках помалкивали, дружно переживали за должности. Статкевич, тоже ни слова не сказав, ушёл в штаб, ни с кем не простившись, явно назревали репрессии. А раз новая власть чисткой армии не займется, провинившиеся в своё время начальники быстро поднимут головы. Громобоев вкратце рассказал комбату о случившемся на совещании, тот посочувствовал, но что он мог сделать супротив руководства.

– Понимаешь в чём дело, пока ты катался по стране и строил баррикады, меня выдвинули на должность заместителя командира полка, а вместо меня назначают Иванникова. Так что теперь тройной Иван будет новым комбатом. Приказ подписан командармом, но в полк ещё не привезли, поэтому ввязываться в скандал мне сейчас не резон, тем более ваша замполитовская ядовитая гидра, даже умирая, всё ещё может смертельно ужалить.

– Эх, вы бы слышали, как сегодня визжал Касьяненко! Как он топал на меня ногами...

– Представляю... ты же теперь идейный враг! В принципе тебе надо бы залечь на дно на пару недель, переждать бурю. В отпуск уехать или в госпиталь лечь. Говорят, что документы на увольнение из армии на твоего «любимого» Касьяненко уже оформлены, он после поражения путчистов сам рапорт написал об отставке, и вот-вот его в Союз отправят. Он и месяца не продержится...

Громобоев поморщился как от острой зубной боли. Прятаться когда твои единомышленники победили – бред!

– Можно конечно сначала в очередной отпуск на месяц уйти, а потом сразу лечь в госпиталь, мне травматолог велел прибыть на профилактику осенью...

– Это хорошая идея! Правильный выход из создавшейся щекотливой ситуации... Отдыхай, полечись, пройдет месяц-другой и о тебе забудут. Подавай сейчас же рапорта, а я подпишу. Но отдых чуть позже, завтра с утра выезд на вождение, будешь старшим на препятствиях. Отдых отложим на пару дней...

Утром механики батальона погрузились в машины, а Бордадым пригласил Эдика в свою «техничку», составить компанию.

– Пока суть, да дело, мы с тобой на рыбалку сгоняем! – Сказал Иван Иванович и с подозрением спросил. – Ты рыбак?

– Нет, но не откажусь рядом посидеть, или за удочку подержаться, или помочь стакан держать...

– А чего мне с удочкой помогать, ты лучше мне компанию составь в выпивке! Я прихватил четыре банки пива и бутылку шнапса. А то одному – какая рыбалка? Я разве алкаш пить сам с собой? В самом деле, не с бутылкой же чокаяться? И тебе для здоровья полезно, кинем плащ-палатку на травку, полежишь, подышишь, природа знаешь как нервы успокаивает!

«И то верно! Давно я не отдыхал на природе», – подумал Громобоев. – «С войны не был на рыбалке и не смотрел на воду, спокойно про себя размышляя. Все дела и заботы, суета-сует».

Погрузились и двинулись в путь. Зампотех указывал рядовому Колюванову дорогу, и вскоре «ЗИЛ» привёз Бордадыма и капитана на живописный пруд, заросший ивняком и камышами.

– Никанор, глуши мотор, накрывай стол в тенёчке под ивой, и можешь отдыхать, – распорядился Иван Иванович.

– А тут клюёт? – с сомнением спросил Эдик. – Немцы, поди всю рыбу выловили...

– Да ты что! Немцы не мы, они народ дисциплинированный, рыбёшку меньше десяти сантиметров обратно в воду выпускают, – пояснил Бордадым. – Каждый рыбачёк сидит у воды с линейкой, поймал – замерил. Большую в ведро, маленькую – обратно в озеро.

– И ты тут что-то выловил? – не поверил Эдик. – Почему-то я ни одного рыбака не вижу...

– Увидишь, тут есть клёв, да ещё какой! – заверил Бордадым. – Я тут вот такого сома поймал!

И с этими словами майор развел руки широко в стороны, демонстрируя метровые размеры добычи. Но Эдик, с улыбкой свел ладони майора чуть назад.

– Ври, но хотя бы наполовину...

– Да ты шо! Я же честно! И щук тут ловил, и сазанов, и карпов! Весом больше чем на два килограмма.

Эдик махнул рукой и не стал спорить, а про себя подумал:

«Ладно, пусть врёт, если ему это доставляет радость! Для меня, действительно, главное воздухом подышать и на травке полежать...»

Бордадым забросил в воду одну донку, потом вторую, взял в руки спиннинг и принялся подсекать. А Громобоев помог по хозяйству Кольванову: положил водку и пиво в прохладную озёрную воду, сам сел в тенёк под дерево, на плащ-накидку расстелил газету, разложил огурцы, помидоры, хлеб, вскрыл банки бычков в томате, шпроты в масле.

«Уж не знаю как насчёт живой рыбы, а консервированная у нас всегда под рукой и в избытке», – подумал с усмешкой и прилёг на палатку.

Внезапно Громобоеву показалось что за ними наблюдают – кто-то невидимый сидел в просвете между камышами, на песчаном плесе, на противоположном берегу. Эдик прищурился, всмотрелся, приложил ладонь ко лбу. И точно – есть один наблюдатель – кот! Огромный серый большеголовый котяра пристально смотрел на рыбаков. Возможно, это был даже не домашний зверь, а европейский дикий лесной кот. Говорят, что и в густонаселённой Европе такие экземпляры ещё встречаются.

Кот поначалу сидел и не двигался, потом лениво почесался, затем подпрыгнул и поймал кого-то в воздухе, то ли бабочку, то ли муху и, в конце концов, лениво улёгся в траву. Бордадым окликнул Эдика, предложил выпить по одной охладившейся банке пива. Символически стукнулись, пожелали здоровья друг другу, отвлеклись, и Громобоев перестал наблюдать за незванным гостем. И тут Иван Иванович поймал небольшого окушка.

– Я же говорил! – обрадовался майор, бросая рыбку в ведро с водой. – Давай теперь за удачу по пятьдесят граммов! С почином нас!

Вскоре снова клюнула рыбёшка и майор подсёк окуня побольше.

– Стоп! А где первый? Ты куда ту мелочь девал? – спросил с подозрением зампотех. – пожалел и выпустил? Ты что, защитник природы?

– Иваныч, не городи ерунду! Я ведь в стороне сижу, а ведро возле тебя! Может, она выпрыгнула?

Майор покачал в недоумении головой, выплеснул половину содержимого ведра и бросил крупного окуня в воду чтобы не задохся. Клёва какое-то время не было, Эдик снова прилёг на палатку и принялся рассматривать плывущие по небу облака. Было тихо, спокойно на душе, что он задремал. Проснулся капитан от грубого и яростного мата Бордадыма.

– Ты погляди! Опять пойманной рыбы в ведре нет!

– Я прикемарил, не усмотрел, – честно признался Эдик и огляделся в поисках того, кто мог украсть рыбу. Но никаких немецких озорующих мальчишек поблизости не было, как не было и других рыбаков. Только на том берегу продолжал сидеть в камышах серый котяра. Вернее, он не сидел, а по-прежнему лежал, блаженствуя, широко развалившись на солнышке.

– Может это вон тот хищник ворует? – предположил Эдик.

– Да ну, скажешь тоже. Да он же чистокровный немец, цивилизованный, ленивый и закормленный, – отмахнулся Бордадым. – Ладно, не беда, поймаю ещё...

Вскоре майор вытянул из пруда очередную мелочь, саданул её башкой о край ведра, чтоб не выпрыгнула, а Эдик стал следить за соседом-зрителем, устроившимся на той стороны пруда. Кот некоторое время внимательно посмотрел на рыбаков, потом вдруг встал, потянулся, и ушёл в камыши. Но не прошло и пяти минут, как он вдруг очутился за спиной Бордадыма. Этот хитрюга, крадучись тихо и осторожно полз по траве, затем быстрая короткая перебежка, и вот он уже у ведра. Котяра встал на задние лапы, заглянул внутрь, пошурудил в воде лапой, подцепил когтями добычу, хватя её зубами и бежать!

– Стой! Иваныч, грабят! Лови его! Держи!

– Кого держать?

– Кота! Это тот котяра, с противоположного берега!

Однако было поздно, жулика след простыл. Опять ни кот, ни рыбы. Вскоре этот серый пройдоха вновь появился на противоположной стороне. Кот сыто облизнулся и вновь нагло уселся наблюдать за рыбаком. Иван Иванович всё-таки умудрился поймать для себя большого леща, примерно килограмма на три, но сразу поставил ведро поближе к импровизированному столу, под присмотр Громобоева, смотал удочки, и они окончательно приступили к трапезе и выпивке. Кот уяснил, что с люди рыбалкой покончили, потерял интерес к пруду и любованию природой и убрался восвояси...

Полтора месяца отпуска пролетели быстро, как известно, отдыхать – не работать! Семья Громобоевых вновь совершила вояж по родственникам и друзьям, истратив не менее получки на подарки. Вернулся в полк в октябре, как и наметил, сразу лёг на плановую реабилитацию. В Ваймарском госпитале Эдика встретили как родного, в офицерской палате медленно выздоравливали старые знакомые: рыжему Юрке вынули спицу, старлей Олежка «суп-набор» все ещё был прикован к койке и никак не мог встать на ноги, переживал, что комиссуют по здоровью. Остальные соседи были незнакомые – ещё двое разбившихся на машине в нетрезвом виде молодых лейтенантов, этих сразу после выписки должны были отправить домой как нарушителей дисциплины. Госпиталь довольно сильно опустел, ведь две дивизии уже вывели и расформировали, осталась последняя, Намбургская, плюс штаб армии.

Громобоев был искренне рад вновь увидеть Ануфриенко. Однокашники, насколько позволяли застарелые травмы крепко обнялись, разговорились.

– Слышал? Вчера назначили нового командующего! Какой-то генерал-лейтенант Исаков, – поделился последними служебными новостями Юрка, служивший в бригаде материального обеспечения армии, и находившийся в курсе всех штабных новостей.

– Исаков? Василий Иванович?

Эдуард обрадовался возможной встрече с генералом. Как здорово, ведь новый командарм, можно сказать бывший однополчанин!

– Вроде бы да. А что, знаком с ним?

– Шапочно, – ответил Эдик и рассмеялся. – Он у меня комдивом был в Афгане. Золотой мужик! Умница, интеллигент, порядочен, не хам, как большинство начальников.

– Эге, хватит привирать! И какое знакомство может быть у капитана с генералом? Даже шапочное. Наверное, крепко тебя когда-то вздрючил?

– Да нет, Юрок, он лично руководил нашим спасением по радиосвязи, когда душманы часть моего батальона в горах в районе Горбанда окружили: нас было всего тридцать пять, а духов больше двухсот. Бились весь день, до самой ночи, боеприпасы кончились, а потом нас снежная буря спасла, накрыла горный хребет, замела вершину, которую мы удерживали, и духи ушли. Я с генералом по связи говорил несколько раз, он всё никак не мог поверить, что в роте нет ни раненых, ни убитых. Недоумевал, зачем скрываем

потери, всё равно выяснится после спуска вниз, а у нас были только обмороженные бойцы...

Капитан отвалился на подушку и умолк, вспоминая тот давний бой, который был вроде бы в далёком прошлом, но стоило закрыть глаза, а перед тобой вновь отчётливо возникают идущие в атаку мятежники и дико оружие на ломаном русском: шурави сдавайся...

Эдуард потряс головой, прогоняя страшное видение. Да, минувшая война никак не отпускала, и снилась примерно раз в неделю, а то и чаще.

Со следующего дня Громобоев активно начал лечение: сдал анализы, ему сделали рентгеновские снимки. Начальник отделения расспросил о самочувствии, о службе. Узнав о продолжительной командировке на Дальний Восток, выслушав подробный рассказ обо всех своих перипетиях, крепко обругал капитана, сказав, что Эдик мог застудить или повредить спину. Доктор даже рассвирепел и написал жалобу начальнику медицинской службы армии на неправомерные действия командования полка, могшие повлечь резкое ухудшение здоровья окончательно не выздоровевшего пациента.

– Они своим бездушным отношением могли приковать тебя навсегда к постели! Ты хоть бандаж носил?

– Так точно! Всё время был закован в корсет.

– Чудак ты на букву «м»! Здоровье одно и жизнь одна! Хочешь провести остаток дней лёжа на диване?

– Приказали и поехал...

– А вешаться или стреляться прикажут? Выполнишь?

– Выбор был один: или в командировку или домой. Больные в Западной группе войск не служат, не нужны...

– Эх, совсем люди потеряли голову от этой проклятой валюты! – воскликнул доктор-подполковник. – Одни немецкие марки на уме! Ладно, иди, и лечись...

Капитан начал ежедневно посещать физиопроцедуры, массажи, тщательно выполнять в спортзале предписанные упражнения, добросовестно соблюдать режим. Лишь изредка удавалось выпить по банке пивка с Юркой, вспомнить курсантскую юность.

Прошло три недели, состояние здоровья заметно улучшалось, тупые боли в позвоночнике прекратились. И тут свалилась новая беда. Внезапно в госпиталь заехал Ивана Иванович Бордадым и сообщил неприятнейшее известие – в батальоне совершено ЧП! Солдат

изнасиловал солдата, да и не только одного, а ещё двоих из других батальонов.

– Наш солдат? – ужаснулся Эдик. – Кто?

– Наш! Эргашев! Козлина он эдакая! Мало ему баб? Молодые немочки из деревеньки, соседствующей с полигоном, всегда и с удовольствием нашим бойцам дают! Самолично, когда дежурю по полку и туда по ночью с проверкой приезжаю, то из под солдатских кроватей этих малолетних шлюшек вытаскиваю регулярно!

– И что теперь будет?

– Не знаю. Не полк, а сборище пидорасов, блин! – негодовал Бордадым. – Боец этот Чумаков, смазливый такой, женственный, тощенький – и впрямь мечта педиков! В общем, они в каптерке развлекались, а дежурный по полку их застал. Чумаков заявил, что совершалось насилие, а позже те два других бойца тоже написали заявления в военную прокуратуру. Эргашева пока посадили на полковую гауптвахту. Иван Ивановича комбатом только назначили, поэтому ему никакого строгого наказания, просто выговор. А ротного, взводного и старшину отправляют домой. Тебя, Эдик, вроде бы тоже планируют высылать...

Громобоев растерялся от свалившегося как снег на голову неприятного известия.

– Что же делать? – спросил он у самого себя. – Я ведь и забыл, когда в батальоне толком работал, больше чем полгода в отрыве от людей: то госпиталя, то отпуск, то командировки...

Бордадым в ответ лишь выматерился, обругал проклятых извращенцев, пожелал скорейшего выздоровления и уехал в полк.

Эдик впал в прострацию. Как быть? Как выкрутиться из создавшегося неприятного положения? Ведь семья сейчас к отправке не готова: денежных резервов не запасли, растратили в отпуске, машину для отъезда не купили.

– Твою мать! Без вины виноватым меня сейчас начальники сделают в отместку! – ругался Громобоев.

Юрка выслушал рассказ приятеля и посоветовал:

– Подойди к начальнику отделения и попроси разрешения позвонить.

– Куда?

– В Нору!

Надо пояснить, чтобы было понятно читателю, штаб армии размещался в населённом пункте с забавным для русского человека названием Нора. Ударение в этом слове можно было ставить, как захочешь,

по обстоятельствам, и это являлось предметом многочисленных шуточек, типа: «спрятались в нору, забрались в Нору»

– Звони Командующему! – наседал Ануфриенко на Эдика. – Сам говоришь, что он ведь какой-никакой, а твой боевой товарищ!

– Неудобно...

– Зато очень удобно будет, получив двадцать четыре часа на сборы, домой уезжать! Звони, кому говорю!

Громобоев помялся, но переломив гордость и поборов смущение, обратился к терапевту. Подполковник выслушал, посочувствовал, лично дозвонился до приёмной командующего и передал трубку Эдуарду.

– Кто спрашивает генерала Исакова? – поинтересовался порученец.

– Капитан Громобоев. Зам командира батальона 232 танкового полка. Я с командующим армии в прошлом в Афгане служил.

– Что вам нужно?

– По личному делу...

В трубке затихло, порученец спросил по селектору генерала, не прошло и минуты, как сам Исаков ответил.

– Слушаю тебя капитан!

– Здравия желаю товарищ командующий!

– Здравствуй...

Эдуард вкратце изложил свою ситуацию с травмой, госпиталями, отпусками, командировками и прочими смягчающими ситуацию обстоятельствами.

– Поэтому, товарищ генерал, я своей прямой вины в данном происшествии не вижу...

– Будь моя воля, вас всех к едреней-Фене выслал бы, да из армии вдобавок погнал бы! Начальнички! Докомандовались! Ладно, учитывая твои личные обстоятельства и боевое героическое прошлое, оставляю тебя в полку...

Громобоев разволновался, даже голос дрогнул. Эдику захотелось сказать что-то тёплое бывшему комдиву, поинтересоваться здоровьем, но как-то было неудобно, и единственное, что пришло на ум, спросить о встрече однополчан.

– Товарищ генерал, вы на той неделе в Москву, на встречу ветеранов дивизии ездили? Много народу было?

– Гм, хм! – генерал даже закашлялся от неожиданности. – Ты из какого полка?

– Сто восьмидесятый! Первый батальон, замкомбата.

– А-а, да! Отличный был батальон, боевой! Хорошо помню вашего усатого комбата Пустырника. Как же ты так оплошал капитан?
– Я же говорил, меня в полку толком больше полугода не было...
– Эх, а на встрече побывать в этот раз мне не довелось... А жаль...
Ладно, поговорили..., свободен!

Ануфриенко с нетерпением дожидался Эдика в коридоре.

– Ну, что сказал Исаков?

– Оставил!

Юрка обнял Громобоева здоровой рукой и громко воскликнул:

– Я же говорил! Новый командующий хороший человек! Настоящий мужик!..

* * *

Итак, репрессии пока не состоялись, и высылка домой отложилась на некоторое время...

Глава 13. Понижение в должности

Глава, в которой наш герой начинает службу в новой должности, и участвует в судебных процессах.

Долечиться так и не удалось, да и какая может быть реабилитация, когда само твоё пребывание в Германии висит на волоске. Травматолог был недоволен, но согласился с доводами Эдика, велел написать рапорт о досрочной и добровольной выписке, но взял слово, что капитан ещё придет, когда сможет долечиваться. Однако не судьба была ему ещё разок полежать на мягкой больничной койке, уже через два месяца госпиталь в срочном порядке расформировали и вывели в Россию.

В полку навалились неприятности, наконец-то Кудасов и Статкевич затаившие давнюю неприязнь, смогли поквитаться и хоть немного, но отомстили наглому зарвавшемуся капитану.

– Мы уже хотели Вас откомандировать домой, – начал бубнить Статкевич, уставившись на Громобоева своими бесцветными глазами. – Однако, у вас появились высокие покровители, вы даже самому командующему жалуетесь...

– Не жалуюсь, а доложил о готовящейся несправедливости...

– Если у вас нечистая деформированная совесть, и вы считаете это в порядке вещей, пусть будет так. Пусть командующий оставил служить в Германии, но мы вас использовать на прежней должности не можем, – продолжил с ехидцей замполит. – Нам нужен замкомбата способный заниматься боевой подготовкой, а у вас регулярно спина болит: госпиталь, отпуска по болезни... Предлагаем занять вновь созданную должность офицера по правовой работе. Предупреждаю, должность с понижением, капитанская, будете проводить административные дознания, работать с прокуратурой и судом. Ваши преступники, вам и разгребать то дерьмо, что накопилось... Через месяц в Ваймаре будет проводиться показательный судебный процесс. Суд открытый. Из Москвы адвокат приедет, представитель Комитета по защите прав военнослужащих. Готовьтесь, не оплошайте. Сдавайте свои дела, должность замкомбата примет бывший секретарь комитета комсомола полка.

«Понятно, для кого мою должность приготовили!» – подумал Эдик. – «Этот проныра всё переживал, что с ликвидацией комсомола его отправят домой, видимо хорошо подсуетился...»

«Дослужился...Теперь у меня есть отдельный кабинет!» – размышлял Эдик без особого энтузиазма и радости, перенося вещи в помещение бывшего полкового музея советско-германской дружбы. Музей ликвидировали, как только Германии объединились, и закончилась показушная дружба и братство по оружию. Переселение было не сложным: несколько тетрадок, ручек, стопка бумаги. Предложил бывшим сослуживцам чаще заглядывать в гости, те в ответ просили не забывать, заходить покидать камни в шиш-беш.

Переоборудованное музейное помещение капитан делил с бывшим секретарём парткома, тот стал психологом полка. Это была тоже вновь созданная майорская должность, и подполковник Возняк занял её тоже с понижением. Итак, два лишенца в репрессированном музее – забавно!

Идейный марксист Сергей Филиппович, со вздохом снял со стены красный флаг, бережно упаковал в чемодан, а Громобоев прихватил на память флаг ГДР, а с ним в придачу несколько значков, памятных монет и молоток геолога – больше в музейном хламе ничего не заслуживало его внимания.

Громобоев завёл несколько журналов: учета происшествий, травм и профилактической работы. Но самой реальной работы как таковой

почти не было. Он фиксировал травмы, собирал объяснительные у пострадавших, возил отписки в Намбург и Ваймар. Практически каждый день Эдуард мотался то в дивизию, то в штаб армии. Командование экономило на билетах, поэтому туда капитан ехал на машине с медиками или тыловиками, а обратно как правило, на попутке с немцами. Эдуард успешно освоил навыки автостопа. Капитан выходил на окраину города, и обычно голосовал час-другой. В конце концов, какой-нибудь сердобольный немец или немочка подбирали русского капитана и подбрасывали до места. Бывало, что приходилось делать и пару пересадок. В дороге общался по мере возможности, улучшал мизерные навыки в языке, обогащал словарный запас.

Однажды его подхватил банкир из Бремена, который ехал открывать новое отделение своего банка в соседнем городке, проездом через Цайтц. Банкир знал английский и лишь несколько русских слов, в основном неприличных. Но в английском языке Громобоев был не силён, поэтому в пути они с трудом разговаривали на сложной смеси.

Однажды скучающего на трассе капитана подобрала симпатичная, можно сказать обворожительная немочка, словно сошедшая с обложки глянцевого журнала. Пока ехали Эдик украдкой косился на её голые коленки, немка замечала взгляды и улыбалась. Как же в этот момент Громобоев пожалел, что знает всего несколько десятков немецких слов, и ничего в его лексиконе не было амурного. Ах, как ему хотелось её уговорить. А, может быть, не надо было и слов, а требовалось только проявить решительность?..

Помимо бумажных дел Громобоеву поручили руководить компьютерным кабинетом. С этим кабинетом вышла забавная история. Немцы затеяли программу переподготовки советских офицеров для мирной жизни в свете грядущего сокращения армии. В одних гарнизонах организовали курсы менеджеров, в других автомехаников, в Цайтце решили наладить обучение азов программирования. В полк прибыл преподаватель – прыщавый парнишка лет под тридцать семитской внешности, но с фамилией славянской – Петров. Молодой человек был эмигрант во втором поколении. Начальник гарнизона предоставил педагогу квартиру, кормёжку в офицерском кафе, выбрали помещение – пустующий третий этаж над солдатской столовой.

Вскоре приехал фургон, под завязку загруженный коробками с аппаратурой и два инженера-наладчика. Немцы три дня монтировали электрику, делали разводку и прокладку кабелей питания,

установили на столы огромные телевизоры, Петров называл их мониторами, под столами расставили железные коробки – системные блоки.

Зампотылу полка майор Зверев вручил Эдику ключ, чтобы он закрывал и отпирал металлическую дверь в компьютерный класс. Отпрыск эмигрантов надменным тоном заявил, что оборудование очень дорогое, каждый комплект стоит тысячу марок – берегите! А всего их в классе установили двадцать комплектов. Помимо компьютеров для учащихся привезли мощный компьютер для преподавателя и большущий ксерокс. Немцы смонтировали сигнализацию и вывели её на пульт начальника караула.

Руководству требовалось назначить материально ответственного за всё это дорожущее хозяйство, и выбор командира полка пал на Громобоева, мол, все равно правоведа делать пока что особо нечего, раз в неделю поездка в прокуратуру и раз в неделю в суд. Пусть бдит и следит за имуществом.

Эдуард расписался за приём класса под личную ответственность, закрыл класс, опечатал, и сдал караулу под охрану. Группа обучаемых только формировалась – начало занятий по плану через два месяца. Первым в этот список Громобоев внёс себя, следующим записался комполка, затем все замы, их жены, и далее пошли звонки от штабных. Число желающих учиться росло, за неделю достигло пятидесяти человек. А компьютеров всего двадцать! Как быть?

– Хоть шестьдесят! – махнул рукой преподаватель, – вряд ли все они будут ходить. Срабатывает советский стадный инстинкт...

Громобоев неодобрительно посмотрел на эмигранта, но полностью с ним согласился:

– Конечно, каждый хочет попробовать работу на диковинной аппаратуре, на клавиши понажимать, но регулярно сидеть на занятиях начальники, понятное дело, не станут!

Петров попрощался с Эдиком, сказав, что контракт у него на три месяца, но денег ещё не поступало, а учёба откроется весной.

Тем временем зампотылу полка затеял ремонт в столовой и в проходном коридоре вокруг компьютерного класса. Громобоев беспокоился, как бы солдаты не надумали днём взломать охраняемое только ночами помещение, поэтому предпочитал днём находиться именно там.

Он однажды столкнулся с зампотылом и спросил, зачем делать ремонт, если полк через полгода выводится?

– Мы же должны немцам помещения передать! – ответил майор Зверев. – С нас за состояние казарм строго спросят...

– Я уже видел один такой гарнизон, никому там ничего не нужно. В итоге всё будет брошено и разграблено.

– Зато мы оприходуем много материальных материалов и спишем, – цинично и откровенно ответил тыловик.

До Эдика сразу дошло, что начальство под видом ремонта опять расхищает крупные средства.

В эти же дни в Ваймаре начался крайне неприятный для Громобоева судебный процесс – впервые за всю службу судили его подчинённого. Судебное заседание намечалось провести быстро, за три дня. Из Москвы прибыла суровая дама средних лет с роскошной причёской и в вызывающе ярком костюме. Подсудимого Эргашева доставили в наручниках, под конвоем разведчиков из гарнизонной тюрьмы, а Эдуард привёз из полка троих пострадавших.

Когда машина остановилась на улице перед зданием гарнизонного военного суда, Громобоев выбрался из кабины и с любопытством огляделся: мрачное здание армии явно досталось по наследству ещё от фашистского военного трибунала или имперского городского суда. Свастику сменили на серп с молотом, но следы её на фронтоне оставались заметны. В остальном, наверное, особо ничего не поменяли, ведь судебные системы двух тоталитарных государств, были примерно одинаковыми.

Заседание вёл седой подполковник, за столом вместе с ним восседали два народных заседателя прапорщика. Один из заседателей чернявый и мордатый прапорщик постоянно позёвывал и клевал носом. Судья хмурился, ему был неприятен и сам процесс, и резонанс вокруг него. Адвокат подсудимого – прибыл из Казахстана. Он добросовестно отработывал деньги затраченные на него семьей Эргашева: зачитывала положительные характеристики из школы и техникума, ходатайства о снисхождении из администрации аула и из правления колхоза.

Первый день ушел процессуальные формальности и на оглашение экспертиз: медицинских и психиатрических. Вроде бы все бойцы вменяемые, но почему-то поступали как умалишенные. Потерпевшие были какие-то деградировавшие моральные уроды, забытые деревенские парни, из неполных семей, росли без отцов. Они несли всякую чушь, что даже общественная правозащитница не выдержала и взяла слово.

– Я прибыла обличать армию, а вас защищать от насилия и поругания, но что я слышу из уст мужчин?! Какой-то детский лепет. Женщина,

когда её пытаются изнасиловать – сопротивляется, бьётся до смерти! А вы? Что сделали вы? Сопротивлялись? Нет! Он кого-то из вас бил?

– Он сказал, если не сниму штаны и не встану на колени, то он меня избьёт! – тихо произнес Чумаков. – Угрожал...

– Но даже не ударил? – удивилась правозащитная дама.

– Но ведь он говорил, избью, и ткнул кулаком в грудь...

Остальные потерпевшие в своих показаниях, тоже говорили в основном лишь об угрозах избияния.

– Обещал избить...

– Мы мылись в душевой, и он сказал, если я не стану с ним делать... это самое... то он говорил – убью...

Правозащитница была в шоке, она не знала, что и сказать. Дама заклеила позором и преступника, и потерпевших, заявила, мол, вы не мужчины, но и не женщины, а гораздо хуже... вы какое-то нечто среднее – «оно»...

Прокурор просил десять лет, но судья дал Эргашеву семь лет общего режима и бывшего военнослужащего отправили по этапу в независимый Казахстан. А потерпевших бойцов, вначале положили в госпиталь, на психиатрическое обследование и вскоре, по-тихому комиссовали. По состоянию здоровья...

До этого гнусного происшествия третий танковый батальон был на хорошем счету, но теперь его всячески поносили и на совещаниях упоминали только с худшей стороны, тыкали носом нового комбата Иванникова, и каждый раз заодно вспоминали Громобоева. Офицеры психовали, особенно злился Иван Иванович, да и Эдик нервничал, но приходилось терпеть, а что оставалось делать. Как не крути, всё одно – виновны. Однако вскоре в полку случилось другое происшествие, затмившее мужеложество.

Как-то ближе к ужину к полку примчалось несколько полицейских машин, которые блокировали въезды и выезды из городка. Служители закона и раньше частенько устраивали облавы на подвыпивших офицеров, которых тянуло на подвиги, ведь русские лихачи в невменяемом состоянии регулярно садились за руль. Командование обычно прилагало титанические усилия, улаживая проблемы с немецкими законами. В гарнизоне изменили правила хранения транспорта. Теперь в первый же день после приобретения машины, комендант гарнизона её арестовывал, и ставил на полковую штраф-стоянку. Офицеры и прапорщики по мере сил саботировали этот приказ, прятали машины

на немецких улицах, попадались, наказывались, и эта борьба шла с переменным успехом. Но в этот раз было явно что-то другое. Две полицейские машины блокировали автопарк и почему то не пропустили внутрь военный самосвал.

Шеф полиции и его помощник прибыли в кабинет командира, туда же вызвали переводчика и зам командира по тылу Зверева. Этот молодой холёный майор, был ровесником Громобоева, ему едва перевалило за тридцатник, а он уже успел окончить академию! Беседа длилась несколько часов, а в полку тем временем росло недоумение и недовольство наглым самоуправством со стороны немцев.

– Наглые реваншисты! Проклятые НАТОвцы! – возмущаясь, брюзжал бывший парткомовец Возняк. – Совсем обнаглели, едва только переметнулись в ФРГ! Скоро ходить будем по разрешениям – устроит гетто!

Эдик слушал его в пол уха, потому что писал отписку по травме и не реагировал на восклицания новоявленного психолога, тем более, что у них с бывшим парторгом-путчистом отношения не складывались, не было ничего общего. Внезапно пронзительно зазвонил телефон. Капитан снял трубку, выслушал и поспешил на выход.

– Ты куда помчался, словно на пожар? – встрепенулся Возняк.

– К командиру, – пояснил капитан, хватая со стола фуражку.

В кабинете Кудасова стояла напряжённая тишина. Один немец писал протокол, второй немец курил, вальяжно развалившись в кресле, вместе с ним нервно курили Зверев и Статкевич.

– Капитан Громобоев! Немедленно вызвать вот этих прапорщиков к вам в кабинет! – Кудасов толкнул по столу листок бумаги со списком фамилий. – Скажите им, пусть пишут явку с повинной!

– Какую повинную? А по какому преступлению? – попытался уточнить Эдуард.

– Они знают! И пусть не вздумают запираться! Чистосердечное признание облегчит им... В общем быстро! Бегом! И арестованного немцами прапорщика Зверлинга пусть приведут ко мне в кабинет.

Майор Зверев вскочил и тоже ринулся на выход.

– Куда! – рявкнул командир. – Сидеть!

– Я на склад! Уточню размеры хищений.

– Раньше надо было следить, майор Зверев! – комполка побагровел словно помидор. – Развели в гарнизоне зверинец! Зверев, Зверлинг... Чую темные и втихаря воду мутите. Но разберёмся и всех сурово накажем!

Зверев что-то нечленораздельное промычал в ответ, а Кудасов велел толмачу-артиллеристу старшему лейтенанту:

– Переводчик, ты толком и подробно переведи немцам мои слова.

Эдуард вышел в коридор и начал читать список фамилий: начальник склада КЭС, командиры взводов обеспечения батальонов, начальник бани. Послал к подозреваемым посыльных, но никого не нашли, все попрятались. Старшим на задержанной машине был бывший подчинённый прапорщик Зверлинг, но и он куда-то из-под немецкого ареста умудрился сбежать. Отвлек внимание, сиганул через забор, и был таков!

Громобоев вернулся в музей и продолжил писать отчёт. Не прошло и получаса, как в помещение ворвался полковник Кудасов и заорал, сильно брызгая слюной.

– Капитан, где прапорщики? Я же приказал!

– Я их вызвал, – ответил Эдуард, вставая со скамьи. – Никого нет, прячутся...

– Это я могу вызвать, а вы должны обеспечить явку! Немедленно разыскать!

Полк подняли на ноги, но провинившихся и след простыл. Оказалось, майор Зверев усадил всех жуликов в свой «УАЗик» и увёз в штаб дивизии, якобы разбираться. Только теперь Эдик толком смог узнать, что же произошло. А случилось вот что...

Каждый год осенью для нужд полковых котельных завозили уголь в брикетах. Это был не привычный для нашей России каменный уголь, а прессованная угольная пыль и крошка, овальной формы. Брикет плоские сверху и снизу. Две котельные отапливали и казармы и городок. Топили плохо, в казармах и квартирах было прохладно и сыро. Тыловики сетовали на старые, изношенные сети, мол, не хватает котлам мощности и много потерь из-за дырявых труб. Ежедневно один из прапорщиков назначался старшим на уголь, и почему-то ездили постоянно одни и те же люди. Прапорщики отправлялись на погрузку с большим удовольствием. Машина утром выезжала, к обеду привозила уголь на склад, выгружалась, снова ехала на железнодорожную станцию, и так каждый день. Рутина...

И вот однажды в полицию поступил сигнал от законопослушного немца: мол, русские привезли машину брикета и выгрузили во двор к соседу. Скорее всего, брикет ворованный! Этот Курт сквалыга, нечист на руку. Мне, конечно, всё равно, что русские продают свой

казённый уголь, если они, конечно, его не украли со склада. Но дело принципа, как же так, я покупаю тонну угля по тысяче марок, а сосед по пятьсот! Я плачу налоги, а Курт потворствует жуликам!

После этого сигнала полиция установила слежку за перевозками угля с железнодорожного склада в гарнизон. Фиксировали на видео и фото: кто и когда возит, кому возит, сколько, и почём. А по прошествии трёх месяцев, немцам надоело каждый день отвлекать сотрудников от работы, и они вскрыли всю цепочку махинаторов. Командиру полка выложили на стол пачку фотографий, копию видеоплёнки, дескать, принимайте меры! Мы своих жадных бюргеров уже оштрафовали в десятикратном размере, чтобы неповадно было покупать краденное, теперь дело за вами!

Наши тоже приняли меры. В тот же день прапорщиков уволили из армии приказом командующего, и выслали по домам. Начальник котельной уезжал счастливым – заработал на реализации ворованного брикета раз в пять больше, чем смог бы получить от честной службы армии!

А бывший подчиненный прапорщик Зверлинг уезжая, разоткровенничался, и когда тот стал стыдить земляка-сибиряка, спросил Громобоева напрямик:

– Ты веришь, что именно мы основные воры? Ты серьёзно думаешь, что мы смогли бы похитить незаметно пятьсот тонн угля? Без майора Зверева и Кудасова? Раскинь мозгами: ежедневный учет завоза угля на складе, взвешивание на весах, каждый день зам по тылу полка считает сколько машин пришло. И он не в курсе? Эдик, и ты не задумывался, почему тыл дивизии удвоил лимит на уголь перед выводом? Полк расформируют летом, а гарнизон затарили на целый год! Да ещё по двойной норме! Не думаешь ведь, что в дивизии сидят простаки?..

Восточная Германия менялась на глазах. Привычная тихая и размеренная провинциальная жизнь ушла в прошлое, на предприятиях стали случаться забастовки, в городах проходить митинги, демонстрации. На улицах городков появились новые жители – специалисты из Западной Германии, а также толпы иммигрантов. Появились турки, китайцы и даже чернокожие. Громобоев и сам крайне удивился, встретив однажды в пригородном поезде черного как вакса пассажира. Он подумал, что это заблудившийся африканец, а оказалось американский солдат – решил прокатиться на экскурсию по территории бывшей ГДР.

Минуя границы, мигрировали цыганские таборы. Немцы отвыкли от них, ведь в своё время Гитлер решил этот вопрос коренным образом, полностью истребив цыган, он теперь они появились снова, перемещаясь из Румынии и Венгрии. Цыганки в длинных цветастых юбках приставали к местным мужчинам и женщинам с гаданиями, а дети протягивали грязные ручонки и попрошайничали. Сердобольные немцы были шокированы видом босоногих детишек стоящих в снегу на коленях, и молодых чернявых девчушек с младенцами на руках, просящих о милостыне. Бюргеры подавали им на пропитание, а затем стыдливо и смущённо отворачивались и торопились уйти.

Приехали переселенческие колонии «русских» немцев из Киргизии и Казахстана. Однажды Эдик встретил двух плачущих деревенских баб, на вид типичных русских селянок, которые никак не могли сделать нужные покупки в супермаркете, потому как они ни слова не знали по-немецки. Сердобольный Громобоев проводил «новых немок» в магазин, помог с покупками, и они долго и горячо благодарили его за содействие и доброе сердце. Разговорились.

Оказалось почти пятьсот человек прибыло из Чемкента, и власти разместили переселенцев из бывшей Страны Советов в бывших казармах недавно расформированной бригады немецкой народной армии.

Кстати всех военнослужащих бывшей Немецкой народной армии, званием старше подполковника, почти сразу отправили на пенсию, а остальным дали дослужить. Солдат тоже в основном уволили в запас и при этом обе армии сократились вдвое...

Глава 14. «Хозяин» компьютерного класса

Глава, в которой капитан Громобоев получает новое ответственное задание, использует служебное положение в личных целях и покупает первую машину.

Громобоев начал было уже забывать о своем поручении, оказывать помощь курсам переподготовки, но вдруг, тут как тут появился эмигрант Петров. Он разыскал Эдика и радостно спросил:

– Вы готовы начинать учиться? Группа сформирована?

Сформировать-то её сформировали, да ведь прошло так много времени: кого-то уже отправили домой, кто-то передумал учиться.

Делать нечего, приказано, значит надо сотрудничать. Капитан вновь развесил в штабе и на КПП объявления, проинформировал офицеров на построении. В четыре часа открыли класс – собралось человек сорок-сорок пять.

Педагог Петров пустил по рядам журнал учёта, пришедшие зарегистрировались. Молодой преподаватель долго рассказывал о программе немецкого правительства, о себе, про изобретение компьютеров. Первый день занятий завершился с не включённой аппаратурой. На второй день пришло человек тридцать пять, и уже каждый увидел технику в действии: смог включить блок питания и монитор, посмотреть на светящийся экран, послушать гудение системного блока.

В третий день пришло человек двадцать, и теперь у каждого был свой персональный комп. Отсев лишних был успешно завершён, правда офицеров среди слушателей почти не было, от силы человек пять-шесть, остальные жёны и дети. А собственно, какая разница кому преподавать, главное учебный процесс и осваивание денег...

Эдик мгновенно уловил, насколько у него выигрышное положение, как у старшего объекта. Самое главное, у него был постоянный доступ к работе на принтере и ксероксе! Можно было копировать сколько угодно и что угодно! Печать текстов давалась ему тяжело – не было никаких навыков машинописи, зато Эдик легко делал копии любых документов, ведь в этом деле большого ума не надо. Поначалу его нагрузил командир полка и замполит – копировать служебные документы: отчеты, справки, донесения. Достали! Начальники вызывали в кабинет по любому пустяку, совали в руки бумажку – срочно скопировать!

Но вот однажды взводный Вася Шум спросил, можно ли изготовить техпаспорт и купчую приобретенной автомашины.

– А зачем? – удивился Эдик. – Боишься потерять?

Взводный замаялся, а потом честно признался.

– Это не мои документы, я купил «Жигули» довольно дёшево, потому что автомобиль был без документов. А как перегонять машину через границу без них?

Отказать товарищу было не красиво, тем более, что машина ведь им не украдена.

– Ладно, попробую. Ты мне запиши номер двигателя и кузова, попробуем, схимичим.

Громобоев сделал копию одного техпаспорта, заклеив строки с ненужными номерами, подтер пятна, вписал нужные цифры в те же строки, и на третьем экземпляре всё получилось более-менее достоверно.

– Здорово! – восхитился Василий. – Как настоящие! С меня пиво.

Следующий комплект документов другому офицеру был изготовлен уже за упаковку пива и бутылку коньяка. Дело встало на поток. Каждый день ходоки из обоих полков стояли перед окончанием занятий у дверей класса с бумагами и напитками, ожидали, когда уйдёт Петров, и приставали к Эдику с просьбами.

Вскоре нашлась работа сложнее – изготовление страховок на автомобили, потому что ни кто из военных не хотел оплачивать страховку за проезд по Германии – пересекаешь страну за один день, путь занимает всего триста километров, а отдать надо целую сотню марок! Подлинная страховка, которую принесли Громобоеву, была изготовлена на бумаге зелёного цвета. Что ж, это являлось проблемой, но не фатальной...

Эдуард обошёл город, отыскал в одном магазине канцелярских товаров бумагу необходимого цвета, купил пачку и дело пошло.

– Заметут ведь тебя, как пить дать заметут! – предостерег капитана подполковник Возняк, когда сам попросил Эдика изготовить комплект документов на старенькую «Волгу», приобретённую ещё при ГДР. – Посадят...

– Тогда, может не будем ничего делать, чтоб не нарушать закон? – с ехидцей спросил Громобоев. – И наша с вами совесть будет чиста.

– Да нет, будем! Чёрт с ней с совестью, потерпит! – пробурчал мрачней лицом принципиальный Возняк.

Удивительно, но немцы не поймали на подделках никого, ведь у вывших социалистических немцев копировальная техника даже в полиции ещё не появилась, поэтому им и в голову не могла прийти мысль, что русские обладают возможностями что-то делать фальшивое на высоком техническом уровне.

Громобоев и Возняк потихоньку обжили свой музейный кабинет, и по утрам частенько для тренировки мозгов играли в шахматы. Передвигая фигуры по доске, они постоянно вели бурные политические дебаты, находясь на противоположных политических позициях.

– Какая была мощная держава! Развалили страну дерьмократы, наймиты империалистов! – бубнил Возняк.

– Лично я сторонник демократию, но не получил ни копейки за развал, а вот партноменклатура и спецслужбы высосали и вывезли все золотовалютные резервы! – парировал Эдик. – Даже у вас в наличии две машины, а у меня – ни одной!

– А что сделали с армией! Полумиллионный контингент стоял в ГДР, здесь была самая мощная и боеспособная группировка! По идее, мы за сорок восемь часов должны были до Ла-Манша дойти! Первые две армии взламывали оборону противника, а вторые две добивали натовских агрессоров!

– А почему они агрессоры, если мы должны были за двое суток оказаться на Ла – Манше? – недоумевал Эдик.

– Потому! Чтобы они к нам не смогли прорваться! А теперь мелкобуржуазная стихия поглотила военных, наступило полная деградация и разложение. Хапают и хапают: машины, телевизоры, видики, шмотки. Продались за дойчмарку! – продолжал бубнить подполковник.

– Так раздайте свои вещи нищим и цыганам, – отвечал капитан.

Для бывшего секретаря парткома реалии капитализма стали тяжелейшим испытанием, он вдруг начал изучать библию, впал в последнее время в мистицизм.

– Шах! – объявил Эдик, двигая коня вперёд, и ухмыльнулся. – Так в чём проблема? Откажитесь от буржуазной зарплаты и домой!

– Мне надо детей кормить! Дочек в институт устраивать! Не ёрничай. Тебе в ответ тоже шах! Прав был товарищ Мао!

– В чём был прав великий кормчий? Вроде бы он наш враг...

– И всё равно он был трижды прав, говоря: революцию может делать только голодный народ, и армия должна быть голодной! Сытая армия, получившая доступ к благам цивилизации быстро разложилась. Теперь в умах офицеров одно накопительство!

– Сергей Филиппович, а ты заметил, на сколько, они лучше живут, чем мы?

– Не лучше! Все эти товары второсортные, они никому не нужны! То барахло, что мы скупаем у эмигрантов – никчёмная дрянь!

– Но ведь у нас и такого барахла в магазинах нет! У нас в стране в последние годы вообще ничего не было!

– И не надо! – взвизгнул подполковник. – Мне и без джинсов хорошо жилось.

«Охотно верю», – усмехнулся Эдик, вспомнив, что именно вчера вечером Возняк прогуливался с супругой в городке именно в джинсах и джинсовой рубашке. – «Обойдешься, как бы ни так...»

– Вам мат! – торжественно в очередной раз объявлял Громобоев, столкнув с шахматной доски белого короля. Капитан под нескончаемое бурчание соседа убирал фигуры и отправлялся в компьютерный класс печатать очередные липовые документы.

И вновь в выводимой армии разразился скандал, хотя от всей мощнейшей танковой армии осталась лишь неполная дивизия и несколько отдельных тыловых частей. Одна из таких частей была Айзенахская полигонная команда. А в соседнем селении сердобольный немец-старик, ветеран прошедшей войны, посмотрелся по телевизору о проблемах в бывшем Советском Союзе, о нищете и грядущем голоде среди россиян, чувствуя свою вину за своё оккупантское прошлое, закупил продукты, вещи, кинул клич по соседям, набрал разного ненужного барахла и привёз на полигон. Там он торжественно вручил гуманитарный груз майору – начальнику полигона, получил заверения, что всё будет доставлено в бывший блокадный Ленинград.

Естественно, ни в какой Ленинград полигонная команда ничего отправлять не стала, выбрали себе самое ценное, а прочее гуманитарное тряпье спихнули в враг. Гордый своим достойным поступком немец некоторое время ожидал хоть какой-то реакции от военного командования или жителей Ленинграда: письма или устной благодарности. Так и не дождавшись, приехал вновь на полигон, спросить у майора, кому в результате достался груз.

Ни майора, ни прапорщиков, ни солдат на ликвидированном танкодроме и стрельбище уже не было, а в враге он увидел свою частично сожжённую, частично разбросанную «гуманитарную помощь». Старик позвонил на телевидение, приехали журналисты, сняли на камеру, показали по телевидению. Разразился грандиозный скандал. Командующий лично поехал к деду мириться, говорить о принятых мерах по наказанию виновных. А кого наказывать? Все уже либо служат в разных независимых государствах, либо вообще уволились из армии...

До вывода полка оставалось лишь два месяца, а Громобоев умурился так и не приобрести ни одной машины. Сначала выжидал, что подешевеют, потом никак не мог решить какую взять марку машины: хотелось шведскую «Вольво», но они были дорогими. Однако, автомобили действительно немного упали в цене, особенно советские модели, ведь военных становилось всё меньше, а кому они были нужны в Германии после вывода армии? Как-то возвращаясь вечером

со службы, капитан увидел немца лет пятидесяти, переминающегося возле красных намытых до блеска красных «Жигулей».

– Продается? – спросил Эдик по-немецки.

– Да, конечно! Тысяча марок.

– Тогда продай американцам в музей, – посоветовал Эдик ему и пошёл дальше.

– Комрад! Продам за шестьсот марок...

– Пятьсот!

– Но к ней комплект резины...

– Пятьсот! – улёрся Эдик и немец побурчав, согласился. А куда деваться? Уйдут русские и этот драндулет сгниёт во дворе.

Эдик отсчитал деньги, забрал ключи, пожал немцу руку и на этом расстались. В глазах у бывшего хозяина «Лады» стояла тоска, видимо ему был очень дорог этот автомобиль-восьмилетка, по советским понятиям – совсем новая машина!

Половина дела сделана, пора писать рапорт об отпуске по семейным обстоятельствам – перегонять машину. С этим не было никаких проблем, офицеры регулярно вывозили импортные и отечественные автомобили домой, некоторые умудрились перегнать уже по пять-шесть штук, особенно старшее начальство, для них перегонщиками работали сверхсрочники и прапорщики. По слухам, командир полка владел десятком иномарок, и пару штук подарил руководству в Москву. Скорее всего, так оно и было, ведь неспроста же пришёл приказ на его перевод в другую часть, чтобы продлить службу в загнивающем капитализме ещё на пару лет.

Статкевич пришёл в музей со списком офицеров и предложил Громобоеву принять участие в складчине. Собрать деньги на подарок Кудасову, уходящему на новую должность. Помимо всего прочего полковник желал ознакомиться со списком сдавших деньги. Цена вопроса двадцать марок с каждого. Эдик даже остолбенел.

– Какой может быть подарок? За что?

– Это этикет! Так принято и всегда делается порядочными офицерами – подарок уходящему командиру... – пояснил Статкевич. – Купим командиру полка помповое ружьё.

– Я не сдам и не стану заниматься поборами с других. Мы домой, а он в Вюнсдорф и с нас ещё и подарок? Как это цинично!

– Этот демарш в знак благодарности, что вас терпели в полку целый год? – возмутился замполит.

Громобоев разозлился, покраснел и даже начал заикаться от гнева, ведь этот негодяй практически в открытую воровал, жульничал, а теперь желает подарок, да ещё и хочет проверить лояльность бывших подданных. Какая мерзость!

– Это спорно кто кого терпел, – парировал Громобоев.

– Можно ведь ускорить ваш отъезд...

– Моё слово окончательное. Попробуйте, ускорьте...

Тут в разговор вмешался Возняк, который взялся заменить строптивного капитана в этом шекотливом деле. Статкевич с ненавистью посмотрел на Громобоева и отдал список подполковнику.

– Сергей Филиппович, потом обязательно покажите его командиру, он хочет взглянуть.

Статкевич демонстративно положил двадцать марок на стол и вышел. Возняк осуждающе посмотрел на Эдуарда.

– Зачем ты так? Нехорошо, он ведь командир! Действительно, так принято...

– Я сказал – нет! С должности сняли, в ордене отказали, здоровье с вами угробил. Нахрен!

А Возняк развил бурную деятельность: посетил батальоны и роты, попросил комбатов подействовать на подчинённых, пробежался по штабным кабинетам. Кого-то просил, кому-то угрожал, но в итоге с батальонов собрал примерно по сотне, а с управленцев пятьсот. На эту выдавленную из офицеров тысячу марок Кудасову купили шикарное ружьё и вручили перед строем.

Получив подарок, полковник тщательно изучил список сдавших деньги, был неприятно удивлён, что некоторых любимчиков, лизоблюдов и прихлебателей не оказались в списке жертвователей...

Глава 15. Перегон первой машины

*Глава, в которой капитан с риском для жизни
перегоняет автомобиль на родину.*

Итак, теперь капитану предстояло совершить довольно опасное и рискованное мероприятие. Водитель из Громобоева был никакой, но права на вождение легкового транспорта имел, получил ещё на третьем курсе военного училища. А раз опыта вождения мало

и ехать боязно, Громобоев решил схитрить и не рисковать перегоном по Польше и Белоруссии, тем более, что там всюду орудовали многочисленные вооружённые банды рэкетиров, облагавших данью, отбиравших машины, грабивших и даже убивавших офицеров. За год во время транспортировки автомобилей погибло и пропало без вести больше сотни военнослужащих – велась необъявленная мафиозная война. Чего только военные не придумывали: домой отправлялись организованными колоннами, вооружались газовыми баллончиками, помповиками, топориками.

Эдик тоже прихватил музейный геологический молоток, купил баллончик нервно-паралитического газа и пневматический пистолет. Это лучше, чем ничего. Капитан договорился со знакомым прапорщиком о дармовом бензине, залил полный бак, и положил в багажник запасную канистру – до порта в Мукране должно было хватить.

Стартовал рано утром, и по пути вспоминал правила дорожного движения, восстанавливал слабые, да и те почти утраченные навыки вождения. Дорога к Мукрану была превосходной, однако мешал ремонт автобанов, который осуществлялся дорожными службами повсюду.

«Зачем они ремонтируют хорошие дороги?» – недоумевал Эдик, впрочем, этому удивлялись и остальные офицеры. – «Шикарные трассы, у нас такими даже новые дороги не бывают, а западные немцы их переделывают и ругают за плохое качество и при этом говорят, что восточные немцы за сорок пять лет разучились работать...»

Уйти морем не вышло, зря только бензин сжёг! Паром убыл накануне, а следующий должен появиться через неделю. Возле пирса стояло небольшое судно река-море с русским экипажем. Громобоев сунулся к ним, спросил куда идут, переговорил со старпомом.

– Мы на Питер идем, снимаемся с якоря ночью, – ответил моряк.

– Возьмите меня, заплачу. Пятьдесят марок. Хватит? Не хочется рисковать, на дорогах бандюки озоруют.

– Мы бы тебя, земляк, и даром доставили, и место для твоей машины найдётся, но сначала мы зайдём в Данию, на погрузку, а у тебя визы наверняка нет. Верно ведь, нету?

– Нет...

– И паспорта моряка у тебя отсутствует. А без этого никак, так что извини...

Пришлось вернуться в полк, звонить домой об изменении маршрута, и отбить телеграмму другу, просить о помощи. Громобоев вновь заправил машину и рано утром выехал теперь уже в паре с Василием

Шумом. Уговорились доехать до Бреста вместе, а там Эдика должны были встретить опытные водители: приятель, бывший подчинённый прапорщик Гонза и отец.

Первые сто километров так и прошли вместе, но потом вдруг задымил колесо. Позади «Жигулёнка» к этому моменту скопился целый караван, немцы обогнуть его не могли, так как всюду шёл ремонт дорог: с каждой стороны по одной полосе движения. Иногда ремонт кончался, и немецкие автомобилисты мчались на обгон, подавая какие-то сигналы и качая головами. В чём дело? Громобоев съехал на обочину и сразу понял свою ошибку – он забыл после предыдущей остановки снять машину с ручника! Чёрт дёрнул поставить на тормоз! Обычно Эдик этого не делал, в смысле не ставил машину на ручник, но в тот раз рядом были полицейские...

Вот досада, ещё не хватало сжечь тормоза! Пришлось постоять, чтобы колёса остыли, потерял уйму времени и Васька скрылся из виду. А потом Громобоев где-то на развилке свернул не туда и пока нашёл путь обратно Василий ещё дальше уехал вперёд. Капитан надеялся догнать его у границы, но проскочил условленное место и приехал к другому КПП.

Таким образом, преодолевая созданные самому себе трудности, к границе Громобоев добрался лишь под вечер. Немцы мельком взглянули в паспорт, поставили штамп о выезде, повертели самодельные документы – купчую и страховку, пожали плечами, вроде всё в порядке. У Эдика хоть и храбрился, отлегло от сердца. Пронесло! Пересёк границу и тут за дело взялись поляки. Таможенник, пограничник и полицейский осмотрели документы и велели захватить на штрафную стоянку. Эдик положил пачку документов на колени и поехал куда указали.

«Вот гниды! Видно что-то фальшивое учуяли в бумагах», – слегка забеспокоился капитан. И хотя особо криминальной контрабанды не было (так, по мелочи: презики, несколько кассет порнухи, таблетки «анти-полицай»), но все же внезапное внимание полиции неприятно. – «Ладно, как-нибудь да выкручусь», – понадеялся он на авось.

Громобоев припарковался, вылез из машины, достал из пакета бутерброд, банку лимонада – слегка перекусил. К нему не спеша подошли два полицейских: один постарше, другой совсем молодой.

– Документы, пан!

Эдуард пошарил по пассажирскому сиденью, где лежали бумаги, и протянул всю пачку. Полицейские повертели ксероксами, полистали паспорт.

– Пан! А права?

Эдик растерялся. Стоп! Они ведь только что были в руках у полицейских и пограничников. Возможно, они не отдали, а он не заметил? Провокация?

– На границе показывал! Возможно, я их не забрал?

– Возможно... Мы для гарантии того, что не сбежишь, заберём техпаспорт и страховку. Наша смена кончилась, вернёмся утром. За пользование стоянкой утром заплатишь пятьдесят марок. А пока пан, ищи свои права! И для начала угости пивком!

Вот блин! Забыл убрать с пассажирского сиденья две банки пива. Пришлось угостить вымогателей. Потом Громобоев метнулся к пограничникам, поляки наотрез отказались – мы все документы отдавали. И права тоже...

– Тогда где они? Я отъехал пятьдесят метров!

– Сам ищи, пан! Мы тебя в страну впустили, твоё дело ехать дальше.

Ага, ехать... без прав? И попасть в польскую тюрьму? Громобоев вернулся к машине, выложил все из бардачка – вдруг туда сунул в спешке – нету! На сиденьях пусто, в карманах – пусто, в поясной сумке – пусто! Где же они!? Капитан заглянул под сиденье – и там нет. Наваждение какое-то! Возможно, немецкий барабашка в этой машине живёт? Эдуард в отчаянии даже прошел по маршруту движения как ехал от поста и обратно – прав нет нигде! Катастрофа! Что делать? Бросить машину и идти обратно пешком? Ага, бросишь её: в ней телевизор, микроволновка, видик и прочее барахло, всё что скоплено за два года!

Капитан в изнеможении присел, облокотившись на дверцу, соскочил глаза... у порога, между сиденьем торчали права. Чёрт! Видно они так неудачно упали, когда выбирался из машины к полицейским.

Капитан от радости выдул банку пива, заел таблеткой анти-полицая, газанул и поскорее уехал.

«К чёрту! Надо гнать отсюда подальше! От этих наглых полицейских так просто наверняка не удастся отделаться. Пусть подавятся ксерокопиями, ведь у меня есть точно такие же второй и третий экземпляры! А до утра я буду очень далеко...

Итак, погнали! Газ до полика! Скорее, скорее вперед! Домой!

Дорога шла через густой лес, быстро темнело. Нога потвёрже легла на педаль газа и ниже девяноста капитан не ехал. Начал накрапывать лёгкий дождь, машина с трудом стала вписывался в повороты.

Права-то у Громобоева были, а опыта вождения минимум! Несколько лет назад он управлял своей развалюхой, именуемой «Москвич-406», да вот беда, больше её ремонтировал, чем действительно ездил.

Польские дороги были поуже и похуже немецких: разметка слабая, обочина еле видна, встречались ямки и трещины. А тут появилась другая напасть – большегрузы. Эти огромные машины-автопоезда, которых капитан прежде никогда не встречал на наших дорогах, здесь ходили в большом количестве. Одни мчались на восток, стремительно обгоняя его «Жигули», другие шли на встречу, на запад, ослепляя мощными фарами, но останавливаться нельзя было, ни в коем случае, необходимо уехать как можно дальше, пока жулики полицейские не вышли на смену и не забили тревогу. Самое трудное в пути предстояло впереди: пересечь Варшаву и не заблудиться, не застрять в пробках, не совершить аварию.

Капитану повезло, он въехал в столицу Польши на рассвете, примерно в четыре утра и за час пересек город. Эдик проехал мимо нескольких полицейских машин, стоящих на обочинах и заметил, что инспекторы спали в них крепким сном. Это хорошо, а то вдруг у них возникнут какие-то вопросы, например по знанию правил движения или претензии к навыкам вождения.

Глаза слезились и непроизвольно слипались, челюсти ломило, и они уже скрипели от позёвывания, так нестерпимо хотелось спать. Вдруг дрогу перебежал столбик ограждения, потом второй, капитан резко сбросил скорость. Перед глазами стояла пелена, солнце отражалось от гладкого полотна шоссе и оно сливалось с горизонтом.

Эдуард увидел съезд с шоссе, узкая грунтовая дорога уходила в поле примерно на триста метров. Громобоев свернул и поехал по ней, подальше от главной дороги, чтоб никто посторонний не заметил одиноко стоящей машины. Припарковавшись на обочине, он заглушил мотор, лёг на руль и мгновенно уснул.

Сон был тревожный, снились те самые польские полицейские, обыскивающие русского капитана, чудились бандиты с автоматами и обрезам, обступающие со всех сторон машину. Эдик резко открыл глаза, поднял голову – никого. Он заблокировал дверь, привалился на пассажирское кресло, так спать удобнее. Снова навалились кошмарные видения: стрельба, погоня, кровь. Капитан опять резко дёрнулся, проснулся, выпил банку лимонада и ополоснул лицо прохладной водой. Полегчало.

«Хватит дрыхнуть, в путь! – принял решение капитан. – Теперь наверняка не усну за рулём...»

Он завёл двигатель и начал задним ходом возвращаться обратно к шоссе. Через пару часов показался длинный хвост очереди для перехода польско-белорусского границы. Машины коптили воздух выхлопными трубами и медленно ползли, ежеминутно останавливаясь. Громобоев взглянул на приборы – бензина должно было хватить ещё на сотню километров.

Пограничная проверка прошла быстро, одних инспекторов угостил упаковкой пива, другим отдал бутылку «Смирновки» – легко отделался. Встречающие уже заждались.

– Ты должен был появиться вчера вечером! – начал возмущаться Гонза. – Ездить не умеешь! Где был и почему так долго?

– Гнал, как мог, нигде не останавливаясь. Вадик, хорош вопить! Я устал как чёрт и хочу спать. Везите меня в Брест, там возьму билет на обратный поезд, а вы погоните машину дальше...

Глава 16. Тяжёлое возвращение в гарнизон

*Глава, в которой наш герой возвращается
обратно в часть, опять с приключениями
и злоключениями.*

Дорога от границы была в ужасном состоянии, усеянная бесчисленными ямами и колдобинами, даже с плохенькими польскими дорогами она не выдерживала никакого сравнения. Быстро же человек привыкает к хорошему...

Эдик ругался, а Вадик лишь посмеивался в ответ:

– Это шикарная трасса, погоди, вот когда мы доберемся до территории скобарей, там будет настоящая глубокая жопа, а это лишь краешек ягодиц! Ты чего возмущаешься? Посмотри внимательнее, везде лежит асфальт...

– Вот именно, лежит, а вернее сказать присутствует. Ты бы видел качество немецких автобанов!

– Не видел и не хочу видеть! Зачем себя расстраивать, чтобы потом всю жизнь вспоминать как нереальный сказочный сон. Ты уже разбаловался, как дальше жить будешь в наших реалиях?

А действительно, как? Возвращаться домой, совсем не хотелось.

Не доезжая до города, съехали в кусты, расположились на полянке, разложили снесь, перекусили. Отец привёз свежие домашние огурцы и помидоры, молодую картошку. Эдуард мог себе позволить запить обед пивом, а перегонщики расслабятся дома – завтра.

На окраине Бреста возле автобусной остановки Громобоев вышел из машины налегке, как говорят в детективах – с вещами на выход. Сумка была почти пустой, в основном провизия и самый тяжелый груз – трёхлитровая банка домашней чачи, отец её лично перегнал из своего винограда. Продукт надёжный, проверенный, крепкий, примерно пятидесяти градусный. А может быть и все шестьдесят! К отцовской чаче прилагался круг домашней колбасы и шмат сала – это подарок из Украины от Вадика. Обнялись, пожали руки: отцу и Вадика на восток, Громобоеву опять на запад.

Билет на поезд капитан взял без проблем, потом сел на лавочку и вновь закемарил, ведь в машине удалось поспать всего часок. Но что-то путешественника неуловимо тревожило, возникло ощущение, чьёго-то пристального взгляда и сквозь сон Эдуард почувствовал, что за ним кто-то наблюдает. Чуть разомкнул веки, прищурился, так и есть – прямо перед ним стоял улыбающийся мужчина в форме, полный, круглолицый, с шикарными чёрными усами. Эта усатая морда показалась знакомой, но капитан сквозь сон плохо соображал. Ресницы дрогнули и выдали, а незванный надсмотрщик ухмыльнувшись произнёс:

– Ну, что жмуришься? Открывай глаза, хватит притворяться! Не узнаёшь старых друзей?

Эдуард с хрустом в суставах потянулся, тщательно потёр ладонями лицо, посмотрел на незнакомца, который оказался вовсе не таким уж и незнакомцем.

– Славик! Берш! – воскликнул он с искренним удивлением. – А я-то соображаю, что за рожа надо мной нависла и во все глаза тарашится! Срочно сбрить! Тебе усы идут как корове седло!

Капитан тотчас попал в крепкие объятия старого боевого товарища.

– Ты что тут делаешь, товарищ старший прапор?

– В Германию возвращаюсь из отпуска! Машину отогнал на продажу, – пояснил Бершацкий. – Мне повезло, ещё год предстоит послужить на передовых рубежах обороны России. Думаю, следующую куплю для себя, получше, а может быть и две.

– Я тоже сегодня перегнал. Гонза встретил, он машину дальше повёл. Знать бы, что ты тут отираешься, он бы сюда заехал.

– А вот этого не надо! – испуганно замахал руками Вячеслав. – И хорошо, что уехал, не то мы бы тут загуляли, и накуралесили бы. Поднимайся с лавки, вот-вот подадут состав, а нам отстать от поезда – совсем не резон!

Старые товарищи поспешили в привокзальный ресторан, выпили на ходу по пятьдесят граммов за встречу, коротко вспомнили былое, погибших, поделились известиями о дальнейшей жизни и службе однополчан.

– Давай ограничимся писюриком, чтоб не увлечься и не опоздать, – предложил Эдик, хлопнув рюмку и закусив бутербродом. – У меня с собой есть – в поезде продолжим.

Бершацкий был на это дело заводной, знал свою слабость, поэтому согласился погодить. Приятели поспешили на таможенный и паспортный контроль. Инспектор с подозрением оглядел закатанную металлической крышкой банку и спросил:

– Что это такое? Самогон?

– Какой самогон? Виноградный сок! – ответил капитан, честно глядя в глаза таможеннику, не моргнув и ничуть не смущаясь. – Детское питание!

Чиновник повертел банку в руках, потряс её, посмотрел на свет: жидкость коньячного цвета была действительно похожей на виноградный сок, тем более что на дне не виделось никакого осадка или присутствия сивушных масел.

Поморщился, но всё же нехотя махнул рукой разрешая идти дальше к пограничникам. Эх, лучше бы он её конфисковал...

Места у бывших сослуживцев были в соседних вагонах, и помяться ни с кем не получалось: соседями Громобоева были отец с двумя сыновьями, и у Славы попутчиками – семья из трёх человек. Когда миновали польскую границу, нетерпеливый Бершацкий почти сразу пришёл в гости к Эдику.

Громобоев тем временем уже успел познакомиться с общительным соседом-подполковником, служившим в отдельной бригаде связи.

Через проход на боковушках ехали два капитана: сапёра и артиллерист, а потом к их компании прибился какой-то седой майор. Он долго мотился, часто встречал в разговор репликами, пристраивался бочком-бочком, предчувствуя выпивку.

Подполковник решительным жестом выставил на столик бутылку «Наполеона» и попутчики быстро разложили закуску. Майор протянул складной стаканчик и тоже выложил на столик пару плавленых сырков и шоколадку.

— Трое суток за рулём, и не было ни малейшей возможности обмыть успешный перегон машины, — поделился подполковник. — Удачно купил шестилетнего «Форда», переживал, как бы бандиты на хвост не сели, ведь со мной был старший сын. Даже не столько тревожился за машину, сколько за него. Второй сын гостил у бабушки на каникулах, теперь все вместе возвращаемся.

Сдвинули стаканы, подполковник быстро разлил бутылку — хватило лишь на раз. Капитан-артиллерист выставил свою закуску — «Смирновку». Пригубили, что там пить на шестерых?! Попутчики выжидающе посмотрели друг на друга. Эдуард помялся и чистосердечно признался:

— У меня есть три литра чачи, но пить её нельзя! Очень крепкая, всю не осилим, а остатки выливать жалко. Вот если у кого-то была бы капроновая крышка...

— Да что нам три литра! На шесть человек! — засуетился майор с характерным сизо-красным носом и лицом в бордовых прожилках, выдающих сильно пьющего человека. — Как слону дробина...

— Слону может быть и дробина, но для нас она будет убойная. Отец гарантировал пятьдесят градусов, но я думаю, она гораздо крепче...

Видя, что продолжение банкета под угрозой, майор засуетился, полез в свои авоськи и достал литровую банку солёных огурчиков под капроновой крышкой.

— А вот и крышка, и закуска! Вскрывай чачу, будем дегустировать!

Громобоев взял у проводницы консервный ключ, откупорил банку и предупредил компаньонов:

— Заранее говорю, чтоб не было потом обид, пьётся этот продукт легко, но ощущение ног быстро потеряете, ослабеете и завтра во Франкфурте не встанете! По личному опыту знаю и за ваше самочувствие не ручаюсь...

Майор самонадеянно махнул рукой:

— Плевать, мне ехать до Берлина, выплюсь...

– И мне в Берлин, – ухмыльнулся Берш.

– А я вообще до Вюнсдорфа, – усмехнулся подполковник. – Как-нибудь с помощью сынков поднимусь...

Капитанам надо было в Дрезден, они, как и Эдик должны были сойти посреди ночи во Франкфурте. В итоге попутчики легкомысленно отнеслись к предупреждению Громобоева.

Видя, что компания загорелась, и не остановить, Эдуард махнул рукой и разлил по стаканам «нектар». Событьельники оценивая вдыхали аромат, чокнулись, и выпили, обратно с шумом выдыхая воздух, затем принялись одобрительно восклицая, закусывать. Колбаса, сало и огурчики моментально исчезли в желудках, третью чарку пили уже зажёвывая корочками хлеба, четвертую занюхивали рукавами.

– Всё! Шабаш! – сказал Громобоев, решительно закрывая банку тугой крышкой. – Полтора литра оставлю угостить друзей в полку.

Бершацкий пообещал зайти попрощаться во Франкфурте и, часто спотыкаясь, ушёл к себе. Майор в это время уже храпел, он храбрился больше всех, но и третий тост не осилил. Эдик с трудом взгромоздился на верхнюю полку.

Среди ночи капитан проснулся от того, что кто-то сильно тряс его за ногу.

– Военный, вставай! Франкфурт!

Эдик с трудом разомкнул глаза, но ни рукой, ни ногой он пошевелить не мог. Ощупал себя: почему-то спал в одежде и прямо на жёсткой полке, без подушки и матраца.

– В чём дело? – силился понять Громобоев. – Чего тебе надо?

В проходе стоял проводник, он звонко и свистяще шипел, чтобы не разбудить других пассажиров.

– Ваша станция назначения! Согласно, купленного билета! Выходите!

– О!!! – только и смог произнести Эдуард. – Уже Германия! Сейчас, полежу ещё чуток, поезд всё равно тут стоит два часа...

Проводник двинулся по вагону будить других сходящих на станции пассажиров, а не протрезвевший капитан мгновенно отключился.

Вскоре его снова сильно потряхнули за ногу. Всё тот же настойчивый мужик пытался до него добудиться.

– Эй! Поезд отправляется! Выходьте! Осталось десять минут.

Громобоев попытался встать, чтобы обуться, но понял, что в данный момент это для него непосильный труд.

– Товарищ, будь человеком, разреши доехать до Берлина?

– Мне-то что, езжай, – буркнул проводник. – Контролёров нет, бригадиру тоже все равно. А тебе из Берлина будет удобно добираться?

– Это мне сейчас сойти неудобно... До первого патруля или полицейского в таком состоянии...

Эдик постелил матрац, бросил сверху подушку, небрежно накинул на них простынь и мгновенно отключился. Показалось, что только положил голову, а уже вновь будят.

– Берлин! Ты просился до Берлина, – бубнил неугомонный проводник.

В этот раз Громобоев сумел заставить себя даже подняться с постели, сходить умыться, одеться, но на этом силы его вновь покинули, капитан положил руки на столик и упал на них опухшим лицом.

– Тяжко? – спросил с сочувствием проснувшийся сосед-подполковник.

– Ужасно! Говорил же вам вчера, предупреждал, что не надо чачу открывать! Теперь придётся пару дней мучиться похмельем. Намешали всего...

Подполковник судорожно потёр пальцами виски, помассировал ладонями лицо.

– Да, уж, газанули мы вчера неслабо...

– А как вы себя чувствуете? – еле слышно спросил его Эдик.

– Никак я себя не чувствую! Не помню, как рухнул и чем закончился вечер. Вроде бы без инцидентов? Провал памяти... в голове словно вакуум...

– Вчера завершилось хорошо, а вот каково будет сегодня...

Подполковник разбудил сыновей, и они начали собираться.

– Ты выходишь в Берлине? – спросил подполковник Громобоева.

– Вряд ли... Но попробовать надо, – с сомнением ответил Эдик. – Скорее это будет похоже на выползание...

Эдуард подхватил пакет и сумку, и поддерживаемый подполковником, выбрался на перрон. Свежий воздух слегка взбудрил, но не оживил. Проводник сочувственно покачал головой:

– Не мучайтесь, езжайте дальше!

– А как я выберусь из Вюнсдорфа? – спросил сам себя Громобоев.

– За мной приедет машина ФПС, – пообещал подполковник. – Места хватит...

– А меня захватите? – жалобно, с надеждой в голосе спросил седой майор, который тоже безуспешно пытался выйти.

– Всех довезу, но только до авиационного полка, а потом поеду в другую сторону, в бригаду связи, – подполковник назвал населённые пункты, где размещались части, но эти названия Эдику ничего не говорили.

– Мне всё равно, – пролепетал капитан. – Главное поближе к Лейпцигу, на юг..

Из соседнего вагона появился Бершакский, он пожал руку Эдику, что-то невнятно промычал в усы, и со страдальческой миной на лице побрел по перрону.

Громобоева замучил сушняк, нестерпимо хотелось пить. Подполковник угостил соседа молоком, потом Эдик выпил огуречного рассола, затем стакан минералки, и видимо, в желудке получился убойный коктейль. Поначалу обильное питьё дало положительный эффект, дальше пошло гораздо хуже. С платформы в Вюнсдорфе капитан резво рванул в ближайшие кусты, чтобы облегчить желудок. На душе стало легче.

Подполковника действительно встречал кунг связистов на базе «Газ-66». Компания дружно вошла в него, стараясь никого не упустить. Майор вчера храбрился, а сегодня он тоже выглядел неважно, словно его побили палками.

Пара часов тряски в будке и компания прибыла в авиационный полк. Первое, что бросилось в глаза – лётчики в лётных куртках, белившие деревья и красившие бордюры. Другие лётчики носили мусор и мели дорожки метлами.

– Браток, огоньку не найдётся? – попросил майор-попутчик одного тудягу в лётном комбинезоне прикурить.

В каком звании был этот лётчик не понятно, ведь знаков различия не было видно. Майор прикурил, с наслаждением выпустил облачко дыма и спросил с удивлением:

– Слышь, а вы чо сами-то красите? Офигели! А где солдаты?

– Какие солдаты? У нас солдаты на вес золота! В карауле стоят. Мы же авиация... Сплошь прапорщики и офицеры..., – ответил один из военных, продолжая невозмутимо белить. – Я вот командир звена, майор. Но я лучше сам буду красить, чем отвечать за десяток недоделков и переживать, за то, чтобы они не натворили чего-нибудь.

Попрощавшись с семейством подполковника, Эдик остался вдвоём с майором. Вскоре и для них нашлась попутка – грузовик с имуществом до Лейпцига.

– У лётчиков своя философия, – сидя на кипе матрацев в кузове открытой бортовой машины, пояснял Эдик новому приятелю. – Лётчики так привыкли служить. Ответственности за бойцов боятся как огня. Нам их не понять...

Товарищи по несчастью прорышались на свежем ветерке и постепенно ожили. За бортом мелькали симпатичные деревеньки, аккуратные городки, и ровная дорога позволяла даже грузовику развивать приличную скорость. Вдали появились окраины Лейпцига.

«Наконец-то я почти дома...» – Эдик вдруг поймал себя на мысли, что гарнизон в Германии он назвал домом...

Глава 17. Прощание с полком

Глава, в которой описывается, как немецкие власти устраивают для советских воинов бесплатный прощальный банкет, и наш герой знакомится со шпионами.

Громобоев вернулся в полк как раз во время, на него уже готовили приказ об исключении из списков части. Как он и хотел, предписание оформили обратно в Ленинградский округ. Полк почти опустел. Технику эшелонами перегнали в Сибирь, в глубинку Омской области, там несколько сотен танков сгрузили в чистом поле, окопали рвом, огородили проволочным забором и оставили ржаветь до переплавки. Таких «баз хранения» в тех глухих местах было создано несколько.

По приезду в гарнизон Громобоев опять начал холостяковать, ведь за день до перегона машины, он отвёз супругу и дочку в Ваймар, где посадил их в поезд до Франкфурта и далее на Россию. Давненько ему не приходилось питаться «подножным» кормом: утром дежурная яичница, в обед варёные сардельки или сосиски, в ужин жаренная или варёная картошка в мундире, всё с теми же сосисками под пиво. Вообще-то грех жаловаться, иди да закупайся в магазине любимыми продуктами, но ведь жалко тратиться – проклятая экономия!

Громобоев запланировал на последнюю получку купить грузовик и на сдачу, какую-нибудь плохенькую легковушку. Поэтому и последние дни службы не пререкаясь, с удовольствием заступал дежурным по полку: обед, завтрак и ужин на пробе солдатской пищи обеспечен...

В гарнизоне нарастали разброд и шатания, каждый офицер после построения занимался своим делом, как командование не пыталось бороться. Возросли националистические настроения, особенно среди офицеров – украинцев. Громобоев постоянно сталкивался в спорах с начмедом Гуйваном, этот яростный русофоб обещал России скорый распад, голод и разруху, а Украине благоденствие и процветание. Споры были нелепыми, часто с руганью и оскорблениями, порой хотелось набить ему морду, но до драки так не дошло...

Немецкие власти решили по-хорошему проводить своих русских друзей загостившихся в городке лишние сорок лет. Бургомистр и депутаты выделили на проводы какую-то немалую сумму, что было удивительно для прижимистых немцев. В соседнем артиллерийском полку был устроен день открытых дверей с экскурсиями для горожан. Немцы развернули несколько павильонов, в которых раздавали бесплатно пиво, жареные колбаски, сардельки и сосиски с булочками. К этим передвижным кафешкам на колёсах выстроились длинные очереди, в которых вперемешку стояли немецкие и русские семьи. Народ делал заказ, и, не разбирая, кто есть кто, размещались тут же на травке, на пикник.

Для руководства полков и для немецких властей был устроен отдельный шведский стол в офицерском кафе: напитки, бутерброды, никаких ограничений. Эдуард поначалу встал в длинную очередь за колбасками вместе с горожанами, но Иван Червинский, который недавно стал заместителем командира артполка, позвал его пойти на фуршет.

– Меня вроде не приглашали...

– Ерунда, ты ведь офицер штаба! – махнул рукой Ваня. – Смелее! Я тебя приглашаю!

А действительно, кого стесняться, Статкевича? Да пошёл он...

Замполит полка действительно, с явным неудовольствием взглянул на незваного капитана, поморщился, но промолчал. Громобоев сходу хлопнул бокал пива, на улице было довольно жарковато, а митинг перед фуршетом слишком затянулся, ох и любим мы, русские, пространно

поболтать – хлебом иного начальника не корми – но дай толкнуть речь! Немцев выступило человек пять, а наших командиров – не менее пятнадцати.

В просторном зале кафе по обе стены стояли столы накрытые белыми простынями, заменявшими скатерти, на них стояли салатницы, блюда с фруктами, подносы с канапе, чипсами, булочками, и блюдо с омаром, а также подносы со светлым и тёмным пивом, бокалы с красным и белым вином, фужеры с шампанским. Неподдалёку от входа разместили неиссякаемый бар. Здоровяк бармен шустро откупоривал бутылки, а официант и официантка ему в этом дружно помогали.

Выпить на дармовщинку приехала большая делегация из дивизии и так как наши начальники не наговорились, прерванный митинг продолжился речами в кафе. Командиры почти продублировали свои речи, произнесённые на плацу, переделывая их в тосты. В группе немецких радушных хозяев-гостей затесалось двое военных в форме (майор и капитан), и капитанша в платье.

– Шпионы, – пояснил полковой особист Олег Чебан, который стоял рядом с Эдиком позади всех. Оба они не лезли в первые ряды, особист маскировался подолгу службы, а Громобоев, для удобства – ближе к бару и закускам. Олег держал в руке фужер с шампанским, Громобоев тоже взял себе шампанское, тихонько чокнулся с ним, предлагая выпить, но контрразведчик покачал головой:

– Я на службе! Видишь, коллеги из Бундесвера пожаловали... Переводчица вообще из БНД, из немецкой разведки... Так что я тут бдю...

– А мне пофиг, – легкомысленно заявил Эдуард, и продегустировал шипучку.

– Брют! – со знанием дела сказал он особисту. – И даже неплохого качества.

Немецкий распорядитель праздника объявил танцы, и Громобоев тут же пригласил «шпионку» из БНД на вальс. Переводчица покосилась на своего майора, тот чуть кивнул, и «шпионка» приняла приглашение. Эдик кружил партнёршу, прижимался, но она старалась держаться на расстоянии, хотя ладонь капитана всё равно несколько раз переместилась по тощей, костлявой спине пониже талии. Деревянная спина немочки напряглась, она покраснела, поёжилась, но стерпела. Нельзя сказать, что немецкая капитанша была очень красивая или наоборот очень страшенькая, нет, она была обычная, неприметная, как и положено настоящей шпионке, хотя, на взгляд Громобоева,

для своей профессии даже через чур симпатичная. Вряд ли стоило с ней возиться, мешал языковой барьер, да и за связи с иностранными агентами чего доброго привлекут...

После первого танца, взяв бокалы с пивом, немцы направились в соседний зал, подслушивать разговоры.

– Ну, ты хлыщ, – усмехнулся Олег. – Всю шпионку облапал...

– А разве нельзя? Никакого криминала. Во-первых, языка не знаю, а во-вторых, и хотел бы чего рассказать, да в военном училище плохо учился и всё давно позабыл. Не шей мне дело, так и расстреляют ни за что!

– Ладно, живи, – улыбнулся Олег. – Пойдем за ними, будь добр, составь мне компанию для маскировки. Я с ними поболтаю, а ты рядом сиди и пей.

Эдик с радостью согласился. Он набрал доверху в тарелку фруктов, бутербродов, зацепил бокал красного и занял местечко рядом с немецким майором. По середине большого стола сидел громадный капитан-автомобилист Семёнов, с взлохмаченной, и вероятно неделями нечёсаной шевелюрой, который захватил целиком для себя огромного омара, и увлечённо разделявал его руками и зубами. Он оказался в центре пристального внимания немцев.

Этот помощник начальника автослужбы полка, был немного нелюдимый и малоразговорчивый, «повёрнутый» на любви к гайкам и разному автомобильному хламу, почти не вылезал из автопарка, приводя в чувства грузовик и легковушку, найденные где-то на немецкой разбраковке. Бывший спортсмен-тяжелоатлет, случайно попавший в армию, всегда ходил зачуханный и насквозь промасленный. Вот и сейчас, как он ни попытался для фуршета привести себя в порядок, от него даже через стол несло бензином, маслом и прочими техническими запахами.

Немцы зачарованно смотрели на Семёнова, как тот увлечённо ломает клешни своими крепкими пальцами-клешнями и вгрызается с мясом, и изредка переговаривались.

Олег наклонился к уху Эдика и перевел:

– Шпионы говорят, мол, какие у этого русского огромные грязные руки, как у дикого варвара!

Особист вдруг не вытерпел и прикрикнул на автомобилиста.

– Семёнов, ты бы действительно, помыл руки перед банкетом что ли. Заявился сюда, словно ты кочегар со смены! Позоришь армию, понимаешь ли...

– Я мыл, – огорчённо и одновременно смущенно ответил автомобилист. – Честное слово, полчаса тёр! Не отмываются, насмерть въелись в них мазута и масло...

Тем временем танцы продолжились, но особист увлёкся общением с немецкими шпионами (агенты двух разведок болтали большей частью по-немецки). Громобоеву вскоре наскучило попусту с ними сидеть и делать заинтересованный вид, он выбрался бочком из-за стола, ухватил пробегающую мимо немецкую официантку, прижал к себе и увлёк в медленный танец. Девушка от неожиданности растерялась, попыталась сопротивляться, посмотрела на шефа, но бармен кивнул, разрешая потанцевать.

Эта белокурая немецкая фройлян была более аппетитна, чем костлявая разведчица: полная высокая грудь, чуть выдающийся животик, упругие бёдра, широкая попка. Да и мордашка смазливая! Красивые голубенькие глазки, ровные зубки, щечки словно у куколки. Появилось нестерпимое желание завершить вечер с этой молоденькой немочкой где-нибудь тет-а-тет.

Эдик спросил на ломаном немецком, свободна ли она, официантка в ответ выразительно показала глазами на крупного бармена и на свой пальчик с колечком.

– Мой муж...

– Сорри... Жалко..., – расстроился Эдик. – Опять облом!

После завершения танца Громобоев подошёл к стойке, выпил с этим суровым немцем пива. Бармен смотрел на капитана немного хмуро, но без злости и неприязни.

– Красивая у вас фрау! – похвалил Эдуард официантку.

– Ещё бы, долго выбирал, и женился на ней почти в сорок, – ответил бармен на вполне приличном русском. – Эльза очень порядочная и добрая девушка. Скоро мы заведём ребенка. Танцевать с ней можно, щупать – нельзя!

Бармен самодовольно ухмыльнулся и строго погрозил пальцем.

– Это я уже понял, – ответил дружелюбно капитан, поглядывая на мощные руки и крупные кулаки немца.

Бармен подлил новые порции холодного пива в бокалы себе и Эдику, они слегка ими звякнули чокаясь.

– Прозит! – сказал капитан немецким тоном и подмигнул.

– За здоровье! – ответил бармен.

– Можно ещё танец с фрау? – снахальничал Громобоев.

– Зерр гут, но это последний танец.

Музыка зажигательно гремела, официантка весело смеялась и кружилась. Вместе с Эдиком и немкой, выделявали коленца двое молодых майоров с жёнами, и несколько немецких гостей тех, что были помоложе.

Внезапно в дверях кафешки показалась рыжая мордашка Дианы, смазливой соседки Громобоева по подъезду. Она как всегда выглядела крайне соблазнительно: чёрная юбочка типа набедренной повязки, выделяла попку и оголяла стройные ножки, короткая цветастая рубашечка на двух пуговках показывала упругую грудь и пупок. Разбитная девица маячила у входа вместе со своим непутёвым мешковатым мужем Генкой и подавала капитану какие-то знаки. Этого старшего лейтенанта, каким-то чудом до сих пор не выгнали из армии, хотя он постоянно нарывался на это и попадал во всевозможные передряги. Кружась в танце, Эдуард на минуту задержал на них взгляд, и Диана снова замахала руками подзывая.

– Привет сосед! Слушай, мы закуски вдоволь набрали, а выпивка кончилась, – затараторила она, едва Громобоев подошёл. – Организуй чего-нибудь, если сможешь, и пойдём к нам в гости, там собралась весёлая компания: Снегуры, Хайям, пара моих подружек, и несколько мальчишек-лейтенантов, может быть, кто-то ещё заглянет к нам на огонёк.

– Попытаюсь, но не гарантирую..., – ответил Эдуард, глядя в её распутные и многообещающие глаза с шальными чёртиками, взял пакет и направился к официантке. Персонал уже завершал работу, обслуга понемногу сворачивала работу бара, выносили в фургон пустые и полные ящики.

– Можно пару бутылочек вина и водки? – спросил Эдуард, подойдя к бармену и официантке.

Официантка вопросительно посмотрела на мужа, тот кивнул в знак согласия, девушка положила в пакет по паре бутылок белого и красного вина, две бутылки водки и от себя добавила пять бутылок пива.

– Отдыхайте, херр капитан!

– Не такой уж я и хер, – ухмыльнулся Громобоев и искренне пожелал молодожёнам, – Красивых вам деток, и как можно больше...

– Данке шён! – поблагодарила официантка, краснея.

Когда капитан притащил трофеи к выходу, соседи даже опешили.

– Ты превзошел все наши ожидания! А выпить на халяву тут можно?

– Пейте! Уплачено! – жестом радушного хозяина предложил Эдик, взял с ближайшего подноса фужер с красным вином и залпом выпил.

В этот вечер он вообще почти не закусывал и уже довольно сильно опьянел.

– Немку с собой берешь? – уточнила Диана.

– Нет-нет, что ты. Видишь того громилу – это её муж.

Диана оценивающе посмотрела на бармена, хмыкнула и согласилась:

– Согласна с тобой! С ним лучше было бы тягаться мне, чем тебе.

Ладно, пошли скорее, нас ждут! Будет незабываемая ночка...

Глава 18. Оргия

Глава, в которой рассказывается, что подобные «халявные» мероприятия к добру не приводят, и не проходят для участников без последствий.

Прежде в подобных оргиях Громобоеву участвовать не доводилось. Конечно, по молодости в училище и после окончания он немало выпивал, но чтобы так разнузданно...

Квартира Салфеткиных была этажом выше и напоминала нечто среднее между общагой и проходным двором. Соседи снизу часто слышали семейные скандалы, переходящие в потасовки, там порою ночевали перепившие молодые офицеры и чьи-то жёны, не сумевшие добраться до своей квартиры. Кутила семейка систематически, музыка обычно гремела глубоко за полночь, мешая спать добросовестным служивым, особенно живущему ниже Возняку. И как только этот взводный умудрялся ходить на службу и что-то там делать? Пока семья была на месте, Эдуард с ними почти не общался. Лишь разок Дианочка невзначай забрела к ним за солью, в длинной футболке и безо всего прочего. А что на ней была лишь майка Громобоев заметил, когда она как бы невзначай, приподняла руки вверх, активно жестикулируя. Нечаянно-то нечаянно, но зачем было столь хитро косить глазками на капитана?..

Ольга потом скандал закатила, какого чёрта всякие простипомы к нам за солью ходят?! А Эдик-то тут причём? Ерунда конечно, ведь Громобоев ни слухом, ни духом, и повода не подавал. Да и солью он в доме не заведовал. А супруга именно на это продолжала упираться, мол, без трусов вовсе не за солью ходят. Что верно, то верно, не вовремя жена дома оказалась. И вот теперь весёлые соседи пригласили его

покутить. По пути к дому Дианочка откровенно и довольно нахально его разглядывала, хорошо хоть в присутствии мужа не предложила за солью зайти к Громобоеву...

В квартире Салфеткиных стоял дым коромыслом, накурено – не продохнуть и Диана первым делом отворила настежь окно.

– Стой, не открывай, будет шумно. Бывший партком уже прибежал и орал! – энергично замахал руками на хозяйку дома подпивший Хайям. Гусейнов и Снегур, единственные, с кем Эдуард был хорошо знаком.

– Пошёл он на... кончилась их большевицкая власть! – заявила хозяйка квартиры, перегнулась через подоконник и громко заорала: – Партком иди в ...! Кончилась ваша власть! Свобода!!!

Диана повернулась к собутыльникам и с улыбкой заявила:

– Что хотим то и делаем! Мы на Родину возвращаемся через неделю, ничего они нам теперь не сделают! И пугать нас больше нечем...

Эдик протиснулся поближе к столу. На раскинутом диване, в креслах, на табуретках сидело шесть человек, ещё кто-то полулёжа дремал в углу, и кто-то уже лежал пластом на полу. С трёмя молодыми офицерами, которые сейчас были по гражданке, он в полку никогда не пересекался, и не знал даже по фамилиям. Через открытую дверь в соседнюю спальню были видны две незнакомые полуголые девицы, с двумя такими же неодетыми мужчинами. Недвижимый квартет крепко спал, распластавшись на кровати, видимо уже сделав все запланированные дела.

Компания за столом бурно приветствовала пришедших, особенно всех обрадовал пакет со спиртным. Честно говоря, пить Эдуард больше не хотел, норму выбрал, тем более что за вечер смешал шампанское, пиво, вино двух сортов, и больше всего сейчас хотелось закусить, желудок начинал от голода скрипеть.

Громобоев вместе со всеми выпил немного вина и накидал себе в тарелку жареных колбасок. Он поднял глаза и заметил томный взгляд Снегурочки. Имя этой красивой хохлушечки он точно не помнил, вроде бы звали Оксаной, в обиходе её называли Снегурочкой и народ про неё болтал разное. Бойкая, коротко стриженная черноволосая красотка, была женой заместителя командира роты обеспечения Степана Снегура. Этот бывший боксёр с крепко сбитой фигурой и квадратной физиономией сидел у окна и рассеяно курил, искоса поглядывая на жену. Ссориться с ним из-за подмигиваний похотливой Снегурки не хотелось, слишком силы неравны.

А знойная дивчина не унималась! Вначале Эдик почувствовал, как под столом ему на ногу наступили изящные пальчики, а потом эта же

женская ножка без туфельки потерялась ему высоко между ногами. Довольно интригующе потёрлась, капитан почувствовал, что краснеет и одновременно возбуждается. Снегурка не сводила с капитана своих чёрных как смоль глаз, и все время обращалась с различными просьбами: подать, передать, подлить. Каждое рук движение вызывало колыхание массивной груди, которая казалось, вот-вот должна была выпасть из глубокого декольте, а облегающее платье уже явно потрескивало по швам от необузданных и явно нереализованных порочных желаний.

Муж на неё почти не обращал никакого внимания, болтал с офицерами об автомобилях и запчастях. После третьего стакана, Хайям покинул застолье и поспешил домой к жене. Вместе с ним ушёл и Снегур, сославшись на то, что он ответственный по роте. С его уходом натиск Снегурочки на Громобоева только усилился.

Хозяин квартиры Геша Салфеткин, опрокинув внутрь себя одной дозой двести граммов водки, откатился на спинку дивана и громко захрапел, пустив по подбородку слюну. В результате этих дезертирств количество мужчин в комнате резко сократилось.

Тем временем, заметив отсутствие мужа-боксёра, два молодых лейтенанта переместились к Снегурке, плотно зажали её с боков и принялись шуточно тискать. Снегурка прекратила поглаживать ножкой Эдика, так как теперь отбивала натиск молодых кобельков, но вскоре она сдалась и начала отвечать на ласки взаимностью. Дианочка напротив, перешла в решительную атаку. Сначала полезла к Громобоеву целоваться, требуя выпить на брудершафт, а потом вовсе попыталась расстегнуть ему брюки.

Салфеткин вовремя очнулся из забытья, громко потребовал выпивки, Дианка торопливо выполнила просьбу мужа, наполнила ему бокал до краёв и поднесла к губам. Несмотря на тяжелое опьянение, Эдуард не сдавался, и даже пытался сделать выбор, кого ему предпочесть: притащить к себе Диану, или заманить в гости Снегурку. И хотя озорные мыслишки в мозгу ещё мелькали, но ослабевшее тело уже плохо подчинялось. И тут Эдику стало совсем хреново, его начало сильно мутить.

Дианка что-то неразборчиво прошептала на ухо, Громобоев молча кивнул, и поспешил к открытому окну – подышать. Отошёл вовремя, потому что тут его сильно стошнило, прямо на балкон Возняка, который в этот неудачный для себя момент курил именно там.

– Громобоев облевал партию! – громко заржал пришедший в себя Салфеткин. – Капец! Сейчас он примчится с нами разбираться.

Но подполковник не осмелился ругаться с пьяной компанией, а лишь завизжал снизу, угрожая вызвать патруль и полицию.

– Да пошёл ты, старый козёл, – громко крикнула в ответ Диана, визгливо засмеялась и допила последний бокал вина.

Музыка продолжала громко играть, но веселье потихоньку затихало, и гости начали прощаться. Черноглазая Снегурка в очередной раз поправила ладонями тяжёлую грудь, вновь состроила глазки и призывно подмигнула Громобоеву.

– Эдик, не желаешь пойти ко мне в гости? Музыку послушаем...

– Но к тебе вроде бы уже идут двое...

– И третий лишним не будет..., – пообещала Снегурка и заверила. – Я девушка крепкая, люблю долго и много танцевать!

Один из молодых донжуанов подбадривающее, пихнул Громобоева в бок локтем.

– Эта неутомимая кобылка уже на всё согласна и хочет сразу троих...

Эдуард совсем уже туго соображал, он не мог догнать, как это сразу трое? Блин, а куда же это будут все трое? И потом перед Снегуром как-то неудобно – хороший мужик.

– А как же муж?

– Стёпке на её женские потребности наплевать. Оксана говорит, у него на уме одни машины и служба. Снегур предпочитает по ночам крепко спать, чем её баловать...

Внезапно Эдику стало вновь нехорошо, и он вяло пообещал:

– Идите, я догоню...

А в мозгу, затуманенном большой дозой выпитого спиртного, мелькнула легкомысленная мыслишка:

«Не поучаствую, так хоть посмотрю, почти порнуха, только реальная!»

Капитан, крепко держась за перила, шаг за шагом осторожно спустился вниз, вышел во двор, услышал затихающий вдали смех развратной троицы. Силы окончательно покинули его, Эдуард увидел перед собой лавочку и рухнул на неё.

«Минуту отдохну, потом догоню», – подумал Громобоев и отключился, едва лишь закрыл глаза.

Поспать не удалось, с неба закапал мелкий, противный дождик. Посмотрел на часы, дремал он недолго – примерно минут пятнадцать, но куда-либо к кому-то идти было уже поздно и бессмысленно, четыре часа ночи. Вдобавок капитан ощущал себя довольно мерзко, и во рту чувствовалась такая бяка!

Эдуард отсчитал второй подъезд вошёл в него, поднялся на второй этаж, сунул ключ в замок, покрутил, но дверь не открылась. Он выругался, продолжил ковырять ключом в скважине, затем навалился пару раз корпусом на дверь, дернул ручку, затопал на месте. Выпитое пиво искало выход...

Внезапно дверь резко открылась, на пороге появился мужик в трусах и с монтировкой в руке.

– Ты чего к нам ломишься? – спросил незнакомец.

– Нет, это ты объясни, что у меня в квартире делаешь! – рассердился Эдик.

Высокий мужик развернул его и чуть толкнул.

– Иди, проспись...

Громобоев растерялся, вышел во двор и поспешил к мусорным бакам, время не ждет и терпение кончилось. Он присел снова на лавочку, задумался. Подышал и решил повторить попытку вернуться, возможно, это были жулики, которые хотели его ограбить?

«А что там грабить? Он всё вывез, в пустом помещении, остались ненужная старая мебель, форма и коллекция пустых пивных банок. А может быть, мою квартиру уже захватили эмигранты? Где тогда жить?!»

Эдик вновь поднялся на второй этаж, вроде бы всё верно – квартира слева. Вновь сунул ключ в замок.

– Мужик! Если я сейчас открою дверь, то ты ляжешь! Ей-ей садану монтировкой! – пообещал мужчина с угрозой из глубины квартиры. – Ты мне семью разбудил...

Громобоев понял, что-то делает что-то не так, выбежал прыгая через три ступеньки из подъезда, вернулся к углу дома и понял свою ошибку – спяну отсчитал подъезд не с той стороны!

Эдик обрадовался, быстро открыл свою квартиру, забежал в туалет, потом стянул с себя сапоги, с трудом разделся, выключил свет и рухнул на диван. Уснуть не успел, скрипнула входная дверь, и через минуту кто-то голый и горячий забрался к нему под одеяло и плотно прижался.

– Я уже раз десять приходила, где ты был? Ах, ты блудник, за Снегурочкой увязался? – прошептал нежный женский голос в ухо. – Полчаса его караю в подъезде!

«Диана! Чтоб ей пусто было!» – подумал Громобоев и принялся отбиваться от похотливого натиска соседки.

– Не могу, спать хочется... – простонал капитан. – Отстань, чертовка!

– У меня так не бывает, со мной все могут! – пообещала Дианка и принялась теревить все конечности плохо соображающего капитана. – А ну живо встать!

Даже в таком разобранном состоянии инстинкты молодого организма были сильны, и по-прежнему работали, тем более, после некоторого воздержания. Кроме того, ведь девица действовала в основном сама и, оседлав верхом, буквально изнасиловала подвыпившего Эдика, но что-то, но он все-таки сделал автоматически самостоятельно. Громобоеву даже понравилось эта бурная страсть. В финале действия, он почти мгновенно вырубился.

Проснулся капитан поздно, примерно после одиннадцати, вернее его разбудил Хайям, который мерзко смеясь, приложил холодную банку с пивом ко лбу Эдика. На вопрос, как он сюда попал, Гусейнов ответил, что вошел без стука, потому что дверь в квартиру была открыта настеж.

– Бери что хочешь, вместе с хозяином...

– О-о! Спасибо за живительный напиток, великий Хайям! Я тебя люблю!

– Пей пиво, пока холодное! Лучше бы ты меня ценил за заботу, и не надо меня любить! Думаю, тебе вполне достаточно было любви Дианы.

– Кого? Какой ещё Дианы? – не понял Громобоев.

– Той, что прошмыгнула мимо меня на выход полуголой...

– Чепуха какая-то! Ни черта не помню, – простонал Эдик.

– Значит, ты пропустил много интересных моментов! – пошловато хохотнул Гусейнов. – А я пришёл проверить, жив ли ты? В полку несколько происшествий случились, люди разное толкуют...

– Что именно? На меня соседи пожаловались?

– Какие соседи? – недопоняв, переспросил Хайям.

– Вчера я облевал Возняка и ломился в квартиру из третьего подъезда.

Эдик выпил пива, и туман в мозгу постепенно рассеялся, а ночные приключения стали понемногу припоминаться и собираться из обрывков в сюжетную линию. Как смог, пересказал вчерашнюю ночь после ухода Гусейнова из компании.

– Нет, брат! И Возняк, и возмущённые соседи, и даже Диана без трусов, это всё мелочи жизни. Честно говоря, я опасался, что ты тоже в числе избитых Снегуром, и лежишь дома, в постели

с многочисленными переломами! Черты принесли Степана домой среди ночи, обычно он не отлучается с дежурства, а в этот раз что-то забыл. Открыл квартиру, а там такое творится! В общих чертах знаю, что он поколотил жену и двух офицеров, гонял голышом их развратную компанию по дворам. Я опасался, что одним из побитых был ты, ведь вчера за столом эта Оксана тебе недвусмысленно глазки строила...

Эдик быстро открыл вторую банку, отпил, крепко зажмурился и на минуту представил, что могло с ним вчера произойти, не отстань он от той похотливой компании. Б-р-р!

– И ты тоже заметил её приставания? Увы, дружище, вернее сказать – наоборот, к счастью, я не был, не участвовал, и даже не наблюдал...

«Повезло! Здорово-то как! Ай да Снегурочка! Ай да Степан! Хорошо я к Оксане в гости не дошел, иначе ноги унести бы точно не смог...» – пронеслись роем путанные мысли в пьяной голове. – «А про Дианку без трусов Хайям наверняка врет, не мог я что-то сделать бессознательно. Что-то я не помню никакого приятного процесса. Ну а если не помню, то значит, ничего и не было, – успокоил сам себя Громобоев. – И для здоровья моего лучше чтоб это была действительно гнусная шутка Гусейнова, а то мало ли что от неё можно было по пьянке подцепить!»

Прятели не спеша допили пиво, Громобоев умылся под холодным душем, и они не спеша отправились в полк, дослуживать, или точнее сказать – отбывать номер.

В помещении пустого музея стояла тишина, и казалось, что в кабинете нет ни души, но тишина была обманчивой – на диванчике дремал подполковник Возняк. Вид у бывшего парторга был помятый и цвет лица какой-то нездоровый.

– Вам что, дома не спится? – буркнул Эдик вместо приветствия.

– Поспишь тут! Эти алкаши Салфеткины вчера опять дебош устроили. Музыка до утра орала, скакали как кони, это у них танцы называется, и наблевали мне на балкон! Скоты!

– Да уж...бывает..., – произнёс нечто неопределённое Эдик, умалчивая о своем участии.

– А ты ничего не слышал? – с подозрением спросил Возняк.

– Нет! Я спал... А что?

– Да ничего! Я все-таки добьюсь скорейшего выселения этой проститутки Дианки и её ничтожного муженька в Россию!

– Скоро все там будем, – философски заметил Эдик, устроился поудобнее на мягком стуле и почти сразу задремал.

День прошёл...

Салфеткины и Снегуры буквально через пару дней собрались, сели в машины и уехали из гарнизона домой, и ни с одной из этих женщин Эдуард не встретился даже случайно. И хорошо, что так вышло, а то вдруг у кого-то из них снова возникнет желание порезвиться, а Громобоеву это было ни к чему, пора самому делами заняться.

Командование нервничало по поводу компьютерного класса, ведь Громобоев должен был по описи передать немцам оборудование, которое стоило больших денег. Отвечать за него ни кто не хотел! Две недели назад геноссе Петров провёл экзамен для выпускников, поставил оценки, заполнил дипломы об окончании курсов, собрал вещички и был таков. Эдик получил средний балл и был доволен успехами. Все обучаемые приобрели поверхностные знания, лишь один юноша оказался чрезвычайно талантлив, ему подарили компьютер и пригласили на годичную стажировку при университете в Берлине. Повезло парнишке!

Итак, после экзаменов герр Петров куда-то запропастился, не подавал о себе никаких известий, и Эдуард раскатал губу, на то, что немцы забыли про компьютеры и можно будет пожить под шумок, приобрести себе один комплект. Но нет, не забыли буржуи...

Прошло десять дней, в полк приехал тот же фирменный фургон, два техника и сам эмигрант герр Петров. За эти дни Эдик успел накопировать уйму липовых документов для машин, наделать копии своих документов: паспорта, удостоверения офицера, кипу всевозможных справок. Немцы быстро демонтировали и уложили в коробки мониторы и системные блоки, клавиатуры, педантично сняли и смотали проводку, однако почему то не стали забирать два десятка удлинителей под евро разъёмы, и подарили русскому капитану.

Эдик угостил Петрова пивом, тот тепло попрощался, и даже подарил вдобавок большую катушку электрокабеля. Ну что же, очень хорошо, дома в хозяйстве всё сгодится! Теперь в услугах капитана в полку более не нуждались, окончательно вывели за штат, дали три дня на сдачу дел, расчёт и убытие. Паспорт был годен до конца августа, а еще и июль не закончился. Возможно, сгодится ещё раз сгонять в Германию!

Глава 19. Старый грузовик

Глава, в которой капитан Громобоев покупает себе «головную» боль, мучается и пытается доехать до России.

В суете и спешке Громобоев по случаю, по совету прапорщика Васи Уткина (чтоб ему пусто было!) за пятьсот марок купил грузовик «ИФА» с открывающимся и опускающимся задним бортом-подъёмником. В довесок к нему прихватил «Жигули» всего за полтинник. Вначале Эдик радовался – ведь он приобрёл две машины и почти даром. В пустых полковых ангарах капитан набрал всякого ненужно и нужного автомобильного хлама, бочку краски, шесть старых аккумуляторов, колёса, загрузил канистры с соляжкой. Всё было хорошо, за исключением одного момента – «ИФА» не желал заводиться от ключа зажигания!

На свалке-разбраковке машину завели с толкача, пригнали в автопарк, и там она вдруг встала намертво.

Автомобилист капитан Семёнов поковырялся своими огромными ручищами, посочувствовал беде, сказал, что проводка дрянь, и не куда не годится, стартер неисправен, на генераторе бендикс западает, поэтому на аккумулятор не идет зарядка, и еще какая-то запчасть отсутствует.

– Зря ты её купил, намучаешься...

Это уже и так было понятно, что зря. Семёнов предположил, что на хороший ремонт уйдет неделя и посоветовал обратиться к связистам.

Опять Громобоев пошёл к прапорщику Уткин, поругался за подгон дрянной техники, тот залатал кое-как провода, зачистил клеммы, поковырялся в стартере, посоветовал зарядить хорошенько аккумулятор в дорогу и взять запасные. Громобоев так и поступил, за пятьдесят марок купил у него ещё пару штук, но эти аккумуляторы были чуть больших размеров и не влезали на место. Уткин предложил переварить поддон под них, за отдельную плату, но свободных денег уже не было.

«Ладно, дома пригодятся, продам их на родине, там в хозяйстве всё сгодится», – подумал Эдик и сунул их в кузов-будку.

Кунг был превращен в передвижной склад: колёса, покрышки, ключи, двери и лобовые стёкла к «Жигулям». При содействии пройдохи Уткина подогнал «ИФУ» к эстакаде и аккуратно затолкал туда дармовую «копейку», накидал для распорки покрывшек.

Семёнов с недоумением посмотрел, как капитан управляет машиной и спросил:

– А ты «ИФУ» раньше водил?

– Нет, мне её сюда сами эмигранты пригнали...

– Ну, ладно «ИФУ», а ты вообще грузовиком хоть раз управлял? Права с категорией на вождение грузовика у тебя есть?

Громобоев вздохнул, помялся и честно признался:

– Примерно раз пять сидел за рулём, да и то лет десять назад, и категории у меня нет.

Семёнов снова с сомнением покачал головой и посочувствовал:

– Не знаю, по-моему это авантюра! Доехать до границы ты, может быть, и доедешь, а дальше будут проблемы. Немцы или поляки могут даже арестовать за нарушение правил вождения.

Эдик махнул рукой, надеясь на русское авось, ведь проблем навалилось и так много, и решать их следовало в порядке очерёдности. Чтобы уехать из гарнизона требовалось заправить машину, а в полку дармового топлива уже не было совсем, а если и можно было найти, то у прапорщиков на складе, а те соглашались продать не меньше чем за половину стоимости. Выходило, что надо где-то заработать сотню марок!

Старший лейтенант Шум, который успел отогнать легковушку и вернуться за своим самосвалом «МАЗ», оказался в таком же безденежном положении. Что делать? Искать работу! Но где?

– Пойдем собирать вишню! – предложил Василий. – Заодно и сами поедим. Говорят, в госхоз набирают подёнщиков. Работёнка не пыльная, не уголёк в шахте рубить!

Шум разведал у бывалых людей, кто уже не раз подрабатывал, где нанимают и как. Ему пояснили: не надо оформлять никаких документов, расчёт по окончанию и сразу на месте. Начало работы в пять утра, и желательно не опаздывать, иначе бригаду укомплектуют другими батраками.

На рассвете офицеры захватили по бутерброду и по банке пива, сели в Васькины «Жигули» и поехали в сады. Дорога была окутана туманом, солнце ещё не взошло, но когда они приехали на место, то оказались в хвосте очереди на «биржу труда». Желающих заработать гроши собралось человек двадцать, большая часть с Западной Украины, Молдавии и Румынии. С трудом, но упростили немку-бригадиршу записать их обоих в список.

Эта толстая злая неприятная немка раздавала подёнщикам вёдра и рычала зычным голосом, словно её учили командовать в гестапо. Расценки оказались ниже, чем они ожидали – пять марок ведро.

– Эк, надрывается, овчарка немецкая! – ругнулся Шум. – Явно её предки были в концентрационном лагере надсмотрщиками...

Деревья стояли друг от друга в трёх метрах, ряды были длиной в километр и таких рядов – примерно сотня. Урожай вишни уродился хорошим, плодов много, не ленись – собирай. Но это только не сведущим людям кажется, что ягоды чистые и собирать легко. Плоды необходимо не мять, собирать без мусора, и желательнее полное ведро с горкой. Если бригадирше или кладовщице что-то не нравилось – громко ругались и отгоняли от весовой прочь. Приходилось возвращаться обратно – добирать пару килограммов. Возле кладовщицы постоянная толкотня, все работники спешили скорее сдать и бежать снова к рядам плодовых деревьев. Немки с недовольными лицами взвешивали вёдра на безмене, высыпали в ящики, работник тыкал в тетрадку в свою фамилию, бригадирша ставила галочку. До рассвета сбор шел споро, но едва взошло солнце, стало нестерпимо жарко. Ветки хлестали по лицу, норовили выбить глаз, к обеду из-за суеты руки были сильно исцарапаны, а ноги подгибались. Эдик и Василий успели собрать по двенадцать ведер, могли бы потрудиться ещё, но надзирательница заорала «хальт», ящики сложили в трактор и увезли. Начальница тут же провела расчет, сказала, что завтра работы нет, потому что у хозяйства плохо идут дела со сбытом.

Все вокруг начали ругаться, спорить, а что толку. Немка села в старый «Варбург» и уехала домой. Работники помылись, перекусили припасённым, набрали себе в запас вишни, и разъехались.

– Эх, поработать бы месяц! – хорошенько потянулся Василий, разминая уставшие руки. – Мы бы тут больше получки заработали.

– Ты же слышал, что это «гестапо» сказало! – рассердился Эдик. – Работы – нет. Предлагаешь лежать дома и ждать у моря погоды? Последнее проедим!

– Скоро пойдут помидоры, а потом начнётся хмель, – гнул свою линию Шум. – На хмелю сто марок в день платят... не спеши, давай останемся!

– А жить где? Комендант сегодня объявил, что на днях квартиры сдают немецким властям, опечатают и выставят охрану. Хочешь в полицию ночевать?

– Конечно, не желаю! Я хочу много денег! – ухмыльнулся взволнованный и сдался. – Ладно, уговорил, завтра уезжаем...

Заработанных средств как раз хватило, чтобы заправит полный бак грузовика и запасную канистру – этого должно было хватить до Бреста. Громобоев мог ещё рассчитывать в дороге на заначку, заработанную на ксерокопировании (сто марок), а у Васьки и того не было, почти всё деньги потратил на подарки многочисленной родне. Выехать решили на рассвете, но в шесть утра, когда они пришли в автопарк, вдруг хлынул ливень. Дождь лил как из ведра, и стоял сплошной стеной.

– Хороший дождичек! – весело сказал Василий. – Быть добру...

А Эдика ливень наоборот – не обрадовал, ведь он и в хорошую погоду еле-еле управлял грузовиком, а в такую – поездка вообще превращалась в авантюру. Но делать нечего – надо двигаться домой. Стартовали!

Едва выехали за пределы Цайца как в машине Громобоева вновь что-то замкнуло и машина ехала лишь на аккумуляторе. Несколько раз его заносило на скользкой дороге, чудом удерживался на шоссе, но и сбавить ход было нельзя, потому что впереди идущий «МАЗ» гнал как сумасшедший. Вернее – это Васька гнал как умалишённый, и на спидометре машины стрелка почти постоянно держалась на цифре восемьдесят.

«Куда гонит? Как на пожар», – ругал капитан своего напарника, стараясь не потерять из виду кузов впереди идущего самосвала.

Василий несколько раз останавливался, пропускал вперед Громобоева, потом громко сигналил, и подбадривая, вновь обгонял. Раза три «ИФА» глохла, тогда Шум растягивал трос, цеплял на буксир, заводили грузовик с толкача. Кое-как добрались до Дрездена и остановились на въезде в город. Сели позавтракать, хотя уже было время обеда, дождь в это время уже удачно прекратился, можно было сесть на обочине, отдохнуть. Пригреваемые лучами солнца машины были окутаны маревом дождевых испарений.

«Ах, если бы с утра не лило, может и не накрылась бы электрика!» – с горечью подумал Эдуард пережевывая булочку.

Шум молчал, напряжённо размышляя о чём-то своём.

– На неисправной машине мне границу не пересечь, – с грустью сказал Эдик. – Надо найти какую-нибудь часть, может быть помогут? Иначе дело труба...

– А где мы их найдем? Дрезден ведь не деревня, а большой город! – пробурчал Василий. – У нас ни карты нет, и мы не знаем где примерно стоят наши части.

Эдик догадался, что Шуму уже осточертело возиться с неисправным грузовиком напарника, и он явно хотел ехать дальше один.

– Ты поезжай, я догоню, – сказал Громобоев приятелю, – помоги завести машину и езжай. Встретимся на границе...

– Жду до вечера, но после восьми уеду, – обрадовался Василий решению старшего товарища, и суетливо принялся разматывать буксировочный трос.

Завели машину. Эдик вырулил на трассу и тихонечко поехал. Случилось чудо – он заметил впереди идущий «КАМАЗ» и погнался за ним следом. Этот грузовик привел капитана к военному городку. Оставалось только найти специалиста и уговорить его починить неисправную проводку.

Гарнизон этот был типичным для всех советских военных городков: примерно с десяток пятиэтажек, высокий забор, ворота КПП и за забором казармы. Грузовик заглох на стоянке возле ворот, оттуда выбежал солдат и начал шуметь, мол, не положено тут останавливаться, требовал покинуть прилегающую к части территорию. Капитан бы её с удовольствием покинул, если бы смог.

Эдуард рассказал о своей проблеме и спросил у солдата, что за часть. Дневальный не таясь ответил, что здесь стоят артиллеристы, а в городке живут ещё и вертолётчики. Это же словоохотливый боец подсказал и как найти умельца по электричеству.

– В крайнем доме, второй подъезд, первый этаж, там прапорщик Сергеев живет, он всё умеет.

– Откуда знаешь?

– А он моему ротному машину ремонтировал...

Громобоев несказанно обрадовался и помчался к прапорщику, заветная сотня марок была в кармане и если что, было чем заплатить. Прапорщик Сергеев вышел на порог в трико и майке, выслушал сбивчивый рассказ, покачал головой и попросил десять минут, чтобы доесть.

– Я обедаю. Иди к машине, я сейчас...

Он действительно пришёл через полчаса, но не мог задержаться, торопился на службу.

– Понимаешь, я обходной оформляю, послезавтра уезжаю домой...

– И я домой, дорога дальняя в Ленинградский округ, да только в пути сломался... Всего-то триста километров проехал.

Сергеев воскликнул обрадовавшись:

– Я тоже из тех мест из-под Питера. Откуда сам?

– А я на Черной речке служил, там у меня квартира. Возвращаюсь после двух лет службы. Танковый полк расформировали – отслужил.

– И я с этого городка! Почему мы раньше не встречались? Ты разве связист? – с живостью поинтересовался Сергеев.

– Танкист...

– А-а, тогда понятно. Жаль не связист, а то я по приезду буду должность себе искать, думал, можешь ты помочь.

– Кто бы самому там помог... Я многих знаю в гарнизоне, и приятели есть среди связистов афганцев.

– Блин, вдвойне земляк! Я в Кабуле служил, в полку связи при штабе армии. А ты?

– Пехота... мы рядом стояли, в Даруламане.

– А в каком доме живешь?

– В восьмом.

– А я в четверке, напротив! На прямо как кинофильм «Свадьба в Малиновке» – земляки!!!

Прапорщик действительно даже обнял Эдика расчувствовавшись, похлопал по спине, потрепал по плечу:

– Как здорово! Ну, ладно, тебе несказанно свезло! Придётся помочь боевому товарищу. Жди меня, сейчас схожу за инструментами...

Громобоев не мог стоять на месте и нервничая нарезал круги вокруг «ИФЫ», ведь Шум уезжал от Дрездена всё дальше и дальше. А вдруг на границе не будет очереди? Не станет ждать и уедет! Как одному неумелому пробираться через Польшу?

Сергеев через какое-то время вернулся с набором ключей и отверток, переодетый в комбез.

– Извини, что заставил ждать, но не полезу же я в мотор в чистом, – пояснил земляк свою задержку.

Сергеев под разговоры об общих знакомых протестировал провода, генератор, стартер, проверил аккумулятор. А знакомых у них действительно оказалось достаточно много, ведь они даже жили окнами, выходящими в один двор.

– Ну, что за народ военные! Наберут металлолом и хотят, чтобы ездил! – возмущался Сергеев, копошась в электрике. – Выбросил бы ты его, легче будет жить...

– А как я доберусь домой? Денег нет ни хрена...

– Тоже верно, – согласился прапорщик. – Но без денег границу не пересечь! Поляки сто пятьдесят марок за перегон грузовика берут!

– Иди ты!.. – не поверил Эдик.

– И пойду, – усмехнулся Сергеев. – Честное слово! Сам гнал грузовик неделю назад. Починить я твою колымагу починю, до границы точно доедешь, правда тут всё висит на честном слове, на соплях, и может оборваться в любой момент. А дальше, уж повезёт и как получится... Было бы время покопаться, починил бы толком, а то ведь наспех...

Прапорщик накрутил скруток, заизолировал несколько проводков, что-то куда-то воткнул, завёл мотор и посочувствовал:

– Ох, и намаешься! Ведь, поди, и водить не умеешь...

– Не умею, – честно признался Эдик.

– Самоубийца! – покачал головой Сергеев. – Ладно, езжай аккуратнее. Надеюсь, увижу тебя живым и здоровым через неделю. Заходи если что в гости...

Земляки обменялись адресами, ещё раз обнялись на дорожку. От денег сосед наотрез отказался и радостный Громобоев поспешил к границе.

Глава 20. Встречи с полицией

Глава, в которой наши герои едва не попадают под арест в Германии, как члены мафиозной банды, и становятся свидетелями полицейского беспредела в Польше.

Когда Эдуард добрался до пограничного пункта, то далеко впереди увидел длинный хвост автомобильной очереди. Граница почему-то была закрыта, на дороге скучали владельцы примерно полусотни машин, грузовиков и легковых, с прицепами и без. Старенький «МАЗ» с кабиной синего цвета стоял в центре этой колонны.

Громобоев заглушил машину и поспешил к приятелю.

– Рад, что успел тебя застать! – затараторил Эдуард, обняв товарища. – В чём дело? Почему стоим?

– А кто его знает почему. Вроде бы у них компьютер не работает, видимо ещё не научились со сложной техникой обращаться, – ответил

взводный и пошутил. – Может быть, сходишь и поможешь таможене? Ты ведь теперь дипломированный специалист в этом деле...

– Смеёшься? Моих знаний хватает лишь напечатать простейший документ, да сделать левую ксерокопию.

– Надеюсь, нам документы выправил хорошие? Постарался?

Громобоев усмехнулся, вспоминая, сколько бумаги было испорчено в последний день на их «оформление» их легковушек и грузовиков, чтобы властям было трудно догадаться о фальши.

– Всё точно, как в аптеке. Думаю, местные немцы сами ещё не достигли такого умения как я..., – ответил не без гордости капитан. – Ты таможенные декларации уже успел взять?

Василий, захлопал ресницами своих ясных голубых глаз, смешно наморщил конопатый нос, так что веснушки собрались в кучу и растерянно развёл руками.

– Ты знаешь, совсем вылетело из головы. Пойдем вместе сходим...

Прятели поспешили к таможене, взяли бланки для заполнения и тут случайно услышали разговор очередников, который оправдал опасения Эдика.

– Обнаглели! Я должен заплатить сто пятьдесят марок за вывоз этого ржавого хлама! – возмущался мордатый мужик, по виду ушлый прапорщик. – Это они мне должны приплатить за утилизацию!

Васька тоже наострил уши, и вмешался в подслушанный разговор.

– Ребята, о каких деньгах вы говорите?

– Сбор придумали! За грузовик сто пятьдесят марок. Последнее кровное отнимают!

Шум растерянно усталился на Громобоева.

– Точно? Это не слухи? – переспросил у мужчины Эдик.

– Да нет же, передо мной мужик платил, а потом аппаратура сломалась, а мне не повезло, не успел, теперь торчу впустую уже битых два часа перед воротами. Говорят, только завтра наладят. До утра куковать, как минимум! Можно, конечно, попробовать рвануть через Чехию, тем пограничным пунктом мало кто пользуется...

Офицеры впали в прострацию и пока не дошли до Васькиного грузовика напряжённо молчали и думали.

– Какие варианты? Что предложишь делать? – потерянном голосом спросил взводный. – У меня всего пятьдесят марок.

– У меня сто... Тоже не хватит..., – ответил Эдуард с огорчением и предложил.

Василий потеребил в задумчивости ухо и предложил:

– Давай для начала перекусим и всё обмозгуем...

Товарищи по несчастью постелили на полянке между кустарником плащ-накидку, сверху прикрыли газетками, разложили огурчики, нарезали колбасу и хлеб, вскрыли банку тушёнки. Шум быстро вскипятит на керосинке чай. Вначале пили и жевали молча, напряженно размышляли, потом дружно заговорили, начали предлагать варианты выхода из ситуации.

– Надо занять у кого-нибудь... – предложил простодушный Василий.

– У кого? В очереди у заменщиков? С честным пионерским обещанием отдать по приезду? Кто поверит и даст? Все возвращаются домой с последними крохами...

– А если обратиться к тому земляку, что тебе машину чинил?

– Сгонять до Дрездена, ближний свет! А потом встать в Польше без солярки? Этот вариант тоже отпадает.

– А если пробраться через Чехию?

– Там ведь Татры, горные перевалы, дорога наверняка сложная... Я плохо вожу грузовик, не хочу улететь в пропасть из-за этой рухляди. Да и ты ведь опыта ездить в горах не имеешь? Верно?

– Верно, – ответил Василий вздыхая. – И тоже не факт, что и там не берут сбор, государственная граница ведь одинаковая.

– Различия есть: там чехи, тут поляки... Я бы рискнул, если бы машина была надёжная, а ехать с открытой дверцей, чтоб в случае чего попытаться выпрыгнуть... Я не каскадёр! Тормоза дрянь, аккумулятор дрянь... и водитель неумеха... Давай дальше думать!

Расстроившийся Васька достал припасённую для дома бутылку «Смирновки», разлил содержимое по стаканам.

– А если подзаработать?

– Ты знаешь где? Там мы хоть дома были, знали что к чему и друзья подсказывали... А тут? Где найдем госхоз с полями помидоров или плантацию хмеля?

Выпили, помолчали, повторили. Под выпивку закуска пошла быстрее. Эдик сходил в машину, принёс коробку с вишнями, запас в дорогу с последней работы. Они выпили ещё по одной, Эдик напряженно думал, наконец, не выдержал и предложил:

– Знаешь, Вася, есть крайний вариант, который мне не очень хотелось бы осуществлять, но если деваться будет некуда, и ты согласишься, то его можно использовать. Мне конечно жалко грузовик, он может прокормить семью несколько лет, но я боюсь, вдруг не доеду...

– Ну и... – не выдержал затянувшейся паузы Шум.

– В моей будке дрянная легковушка, металлолом на запчасти, а в твоём кузове – хорошая. Если иного выхода не будет – предлагаю бросить мою «ИФУ» в ближайшем лесу, а запчасти перегрузить к тебе. Я добавляю денег на проезд, а ты мне отдашь в Белоруссии свои «Жигули».

Нервно морщась Шум зачесал «репу». Ему было жалко отдавать свою «копейку», хоть она и почти даром досталась. Но ведь три «Жигулёнка» он уже перегнал, а самосвала дома у него нет. И если наступит этот крайний случай и прижмёт...

– Я подумаю до утра, – ответил Василий. – Как говорится в сказках, утро вечера мудренее...

Офицеры допили бутылку, завершили ужин и отправились спать в кабины грузовиков. Эдик долго мостился в неудобной машине: раскинул матрас, набросал сверху бушлаты, устроился слегка скрючившись. Шуму было удобнее, в его «МАЗе» позади сиденья водителя было спальное место, просторный лежак...

Утром приехал специалист, наладил компьютер, и очередь сдвинулась с места. Однако худшие опасения оправдались. Уговорить, уломать чиновников пропустить в виде исключения без денег или хотя бы за пятьдесят марок не удалось. Закон есть закон! Офицер ткнул пальцем в циркуляр, где были прописаны тарифы. Увы, отдай денежки и проезжай, нет марок – свободен!

– Я вот брошу грузовик посреди дороги и уйду! – пригрозил немцу Василий.

– И сядешь в тюрьму, – ответил говорящий на хорошем русском языке немецкий чиновник.

– За что? – изумился Шум.

– За нарушение экологии. За брошенный на дороге мусор.

– Какой мусор? – не понял Вася. – Мы не сорили, мы поужинали и за собой убрали.

– Ваша неисправная машина и есть мусор! – ухмыльнулся немец. – Выпишу штраф в тысячу марок...

«Вот так попали, вот так влипли!» – расстроился Эдик. – «Даже собственную машину просто так не бросишь...»

Может быть, действительно поехать в Чехию? Но один из водителей в толпе поведал, что вернулся от чешской границы, там проезд временно закрыт, а значит, отпал последний вариант. Приятели

уныло ползели к «МАЗу». Ситуация складывалась во всех отношениях неблагоприятная.

– Тут грузовик бросать нельзя. Что делаем? – спросил Василий. – Генерируй идеи, начальник! Ты же мозг...

Эдик и так напряженно думал, без подсказки, а что придумать, когда сами создали безвыходное положение?! И тут Громобоеву пришла идея.

– Знаешь, Вася, не обязательно перегружаться вблизи КПП. Мы не станем бросать «ИФУ» прямо тут, но, ни кто не может нам запретить отъехать в подальше сторону, в ближайший лес...

Сказано – сделано. Василий завёл свой самосвал, развернулся, а «ИФА» заводиться вновь не пожелала – опять что-то отказало. Пришлось подгонять поближе «МАЗ», от него «прикуривать», и лишь потом приятели поехали искать укромное место.

Ближайший лес они нашли километрах в пяти от границы, свернули на просёлок, въехали поглубже, остановились. Подавив несколько берёзок и ёлочек, Шум умудрился развернуться, и сдать задом поближе к кунгу. Эдик включил подъемник, опустил заднюю грузовую аппарель на уровень кузова самосвала и приятели занялись перегрузкой барахла. Предстояло как можно быстрее перенести запчасти, вещи и снять как можно больше запчастей со старенького «Жигулёнка».

Как назло, в этот момент мимо них по обочине протиснулся старенький «Трабант». Немец подозрительно посмотрел на русских, ничего не сказал, дал газу и скрылся за поворотом. Офицеры едва успели перенести вещи, «прихватизированную» из части большую маскировочную сеть, перекинуть аккумуляторы, как услышали вой сирены. Они даже не подумали ничего такого и не насторожились, но через минуту возле них уже притормозил микроавтобус защитного цвета. Из машины вышло четверо вооружённых пистолетами полицейских, которые разделились попарно. Немцы как в плохом детективном фильме выхватили оружие и направили его на русских.

– Вот влип! Наверняка тот проезжавший старый хрен нас заложил! – прошипел Эдик. – Если что мы сломались, ремонтируемся...

Главный полицейский судя по знакам различия строго спросил, в чём дело, почему два грузовика стоят в пограничной зоне в заповеднике.

– Лесничий доложил, что здесь, похоже, орудует русская мафия! Быстро предъявите документы на машины! – потребовал старший. – Угнали? Украли?

– Да, нет, у нас всё в порядке. Мы не смогли доехать до границы, ремонтируемся, – начал оправдываться Эдик под дулом пистолета и пристальным взглядом полицейского. – Могу принести и показать документы?

– Даже нужно! – сказал пожилой полицейский, который довольно сносно объяснялся по-русски.

Полицейский, который пошёл следом за Эдиком был заметно напряжён, и следил за каждым движением подозрительного русского.

Громобоев спокойно влез в кабину. Главное, чтобы тщательно не обыскивали, а то найдут пневматический пистолет, топорик, газовый баллончик, объясняясь потом с ними в участке...

Эдик протянул пачку документов, за эти бумаги он был спокоен. Главный среди полицейских рассмотрел ксерокопии, покрутил, повертел, похмыкал, но фальшивки не показались ему подозрительными. Потом немец спросил они кто такие.

– Я капитан, он старший лейтенант. Уезжаем домой! Полк расформирован.

– Совсем уезжаете? – поинтересовался немец.

– Насовсем... – подтвердил Эдик.

– Точно не задумали скрыться и нелегально остаться в Германии?

– Нет, что вы, честное слово машина не заводится.

Эдик говорил правду и был спокоен на этот счёт, при всём желании «ИФА» не оживёт. Он протянул ключи зажигания молодому полицейскому, тот сел в кабину, попробовал завести, грузовик даже не фыркнул, и не чихнул.

– Плохо! Зачем покупать неисправную машину? – удивился немец. – Непорядок! Оштрафовать бы вас надо...

– Мы сломались в пути, – начал оправдываться Эдуард. – Был сильный ливень и проводка замкнула.

Немец слегка порывлся в кабине, не нашёл ничего подозрительно, взялся проверять документы Василия. У того тоже был полный порядок, по крайней мере на внешний вид. Немцы заметно успокоились, вроде бы перед ними действительно офицеры и никакая не русская мафия.

– Сколько будите ремонтироватьсь?

– Часа два... – ответил Громобоев.

– Даю вам час! Потом приеду и проверю. Не успеете – арестую, а машину отгоню на штрафную стоянку!

Немцы спрятали оружие в кобуры, сели в микроавтобус и уехали.

Времени было в обрез. Приятели стали торопливо перегружать лишь то, что лежало доступно. «Жигули» разбирать не стали, ведь до приезда полиции с повторной проверкой, надо было успеть пересечь границу! Уложились, упаковались, зачехлили брезентом кузов и поспешили к КПП.

К тому моменту, когда они вернулись, очередь уже рассосалась, и перед воротами стояло всего пара машин. Пока Василий оплачивал сбор, оформлял документы, Громобоев с тревогой поглядывал в зеркало заднего обзора, с тревогой ожидая полицейской погони. Повезло! Всё формальности совершили за десять минут, немец-пограничник дал разрешение на выезд и они тронулись. Эдик приветливо помахал немцу на прощание. Пограничник вяло махнул в ответ. Эх! Прощай Германия!..

Дальнейшее путешествие для Громобоева продолжалось беззаботно и весело. Он откупорил упаковку с пивом, отхлебнул хороший глоток, развернул карту и начал работать штурманом. Конечно же, грузовик было жалко, но слишком уж был велик риск разбиться, или попасть в аварию на неисправной машине. Тем более без прав! Да к тому же сам Эдик в накладе не остался, приобрёл неплохую легковушку.

Дальнейшие события подтвердили его опасения. Громобоев весь день возлежал в спальнике позади водителя, травил байки и анекдоты, взбадривая Василия, чтобы тот не задремал за рулём, время от времени, когда подъезжали к развилкам дорог или приближались к городам, подсказывал маршрут. Ближе к вечеру они въехали в пригород большого города, и тут Шум проскочил знак ограничения скорости, а когда начал притормаживать, то увидел в ближайших кустах полицейскую машину с радаром и двух самодовольных поляков.

– Твою же мать! – громко выругался он, притормаживая, и съезжая на обочину. – Чёрт их подери!

– И как ты не заметил знак! – Посетовал Эдик. – Я же предупреждал!

– Ну не заметил и всё тут! Устал!

– Ладно, Шум, не шуми, – соорил каламбур Громобоев. – Надеюсь, водкой откупимся.

В запасе у офицеров было четыре бутылки «Смирновки», столько же бренди «Наполеон», несколько разных ликёров, ящик пива, несколько пачек презервативов с голыми девицами. Это было приобретено

для подарков, домой, но мало ли что случается в пути! На взятки – должно было хватить...

Самодовольно улыбаясь и помахивая дубинками, полицейские неторопливо приближались к кабине «МАЗа», предчувствуя поживу с русских офицеров.

– Добжий дзэнь, пан! – произнёс один из них повыше ростом. – Права, техпаспорт, страховку, паспорта...

– И выйти из машины! – потребовал второй, толстяк пониже ростом. – Обыск кабины и кузова на предмет оружия, наркотиков, контрабанды! Вы ведь явно везёте контрабанду? Водка? Сигареты?

– Мы не курим и не пьём, мы здоровыми помрём, – попытался пошутить Эдик, но наткнулся на откровенную неприязнь в глазах этих полицейских пшек.

– Главное не умереть очень молодыми! Поэтому стойте и не трепыхайтесь! – Полицейский выразительно и недвусмысленно похлопал по кобуре с пистолетом на поясе и полез в кабину.

В этот момент длинный махнул жезлом, и попытавшаяся промчаться мимо них на приличной скорости потрёпанная жизнью «БМВ», начала тормозить. Водитель тоже видимо не сразу заметил полицию, поэтому и гнал на всех парах. Автомобиль заскрипел тормозами и остановился впереди метрах в пятидесяти.

– Яецк! То тоже русский, пся крев! – воскликнул длинный полицейский и позвал из кабины толстяка-напарника (судя по нашивкам, длинный был главнее). Старший что-то пробурчал, очевидно, подчинённого послал проверить машину. Эдик заметил номера, они были, как и у них немецкие, и за рулём явно находился такой же офицер или прапорщик, возвращающийся домой.

Толстяк с явным неудовольствием выбрался из кабины, спрыгнул на землю и побрёл к легковушке. А длинный продолжил изучение пачки документов, изучил техпаспорт, купчую и перешёл к водительским правам. Первым делом он посмотрел категорию, с этим к счастью был полный порядок, у Шума была открыта категория на управление грузовиком.

«Вот бы я тут и влип», – понял Эдик и снова порадовался тому, что остался безлошадным.

– Итак, что везем незаконного? Какая контрабанда? – повторил вопрос полицейский.

Громобоев начал размышлять, сколько ему отдать спиртного, чтобы отвязался без штрафа: две бутылки водки или две бренди, как вдруг

возле легковушки завязалась яростная потасовка. Наглый толстяк ткнул дубинкой водителя в живот, тот врезал ему в ответ в челюсть, и сбил с ног. Этот парень в «БМВ» был не промах. Полицейский лёжа отмахивался дубинкой, попытался достать пистолет, но получил удар ногой в пах и взвыл. Длинный швырнул документы Шума на землю и побежал к напарнику выхватив на бегу оружие. Владелец «БМВ» прекратил пинать толстяка, сделал шаг ко второму, но тот направил на него пистолет и выстрелил в воздух, чуть выше головы. Водитель сразу поднял руки, лежавший на асфальте толстяк, сделал подсечку, сбил нарушителя с ног и полицейские принялись избивать этого крепкого парня.

– Что делать? – прошептал Василий. – Попытаемся помочь?

– А как? Задавим их «МАЗом», – вопросом на вопрос ответил Эдик. – С голыми руками на пистолеты? Пристрелят, или сядем в тюрьму вместе с ним как соучастники. Давай лучше дадим показания в суде, что они его били, но останемся живыми...

Полицейские рассудили иначе, им-то как раз свидетели были не нужны. Длинный замахал рукой, потребовал уезжать. Василий поднял документы с дороги, завёл грузовик и притормозил возле легковой машины.

– Я же сказал – пошли вон! Убирайтесь! – заорал полицейский. Толстяк уже успел надеть наручники на сопротивляющегося здоровяка-водителя, продолжая дубасить по почкам.

– Русская свинья! Оккупант! – визжал взбешённый толстяк. – Ты мне дорого заплатишь за разбитый нос!

Длинный угрожающе наставил на кабину «МАЗа» пистолет и вновь махнул рукой.

– Проезжайте! Быстрее!

Когда они проехали шокированные и в глубоком молчании несколько километров, Василий смог наконец произнести:

– Слушай, а если бы мы ему помогли? Трое против двоих... Как ты думаешь? Вроде как предали своего...

– Не знаю, самого гложет, но думаю, они бы нас просто постреляли и объявили русской мафиозной бандой.

Тяжело вздыхая, Вася продолжал крутить баранку.

– Стоп! Тормози, – велел ему Эдуард, как только они миновали этот негостеприимный город. – Съезжай в сторону, в посадки: выпьем, перекусим, снимем стресс...

– Тебе хорошо, а я за рулём...

– Сделаем привал, поспим, всё одно без остановки не доедем до границы. Сейчас ты на взводе, слишком нервничаешь, тебе нужна разрядка!

На ближайшей живописной полянке Громобоев расстелил газету, разложил закуску, открыл бутылку «Смирновки» и разлил порции по железным кружкам. Бывшим сослуживцам было немного не по себе, неловко, пальцы, державшие кружки слегка подрагивали.

– За того парня! Чтобы он выкрутился из передраги..., – произнёс Шум.

– За его и нашу удачу! Чтоб миновать бандитов в форме и без формы! До дна!

Допив бутылку водки, товарищи сразу легли спать. Говорить не хотелось, на душе было погано, гадко и неприятно. Долго ворочались, Василий в спальнике, а Громобоев на матрасе поперёк сидений, но всё же алкоголь и усталость взяли своё – заснули. Рано утром, с первыми лучами солнца Шум начал ворочаться и окликнул Эдика.

– Командир, ну, что поехали?

– Я всегда готов, не мне ведь баранку крутить...

Ополоснулись водой из канистры, и поспешили к границе, до которой было уже рукой подать. Василий рулил, Громобоев опять изредка подсказывал маршрут, но больше молчал. Он напряжённо думал о дальнейшей жизни и службе. Служить и терпеть разные унижения в этой армии больше не хотелось. Да и жить в голодной России, в которой практически два года отсутствовал, было страшновато. Опять терпеть лишения и стойко переносить бытовые тяготы? Дурные думы лезли в голову вереницей...

К польско-белорусской границе доехали к вечеру и без приключений, повезло, видимо свой лимит неприятностей они уже исчерпали. Сразу за белорусским КПП их ждали родственники: Шумашурин, а Эдика отец. Подставили доски к борту, спустили «Жигулёнка» на родную землю, на которую эта машина вернулась спустя десять лет. Сослуживцы тепло попрощались, обменялись адресами. Теперь им предстояло служить в разных армиях (если только для них найдутся вакансии): одному в белорусской, другому в российской. Главное дело, чтобы не пришлось воевать друг против друга как солдатам бывшей единой Югославии. А то взбредет кому-то в голову, что Могилёв русский город, как и Севастополь, как Крым. И пойдёт брат на брата...

Шум с родственником сели в «МАЗ», посигналили и уехали, а Эдик снова вручил ключи отцу.

– Тебе гнать машину, дарю! А мне надо опять в Брест.

– Что ты удумал? Зачем тебе Брест? – удивился отец.

– Сяду в поезд но пока не решил в какую сторону.

– Вот чудак-человек! – сокрушался отец, давя на газ. – Я же вина наделал, чачи нагнал, арбузов полный подвал наполнил, мясо приготвил, шашлык собрался сварганить...

– В другой раз, батя, в другой раз.

Отец недоумённо покачал головой.

– Что-то ты странное задумал... а поговорить не хочешь?

– Нет! Прощай...

Эдик выбрался из машины, забрал из багажника чемодан и пошёл в сторону уже знакомой прежде автобусной остановки.

Эпилог

Один мой приятель-капитан, сослуживец по далёкому гарнизону в Туркестане, позже провоевавший два года в Афганистане и получивший там два ордена и медаль за мужество и в придачу к ним ранения и инвалидность оказался перед подобной дилеммой. После возвращения с войны он попал послужить в сытую Германию. Из-за проблем со здоровьем семьёй он так и не обзавёлся, ничего его с новой Родиной – Россией особо не связывало, так вот он так и вернулся домой после расформирования полка. Собрал немногочисленные вещи, сел в поезд, но не на восток, а на запад, попросил убежища, даже не знаю, как он всё это мотивировал.

Приняли, дали социал – пенсию по инвалидности, хотя инвалидом он стал на чужой для Германии войне! Власти выделили жильё, оплачивают коммунальные услуги, назначили скромное пособие, которого в принципе хватает на жизнь, однако и работать нельзя, иначе лишат пенсии. Так на пособие и живёт двадцать лет. Существует? По крайней мере, этот инвалид войны не бедствует. Можно это назвать жизнью? А почему нет? Скучает по Родине? Скучает, мучается, но видимо его всё устраивает...

Глава последняя. Или возможно первая...

Конечно же, ни в какой Германии наш герой не остался, совесть офицера не позволила. Приехал, а страны не узнать! Советский Союз уже распался, на его месте образовалось пятнадцать новых государств. Во многих бывших республиках было неспокойно, пахло порохом, а Кавказ уже всю «пылал».

Итак, Эдуард возвратился уже в совсем другое государство, с иной политической и экономической системой, и находящемся на крутом переломе. На улицах и площадях митинги и демонстрации протеста, массовые забастовки и голодовки, жульничество, воровство, бандитизм, экономический хаос.

Когда Громобоев прибыл в штаб военного округа с командировочным предписанием, оказалось ему были не рады и не ждали. Выходит, ему действительно стоило дезертировать? Политуправления не было, но вместо него теперь существовала другая структура – Управление по работе с личным составом. В принципе это новое учреждение ничем от прежней конторы не отличалась, да и люди в кабинетах сидели почти все те же. Выходило так, что произошла лишь смена вывески.

Возглавлял отдел кадров знакомый по высылке Громобоева в Германию полковник Сергей Сергеевич. Значит, реформирование структуры ему пошло лишь на пользу: Сергей Сергеевич вырос и в звании, и должности.

– О! Громобоев! Что-то вы рано вернулись, – усмехнулся кадровик.

– Я не спешил, но армию расформировали, – развел руками Эдуард.

– Увы, но вакантных мест для вас в округе в настоящее время нет! – «порадовал» Громобоева полковник.

– Вообще нет должностей или для меня конкретно?

– И вообще, и конкретно для вас, – ответил полковник с плохо скрываемой ухмылкой. – Мы ваши деловые качества и политические взгляды хорошо знаем...

– Что предлагаете мне делать?

Полковник притворно улыбнулся и предложил несколько вариантов:

– Можно попробовать устроиться в налоговую полицию, сейчас туда идет набор из бывших сотрудников КГБ, милиционеров и уволенных из армии офицеров. Возьмут – тогда полиция должна будет прислать

отношение, вы сразу увольняетесь и далее служите у них. Или если хотите, можете полтора года находиться за штатом, при базе хранения на Черной речке, и не спеша искать себе место службы. Либо, по добровольному желанию, отправлю на должность старшего лейтенанта – заместителя командира роты по воспитательной работе. А можно хоть сейчас написать рапорт об увольнении из армии, никто никого теперь не держит, идёт большое сокращение армии...

Эдику хотелось крепко обматерить этого притворно-ласкового чинушу. Как всё странно оборачивается: политорганы расформированы, коммунисты от власти отстранены, в стране иная общественная и экономическая формация, а эти проигравшие бывшие политические противники, как сидели везде на командных постах, так на них и остались! Гнусность!

– Я не спешу, подожду за штатом, – решил капитан. – Время идёт, пенсия всё ближе...

– А помнится, вы вроде ещё тогда в бизнес собирались уйти? И друзей завели себе соответствующих...

– Мне не к спеху, – буркнул Эдик. – Надо осмотреться, обдумать...

Полковник нахмурился, он был явно недоволен, что ему не удалось сразу избавиться от этого смутьяна. Но ничего не попишешь, придется потерпеть.

– Хорошо, езжайте в родной гарнизон, в бывшую часть, вставайте на довольствие, и ищите варианты трудоустройства.

Громобоев так и поступил – убыл на прежнее место службы, вернее сказать, на базу хранения, которая теперь существовала вместо пулеметного полка. Начальство почти полностью сменилось, поэтому встретили с прохладцей, даже равнодушно, капитан-«заштатник» никого не интересовал. Большинство старых приятелей продолжали слушать, встретили радостно, бурно отметили возвращение «блудного сына» новым напитком – спиртом «Рояль», но впоследствии общаться с приятелями удавалось лишь изредка – служба. А у Эдика как раз наоборот – свободного времени было навалом!

Первый месяц бездельничанья пролетел незаметно, за ним второй, третий. Никто из управления кадров округа никаких должностей не предлагал, и надо было срочно что-то предпринимать самому, до выхода на льготную пенсию, следовало протянуть три года, не так уж и долго, поэтому капитан экстренно бросился на поиски нового места службы. В налоговую полицию его не взяли. Многие офицеры попытались счастья в этой организации, но, как правило, без успеха.

Предпочтение отдавалось бывшим «чекистам» и ментам. Эдик приехал на собеседование, заполнил анкету для проверки спецслужбами, но ответа так и не получил. В военкоматах и в военных училищах мест тоже не нашлось.

Тогда Громобоев попробовал попытать счастья в другом месте, через боевых друзей. Как раз в Москве проходила очередная встреча однополчан. На банкете, после третьего тоста Громобоев улучил момент, подошёл к бывшему командиру с просьбой. Генерал, Герой Советского Союза выслушал просьбу капитана и спросил с усмешкой, не поймаешь в шутку или всерьёз:

– В Таджикистан поедешь?

– Зачем? Кем? – опешил от неожиданного предложения Эдуард.

– Немного повоевать. Слышал, наверное, на днях душманы разбили погранзаставу? Предлагаю тебе поехать замкомбата манёвренного батальона прикрытия границы. Устраивает?

– Даже и не знаю, что сказать, это так неожиданно, – оторопел Эдик от столь неординарного предложения бывшего командира.

Выпили ещё по рюмке за встречу, и Герой продолжил развивать свою мысль:

– Планируется укрепить границу и 201-ю дивизию опытными, боевыми офицерами, такими как ты. Соглашайся!

– Когда я должен дать окончательный ответ? – уточнил капитан.

– Послезавтра в Питере будет работать комиссия Управления кадров, тебе позвонит мой приятель, полковник Осипенко, и вы с ним встретитесь. Хорошенько подумай, я на тебя рассчитываю...

«Так что же, мне вечно служить в этой Азии? На роду написано постоянно скитаться и воевать?» – размышлял Эдик, возвращаясь поездом в Питер. – «У меня на лбу написано – идиот? Нечего сказать, удружил Герой!»

Услышав новость, Ольга отказалась наотрез даже слушать о новой командировке на войну, расплакалась, запричитала:

– Мало того, что я два года переживала и плакала о тебе, пока ты воевал, наскучила мирная жизнь, экстрима захотел, адреналина мало? Теперь снова решил попытаться вдовую меня сделать?

– Цыц! Не скули! – рявкнул Эдуард. Получив отпор от жены, он наоборот укрепился в своём решении, – Хватит кудахтать, курица! Сказал – поеду, значит поеду! Тройной оклад платят, сейчас на одну получку в Питере не прожить – только нищенствовать! А там сразу

восстановлюсь в должности, очередное звание получу, через год-другой вернусь домой. Надо пару лет как-то дотянуть до выхода на пенсию! Ну, что ты застыла как изваяние? Помоги собраться! Где мой тревожный чемодан, вещевой мешок и полевая форма?..

Вскоре полковник Осипенко действительно позвонил в полк, уточнил, готов ли капитан Громобоев ехать, и услышав положительный ответ, отдал необходимые распоряжения. Командование базы, получив приказ из самого Министерства обороны, засуетилось, в строевой части и в службах за пару часов экстренно оформили документы, дали полный денежный расчёт и выписали предписание. Теперь можно было отправляться в дальний путь.

И по дороге в аэропорт, и в самолёте капитан Громобоев долго размышлял о превратностях своей судьбы и рассуждал, верно ли он поступил в очередной раз подвергая себя большому риску и ввязываясь в очередную авантюру?

«Не самое главное уехать на войну, главное вернуться с неё живым...» – размышлял Эдуард, прихлёбывая коньяк из фляжки, и отгоняя дурные мысли. – «Ерунда, все будет в порядке!»

Сегодня он вновь перелистывал очередную страницу своей жизни...

О дилогии «Прощай, Германия»

Николай Прокудин – по преимуществу, военный писатель. И главные книги его написаны о войне. Участник боев в Афганистане, политрук батальона, он долго оставался верен теме «Неизвестной войны», сведения о которой доходили до центральной России почти только «грузом 200». Его трилогию «Постарайся вернуться живым!» («Романтик», «Звездопад», «Конвейер смерти») вряд ли сыщешь сегодня на прилавках книжных магазинов. Он принадлежит к офицерскому братству «Афгана» и пишет о войне и об армии без сантиментов: сурово и насмешливо, как умные люди склонны говорить только о самих себе или о чем-то близком. Это – интонация «окопной правды», которая отличала «лейтенантскую прозу» Великой Отечественной...

Бойцы стоят над мертвым афганцем, который только что обстреливал их и мог поубивать их всех.

«Старшина стоял рядом, трясся всем телом, цокал языком и бормотал что-то невнятное. Затем чуть успокоившись, снял каску с головы и вытер пот со лба.

– Я не знал! – воскликнул Рамзан громко. – Стрельнул – он упал!

– Что ты не знал? – спросил командир роты.

– Не видел, что это малчик!

– Малчик! Сапсэм малчик!

– Не убей ты его, тогда бы он убил Эдуарда!» – Сцена почти в начале книги. Эдуард Громобоев – главный герой книги.

«Войну нельзя полюбить, это неправильно и аморально, но к ней можно привыкнуть». Однако... «Сколько бы ни шла война с любой войны солдаты всегда рано или поздно возвращаются домой, по крайней мере, те, кто остался в живых...» И у них начинаются новые проблемы. Эта книга уже о «настоящем конце большой войны» – о конце 80-х, о распаде Союза, о выводе войск из Германии, о надеждах и о крушении многих надежд... Но это – с точки зрения исторических событий, которых касается книга: два романа, связанные одним героем. А главное в книге – тема: «Эх, тяжело быть правдолюбом».

Эдуард Громобоев, Эдик, судьбой во многом напоминает автора. «Так вот, повторюсь, рассказываю вам, чистейшую правду, хотя события

могут показаться неправдоподобными и невероятными», – так уверяет нас автор, и у нас есть все основания верить ему. Роман автобиографичен несомненно, и автор не склонен это скрывать.

«Карьеристом Громобоев был неважным, так уж вышло, нынешний бурный рост – это череда нелепых служебных случайностей, а также военная доблесть и ранения. Но иногда даже в выверенном механизме такое случается, проскакивает сорное семечко сквозь мелкое сито.

– Товарищ генерал! Вернее, товарищ коммунист Никулин! Вот вы в своем выступлении обронили...

– Я ничего не ронял! – сказал, как отрезал, генерал.

– Э-э-э... Обмолвились... что аппарат политуправления не знал как провести демократическим путем выборы на партийную конференцию. Это удивительно и даже странно слышать, нам, рядовым коммунистам. Не знали... тогда, спросили бы у нас, у низов, мы бы, может, подсказали, как!..»

С этого эпизода пошло крушение карьеры «заслуженного афганца» Громобоева. Генерал начинает преследовать его. «Выручило эхо войны – догнал третий орден „Красной звезды“, который свалился, как снег на голову. В канун празднования Дня Советской Армии и Военно-Морского Флота СССР из управления кадров сообщили о награде и велели вручить в торжественной обстановке, пригласить школьников и армейскую прессу».

В итоге всех перипетий, вместо увольнения из армии, герой появляется в Германии, в Советской группе войск, которая заканчивает свое пребывание здесь в связи с крушением ГДР и Берлинской стены. «Ссылка в Германию». Эта «ссылка» становится для героя еще одним испытанием на прочность. Ибо он вдруг оказывается среди людей, заболевших почти неправдоподобной жаждой наживы: страстью, долгое время плохо обеспеченных, и в общем, неплохих людей что-то наверстать, откусить свой кусок, прихватить, припрятать, для себя... Жадной, которая вскоре, пусть на время, охватит почти всю страну. И тут начинает проступать почти главный мотив всей диалогии: нужно остаться самим собой – даже среди всеобщего хаоса и безумья!

Срочный вывод, похожий на отступление, почти в беспорядке – армии, которая не проиграла бой – какими бы важными или благородными причинами это отступление ни объяснялось, выглядит все равно трагично в книге. И написано автором как трагедия. «Громобоев вылез из „Урала“ и увидел сюрреалистическую картину: тягач втягивал на платформу следом за собой стянутый с полкового постамент

„Т-34“. У „памятника“ были заварены сваркой катки и траки, поэтому он не двигался, а полз и бороздил гравий и бетон, словно цеплялся за последний плацдарм и не желал покидать Германию, завоёванную им в далёком прошлом...»

В итоге «мятежный капитан» Громобоев во время командировки вдруг оказывается в Москве (куда рванулся из Уссурийска)... среди защитников Белого дома. Но и после «победы демократии» отношение к нему в военной среде остается тем же самым... «Вот прислал Бог подарок из Афгана! Нахал! Осмелели там на войне!» (Про этих «осмелевших на войне» после 45-го, помнится, тоже говорили!)

«Понемногу увлёкся и добрался до финала, – рассуждает автор. – Приехал, а страны не узнать! Советский Союз уже распался, на его месте образовалось пятнадцать новых государств. Во многих бывших республиках было неспокойно, пахло порохом, а Кавказ уже вовсю „пылал“... А как быть дальше? Что делать моему герою? Вернуться назад в сытую и спокойную Германию? Скрыться на её просторах, как это сделали сотни офицеров, прапорщиков и их семей? Конечно же, ни в какой Германии наш герой не остался, совесть офицера не позволила».

Осталось принять командировку на очередную войну. В Таджикистан. На границе с тем самым Афганистаном, из которого он не так давно вернулся... Он и принимает этот вызов времени. Сколько еще войн выпадет на его долю?..

В дилогии Прокудина много юмора – хоть юмор этот не то, что грустный – невесёлый. Много открытой иронии над собой, над окружающими и вообще – над миром. В ней есть живая человеческая судьба, судьба Солдата Отечества, много ярких эпизодов и много любви к этим людям в военной форме. Хоть некоторых из них автор корит, а иных – ох, как не одобряет! Что ж!.. Он – военный писатель, и мог бы повторить вместе с Толстым: «Герой же моей повести, которого я люблю всеми силами души... и которого хотел воспроизвести во всей красоте его... – правда». Писатель верен этой мудрости – такой простой и такой сложной в осуществлении.

Книга Прокудина – непростая книга. Но одно точно можно сказать про нее: она будет читаться!

Санкт-Петербург

*Борис Голлер, прозаик, драматург,
член Союза российских писателей
и Союза писателей Санкт-Петербурга*

Содержание

КНИГА ПЕРВАЯ. МЯТЕЖНЫЙ КАПИТАН

Пролог.....	7
Глава 1. Прощание с войной.....	9
Глава 2. Возвращение.....	24
Глава 3. Тяжело в деревне без нагана.....	32
Глава 4. Личный враг генерала.....	47
Глава 5. Сумасшедший Новый Год.....	67
Глава 6. Острый национальный вопрос.....	82
Глава 7. Конференция ветеранов войны.....	96
Глава 8. Психушка.....	111
Глава 9. Увлечение политикой.....	125
Глава 10. Съезд народного фронта.....	138
Глава 11. Свадьба Афони.....	146
Глава 12. Талон на TV.....	163
Глава 13. Ненужные учения.....	178
Глава 14. Все на демократические выборы!.....	192
Глава 15. Кооператоры.....	203
Глава 16. Политическое фиаско.....	214
Глава 17. Расправа в Политуправе.....	227
Глава 18. Предложение, от которого невозможно отказаться... ..	238

КНИГА ВТОРАЯ. ССЫЛКА В ГЕРМАНИЮ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. НА РОДИНЕ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ

Глава 1. Граница, как и прежде – на замке.....	251
Глава 2. В Европе.....	262
Глава 3. На родине императрицы Екатерины.....	269
Глава 4. Знакомство с городом.....	289
Глава 5. Старинное кладбище.....	296

Глава 6. Экономическое объединение.....	299
Глава 7. Украденный орден.....	306
Глава 8. Единая и неделимая Германия.....	312
Глава 9. Встреча с циничным командующим.....	317
Глава 10. Танки едут домой.....	325
Глава 11. Приятная неожиданность, похожая на чудо.....	333
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ПРОЩАЙ ГЕРМАНИЯ?..	
Глава 1. Притча о неудавшейся немецко-украинской дружбе.....	344
Глава 2. Никто не хотел возвращаться домой.....	350
Глава 3. Служба на передовых рубежах продолжается.....	356
Глава 4. Невольные безбилетники.....	369
Глава 5. Травма.....	377
Глава 6. Госпиталь.....	384
Глава 7. Отпуск при части.....	393
Глава 8. Эвакуация неблагонадёжных.....	401
Глава 9. ГКЧП.....	406
Глава 10. Защитник Белого дома.....	410
Глава 11. Победа.....	419
Глава 12. Реванш проигравших.....	425
Глава 13. Понижение в должности.....	437
Глава 14. «Хозяин» компьютерного класса.....	446
Глава 15. Перегон первой машины.....	452
Глава 16. Тяжёлое возвращение в гарнизон.....	457
Глава 17. Прощание с полком.....	464
Глава 18. Оргия.....	470
Глава 19. Старый грузовик.....	478
Глава 20. Встречи с полицией.....	484
Эпилог.....	494
Глава последняя. Или возможно первая.....	495
БОРИС ГОЛЛЕР. О ДИЛОГИИ «ПРОЩАЙ, ГЕРМАНИЯ».....	499

Прокудин Николай Николаевич

Прощай, Германия:

роман-диалогия

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*

Дизайн обложки *И. Н. Граве*

Оригинал-макет *Ю. А. Корневская*

Корректор *Д. А. Потапова*

Санкт-Петербургская общественная организация
«Союз писателей Санкт-Петербурга»

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя»,

192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.

Тел./факс: (812) 560-89-47

Редакция издательства «Алетейя»:

СПб, 9-ая Советская, д. 4, офис 304,

тел. (812) 577-48-72, aletheia92@mail.ru

Отдел продаж:

letpro@yandex.ru, тел. (921) 951-98-99

www.aletheia.spb.ru

*Книги издательства «Алетейя» в Москве
можно приобрести в следующих магазинах:*

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru

Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83

Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2.

Тел. (495) 915-27-97

Магазин «Фаланстер», Малый Гнездниковский пер., 12/27.

Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21

Магазин «Циолковский», ул. Большая Молчановка, 18.

Тел. (495) 691-51-16

Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 60x88¹/₆. Усл. печ. л. 31. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Заказ № 440/2013.

Отпечатано в типографии ООО «Компания Новые Передовые Технологии»

197349, Санкт-Петербург, пр. Королева д. 26, лит. А, пом 6-Н

